

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Г А Й Д А Федор Александрович

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В РОССИИ
В ПЕРИОД КРИЗИСА ТРЕТЬЕЙ ЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ:
ДИАЛОГ О ПУТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
(1910 – 1917 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
д.и.н., профессор Л.Г. Захарова

Москва – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Историография проблемы. Источники по теме исследования	21
1.1. Историографическая традиция	21
1.2. Источники	36
Глава 2. Политическая ситуация в конце 1910 – середине 1911 гг.: рамки и возможности Третьеиюньской системы	49
2.1. Политические основания и перспективы развития Третьеиюньской системы	49
2.2. Правительство, Дума и страна: проблемы взаимодействия на рубеже 1910–1911 гг.	95
2.3. Конституционный кризис	134
2.4. Перспективы системы: полемика в свете конституционного кризиса	163
Глава 3. Политический курс Коковцова: концепция «примирения» и столыпинское наследие (сентябрь 1911 – декабрь 1912 гг.)	188
3.1. Попытки ревизии правительственного курса и думского большинства	188
3.2. Предвыборные стратегии: октябристы уходят в оппозицию ...	220
3.3. Думские выборы: всеобщее поражение	253
3.4. Новая Дума и Совет министров: дефрагментация	277
Глава 4. Формирование альтернативных концепций политического курса (декабрь 1912 – январь 1914 гг.)	307
4.1. Н.А. Маклаков и новая расстановка сил в правительстве и	

парламенте	307
4.2. Борьба по принципиальным вопросам: парламент, печать, местное самоуправление	340
4.3. Программа А.В. Кривошеина	382
4.4. Внутриправительственный кризис и разложение Думы	412
Глава 5. Поиски возможностей взаимодействия правительства и общественности в условиях политического лабиринта (январь 1914 – июнь 1915 гг.)	439
5.1. «Новый курс»: от политического администрирования к политическому лабиринту	439
5.2. Либералы и «революционный кризис»: оппозиция на распутье	474
5.3. «Священное единение»: попытка соглашения на патриотической платформе	506
5.4. «Патриотическая тревога»: реанимирование оппозиции	534
Глава 6. Власть и общественность в отсутствие конструктивных стратегий (июль 1915 – февраль 1917 гг.)	561
6.1. Правительство и парламентское большинство: сделка при неизвестных условиях	561
6.2. Правительство и общественность в условиях «холодного мира»: борьба за политическую инициативу	599
6.3. Накануне революции: между политическим сговором и политической войной	640
Заключение	688
Список использованных источников и литературы	702
Список сокращений	756

ВВЕДЕНИЕ

Научная значимость и актуальность темы. Россия начала XX века переживала бурные социально-экономические изменения, которые превосходили по своим масштабам любые подобные явления ее предшествующей истории. Это не могло не вызвать в стране обострения внутренних противоречий, а они, в свою очередь, провоцировали политический кризис. Вопрос о пути и перспективах политического развития становился в такой ситуации не просто стратегически важным, он уже был для России первоочередным. В обсуждении этого вопроса так или иначе участвовали все субъекты политического развития (государственные, политические и общественные деятели, правительственные учреждения, партии и фракции, общественные организации и кружки). Исходя из понимания того, в каком направлении развивается и должна развиваться Россия, различные политические силы формулировали свои политические лозунги, предпринимали те или иные действия, оценивали друг друга, вступали в долгосрочные и кратковременные соглашения либо уклонялись от них, просчитывали последствия своих поступков. В конечном счете, из этого выстраивался и общий ход политических событий в последние годы дореволюционной России.

Нельзя не отметить того факта, что основные участники этого диалога потерпели в конечном счете в начале XX века политическое поражение: страна пошла не теми путями, которые были для них желательны, а во главе процесса встали те, кто в данном диалоге оставался на обочине. Однако констатация этого факта не должна породить нигилистического отношения к самому диалогу – хотя бы потому, что его темы (взаимодействие власти и общественности, политическое значение всероссийского и местного

представительства, проблема политических свобод), а зачастую и порожденные им ответы на вопросы не потеряли своего значения и поныне. В современных условиях, когда развитие технологий, в том числе информационных, происходит с возрастающей скоростью, вопрос о характере и рамках политической либерализации и ее связи с устойчивостью политической системы, стоит всё острее. Более актуальной становится проблема роли государственной власти в политическом развитии общества, способности общества к саморегулированию в данном процессе, рамок и механизмов подобного саморегулирования.

Объектом исследования являются представители государственной власти и общественности. Под представителями государственной власти понимаются, в первую очередь, *высшая бюрократия*¹, а также император Николай II. Представители придворных или военных кругов имеют для данной работы значение лишь в том случае, если они оказывали непосредственное влияние на монарха или высшую бюрократию. Под *общественностью*² понимаются представители цензового образованного общества. Цензовое общество было представлено в законодательных палатах и всероссийских организациях местного самоуправления (земские съезды, Земгор), печати и политических партиях. Для цензовой общественности были характерны либеральные и консервативные политические взгляды, но грань между ними была весьма условной. Социалистическая общественность, практически не имевшая цензового характера и занимавшая в рамках

---

¹ Выдающийся отечественный исследователь российского чиновничества XIX в. П.А. Зайончковский ограничивал круг «высшей бюрократии», причастной к принятию важнейших решений по управлению государством, членами Государственного совета, Комитета министров, сенаторами, товарищами министров, директорами департаментов и главных управлений, а также послами и посланниками (Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 4). В начале XX столетия этот круг практически не изменился: Государственный совет в 1906 г. пополнился выборными представителями общественности, а министры перестали быть его обязательными членами.

² Правомерность использования понятий «общественность» и «образованная общественность» применительно к истории России II половины XIX – начала XX вв. рассматривается в статье Л. Хефнера (Хефнер Л. В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861–1914 гг. Результаты международного исследования и методологические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. редакторы Б. Пиетроф-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 35–60).

политического диалога маргинальное положение, объектом изучения в настоящей работе не является.

Предмет исследования. Основная проблематика исследования предполагает рассмотрение следующих вопросов, каждый из которых логически вытекает из предыдущего:

1) Взаимодействие власти и общественности по важнейшим политическим вопросам времени: о парламентаризме, политических свободах, местном самоуправлении (в его *политическом* аспекте).

2) Выработка и сосуществование альтернативных концепций внутренней политики, происшедшие в условиях взаимодействия власти и общественности.

3) Осмысление политического настоящего и будущего России и Третьейименной системы.

Имея всероссийское значение, диалог в первую очередь развивался в публичном пространстве, однако для его всестороннего рассмотрения также необходимо обращение к политическим материалам, не предназначавшимся к оглашению.

Менее важные для данного периода политические (связанные с судом, административной и полицейской системой, неполитическими общественными организациями и т.д.), а также широкий комплекс социально-политических (национальных, образовательного) и социально-экономических вопросов (аграрный, рабочий), вопросов экономической, военной и внешней политики затрагиваются лишь косвенно, в связи с основной проблематикой. Часть этих вопросов достаточно полно освещена в историографии, хотя многие еще ждут своих исследователей.

Понимание сути обсуждавшихся вопросов невозможно без рассмотрения конкретных перипетий политических событий обозначенного периода. Принципиальные дискуссии всегда велись по конкретным поводам. Именно поэтому в основание работы положен хронологический принцип. Рассмотрения требует политическая ситуация рубежа 1910–1911 гг.,

формирование курса Коковцова, изменение с 1912 г. политических настроений в общественной среде и обострившаяся с того же времени внутриправительственная борьба, попытки наладить сотрудничество правительства с общественностью в рамках «Нового курса» и «Священного единения», кризис этой стратегии в период парламентского блока.

Третьеиюньской системе придается тот смысл, который в нее вкладывал ее основной автор – П.А. Столыпин: это система политического взаимодействия власти с цензовой общественностью с целью преодоления и предотвращения революционного сценария развития России, налаживания ее быстрого и эффективного эволюционного развития. Борьба с революцией, при всей ее значимости, отнюдь не являлась единственной задачей Третьеиюньской системы, перед ней также формулировались задачи повышения обороноспособности и международной экономической конкурентоспособности России. Стоит отметить, что именно в рамках Третьеиюньской системы в России впервые стало возможно устойчивое и легальное существование политической оппозиции, что оказывало качественное влияние на развитие всего политического процесса.

Столыпин, как известно, не употреблял понятия «третьеиюньская система». С октября 1905 г. в бюрократических кругах в ходу было несколько не определенное название «обновленный строй». Премьер предлагал и более широкую формулировку: «строй представительный, дарованный самодержавным Монархом»³. Он также говорил о «периоде перестройки», который был связан с «брожением»⁴ и очевидно не завершился 3 июня 1907 г. В кадетских и эсеровских кругах с 3 июня предпочитали говорить о периоде «реакции». Ю.О. Цедербаум (Л. Мартов) не позднее 1908 г. начал применять понятие «режим 3-го июня»⁵, а с 1911 г. –

---

³ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К.Ф. Шаццло, сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991. С. 103. Речь 16 ноября 1907 г.

⁴ Там же. С. 50. Речь 6 марта 1907 г.

⁵ Большевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. С. 307, 313; Мартов Ю.О., Потресов А.Н. Письма 1898–1913. М., 2007. С. 286

и термин «третьеиюньская система»⁶. Мартов (по-видимому, он и был автором этого термина) понимал под ней политический союз самодержавия с «крепостным дворянством и крупной буржуазией»⁷. Именно у Мартова эти обозначения на рубеже 1911–1912 гг. позаимствовал В.И. Ульянов (Ленин)⁸, применявший также словосочетания «третьеиюньский период», «третьеиюньский режим» и «третьеиюньская монархия»⁹. Позднее они стали достоянием историографии. Лишь социал-демократы придавали «третьеиюньской системе» ярко выраженный социально-политический характер, для остальных сил третьеиюньский строй имел в первую очередь политико-юридические особенности, и прежде всего – самодержавно-парламентский дуализм. Такое понимание сохраняется и в моей работе.

Хронологически рамки исследования обусловлены периодом кризиса Третьеиюньской системы. Он начался на рубеже 1910–1911 гг., когда политическая ситуация стала развиваться уже вне непосредственной связи с Первой русской революцией (и обозначился, так называемый, общественный подъем), а сама эта система в марте 1911 г. испытала первый мощный кризис. В свою очередь, Февральская революция завершила историю Третьеиюньской системы и самодержавно-бюрократического строя в России в целом.

Территориальные границы исследования включают территорию Российской империи в ее границах на межреволюционный период.

Степень изученности проблемы. Первоначальный интерес к теме был связан с ее острым политическим звучанием, что и отразилось в мемуаристике, публицистике и научных работах вплоть до 1960-х гг. В последующее время историография внесла значительный вклад в научную разработку темы взаимоотношений власти и общественности.

---

⁶ См. цитирование статьи Мартова у В.И. Ульянова-Ленина: Ленин В.И. ПСС. Т. 21. С. 91.

⁷ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. С. 307.

⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 21. С. 40, 91, 220 и др. См. также: Т. 17. С. 409.

⁹ *Его же*, ПСС. Т. 19. С. 223, 229; Т. 20. С. 243, 325, 357, 367 и др.

В первые полвека после революции дискуссия велась о роли или «вине» различных участников (монарха и его ближайшего окружения, правительства, парламента, партий, конкретных лиц) в победе Февральской революции 1917 г. В этой связи в суждениях полностью доминировал ретроспективный подход, а сами они практически всегда имели публицистический и квазинаучный характер. Тем не менее, значение проблематики представительства, политических свобод, концепций развития вполне осознавалось, особенно в исторических работах русской эмиграции. Если для одних (П.Н. Миллюков) слабое развитие общественных возможностей было главной причиной острого политического кризиса, то для других (В.А. Маклаков, С.П. Мельгунов, Г.М. Катков) на первое место выходил сам характер общественной активности, приведший к катастрофе.

Советская историография 1960-80-х гг. вывела дискуссию на научный уровень. С одной стороны, в научный оборот был введен основной массив источников по данной теме, с другой – учитывались публицистические дискуссии предшествующего времени. В этой связи стоит отметить, что идейное влияние эмигрантской историографии (в первую очередь, П.Н. Миллюкова) на традицию изучения данной темы в СССР является несомненным. В работах В.С. Дякина и В.И. Старцева проблематика взаимоотношений власти и общественности в межреволюционный период была реабилитирована. При этом сохранялась верность оценкам, почерпнутым из ленинской публицистики, и взгляд на политическую проблематику как на второстепенную по сравнению с социально-экономической. Безусловно доминировало и представление о неизбежном кризисе самодержавия и революционном исходе. В этой связи вопросы политической мотивации, взаимного восприятия, альтернативности политического развития практически не поднимались.

Западная историография данной темы, в свою очередь, испытала не только влияние работ русских эмигрантов, но и исследований советских историков. Тем не менее, несомненным является большой вклад западных

(американских и британских) историков в изучение проблемы российской бюрократии начала XX в. Была дана оценка институциональному аспекту деятельности чиновничества, а также специфике бюрократического взгляда на политику и оппозицию. Западным авторам удалась частичная «реабилитация» российской правящей бюрократии того времени, которая традиционно характеризовалась как полностью деградировавшая.

С конца 1980-х гг. начался новый период в изучении темы отечественными исследователями. Он был связан как с активным введением в научный оборот новых источников, так и с возможностью самостоятельно избирать методологические основания своего исследования. Постепенно основное исследовательское внимание было перенесено на власть и правящую бюрократию. В работах С.В. Куликова был поднят вопрос о принципиальных политических различиях в среде власти и высшей бюрократии. К.А. Соловьев подверг анализу взаимодействие правительственной и законодательной властей и обратил внимание на проблему мировоззренческих противоречий между бюрократами и парламентариями.

Современная российская историография также внесла большой вклад в рассмотрение отдельных сюжетов политической истории России третьеиюньского периода (учреждений, партий и фракций). Биографический жанр затрагивает вопросы мировосприятия и мотивации целого ряда значимых политических деятелей эпохи.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые исследователями в деле изучения темы взаимодействия власти и общественности в третьеиюньский период, в центре внимания пока не оказались вопросы взаимного восприятия и его эволюции, мотивации при принятии текущих политических решений, а также оценки их последствий.

Цель работы – изучение диалога власти и общественности о дальнейшем пути политического развития России в период кризиса третьеиюньской системы (1910-1917).

Для достижения цели исследования предполагается решение ряда **исследовательских задач:**

- проанализировать политическую ситуацию в конце 1910 – середине 1911 гг. и дискуссию о рамках и возможностях развития Третьеиюньской системы;
- изучить политический курс В.Н. Коковцова и связь его концепции «примирения» со столыпинским политическим наследием;
- рассмотреть формирование альтернативных концепций политического курса, сформулированных в 1912-1913 гг.;
- подвергнуть анализу возможности взаимодействия правительства и общественности в условиях предвоенного политического кризиса, «Нового курса», «Священного единения» и «патриотической тревоги»;
- осветить проблему отсутствия конструктивных стратегий власти и общественности летом 1915 – феврале 1917 гг.

Источниковая база диссертации. Исследование основано на письменных источниках, составляющих следующие две группы:

- 1) принадлежащие учреждениям и организациям:
  - а) официально-документальные материалы нормативного и делопроизводственного характера,
  - б) материалы периодики;
- 2) принадлежащие отдельным лицам:
  - а) публицистика,
  - б) переписка,
  - в) дневники,
  - г) мемуары.

Несмотря на то, что на данное время в научный оборот введена значительная часть источников (этот процесс непрерывно продолжается уже 40 лет), ряд крайне важных для темы материалов в сформулированных нами аспектах является недостаточно изученным. Это, в первую очередь,

официальная документация правительства, иных государственных учреждений и партий, периодика, публицистика, переписка.

Методология исследования. В своем исследовании автор руководствовался такими общезначимыми для исторической науки принципами, как историзм и академизм. Принцип историзма предполагает рассмотрение событий в их целостности и последовательности, обнаружение их внутренней, а не навязываемой извне логики и динамики. В то же время любые формы исторического детерминизма (гегелевский историцизм, марксистский исторический материализм, постмодернистская интертекстуальность и их многочисленные вариации и модификации) не позволяют найти подходы к изучению поставленной проблемы, они лишены представления о подлинной уникальности человеческой личности. По представлению автора диссертации, наиболее адекватно общие философские принципы и задачи исторического исследования были сформулированы М. Хайдеггером в его фундаментальном труде «Бытие и время». Становление этого выдающегося мыслителя пришлось на исследуемую в книге эпоху. Историография, по мысли философа, призвана адекватно реконструировать ситуацию, в которой каждый человек реализует свой человеческий потенциал, собственно и становится человеком¹⁰. Близки взглядам Хайдеггера и идеи его современника М.М. Бахтина, выраженные в очерке «К философии поступка»¹¹. В исследовании была также использована теория диалога, выработанная Бахтиным для решения литературоведческих проблем, но вполне применимая и для исторического исследования. Она предполагает реконструкцию «внутренней правды» участников исследуемого события, их «диалога», понимаемого в широком смысле этого слова (взаимодействия, становящегося смыслом события)¹².

---

¹⁰ Хайдеггер М. *Время и бытие*. / Статьи и выступления. Пер. и предисл. В.В. Бибихина. М., 1993. С. 367–397.

¹¹ Бахтин М.М. <К философии поступка> // *Собрание сочинений*. Т. 1. М., 2003. С. 7–68.

¹² *Его же*, Проблемы творчества Достоевского // Там же. Т. 2. М., 2000. С. 5–175.

Как нет идеи без формы и природы без конкретного воплощения, так невозможна история общего без предваряющей ее истории конкретного. Ссылки на классовые или персональные инстинкты вряд ли смогут дать нам ответ на наиболее важные вопросы, связанные с политической историей России предреволюционного времени. Разрешение проблем мировоззрения, мотивации, механизма выработки решений представляется неизбежным в отношении как представителей власти, так и общественности. На основании принятой методологии, а также с учетом достижений политической науки¹³ были выработаны принципы ситуационного анализа, которые и использовались в моем исследовании. Исходя из цикла индивидуального поведения человека (предполагающего последовательную актуализацию восприятия, мотивирования, целеполагания, осуществления действий и приобретения опыта) и определяемой им структуры социальной реальности (как совокупности стереотипов, норм, статусов, отношений и связей) реконструировались различные синхронные и последовательные (а также взаимопересекавшиеся) ситуации. Вычленились субъекты ситуации, их ресурсы и взаимоотношения (восприятие и действия), внешняя среда, последствия свершившегося взаимодействия. Ситуационный анализ позволяет раскрыть суть развития событий, а также определить различные возможности развития исторической ситуации. С другой стороны, без подобного анализа обсуждение различных «исторических альтернатив» является простой риторикой или политической магией, что лишь усиливает субъективизм историка. Опираясь на рассмотрение внутренней логики ситуации, автор исследования может сохранить объективность собственного подхода.

Принцип академизма предполагает опору на исторические источники, их привлечение в наиболее полном виде и последующий отбор, критический

---

¹³ Dunn W. Public Policy Analysis: An Introduction. – Englewood Cliffs, 1994; Howlett M., Ramesh M. Studing Public Policy, Policy Cycles und Subsystems. – Toronto; N.Y.; Oxford, 1995; Patton C., Sawicki D. Basic Methods of Policy Analysis and Planning. – Englewood Cliffs, 1986; Rossi P., Freeman H. Evaluation: A Systematic Approach. – Newbury Park; L.; N. Dehli, 1993; Weimer D., Vining A. Policy Analysis: Concepts and Practice. – Englewood Cliffs, 1992.

подход к их изучению, системность, доказательность и произвольность суждений, обоснованность и последовательность выводов.

Опираясь на принципы историзма и академизма, автор использовал ряд основных методов исторической науки. Историко-описательный метод дал возможность выстроить основную событийную канву и исторический фон основного сюжета. Проблемно-хронологический метод позволил рассмотреть различные политические дискуссии и коллизии в той исторической последовательности, в какой они сами проявлялись. Только так возможно было понять их внутреннюю логику и реальную (а не отвлеченно-теоретическую) связь между собой. Как уже было отмечено, принципиальной в данном случае является и максимальная контекстуализация рассматриваемых вопросов. Компаративный метод позволил проводить сравнение мотивов, целей и действий различных участников событий, а также эволюцию позиции каждого из них.

Научная новизна. Настоящее исследование впервые рассматривает проблему диалога власти и общественности в период кризиса Третьеиюньской системы в качестве центрального сюжета. В историографии практически не затрагивались вопросы взаимного восприятия представителей власти и общественности, возникающей в ходе диалога эволюции политического самосознания и самооценки, а также механизмов формулирования политического курса.

Следует также обозначить теоретические и общеисторические вопросы, разрешению которых может способствовать данное исследование:

- 1) Является ли широкая политическая либерализация и демократизация единственным и безусловным путем развития в условиях бурного развертывания капиталистической экономики?
- 2) Каковы возможности государственной власти в отношении политического развития общества в условиях его перехода от традиционного к современному?
- 3) В чем заключалась общественная (не-государственная) политика в России накануне Февраля 1917 г.? Каковы были ее возможности и рамки?

В значительной степени новизна работы также связана с введением в научный оборот материалов периодики, которые ранее практически не рассматривались в данном ключе, а также массива перлюстрации Департамента полиции.

Практическая значимость работы. Материалы и выводы исследования могут быть полезны при выработке курса внутренней политики различными ветвями государственной власти, а также при формулировании и реализации программ политических партий и общественных движений. Положения диссертации могут быть использованы при подготовке лекционных и специальных курсов по истории России, политологии, истории государственного управления.

Основные положения, выносимые на защиту. 1. В условиях постоянно возраставших темпов социально-экономической трансформации в России начала XX в. повышалась степень значимости политического диалога власти и общественности. Основными субъектами политической ситуации в рамках Третьеиюньской системы первоначально выступали правительство П.А. Столыпина и доминировавшие в Думе октябристы. Столыпин – главный творец Третьеиюньской системы – рассматривал ее как инструмент политического взаимодействия власти с социальными верхами и «цензовой общественностью» с целью эффективного социально-экономического развития и предотвращения революционной угрозы. Октябристы, декларативно разделявшие взгляды премьера, рассчитывали на усиление позиций своей партии за счет парламентских рычагов контроля над правительством.

2. Провозглашая и реализуя «националистическую» программу, Столыпин пытался расширить социальную базу своей политики. Следствием этого стало создание правительством Партии русских националистов (Всероссийского национального союза). В отличие от октябристов, бывших основной правительственной опорой прежде, но сохранявших политическую самостоятельность, националисты являлись инструментом правительства.

Вместе с тем, националисты по своему социальному составу были демократичнее октябристов. «Националистический» курс не мог устраивать ни правых (в силу его парламентаристской и антисословной направленности), ни октябристов. Однако правые были крайне слабы, а всякая оппозиционная деятельность октябристов оборачивалась только против них самих.

3. Русская либеральная оппозиция (в первую очередь, кадеты) настаивала на воплощении в России европейской модели будущего, которая даже на Западе существовала пока лишь как проект. На протяжении всего рассматриваемого периода парламентская оппозиция не могла противопоставить власти сколько-нибудь развернутую законодательную программу – как по причине малочисленности разработанных законопроектов, так и в силу непреодолимых противоречий между фракциями. Кадетская программа предполагала тотальный демонтаж Третьеиюньской системы. Адекватных эволюционных альтернатив, не провоцировавших острого политического кризиса, столыпинскому курсу сформулировано не было.

4. Основные сюжеты текущей политической полемики этого времени были связаны с вопросами взаимодействия правительства и парламента, а также перспективами развития местного самоуправления. Вопрос о западном земстве, ставший поводом для конституционного кризиса в марте 1911 г., был прежде всего вопросом о сословном, а не национальном характере земского электората.

5. Назначенный премьером после смерти Столыпина В.Н. Коковцов не имел возможности сплотить вокруг себя весь состав правительства: в результате Совет министров был обречен на внутренний конфликт. Это непосредственно сказалось и на Думе. Основная инициатива в ней постепенно переходила к левому центру (прогрессистам, кадетам). Эта тенденция стала фатальной для всей политической системы:

законодательный процесс блокировался, а сам парламент превращался в деструктивную силу.

6. В отсутствие отчетливой правительственной стратегии каждая партия на думских выборах 1912 г. выстроила свою предвыборную стратегию на оппозиционных нотах. Неудачные ответные действия МВД по проведению в Думу якобы лояльных власти правых только усиливали политическую нестабильность. Политическое поражение потерпели все участники выборов, за исключением связанной с московскими торгово-промышленниками популистской партии прогрессистов. Появление и парламентский успех прогрессистов стали свидетельством неспособности правительства оседлать новые общественные настроения, связанные с экономическим подъемом. Вместе с тем, это явление было следствием разочарования общества в традиционных либеральных партиях – октябристах и кадетях. После скандальных выборов 1912 г. кризисное развитие ситуации вело к радикализации парламентских фракций. Центральными стали новые вопросы: о бюджетных правах Думы, депутатской неприкосновенности, свободе слова. Вопросы имели острый политический подтекст и потому были трудноразрешимыми.

7. В 1913 г. в правительстве оформились различные точки зрения о направлении дальнейшего политического развития. Если А.В. Кривошеин предлагал широкое соглашение с думским большинством на платформе последнего, то Н.А. Маклаков настаивал на фактическом сворачивании всей Третьеиюньской системы. Однако эта точка зрения не получила поддержки в правительстве, а политически близкие Маклакову правые в законодательных палатах были слишком слабы. В конфликтах правых и правительства верховная власть в конечном счете занимала правительственную позицию.

8. «Новый курс» Кривошеина стал попыткой перехода от политического администрирования к лавированию. Война не изменила общего направления политического процесса, лишь придав ему дополнительную остроту. «Священное единение» стало попыткой сплотить

общество вокруг власти под национальными, а не социальными лозунгами. Кривошеин поощрял общественную инициативу: созданные в начале войны на базе местного самоуправления общественные организации получили доступ к обеспечению тыла и щедрое государственное финансирование. Кривошеин рассчитывал купить лояльность оппозиции, однако общественные организации почти сразу включились в политическую борьбу. Парламентская оппозиция во главе с кадетскими лидерами ответила на лавирование Кривошеина «патриотической тревогой» и созданием Прогрессивного блока. В требования блока входило создание «министерства доверия», что на практике означало бы ликвидацию Третьеиюньской системы и создавало революционную ситуацию.

9. В результате разрастающегося политического кризиса с осени 1915 г. в правящей среде произошло изменение политического поведения: вместо «левых» и «правых» на сцену вышли «прагматики» и «политиканы». Первые стремились к политическому соглашению правительства и общества на «деловой» платформе. Вторые пытались заключить с оппозицией тактический сговор на конъюнктурной почве. Одним из следствий и признаков кризиса управления стало вмешательство в большую политику императрицы Александры Федоровны. Примирительная политика верховной власти вела к феномену «министерской чехарды»: по сути она стала неудачной попыткой перехода к политическому кабинету. По мере нарастания кризиса усиливалось и внутреннее противостояние в правительственном аппарате, росла неспособность справиться с все более сложными задачами управления и развития. После отставки А.Ф. Трепова в декабре 1916 г. в правительстве был утерян реальный центр принятия решений, что сыграло решающую роль в февральских событиях 1917 г.

10. Оппозиция осенью 1915 г. оказалась перед дилеммой дальнейшей радикализации или политической гибели. «Штурм власти» стал свидетельством общего коллапса правительства и оппозиции. Вместе с тем, в развитии революционных тенденций роль «штурма власти» оказалась крайне

важной: именно с этого времени революция стала не только возможной, но и близкой перспективой.

Достоверность и апробация результатов исследования.

Достоверность исследования определяется широтой источниковой базы, включающей опубликованные и архивные материалы (в частности, документы 130 фондов из 10 архивохранилищ гг. Москвы и Санкт-Петербурга), а также применением научных методов при их анализе. Основные положения диссертации отражены в 83 публикациях общим объемом 128 п.л., в том числе в 2 монографиях: «Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г.» (М.: РОССПЭН, 2003) и «Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910-1917)» (М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016). Материалы исследования были опубликованы в таких ведущих исторических журналах, как «Российская история» (до 2009 г. – «Отечественная история»), «Родина», «Вестник Московского университета. Серия 8. История», «Исторический журнал: Научные исследования», «Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви», «Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда», «Russian Studies in History» (США). Автор исследования апробировал результаты исследования в ходе международных и всероссийских научных конференций: международные – «Актуальные проблемы философских, политологических и религиоведческих исследований» (Россия, Москва, 2002 г.), «Политическая история России первой четверти XX века» (Россия, Санкт-Петербург, 2004 г.), Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения П.А. Зайончковского (Россия, Москва, 2004 г.), «Немецкий и российский университет в XIX – начале XX вв.» (Германия, Галле, 2006 г.), «Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков» (Россия, Москва, 2009 г.), «Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма» (Россия, С.-Петербург, 2010 г.), «П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А.

Столыпина» (Россия, Москва, 2011 г.), «Россия как часть Европы» (Россия, Москва, 2011 г.), «От Древней Руси к Российской Федерации: история Российской государственности» (Россия, Москва, 2012 г.), «Идеал в русской и европейской культуре XIX – I половины XX вв.» (Россия, Музей-усадьба «Ясная Поляна», 2014 г.), «Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой» (Россия, г. Калининград, 2014 г.), «Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы истории парламентаризма» (Россия, С.-Петербург, 2014 г.), «Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы истории парламентаризма» (Россия, С.-Петербург, 2015 г.), «Россия и славянские народы Восточной Европы в XIX-XX веках» (Беларусь, г. Минск, 2016 г.), «Славянский мир и Россия в войнах и конфликтах XIX-XXI веков» (Беларусь, г. Брест, 2016 г.); всероссийские – IV Российский философский конгресс (г. Москва, 2005 г.), «Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры» (г. Ярославль, 2008 г.), «Ключевские чтения – 2010. История России: личность, общество и природа страны» (г. Москва, 2010 г.), «Ключевские чтения – 2011» (г. Москва, 2011 г.), «Ключевские чтения – 2012. Российская государственность и освободительные войны» (г. Москва, 2012 г.), «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии» (г. Орел, 2014 г.), «Политическая история России XX в.: памяти доктора исторических наук, профессора В.И. Старцева» (г. Санкт-Петербург, 2015 г.), «Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма» (г. Орел, 2016 г.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав (двадцати одного параграфа), заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений. Общий объем диссертационного исследования составляет 757 страниц.

Глава 1. Историография проблемы. Источники по теме исследования.

1.1. Историографическая традиция

Историография проблемы взаимоотношений власти и общества в третьеиюньский период может быть разделена на следующие группы: 1) историография русского зарубежья, обычно принадлежавшая непосредственным участникам событий и тесно смыкающаяся с мемуарной традицией; 2) ранняя советская историография; 3) советская историография 1960-80-х гг.; 4) современная российская историография; 5) западная историография. В основе подобной классификации лежит как хронологический принцип, так и проблемно-тематический.

Историография русского зарубежья. Интерес к теме возник еще у непосредственных участников событий и нашел широкое отражение в мемуаристике. В эмигрантских кругах (как в либерально-оппозиционной, так и в бюрократической среде) конфликт власти и общественности рассматривался как основная причина Февральской революции 1917 г. В историографии русского зарубежья оформились две основные концепции, принадлежавшие бывшим активистам либеральной оппозиции. Наиболее рано была сформулирована концепция П.Н. Милюкова, в соответствии с которой оппозиция противостояла агонизировавшей власти, спровоцировала и возглавила революцию. Этот взгляд вполне можно было бы охарактеризовать как кадетский партийный взгляд¹⁴. В ответ возникла концепция В.А. Маклакова, который в целом принял взгляд Милюкова, но характеризовал действия либеральной оппозиции как деструктивные (таким образом, разница между двумя концепциями заключалась в оценке последствий деятельности либералов). Взгляд Маклакова был подробно

---

¹⁴ Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001 [1-е изд.: Киев, 1919 – София, 1921]. Близкий соратник Милюкова изложил подобные мысли в своем тюремном дневнике еще в конце 1917 г. (см.: Шингарев А.И. Как это было? Дневник А.И. Шингарева. М., 1918).

развит в целом ряде его работ¹⁵. В активной полемике с Маклаковым и по мере изменения общего взгляда Милюкова на Русскую революцию происходила эволюция его концепции; поздняя ее версия была сформулирована следующим образом: оппозиция, по вине власти весьма слабая, не смогла изменить ход предреволюционных событий в эволюционном ключе, в результате произошла революция, которая и привела либералов к поражению¹⁶.

Работы историков-эмигрантов С.П. Мельгунова и Г.М. Каткова по общему взгляду были близки концепции Маклакова и развивали ее на фактическом материале¹⁷. Определенное влияние концепция оказала и на советскую историографию¹⁸. Однако данное направление в основном развивалось в конспирологическом ключе, что резко сужало горизонты ее методологии и тематики.

В целом, значение эмигрантской историографии заключается скорее в самой постановке проблемы взаимоотношений власти и общественности в начале XX в. Но научная разработка этой темы блокировалась как острой политизацией (в том числе непосредственной вовлеченностью авторов в предшествовавшие события), так и не менее острой малочисленностью источников.

Ранняя советская историография. Если концепции эмигрантов отличались публицистическим характером и были сосредоточены на объяснении причин революции, то еще более эти черты проявились в работах первых советских историков – в первую очередь, в работах М.Н. Покровского. При этом публицистичность сопровождалась еще и марксистской классовой теорией. По мнению Покровского, в

---

¹⁵ Маклаков В.А. Из прошлого // Современные записки. Т. 38. Париж, 1929. С. 276–316; *его же*, Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936; *его же*, Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

¹⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

¹⁷ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003 [1-е изд.: Париж, 1931]; Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997 [1-е изд.: Лондон, 1984].

¹⁸ Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1974; Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975.

предреволюционной России зрело 2 параллельных заговора – самодержавный и буржуазный, но им не суждено было воплотиться в жизнь. Слабая и соглашательская либеральная оппозиция лишь накануне Февраля попыталась организовать «дворцовый переворот» против деградировавшего самодержавия с целью избежать революции, но эта попытка была сорвана народными массами в феврале 1917 г.¹⁹ Даже некоторые ученики Покровского пытались сгладить его подход и следовать ранней концепции Милюкова²⁰. Но, несмотря на последовавший разгром «покровщины», «теория 2 заговоров» прижилась и в 1940–1950-е гг. была развита Е.Д. Черменским²¹. Ни один из этих заговоров в действительности доказать так и не удалось; в более поздних работах Черменский от этого подхода отказался и развивал противоположное представление о «властебоязни» либеральной оппозиции²².

Что касается общего взгляда на политическое развитие Российской империи в последнее ее десятилетие, то для оценок советской историографии до второй половины 1970-х гг. определяющее значение имела дореволюционная ленинская публицистика. Хотя она и не может быть отнесена к историографии, ее рассмотрение в данном разделе обусловлено принципиальным влиянием этих работ на советскую историографическую традицию. В.И. Ульянов (Ленин) еще в 1907 г. полагал, что в России существовало два правительства – официальное (стольпинское) и придворная камарилья – которые и стремились сформировать в Думе два большинства – соответственно, либеральное (реформистское, буржуазное) и правое (реакционное, помещичье). На компромиссе двух правительств и двух стоящих за ними сил – помещиков и верхов буржуазии – по мнению Ленина, и держалась Третьеиюньская монархия. Далее он ограничивался лишь

---

¹⁹ Очерки по истории Октябрьской революции. Под ред. М.Н. Покровского М.-Л., 1927.

²⁰ Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.-Л., 1926.

²¹ Черменский Е.Д. Кадеты накануне Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 35–45.

²² Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; *его же*, Вторая российская революция. Февраль 1917 года. М., 1986.

констатацией неизменного правления режима и «революционного подъема». Впервые об окончании периода контрреволюции Ленин заговорил в ноябре 1910 г. в связи с демонстрацией на похоронах С.А. Муромцева²³, но в июне 1911 г. он опять заявлял о продолжении «контрреволюционной эпохи», о «новой полосе периода контрреволюции»²⁴. О «революционном подъеме» вновь пошла речь в июне 1912 г. в контексте весенних забастовок²⁵, однако вплоть до конца 1912 г. Ленин упоминал лишь о весенних событиях. «Условий революционной общественной обстановки», по его мнению, еще не сложилось, рабочее движение имело стихийный характер²⁶. О «революционном состоянии» России Лениным в первый раз за это время было заявлено в июне 1913 г. Этому способствовала не только очередная волна первомайских событий, но кризис в отношениях правительства и Думы: «Большей частью для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде. Именно это мы видим теперь в России. Политический кризис назревает у всех на глазах»²⁷. Вскоре Ленин сделал прозрачный намек на складывание в России «революционной ситуации»: «Совпадение этой невозможности для «верхов» вести государственные дела по-старому и этого обостренного нежелания «низов» мириться с таким ведением как раз и составляет то, что называется (немного, положим, неточно) политическим кризисом в общенациональном масштабе»²⁸. Впрочем, сама формула произнесена так и не была. А уже в марте 1914 г. весь период 1908–1913 гг. был назван «одним из наиболее смутных и тяжелых периодов русской истории»²⁹. На летние забастовки 1914 г. публицист отреагировал очень слабо. 12 июля в частном письме Ленин, как и положено неисправимому оптимисту и борцу с ликвидаторством, поздравил

---

²³ Ленин В.И. Не начало ли поворота? // ПСС. Т. 20. С. 1.

²⁴ *Его же*, Резолюция II Парижской группы РСДРП // ПСС. Т. 20. С. 290–291.

²⁵ *Его же*, Революционный подъем // ПСС. Т. 21. С. 339–346.

²⁶ *Его же*, Развитие революционной стачки и уличных демонстраций // ПСС. Т. 22. С. 282, 287.

²⁷ *Его же*, Маевка революционного пролетариата // ПСС. Т. 23. С. 299–301.

²⁸ *Его же*, Распушенная Дума и растерянные либералы // ПСС. Т. 23. С. 329.

²⁹ *Его же*, Радикальный буржуа о русских рабочих // ПСС. Т. 25. С. 12.

И.Ф. Арманд «с приближающейся революцией в России», но в целом письмо было написано в мрачных тонах: склоки в социал-демократической среде, дело Малиновского (которого Ленин рьяно защищал), меры правительства по подавлению рабочего движения подлинного оптимизма автору вовсе не внушали³⁰. Уже в мае-июне 1915 г., по результатам начавшейся мировой войны и «краха II Интернационала», Ленин сформулировал признаки и привел классические, закрепившиеся в историографии, примеры «революционной ситуации», особо оговаривая, что «не всякая революционная ситуация приводит к революции»³¹.

В декабре 1913 г. ближайший соратник Ленина Л.Б. Каменев в статье «На пороге революции» писал: «Революция надвигается – это чувствуют все». При публикации своего сборника статей в 1922 г. автор пояснил: «Революционное движение было задавлено только объявлением войны, введением военного положения, мобилизациями и т.д. и пробудилось лишь через 2 ½ года на новой и более широкой основе»³². Позднее этот тезис был повторен в «Кратком курсе истории ВКП(б.)»: «Подъем революции был прерван мировой войной, в которой царское правительство искало спасения от революции»³³.

В целом, ранняя советская историография темы осталась на зачаточном уровне – в том числе и по причине отсутствия интереса к сугубо политическим «буржуазным» сюжетам.

Советская историография 1960-80-х гг. Поиски новых подходов к теме обозначились только в 1960-е гг. в СССР (по причине явной несостоятельности господствовавших ранее взглядов) и в 1970-е гг. на Западе (под советским влиянием и в результате допуска к архивам). Влияние поздней концепции Милюкова ощутимо сказывалось как на советских, так и на западных работах. Первым и наиболее серьезным разработчиком данной

---

³⁰ *Его же*, Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000. С. 158–160.

³¹ *Его же*, Крах II Интернационала // ПСС. Т. 26. С. 218–219.

³² Каменев Л.Б. На пороге революции // Социал-демократ, 2 (15) декабря 1913 г. Цит. по: *Его же*, Между двумя революциями. М., 2003. С. 652.

³³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1997. С. 153.

темы в СССР стал В.С. Дякин. Он впервые привлек значительное число источников, включая и архивные. Дякин отказался от «теории 2 заговоров», отметил наличие противоречий и борьбы в правящей элите, реабилитировал постановку вопроса о фундаментальном политическом конфликте власти и либеральной оппозиции. Власть в ходе внутренней борьбы и под влиянием общих событий в стране, по мнению историка, фатально правела на протяжении всего периода 1907–1917 гг., а оппозиция пыталась лавировать между ней и страной. Реформаторский потенциал Столыпина был исчерпан уже в 1909 г., а его преемники никакой программы, кроме разве что демагогической, не имели. Николай II, как полагал Дякин, отрицал за Столыпиным и последующими премьерами право на формулирование какого-либо курса и тем самым парализовал деятельность объединенного правительства. Наоборот, правые в законодательных палатах, имея на своей стороне настроения придворных кругов, могли активно бороться со Столыпиным за реализацию своей политической программы. Государственный совет якобы был безраздельной вотчиной правых. Дякин полагал, что Распутин имел очень большое, часто решающее влияние на формирование внутривластного курса. Историк отчасти признавал силу либеральной оппозиции, но считал главным ее стремлением предотвращение революции, что было принципиально невозможно. Отсюда вытекала трагическая обреченность русских либералов. Выводы Дякина, несмотря на обилие ленинских цитат, более всего были близки поздней концепции Милюкова. Кроме того, применительно к ситуации 1910–1914 и 1915–1917 гг. Дякин старался использовать канонические термины «общественный подъем» и «революционный подъем» очень ограниченно. В целом, работы Дякина советского периода отличались информационной насыщенностью, во многом оставляя читателю самому делать вытекающие из фактов выводы³⁴.

---

³⁴ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967; *его же*, Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; *его же*, Земство и самодержавие в третьей ионийской монархии // ВИ России XIX – начала XX века. Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 127–141; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в

Позднее, в коллективной монографии «Власть и реформы: от самодержавной к советской России» Дякин открыто и вполне справедливо опроверг ленинский тезис о стремлении правительства формировать «два большинства» в Государственной думе, но остался верен общей концепции Третьеиюньской системы как политического компромисса помещиков и верхов буржуазии. Однако, по сравнению с Лениным, Дякин, исходя из собственного взгляда, более развернуто и пространно отмечал, что такой компромисс мог быть только сугубо временным (даже краткосрочным) и по мере буржуазного развития России разрушался³⁵. За этим представлением очевидно кроется иное, хотя и не положенное на бумагу, милюковское видение проблемы: отсталая монархия изо всех сил препятствовала переходу России к демократии, в результате этот переход стал происходить в феврале 1917 г. слишком быстро и трагично, что, соответственно, обернулось катастрофой. Еще более характерно влияние милюковской концепции на работы В.И. Старцева³⁶. Между тем, доказать реалистичность «реформаторской альтернативы», противопоставляемой власти и революции, да еще и олицетворенной либеральной оппозицией, на наш взгляд, было бы крайне трудно.

В конце 1960-х гг. в единоборство с Дякиным вступил А.Я. Аврех, отстаивавший шедшую от Ленина и Покровского концепцию полного бессилия власти и либеральной оппозиции, их совместного правления в условиях назревания революции. Историк стремился доказать, что либеральная оппозиция лишь симулировала политическую борьбу. Вся Третьеиюньская система для Авреха сводилась к правительственному лавированию между двумя большинствами. Законодательный процесс и деятельность правительства рассматривались им крайне избирательно.

1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. В рамках того же подхода была написана монография Ю.Б. Соловьева, посвященная объединенному дворянству (Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990).

³⁵ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Под. ред. Б.В. Ананьича. СПб., 1996. С. 559–560.

³⁶ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977.

Борьба внутри самой власти представлялась историку «десятистепенной»³⁷. Аврех привлек практически не уступавший работам Дякина документальный материал, однако стиль и аргументация полемики со стороны Авреха фактически не были научными, относясь скорее к идеологической сфере³⁸.

Выдающейся заслугой поздней советской историографии стало введение в научный оборот такого массива источников, который мог принципиально изменить подход к теме и, наконец, открыть возможности для ее подлинно научного изучения. При этом в постановке проблемы и формулировании выводов советские историки опирались на предшествующую традицию: на советскую – открыто, на эмигрантскую – косвенно.

Западная историография. Параллельно советской историографии бурно развивалась и западная; ее идеологической базой с 1960-х гг. стали радикальный либерализм и социал-демократизм. Если на рубеже 1960–70-х гг. еще появлялись работы, опиравшиеся на ограниченный круг источников³⁹, то в 1970-е гг. ситуация поменялась. Работы, основанные на привлечении архивных материалов, были посвящены партиям⁴⁰, социальным группам⁴¹, политике Столыпина⁴², Государственному совету⁴³. «Социальная»

---

³⁷ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 15, 22–24, 125, 128, 180, 206, 221, 288.

³⁸ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981; *его же*, Распад третьиюньской системы. М., 1985; *его же*, Царизм накануне свержения. М., 1989.

³⁹ Greicus E. Efforts of the Progressive bloc to influence the conduct of the War in Russia, 1915–1917. Tulane University, PhD, 1969; Hamm M. The Progressive bloc or Russia's Fourth State Duma. Indiana University, PhD, 1971.

⁴⁰ Birth E. Die Oktobristen (1905–1913). Zielvorstellungen und Struktur. – Stuttgart, 1974; Pinchuk B. The Oktobrists in the Third Duma, 1907–1912. – Seattle; L., 1974; Edelman R. Gentry Politics at the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party. 1907–1917. – New Brunswick, 1980; Emmons T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. – Cambridge, 1983; Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994; Bradley J. Russia's parliament of public opinion: association, assembly, and the autocracy, 1906–1914 // Reform in modern Russian history: Progress or cycle? Ed. by Th. Taranovsky. – Cambridge, 1995. Pp. 212–236; Stockdale M.K. Paul Miliukov and the quest for liberal Russia, 1880–1918. – Ithaca; L., 1996.

⁴¹ Manning R.T. The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. – Princeton, 1982; McDaniel T. Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia. – Berkeley; L.A.; L., 1988; Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. – Berkeley; L.A.; L., 1989; Owen T.C. The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A study in Tsarist economic polity. – Cambridge, 2002; Burbank J. Russian Peasants go to court: Legal culture in the countryside, 1905–1917. – Bloomington, 2004.

⁴² Hosking G.A. The Russian constitutional experiment. Government and Duma, 1907–1914. – Cambridge, 1973; Rogger H. Russia in the Age of modernization and revolution, 1881–1917. – L., 1995; Waldron P. Between two Revolutions: Stolypin and the politics of renewal in Russia. – DeKalb, 1998; Ascher A. P.A. Stolypin. The Search of

историография сосредоточилась на критике столыпинского правительственного курса. Правительственный реформизм рассматривался в русле насильственного вмешательства в жизнь общества (крестьян, торгово-промышленников и др.), которое само по себе развивалось в направлении демократии. Особого интереса к послестолыпинскому периоду и проблематике взаимоотношений власти и общественности в узком смысле слова проявлено не было.

Западные историки, посвятившие свои работы изучению высшей бюрократии России XIX – начала XX в. (А. Рибер, Г. Йени, Д. Ливен), не склонны были делать вышеуказанные выводы. Их работы можно считать первыми попытками (как на Западе, так и России) подвести под конкретно-исторические изыскания не публицистическую или идеологическую базу, а серьезное научно-теоретическое обоснование (обычно таковым служат работы Вебера). В своих общих работах западные авторы отмечают прагматизм как важную черту российских чиновников, а бюрократию расценивают как главную прогрессивную силу в дореволюционной России. Основной проблемой российской бюрократии, как представляется западным историкам, оставались ее фрагментированность и отсутствие объединенного кабинета. Конфликты внутри этой среды были вызваны не политическими, а ведомственными обстоятельствами. Противостояние с оппозиционной общественностью объясняется ее утопизмом, однако сам утопизм и деструктивность оппозиции были трагическим следствием всевластия бюрократии⁴⁴. Вслед за указанными работами появились и исследования,

---

Stability in the Late Imperial Russia. – Stanford, 2001; Ryavec K.W. Russian bureaucracy: power and pathology. – Boulder, 2003.

⁴³ Mosse W.E. Russian Bureaucracy at the End of the Ancient Regime: The Imperial State Council, 1897–1915 // *Slavic Review*. Vol. 39, # 4 (December 1980). Pp. 616–632; Korros A.S. A Reluctant parliament. Stolypin, nationalism and the politics of the Russian imperial State Council, 1906–1911. – N.Y.; Oxford, 2003.

⁴⁴ Rieber A. Bureaucratic politics in Imperial Russia // *Social science history*. – Pittsburgh, 1978. – Vol. 2, # 4; Rieber A. The reforming tradition in Russian and Soviet history: commentary // *Reform in modern Russian history: Progress or cycle?* Ed. by Th. Taranovsky. – Cambridge, 1995. Pp. 237–243; Yaney G. The urge to mobilize. Agrarian reform in Russia, 1861–1930. – DeKalb, 1982; Yaney G. Bureaucracy as culture // *Slavic rev*. 1982. Vol. 41, N 1; Lieven D. Russia`s Rulers under the Old Regime. – N. Haven & London, 1989; McDonald D.M. United government and the crisis of autocracy, 1905–1917 // *Reform in modern Russian history: Progress or cycle?* Ed. by Th. Taranovsky. – Cambridge, 1995. Pp. 190–211.

посвященные российской оппозиции. Л. Мак-Рейнолдс, К. Мацузато, Д. Далманн сосредоточили свое внимание на особенностях политической и экономической активности цензовой общественности (функционировании политической печати, участии кадетов в выборных кампаниях 1906–1912 гг., продовольственной политике Земгора) и пришли к выводу о деструктивности ее поведения⁴⁵.

Современная российская историография нашей темы в целом первоначально пребывала в кризисном состоянии, однако это стимулировало ее фактологический и методологический поиск; в результате именно современной российской историографии принадлежит основной вклад в изучение темы.

Отдельные фрагменты истории правящей бюрократии данного периода были подробно развиты в статьях Р.Ш. Ганелина и М.Ф. Флоринского⁴⁶. В дальнейшем это направление развивалось преимущественно в жанре политической биографии. Работа А.П. Бородина, посвященная П.А. Столыпину, стала на настоящее время наиболее удачным и документально подкрепленным опытом в данной сфере. К сожалению, в ней не получил отражения вопрос о политической эволюции премьера. Вместе с тем, важным представляется сделанный автором вывод о прочности позиций Столыпина после мартовского кризиса 1911 г.⁴⁷ В книге А.П. Бородина о П.Н. Дурново освещалась его биография, а также была предпринята реконструкция вполне целостного политического мировоззрения этого значимого государственного деятеля⁴⁸. Безусловно, эта фигура заслуживает и более пристального

---

⁴⁵ McReynolds L. The news under Russia's Old Regime. The Development of a Mass-circulation press. – Princeton, 1991; Emerging Democracy in the Late Imperial Russia. Case studies of local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the tsarist government, and the State Council before and during World War I. – Niwot, 1998; Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in honor of R.B. McKean. – N.Y., 2005.

⁴⁶ См., напр.: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. Под ред. П.В. Волобуева. М., 1997. С. 3–37; *их же*, На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 474–496.

⁴⁷ Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.

⁴⁸ Бородин А.П. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013. См. также: Бородин А.П. П.Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 48–69.

рассмотрения на фоне бурных политических перипетий начала XX в. Монография Ю.А. Векшиной посвящена В.Н. Коковцову и его деятельности на постах министра финансов и премьера. Автор вполне справедливо признает политический курс Коковцова инерционным. Отставка Коковцова рассматривается как следствие правой интриги, что вполне укладывается в мемуарную версию самого Владимира Николаевича⁴⁹. С.Г. Беляев в своей монографии анализирует политику последнего министра финансов Российской империи П.Л. Барка, которую автор расценивает как относительно эффективную. С.Г. Беляев резонно считает Барка креатурой Кривошеина, хотя и не отмечает значения Столыпина в карьере министра финансов⁵⁰. Первым опытом политической биографии А.И. Гучкова стала книга А.С. Сенина⁵¹.

Новое слово в изучении темы сказал С.В. Куликов, чья монография является наиболее фундаментальной по опоре на источники. Он рассматривает бюрократию как часть интеллигенции («служилая интеллигенция») и считает, что российское правительство вплоть до Февральской революции стремилось к проведению либеральных реформ, которые вели к формированию конституционной парламентской монархии. Исследуя правительственный курс в период Первой мировой войны, Куликов полагает, что на его формирование оказали решающее влияние либеральные взгляды монарха и министров, а также стремление идти на уступки законодательным палатам. Исследователь подразделяет правящую бюрократию по политическим взглядам на две группы – более сильных парламентаристов (по его мнению, кадетов по взглядам, сторонников установления парламентской монархии) и дуалистов (умеренных либералов, сторонников сохранения «обновленного строя») – и считает борьбу между ними основным стержнем политического процесса этого времени. Острый внутриправительственный конфликт, по мнению Куликова, стал основной

---

⁴⁹ Векшина Ю.А. Граф В.Н. Коковцов. Государственный деятель Российской империи. СПб., 2008.

⁵⁰ Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб., 2002.

⁵¹ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.

причиной Февральской революции; либеральная оппозиция не сыграла в ее подготовке значимой роли. Император не зависел от «темных сил», «безответственных влияний» или своих придворных и до самого конца играл активную роль в политической сфере. Однако отдаление монарха от кругов высшей бюрократии и его ставка на непродуманные личные решения стало еще одной важной причиной революционного исхода. Принципиальный либерализм правящей элиты и наличие острых политических противоречий в ее среде в данный период – два принципиально новых тезиса для всей историографической традиции⁵².

Ряд работ был посвящен парламентским учреждениям и политическим партиям. Монография А.П. Бородина, в которой впервые был подробно рассмотрен вопрос о раскладе политических сил в Государственном совете, опровергает устоявшийся историографический тезис о палате как инструменте политики консерваторов⁵³. В работах В.А. Демина подробно рассмотрены статус, структура и механизм функционирования Государственной думы и Государственного совета⁵⁴. Проблеме становления феномена публичного политика в России начала XX в. на примере членов законодательных палат посвящено исследование И.К. Кирьянова⁵⁵.

В докторской диссертации О.Ю. Рыбка Дума вписывалась в систему государственной власти России. Отмечалось, что к началу Первой мировой войны палата стала «органичным элементом» этой системы, хотя в то же

---

⁵² Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Россия в XIX–XX веках. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. Под ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 257–263; *его же*, Правительственный либерализм начала XX века как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы. (Материалы международной конференции.) Сборник эссе. СПб., 2001. С. 75–111; *его же*, Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; *его же*, Совет министров и Прогрессивный блок во время падения монархии // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 280–299.

⁵³ Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999.

⁵⁴ Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996; *его же*, Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006.

⁵⁵ Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.

время отношения Думы с самодержавием демонстрировали неспособность последнего приспособиться к новым политическим условиям⁵⁶.

Существуют и несколько иные точки зрения. И.В. Леднева, посвятившая свое исследование либеральной оппозиции в III Государственной думе, отмечает, что именно кадеты представляли собой «неудавшуюся альтернативу развития России». Вплоть до весны 1910 г. Милюков вел фракцию к соглашению с октябристами, однако «правооктябристское большинство Третьей Думы слышать не хотело о законопроектах, способных «запустить» социальные реформы и ограничить права короны». Если Дума и проявляла оппозиционность, то лишь благодаря кадетам: «Во времена Третьей Государственной Думы русский конституционализм скорее топтался на месте, чем продвигался вперед. Тем не менее, можно говорить, что благодаря ее законодательной деятельности в целом, в общественном сознании зарождалась конституционная идея выхода России из кризиса, обусловленного разрывом между властью и обществом. В меру своих сил эту идею защищали кадеты, а октябристы держались от нее все же в стороне». Октябристы оставались проправительственной фракцией до конца III Думы, а программа прогрессистов ««не созрела» до либерализма кадетского типа». В конечном итоге, акт 3 июня 1907 г. стал одной из важнейших причин Февральской революции⁵⁷. Возможно, столь радикальные выводы связаны с тем, что упомянутое исследование в основном опиралось на опубликованные источники кадетского происхождения и ретранслировало партийную точку зрения.

Монография белорусского историка Д.С. Лавриновича реконструирует предысторию формирования Прогрессивного блока и его деятельность в 1915–1917 гг. Автор вполне традиционно считает основными задачами блока предотвращение революции и победу в войне, что, как известно, активно

---

⁵⁶ Рыбка О.Ю. Государственная дума в системе власти России в начале XX века. Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 134, 379.

⁵⁷ Леднева И.В. Либеральная оппозиция в III Государственной думе: 1907–1912 гг. Дис. ... к.и.н. СПб., 2002. С. 66, 74, 77–78, 121, 194, 197, 197–199, 201.

декларировалось блоком, хотя далеко не всегда вытекало из его политики, особенно накануне Февральской революции. По мнению Лавриновича, правое крыло блока стремилось сохранить деловые отношения с правительством и умиротворить своих более радикальных соратников по блоку. Подобный тезис требует, на наш взгляд, дополнительной аргументации. Заслуживает внимания вполне резонный вывод автора о том, что лозунг «министерства доверия» не был более умеренным, чем требование «ответственного министерства». Однако Лавринович полагает, что «министерство доверия», по представлениям оппозиции, могло быть сформировано лишь из общественной среды, что, тем не менее, не подтверждается фактами⁵⁸.

Подробное рассмотрение проблемы отношения либералов к власти и революции в период мировой войны, а также истории создания Прогрессивного блока и борьбы за его сохранения содержится в монографии Ф.А. Гайды⁵⁹.

Большое развитие получила историография правых партий. Наиболее серьезный вклад в изучение этой проблематики соответствующего периода был сделан такими авторами, как Ю.И. Кирьянов⁶⁰, А.В. Репников⁶¹, А.А. Иванов⁶².

В начале XXI в. появились работы, в которых рассматривалось политическое взаимодействие власти и общественности. Исследование О.Р. Айрапетова посвящено политическим контактам Военного министерства, Ставки и генералитета с либеральной общественностью в третьей ионийский период: по справедливому мнению историка установление прочного

---

⁵⁸ Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.). Могилев, 2006. С. 65, 66, 80–81.

⁵⁹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.

⁶⁰ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001; *его же*, Русское собрание 1900–1917. М., 2003.

⁶¹ Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006; *его же*, Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

⁶² Иванов А.А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). СПб., 2006; *его же*, Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013; *его же*, Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.-СПб., 2011.

взаимодействия двух сторон способствовало падению самодержавия в феврале–марте 1917 г.⁶³ Об активной роли ЦВПК в событиях Февральской революции как следствии конфликта власти и общественных кругов пишут также С.В. Куликов⁶⁴ и В.А. Никонов⁶⁵.

В работах А.С. Тумановой рассмотрен важный аспект темы: взаимоотношения бюрократических структур и неполитических общественных организаций в данный период. Автор констатирует наличие двух противоположных мировоззрений и их проявления в конкретных обстоятельствах. Несмотря на вывод о том, что наиболее антиобщественные настроения господствовали в среднем, а не высшем звене бюрократии, А.С. Туманова полагает, что их изживание могло быть связано лишь с конституционными преобразованиями⁶⁶.

Взаимодействию исполнительной и законодательной власти в 1906–1914 гг. (преимущественно в столыпинский период) посвящены работы К.А. Соловьева. Автор поставил своей целью изучение «политического быта» и в силу такого подхода предпочел тематический принцип хронологическому. Такое решение вполне обоснованно, однако, с другой стороны, затрудняет понимание процессов формирования такого взаимодействия, особенно с учетом того, что его система не была выстроена, а только начинала настраиваться в означенный период. Делая вывод о постепенном формировании механизмов взаимодействия правительства и парламента, Соловьев настаивает на том, что общие мировоззренческие установки бюрократии и различных политических сил в конечном счете помешали им наладить эффективное взаимодействие. С другой стороны, отмечается отсутствие единства в рядах представителей самих институтов – участников

---

⁶³ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.

⁶⁴ Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 г. // Российская история. 2012. № 1. С. 69–90.

⁶⁵ Никонов В.А. Крушение России. М., 2011.

⁶⁶ Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002; ее же, Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.

взаимодействия, слабое влияние премьеров на министерские назначения⁶⁷. Были ли подобные установки простым воплощением политических программ и корпоративных интересов или же, в первую очередь, следствием накопленного личного опыта и конкретных политических обстоятельств, мы можем понять лишь в ходе исследования политической динамики, анализа цепи политических конфликтов и их разрешения. Только тогда можно дать ответ на вопрос о том, представляли ли проблемы взаимодействия властей трагический «заколдованный круг», из которого никто из участников событий не мог найти никакого выхода, кроме революционного, или же были возможны совместные усилия по преодолению складывавшихся трудных обстоятельств, по сути неизбежных для любой системы, в которой взаимодействие исполнительной и законодательной власти делало лишь первые шаги. Необходим пристальный анализ как сути происходившего в его различных аспектах, так и его жизненной динамики. Лишь тогда нашему взору раскрывается истинный потенциал исследуемого явления.

Таким образом, большинство заявленных в настоящей работе проблем в историографии рассматривались лишь в контексте иных сюжетов. Вопросы политического самосознания и самооценки, взаимного восприятия, механизмов формулирования политического курса практически не затрагивались. Без этого понять логику, рамки, альтернативы политического развития России в 1911–1917 гг., а также причины революционного кризиса не представляется возможным.

1.2. Источники

---

⁶⁷ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. См. также: Соловьев К.А. Политическая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. II. Власть. Общество. Культура. М., 2011. С. 74–160; Соловьев К.А. Бюджетное право в период думской монархии // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 27–38.

Привлеченные к исследованию письменные источники по принципу происхождения следует разделить на две основные группы: принадлежащие учреждениям и организациям, а также отдельным лицам. Первая группа включает в себя официально-документальные материалы нормативного и делопроизводственного характера, а также материалы периодики, вторая – публицистику, переписку, дневники, мемуары.

Официально-документальные материалы принадлежат правительству, полиции, законодательным палатам, а также партиям и общественным организациям. Среди правительственной документации наибольшее значение имеют особые журналы заседаний Совета министров⁶⁸. Журналы содержат сведения о подготовке различных правительственных решений, а также их обоснование. После 1905 г. в России быстро формировалось пространство публичной политики, что оказывало мощное влияние не только на общественную среду, но и на поведение носителей власти. Даже официальная правительственная делопроизводственная документация содержит ценные сведения о различных точках зрения, существовавших во властной среде по важным вопросам внутренней политики. Журналы представлялись на утверждение императора и сохранили высочайшие резолюции, которые в ряде случаев имели развернутый характер. В наше время была осуществлена научная публикация наиболее значимых особых журналов дореволюционного правительства.

В последнее время активно публиковались материалы правительственной законотворческой деятельности⁶⁹. В фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) содержатся всеподданнейшие доклады, циркуляры, делопроизводство междуведомственных и министерских совещаний, а также подготовительные материалы по различным законопроектам⁷⁰. Для данной темы имеют значение материалы разработанного в МВД законопроекта о собраниях и

⁶⁸ Напр.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1910 год. М., 2001.

⁶⁹ П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. В 2 т. М., 2002.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1, 7-10, 12.

союзах (1914 г.)⁷¹ и созданного при министерстве совещания по реформе уездного управления (1914 г.)⁷². Опубликованы журналы и иные материалы Особого совещания по обороне⁷³.

Ценнейшую информацию содержат материалы Департамента полиции и охранных отделений, находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ): аналитические записки и отчеты, в которых также содержатся сведения из перлюстрированных писем⁷⁴. Перлюстрировались письма представителей бюрократии (зачастую и высшей, кроме премьера и министра внутренних дел), общественных деятелей, случайных лиц. Подборка отрывков из перлюстрированных писем имела специфический характер и не могла отражать весь спектр настроений: полицию интересовали письма, содержащие критику существующего политического положения, слухи, а также значимый фактический материал. Часть отрывков из подобных писем была опубликована⁷⁵. Перлюстрированные материалы иногда имеют разночтения с оригиналами и при возможности требуют сверки.

Материалы «Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц» содержатся в ф. 1467 ГА РФ. Опубликованы стенограммы допросов «слуг прежнего режима» и показаний бывших оппозиционеров⁷⁶. Основной спецификой подобных источников являются как их следственный характер, так и связь с революционной эпохой: подследственные скрывали подробности своей

---

⁷¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1.

⁷² Там же. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 29.

⁷³ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918 гг. В 3 т. М., 2013; Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). Указатели и материалы. 1915–1918 гг. В 2 т. М., 1982.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 63, 102, 111. Подробнее см.: Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 20–23.

⁷⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. / Отв. ред., автор предисловия В.В. Шелохаев. М., 2014.

⁷⁶ Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П.Е. Щеголева. М.–Л., 1925–1927.

деятельности или, наоборот, активно сотрудничали со следствием, превращая слухи в факты следствия (например, С.П. Белецкий и А.Д. Протопопов), свидетели превозносили свои революционные заслуги.

Особое значение среди делопроизводства законодательных палат имеют их стенографические отчеты общих собраний⁷⁷, дающие обильную информацию о борьбе различных политических сил (в том числе и правительства⁷⁸), позволяющие установить личную политическую позицию многих лиц. Безусловно, следует учитывать публичный характер этой деятельности и ее острополитическое значение. Стенографические отчеты подписывались председателем Государственной думы; в отдельных случаях была возможна правка: из текстов устранялись резкости политического или личного характера. Оригинальные варианты сохранились в РГИА (ф. 1278). Политизация заметна и в официальных обзорах деятельности Государственной думы⁷⁹, и в принятых палатой законопроектах⁸⁰. Опубликованные материалы комиссий⁸¹ зачастую лишены подобной особенности.

Внутренняя «кухня» Думы открывается благодаря материалам «осведомительного бюро» правительства в Таврическом дворце, которое возглавлял начальник Министерского павильона Л.К. Куманин⁸². Свои сведения он получал из кадетских источников, о чем должно было знать его

---

⁷⁷ Напр.: Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. I–III. СПб., 1910–1911; Государственный совет. Стенографические отчеты. VI сессия (1910–1911). СПб., 1910–1911.

⁷⁸ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К.Ф. Шацилло, сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991.

⁷⁹ Напр.: Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности Государственной думы 3–го созыва. 1907–1912. СПб., 1912.

⁸⁰ Напр.: Государственная дума. Созыв IV. Проекты законов, одобренных Государственной думой. Сессия IV. Пг., 1915. Т. 1–3. См. также научное издание: Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006.

⁸¹ Напр.: Государственная дума. Доклады бюджетной комиссии. IV созыв. Сессия IV. 1915–1916 гг. Вып. 1. Пг., 1916; Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III Государственная дума. IV сессия. СПб., 1911.

⁸² Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999, № 1 – 2000, № 6; Из кулуаров Государственной думы: информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 год. Подготовка текста, вступительная статья и примечания И.В. Лукоянова // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 69–140.

непосредственное начальство⁸³. При этом Куманин не был лишь правительственным агентом. Был организован и обратный процесс: в результате после Февральской революции Куманин стал чиновником особых поручений при министре-председателе Временного правительства и получал усиленную пенсию в 2400 р. в месяц⁸⁴.

Среди партийной документации своей насыщенностью выделяются материалы кадетов (опубликованные протоколы партийных съездов, конференций и ЦК, а также иные сохранившиеся в фондах ГА РФ материалы)⁸⁵. При этом стоит отметить, что протоколы конференций и ЦК часто составлялись П.Н. Милюковым и не имели официального характера (оригиналы сохранились в личном фонде кадетского лидера (ГА РФ. Ф. 579)). То же самое можно сказать о протоколах Прогрессивного блока⁸⁶.

Материалы октябристов⁸⁷, прогрессистов⁸⁸, правых⁸⁹, съездов объединенного дворянства⁹⁰, общеземской организации⁹¹ в силу своего характера или значения для темы были задействованы в меньшей степени.

К официальной документации непосредственно примыкают такие важнейшие источники, как неофициальные протоколы заседаний Совета министров, составленные помощником управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтовым⁹². Их значение повышается при сравнительном анализе с официальными журналами. Позднее Яхонтов литературно

---

⁸³ Из кулуаров... С. 70–72.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 87. Л. 23об., 34.

⁸⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2–3 (кн. 1). М., 2000; Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1–3. М., 1997–1998; ГА РФ. Ф. 523, 579. Подробнее см.: Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 18–19.

⁸⁶ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. № 1–2 (50–51). С. 117–160; № 3 (52). С. 143–196; 1933. № 1 (56). С. 80–135.

⁸⁷ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. М., 1996–2000.

⁸⁸ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002.

⁸⁹ Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998.

⁹⁰ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 т. М., 2001–2002.

⁹¹ Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. М., 1916.

⁹² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.

обработал свои записи за июль – сентябрь 1915 г., когда правительство находилось в состоянии острого политического кризиса, и на его заседаниях кипели подлинные страсти⁹³.

Сохранились также внутренние записки представителей бюрократии⁹⁴ и адресованные правительству записки частных лиц, в том числе и имевших политическое влияние⁹⁵.

Материалы *периодической печати* ценны, в первую очередь, тем, что содержат сведения о развитии различных политических сюжетов. В работе были использованы официальные и неофициальные правительственные издания (газеты «Правительственный вестник»⁹⁶, «Россия»⁹⁷, «Московские ведомости»⁹⁸), официальные и неофициальные печатные органы правых (газета «Земщина»⁹⁹, журнал «Прямой путь»¹⁰⁰, журнал-газета «Гражданин»¹⁰¹) и националистов (газеты «Новое время»¹⁰² и «Свет»¹⁰³), официальные рупоры партий октябристов (газета «Голос Москвы»¹⁰⁴) и прогрессистов (газета «Утро России»¹⁰⁵), неофициальные периодические издания кадетов (газеты «Речь»¹⁰⁶, «Русские ведомости»¹⁰⁷ и «Русская молва»¹⁰⁸, журнал «Русская мысль»¹⁰⁹). Привлекались также материалы наиболее популярной и массовой газеты «Русское слово»¹¹⁰, газеты

---

⁹³ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 18. Берлин, 1926. С. 5–136.

⁹⁴ Напр.: Записки Н.И. Туган-Барановского по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики (1914–1915). Подготовка текста, вступительная статья и примечания С.В. Куликова // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 141–174.

⁹⁵ Напр., записки И.П. Балашева (РГИА. Ф. 892).

⁹⁶ Редакторы – А.А. Башмаков (1906–1913), кн. С.П. Урусов (1913–1916) и др.

⁹⁷ Редактор – И.Я. Гурлянд.

⁹⁸ Редактор – Л.А. Тихомиров, с 1914 г. – Б.В. Назаревский.

⁹⁹ Редактор – С.К. Глинка-Ячевский.

¹⁰⁰ Редактор – К.А. Фелонина, фактический руководитель – В.М. Пуришкевич.

¹⁰¹ Издатель и редактор – кн. В.П. Мещерский.

¹⁰² Редакторы – М.А. Суворин и др., ведущий сотрудник – М.О. Меньшиков.

¹⁰³ Редакторы – В.В. Комаров и др.

¹⁰⁴ Издатель – А.И. Гучков, редакторы – А.И. Гучков и др.

¹⁰⁵ Редакторы – И.Ф. Родионов и др., фактический руководитель – П.П. Рябушинский.

¹⁰⁶ Редактор – И.В. Гессен, ведущий сотрудник – П.Н. Милюков.

¹⁰⁷ Редактор – А.А. Мануйлов, ведущий сотрудник – А.А. Кизеветтер.

¹⁰⁸ Издатель – Д.Д. Протопопов, редактор – Л.А. Велихов и др.

¹⁰⁹ Издатель и редактор – П.Б. Струве.

¹¹⁰ Издатель – И.Д. Сытин, редакторы – Ф.И. Благов и др.

националистического направления «Биржевые ведомости»¹¹¹, радикально-либерального журнала «Вестник Европы»¹¹², умеренно-социалистической газеты «День»¹¹³.

Наиболее важными качествами периодики как поставщика фактической информации являются информированность и оперативность. В этом смысле наиболее значимыми для исследования являются газеты «Новое время» и «Речь». Газеты, разумеется, были оперативнее журналов, но достоверность их данных часто сомнительна именно в силу этой особенности.

Политическая *публицистика*, размещаемая в первую очередь на страницах периодики, предоставляет практически неисчерпаемые ресурсы для анализа. Наиболее значимой по характеру (а зачастую и по политическому влиянию) является публицистика кадетов П.Н. Милюкова (автора большинства передовиц «Речи»)¹¹⁴, А.А. Кизеветтера (сотрудника «Русских ведомостей»), П.Б. Струве («Русская мысль» и «Русская молва»)¹¹⁵, А.С. Изгоева («Русская мысль»), националистов М.О. Меньшикова (ведущего сотрудника «Нового времени»)¹¹⁶, В.В. Розанова (сотрудничавшего с «Новым временем»)¹¹⁷ и И.П. Балашева¹¹⁸, консерватора Л.А. Тихомирова (редактора «Московских ведомостей»)¹¹⁹, а также автора передовиц официальной «России» И.Я. Гурлянда и политического обозревателя И.И. Колышко («Русское слово»)¹²⁰. Партии и печатные

---

¹¹¹ Издатель – С.М. Проппер, редакторы – С.М. Проппер и др.

¹¹² Издатель – М.М. Ковалевский, с 1916 г. – Д.Н. Овсянко-Куликовский, редактор – К.К. Арсеньев и др.

¹¹³ Редакторы – С.П. Скворцов и др.

¹¹⁴ Милюков П.Н. Тактика фракции Народной свободы во время войны. Пг., 1916.

¹¹⁵ Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. М., 1997. и др.

¹¹⁶ Меньшиков М.О. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998; *его же*, Письма к русской нации. / Сост., вступ. статья и прим. М.Б. Смолина. М., 2002; *его же*, Национальная империя. М., 2004.

¹¹⁷ Розанов В.В. Собрание сочинений. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2006. и др.

¹¹⁸ Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915; *его же*, Важнейшие очередные задачи нашей внешней и внутренней политики. Пг., 1916.

¹¹⁹ Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России (статьи 1909, 10, 11 гг.). М., 1912.

¹²⁰ Баян-Рославлев [Колышко И.И.] Пыль. Сборник политических статей 1907–1912. М., 1913.

издания издавали отдельные сборники статей¹²¹. Значительная часть публицистики позднее также подверглась републикации в виде сборников статей, часть которых включают научный аппарат. В условиях отсутствия (до 1914 г.) или слабой эффективности (с 1915 г.) предварительной цензуры печать стала не только крайне значимым и опасным политическим оружием, но и пространством напряженной многогласной полемики.

Публицистическое значение имели научные работы либералов¹²² и консерваторов¹²³, посвященные государственному праву «обновленного строя».

Источники личного происхождения следует подразделить на синхронные и ретроспективные. К первым относятся текущая переписка и личные дневники, к вторым – мемуары и письма мемуарного характера. Наиболее значимой для данной темы является *переписка* императора¹²⁴, представителей высшей бюрократии П.А. Столыпина¹²⁵, В.Н. Коковцова¹²⁶, И.Л. Горемыкина¹²⁷, А.В. Кривошеина¹²⁸, гр. С.Ю. Витте¹²⁹, Н.А. Маклакова¹³⁰, кн. В.Н. Орлова¹³¹, консерваторов гр. С.Д. Шереметева¹³², гр. А.А. Бобринского¹³³ и К.Н. Пасхалова¹³⁴, октябристов А.И. Гучкова¹³⁵ и В.И.

---

¹²¹ Ежегодники газеты «Речь» на 1914–1916 гг. Пг., 1914–1916; Вопросы мировой войны Пг., 1915; Чего ждет Россия от войны? Пг., 1915.

¹²² Гессен В.М. Русское государственное право. СПб., 1909; Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912; Лазаревский Н.И. Русское государственное право. СПб., 1913; Магазинер Я.М. Чрезвычайно-указное законодательство в России. СПб., 1911; Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911.

¹²³ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912; Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. М., 2007.

¹²⁴ Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3–5. М. – Пг. (Л.), 1923, 1926–1927; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1; ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1; РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1.

¹²⁵ П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004; П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006; РГИА. Ф. 1662. Оп. 1.

¹²⁶ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 11.

¹²⁷ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1900.

¹²⁸ А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы I мировой войны. Письма А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, П.Б. Струве. Под ред. С.В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 40–61; РГИА. Ф. 1571. Оп. 1.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 1145.

¹³⁰ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288.

¹³¹ Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы. Вводная статья, подготовка текста и комментарии С.В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 148–180.

¹³² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1.

¹³³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3.

Герье¹³⁶, мирнообновленца Д.Н. Шипова¹³⁷, прогрессиста кн. Е.Н. Трубецкого¹³⁸, кадетов В.А. Маклакова¹³⁹, М.В. Челнокова¹⁴⁰, И.И. Петрункевича¹⁴¹.

Среди *дневников* необходимо выделить записи начальника канцелярии IV Государственной думы Я.В. Глинки¹⁴², октябриста И.С. Ключева¹⁴³, кадета А.В. Тырковой¹⁴⁴, журналиста «Нового времени» С.Д. Протопопова (сына кадета Д.Д. Протопопова и племянника октябриста, последнего министра внутренних дел императорской России А.Д. Протопопова)¹⁴⁵, правых Л.А. Тихомирова¹⁴⁶, гр. С.Д. Шереметева¹⁴⁷ и гр. А.А. Бобринского¹⁴⁸, чиновника МИД А.А. Радкевича¹⁴⁹.

Наиболее важной отличительной чертой *мемуаров*, как известно, является их ретроспективность. По большей части мемуары были написаны в постреволюционный период в эмиграции (иногда – в советской России), что наложило на них серьезный отпечаток. В связи с этим анализ мемуарного наследия представляется более полным при учете тех фактов и оценок, которые представлены в документах, созданных в ходе самих событий (переписке, дневниках, периодике и др.).

---

¹³⁴ «Не понимают величия русской государственной идеи»: Переписка К.Н. Пасхалова 1914–1917 гг. / Публ. Ю.И. Кирьянова // Источник. 1995. № 6. С. 4–40.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. 555.

¹³⁶ Переписка Д.Н. Шипова с М.В. и Е.К. Челноковыми (1897–1914) // Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010. С. 176–391; НИОР РГБ. Ф. 70.

¹³⁷ НИОР РГБ. Ф. 440.

¹³⁸ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М., 1997; НИОР РГБ. Ф. 171.

¹³⁹ «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 1–3. М. – Стэнфорд, 2001–2002.

¹⁴⁰ «У нас беда – страшная привычка к словам...» Письма депутата Государственной думы М.В. Челнокова к графине Е.А. Уваровой. 1903–1912 гг. (Публ. Ф.А. Селезнева) // Исторический архив. 2004. № 1, 2, 4; ГА РФ. Ф. 810.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 579 (Милуков П.Н.) и др.

¹⁴² Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста, биограф. словарь и коммент. Б.М. Виттенберга. М., 2001.

¹⁴³ РГИА. Ф. 669. Оп. 1.

¹⁴⁴ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012.

¹⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 389.

¹⁴⁶ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008; ГА РФ. Ф. 634.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1.

¹⁴⁸ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 127–150; РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8.

¹⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1.

Наиболее значимыми и показательными мемуарами чиновников стали воспоминания С.Е. Крыжановского¹⁵⁰, С.И. Тимашева¹⁵¹, П.Л. Барка¹⁵², кн. В.Н. Шаховского¹⁵³, А.Н. Яхонтова¹⁵⁴, А.С. Путилова¹⁵⁵, Н.П. Харламова¹⁵⁶, кн. В.А. Друцкого-Соколинского¹⁵⁷, А.А. Сидорова¹⁵⁸. Яркими образами и литературными достоинствами выделяются мемуары бар. М.А. Таубе¹⁵⁹, В.Б. Лопухина¹⁶⁰, И.И. Тхоржевского¹⁶¹ и Н.П. Муратова¹⁶². Мемуарные записи гр. С.Ю. Витте составлялись после его отставки с поста премьер-министра и носят на себе отпечаток еще не завершенной политической борьбы¹⁶³. В воспоминаниях гр. В.Н. Коковцова пафос самооправдания довлеет над всем повествованием¹⁶⁴. Своей особой спецификой выделяются мемуары В.И. Гурко¹⁶⁵, побывавшего как в правительственном, так и оппозиционном лагере. К критическому обзору этих мемуаров автору диссертации уже приходилось прибегать¹⁶⁶. Практически всегда воспоминания чиновников отмечены попытками оправдания различных особенностей правительственной политики, а критика связана скорее с уступчивостью в

---

¹⁵⁰ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б/г.; *его же*, Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2–4.

¹⁵¹ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 95–130.

¹⁵² Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1955. № 43, 48; 1959. № 91; 1965. № 157–161, 165–168; 1966. № 169–184.

¹⁵³ Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952.

¹⁵⁴ Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров. Под ред. Р.Ш. Ганелина и М.Ф. Флоринского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 245–348.

¹⁵⁵ Путилов А.С. Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46.

¹⁵⁶ Харламов Н.П. Записки бюрократа. Воспоминания. Последний министр последнего самодержца (А.Д. Протопопов) // НИОР РГБ. Ф. 261. Оп. 20. Д. 5.

¹⁵⁷ Друцкой-Соколинский В.А. Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880–1914 гг.). Орел, 1996; *его же*, На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914–1918. М., 2010.

¹⁵⁸ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 93–114.

¹⁵⁹ Таубе М.Ф. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007.

¹⁶⁰ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008.

¹⁶¹ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999.

¹⁶² [Муратов Н.П.] Воспоминания Н.П. Муратова // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 28.

¹⁶³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. В 2 т. СПб., 2003.

¹⁶⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903–1919 гг.). В 2 кн. Париж, 1933 [репринт: М., 1992].

¹⁶⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

¹⁶⁶ Андреев Д.А., Гайда Ф.А. В.И. Гурко и его воспоминания // Отечественная история. 2002. № 6. С. 141–148.

отношении оппозиции. Однако иногда проявлялась и иная точка зрения. Воспоминания А.Н. Наумова¹⁶⁷, написанные на основе дневника, отличаются большой информативностью; кроме того, необходимо учитывать, что министр земледелия был представителем общественных кругов (умеренно-правым), что наложило отпечаток на его взгляды. Мемуары А.Н. Шварца¹⁶⁸ были написаны вскоре после отставки в 1910 г. и стали попыткой самооправдания перед общественными и научными кругами. Воспоминания гр. П.Н. Игнатьева¹⁶⁹ также выделяются явным стремлением оправдать свое присутствие в составе предреволюционного правительства, находившегося, по мнению мемуариста, под контролем «темных сил». Это также свойственно мемуарам С.Д. Сазонова¹⁷⁰.

Свою специфику имеют и мемуары полицейских деятелей. Последнему начальнику петроградского охранного отделения К.И. Глобачеву¹⁷¹ необходимо было объяснить читателю причины неудачи в пресечении Февральской революции. Сходный пафос характерен для мемуаров П.Г. Курлова и труда А.И. Спиридовича¹⁷². Воспоминания В.Ф. Джунковского (составлены на основе дневника)¹⁷³ внешне отличаются более спокойным стилем, но оценки различных деятелей в них весьма рельефны и критичны.

Общественные деятели оказывались перед необходимостью решения двойной задачи: обоснования своей оппозиционности накануне революции и объяснения собственных неудач в ее ходе. Когда доминировала первая проблема, рисовалась яркая и фатальная картина деградации «старого режима», а единоборство с ним оказывалась в центре внимания. Таковы мемуары кадетов П.Н. Милюкова¹⁷⁴ и И.В. Гессена¹⁷⁵, октябристов А.И.

---

¹⁶⁷ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1954–1955.

¹⁶⁸ Шварц А.Н. Моя переписка с Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994.

¹⁶⁹ Игнатьев П.Н. Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // Новый журнал. 1944. № 8. С. 300–320; № 9. С. 276–292.

¹⁷⁰ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927.

¹⁷¹ Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.

¹⁷² Курлов П.Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923; Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 2 т. Нью-Йорк, 1920.

¹⁷³ Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997.

¹⁷⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

Гучкова¹⁷⁶, М.В. Родзянко¹⁷⁷ и С.И. Шидловского¹⁷⁸. В случае первоочередности второй проблемы обычно преувеличивалась степень собственной умеренности, а ближайшие соратники подвергались жесткой критике. Это характерно для мемуаров кадетов В.А. Маклакова¹⁷⁹ (воспоминания содержатся также в корпусе его переписки¹⁸⁰), А.В. Тырковой¹⁸¹ и кн. В.А. Оболенского¹⁸², октябриста Н.В. Савича¹⁸³, националиста В.В. Шульгина¹⁸⁴. Ценную информацию содержат также воспоминания И.И. Колышко¹⁸⁵, Ф.А. Степуна¹⁸⁶, С.В. Бахрушина¹⁸⁷, кн. С.Е. Трубецкого¹⁸⁸.

Мемуары общественных деятелей, в целом, более рефлексивны, чем воспоминания чиновников. Часто они более образны, при этом они могут быть менее информативными.

Источники личного происхождения, как синхронные, так и ретроспективные, вносят, прежде всего, неоценимый вклад в прояснение персонального восприятия и мотивации участников событий¹⁸⁹, а также сообщают важные детали происходившего. Лишь в сочетании с такими

---

¹⁷⁵ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 22. Берлин, 1937.

¹⁷⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

¹⁷⁷ Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 6. Берлин, 1922. С. 5–80; *его же*, За кулисами царской власти. М., 1926; *его же*, Крушение империи (записки председателя Русской Государственной думы) // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 17. Берлин, 1923. С. 5–169.

¹⁷⁸ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923.

¹⁷⁹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936; *его же*, Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006.

¹⁸⁰ «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 1–3. М. – Стэнфорд, 2001–2002.

¹⁸¹ Тыркова А.В. То, чего больше не будет. Париж, 1954; Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964.

¹⁸² Оболенский В.А., кн. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.

¹⁸³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993.

¹⁸⁴ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990; *его же*, Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н.Н. Лисового. М., 2002.

¹⁸⁵ Колышко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009.

¹⁸⁶ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергеля. СПб., 2000.

¹⁸⁷ Архив РАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 3.

¹⁸⁸ Трубецкой С.Е., кн. Минувшее. Париж, 1989.

¹⁸⁹ Первой развернутой попыткой систематизации и комплексного анализа источников личного происхождения, как опубликованных, так и архивных, вышедших из-под пера членов Совета министров, стало исследование Г.С. Варнаковой (см.: Варнакова Г.С. Состав Совета министров Российской империи 1905 – 1914 гг. (опыт индивидуальной и коллективной характеристики на основе документов личного происхождения). Дис. ... к.и.н. М., 2004).

источниками официальная документация может стать свидетельством в полной мере.

Сфабрикованные документы¹⁹⁰, а также такие мемуары, чья информация совершенно не соответствует контексту эпохи¹⁹¹, к исследованию не привлекались.

Начиная с последнего десятилетия XX века процесс активной публикации документов по истории России рассматриваемого периода лишь набирал силу. Введение новых источников в научный оборот происходило значительно медленнее. Если некоторые вновь опубликованные мемуары государственных и общественных деятелей вызывали пристальный интерес исследователей, то этого нельзя сказать об официальной документации правительства, иных государственных учреждений и партий, не говоря уже о той переписке и публицистике, которая подверглась републикации. Слабо исследованы и материалы периодики. Таким образом, источники по теме исследования не только требуют дальнейшего изучения, но и вполне позволяют раскрыть ее в достаточном объеме.

---

¹⁹⁰ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный: Житие опытного странника сквозь призму его личности. Дневник Распутина. СПб., 2003; Дневник Распутина. М., 2008. См. также: Гайда Ф.А. О «дневнике Распутина» // Российская история. 2012. № 5. С. 203-205.

¹⁹¹ Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956.

Глава 2. Политическая ситуация в конце 1910 – середине 1911 гг.: рамки и возможности Третьеиюньской системы

В начале 1911 г. Третьеиюньская система впервые испытала серьезный кризис: основные составляющие ее – правительство и законодательные палаты – вступили в открытое противоборство, чего ранее еще не случалось. Конфликт возник на почве разногласий по вопросу о развитии местного самоуправления, и для всех сторон он оказался принципиальным. От этого вопроса напрямую зависело будущее страны, которое тем или иным политическим силам виделось по-разному.

2.1. Политические основания и перспективы развития Третьеиюньской системы

Столыпинский либерально-консервативный курс, сформулированный в 1906–1907 гг., как известно, предполагал следующие направления. Реформа административного и полицейского аппарата призвана была создать систему, способную воспрепятствовать революционным процессам в России. Однако предотвратить их должно было масштабное реформирование всей русской жизни. Во-первых, оно подразумевало постепенное оформление новой политической культуры: проведение политических свобод (печати, собраний и союзов), развитие практики парламентаризма, постепенное ослабление стеснений национальных и религиозных меньшинств. Создание третьеиюньского октябристского парламента – воплощения союза власти и образованной общественности – позволяло, по мысли Столыпина, придать процессу системный и управляемый характер. Это могло привести к политическому «успокоению» (стабилизации) и дать возможность

осуществлять реформы. Во-вторых, предполагались масштабные социально-экономические мероприятия (аграрная реформа, социальное обеспечение рабочих, развитие народного образования), обеспечивающие перспективу дальнейшего развития России. Создание новой системы местного суда и самоуправления должно было способствовать этому процессу, закрепить его результаты. Развитие России обеспечивало ей сохранение статуса великой державы на международной арене. Однако решение этой задачи было связано также и с повышением обороноспособности (проведением военной и военно-морской программ).

Реализация подобной программы, по мысли Столыпина, была возможна лишь при сохранении суверенных (иначе, «самодержавных»¹⁹²) прав царской власти, от которой исходила инициатива создания конституционного строя. Выступая в Думе, премьер утверждал: «Историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценным достоянием русской государственности, так единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды»¹⁹³. Между тем политическая система, созданная в России в 1905–1907 гг., предполагала дуалистический, самодержавно-парламентский характер. Император, верховной властью которого были изданы манифесты 17 октября 1905 г. и 3 июня 1907 г., утверждены Основные государственные законы, сохранял свой суверенитет (самодержавие), однако делил с палатами законодательную власть. Только законодательный парламент, по мнению премьера, обеспечивал верховной власти прочную взаимосвязь с образованной общественностью. 16 ноября 1907 г., при открытии III Думы Столыпин заявил: «При наличии Государственной думы задачи правительства в деле

---

¹⁹² Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 83–85.

¹⁹³ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К.Ф. Шаццло, сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991. С. 102.

укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на образование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений путем обличения незаконных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной»¹⁹⁴. Вполне можно согласиться с тем, что Столыпин искренне верил в возможность Думы в той или иной степени контролировать государственные финансы и администрацию¹⁹⁵. В действительности Дума, несмотря на «забронированные статьи», имела достаточно широкие полномочия при ветоировании бюджета и при определении структуры государственных учреждений, а также использовала в отношении правительства право запросов (при том, что депутаты обладали не только формальной, но и, как правило, реальной безответственностью). Но в остальном оказать влияния на действия администрации законодательная палата не могла¹⁹⁶.

Совет министров (высший административный орган Империи), ответственный перед императором, призван был к осуществлению исполнительной власти. Его полномочия, в соответствии с Основными государственными законами, целиком и полностью вытекали из прерогатив верховной власти. Между тем, реальная политика проводилась именно правительством. Министры формально назначались императором и не имели общей программы. Каждый министр в силу права Всеподданнейшего доклада был относительно независим в определении своего ведомственного курса. Вместе с тем, министры при осуществлении сколько-нибудь важных мероприятий были обязаны (за исключением военного, морского, иностранных дел и императорского двора) и вынуждены координировать

---

¹⁹⁴ Там же. С. 99.

¹⁹⁵ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород – Самара – Пенза. Пг., 1916. С. 43.

¹⁹⁶ Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 32–35, 46, 57–63, 71; Соловьев К.А. Бюджетное право в период думской монархии // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 27–38.

свои усилия с другими ведомствами¹⁹⁷. Совет министров формально-юридически был объединен подобной процедурой обсуждения различных вопросов, а политически – фигурой своего председателя. Полномочия председателя Совета министров определялись Положением о Совете министров и по сути сводились лишь к координации политики министров (вопросы правительственной стратегии или кадровой политики формально в его компетенции не находились, однако могли решаться и обычно решались при Всеподданнейшем докладе). Степень неформального влияния премьера, конкретная специфика его взаимоотношений с монархом, сами по себе взаимосвязанные, в такой ситуации были решающими факторами. Внутренняя политика России в третьеиюньский период, таким образом, официально формировалась четырьмя основными субъектами: императорской властью, Советом министров, Государственным советом и Думой. Различное влияние на развитие ситуации также оказывали придворные, отдельные чиновники, парламентские комиссии, группы и фракции, печать и партии, органы самоуправления, сословные корпорации.

Третьеиюньская система безусловно являлась «реакционной» (то есть была реакцией на Первую русскую революцию), но по тогдашним меркам ее вряд ли можно было бы назвать отсталой. Как и в большинстве крупных европейских стран (кроме Франции и, лишь отчасти, Германии), российская конституция (Основные государственные законы 1906 г., ОГЗ) являлась дарованной (октроированной), а ее появление было вызвано революционными событиями. Монарх, хоть и отказавшийся от неограниченного статуса, оставался безусловным источником конституционного строя.

Как известно, выборы в Государственную думу не были всеобщими. Избирательными правами по избирательным законам 1905 г. не обладали женщины, военнослужащие и высшие представители местной

---

¹⁹⁷ Подр. см.: Флоринский М.Ф. Институт всеподданнейших докладов членов Российского правительства (1905–1914 гг.) // Политическая история России начала XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов / Ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. СПб., 2011. С. 80–92.

администрации, учащиеся (в т.ч. студенты), «бродячие инородцы» (коренные народы Севера), а также пораженные в правах (совершившие уголовные преступления, осужденные за должностные преступления (в течение 3 лет), подсудимые и подследственные, уклоняющиеся от исполнения воинской повинности, лишенные духовного сана, исключенные из дворянских сословных организаций). Возрастной ценз составлял 25 лет. По избирательному закону 1907 г. избирательных прав также было лишено коренное население Средней Азии. По оценке Н.И. Лазаревского, избирательное право распространялось на 15 % подданных¹⁹⁸. Однако всеобщее избирательное право в тот период еще не стало мировой практикой: впервые оно было введено лишь в 1906 г. – в Великом княжестве Финляндском, и затем только в 1913 г. – в Норвегии, а в 1915 г. – в Дании. Оно также было провозглашено в некоторых североамериканских штатах и в британских доминионах – Новой Зеландии и Австралии – но не распространялось на расовые меньшинства. Всеобщее избирательное право для мужчин (без учета населения большинства колоний и с высоким возрастным цензом) было установлено во Французской республике (1848 г.), Швейцарском союзе (1848 г.), Германской империи (1871 г.), королевствах Норвегия (1905 г.) и Швеция (1907 г.), Португальской республике (1911 г.). В Британии, Австрии (Цислейтании), Италии политическими правами обладало 15–20 % населения, в Венгрии (Транслейтании), Испании и Японии – менее 10. Расширение числа лиц, обладающих политическими правами, было связано как с революционным процессом (на романском юге Европы), так и с развитием традиции самоуправления (германский и англосаксонский север). Развитие событий в России было сходно с романской традицией, но важно отметить, что она также подразумевала возможность широкой политической реакции.

---

¹⁹⁸ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. СПб., 1913. С. 480. Эта цифра представляется несколько заниженной.

Россия после Первой революции сразу оказалась на «среднеевропейском» уровне по формальному распространению политических прав. Вместе с тем, ее система голосования предполагала неравные и многоступенчатые выборы. По мнению Н.И. Лазаревского, российская система выборов имела все недостатки, связанные с всеобщим избирательным правом (его распространение на неграмотных), но не имела соответствующих преимуществ, поскольку отличалась ярко выраженным неравенством голосов. «Наше законодательство о выборах в Гос. Думу необыкновенно сложно. Это, может быть, самая запутанная и несовершенная система выборов, которая когда-либо существовала», – писал Лазаревский и цитировал французского юриста, который полагал, что такая система «может быть только переходною» и «предназначена к исчезновению»¹⁹⁹. Отличительной особенностью России было сочетание сословного, имущественного и национального цензов, каждый из которых являлся очень высоким. Достаточно высокий имущественный ценз также сохранялся в Австрии, очень высок он был в соседних с Россией Венгрии и Японии. Национальный ценз также существовал в Австро-Венгрии, которая, наряду с Россией, по сути была единственной державой в Европе, в которой нетитульные нации составляли значительную часть населения. Сословные курии в Австро-Венгрии были отменены лишь в 1907 г. Прямые выборы были установлены только в Германии (при неравенстве округов) и Британии.

Прочные позиции землевладельческой аристократии, как правило, сдерживали указанные процессы. Политической гарантией власти аристократии нередко была вторая палата парламента. Порядок ее формирования в целом определялся соотношением власти и влияния аристократии и монаршей власти. В Австрии, Венгрии, Италии вторая палата являлась назначаемой (в Италии – пожизненно), в Испании и Японии – смешанной (присутствовали выборные от аристократии), в Британии –

---

¹⁹⁹ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. СПб., 1913. С. 482; Marchand R. Les grand problemes de la politique intérieure russe. London, 1912. P. XIX.

наследственной²⁰⁰. Лишь во Франции и Германии вторая палата формировалась путем избрания депутатов с мест. Уравнение обеих палат в правах (кроме бюджетных, где приоритет оставался за первой) уже было осуществлено в Британии, Италии, Испании. Более значимыми полномочиями в сравнении с нижней верхняя палата обладала во Франции, Германии, Австрии и Венгрии, Японии. В России в отношении второй палаты – Государственного совета – была установлена смешанная система комплектования и равные полномочия с Думой. Выборы в Совет, в сравнении с некоторыми европейскими образцами, осуществлялись по достаточно «демократичной» схеме. Следует отметить, что по закону император имел право вообще не назначать членов Совета (ст. 100 ОГЗ), хотя на практике назначенные всегда составляли максимальное число – половину от общего числа членов палаты; это диктовалось не стремлением наполнить палату «реакционерами» и полностью парализовать законодательный процесс, а желанием перенести возможный конфликт представительства и верховной власти в законодательные палаты и локализовать его в рамках законодательного процесса. В целом, это защищало позиции монаршей власти и стабилизировало российскую политическую систему, однако было чревато затяжным конфликтом палат и законодательным кризисом. Государственный совет по сути не являлся верхней палатой, и именование «лорды» в отношении его членов могло быть не более чем иронией. Таким образом, по закону принципы взаимоотношений законодательных палат в России были по европейским меркам того времени достаточно либеральными. Подобная ситуация отражала ряд российских особенностей: относительную слабость аристократии (особенно по сравнению с Австро-Венгрией, Германией, Британией, Испанией), высокое политическое

---

²⁰⁰ Интересно, что гр. С.Ю. Витте в интервью британской прессе в 1911 г. выступил за ликвидацию британской палаты лордов, поскольку она была «учреждением средневековым, отжившим» и «не оправдывается ни практическими, ни научными соображениями» (Речь, 9 апреля 1911 г., со ссылкой на газету «Daily telegraph»).

значение монархии, а также еще не израсходованные законные возможности либерализации существующего политического строя.

Развитие парламентаризма привело к созданию ответственного перед парламентом и формируемого им правительства в Британии, Франции, а также в Испании и Италии. Не несло ответственности перед парламентом и формировалось монархом правительство в Германии, Японии, России. В Германии и Японии правительство было единым и само оказывало большое влияние на работу парламента (германский канцлер возглавлял его верхнюю палату – Бундесрат (Союзный совет), а японское правительство монополизировало законодательную инициативу). Только в России «безответственные» министры должны были отвечать на парламентские запросы. Широкое право думских запросов в России²⁰¹ усиливало парламент (но в деструктивном ключе) и в случае отсутствия сильного премьера становилось еще одним фактором децентрализации правительства²⁰².

В Британии и Испании монарх не имел никаких реальных политических полномочий. В Италии монарху принадлежала исполнительная власть и возможность косвенного участия в законодательной (через пожизненное назначение членов верхней палаты), в Германии и Австро-Венгрии – сильное влияние на законодательство. В Японии и России император имел исполнительную власть и участвовал в законодательстве (в том числе, определял срок парламентских сессий, осуществлял чрезвычайное указное законодательство); в Японии – формально гораздо более значимо, однако его фактически затмевал премьер, назначение которого зависело от бюрократической элиты. В целом, милитаристско-харизматические режимы (Германия, Япония, Россия) сохраняли сильную императорскую власть. Но в Германии и Японии императорская власть была новоучрежденной или

---

²⁰¹ Подр. см.: Рябухин И.В. Запросная деятельность в Государственной думе Российской империи (1906–1917 гг.). Дисс. ... к.и.н. Барнаул, 2013.

²⁰² Подр. см.: Куликов С.В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX века: сравнительный анализ // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в истории России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей. Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. С. 11–109.

радикально реформированной и связанной с аристократической элитой, а в России – традиционной и формально не зависимой. В результате российская верховная власть не имела столь определенной бюрократической и аристократической опоры, как в Германии и Японии, а политическая система фактически была менее централизованной. Таким образом, российский парламент (пусть и столь ограниченный по представительству, как третьиенюньская Дума) мог претендовать на большую политическую власть, особенно в ситуации политического кризиса.

А кризис был неизбежен. Если российский «обновленный строй» был вполне сравним с политическими системами европейских стран и Японии, то основывался он на гораздо менее прочной социально-экономической базе. Основными факторами риска были низкий уровень благосостояния и грамотности населения, слабые традиции самоуправления, ускоренная экономическая трансформация и неизбежный в таких условиях рост социальных проблем, а также ярко выраженная полиэтничность.

Уже в 1908–1909 гг. вполне проявились программные противоречия столыпинского курса. Прежде всего, обострилась его основная политическая коллизия (подавление революции и развитие политических свобод), из чего неизбежно вытекал конфликт Столыпина с правыми. Экономические реформы (аграрная, рабочее законодательство) провоцировали конфликт как с правыми, так и с октябристами, поскольку создавали угрозу их благосостоянию. Важным было и финансово-политическое противоречие, вызванное необходимостью распределять затраты по различным направлениям реформ, что порождало конфликт Столыпина с правыми и министром финансов В.Н. Коковцовым. Уже в это время Столыпин лишился значительной части своих политических союзников, но исключительной вины премьера в этом не было. Те, кто продолжал на него ориентироваться (в первую очередь, лидер распадавшейся октябристской партии А.И. Гучков), по сути были значительно менее влиятельны, чем сам Столыпин.

Премьер выражал уверенность в возможностях политического компромисса с октябристами, но уже с 1909–1910 гг. видел во фракциях объект своей собственной политики, не опору, а инструмент реформирования страны. Такое поведение являлось вполне закономерным. Не только октябристы, но и иные политические партии без исключения находились в ситуации набиравшего силу паралича и распада; тем сильнее было желание закрепиться в парламенте²⁰³. Между тем, законодательный процесс, на взгляд министра торговли и промышленности С.И. Тимашева, тормозился в Думе политиканством депутатов, громоздкостью комиссий, непрофессионализмом их состава. Законопроекты были плохо подготовлены, а их прохождение определялось внешними причинами. Столыпин, по свидетельству его коллеги, тратил значительное время на переговоры с депутатами с целью обеспечения своей политики, устраивал неофициальные приемы («чашки чаю»)²⁰⁴. Политика премьера не предполагала думского лавирования, а потому ленинское мнение о «думском маятнике» не оправдывается расчетами и поведением самого премьера²⁰⁵.

Печать, наряду с парламентом, оставалась главным инструментом партий (особое значение по своей оперативности и информированности в этом смысле, конечно, имела печать кадетская) и по мере обострения ситуации все более и более втягивалась в конфликт. Тотальное использование печати в политической борьбе отмечал сам Столыпин, когда признавался А.П. Извольскому: «У нас прессы нет, а то, что есть, кривое зеркало»²⁰⁶. Как вспоминал уже в советское время один из журналистов, «в

---

²⁰³ Подр. см.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.

²⁰⁴ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 117–122.

²⁰⁵ Лидер кадетов П.Н. Милюков также считал, что левое большинство формировалось в исключительных случаях и только в отношении социальных вопросов за счет входивших в центр крестьян и духовенства (Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2. М., 2000. 20 октября 1908 г. С. 45).

²⁰⁶ П.А. Столыпин – А.П. Извольскому, 28 июля 1911 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 425–426.

период 1910–1914 гг., несмотря на господство реакционных тенденций, с прессой бороться стало несоизмеримо трудно»²⁰⁷.

Октябристы (точнее, их думская фракция) являлись одним из основных элементов Третьеиюньской системы. По мнению самих октябристов, закон 3 июня был благом безотносительным: именно после него, как утверждал Гучков в своем докладе на III партийном съезде в октябре 1909 г., «наступило общее отрезвление»²⁰⁸. Лидер октябристов провозглашал: «Акт 3-го июня был спасением для Г. Думы. <...> Только благодаря этой реформе избирательного закона представительный строй России пустил глубокие корни. И теперь только в безумных головах может родиться мысль о его уничтожении». Суть реформы, по его мнению, заключалась в «ограничении влияния инородцев, <...> усилении влияния коренного населения, и в том, что к законодательной деятельности призывались элементы, привыкшие к работе в земских и городских самоуправлениях»²⁰⁹. Парламентская деятельность воспринималась октябристами как основное направление партийной работы²¹⁰.

Октябристы подчеркивали отсутствие у них полного контроля над Думой. Гучков отмечал: «Мы никогда не были в Думе большинством, никогда не были хозяевами положения. Мы всегда были лишь сильным меньшинством». Заключение стратегического соглашения с правыми или левыми для октябристов было невозможно из политических соображений: это было чревато разрывом с избирателями или, наоборот, со Столыпиным. На партийном съезде Гучков напрочь отметал возможность опираться на

---

²⁰⁷ Кантор Р. Л. Львов (Клячко) и Департамент полиции // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1208. Оп. 1. Д. 86. Л. 74об.

²⁰⁸ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 82.

²⁰⁹ Там же. С. 334.

²¹⁰ Благодаря октябристскому центру в течение первых трех сессий III Думы удалось провести аграрные законопроекты (об аграрной реформе, о землеустройстве, о ссудах переселенцам), законопроекты о местном суде, о биржевых съездах, о западном земстве, о порядке издания законов в Финляндии, вероисповедные законопроекты (о переходе в иные вероисповедания, о правах снявших сан, о старообрядцах). Инициатором большинства этих законопроектов было правительство. Законопроекты о рабочем страховании, о торговых служащих, о всеобщем начальном образовании, о начальных училищах, о земствах на окраинах, об общественном и городском управлении в Польше, о Холмщине дожидались своей очереди. Важно отметить, что радикально-либеральные законопроекты о собраниях и союзах, печати, демократизации земства в III Думу не вносились.

правых и национальные фракции, а в отношении кадетов размышлял вслух: «Могли ли мы опереться на кадетов? В начале третьей Думы у кадетов такой расчет был <...> Но соглашение не состоялось, и этот вопрос никогда у нас серьезно и не ставился. В кадетских рядах мы признаем наличие элементов, годных для совместной работы, но они сами в партии не имеют никакого веса. Кадетское же ядро, сложившееся в содружестве с революцией и ярко выразившееся во время забастовок 1905 г., наконец, занявшее двусмысленное и колеблющееся положение во время вооруженного восстания, – положило между нами непроходимую грань. Указывают теперь на признаки эволюции в кадетских рядах, на разрыв с революцией. Да, некоторые национальные струи пробиваются сквозь характерный кадетский космополитизм. Но мы не знаем, естественная ли это эволюция или тактический прием. (*Возгласы: «Браво!»*) Против соглашения с кадетами говорит еще одно обстоятельство: их малая заинтересованность в продуктивности думской работы. Кадеты в Думе не работают, а если работают, то с агитационными целями». Наиболее конструктивными, по мнению Гучкова, у октябристов были отношения с прогрессистами и умеренно-правыми. Однако группа прогрессистов была «очень малочисленна и недостаточно ясно определила свою физиономию»; с умеренно-правыми же, как заявлял Гучков, «настоящего блока <...> никогда не было», хотя причины этого лидером октябристов не упоминались²¹¹. Октябристы (точнее подконтрольный Гучкову октябристский печатный орган – «Голос Москвы») надеялись на раскол кадетов и создание новой партии на базе прогрессистов и правого кадетского крыла во главе с В.А. Маклаковым²¹².

Несмотря на явно обнажившиеся проблемы партий, обозначились и властные амбиции лидеров Союза 17 октября, их стремление перейти к частичному парламентскому контролю и управлению, что только усиливало проблемы Третьеиюньской системы. Думская активность октябристов

---

²¹¹ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 83–84.

²¹² Голос Москвы, 4 мая 1910 г.

проявилась по двум основным направлениям – связанным с обороной и Церковью – которые предполагали нажим на прерогативы императорской власти. Это позволяло демонстрировать перед избирателем независимость партии, не задевать самолюбия премьера и создавать условия для политического торга с правительством. В правовой коллизии вокруг 96-й статьи ОГЗ, посвященной прерогативам императора в оборонной сфере, верховная власть формально одержала верх, но октябристы смогли поддержать свой образ независимой политической силы и развили неформальные отношения с военными верхами²¹³. Во второй сфере главным стал вопрос церковно-приходских школ. Это вело к конфликту по поводу трактовки 65-й статьи ОГЗ о церковном управлении.

Политика октябристов уже в начале 1910 г. привела к частичной потере инициативы в рамках Думы, активизации правого и левого крыльев и кризису октябристского центра. Все попытки октябристов играть в оппозицию, как справедливо отмечал лидер кадетов П.Н. Милюков, могли привести лишь к их провалу на выборах, расколу партии и усилению крыльев в следующей Думе²¹⁴. На будущих выборах националисты и кадеты выступали естественными конкурентами октябристов. Эта перспектива подталкивала октябристов к поиску более тесных отношений как с правительством, так и с избирателями, что являлось заведомым противоречием. Предвыборная стратегия становилась слишком сложной и противоречивой. Однако октябристы были подчеркнуто принципиальны. Гучков заявлял: «Наш идеал – конституционная монархия дуалистического типа, сильная монархическая власть и министерство, ответственное перед монархом. Эту позицию мы сохраняем и поныне и за это подвергаемся ярким нападкам. <...> Нас называют правительственной партией и упрекают в угодничестве. Но двухлетняя работа в Гос. Думе – прямое опровержение этого упрека. <...> Не осталось ни одного темного уголка правительственной

---

²¹³ Дякин В.С. Ук. соч. С. 91–107; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003. С. 12–21.

²¹⁴ Речь, 21 ноября 1910 г.

деятельности, который не был бы беспощадно и ярко освещен представителями нашей партии. И мы боролись не только с правительством: рядом с правительством и над ним мы указали наличие вредных темных сил, очень влиятельных и безответственных». Однако лидер октябристов подчеркивал: «На <...> путь оппозиции ради оппозиции <...> мы никогда не встанем»²¹⁵. Как отмечал позднее Милюков, Гучков тем самым затевал собственную «большую игру»²¹⁶. Игра была рискованной, поскольку правительственная поддержка представлялась октябристам все же более ценной и надежной, чем опора на избирателей. Показательный пример: когда летом 1910 г. после решения Сената о бесполезности «Обществ обывателей и избирателей» последовало распоряжение петербургского градоначальника о их роспуске, это вызвало лишь недоумение думцев. Однако, как они сами признавались, они были в этом вопросе бессильны²¹⁷.

Идеология Конституционно-демократической партии была радикально-либеральной с развитой социальной компонентой²¹⁸. Как справедливо отмечал еще В.А. Маклаков (член ЦК партии и один из наиболее известных ораторов Думы), конституционных демократов нельзя было считать классическими либералами. Этот взгляд, в частности, высказывался им в рецензии на мемуары британского дипломата Б. Пэрса «Падение русской монархии». Пэрс считал кадетов либералами английского типа, «оппозицией Его Величества», как было заявлено П.Н. Милюковым в Британии в 1909 г. «Но, – как писал Маклаков, – ведь даже для этого времени это для конституционных демократов было неправдой». Маклаков отмечал, что Пэрс «поддался версии, которую русские либералы внушали Европе»²¹⁹. Прогрессисты также резонно считали, что «буржуазный либерализм»

---

²¹⁵ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 85.

²¹⁶ Милюков П.Н. Большой человек: А.И. Гучков // Последние новости, 15 февраля 1936 г.

²¹⁷ Разгром // Голос Москвы, 28 августа 1910 г.

²¹⁸ Подр. см.: Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.

²¹⁹ Маклаков В.А. О книге Пэрса «Падение русской монархии» // История и историки. 2001. Историографический вестник. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2001. С. 307, 313.

кадетам был совершенно чужд²²⁰. Между тем, отстраняясь от буржуазии, кадеты также были искренне убеждены, что именно конституционно-демократическая партия составляла цвет русской оппозиционной общественности. Кн. Д.И. Шаховской, человек кристальной личной честности, полностью посвятивший себя общественному служению, утверждал: «Нет в России другой партии, которая могла бы взяться за эту работу, кроме нашей»²²¹. «Без кадетской партии наша страна была бы похожа на Турцию: направо и налево от нас еще неорганизованный хаос», – считала член кадетского ЦК А.В. Тыркова²²².

Образ бюрократии в восприятии радикальных либералов в целом имел законченный и статический характер и предназначался как для внутреннего, так и для внешнего «использования»; оценки, как правило, не содержали сколько-нибудь развернутой аргументации и, как изначально предполагалось, в силу некоей традиционной «очевидности» должны были приниматься на веру²²³. Понятие «бюрократия» для конституционного демократа (как и для любого представителя освободительного движения с его представлением о враждующих в стране политических лагерях) включало в себя не только государственный чиновничий аппарат, но и весь властный механизм империи: поэтому верховная власть также включалось в состав бюрократии; монарх рассматривался как главный бюрократ, самодержавие – как «бюродержавие» (это распространенное в социалистических кругах словцо здесь также вполне уместно). При этом бюрократия принципиально отделялась от остальной страны, от общественности и народа, и определялась как их антипод.

Оценки бюрократии либералами можно условно разделить на формальные (связанные с характеристикой ее общего положения в

---

²²⁰ Семенов М. Смута // Утро России, 27 сентября 1913 г.

²²¹ Съезды и конференции... Т. 3. Кн. 1. С. 173.

²²² Там же. С. 287.

²²³ Это отнюдь не значило, что кадеты не интересовались происходящим в правительстве. Кадеты платили свои информаторам в бюрократической среде по 100 руб. за отчет о каждом заседании Совета министров, в 1911 г. на это было потрачено в общей сложности 7000 руб. (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 27. ч. 57. Лл. 9–10).

социально-политической системе и деловых качеств) и этически окрашенные (характеризующие политическую позицию и курс бюрократии). Русская бюрократия считалась главной силой страны, поскольку в ее руках находились мощнейшие материальные и организационные ресурсы. П.Н. Милюков признавал, что за бюрократией «стоит весь громадный, хотя и неуклюжий, но всё же налаженный на работу чиновничий механизм с его традицией и рутинной»²²⁴. Либералы (авторитетные «Русские ведомости», главным редактором которых был член ЦК А.А. Мануйлов) отмечали как сильную черту бюрократии «то единственное, чем она гордилась и в чем старалась найти искупление своим грехам, – внешний порядок и формальную работоспособность»²²⁵. Впоследствии именно с бюрократией А.А. Кизеветтер связывал тот «громадный размах, который был придан в 90-х и в 900-х годах развитию государственного хозяйства»; поэтому он считал, что «никак нельзя изображать русскую бюрократию конца империи сплошным сборищем рамоликов и лентяев». По мнению историка-кадета, «беда заключалась вовсе не в бездеятельности и неработоспособности бюрократии, а в том, что политика власти направилась по ложному пути и в связи с этим работа бюрократии – очень усиленная и интенсивная – не давала благодетельных результатов, а прямо наоборот усиливала внутреннее расстройство, чреватое роковыми последствиями»²²⁶.

Представление о силе бюрократии и порой вынужденное осознание собственной слабости вело к тому, что бюрократия обвинялась во всех негативных аспектах русской жизни. Ординарным стилем поведения чиновничества были, как считалось, бессмыслица и мертвенность, переходящие нередко в откровенное безобразие. А.И. Шингарев так характеризовал очередную бюджетную декларацию правительства: «Декларация председателя Совета министров напоминает мне слова

---

²²⁴ Съезды и конференции... Т. 3. Кн. 1. С. 124. Политический доклад П.Н. Милюкова на июньской кадетской конференции 7 июня 1915 г.

²²⁵ Русские ведомости, 5 января 1917 г.

²²⁶ Кизеветтер А.А. Из размышлений о революции // Современные записки. 1930. № 42. С. 359.

Гончарова, сказанные о русской государственности в 1847 году: одни колеса и пружины, живого дела нет»²²⁷. Д.Д. Протопопов по поводу внесения правительством в Думу проекта реформы земского положения писал в частном письме: «Пропадут они – их дело ломать, портить, гасить, а не созидать. Тут они всегда ломаются и делаются смешными»²²⁸. Общий портрет бюрократии, особенно в плане оценки ее политической значимости и профессиональных качеств, был достаточно противоречив. Потому неудивительно, что от обвинений в косности либералы часто переходили к осуждению морального состояния чиновничества, и именно здесь крылся основной пункт критики. Сама по себе бюрократическая деятельность нередко считалась заведомо аморальной и заслуживающей публичного порицания. Как вспоминал кн. В.А. Оболенский, несмотря на высокий спрос на образованных людей на чиновничьих должностях, его поколение не шло в чиновники и упрекало в этом своих старших товарищей 1880-х гг. Оболенский отмечал: «Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общепольной, в конечном счете приносит вред народу уже тем, что усиливает правительственную власть. Кроме того, мы видели перед собой целый ряд примеров того, как люди самых левых убеждений, поступив на государственную службу, постепенно привыкали к компромиссам и теряли свой оппозиционный пыл». Оставалось, по мнению мемуариста, идти в науку, литературу, искусство, педагогику и «общественную деятельность», непременно оппозиционную или революционную²²⁹. В представлении русского либерала все бюрократы по своим моральным и деловым качествам были принципиально одинаковы. В.И. Вернадский не открывал глаза товарищам по партии, когда говорил, что «Кассо и Сазонов – деятели

---

²²⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. Ч. 1. Стб. 451. 8 декабря 1912 г.

²²⁸ ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 309. Д.Д. Протопопов – М.В. Челнокову, 12–13 августа 1913 г.

²²⁹ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 102.

приблизительно одной марки»²³⁰. Либералы открыто давали понять, что редкий бюрократ мог рассчитывать на общественное (то есть кадетское) доверие, при этом имена заслуживавших как правило не назывались.

Часто отмечалась стратегическая бесперспективность бюрократии. Общим местом кадетской критики правительства было утверждение о том, что власть ведет страну «к катастрофе»²³¹. Бюрократический курс в восприятии либералов не мог измениться к лучшему. Изменения могли означать лишь ухудшение политического положения. Восприятие бюрократии определяло и соответствующее поведение оппозиции при взаимодействии с ней. Возможности и границы соглашения с бюрократией радикальными либералами никогда заранее не определялись, что нередко порождало (у стороннего наблюдателя или незадачливого историка) иллюзию их сговорчивости. На самом деле эта неопределенность была лишь неизбежным следствием желания радикальных либералов сохранить преимущественно легальный характер собственной оппозиционности, не замкнуться в «непримиримом» подполье. Общественная деятельность рассматривалась как способ политической конкуренции с бюрократией. В период Первой мировой войны победа над внешним врагом, достигнутая при помощи общественных усилий, должна была принести и долгожданную победу над врагом внутренним. Однако очень скоро традиционный враг – бюрократия – был воспринят в качестве важнейшего, а сконструированный образ бюрократа безболезненно трансформировался в средство пропагандистской борьбы²³².

Вместе с тем, видение кадетами перспектив развития ситуации определялось прежде всего двумя очевидными для партийного руководства факторами. Во-первых, конституционные демократы осознавали свое

---

²³⁰ Протоколы ЦК и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1997–1998. Т. 2. С. 97. 12 октября 1912 г.

²³¹ См., напр.: Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. 1. Стб. 327. 7 декабря 1912 г.

²³² Подр. см.: Гайда Ф.А. Бюрократ глазами либерала: российское правительство в восприятии парламентской оппозиции (1911–1917 гг.) // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / [сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс]; МГУ им. М.В. Ломоносова, Ист. фак-т. – М., 2008. С. 647–656.

изолированное положение в рамках Третьеиюньской системы. Участие в деятельности III Думы не приносило партии сколько-нибудь ощутимых политических плодов. Отношения с октябристским парламентским большинством были враждебными. Как октябристы, так и кадеты воспринимали постановку вопроса о совместной деятельности их партий, а тем более – думских фракций, как отказ от основополагающих политических принципов, определенных еще в период размежевания оппозиционного движения в 1902–1904 гг. и закрепленных в период спада Первой революции в 1906–1907 гг.: для кадетов подобное соглашение означало отступление от идеалов освободительного движения, для октябристов – союз с революцией. С 1907 г. именно между октябристами и кадетами пролегал основной, отнюдь не риторический рубеж общественного размежевания, связанный с признанием или отрицанием существовавшего политического строя.

Во-вторых, партийная организация кадетов находилась в состоянии глубокого кризиса. Продолжался процесс разрушения партийных структур. Он был обусловлен как слабостью (в большинстве случаев – симуляцией) попыток партийного руководства восстановить жизнеспособность местных организаций, так и, в еще большей степени, глобальными процессами, происходившими в русском обществе: связанным с развитием национальной экономики нарастанием «буржуазных» прагматичных (следовательно, не кадетских) настроений, продолжающейся аграрной реформой, ростом «делового подхода» в земской среде. А.С. Изгоев небезосновательно считал, что кризис российских партий был связан с тем, что они вышли из революции и с трудом приспосабливались к послереволюционным условиям²³³. Попытка некоторых влиятельных членов партии (П.Б. Струве, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского) переформулировать кадетскую повестку исходя из складывавшейся ситуации, проявившаяся в сборнике «Вехи» (1909 г.) встретила жесткое сопротивление партийного ядра и была отвергнута. Однако в целом развитие страны в этот период шло не в том направлении, в

---

²³³ Изгоев А. На перевале // Русская мысль. 1912. № 7. II паг. С. 136–137.

каком желало бы подавляющее большинство кадетов. Успех партии виделся ей в некоей отдаленной перспективе. Это подтверждали и близкие кадетам такие внепартийные либералы, как кн. Е.Н. Трубецкой. В издававшемся П.Б. Струве и имевшем веховскую направленность журнале «Русская мысль» князь писал: «У нас еще не вырос тот общественный строй, который был бы в состоянии держать на себе и питать своими соками прогрессивную общественность. <...> Отсюда – крушение русской революции, крушение русской конституции, крушение и попыток создать «сильный и работоспособный центр», крушение всех попыток создать что-либо маломальски приличное и сносное в нашей государственной и общественной жизни. <...> Для осуществления конституционных свобод нам недостает одного необходимого условия – правового воспитания массы населения»²³⁴.

Организационный и идейный кризис кадетов начался уже после IV съезда партии (сентябрь 1906 г.), констатировавшего провал «Выборгского манифеста». На протяжении нескольких лет эта тенденция лишь усиливалась. В ответ на новый избирательный закон 3 июня и поражение на выборах в III Думу на своем V съезде (1907 г.) кадеты лишь заявили о необходимости сосредоточиться на законодательной деятельности²³⁵. С учетом всей предыдущей истории партии это было не просто поражением, это было признаком деморализации. Собиравшиеся с 1908 г. 1–2 раза в год партийные конференции имели скорее информационный характер, среди их участников преобладали столичные кадеты. Провинциальные делегаты, как правило, отмечали, что «к партии широкие народные массы относятся <...> даже не отрицательно – они о ней просто забыли» или «не знают»²³⁶.

Лишь с 1910 г. (очевидно, в связи с обострением после выхода «Вех» идейного противостояния в партии) намечается рост числа местных делегатов. Основу тактики ЦК и фракции составляло ожидание изменения ситуации. Кадеты не стремились ни к сотрудничеству с думским

---

²³⁴ Трубецкой Е. Над разбитым корытом // Русская мысль. 1911. № 2. II паг., с. 191–192.

²³⁵ Съезды и конференции... Т. 1. С. 671–672.

²³⁶ Там же. 20 октября 1908 г. С. 56–57.

большинством в законодательной сфере, ни к акциям, направленным на роспуск палат. Запросная тактика стала главным оружием фракции²³⁷. Если местные делегаты выступали против столь осторожной тактики, то кадетские лидеры не стремились к досрочным выборам, опасаясь дальнейшего сужения рядов партийной фракции. На июньской конференции 1908 г. Ф.И. Родичев доходчиво объяснял местным делегатам позицию ЦК: «Если бы мы действовали без уступок, прямолинейно, мы устроили бы себе похороны, правда, по 1-му разряду. Желаете вы одобрения смертной казни – вносите в III Думу законопроект об ее отмене. То же относится и к высылкам, и к другим случаям. Если вы выберете этот путь, то безобразия, которые теперь совершаются администрацией за свой страх, будут совершаться с одобрения Государственной думы. <...> Мы знаем отлично, что мы одни – часовые на славном посту... И как таковые мы себя ведем. <...> Теперь мы идем над бездной и в азартную игру пускаться не должны на верный проигрыш. Помните стихотворение: «Дай отпор, страна родная... Но родина молчит...» Вот это-то положение мы теперь и переживаем. Но, может быть,ждемся и мы нашего времени». Сотрудничество с октябристами было практически невозможно и, в крайнем случае, могло носить лишь тактический характер: «Октябристов, по крайней мере некоторых из них, мы должны приучить не к соглашениям, а к единомыслию с нами по многим вопросам». Таким образом, Родичев рассчитывал на то, что лишь эволюция самих октябристов может стать основой сближения в достаточно отдаленном будущем. Взгляд партийного авторитета на законодательный процесс был фирменным, подлинно кадетским. По поводу законопроекта об аграрной реформе – главного в тот момент для Думы – и связанного с ней вопроса о крестьянских правах он утверждал: «Мы хотим НЕ РАСШИРЕНИЯ ПРАВ, А

---

²³⁷ По общему числу запросов в период III Думы кадеты уступали только социал-демократам (38, или 24 % от общего числа, и 46 соответственно). Октябристы инициировали 22 запроса, правые – 15, трудовики – 12, остальные – 1–6. Всего было принято 157 запросов (Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности Государственной думы 3-го созыва. 1907–1912. СПб., 1912. С. 192).

РАВНОПРАВИЯ [так в тексте – *Ф.Г.*]. Наше дело теперь: не портить будущего»²³⁸.

В октябре 1908 г. была, наконец, сформулирована задача выработки «самостоятельной линии поведения, независимо от плана, проводимого большинством Государственной думы»²³⁹. И лишь в ноябре 1909 г. была осуществлена попытка сформулировать партийный курс в третьеиюньской ситуации. Констатировав «по общему впечатлению» наличие в стране «длительного и затяжного кризиса», докладчик П.Н. Милюков (наиболее активный и влиятельный член ЦК) выразил опасение, что «в настоящее время в стране не имеется достаточно организованных сил не только для сколько-нибудь активной борьбы с целью расширения приобретенных уступок, но даже и для сохранения уже достигнутого». Он отметил: «Нельзя скрывать от себя, что русские политические партии, все без исключения, не имеют глубоких корней в населении». Милюков классифицировал все значимые политические течения в России по трем направлениям: «демократический монархизм», «буржуазный конституционализм» и «демократический конституционализм». Социалисты в расчет не принимались в силу их утопизма и деструктивности. Первое направление, под которым понимались думские правые и националисты, должно было в ходе своей активной деятельности «дать серьезный толчок настоящему демократическому движению» и сойти с политической сцены. Второе направление – основной союзник правительства – не имело устойчивой социальной опоры, поскольку дворянство в целом было правее, а буржуазия – левее октябристов. Расхождение этих двух сил в будущем рассматривалось Милюковым как размывание и без того зыбкой опоры октябристской партии, что создавало условия для ее раскола. Однако в ближайшей перспективе борьба между двумя лагерями шла в политической плоскости. Основной ее ареной была не Дума, а правительство. Победа правых и формирование

---

²³⁸ Съезды и конференции... Т. 2. С. 38–39.

²³⁹ Съезды и конференции... Т. 2. С. 49.

нового – правого – правительства вместо столыпинского должно было спровоцировать кризис и роспуск палат, причем новые выборы могли пройти на основании вновь измененного избирательного закона. В противном случае политический курс Столыпина также эволюционировал бы в правом направлении, но медленнее, и при существующей Думе. В любом случае октябристы не могли стать союзниками кадетов – в силу конъюнктурности поведения «столыпинской партии». Кроме того, от поведения самих кадетов развитие ситуации не зависело. В результате кадетская партия должна была руководствоваться не думскими расчетами, а собственной программой. «Сохранение партийной физиономии» являлось главной задачей.

Суть «демократического конституционализма» виделась Милюковым «в соединении радикальной политической и радикальной социальной программы», при котором политическая программа была первоочередной. «На заре свободной политической жизни», которую и переживала Россия, общественное сознание еще не могло осознать значения такого единства, стало жертвой социальной демагогии, что и вызвало поражения Первой революции. Однако «городская демократия» становилась основной социальной опорой кадетов (наряду с ней – также и национальные меньшинства). Революционная тактика на данный момент категорически отвергалась. «Усматривая в новом политическом строе самое действенное средство охраны демократических интересов, мы, естественно, должны прежде всего стремиться, чтобы средство это оказалось в наших руках»²⁴⁰. Стоит отметить, что столь повышенное внимание Милюкова к вопросам социальной опоры не только самих кадетов, но и их противников, позволяет предположить, что, несмотря на прогнозы об обострении кризиса, он воспринимал существовавший порядок как относительно прочный и длительный. В мае 1910 г. на следующей партийной конференции Милюков считал правоцентристское большинство наиболее вероятной перспективой по

---

²⁴⁰ Там же. С. 236–252.

сравнению с расколом Думы надвое или случайными соглашениями²⁴¹. В подконтрольной ему известной газете «Речь» кадетский лидер с сожалением писал: «Первая Дума кипела работой и жизнью. Она начала широко развернутой программой коренных преобразований, на которых сошлись все прогрессивные политические группы. Третья Дума живет идейными крохами, когда-то застрявшими в ее политическом рубище, как след великого общественного праздника. И эти крохи старательно разыскиваются и истребляются у сегодняшних победителей победителями завтрашнего дня. <...> Третья Дума со своей психологией запуганности, с инстинктами самосохранения, с манией подозрительности создает все новых и новых врагов из вчерашних друзей»²⁴².

Столыпин представлялся кадетам серьезным противником: он был властолюбив, не чужд идеологии и интриги²⁴³. Однако подобные качества имели и слабые стороны. В.А. Маклаков отмечал: «Идеи «личных» прав, свободы, равенства, без которых весь правовой порядок может оказаться «великой ложью», были для Столыпина второстепенными; у него часто не хватало чутья, чтобы замечать то, что в действиях его им противоречило». В отличие от Бисмарка, который умел уступать ради пользы дела, Столыпин, по мнению Маклакова, «любил идти напролом, не отыскивая линии наименьшего сопротивления, не смущаясь, что плодил этим лишних врагов и открывал слабые места для попаданий»²⁴⁴. По мнению кадетов, Столыпин возвел здание Третьеиюньской системы «на зыбучем песке не закончившегося политического обвала» и сам ускорял ее крушение²⁴⁵. Акт 3 июня, по мысли П.Б. Струве, мог быть «оправдан» (кавычки самого Струве) только идеей постепенного упрочения конституционного строя, но этого не произошло²⁴⁶. Кадеты готовились к разложению как думского большинства,

---

²⁴¹ Там же. С. 264–265.

²⁴² Речь, 27 апреля 1910 г.

²⁴³ Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 330.

²⁴⁴ Маклаков В.А. Вторая Государственная дума: воспоминания современника. Париж, 1939. С. 18.

²⁴⁵ Миллюков П.Н. Ук. соч. С. 329.

²⁴⁶ Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. М., 1997. С. 132.

так и Третьеиюньской системы в целом. В апреле 1909 г. Струве предрекал: «Октябристы, поставленные, по существу дела, на положение «кадетов» или даже только «мирнообновленцев», А.И. Гучков хотя бы на положении Д.Н. Шипова, будут живым свидетельством полного краха системы П.А. Столыпина»²⁴⁷. Однако в мае 1910 г. Милюков хотя отмечал дальнейшее ослабление «личного влияния премьера», но признавал, что изменения происходили не слишком быстро²⁴⁸.

В подобной ситуации даже правые кадеты считали партию главной оппозиционной силой в стране – хотя и лишь в моральном смысле. Ведущий публицист «Русской мысли» А.С. Изгоев писал: «Казалось бы, все организации к.-д. разгромлены. Партия <...> осуждена почти на полную бездеятельность и чуть ли не на разложение. <...> Лучшие силы ее тем или иным способом в большей их части изъяты с политической арены. Словом, разгром полный. И все же политическая борьба наших дней и по сию пору вертится главным образом вокруг кадетов. Объясняется это, конечно, тем, что они ярче всего выразили столь сильную в русском обществе и народе жажду закона, жажду правового порядка»²⁴⁹.

Как и у кадетов, представления правых (партийных активистов, думцев и публицистов) не оставляли им шанса занять в рамках Третьеиюньской системы господствующее положение. Правая пресса, хотя часть ее и находилась на правительственной субсидии, выдерживала по отношению к правительству достаточно критический настрой. Между тем, особого влияния у правой печати, особенно в сравнении с либеральной, не было. Организационная разобщенность консерваторов также играла большую роль.

Правительство оказывало правым негласную поддержку лишь для того, чтобы противопоставить их левой общественности. Правые подвергали радикально-либеральную программу резкой критике. Кн. В.П. Мещерский,

---

²⁴⁷ Там же. С. 131.

²⁴⁸ Съезды и конференции... Т. 2. С. 264–265.

²⁴⁹ Изгоев А. Политическая жизнь России // Русская мысль. 1911. № 4. III паг., с. 2–6.

имевший в эти годы большое влияние в высших сферах, в своем собственном журнале «Гражданин» отмечал, что, как Британия была крепка своим парламентаризмом, так Россия – самодержавием²⁵⁰, чего не хотели принять во внимание «наши мирабошки»²⁵¹. Активный консервативный публицист И. Гофштеттер в «Московских ведомостях», издававшихся Л.А. Тихомировым, отмечал: «Основная методологическая ошибка русского либерализма заключается именно в упорном игнорировании русской государственной действительности, в утрате чувства реального, которая приводила к чисто эфемерному построению общественной деятельности и создала совершенно эфемерные завоевания нашего политического прогресса. Теоретики права и свободы, опирающиеся на английскую хартию или на французскую декларацию прав, но не на устои русской политической истории, приемлют мнимое, яко реальное, желаемое, яко даденное, сказанное, яко сделанное, жизнь осуществляют с бумагой, живут в мире политически фантомов и отвлеченностей и непрерывно, чуть ли не на каждом шагу чувствительно стучаются лбами о твердую стенку, не наживая, однако, шишек политической мудрости. <...> От дешевого и бесплодного провозглашения чужих государственно-правовых принципов давно пора бы обратиться к выработке своих собственных. Конец политического шантеклерства будет началом творческого культурно-политического служения русской передовой интеллигенции. Оно откроет новую эру в истории России»²⁵².

Разложение самих партий, по мнению «Московских ведомостей», происходило по причине их беспочвенности. Западные партии были стабильны, поскольку представляли собой «осколки тех властных групп, которые сами некогда были правительством и сохраняют за собою историческую почву даже в преданиях народных»²⁵³. Именно поэтому Тихомиров считал, что землевладельцы, торгово-промышленники и рабочие

---

²⁵⁰ Дневник // Гражданин. 1910. № 34. С. 11.

²⁵¹ Лас-Нанас [Мещерский В.П., кн.]. Тайновед // Гражданин. 1910. № 39. С. 15.

²⁵² Гофштеттер И. Правовой строй и народное правосознание // Московские ведомости, 7 мая 1910 г.

²⁵³ Внутреннее обозрение // Там же. 1 января 1914 г.

должны создать свои собственные сословные партии и не идти на поводу октябристов, кадетов и социалистов²⁵⁴. Партии политиканов и засилье парламентаризма, по мнению публициста, сковывало реальные социальные группы: «Парламентаризм сковывает вовсе не бюрократию. Бюрократия – сила служебная, она живет при парламентаризме еще лучше, чем при монархии, потому что сливается с политиканами, властвующими в государстве»²⁵⁵. Националисты и октябристы расценивались как «гешефтмахеры» в рамках такой системы²⁵⁶.

Либералы и социалисты были, по мнению правых, «в идейном смысле «реакционерами»». Это наиболее четко формулировал сам Тихомиров. В отношении власти он, наоборот, писал: «Монархию должно ценить, как наивысшую форму власти, самую сильную, самую гибкую – и потому наиболее прогрессивную. Она же в наибольшей степени может поддерживать законность, если только сама правильно поставлена»²⁵⁷. При этом правые четко отделяли монарха от бюрократии и вовсе не были сторонниками Столыпина: «Преступно было бы звать Россию и ее Монарха к застою, к черной реакции, но ужас нашего положения в том, что принятая ныне программа политики, желая насадить у нас западноевропейский политический строй, в действительности насаждает чуть ли не персидскую анархию»²⁵⁸. По мнению Тихомирова бюрократическое засилье являлось оборотной стороной парламентаризма и вело Россию к государственной катастрофе.

Человечность государственного деятеля Лев Александрович считал качеством, прямо противоположным бюрократизму. Так в отношении нового товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского Тихомировым отмечалось, что он – «не бюрократ, не формалист, а живой человек, который

---

²⁵⁴ Еще по поводу октябризма // Там же. 24 ноября 1913 г.

²⁵⁵ Там же. 25 октября 1913 г.

²⁵⁶ Дневник // Гражданин. 1910. № 26. С. 9.

²⁵⁷ Монархизм и прогресс // Московские ведомости, 25 августа 1913 г.

²⁵⁸ Гофштеттер И. Политическое значение закона 9 ноября. Часть 3 // Там же. 9 апреля 1910 г.

встал лицом к лицу к населению, подошел к его нуждам и потребностям»²⁵⁹. Однако в целом, как считал Тихомиров, «правительственная власть слишком надышалась болотными испарениями русского либерализма»²⁶⁰. В результате сложился союз бюрократии и парламентской оппозиции. Новый строй оказался более бюрократичен, чем прежний²⁶¹. Как отмечал корреспондент «Московских ведомостей» А. Волынец (А.П. Липранди), опыт Запада учил тому же: бюрократизм и парламентаризм вовсе не были противоположны. Приводился пример Франции – страны парламентаристской и крайне бюрократизированной. Секрет раскрывался просто: и парламент, и бюрократия оказались под контролем партий, что еще более усилило коррупцию и бюрократизм²⁶². Комментируя тенденции развития современной ему России, Тихомиров отмечал, что усиление «полицейской силы» государства вовсе не противоречило одновременному «ослаблению нравственного влияния государства» и «чудовищно растущему развитию партий, этих политиканствующих организаций, которые должны править государством и народом»²⁶³.

Проводимые правительством реформы в целом не отвечали вкусам правых. Тихомиров резко протестовал против судебной реформы, активно проводимой ведомством И.Г. Щегловитова²⁶⁴. Власть, как отмечал публицист, сама создавала такой суд и такую школу, которые вместе с Думой готовили революцию. С помощью проводившихся властью реформ усиливала свое влияние интеллигенция, «в которой скрещиваются тысячи противоположных меняющихся направлений и настроений, и нет никакой общей единящей идеи, кроме отрицательной»²⁶⁵. Мещерский соглашался: «Россию победят внешние враги, Россию покорит себе революция, Россию

---

²⁵⁹ Тихомиров Л.А. Владимир Федорович Джунковский // Там же. 27 января 1913 г.

²⁶⁰ *Его же*, Оппозиция и власть // Там же. 1 марта 1914 г.

²⁶¹ *Его же*, Какое государство мы выращиваем? // Там же. 30 апреля 1911 г.

²⁶² Волынец А. [Липранди А.П.] Парламентаризм и бюрократизм // Там же. 20 октября 1910 г.

²⁶³ Тихомиров Л.А. Два противоположных явления в современной эволюции России // Там же. 4 января 1913 г.

²⁶⁴ *Его же*, Страхование рабочих // Московские ведомости, 11 февраля 1911 г.

²⁶⁵ Московские ведомости, 26 февраля 1910 г.

холера изведет и сифилис заест, а бюрократия останется силой. <...> Бюрократия именно теперь, когда Дума спорит с Монархом за власть, стала сильной, как никогда. Гос. Дума стала обществом страхования жизни для бюрократии»²⁶⁶.

Правые не были удовлетворены Третьеиюньской системой. Уже в 1909 г. думские правые окончательно оказались вне проправительственного большинства Думы²⁶⁷. Как писал Тихомиров, «пять-шесть лет назад враги Монархии успели блестяще воспользоваться страшными крахами, постигшими Россию в результате ошибок и злоупотреблений бюрократической олигархии», однако «самодеятельность» на деле оказалась революцией²⁶⁸. Тихомиров отмечал: «Проходит год за годом, отделяя нас от момента острого взрыва «революции», а из «революционного состояния» мы все-таки не выходим. <...> Умиротворение прочно лишь тогда, когда держится равновесием общественных сил, а этого-то у нас доселе нет»²⁶⁹. Как полагал публицист, общественное развитие могло иметь перспективы только при сильной власти и по определенному ей плану²⁷⁰. Лишь сама власть могла осуществлять реформы, поскольку при господствовавшей в России раздробленности народа любое Учредительное собрание стало бы игрушкой партий²⁷¹. Партийное всевластие воспринималось Тихомировым как явление еще более опасное, чем бюрократическое засилье: «Если бы государство и народ под видом «народного представительства» были отданы во власть партийных политиканов, то это было бы хуже не только бюрократического, но, может быть, даже хуже иноземного порабощения»²⁷².

Тихомиров отмечал искусственный характер Третьеиюньской системы: Дума не стала «душою государства», министерства и Совет министров

---

²⁶⁶ Икс [Мещерский В.П., кн.]. Речи консерватора. Петр Великий и Крыжановский большой // Гражданин. 1910. № 25. С. 1.

²⁶⁷ Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. ... к.и.н. М., 2003. С. 431.

²⁶⁸ Тихомиров Л.А. Поучения «самодеятельности» // Московские ведомости, 11 февраля 1910 г.

²⁶⁹ *Его же*, Коренной недостаток нашей реформы // Там же. 13 февраля 1910 г.

²⁷⁰ *Его же*, Поучения «самодеятельности» // Там же. 11 февраля 1910 г.

²⁷¹ *Его же*, Какая реформа нам нужна // Там же. 24 октября 1910 г.

²⁷² *Его же*, О составе народного представительства // Там же. 3 июля 1912 г.

остались в центре российской политики, и правительство само создавало партии для достижения своих собственных целей. Однако эти партии с целью самоусиления стали требовать от правительства уступок. Кроме того, в увлечении политикой думский центр упустил работу над поднятием материального положения страны. Партии и фракции центра своей задачи не выполнили: «Их роль сводится лишь к мелколиберальной деятельности, к маленькому, постепенному водворению конституции, закрепляющей ограничение Царской власти, и к водворению разных, фиктивных для народа «свобод», да к подрыву социальных и религиозных основ старой России». Как отмечал Тихомиров, националисты могли бы заменить октябристов в Думе, но не могли решать насущные задачи России. Думский центр, как отмечал Тихомиров – не «золотая середина», а только «серединка на половинку». России «нужно сильное правительство, энергичное, быстро действующее», а такое правительство, как признавал публицист, могло исходить только от правых или левых. Кадеты, по мнению Тихомирова, «выражают в своем знамени силу хотя и вредную, но действительно существующую в стране, и понятно с их стороны нежелание оторваться от нее». Отсюда его вывод: «В сущности наиболее сильную и в смысле благотворности «прогрессивную» государственную власть у нас возможно создать только на тех слоях нации, которые представляются в Думе «правыми». <...> Перейти же в средние фракции – это значит лишиться себя серьезной опоры в стране»²⁷³. Позитивной альтернативы правым публицист не видел. По мнению Тихомирова, октябризм отличался от кадетизма только взглядами на национальный вопрос, причем для самих октябристов он не был принципиальным. Октябристы рассматривались как сила, не способная к проведению национальной программы: «Октябристская конституция знаменует собой царство капитала, космополитичного по природе своей». Поэтому связь правительства с октябристами «могла держаться только на

---

²⁷³ *Его же*, Государственная дума и думские партии // Там же. 12 февраля 1910 г.

недоразумении или неискренности»²⁷⁴. Публицист отмечал, что революция, подготовленная октябристами и кадетами, приведет к тому, что народ «восстановит старую Россию» и сметет либералов²⁷⁵. В случае же правительственной твердости и верного курса, по мнению Тихомирова, «Россия лет в пятьдесят смогла бы стать величайшей страной мира»²⁷⁶. Раскол октябристов и усиление националистов и кадетов, как полагали корреспонденты «Московских ведомостей», было бы благом²⁷⁷.

Третья Дума, как считали правые, оказалась гораздо эффективнее в ниспровержении самодержавия, чем прежние²⁷⁸. К.Н. Пасхалов резко критиковал политизацию Думы и нежелание поставить во главу угла принятие бюджета. По его мнению, необходимость изменения конституции назрела, однако власть не могла решить эту задачу, опасаясь революции. Пасхалов считал такие опасения необоснованными: «Но ведь русский народ весь, кроме только петербургского чиновничества, не признает и никогда не признает власти над собой какого бы то ни было учреждения». Он заключал: «Ошибка в фальшь не ставится, когда она чистосердечно сознается, но упорство в ней, когда она обнаружилась – недопустимо»²⁷⁹. Выборы, по мнению Пасхалова, должны быть организованы от уездного земства, поскольку оно наиболее близко к реальной жизни, а председатель должен быть назначаем, чтобы был независим от фракций и справедлив²⁸⁰. В случае дальнейшей эволюции Третьеиюньской системы перспективы России расценивались как печальные. Неизбежное введение всеобщего избирательного права должно было ввернуть парламент минутным увлечениям большинства, а народ постепенно эволюционировал в сторону нравственного разложения и анархии.

---

²⁷⁴ *Его же*, Кончина октябризма // Там же. 8 марта 1911 г.

²⁷⁵ Дневник // Гражданин. 1910. № 30. С. 10.

²⁷⁶ Тихомиров Л.А. Западно-русское земство // Московские ведомости, 18 марта 1911 г.

²⁷⁷ Тур К.И. Частичные выборы // Там же. 21 сентября 1910 г.

²⁷⁸ Дневник // Гражданин. 1910. № 27. С. 13.

²⁷⁹ Пасхалов К. Новый способ решения государственных вопросов // Московские ведомости, 12 февраля 1910 г.

²⁸⁰ Пасхалов К. Путь к оздоровлению Государственной думы // Там же. 7 ноября 1910 г.

Одной из важнейших задач дня, наряду с восстановлением самодержавия и реформой народного представительства, Тихомиров считал достижение близости царя к народу и установление хорошего управления. Для этого были необходимы «приведение бюрократии в должные границы, уничтожение ее тенденции захвата власти и освежение всего ее духа» и «народная самодеятельность в местном и социальном управлении, обеспеченная необходимыми правами и представительством перед агентами центральной власти»²⁸¹. Лев Александрович предлагал следующую реформу парламента: России нужно было не партийное, а сословно-групповое представительство²⁸². Депутат должен быть не безответственным, а «сугубо» ответственным за оскорбление монарха, государственную измену, преступления против религии и нравственности, призывы к бунту²⁸³. Даже после ограничительной парламентской реформы представительство обязательно должно было иметь право делать запросы министрам и жаловаться на них царю²⁸⁴. Народное представительство по Тихомирову было важно, поскольку выполняло значимые функции: оно должно было оберегать верховную власть от бюрократии, ставить ее под верховный контроль, раскрывать ее интриги, формулировать мнения, доводить до власти нужды народа, участвовать в законодательстве. Однако в составе представительства не должно быть служащего партиям слоя профессиональных политиканов, поскольку «по своим деловым качествам он приближается к бюрократии, но со множеством нравственных и политических недостатков, в бюрократии почти невозможных»²⁸⁵.

Реальных надежд на осуществимость этого плана у Тихомирова не было. В своем дневнике уже после смерти премьера он признавался: «У меня была единственная надежда – это он, Столыпин, надежда на то, что он

---

²⁸¹ Тихомиров Л.А. Спасаящая личность и спасаящая идея // Там же. 15 июня 1912 г.

²⁸² *Его же*, Два типа представительства // Там же. 4 ноября 1910 г.

²⁸³ *Его же*, О реформе законодательных учреждений // Там же. 3 ноября 1910 г.

²⁸⁴ *Его же*, Народное представительство в высших учреждениях // Там же. 30 июня 1912 г.

²⁸⁵ *Его же*, Сочетанная система управления // Там же. 11 июля 1912 г.

изменит взгляды»²⁸⁶. Тихомиров задавался риторическим вопросом: «Что делать, говорят: <...> По всему миру так! <...> И легче ли нам от того, что не у нас одних это происходит?»²⁸⁷.

Положение правых в III Государственной думе было незавидным. Они оказались вне рамок правительственного большинства. Невозможность проводить в парламенте свою партийную политику и зависимость от настроений правительства и октябристов укрепляли оппозиционные настроения правых²⁸⁸. По законам парламентской жизни они неизбежно приобретали характер радикальной правой оппозиции. Вожди правых были настоящими образцами депутатов-оппозиционеров. По воспоминаниям соратников, лидер фракции Н.Е. Марков был доктринер и прирожденный думский лидер, «несомненно умный, даже очень умный человек, с большим характером, твердой волей, убежденный, искренний, упорный в достижении цели, но не добрый, не мягкий, а, напротив, злобный и мстительный». Говорил он прекрасно, но в речах был оттенок «духовного витийства: холодного и дурного вкуса». Кроме того, как отмечалось, вокруг Маркова всегда было много прохвостов²⁸⁹.

Касаясь политических способностей правых, товарищ министра внутренних дел и правая рука Столыпина С.Е. Крыжановский в эмиграции называл их предтечами итальянского фашизма; они, по его мнению, провалились лишь из-за «неуклюжести приемов вождей», стремления привязать себя к правительству и демагогии, хотя, как признавал и сам Крыжановский, она была неизбежной, поскольку им приходилось работать с массами²⁹⁰. Иными словами, выступая против Третьеиюньской системы, правые фактически выступали против своих покровителей, в чем и заключалась главная трудность их положения. Однако зависимость от

---

²⁸⁶ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Лл. 11–12.

²⁸⁷ Тихомиров Л.А. Воспитательное влияние Государственной думы // Московские ведомости, 11 мая 1910 г.

²⁸⁸ Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. ... к.и.н. М., 2003.

²⁸⁹ [Муратов Н.П.] Воспоминания Н.П. Муратова // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 28. Лл. 492–494.

²⁹⁰ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б/г. С. 152–154.

правительства в создавшихся условиях также вряд ли можно было преодолеть. Но и сама власть не могла долго эксплуатировать правых. Как бы то ни было, а переводумец И. Жилкин был прав, когда писал: «Каковы бы ни были правые газеты, все же это пресса, то есть попытка руководить общественным мнением, опираться на него, считаться с ним. Каковы бы ни были правые организации – все же это ячейки с общественным бродильным началом. Создавая здесь себе поддержку, администрация воспитывает здесь в себе новую, роковую для себя привычку – признание общественности»²⁹¹.

Каковы были политические настроения в среде прочих субъектов Третьеиюньской системы? Органы местного самоуправления ко времени ее оформления давно стали важным элементом политической жизни, однако в данный период их роль сильно поменялась. С 1907 г. происходила заметная экономическая активизация земства²⁹². В то же время его радикальные политические амбиции рубежа XIX–XX вв. остались в прошлом, что, безусловно, было связано с целым рядом причин: общим поправением взглядов помещного дворянства²⁹³, созданием всероссийского представительства, а несколько позднее – и с начавшимся экономическим подъемом. Как небеспочвенно отмечал, в частности, Тихомиров, беспартийность и эффективность центрально-российского земства стали синонимами²⁹⁴. Значительную роль в жизни страны стало играть кооперативное движение. Однако, несмотря на его бурное развитие, полиция не фиксировала политизации кооперативного движения накануне войны. Отношения земства и кооперации не были простыми, но также не имели

---

²⁹¹ Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 360.

²⁹² Земское самоуправление в России, 1864–1918. В 2 кн. М., 2005. Кн. 2. С. 124, 129–131, 374.

²⁹³ Земские выборы 1907 г. в 130 уездах из 219 принесли победу правым (ранее – в 79), в 53 – умеренным (72), в 2 – левым (33). Выборы 1909–1910 и 1912–1913 гг. практически не изменили общего расклада (Дякин В.С. Земство в третьеиюньской монархии (структура избирателей и гласных) // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 114–117).

²⁹⁴ Тихомиров Л.А. Итоги земских выборов // Московские ведомости, 14 августа 1910 г.

политической подоплеки: земство конфликтовало с кооперацией на сугубо деловой почве – по вопросу мелкого кредита²⁹⁵.

Отмеченная Тихомировым беспартийность вовсе не означала перехода земства под знамена правых. Они, как уже было отмечено, находились в стагнации. Съезды Объединенного дворянства также демонстрировали отсутствие какой бы то ни было внятной политической программы у «благородного сословия». Консервативная оппозиция вынуждена была ориентироваться на свое представительство в государственных учреждениях.

Государственный совет, будучи с 1906 г. одной из палат парламента, выступал не как представительство и почти никогда не использовал законодательную инициативу, а скорее как самодостаточный, в определенном смысле зависимый лишь от монарха, политический орган. Большинство политических сил он (точнее, его правое крыло) также воспринимался как главная опора Престола. Мещерский писал, что Совет является «серьезным и работоспособным законодательным учреждением с немалым количеством лиц с твердыми принципами и убеждениями, но будь он подобием Государственной Думы – вероятно, мы бы уже жили при республиканском режиме»²⁹⁶. Министры считали механизм функционирования Государственного совета более отлаженным, нежели думский, отмечали профессиональный и более пропорциональный общему собранию состав комиссий; единственной отрицательной чертой была «слишком тщательная отшлифовка каждой статьи проекта», что задерживало его «на очень длительное время»²⁹⁷. Лишь радикальные либералы считали Государственный совет филиалом правительства. Как отмечала «Речь», в Совете застревали только те законопроекты, которые были невыгодны

---

²⁹⁵ Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 257–261, 278, 366.

²⁹⁶ Дневник // Гражданин. 1910. № 45. С. 11.

²⁹⁷ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина... С. 123–125.

правительству, а необходимые ему (финляндские, об Амурской железной дороге и др.) проходили быстро²⁹⁸.

Несмотря на представления кадетов о лояльности Совета правительству, картина не была столь однозначной. Как полагал Крыжановский, именно председатель Совета (министр юстиции в правительстве Витте) «едва ли не главным образом» настраивал Николая II против Столыпина, его реформ и «заигрывания с Думой»²⁹⁹. Однако, по свидетельству В.Ф. Джунковского, председатель Государственного совета М.Г. Акимов был не только «высоко порядочный человек», но при своих правых взглядах «умевший считаться и со временем»³⁰⁰. О Мещерском Акимов отзывался «с ужасом», о Распутине – «с отвращением». По поводу выборов он говорил: «Дайте нам депутатов консервативно-настроенных, но умеренных. <...> От крайних правых никому – ни нам, ни самому Царю – житья нет!..» Председателю Государственного совета не нравился принцип формирования палаты и партийный дух в ней. Акимов сравнивал Совет с «трусобой», «из которой иногда всеми силами души хочется выбраться». Он соглашался с предложением Наумова о земском сессионном принципе формирования Государственного совета³⁰¹.

Лидер группы правых Государственного совета П.Н. Дурново, шурин Акимова и министр внутренних дел при премьерстве Витте, был давно известен всей России. Как отмечал Джунковский, он был очень умен, «на лету схватывал суть дела и разрешал вопросы тотчас же», но был «человек без всяких принципов и далеко не щепетильный в делах нравственности»³⁰². Наумов отмечал, что после личного знакомства с Дурново убедился «не в реакционности», а «в его практической разумности, государственной прозорливости и опытности». Столыпин всегда отзывался о нем плохо,

---

²⁹⁸ Неманов Л. Государственная дума и Государственный совет // Речь, 19 января 1911 г.

²⁹⁹ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 4. С. 108.

³⁰⁰ Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 96. Начальник ГУДП А.В. Бельгард полностью подтверждает первое утверждение, не касаясь второго (Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 265).

³⁰¹ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1954–1955. Кн. 2. С. 215–217.

³⁰² Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 95.

«совершенно упуская из виду тот несомненный факт, что не будь до него государственно-сообразительного и решительного Дурново, не было бы и его самого». Сам Дурново, с которым Наумов много и часто общался на общегосударственные и законодательные темы, говорил: «Я человек действия <...> говорю прямо и стою за крайнюю строгость, ибо считаю, что в настоящее время это единственный путь. Только строгостью можно теперь достигнуть успокоения, а затем в отношении армии нужны серьезные меры». Дурново называл себя республиканцем, но считал, что в России без «исторически сложившегося царского стяга» невозможно, ибо в противоположном смысле она бы распалась. Как отмечал Наумов, Петр Николаевич был совершенно терпим к иным мнениям³⁰³. Последний при монархии директор Департамента общих дел МВД Е.Г. Шинкевич писал о Дурново: «В нем была всегда определенность желаний, воли – он всегда знал, чего хотел. <...> Но, с другой стороны, редко с кем можно было так спорить, как с Петром Николаевичем, и доказывать правоту своего мнения. В споре он умел и отказываться от своего мнения»³⁰⁴. Оппоненты были к нему менее благосклонны. «Новое время», отмечая несомненные заслуги Дурново, писало, что его деятельность – это «опортюнизм навыворот», как у левых партий³⁰⁵. Милюков, имея в виду прогнозируемое правление правительства, называл Дурново «государственным человеком будущего»³⁰⁶. Дурново выступал редко, в исключительных случаях, его всегда внимательно слушали³⁰⁷. «Московские ведомости» считали его единственной значимой фигурой в Совете³⁰⁸ и печатали его речи в Государственном совете без купюр.

Политические взгляды правых Государственного совета были достаточно близки представлениям самого монарха. Они являлись

---

³⁰³ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 149–150.

³⁰⁴ [Шинкевич Е.Г.] Воспоминания Е.Г. Шинкевича // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 51. Л. 9об.

³⁰⁵ Беспринципная оппозиция // Новое время, 26 апреля 1912 г.

³⁰⁶ Речь, 14 мая 1910 г.

³⁰⁷ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 166.

³⁰⁸ Тихомиров Л.А. Новый год // Московские ведомости, 1 января 1911 г.

достаточно определенными. Сохранились машинописные выдержки из дневника Мещерского с личными подчеркиваниями Николая II: «Как в себе не зажигаю конституционализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первых дней конституции начнется конец единодержавия. Оно требует самодержавия, а конец самодержавия есть конец России. <...> Доколе Царская власть – не декларативная и не зависящая от партийных страстей, от активной ненависти лжепатриотов и от самодовольной глупости людей, а самодержавная, доколе Царь есть защита народа и оплот и хранитель государственного строя, и народ есть защита Царя. <...> Если допущена будет у нас, в подражание Европе, полная безответственность за каждое слово с трибуны Думы, то 1905 год в этой мутной среде, с прибавкою сотен тысяч рабочих, повторится в исполинских размерах, и народ будет жертвою и козлищем отпущения, а рабочие пушечным мясом, и, как в 1905 году, все провокаторы интеллигенты и писаки спрячутся. <...> Чем сильнее власть при всяком режиме, тем бессильнее революционные элементы». Сценарий будущих событий был описан достаточно точно. «Чем больше Дума отдыхает, тем больше от нее отдыхают Россия и русская жизнь. <...> Только тогда правительство будет прочно и сильно, как власть и как нравственный авторитет, когда в его политике будет отсутствовать какой бы то ни было признак ухаживания за его политической партией, ибо только тогда оно будет для всех самостоятельной силою...»³⁰⁹. Эти слова дают понятие о взгляде монарха на октябристов. Позднее, уже после смерти Мещерского, Николай II сказал гр. С.Д. Шереметеву: «При всех недостатках Мещерского он иногда остро говорил, что другие не могли»³¹⁰.

Однако факт близости взглядов Николая II и правых также не стоит преувеличивать. Реальное положение монарха в Третьеиюньской системе было неоднозначным. После 1905 г. император практически не выступал с какими бы то ни было самостоятельными внутривластными

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 987. Лл. 1–1об.

³¹⁰ Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5060. Л. 170. Дневник гр. С.Д. Шереметева, 29 декабря 1915 г.

инициативами, которые расходились бы с общей правительственной политикой. Например, последний министр финансов Империи П.Л. Барк в своих мемуарах сообщает, что только однажды Николай II воспротивился его предложениям, причем в вопросе о снижении налога на газету «Речь»: «Он не скрыл своего удивления по поводу того, что представитель оппозиции, который обычно обвиняет правительство в неправомерных действиях, сам не желает подчиняться закону и ожидает особых привилегий для себя». Затем, по свидетельству министра финансов, император спросил о том, каков был тон газеты на тот момент, «достаточно ли он корректен»? После ответа Барка, что тон являлся умеренным, царь согласился³¹¹. Наумов отмечал, что на его докладах император ни разу не отверг ни одного его предложения по ведомству³¹². Николай II, которому не исполнилось и 50 лет, любил говорить: «Переживаем мы тяжкое переходное время! Один Бог знает, к чему это Россию приведет?!.. Мое дело старое – мой конец не за горами, а вот вам, молодым людям, предстоит, вероятно, еще многое увидеть!.. Дай Бог, чтобы все обошлось благополучно!» В то же время, когда в бюрократической среде был создан проект создания Верховного совета при императоре на манер японского и поста личного секретаря, сам Николай II об этом определенно не высказался³¹³. Акимов признавался: «Государь наш – это олицетворение полнейшей неопределенности. Совершенно не знаешь и не угадаешь, что будет завтра!»³¹⁴ Как в свою очередь считал главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин, император принимал решения, «как Бог положит ему на душу»³¹⁵.

Однако Николай II далеко не всегда был «меровингом», как его называл член правой группы Государственного совета гр. А.А. Бобринский³¹⁶. Иногда император проводил свои кандидатуры в Совет с

---

³¹¹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 81–82.

³¹² Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 533.

³¹³ Там же. С. 217.

³¹⁴ Там же. С. 216–217.

³¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1571. Оп. 1. Д. 245. Лл. 90–91об.

³¹⁶ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 133.

твердостью и даже упрямством, вопреки мнению Акимова³¹⁷. Кроме того, царь ревниво относился к действиям Думы: сохранилось его письмо Столыпину, в котором Николай II просил премьера не забывать, что аграрная реформа и оборонные мероприятия являлись отнюдь не думскими инициативами и решающих заслуг в этих вопросах у палаты не было³¹⁸.

Под влиянием рассмотренных обстоятельств (обнаружившиеся противоречия программы, трения с правыми, поведение октябристов), а также иных факторов (ситуация в Финляндии, рост напряженности в Европе и т.д.) значительно эволюционировали личные политические взгляды председателя правительства П.А. Столыпина. Эта тенденция была связана не с конъюнктурным подстраиванием премьера под взгляды тех или иных группировок. Прямой характер Петра Аркадьевича для этого не годился. Современники часто отмечали его политическую и человеческую добросовестность³¹⁹. Столыпин отказался от масштабной реформы местного управления по французскому образцу, предполагавшую увеличение бюрократического штата (она была отчасти восполнена предполагаемой полицейской реформой)³²⁰. Создание волостного земства требовало серьезной предварительной подготовки: проведения аграрной реформы, введения местного суда, начального образования. Противоречия своей программы Столыпин начал преодолевать путем создания националистического движения и проведения «националистического» курса. Возможно, определенное влияние на него в этот период оказал и пример младотурок, внимание к которым со стороны различных российских сил было очень сильным. «Националистический» курс (форсирование аграрной реформы, увеличение финансирования самоуправления и начального образования, «укрепление западных окраин», повышение

---

³¹⁷ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 216–217.

³¹⁸ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. 1924. № 5. С. 122.

³¹⁹ Бельгард А.В. Ук. соч. С. 288–289; Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 407.

³²⁰ Вопросы общественной жизни // Вестник Европы. 1911. № 5. С. 425.

обороноспособности) в целом был менее масштабным и более прагматичным вариантом предыдущего курса, но он требовал снижения уровня правительственного либерализма. Стоит отметить, что и в оппозиционной среде в 1909–1911 гг. наметилась «националистическая» тенденция, связанная с выходом сборников «Вехи» и «Великая Россия»³²¹.

Под новый правительственный курс формировалась Партия русских националистов (Всероссийский национальный союз, ВНС), которую отличали государственноческие взгляды, впрочем, достаточно размытые, национализм и экономическая программа, предполагавшая поддержку крестьянства и российской промышленности. Столыпин считал националистов «своим созданием»³²². Вероятнее всего, партия не была марионеточной, значение премьера в ее создании являлось важным, но не всеопределяющим³²³. ВНС был создан весной-летом 1908 г. 29 января 1909 г. его председатель член Государственного совета С.В. Рухлов был назначен министром путей сообщения в правительстве Столыпина, что вероятно и означало превращение партии в правительственный проект. Это произошло после первых трений правительства с октябристами в III Думе. Уже в октябре думская национальная группа объединилась с умеренно-правыми (П.Н. Балашов) во фракцию русских националистов, а в январе 1910 г. последовало объединение двух партийных организаций в единую структуру. После этого думская фракция националистов насчитывала 78 депутатов (17,6 % от общего числа), ее численность была второй после октябристов. Важно отметить, что националисты по своему составу были демократичнее октябристов. Во фракции Союза 17 октября в период I сессии дворяне составляли 58 %, крестьяне – всего 10, в то время как у умеренно-правых и националистов в совокупности – 40 и 28. 29 % всех депутатов-крестьян входили в состав именно этих фракций (после их объединения для единой

---

³²¹ Колеров М.А. Не мир, но меч. СПб., 1996. С. 281–308. См. также: Национализм. Полемика 1909–1917. Сост. М.А. Колеров. М., 2000.

³²² Шварц А.Н. Моя переписка с Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 42.

³²³ См.: Санькова С.М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 104–115.

фракции была характерна наиболее высокая численность крестьян во всей Думе)³²⁴.

Однако партия являлась слишком рыхлой. Ведущий публицист влиятельнейшей газеты «Новое время» М.О. Меньшиков, националист по своим взглядам, не проявлял особого оптимизма по поводу националистов и выражал надежду на «нечто в роде национально-либеральной партии» в будущем³²⁵. Тихомиров считал, что националистам необходимо прояснить вопросы о вере и самодержавии, иначе их программа осталась бы «октябристской отрыжкой»³²⁶. Октябристы, в свою очередь, относились к националистам весьма ревниво. «Голосу Москвы» не нравились взгляды Меньшикова на парламент, а он считался «одним из главных руководителей, если не главою» партии³²⁷. Традиционную точку зрения октябристов выразил А.В. Бобрищев-Пушкин (один из основных октябристских публицистов – «Громобой»): «Национализм это соль, без которой вы не возьмете в рот ни одного кушанья. Но разве вы будете есть одну соль?»³²⁸ Другой выдающийся публицист И.И. Колышко настаивал на неоднозначности отношений октябристов и националистов: «Партия октябристов 2-го разряда основана не для конкурирования с октябристами, а для помощи им – для парализования влияния крайних правых. В этом смысле новая партия сыграет роль салазок, на которых, рано или поздно, А.И. Гучков прокатит Пуришкевича с Марковым...»³²⁹.

Националисты всецело уповали на правительственную поддержку³³⁰. Перспективы выборов оценивались ими далеко не радужно: состав новой

---

³²⁴ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. С. 49–311.

³²⁵ Новое время, 1 января 1911 г. В.В. Розанов говорил о М.О. Меньшикове, что «множество его «словечек» ... как формула, сразу обнимали умы всей России» (Розанов В.В. Суворин и Катков // Колокол, 11 марта 1916 г.).

³²⁶ Тихомиров Л.А. Чего не достаёт Национальному союзу // Московские ведомости, 8 апреля 1910 г.

³²⁷ Еропкин А. «Певец» в стане националистов // Голос Москвы, 16 марта 1910 г.

³²⁸ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 326.

³²⁹ Баян-Рославлев [Колышко И.И.] Пыль. Сборник политических статей 1907–1912. М., 1913. С. 108.

³³⁰ По этому поводу кн. Мещерский имел удовольствие обозначить разницу между кадетами и националистами: «у кадетов есть убеждения и они не продажны, а у националистов нет убеждений и они продажны» (Дневник // Гражданин. 1912. № 36. С. 15.).

Думы без изменения ситуации не должен был отличаться от действовавшей³³¹. Это националистов не устраивало: октябристов они считали партией, склонной к пустой фразе: «Оппозиция гг. Стаховичей и Шиповых – это не оппозиция, а простая репетиловщина, если не хамелеонство». А Гучков, как отмечалось, им поклоняется!³³² Черновая записка одного из наиболее влиятельных националистов И.П. Балашова об октябристах от 20 октября 1910 г. подводила итог их эволюции. По мнению ее автора, даже Гучков не смог сколотить из них партию и в результате бросил «в самый для нее тяжелый момент». Программы у октябристов, по мнению Балашова, не было, присутствовала лишь либеральная риторика. В результате октябристы должны были расколоться еще в период III Думы (например, по национальному вопросу) или на выборах, поскольку для избирателя правого они были слишком левые, и наоборот. Балашев предлагал готовиться к приему честных октябристов в партию националистов. Но единственным средством реально изменить ситуацию и добиться проправительственной Думы Балашов (обер-егермейстер, имевший влияние при Дворе) считал изменение избирательного закона³³³.

Националисты также всячески демонстрировали свою лояльность. Они в полном составе проголосовали за снижение ценза в законопроекте о западном земстве³³⁴. Власть демонстрировала ответные чувства. 10 декабря 1910 г. Николай II ознакомился с издательской деятельностью Национального клуба и приказал выделить на эти цели 15 тыс. руб., о чем Столыпин уведомил председателя совета старейшин Всероссийского Национального клуба кн. Б.А. Васильчикова и сообщила «Россия» – фактический правительственный официоз³³⁵.

Для создания прочного и подконтрольного большинства в Думе Столыпину требовалось объединить националистов и октябристов. В марте

---

³³¹ Савенко А. Выборные перспективы // Московские ведомости, 20 февраля 1911 г.

³³² *Он же*. Убеждения или настроения? // Там же. 11 июля 1911 г.

³³³ РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 169. Лл. 7–8.

³³⁴ Савенко А. О понижении земского ценза // Московские ведомости, 15 июня 1910 г.

³³⁵ П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 343; Россия, 22 декабря 1910 г.

1910 г. Столыпин выступил инициатором избрания Гучкова председателем Думы. Избрание Александра Ивановича укрепило думский центр³³⁶. «Речь» писала: «Руководящая партия получила большой заказ на патриотизм и стремится изо всех сил выполнить его скоро и точно. Это – вопрос профессионального самолюбия, и вопрос острый, потому что у господствующей партии есть конкуренты. Конкурентами являются националисты». Но теперь при председательстве Гучкова опорой правительства стала «партия 6 августа, новая «самодержавно-конституционная» партия г. Шубинского»³³⁷. Таким образом, кадеты прогнозировали дальнейшую эволюцию октябристов вправо (Н.П. Шубинский был одним из лидеров правых октябристов) и уменьшение значения Думы (6 августа 1905 г. вышел закон о булыгинской законосовещательной Думе). О Гучкове и Думе Милюков писал: «Передняя нашла своего барина»³³⁸. И.И. Колышко вторил: «По свойствам своего характера (лукавство, сдержанность, бретерство) Алекс. Иванович будет скорее держать Думу за шиворот, чем за сердце. Ну, а держа за шиворот, редко внушают жизнерадостность...»³³⁹.

Самому Гучкову такое назначение позволяло усилить свои личные позиции, в силу права Всеподданнейшего доклада установить прямой контакт с императором³⁴⁰, лидер октябристов также пытался использовать свой пост для установления неформальных отношений с правительством³⁴¹. Теснейший неформальный контакт – письменный и телефонный – был установлен им со Столыпиным, причем он осуществлялся по несколько раз в день³⁴². В результате в конце 1910 г. между правительством и октябристами было достигнуто соглашение правительства и думского большинства по

---

³³⁶ Это признавали даже «Московские ведомости» (см.: Юрский [Замысловский Г.Г.]. Думские очерки. XLV. Перелом // Московские ведомости, 23 июня 1910 г.

³³⁷ Речь, 7 мая 1910 г.

³³⁸ Там же. 30 октября 1910 г.

³³⁹ Баян-Рославлев [Колышко И.И.] Пыль. Сборник политических статей 1907–1912. М., 1913. С. 145.

³⁴⁰ В период III сессии Гучков имел 1 личный доклад, IV сессии – 2 (Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности Государственной думы 3-го созыва. 1907–1912. СПб., 1912. С. 64).

³⁴¹ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 71–72. 4 декабря.

³⁴² Там же. С. 80. Январь 1911 г.

военно-морской программе³⁴³. При этом, в целом Гучков не намеревался отказываться от прежнего октябристского курса в парламенте.

Контролируя октябристов, Александр Иванович также претендовал и на надфракционную позицию. Он находился в дружеских отношениях с лидером группы центра П.Н. Крупенским, который был «термометром думского большинства»³⁴⁴, «отличался необычайной живостью, энергией и изобретательностью», все парламентские новости узнавал первым и был главным думским информатором Столыпина³⁴⁵. Однако Крупенский, влиятельный в правительственных кругах, прямо говорил в думских кулуарах о необходимости изменения избирательного закона³⁴⁶. Предыдущий председатель Думы левый октябрист Н.А. Хомяков считал такой контакт Гучкова с Крупенским для фракции октябристов «самым опасным»³⁴⁷. Хомяков опасался не зря: деятельность Гучкова по созданию союза октябристов и националистов вела самих октябристов к расколу³⁴⁸. Однако лидер октябристов, обладавший изрядной долей наследственных купеческих талантов, долго балансировал, сохраняя октябристское единство. Политическое значение того или иного лозунга или законопроекта было ему ведомо. А.Н. Наумов как-то спросил Гучкова о наличии слишком больших уступок крестьянам в одном земском законопроекте, и Александр Иванович «столь цинично» ответил: «Было бы о чем торговаться с вами! <...> Государственный совет надбавит, тогда и мы сбавим – иначе с вами не сладишь!»³⁴⁹. Кроме того, Гучков «был любителем сильных ощущений»³⁵⁰, человеком авантюрного склада. Вице-директор I департамента МИД В.Б. Лопухин вспоминал: «Заварив кашу круто и напористо, он предоставлял

---

³⁴³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 45.

³⁴⁴ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 135.

³⁴⁵ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 181–182.

³⁴⁶ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 64.

³⁴⁷ Там же. С. 63.

³⁴⁸ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 65.

³⁴⁹ Там же. С. 213.

³⁵⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 843. Кн. В.Н. Шаховской отмечал: «Не было ни одного революционного движения за границей, которое не поехал бы лично изучать Гучков». Имелись в виду боксерское и македонское восстания, а также младотурецкий переворот (Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 185).

расхлебывать ее смене»³⁵¹. Установив отношения с Самодержцем, премьером и думским большинством, опираясь на собственную фракцию, Александр Иванович Гучков, пожалуй, уже вполне мог посчитать себя самым влиятельным и незаменимым человеком в российской политике своего времени. Не случайно правые, оставшиеся в изоляции, даже считали, что Гучков готовит военный переворот. Правый депутат А.С. Вязигин прогнозировал: такой переворот «удастся, ибо царь, чего доброго, прикажет войскам не стрелять!»³⁵²

Итак, реализуя «националистическую» программу, Столыпин рассчитывал на расширение социальной базы своей политики. Между октябристами и националистами как правительственной опорой присутствовала принципиальная разница – в силу отличий их партийной структуры и социальной опоры. Октябристы ориентировались на социальную элиту и были более самостоятельны, националисты – более демократичны и более зависимы. В результате Столыпин склонился к националистам, хотя и продолжал поддерживать личный контакт с Гучковым и даже использовал его, насколько возможно, как инструмент усиления собственной власти над Думой. Однако «националистический» курс не мог устраивать ни правых (в силу его общей – в целом либеральной, парламентаристской и антисословной – направленности), ни октябристов (крен вправо в перспективе приближавшихся думских выборов означал для партии полное политическое фиаско). Таким образом, к началу 1911 г. как правым, так и октябристам предстояло прояснить свое отношение к правительству и его менявшемуся курсу.

---

³⁵¹ Лопухин В.Б. Воспоминания // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765. Л. 194.

³⁵² Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 140. 26 ноября.

2.2. Правительство, Дума и страна: проблемы взаимодействия на рубеже 1910–1911 гг.

Возможность эволюции правительственного курса была обеспечена относительным единством самого правительства. Цельный и волевой характер самого Столыпина также способствовал этому. Однако у него были и значительные недостатки. Как отмечал Крыжановский, Петр Аркадьевич был «увлекающийся и страстный»³⁵³. Акимов и Наумов замечали в Столыпине «все более и более развивавшиеся <...> за последний период его властвования острые признаки болезненно-взвинченного самолюбия»³⁵⁴. Гучков говорил о том же, но с совершенно иной стороны, более для него важной: «У Столыпина был один недостаток: он не умел рекламировать ни себя, ни своего правительства, ни программы»³⁵⁵.

Второй по значимости фигурой в правительстве являлся министр финансов В.Н. Коковцов. А.С. Изгоев написал о нем: человек «вполне корректный, превосходный знаток своего дела, прекрасный работник, строгий хранитель вверенного ему казенного сундука, недурной оратор с излишней склонностью к многоречивости, язвительный полемист, чересчур самолюбивый, положим, в сношениях с людьми до известного ранга»³⁵⁶. Однако даже такие условно положительные характеристики министра финансов были редкими. С.И. Тимашев отмечал «атмосферу некоторого раздражения», которая всегда присутствовала в правительстве вокруг министра финансов³⁵⁷. Для Гучкова В.Н. Коковцов был «порядочный царедворец, бюрократ в плохом смысле слова»³⁵⁸. Как считал В.Б. Лопухин, Коковцов являлся карьеристом, притворщиком, но при этом

---

³⁵³ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 4. С. 109.

³⁵⁴ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 170.

³⁵⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 121.

³⁵⁶ Изгоев А.С. На перевале // Русская мысль. 1914. № 2. С. 153–154.

³⁵⁷ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина... С. 111.

³⁵⁸ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 115.

безинициативным и не годился для больших постов³⁵⁹. «Так как В.Н. Коковцов ко всякой новой реформе и ко всякому правительственному мероприятию подходил прежде всего с узкофинансовой точки зрения, то у него выработалось очень, может быть, почтенное, но в высшей степени сухое и узкое отношение ко всем вопросам государственного строительства, а иногда даже чисто ведомственная непримиримость», – вспоминал начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард³⁶⁰.

Правая рука Столыпина главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин, по мнению Лопухина, был карьеристом, подобно Коковцову, но «более способный и большей степени государственный деятель»³⁶¹. А.Ф. Трепов называл Кривошеина «богом интриги»³⁶². Главноуправляющий пользовался как «особым доверием Государя», так и признанием думских кругов. Кроме того, Кривошеин, в отличие от большинства министров, хорошо разбирался в различных экономических вопросах. Столыпин всегда прислушивался к его мнению³⁶³. В правительстве Александр Васильевич быстро стал одним из ближайших помощников премьера. Столыпин конфиденциально передавал на экспертизу Кривошеину проекты Коковцова, министра юстиции И.Г. Щегловитова³⁶⁴. Главноуправляющий земледелием и землеустройством, дед которого был крепостным, прекрасно знал крестьянский быт, был в отличных отношениях с московскими торгово-промышленниками (его жена являлась внучкой Т.С. Морозова), имел личных друзей в думских фракциях и при дворе³⁶⁵, негласно состоял в переписке с Мещерским³⁶⁶, который называл его единственной

---

³⁵⁹ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 113.

³⁶⁰ Бельгард А.В. Ук. соч. С. 115.

³⁶¹ Там же. Л. 206.

³⁶² Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 370–371. Интересно, что тот же эпитет сам Кривошеин позднее употреблял в адрес Трепова (см.: Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 291).

³⁶³ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина... С. 111.

³⁶⁴ П.А. Столыпин – А.В. Кривошеину, 16 октября 1910 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 385–386.

³⁶⁵ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 73.

³⁶⁶ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 122.

крупной личностью в правительстве Столыпина³⁶⁷ и хвалил его служебные и человеческие качества вплоть до своей кончины в 1914 г.³⁶⁸ Связи Кривошеина среди парламентариев простирались от правых до кадетов (В.А. Маклакова, И.П. Демидова). В 1908 г. товарищ председателя Государственной думы умеренно-правый кн. В.М. Волконский поздравлял «всех здравомыслящих людей» с назначением Кривошеина на пост главноуправляющего³⁶⁹. В.М. Пуришкевич выражал ему «глубочайшую признательность» за материальную помощь Союзу русского народа³⁷⁰. «Голос Москвы» демонстративно хвалил составленную им записку о переселенческом деле за небюрократический подход³⁷¹. По этому же поводу Столыпину писал император: «Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибири – вот два краеугольные вопроса, над которыми правительство должно неуклонно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах – о школах, путях сообщения и пр., но те два должны проводиться в первую голову»³⁷². Николай II отмечал и умение Кривошеина работать с людьми. Его преемнику Наумову осенью 1915 г. он говорил: «А.В. Кривошеин был умелый антрепренер!..»³⁷³

Государственный контролер П.А. Харитонов «был одним из наиболее выдающихся государственных деятелей по своим способностям, рассудительности, опытности и огромной деловой подготовке. Обладая даром точно, логично и обстоятельно излагать свои мысли как на словах, так и, в особенности, на бумаге, ровный, спокойный и вдумчивый – Харитонов являлся незаменимым сотрудником в разносторонних работах Совета министров, находя всегда удачный и толковый совет и исход для благополучного разрешения самого запутанного и сложного вопроса». За это

---

³⁶⁷ Дневник // Гражданин. 1913. № 35. С. 12.

³⁶⁸ Там же. 1914. № 22. С. 17.

³⁶⁹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 263. Лл. 1. В.М. Волконский – А.В. Кривошеину, 23 мая 1908 г.

³⁷⁰ Там же. Д. 304. Лл. 1–2. В.М. Пуришкевич – А.В. Кривошеину, 10 марта 1911 г.

³⁷¹ Голос Москвы, 12, 21 ноября 1910 г.

³⁷² П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 63. 22 сентября 1910 г.

³⁷³ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 493.

в министерской среде он и получил прозвание «акушер»³⁷⁴. Кроме того, в правительстве «его называли в шутку мудрецом»³⁷⁵. Начальник отделения канцелярии Совета министров П.П. Менделеев дал Харитонову такую характеристику: «Умный, оборотистый мужчина. Великолепный знаток бюрократической и законодательной кухни. В самых затруднительных обстоятельствах быстро находил он наиболее удобный и безопасный прием для поворота оглоблей законности в желательную для высшей администрации сторону». Менделеев считал, что в этом Харитонов был вполне схож с министром юстиции И.Г. Щегловитовым. Кроме этого, Петр Алексеевич был «большой циник, умело приспособляющийся к изменениям в государственной и политической сферах, течениям, чутко прислушивающийся к биению пульса русской общественности»³⁷⁶. Тимашев, считая его человеком «необыкновенно тонкого ума», отмечал, что никогда не знал заранее, какую позицию займет Харитонов по тому или иному политическому вопросу³⁷⁷. О министре юстиции П.П. Менделеев писал: «Щегловитов всегда старался угодить Столыпину, найти в законах лазейку для благополучного проведения в жизнь намеченных премьером мер в тех случаях, когда они не вполне согласовывались с существующими правовыми нормами»³⁷⁸. Однако Щегловитов, «будучи несомненно умным, грамотным юристом и талантливым оратором <...> выказал впоследствии партийную нетерпимость, неблагоприятно отзывавшуюся на его популярности»³⁷⁹.

Министр торговли и промышленности С.И. Тимашев был, как отмечал В.Б. Лопухин, «совершенно средний человек, но [зачеркнуто: очень] честный, наружностью напомилавший немецкого пастора»³⁸⁰. Министр путей сообщения С.В. Рухлов был энергичным, но крайне прижимистым

---

³⁷⁴ Там же. С. 376.

³⁷⁵ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина... С. 111.

³⁷⁶ П.А. Столыпин глазами современников. / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2008. С. 52–53.

³⁷⁷ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина... С. 111.

³⁷⁸ П.А. Столыпин глазами современников... С. 52.

³⁷⁹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 160–161.

³⁸⁰ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 203; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765. Л. 194.

человеком. Он недолго любил торговцев-промышленников, что вызывало неприятие Тимашева. Кривошеин, Харитонов и Рухлов обычно выступали в единой оппозиции к министру финансов³⁸¹. Государственный секретарь (до 1909 г. – товарищ министра внутренних дел) А.А. Макаров, по свидетельству А.Н. Наумова, «отличался исключительной работоспособностью и педантичной точностью». Он добавлял: «Благодаря своему врожденному благородству и высокой порядочности в служебной и частной жизни он быстро завоевал всеобщие симпатии»³⁸². Но, как писал начальник отделения канцелярии Совета министров П.П. Менделеев, «быть может, прекрасный судебный деятель и законник, А.А. Макаров казался сухим формалистом без сколько-нибудь широкого кругозора»³⁸³.

Важнейшими сотрудниками Столыпина в МВД были его товарищи С.Е. Крыжановский и П.Г. Курлов, директор Департамента полиции С.П. Белецкий, а также член совета министра внутренних дел и редактор неформального правительственного официоза – газеты «Россия» – И.Я. Гурлянд. Крыжановский, как считал Лопухин, был «[зачеркнуто: большой] умница и [зачеркнуто: очень] талантливый»³⁸⁴. «По своей неутомимой энергии, работоспособности, организаторскому таланту и знанию дела С.Е. Крыжановский являлся в полном смысле слова человеком выдающимся», – писал Бельгард³⁸⁵. Для правых Сергей Ефимович был «острый и резкий по своим способностям делец»³⁸⁶. Как писал В.Ф. Джунковский, Крыжановский, «будучи по уму на голову выше Столыпина, по нравственным своим качествам стоял неизмеримо ниже»; он, в частности, использовал подкуп для проведения желательных кандидатов в III Думу³⁸⁷. Однако Бельгард хотя и вспоминал про слова Крыжановского о политике «небольших личных услуг»

---

³⁸¹ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина... С. 111–112.

³⁸² Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 165.

³⁸³ П.А. Столыпин глазами современников... С. 53.

³⁸⁴ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 203; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765. Л. 232.

³⁸⁵ Бельгард А.В. Ук. соч. С. 336.

³⁸⁶ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 165–166.

³⁸⁷ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 242.

в отношении депутатов, но считал самого его «до щепетильности строгим к самому себе»; начальник ГУДП также отмечал, что товарищ министра «был сторонником самых широких социальных реформ», но в силу личного опыта пребывания в юности в левой среде «он относился всегда с нескрываемым скептицизмом к громким фразам и революционному пафосу передовых думских ораторов»³⁸⁸.

О П.Г. Курлове известный журналист И.И. Колышко в своих воспоминаниях написал: «По своему удельному весу, знаниям, а главное – характеру (стальной воле), Курлов имел такое же право на пост министра, как и Столыпин»³⁸⁹. Вице-директор Департамента общих дел МВД С.Н. Палеолог вспоминал, что Курлов, контролировавший полицию, «все больше упивался властью» и стремился максимально расширить сферу своей компетенции³⁹⁰. Такое поведение не было удивительным с учетом того, что сам Столыпин практически не вмешивался в полицейскую сферу. Начальник петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, отправленный в отставку по инициативе Курлова, позднее обвинял его в интригах против Столыпина³⁹¹. С.П. Белецкий, умный и работоспособный, был выдвинут кн. Мещерским (с которым потом поссорился) и быстро наладил перлюстрацию³⁹². Как считали представители ведомства внутренних дел, Белецкому Столыпин доверял безгранично³⁹³. Гурлянд (талантливый профессор-правовед, выходец из бердичевской иудейской семьи), по мнению Крыжановского, был «весьма способный, наделенный искусным, злобным и ядовитым пером, но готовый ради повышения и выгод поддерживать этим пером кого и что угодно»³⁹⁴. Впоследствии, касаясь руководящих кадров МВД, чиновник канцелярии Совета министров П.П. Менделеев делал общий

---

³⁸⁸ Бельгард А.В. Ук. соч. С. 336.

³⁸⁹ Колышко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 96.

³⁹⁰ Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 166–167.

³⁹¹ Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П.Е. Щеголева. М.-Л., 1925–1927. Т. 3. С. 11.

³⁹² Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 188–192.

³⁹³ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород – Самара – Пенза. Пг., 1916. С. 248.

³⁹⁴ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 4. С. 109.

вывод: «По-видимому, Столыпин не особенно хорошо распознавал людей»³⁹⁵. Однако при жизни Столыпина этот вывод был отнюдь не очевиден.

Стоит отметить, что представление бюрократов о либеральной оппозиции в этот период стало более оформленным и обоснованным, что объясняется прежде всего приобретением опыта взаимодействия с оппозицией, а также улучшением полицейской системы сбора данных об оппозиции. В целом, бюрократия знала об оппозиции гораздо больше, чем либералы – о правительственных чиновниках. Немаловажным является и то, что министры принадлежали к тому же поколению образованных русских людей, что и лидеры либеральной оппозиции: подавляющее большинство их родилось между 1852 и 1868 гг., а треть даже получила образование в университетах (в основном в 1870-е – начале 1890-х гг.) – вместе с будущими оппозиционерами.

В представлении правящей бюрократии авангардом образованной (или, как принято было также с некоторой иронией говорить, «прогрессивной»³⁹⁶) общественности еще со времен Первой русской революции неизменно оставалась Конституционно-демократическая партия. Она (а это признавалось как в бюрократической, так и в самой кадетской среде) составляла правый фланг «освободительного движения», включавший в себя и часть российской социальной элиты. Председатель правительства и министр финансов В.Н. Коковцов выразил общее представление правительственных сфер его времени, когда обозначил кадетов как лидеров оппозиции, мечтавших о создании принципиально нового парламентарного строя на обломках прежнего – традиционного самодержавного либо

---

³⁹⁵ П.А. Столыпин глазами современников... С. 53.

³⁹⁶ См., напр., высказывание министра внутренних дел кн. Н.Б. Щербатова в: Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года // Архив русской революции / Под ред. И.В. Гессена. Т. 18. Берлин, 1926. С. 77.

реформированного в 1905–1906 гг.³⁹⁷ Кадеты изначально (еще со времен «Перводумья» и Выборгского воззвания) и несомненно воспринимались как революционеры³⁹⁸ и самая опасная для государственного строя политическая сила. Однако кадетская революционность, в отличие от той же социалистической более распространенная в политически значимых образованных слоях общества, воспринималась гораздо реалистичнее и опаснее. Министры редко позволяли себе ее развернутую критику, однако она всегда была резкой и принципиальной.

Главным оружием кадетов считались трибуна Государственной думы, а также печать, с помощью которых партия имела возможность дискредитировать правительство путем резкой критики или «настойчиво распускаемых» слухов, что нередко требовало официального правительственного ответа³⁹⁹. Защитник представительного строя премьер-министр П.А. Столыпин еще в период II Думы признавал, что кадеты с думской кафедры революционизируют народ⁴⁰⁰. Однако и через несколько лет фактически правительственная газета «Россия» устами члена совета министра внутренних дел И.Я. Гурлянда открыто провозглашала, что лидеры кадетов являются «проводниками революционного подполья» и, имея в виду, прежде всего, связи с финляндскими автономистами, «весьма небескорыстными комиссионерами воинствующего инородчества»⁴⁰¹. Как отмечал Коковцов, «наскоки на правительство и захват власти <...> составляли всю сущность стремления» первой и второй Думы, причем кадетское большинство первой Думы и социалистическое большинство второй в сознании министра финансов практически отождествлялись⁴⁰².

---

³⁹⁷ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 160.

³⁹⁸ См., напр.: Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 87.

³⁹⁹ Напр., Особый журнал Совета министров от 2 ноября 1912 г. вынужден опровергать слухи о смене правительственного курса в отношении Финляндии. См.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1912 год. М., 2004. С. 327.

⁴⁰⁰ П.А. Столыпин – Николаю II, 9 апреля 1907 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 29.

⁴⁰¹ Россия, 5 января 1911 г.

⁴⁰² Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 269–270.

По мнению Коковцова, конфликт с кадетами принял хронический характер и продолжался на протяжении всего периода между Первой революцией и мировой войной. Милюков стремился «сразу же положить грань между правительством и левым сектором Думы, и эту грань кадетская партия ни разу не придвинула в сторону правительства за все шесть лет наших постоянных встреч в Таврическом дворце». Думские выступления кадетов по адресу правительства носили стабильно деструктивный характер; независимо от конкретного думского оратора-кадета содержание партийных речей «оставалось неизменно одно и то же – доказывать по всякому подходящему и неподходящему поводу, что правительство действует неправильно, игнорирует народные интересы, ограничивает права народного представительства, живет интересами данного дня и неспособно подняться на высоту самого элементарного предвидения будущего, занимаясь исключительно охраной своего собственного положения, отвоеванного от действительного представительства народа»⁴⁰³. Министры уловили верно: антинародный характер, выраженный, прежде всего, в презрении парламента и парламентаризма, и непрофессионализм бюрократии были главными пунктами кадетской критики по адресу правительства.

Представители правящей бюрократии полагали, что личные и партийные цели кадетов были выше общегосударственных. По мнению Столыпина, озабоченного затянувшимся кризисом российских университетов, именно кадеты были в этом виноваты; они мечтали «о политическом влиянии через загипнотизированное ими студенчество»⁴⁰⁴. Корыстность целей кадетов в отношении университетов разделял и остальной состав правительства: как отмечалось на его заседании, использованная кадетами в собственных партийных интересах университетская автономия принесла лишь «партийный произвол советов, дух партийности и крайне небрежное, если не сказать беззастенчивое,

---

⁴⁰³ Там же. С. 256–257.

⁴⁰⁴ П.А. Столыпин – И.Я. Гурлянду, 7 сентября 1908 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 270.

распоряжение денежными средствами университетов»⁴⁰⁵. При этом сами по себе кадеты не воспринимались как мощная политическая группировка. Для Столыпина это была партия «общественной дряблости, жалостливости, сентиментальности по отношению к молодежи, отвыкшей от серьезной школы и дисциплины». «Академический союз профессоров, заискивающий перед революцией и танцующий под указку бунтующих студентов с.р.» представлялся существенной политической проблемой, но отнюдь не внушал премьеру страх. Реакция была следующей: «Все жалкое нытье о произволе правительства, о мнимом посягательстве на академическую автономию и проч. не заставит правительство сойти с пути водворения законности, порядка; не заставит отдать массу русской молодежи в распоряжение политиканствующих левых профессоров как готовый материал для обработки»⁴⁰⁶.

Министры указывали и еще одну причину слабости кадетской партии. Кадеты, по мнению правящей бюрократии, сами вовсе не отличались профессионализмом и к важнейшим вопросам относились слишком поверхностно. Выражая обычное мнение правящей бюрократии, бывший товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко писал, что кадеты стремились скорее не к «фактическому укреплению в России правового строя», а лишь «к его юридическому формальному закреплению в писанных актах», что безусловно не могло способствовать развитию страны⁴⁰⁷. Правительственная «Россия» констатировала слабую юридическую подготовку кадетов⁴⁰⁸. Вне правовых вопросов дело обстояло еще тяжелее. Как считал Коковцов, Милюков как лидер оппозиции не мог не критиковать его в Думе при обсуждении бюджетных смет, хотя и мало разбирался в подобных вопросах. Милюкову не помогала даже отличающая его от прочих кадетов

---

⁴⁰⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1910 год. М., 2001. С. 20. Особый журнал Совета министров от 29 декабря 1909, 5 и 13 января 1910 г.

⁴⁰⁶ П.А. Столыпин – И.Я. Гурлянду, 7 сентября 1908 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 269–270.

⁴⁰⁷ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 629.

⁴⁰⁸ Россия, 30 марта 1911 г.

добросовестность в изучении различных деталей обсуждаемого вопроса. По словам Коковцова, который отнюдь не был по натуре спорщиком, отвечать Милюкову было легко – «настолько трафаретны были все его мысли и настолько академичны были все его сетования»⁴⁰⁹.

Значительно больше проблем возникало у Коковцова при полемике с другими кадетами, чьи выступления отличались более высоким градусом демагогии. Главный оратор кадетской партии по бюджетным вопросам А.И. Шингарев воспринимался как «бессмысленный оппонент»: «Часто он отравлял мне мое существование обычными своими приемами бороться со своим противником своеобразными аргументами, далекими от существа предмета и рассчитанными на сочувствие толпы, падкой на обличения власти, хотя бы и лишенные справедливости». Премьер признавал, что Шингарев обладал «недюжинными дарованиями», но был слишком поверхностно знаком с бюджетом. Достаточно уравновешенный человек, Коковцов, вспоминал, что однажды «его доклад был просто возмутителен». В целом, по словам премьера, Шингарев стал «присяжным отрицателем всякого рода полезной деятельности» Министерства финансов. «Его энергия была поистине удивительна. Неуспехи его выступлений его вовсе не обескураживали. Почти всегда он оставался в неприятном положении человека, усилия которого не приводили не к чему, но так как на следующий день газета «Речь» хвалила его и осуждала меня, то цель его оказалась достигнутой, и он с новой энергией принимался за меня». Коковцов вынужден подвести печальный итог: цель речей Шингарева была не практическая, а «одно желание создать неблагоприятную атмосферу для правительства» любой ценой⁴¹⁰.

---

⁴⁰⁹ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 255, 257. «У него страсть к тактической абстракции», – писала о Милюкове его соратник по партии и ЦК А.В. Тыркова (Дневники // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 166. 6 февраля 1916 г.).

⁴¹⁰ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 257, 305–309. Такое же, как у Коковцова, впечатление сложилось у октябриста кн. А.Д. Голицына (Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 285–288). Тыркова отмечала по поводу Шингарева: «Честный работник, он переварил бюджетные статьи, но за все время своей напряженной и неустанной возни с бюджетом он не дал ни одной не только новой мысли, указывающей на даровитость государственную, но даже нового обобщения. Он пропа[ган]дист, пленяющий простотой и

Еще более печальное впечатление сложилось у Коковцова от речей левых кадетов Н.В. Некрасова и М.С. Аджемова. Некрасов «вносил всегда при совершенно приличной внешней форме самую безудержную демагогию и неприкрашенное извращение истины, рассчитанное только на то, чтобы через печать и собравшуюся всегда послушать его публику дискредитировать правительство». Правительство, как считает Коковцов, всегда имело над ним моральное превосходство, хотя «Речь» обычно обставляла речь Некрасова его выдающейся победой над властью⁴¹¹. Следует отметить, что сам редактор «Речи» Милуков, тем не менее, также считал Некрасова демагогом и своим основным противником в кадетском ЦК⁴¹². Аджемов, по словам Коковцова, был «несомненно способный и даровитый человек» и потому выдвигался партией на думскую трибуну после того, как все кадетские аргументы уже бывали исчерпаны. Аджемов «говорил гладко, неприятно для правительства, но содержание его речей отличалось такой неопределенностью, что возражать ему иногда просто не было нужды, и небольшие реплики оказывались достаточными для ликвидации его выступления». В частных разговорах с Коковцовым он якобы и не скрывал своего незнания бюджетного вопроса, просто «ему было предложено покуражиться над правительством»⁴¹³. Как считал премьер, кураж удавался слабо, и в результате кадетским газетам осталось только признать Коковцова «рутинером»⁴¹⁴. Тем не менее, кадетское политиканство безусловно являлось вредным, поскольку наносило ущерб делам⁴¹⁵. В результате в издании Л. Штейна «Nord und Sud» гр. С.Ю. Витте вынужден был упрекать не только

общедоступностью своих речей и статей, человек для толпы, п[отому] ч[то] сам толпа» (Дневники // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 173. 21 ноября 1916 г.).

⁴¹¹ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 276. Вместе с тем, оценки, подобные той, что дал Некрасову Коковцов, были свойственны октябристам (Голицын А.Д. Ук. соч. С. 295–296) и даже левым кадетам (Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 444).

⁴¹² Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М., 2003. С. 59, 87, 194.

⁴¹³ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 276. А.В. Тыркова подтверждала слова премьера, касаясь Аджемова: «Ловкий, легкий, хотел бы быть серьезным, но нет никакого в нем материала, ни духовного, ни умственного, ни национального. Не глуп, но безразличен» (Дневники // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 165. 5 февраля 1916 г.).

⁴¹⁴ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 259.

⁴¹⁵ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 144.

правую оппозицию в Государственном совете, но и думских либералов в непонимании того, что Россия идет по пути «консервативного конституционализма», и в попытках сбить ее с этой правильной дороги⁴¹⁶.

Обычно правительство не искало неформальных путей влияния на кадетскую партию. Столыпин признавался, что устанавливает их только в отношении политических деятелей «правее кадет»⁴¹⁷. Однако его основной соратник по аграрной реформе главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин пошел дальше. Судя по воспоминаниям его преемника А.Н. Наумова, один из лидеров правого крыла кадетов В.А. Маклаков получал от Кривошеина скрытые взятки: после его отставки Маклаков пришел к Наумову за очередным кредитом в 10 тысяч рублей «для завершения начатого им показательно-мелиоративного дела», то есть на железобетонную мельничную плотину в собственном поместье; после отказа со стороны Наумова он «быстрыми шагами удалился из кабинета, громко хлопнув дверью»⁴¹⁸.

Таким образом, кадеты воспринимались в правительственной среде как наиболее заметное и яркое политическое проявление образованной общественности; они были деструктивны, преследовали партийные цели, и с ними правящей бюрократии невозможно было договориться. При этом, в силу демагогичности и непрофессионализма кадетов, а также их отрыва от остальной страны, в обычной политической ситуации правительству достаточно легко было с ними справляться. Министры вполне обоснованно полагали, что по этим причинам кадетская партия постепенно, но неуклонно теряла свой былой авторитет. В целом, на примере отношения к кадетам можно увидеть обычное демонстрирование бюрократией традиционного для нее патерналистского отношения к общественности, основанного на представлении о рационализме и деловом характере чиновничества и, соответственно, анархизме и деструктивности общественности.

---

⁴¹⁶ Русские ведомости, 11 ноября 1912 г.

⁴¹⁷ П.А. Столыпин – А.П. Извольскому, 1 июля 1910 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 369.

⁴¹⁸ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 381–382.

Министры не строили особых иллюзий в отношении всей Думы. Государственный контролер П.А. Харитонов, пользовавшийся репутацией либерала, мог дать хлесткое определение: «таврическая демагогия»⁴¹⁹. Более правый, но также имевший либеральное прошлое Щегловитов вспоминал о разочаровании в парламенте после краха законодательной деятельности еще в I Думе⁴²⁰. Бюрократы отмечали естественную (статусную) враждебность парламента по отношению к исполнительной власти, усугублявшуюся недавней революционной ситуацией. С.Д. Сазонов писал о Думе: «Как учреждение молодое, она грешила преувеличенным самолюбием»⁴²¹. Вместе с тем министр уделял большое значение думским слухам, которые получал от собственного брата-депутата, а также своего подчиненного А.А. Радкевича, имевшего братьев среди депутатов и сотрудников думской канцелярии⁴²². Отношение к Государственной думе в целом было тождественно отношению к докучливому, но неизбежному обстоятельству жизни. При всей снисходительности бюрократического взгляда на Думу практически все представители правящей бюрократии сходились на том, что Дума представляла общественное мнение⁴²³.

Законодательный процесс, как отмечалось в правительстве, составлял значительную проблему в силу излишней политизированности и некомпетентности думских депутатов⁴²⁴. Для организации регулярного законодательного процесса правительству была необходима поддержка октябристов. Правящая бюрократия была почти единомысленна в представлении, что октябристы являлись гораздо более реалистичными и прагматичными в своих взглядах, чем кадеты. Наличие октябристского большинства поначалу внушало определенные надежды. По Коковцову

---

⁴¹⁹ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 51.

⁴²⁰ Падение царского режима... Т. 2. С. 340.

⁴²¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 345.

⁴²² Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Т. 1. С. 52.

⁴²³ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 171.

⁴²⁴ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина... С. 118–122.

октябристская третья Дума с первого дня была исполнена «патриотическим чувством» и с ней «сразу установились самые тесные отношения». «Все мы чувствовали, что начались иные времена и можно начать спокойно начать каждому свое дело», – пишет он о членах правительства⁴²⁵. В начале третьей Думы октябристы демонстрировали «известную «опозиционность», <...> но в очень умеренных тонах», и было ясно, что «несомненное большинство членов Думы и не помышляет о принципиальной оппозиционности»⁴²⁶. Среди октябристов также были отдельные люди, желавшие сделать карьеру на оппозиционных речах, но неудачно⁴²⁷. В целом, оппозиционность октябристов не воспринималась серьезно. О председателе третьей Думы Столыпин даже говорил – «наш милейший Хомяков»⁴²⁸. Столыпин стремился к установлению с октябристами и более правыми силами тесных неформальных контактов для влияния на них, но отдавал себе отчет в специфичности подобного дела: «С политическими деятелями правее кадет я веду дело лично, конечно, могу на них влиять тысячью путями, но делаю это лично. Это не всегда легко – партию не закроешь, как газету!»⁴²⁹.

«Работа Третьей Государственной думы оказалась в результате во всех отношениях в высшей степени плодотворной. Именно эта работа обещала укрепить в России соответствующий уровню образования ее населения конституционный строй», – писал много позднее Гурко. При этом он весьма характерно для представителя высшей бюрократии замечал: «Правда Третья дума не выявила сколько-нибудь значительного числа выдающихся государственных деятелей, чем в известной степени и подтвердилось утверждение бюрократии, что искать вне ее среды выдающихся государственных работников бесполезно, ибо эта среда втянула в себя почти

---

⁴²⁵ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 254, 259.

⁴²⁶ Там же. С. 256, 261.

⁴²⁷ Там же. С. 276.

⁴²⁸ Там же. С. 270.

⁴²⁹ П.А. Столыпин – А.П. Извольскому, 1 июля 1910 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 369.

без остатка всю наиболее образованную, наиболее культурную и наиболее пропитанную государственным пониманием часть населения»⁴³⁰.

Судьба октябристской партии в глазах бюрократов напрямую зависела от ее союза с властью. Однако партия имела ярко выраженный лидерский характер, что вносило в ее отношения с правительством ярко выраженный личностный фактор. Партийный лидер А.И. Гучков не воспринимался «типичным» октябристом. Точки зрения на него и его деятельность были диаметрально противоположны и зависели даже не от политических взглядов современников, а скорее от их политического темперамента. Многие, особенно не увлеченные политическими перипетиями, авторы не склонны были видеть в действиях Гучкова политической подкладки. Будущий товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский отмечал, что речь Гучкова при вступлении на пост председателя Думы в марте 1910 г. являлась «конституционной и корректной»⁴³¹. Военный министр А.Ф. Редигер признавался, что во время критики Гучковым его ведомства не мог его опровергнуть, ибо тот был прав⁴³². Другие, наоборот, обвиняли его в особой пристрастности и интригах. Преемник Редигера В.А. Сухомлинов отмечал, что Гучков бесцеремонно вторгся в прерогативы власти и даже монарха и не мог простить Сухомлинову его представления об армии как внеполитической силе. Интрига Гучкова против Сухомлинова – дело Мясоедова – как небезосновательно считал военный министр, было построено на одной лжи⁴³³. Товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов аттестовал Гучкова следующим образом: «Авантюрист в Думе, умный и талантливый в критике правительственных мероприятий, <...> обуреваемый неизмеримым честолюбием, пристраивался к любым случаям государственной и общественной жизни, дававшим ему возможность создать

---

⁴³⁰ Гурко В.И. Ук. соч. С. 601. Сравн.: Тимашев С.И. Кабинет Столыпина... С. 117.

⁴³¹ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 474.

⁴³² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 216.

⁴³³ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005. С. 237, 239, 397–398.

себе популярность». На Столыпина он, по мнению Курлова, имел даже «некоторое влияние»⁴³⁴.

Для министров в целом был не характерен столь свойственный оппозиционерам этический пафос в оценке политических оппонентов и союзников. В основу суждений обычно полагались представления об эффективности и перспективности тех или иных сил и их действий. За редкими исключениями, правительство воспринимало Государственную думу как неудобного оппонента, однако полагало, что она в целом представляет страну и ее нельзя распускать, наоборот, с ней можно работать, ее воспитывать и через нее влиять на остальную Россию, а в кризисной ситуации – попытаться сговориться и разделить ответственность. В условиях постоянно нарастающего в этот период внешнеполитического кризиса это представление только усиливалось. Другого выхода, кроме перспективы сотрудничества с парламентом, подавляющее большинство представителей правящей бюрократии не видело. Подобная оценка безусловно определялась представлением о Думе как о властном государственном учреждении. Политические партии и общественные организации, не обладавшие подобным статусом, не имели в глазах правящей бюрократии даже доли значения Государственной думы. Характер их активности как правило был поводом для разочарования, горькой иронии или «охранительного» настроения. В отношении общественных структур министры в целом сохраняли традиционный патерналистский взгляд, основанный на противопоставлении бюрократического рационализма общественной деструктивности. Государственный аппарат, по представлениям министров, всегда имел возможность оказать на эти силы соответствующее давление⁴³⁵.

---

⁴³⁴ Курлов П.Г. Ук. соч. С. 186.

⁴³⁵ Подробнее о проблеме восприятия высшими бюрократами либеральной оппозиции см.: Гайда Ф.А. Русские либералы в восприятии правящей бюрократии в период кризиса Третьеиюньской системы (1911 – 1917) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 42–56.

По справедливому мнению историков, при Столыпине Дума и ее критика только усиливали единство правительства⁴³⁶. Единственной противостоящей премьеру фигурой был Коковцов. Однако ходили небеспочвенные слухи о его предстоящей отставке из-за конфликта с премьером и желания последнего передать Крестьянский банк в ведение Главного управления земледелия и землеустройства (ГУЗЗ)⁴³⁷. Несмотря на изначальную поддержку Столыпина и Кривошеина со стороны царя, Коковцов отстоял свою сферу, а сам конфликт не приобрел резкого характера, видимо, благодаря поведению Николая II. Вопрос был разрешен к лету, Кривошеин в беседе с Коковцовым признал свое поражение⁴³⁸.

Тем не менее, позиции премьера к 1911 г. были крепки как никогда. По сведениям супруги министра М.Ф. Щегловитовой, на заседаниях Совета министров Столыпин уже «держал себя олимпийским богом», «заразился манией величия» и не допускал прекословия⁴³⁹. Его влияние еще более усилилось за счет назначения новых министров – С.Д. Сазонова и Л.А. Кассо. Как отмечали современники, Кассо и Сазонов были назначены «по телеграфу», без предварительного представления царю⁴⁴⁰. 4 сентября 1910 г. товарищ министра иностранных дел и свояк Столыпина Сазонов был назначен управляющим МИД (уже 8 ноября он стал министром, а 6 декабря был пожалован гофмейстером). Вернувшийся из поездки по Сибири Столыпин инициировал отставку министра народного просвещения А.Н. Шварца, постоянно о ней просившего. Столыпин и ранее осуществлял постоянные личные вмешательства в политику МНП с помощью правительственных заявлений, которые ему якобы писал С.Е. Крыжановский⁴⁴¹. В конечном счете, Шварц добился своей отставки из-за

---

⁴³⁶ Флоринский М.Ф. Кабинет П.А. Столыпина и проблема единства государственного управления в 1906–1911 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1993. Серия 2. Выпуск 2. С. 38.

⁴³⁷ Речь, 22 ноября 1910 г.

⁴³⁸ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 360–361, 369–377, 401–405.

⁴³⁹ Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.-Л., 1924. С. 480. 5 октября.

⁴⁴⁰ Там же. Сам Николай II писал Столыпину: «Итак, за мое отсутствие два министра ушло, Сазонов и неизвестный Кассо займут их места» (П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 63.)

⁴⁴¹ Шварц А.Н. Ук. соч. М., 1994. С. 20.

полного неприятия «затеи» с академическими союзами, которые были порождением Столыпина⁴⁴². Премьер сохранял реалистичный взгляд на академистское движение и его лидеров (в частности, В.М. Пуришкевича, говоря: «Пуришкевич талантливый человек, но он все губит, за что бы ни взялся»⁴⁴³), однако хотел использовать академистов в интересах своей политики. Новый министр должен был поправить положение.

По воспоминаниям Барка Кассо был правый, но «человек очень симпатичный по своим личным свойствам и качествам, воспитанный, высокообразованный, всегда корректный в обращении»⁴⁴⁴. Знавший Кассо по Москве В.Ф. Джунковский рекомендовал его так: «Умный и очень образованный человек, чрезвычайно скромный. <...> Честнейший и благороднейший человек, прямой, весьма консервативных взглядов и твердого характера, но не упрямый, как Шварц, <...> доброжелательный»⁴⁴⁵. «Его удивительная память, разнообразные познания и огромная эрудиция могли бы заменить десятки научных фолиантов», – писал управляющий Смольным институтом В.Н. Смольянинов-Заболотский⁴⁴⁶. Лопухин отмечал вполне едко: «Левантиец большого состояния, большого роста, большого восточного сластолюбия и большой реакционной твердости. <...> Утро и день в делах. К вечеру министр облачался во фрак, вдевал цветок в петличку и летел на острова к Эрнесту⁴⁴⁷, где назначал свидания лицам, нуждавшимся в неотложной встрече с ним»⁴⁴⁸.

Кассо был рекомендован двоюродным братом Столыпина октябристом бароном А.Ф. Мейендорфом. Изначально Столыпин колебался: «Смущает меня очень уж нерусский его вид, воспитание и, кажется, «внутренний мир».

---

⁴⁴² Там же. С. 42–48.

⁴⁴³ Федюшин К. Петр Аркадьевич Столыпин и студенты (отрывки из воспоминаний) // Исторический вестник. 1914. № 5. С. 536.

⁴⁴⁴ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 167. С. 86–87.

⁴⁴⁵ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 502.

⁴⁴⁶ Смольянинов-Заболотский В.Н. Дабы свеча не угасла... // ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 649. Лл. 156.

⁴⁴⁷ Ресторан «Эрнест» – один из наиболее уважаемых в России – существовал на Каменноостровском проспекте (дом 60) в 1909–1912 гг.

⁴⁴⁸ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 203.

Кроме того, близкое родство с такими великими интриганями, как Крупенский, тоже заставляет задуматься»⁴⁴⁹. Но «смотрины» были назначены и результат оказался положительным. 25 сентября Кассо был назначен действительным статским советником и управляющим МНП. Широким кругам он был совершенно не известен и даже Шварц не был знаком с его программой. Витте в письме Коковцову недоумевал по поводу назначения, тот согласился с недоумением и прибавил, «что ныне процветает полное, неприкосновенное самодержавие, но только самодержавие наоборот, что означает, что самодержцем является не государь император, а его премьер-министр»⁴⁵⁰. В правых кругах назначение воспринималось как стремление Столыпина избавиться от самостоятельных людей в своем окружении и заменить их своими креатурами. По сведениям правых, Кассо не воспринимал себя в качестве бюрократа⁴⁵¹. Но, кроме того, Кассо не считал себя и реакционером, а также, по собственным словам, вовсе не был антисемитом⁴⁵². По назначении он демонстративно не принял Пуришкевича⁴⁵³, а также забрал из палат разработанный Шварцем проект нового университетского устава⁴⁵⁴. «Как утверждают в печати, в новом министре бросается в глаза прежде всего то, что он европеец», – писала «Речь» и выражала надежду на изменение курса МНП⁴⁵⁵.

Вероятно, именно отставка ненавистного Шварца и смутные ожидания подтолкнули общественные круги к активности. Еще в дневниковых записях 28 и 29 сентября гр. А.А. Бобринский удивлялся спокойствию публики: в

---

⁴⁴⁹ П.А. Столыпин – бар. А.Ф. Мейендорфу, 25 июля 1910 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 620.

⁴⁵⁰ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 2. С. 877–878.

⁴⁵¹ Из кулуаров Государственной думы: информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 год. Подготовка текста, вступительная статья и примечания И.В. Лукьянова // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти: источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 73.

⁴⁵² Таубе М.Ф. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 132–133.

⁴⁵³ Гранитов [Бобрищев-Пушкин А.В.?]. Сфинкс // Голос Москвы, 30 сентября 1910 г. Настороженно встречен был Кассо и «Московскими ведомостями», пожелавшими ему придерживаться курса Шварца (Тихомиров Л.А. Управление Министерства народного просвещения // Московские ведомости, 1 октября 1910 г.).

⁴⁵⁴ Тайновед // Гражданин. 1910. № 46. С. 3.

⁴⁵⁵ Речь, 1 октября 1910 г.

столице царила «поразительная тишь»⁴⁵⁶. Однако уже 7 октября похороны председателя I Думы кадета С.А. Муромцева вылились в мощную, преимущественно студенческую, демонстрацию, равной которой не было после 1906 г. Участвовало до 100 тысяч человек. По многолюдству, как свидетельствовал М.М. Ковалевский, она была сравнима только с похоронами А. Тьера⁴⁵⁷. К политической акции целенаправленно готовился кадетский ЦК. Столыпин отреагировал весьма демонстративно. 10 октября премьер присутствовал на празднике студентов-академистов и произнес краткую речь, в которой, в частности, заявил: «Я верю в великую мощную Россию и верю в то, что именно вы будете ее представителями. <...> Я говорю вам: «Здравствуй молодая, здоровая Россия»»⁴⁵⁸. Сообщение об этом факте даже вызвало слухи о колебании положения Столыпина, в силу чего он якобы «выкидывает ряд очень правых проделок»⁴⁵⁹. Скорее всего, это все же было проявлением личной эволюции Столыпина.

15 октября открылась IV сессия III Думы. К началу сессии в ней насчитывалось 53 правых, 78 националистов, 16 независимых националистов, 11 правых октябристов, 122 октябриста (с 1907 г. фракция потеряла 32 члена, сформировавших группу правых октябристов, перешедших к прогрессистам или ставших беспартийными), 15 беспартийных, 39 прогрессистов, 11 членов польского коло, 7 членов польско-литовско-белорусской группы, 9 мусульман, 53 кадет, 14 трудовиков, 14 социал-демократов, всего – 442 депутата (158 (36 %) – правее октябристов, 162 (37 %) – левее)⁴⁶⁰. Сословный состав выглядел следующим образом: 202 дворянина (почти половина состояла в рядах октябристской фракции), 24 почетных гражданина, 12 купцов, 44 разночинца (эти 3 группы распределялись среди октябристов, кадетов и прогрессистов), 50 лиц

---

⁴⁵⁶ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 135.

⁴⁵⁷ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997. С. 348.

⁴⁵⁸ П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 335.

⁴⁵⁹ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 136.

⁴⁶⁰ Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности Государственной думы 3-го созыва. 1907–1912. СПб., 1912. С. 9–11.

духовного звания (в основном, в рядах правых, националистов и октябристов), 11 казаков, 11 мещан, 88 крестьян (равномерно распределенных практически по всему думскому спектру)⁴⁶¹. 30 % депутатов по роду занятий были чиновниками, 17,1 % – землевладельцами и промышленниками, 11,5 % – крестьянами, 10,4 % – священниками, 8,8 % – юристами, 6 % – преподавателями и литераторами, 4,7% – волостными старшинами и сельскими старостами, 3,8 % – врачами, 2,3 % – рабочими, 2 % – купцами, 1,4 % – сельскими писарями. Высшее образование имело 44,4 % депутатов. Во всех фракциях преобладающей возрастной группой были лица 30–40 лет (лишь у октябристов и националистов – 40–50 лет)⁴⁶². Товарищами председателя Думы Гучкова состояли беспартийный (умеренно-правый) кн. В.М. Волконский и октябрист С.И. Шидловский (29 октября его сменил октябрист М.Я. Капустин), секретарем – правый И.П. Созонович, его старшим товарищем – прогрессист В.С. Соколов (с 29 октября – националист Н.И. Микляев).

При открытии сессии председательствующий кн. Волконский, желая сохранить порядок, принял решение не поднимать вопроса о почтении памяти Муромцева⁴⁶³. Это, наоборот, вызвало скандал, уход кадетов из зала, на панихиде к ним также присоединился Гучков. Дума принялась за обсуждение подготовленного октябристами законопроекта о начальной школе, основной принцип которого заключался в ее секуляризации. 23 октября с первой речью в Думе выступил Кассо. По общему мнению, она оказалась неуспешной. Кассо оказался слабо знаком с деятельностью МНП. «Жалкая репродукция А.Н. Шварца», – заключил Милюков⁴⁶⁴. Октябрист И.С. Ключев признался гр. И.И. Толстому, что октябристы были

---

⁴⁶¹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 14; Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1908. С. 49–311.

⁴⁶² Рыбка О.Ю. Государственная дума в системе власти России в начале XX века. Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 392, 396, 404, 405.

⁴⁶³ Голос Москвы, 15 октября 1910 г.

⁴⁶⁴ Там же. 24 октября 1910 г.

разочарованы в своей креатуре⁴⁶⁵. Правые признали правизну Кассо, но считали «довольно ничтожным министром»⁴⁶⁶.

Несмотря на критический настрой в отношении новых министров, Гучков прежде всего надеялся на свое обаяние в личных беседах с царем. 18 ноября состоялась Высочайшая аудиенция Гучкова. Она длилась более часа, император был благорасположен и разговор шел о военных делах и министре В.А. Сухомлинове⁴⁶⁷. Гучков даже «допытался» у царя о впечатлении от Потсдамского свидания: монарх сообщил, что, по его мнению, мир с Германией был обеспечен еще по крайней мере на 5 лет. Император, как считали правые, таким поведением Гучкова вряд ли был доволен⁴⁶⁸. Однако 30 ноября аудиенции был удостоен председатель бюджетной комиссии Думы октябрист М.М. Алексеенко, что, видимо, было согласовано Гучковым. Возникли даже слухи, что Алексеенко заменит Коковцова⁴⁶⁹. 20 ноября Гучков поведал фракции об очень благоприятных результатах своей аудиенции, и на фракцию отчет произвел «самое отрадное впечатление». Было решено вторично представиться фракцией императору, но обязательно еще в текущую сессию, поскольку последняя (предвыборная) сессия будет «не совсем удобна для такого представления»⁴⁷⁰. Однако эйфория закончилась печально. Дословная передача слов императора проникла в печать, Николай II был оскорблен поведением Гучкова⁴⁷¹. Одновременно, 24 ноября Пуришкевич через Дедюлина передал царю записку с «верноподданническим предупреждением» о подготовке Гучковым военного заговора⁴⁷². Впоследствии императрица в беседе с гр. П.Н. Игнатьевым так отзывалась о Гучкове: «Он ненавидит Государя, стремится устроить республику и стать ее президентом»⁴⁷³.

---

⁴⁶⁵ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 332.

⁴⁶⁶ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 137.

⁴⁶⁷ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Лл. 66–67.

⁴⁶⁸ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 139. 24 ноября.

⁴⁶⁹ Там же. С. 140.

⁴⁷⁰ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Лл. 66–67.

⁴⁷¹ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 80–82.

⁴⁷² Ромов Р.Б. Ук. соч. С. 204–207.

⁴⁷³ Игнатьев П.Н. Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // Новый журнал. 1944. № 8. С. 316.

Дальнейшее расхождение лидера октябристов с властью было обеспечено еще одним обстоятельством. 29 ноября Дума приняла во втором чтении законопроект о начальной школе, похоронив церковно-приходские школы⁴⁷⁴. «Московские ведомости» отмечали влияние кадетов на октябристов, которые уже стали применять методы оппозиционной борьбы⁴⁷⁵. Октябристы, как казалось, подтвердили ожидания. 2 декабря в «Голосе Москвы» вышла передовица, ссылавшаяся на интервью председателя октябристской фракции М.В. Родзянко газете «St. Peterburgische Zeitung»: «Наши отношения к председателю Совета министров и к правительству представляются дружественными и полными доверия. <...> Хотя в настоящую минуту нет данных для того, чтобы ожидать от правительства нового политического курса в противовес нашему политическому направлению, но я все-таки считаю нужным заявить заранее, что в таком случае наша поддержка правительства оказалась бы невозможной». Родзянко полностью поддерживал национальные законопроекты правительства, критический настрой формулировался лишь в отношении Морского министерства и Государственного совета, но пафос статьи уже был многообещающим⁴⁷⁶. А 12 декабря Столыпин написал Гучкову довольно резкое письмо по поводу инцидента, произошедшего в думской комиссии по городским делам (в ее заседании октябрист И.В. Годнев обвинил в некомпетентности председателя совета по делам местного хозяйства М.В. Анциферова), в котором проявилось явное охлаждение отношений премьера и октябристов⁴⁷⁷.

В Думе уже ходили слухи о скором роспуске⁴⁷⁸. 16 декабря И.П. Балашов даже составил записку об изменении избирательного закона, которое предлагал осуществить сразу после окончания текущей сессии – летом 1911 г. По мнению Балашова, Думу нужно было сохранить в качестве

---

⁴⁷⁴ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. I. СПб., 1910–1911. Стб. 2204–2216.

⁴⁷⁵ Тур К.И. Опасность кадетской лжи // Московские ведомости, 27 ноября 1910 г.

⁴⁷⁶ Голос Москвы, 2 декабря 1910 г.

⁴⁷⁷ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 450–452.

⁴⁷⁸ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Лл. 61–61об.

«единственного противовеса бюрократизму». Однако выборы следовало проводить от земств, подняв возрастной ценз депутата до 40 лет. Президиум можно было сделать назначаемым. При законодательном конфликте палат последнее слово оставалось за монархом. Балашов не считал, что подобные меры могли привести к деспотизму, наоборот, по его мнению, к нему привела бы революция, ставшая последствием «худой конституции». Балашов полагал, что он тем самым спасал представительство, а изменения вводились до тех пор, «пока нынешнее поколение, сбитое с толку нелепыми учениями и слабостью власти, не уступит место поколению более уравновешенному и политически развитому»⁴⁷⁹. Кн. Мещерский в качестве новогоднего пожелания также посоветовал правительству в 1911 г. пересмотреть учреждение палат⁴⁸⁰.

«Сбитое с толку» поколение, между тем, стало приходить в движение. Этому способствовали и события в мире. Даже далекий от текущей политики журнал «Нива» отмечал: «И Восток, и Запад объаты волнением взбаламученных народных масс и смотрят в будущее с волнением и тревогой»⁴⁸¹. С октября 1910 г. в Европе происходили мощные политические волнения. 20 октября произошла революция в Португалии. Началась всеобщая железнодорожная забастовка во Франции. Социалистическое правительство А. Бриана ввело на железных дорогах военное положение. В самой России похороны Льва Толстого в ноябре вызвали ряд демонстраций с лозунгами отмены смертной казни⁴⁸². Появились призывы к всероссийской студенческой забастовке⁴⁸³. В декабре под влиянием известий о самоубийстве террориста Е. Созонова и нескольких бывших студентов в Вологодской и Ново-Зерентуйской тюрьмах начались масштабные студенческие беспорядки (наибольший размах они имели в Москве; в

---

⁴⁷⁹ Там же. Ф. 892. Оп. 3. Д. 169. Лл. 3а–6б.

⁴⁸⁰ Дневник // Гражданин. 1910. № 49–50. С. 13.

⁴⁸¹ Нива. 1911. № 1. С. 17.

⁴⁸² Кизеветтер А.А. Ук. соч. С. 349.

⁴⁸³ Голос Москвы, 12 ноября 1910 г.

Петербурге движения практически не было⁴⁸⁴). Поначалу в среде цензурной общественности они не воспринимались серьезно. По свидетельству Шварца, Николай II, как, впрочем, и «Новое время», не верил в их значительность⁴⁸⁵. «Московские ведомости» в то же время писали, что революционеры всегда составляют меньшинство, хоть и организованное, от общества же требуется просто не потакать революции, однако правительство должно иметь решимость встать на страже общественных интересов и бороться с революцией⁴⁸⁶. Правительство не торопилось. Только 6 декабря вышел циркуляр МНП о мерах по борьбе с беспорядками. Пуришкевич в Думе критиковал Кассо за беспомощность. Даже «Голос Москвы» терялся в определении политической позиции министра⁴⁸⁷. Сами октябристы активно выступали против движения⁴⁸⁸. 17 декабря Дума обсудила внесенный прогрессистами запрос о незаконных действиях одесской администрации и начальства Новороссийского университета, вызвавших перестрелку между полицией и студентами, и отклонила спешность запроса⁴⁸⁹. Даже правые кадеты не одобряли настроение проголосовавших таким образом октябристов и считали этот шаг поводом к проявлению реакции⁴⁹⁰.

По мнению Меньшикова, 1911 год начинался скучно и пока не внушал надежд на изменения, студенческие забастовки не давали настоящего общественного подъема⁴⁹¹. Либеральная пресса (в частности, журналист И.И. Кольшко в наиболее популярной газете «Русское слово») обвиняла в застое бюрократию в союзе с парламентским большинством⁴⁹². В разгар студенческих волнений глава Боевой организации эсеров Б.В. Савинков писал жене: «Я становлюсь буржуа, пожалуй, на этот раз навсегда»⁴⁹³. И

---

⁴⁸⁴ Арутюнов Г.А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910–1914 гг. М., 1975. С. 118.

⁴⁸⁵ Шварц А.Н. Ук. соч. С. 70–71.

⁴⁸⁶ Революция, власть и общество // Московские ведомости, 17 ноября 1910 г.

⁴⁸⁷ Голос Москвы, 4 декабря 1910 г.

⁴⁸⁸ Локоть Т., проф. Студенчество и политика // Там же. 24 декабря 1910 г.

⁴⁸⁹ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. I. СПб., 1910–1911. Стб. 3293–3350.

⁴⁹⁰ Изгоев А. Политическая жизнь России // Русская мысль. 1911. № 1. II паг., с. 191–192.

⁴⁹¹ Новое время, 1 января 1911 г.

⁴⁹² Баян [Кольшко И.И.]. На Шипке все спокойно // Русское слово, 4 января 1911 г.

⁴⁹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 476. Л. 61. Б.В. Савинков – жене В.Г. Савинковой, 16 февраля 1911 г.

вскоре: «Буду жить в Париже и заниматься исключительно литературой»⁴⁹⁴. В апреле 1911 г. легендарная Боевая группа Партии социалистов-революционеров была распущена навсегда⁴⁹⁵. Перемену студенческих и, в целом, общественных настроений оппозиционная пресса отмечала осторожно. Лишь радикально-либеральный «Вестник Европы» подгонял студентов: «На грани наступающего года что-то произошло. Что именно – с точностью формулировать пока невозможно. Но что в воздухе потянулись какие-то струи ветра, заколебавшие как будто атмосферу – это чувствуется достаточно определенно. <...> Быть может, новый год принесет с собою серьезный перелом, если не в ходе нашей общественной жизни, то в течениях общественного настроения»⁴⁹⁶. Кадетское партийное руководство в целом выступать не торопилось, поскольку не чувствовало поддержку страны и опасались репрессий⁴⁹⁷. Новогодние пожелания, как писали «Русские ведомости», могли состоять «лишь в том, чтобы новый строй получил у нас скорей надлежащее осуществление и чтобы при посредстве его наши прогрессивные движения могли идти открытым и законным путем к разрешению задач политической свободы, социальной справедливости, поднятия просвещения и благосостояния народных масс»⁴⁹⁸. Кадеты опасались связывать свое имя с беспорядками, но не могли не отметить их значимость и позитивный эффект. «Свежеет в России, свежеет», – осторожно-оптимистично говорил Родичев о ситуации после похорон Муромцева на лекции о А.И. Герцене в Политехническом музее 29 декабря. Он считал, что кадеты получают в следующей Думе «решающее значение»⁴⁹⁹. Уже 1 января номер «Речи» был арестован за передовицу в поддержку студенческого движения. Как полагал «Голос Москвы», кадетское поведение

---

⁴⁹⁴ Там же. Л. 85. Б.В. Савинков – жене В.Г. Савинковой, 28 февраля 1911 г.

⁴⁹⁵ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998. С. 232.

⁴⁹⁶ Вопросы общественной жизни // Вестник Европы. 1911. № 1. С. 419.

⁴⁹⁷ ГА РФ. Оп. 265. Д. 476. Л. 55. А.С. Петрункевич (супруга И.И. Петрункевича) – Н.Е. Вернадской (супруге В.И. Вернадского), февраль 1911 г.

⁴⁹⁸ Русские ведомости, 1 января 1911 г.

⁴⁹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Ч. 46. Л. 2–3 об.

в отношении студентов было «в полном смысле слова отвратительно»⁵⁰⁰. «Россия» писала, что кадеты являются «проводниками революционного подполья» и «весьма небескорыстными комиссионерами воинствующего инородчества»⁵⁰¹.

Правое крыло не боялось студенческих волнений, наоборот, оно скорее опасалось «правительственного либерализма». Правые позитивно оценивали лишь деятельность Главного управления земледелия и землеустройства, Министерства финансов, Военного министерства и отчасти Министерства юстиции («в чисто управительном смысле»), критиковали политику Синода⁵⁰². Правые прогнозировали введение «октябристов-националистов» в Государственный совет с 1 января 1911 г.: Гучков в начале сессии якобы просил императора назначить в Совет октябристов⁵⁰³. Со слов самого Гучкова, переданных через М.А. Стаховича, Столыпин хотел добиться невключения лидеров правых П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова в состав Государственного совета еще 1 января 1911 г., хотя и не добился этой цели⁵⁰⁴.

Все надежды и опасения в отношении левого поворота развеялись очень быстро. 4 января Совет министров, наконец, обсудил вопрос о беспорядках: было решено временно запретить сходки, обязать полицию их пресекать и возложить на университетское начальство обязанности извещать ее о незаконных собраниях⁵⁰⁵. «Постановление Совета министров упраздняет университетское самоуправление», – писали «Русские ведомости» и предлагали в таком случае не возлагать ответственности за поддержание порядка на ректоров и советы университетов⁵⁰⁶. Только «Московские

---

⁵⁰⁰ Голос Москвы, 11 февраля 1911 г.

⁵⁰¹ Россия, 5 января 1911 г.

⁵⁰² Новый год // Московские ведомости, 1 января 1911 г.

⁵⁰³ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 141–142. 18 декабря.

⁵⁰⁴ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 2. С. 884–885.

⁵⁰⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1911 год. М., 2002. С. 19–20. Одновременно 20 января было принято решение о создании междуведомственного совещания под председательством Кассо для обсуждения вопроса об открытии и расширении высших учебных заведений (Там же. С. 54–55).

⁵⁰⁶ Русские ведомости, 16 января 1911 г.

ведомости» хвалили разъяснения Министерства народного просвещения⁵⁰⁷. Однако полной уверенности в определенности правительственного курса еще не было. «Пока Петербург играет в руку кадетам», – писал 26 января нижегородский губернатор А.Н. Хвостов Б.В. Никольскому⁵⁰⁸. В тот же день началась всероссийская забастовка студентов. Через 2 дня последовала демонстративная отставка профессоров и приват-доцентов Московского университета, которая неожиданно была принята. «Россия» назвала заявление московских профессоров «вторым Выборгским восстанием», а то, что приват-доценты примкнули к нему – комичным недоразумением, поскольку они не состояли на государственной службе⁵⁰⁹. Изгоев на меры министерства отозвался статьей под названием «Небывалый разгром»⁵¹⁰. Столыпинское правительство было наименовано «министерством политического переворота»⁵¹¹. Известный профессор-историк П.Г. Виноградов, только что вернувшийся из Британии, в связи с мерами Кассо выразил желание уехать из России навсегда⁵¹². «Вообще положение безвыходное: если победят студенты, университет превратится в революционный клуб. Если, что вероятнее, победит правительство, университет превратится во что-то среднее между участком или чайною русского народа», – писал в частном письме кн. Е.Н. Трубецкой⁵¹³. Однако, как мрачно пророчествовал князь-философ, «когда правые будут сметены левыми, эти покажут нам ужасы, неизмеримо большие»⁵¹⁴. Чуть позднее он написал: «Левые еще заставят пожалеть о Столыпине. Вот он, крест России»⁵¹⁵.

---

⁵⁰⁷ Упорядочение академической жизни // Московские ведомости, 15 января 1911 г.

⁵⁰⁸ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 135. Л. 2.

⁵⁰⁹ Россия, 8 февраля 1911 г.

⁵¹⁰ Изгоев А. Кризис высшей школы // Русская мысль. 1911. № 3. II паг., с. 134.

⁵¹¹ Речь, 25 февраля 1911 г.

⁵¹² Новое время, 6 февраля 1911 г.

⁵¹³ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М., 1997. С. 335. Кн. Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой, февраль 1911 г.

⁵¹⁴ Там же. С. 352. Кн. Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой, 19 февраля 1911 г.

⁵¹⁵ Там же. С. 367. Кн. Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой, 15 марта 1911 г.

В Думе протесты кадетов расценивались как начало предвыборной кампании⁵¹⁶. Палата была взбудоражена статьей «Речи», в которой сообщалось о правительственной уступке профессорам. Большинство было недовольно попустительством полиции, которая раздражает студентов, но не предпринимает никаких реальных мер. Оценка Кассо была нелицеприятна: «лишь механический манекен, приводимый в движение властной рукой П.А. Столыпина»⁵¹⁷. Мнение правых принципиально не отличалось от изначальной позиции октябристов. Кн. Мещерский критиковал Кассо за беспомощность, провоцирование беспорядков и отставки профессоров, отмечая бессмысленность использования полиции⁵¹⁸. Внутренним врагом Тихомировым назывались не студенты, а союз профессоров-кадетов и социалистов, для борьбы с которым недостаточно «управительной проницательности и энергии» правительства, нужна политическая реформа – «чтобы самый строй учреждений облегчал действия способного правителя и предохранял неспособного от ошибок». В заключении писалось: «Это – такая же настоятельная теперь задача, как и пробуждение общественной политической сознательности»⁵¹⁹. 19 февраля Московский университет отправил поздравительную телеграмму известному деятелю Великих реформ генерал-фельдмаршалу гр. Д.А. Милютину в связи с 50-летием отмены крепостного права и получил ответ с пожеланием «послужить великому делу просвещения в России, оставив политику и личные вопросы». «Времена серьезные», – подытоживал умудренный генерал-фельдмаршал⁵²⁰.

«Вестник Европы» призывал к объединению всех прогрессивных сил, чтобы страна имела причины вспомнить о Думе⁵²¹. Общее настроение в палате изначально было «довольно безразличное», отношение к сессии –

---

⁵¹⁶ Из кулуаров Государственной думы... С. 101.

⁵¹⁷ Там же. С. 100–101.

⁵¹⁸ Дневник // Гражданин. 1911. № 5. С. 18; № 8. С. 16.

⁵¹⁹ Поучения забастовочной кампании // Московские ведомости, 16 февраля 1911 г.

⁵²⁰ Голос Москвы, 25 февраля 1911 г.

⁵²¹ Вопросы общественной жизни // Вестник Европы. 1911. № 2. С. 434–436.

«безучастное и чисто формальное». По общему настроению, Дума уже не могла принять ни одного серьезного закона⁵²². Однако партии постепенно разворачивали подготовку к предстоявшим выборам. По мнению октябристов, кадеты собирались выступить под флагом внепартийного прогрессизма, поскольку он уже показал свою популярность на городских выборах, в то время, как кадетские лозунги теряли свою силу⁵²³. Как и кадеты, октябристы начали свою предвыборную кампанию – и их позиция неизбежно должна была полеветь. Кроме того, сказалось новое настроение Высочайше обиженного Гучкова. 1 января 1911 г. «Голос Москвы» поменял шапку: вместо стилизованной вязи шрифт названия приобрел сходство со знаменитым «Голосом» А.А. Краевского. 5 января Громобой опубликовал в «Голосе Москвы» передовицу «Последние иллюзии». Ранее Совет министров и Дума, писал автор, шли «рука об руку», «но теперь – по пути ли им дальше?» Громобой обвинял Государственный совет в том, что он хоронит думское законодательство и задавался вопросом: «Что остается делать представителям умеренных партий, превращенных Г. Советом, при попустительстве министерства, в крамольников, обреченных на бесплодность своей работы? Раньше всего – сообщить об этом родине. Парламент не может быть ширмой, за которой укрывается реакция». Затем, по мнению публициста, необходимы были законы об основных свободах. И следовал общеполитический вывод: «Пора недомолвок и компромиссов прошла. И на смену ей наступает иная пора – новой организации общественных сил. Если нельзя ждать помощи извне – наступает пора самопомощи»⁵²⁴.

24 января в 2-х чтениях прошел законопроект о введении всеобщего начального образования (19 марта Дума приняла его окончательно)⁵²⁵. На следующий день под председательством Гучкова состоялось

---

⁵²² Из кулуаров Государственной думы... С. 74.

⁵²³ Голос Москвы, 21 декабря 1910 г.

⁵²⁴ Там же. 5 января 1911 г.

⁵²⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. II. СПб., 1910–1911. Стб. 502–575, 1512–1518.

межфракционное совещание о плане сессии. Кадеты выступали за проведение законопроекта о расширении бюджетных прав Думы, волостного земства и рабочего страхования (в последнем их поддерживали социалисты). Октябристы выступали за законопроект о расширении бюджетных прав. В результате левоцентристское большинство согласовало свой план⁵²⁶. В преддверии горячих дней Общество думских журналистов создало особую комиссию для разработки вопроса о безответственности печати за публикацию парламентских речей⁵²⁷. 26 января в Думе раздалась резкая критика Морского министерства⁵²⁸ (хотя октябристам было известно, что 1 января морской министр С.А. Воеводский был награжден орденом св. Анны I степени). 31 января на заседании октябристской фракции обсуждался вопрос кредитов на образование. Левые октябристы резко критиковали правительство. Речь Гучкова расставляла все по местам. «Мне кажется <...> что в данном случае смешиваются две стороны: <...> одна чисто партийная, то есть рекламная, и другая – чисто деловая, затрагивающая существо самого дела», – сказал он и отметил, что деловая сторона требовала компромиссов. С точки зрения рекламной, по мнению Гучкова, октябристы «все равно» не могли угнаться за кадетами, поэтому он предлагал деньги дать, но смету демонстративно урезать⁵²⁹.

Между тем, октябристы стали получать предупредительные сигналы от правительства. Некий анонимный чиновник в интервью «Новому времени» сетовал на отсутствие сплоченного центра в Думе для плодотворной работы. В перспективе такой центр мог понадобиться для проведения волостной реформы, а вслед за ней – губернской и уездной, но до конца III созыва сделать это вряд ли можно было бы. Состав IV Думы, по мнению чиновника, не мог сильно отличаться, поскольку крестьяне-единоличники как опора правительства еще не оформились, а буржуазия, в отличие от

---

⁵²⁶ Новое время, 26 января 1911 г.

⁵²⁷ Из кулуаров Государственной думы... С. 97.

⁵²⁸ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. II. СПб., 1910–1911. Стб. 770–780.

⁵²⁹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 5. Лл. 15–15 об.

западноевропейской, была слишком левой. Вместе с тем, чиновник признавал, что законодательный процесс при участии парламента шел быстрее, чем без него⁵³⁰. Общее мнение в Думе правительственным агентом было сформулировано следующим образом: «В стране единственной реальной силой признается только правительство; половинчатый октябризм потерпел уже полное крушение, а эксцессы, правые и левые, одинаково сурово осуждаются странною; таким образом, вся будущая избирательная кампания, как уже с полной очевидностью выяснилось, будет состоять в борьбе двух сторон – блока националистов и правых, с одной стороны, и прогрессивного блока, с другой стороны». По мнению информатора, на стороне первых была правительственная поддержка, на стороне вторых – лишь демагогическая программа⁵³¹.

Однако общественные (прежде всего, столичные) настроения продолжали эволюционировать в радикальном направлении. Кадеты добились значительного успеха на выборах в московскую думу, получив 41,5 % в I курии (II место после октябристов) и 60,5 – во II⁵³². «Речь» отмечала: «Нужно сказать правду – общество наше довольно индифферентно относилось к волнениям молодежи»; однако после профессорской отставки, по мнению газеты, настроение поменялось⁵³³. 11 февраля в «Русских ведомостях» и газете П.П. Рябушинского «Утро России» было опубликовано письмо 66 московских предпринимателей (Рябушинских, Коновалова, Третьякова, Четверикова и др.): наряду с осуждением бунтующих студентов в нем содержалась критика общественности, молчащей «в момент духовного разлада» правительства и общественности и дающей основание правительству думать, что за ним стоит «моральная поддержка страны». Националисты и октябристы отвергли подобное заявление. 11 февраля октябристский ЦК выступил с декларацией, в которой призвал бунтующую

---

⁵³⁰ Новое время, 13 января 1911 г.

⁵³¹ Из кулуаров Государственной думы... С. 74.

⁵³² Саликовский А. Московские выборы // Русская мысль. 1911. № 3. III паг., с. 10.

⁵³³ Речь, 15 февраля 1911 г.

«часть русской молодежи» прекратить политиканство, которое «наносит <...> чрезвычайный вред развитию народившихся свободных государственных учреждений и содействует пробуждению реакционных стремлений в народе», а образованную общественность и весь народ – «оказать духовное влияние на учащуюся молодежь»⁵³⁴. Подобная отповедь была вполне проправительственной, однако само правительство, внешне хранившее твердость, предпринимало некоторые закулисные шаги в отношении московских предпринимательских кругов. М.К. Морозова, известная меценатка и общественный деятель с широкими связями, писала своему близкому другу кн. Е.Н. Трубецкому в Рим: «Я забыла тебе сообщить, что у меня явился новый знакомый Кривошеин, знаешь, министр земледелия – я его избегала, особенно ввиду университетской истории, противно видеть представителей власти. Но он очень энергично мне звонил, писал и приезжал. Меня это особенно заинтересовало потому, что он явно меня интервьюирует. Знает обо всех наших собраниях, кружках, изданиях и, видимо, очень хочет проникнуть во все. Меня поражает, насколько наивные и ложные у них там взгляды на все – это поразительно. Мы с ним воевали два часа насчет Университета»⁵³⁵.

Между тем, почти сразу лавирующая линия Гучкова стала давать слабинку. Уже вечером 12 февраля на заседании фракции запрос кадетов о политике МНП частью октябристов был признан адекватным. Правый октябрист Н.П. Шубинский отметил, что правительство само виновато, поскольку запоздало с подавлением политических беспорядков и вмешалось тогда, когда они приняли «академический» характер. Кроме того, по его мнению, студентов нельзя было отчислять без дисциплинарного суда. Было признано необходимым отмежеваться от правительства»⁵³⁶. Столыпин после разговора с Гучковым даже отложил до середины марта речь в Думе по

---

⁵³⁴ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 317–318.

⁵³⁵ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 171. Папка 3. Ед. хр. 4. Лл. 11 – 12 об. 16 февраля 1911 г. Цит. по: Взыскующие града... С. 347.

⁵³⁶ Из кулуаров Государственной думы... С. 105.

волостному земству⁵³⁷. Однако запросная комиссия Думы 11 голосами против 7 отклонила запросы по студентам. Октябристы – члены комиссии раскололись. Позднее партийный лидер принял сторону противников запросов. Но и позднее колебания и внутренние трения октябристов продолжались⁵³⁸.

12 февраля состоялась аудиенция Гучкова, на которой он планировал добиться личного посещения императором Думы 19 февраля (при праздновании 50-летия освобождения крестьян). Правые и даже умеренно-правый кн. Волконский выступали против этого плана. Судя по официальной хронике, Александр Иванович был принят на полтора часа и удостоился распросов⁵³⁹. Однако именно в это время царь просил военного министра Сухомлинова передать Гучкову, что считает его «подлецом»⁵⁴⁰. После этого император считал Гучкова «личным врагом» и прямо говорил это министрам. Как отмечал Барк, это было совершенно необычно, поскольку к лицам ему неприятным царь обычно относился «с полным безразличием»⁵⁴¹. Тогда же пресса, в том числе и октябристская, начала активное обсуждение «дела Илиодора» (см. ниже), болезненного для императора. Отношения председателя Думы с премьером, между тем, сохранялись. 14 февраля Столыпиным был дан обед, на котором присутствовали министры, Акимов, Гучков, члены Государственного совета и Думы⁵⁴². 19 февраля Столыпин и Гучков вместе вспоминали о крестьянской реформе у памятника Александру II⁵⁴³. Как отмечал А.А. Бобринский, «юбилей <...> прошел без малейших неурядиц и без тени обещанной «революции»»⁵⁴⁴. Возможно, именно тесная связь, которую демонстрировал Столыпин в отношении октябристов, и дала повод к весьма неожиданным слухам о его возможном уходе. «Октябристы

---

⁵³⁷ Там же. С. 106–107.

⁵³⁸ Там же. С. 107–108, 113–114.

⁵³⁹ Там же. С. 103–104.

⁵⁴⁰ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. Т. 1. М., 1924. С. 110.

⁵⁴¹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 180. С. 82.

⁵⁴² П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 348; Новое время, 12 февраля 1911 г.

⁵⁴³ Голос Москвы, 20 февраля 1911 г.

⁵⁴⁴ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 144.

не в чести» (из-за политики по народному образованию), однако и «Столыпин, как говорят, стоит очень шатко», – отмечал Ключев⁵⁴⁵.

Официальная позиция октябристской партии постоянно колебалась. Критикуя отдельные ведомства, октябристы нападали и на оппозицию. 15 февраля Ратибор писал: «Сведущие в политических течениях люди говорили мне еще нынешней осенью, что план действий в главном штабе революции намечен такой: взволновать молодежь, захватить интеллигенцию, распропагандировать войска – остальное придет само собою». Крестьяне и рабочие не рассматривались как серьезная опора революции. По мнению Ратибора, Столыпин для революции был корнем зла, а Государственный совет, в свою очередь – естественным союзником⁵⁴⁶. «Голос Москвы» отмечал, что сами кадеты рассматривали возможность блокироваться на предстоящих выборах с правыми против октябристского центра⁵⁴⁷. Кроме того, по мнению газеты, Милюков пытался втравить Россию в войну на Балканах⁵⁴⁸. Раскол октябристов неизбежно назревал. С 16 февраля Дума в нервной обстановке обсуждала запросы о студентах: левые октябристы пытались оправдывать студентов, но призывали их к успокоению. Такое поведение встречало совместный отпор правых и националистов⁵⁴⁹.

Вскоре Дума перешла к бюджету. Как отмечалось в радикально-либеральной прессе, его обсуждение началось «в атмосфере растущего политического напряжения, среди недвусмысленных признаков глубокого разлада между властью и обществом». Под негативными тенденциями кадетами понимались аграрная реформа, рост военных и военно-морских расходов, проект Амурской железной дороги, «разгром Московского университета» и урезание расходов на начальное образование⁵⁵⁰. Для кадетов

---

⁵⁴⁵ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

⁵⁴⁶ Голос Москвы, 15 февраля 1911 г.

⁵⁴⁷ К выборам в IV Думу // Там же. 4 марта 1911 г.

⁵⁴⁸ Ратибор [Бобрищев-Пушкин А.В.]. Милюковская афера // Там же. 8 марта 1911 г.

⁵⁴⁹ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. II. СПб., 1910–1911. Стб. 2150–2204, 2709–2760, 3421–3480.

⁵⁵⁰ Русские ведомости, 23 февраля 1911 г.

воцарилась «удушливая атмосфера Таврических будней»⁵⁵¹. «Голос Москвы», наоборот, продолжал поддерживать официально-оптимистическое настроение. Отмечалось, что раньше «бюджет был ее [бюрократии – Ф.Г.] интимным делом», но теперь при помощи Думы бюджет стал значительно лучше, а его основными статьями, наряду с обороной, также образование и земледелие: «В порядке думской инициативы, путем пожеланий Дума толкала на культурные начинания правительство, которое в этой области продолжает проявлять ненужную робость»⁵⁵². В результате между кадетами и большинством произошел конфликт: Милюков явился в заседание военно-морской комиссии, поскольку бюджетная комиссия якобы уполномочила на это своих членов. Председательствующий умеренно-правый кн. П.И. Шаховской по документам указал, что от кадетов уполномочены только М.В. Челноков и А.Ф. Бобянский. «Красный от волнения», Милюков покинул заседания, за ним вышел и Челноков. «Голос Москвы» заключал: «Когда этот инцидент стал известен членам Думы, большинство возмущалось беззастенчивостью г. Милюкова, граничащей с привычками дурно воспитанных школьников»⁵⁵³.

Однако накануне рассмотрения сметы МВД левые октябристы вошли в соглашение с кадетами: бывший товарищ председателя Думы С.И. Шидловский должен был критиковать отход правительства от октябристского курса, что вело власть в тупик, а В.А. Маклаков упирал бы на изначальные скрытые симпатии Столыпина к правым⁵⁵⁴. 26 февраля при обсуждении сметы МВД (правительство на заседании отсутствовало) Шидловский раскритиковал административные репрессии, которые, по его заявлению, октябристы не намерены были «покрывать». В речи И.В. Годнева звучали утверждения о взяточничестве в Департаменте полиции и необходимости урезать его ассигнования. Милюков неожиданно даже взял

---

⁵⁵¹ Речь, 20 февраля 1911 г.

⁵⁵² Голос Москвы, 22 февраля 1911 г.

⁵⁵³ К портрету г. Милюкова // Там же. 23 февраля 1911 г.

⁵⁵⁴ Из кулуаров Государственной думы... С. 114–115.

слово и выразил радость по поводу эволюции октябристов⁵⁵⁵. «Голос Москвы» вынужден был признать, что прения по бюджету «далеко вышли за пределы обсуждения бюджета по существу и приняли общеполитический характер». Далее шла следующая тирада: «Критику политики Министерства внутренних дел в Г. Думе следует рассматривать как верное отражение настроения на местах. Это простое эхо обывательского эха, вопля людей, безнадежно застрявших в пучине бесправия. То обстоятельство, что в критике правительственной политики приняли участие группы, лояльность которых вне спора и сомнений, группы, вовсе не склонные играть в оппозицию ради оппозиции, показывает, что недовольство современным положением охватило и пославшую их среду, умеренную в своих требованиях и желаниях. <...> Куда же мы идем? Неужели назад, к тому времени, когда правительство и общество представляли собою два враждебных и вечно воюющих лагеря? Не будет ли это приближением и повторением уже пережитого однажды страшного государственного краха? Нельзя не считаться с общественным мнением, нельзя не учитывать его настроений, если, конечно, не смотреть на общество, как на врага внутреннего, которого непременно надо покорить». Но, в отличие от кадетов, считал «Голос Москвы», «партия центра не придавала своему выступлению характера демонстрации». «Это не в ее правилах. Партия не прибегает ни к бесцельным угрозам, ни к запугиваниям», – отмечала газета⁵⁵⁶.

Осведомительное бюро отмечало, что в Думе причинами такого поведения октябристов были переориентация Столыпина на националистов, падение престижа Думы и лично Гучкова накануне выборов, в чем октябристы и сам Гучков склонны были обвинять премьера⁵⁵⁷. 27 февраля в собрании октябристов в петербургской городской думе господствовали «оппозиционные» настроения в поддержку Думы⁵⁵⁸. П.С. Чистяков заявил,

---

⁵⁵⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. II. СПб., 1910–1911. Стб. 2986–2995.

⁵⁵⁶ Голос Москвы, 1 марта 1911 г.

⁵⁵⁷ Из кулуаров Государственной думы... С. 115.

⁵⁵⁸ Ратибор [Бобрищев-Пушкин А.В.]. Общественные настроения // Голос Москвы, 3 марта 1911 г.

что произошедшая со времен революции деполитизация общества – отрицательное явление. Дума не оправдала народных надежд, ее авторитет упал. Винить в этом только правительство было бы бессмысленно, поскольку оно – «неразрывная часть русского народа»: «Не надо одобрять все выходы больного, но не надо и травить его. Это не поможет, положение делается только хуже. Не нас теперь надо успокаивать, а мы теперь должны успокаивать, ибо роли переменялись – мы желаем мирной работы, а власти без надобности нервничают и не могут покинуть своей боевой позиции»⁵⁵⁹.

Внутренний кризис октябристов привел лидеров в смятение. По соглашению фракций было решено завершить сессию к 15 мая⁵⁶⁰. 2 и 4 марта быстро прошла смета МНП (26 февраля Кассо был назначен министром⁵⁶¹) – почти без потерь и при молчании октябристов⁵⁶². «Думская смерть», – характеризовало процесс «Русское слово»⁵⁶³. Гучков посетил Кассо и просил за безвинно пострадавших студентов, в ответ министр пообещал восстановить всех, кто таковым окажется⁵⁶⁴. Между тем, в начале марта, после профессорской отставки, студенческая забастовка стала стихать. В Петербурге был арестован в полном составе студенческий коалиционный комитет⁵⁶⁵. Студенты не были поддержаны рабочими. На окраинах Империи отмечалась политическая апатия, кризис Бунда, рост национализма среди русской общественности⁵⁶⁶.

Таким образом, на рубеже 1910–1911 гг. думские фракции постепенно втягивались в предвыборную кампанию. Вопросы, связанные с народным просвещением, стали для Думы, и прежде всего октябристов, поводом для демонстрации независимости своей позиции. Однако всякая оппозиционная деятельность октябристов оборачивалась только против них самих, была

---

⁵⁵⁹ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 318–321.

⁵⁶⁰ Из кулуаров Государственной думы... С. 116.

⁵⁶¹ Накануне «Голос Москвы» опровергал слухи о его скорой отставке (Голос Москвы, 24 февраля 1911 г.).

⁵⁶² Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. II. СПб., 1910–1911. Стб. 3348–3363, 3504–3548.

⁵⁶³ Русское слово, 3 марта 1911 г.

⁵⁶⁴ Новое время, 8 марта 1911 г.

⁵⁶⁵ Голос Москвы, 12 марта 1911 г.

⁵⁶⁶ Жаботинский В. Письма о национальностях и областях. Еврейство и его настроения // Русская мысль. 1911. № 1. II паг., с. 95–96, 113–114; Польско-еврейская распря // Московские ведомости, 27 ноября 1910 г.

чревата расколом и усиливала позиции лояльных правительству фракций. Политика Столыпина в этот период, несмотря на поведение октябристов, лишь способствовала укреплению положения его правительства.

2.3. Конституционный кризис

После того как вопросы аграрной реформы и местного суда сошли с повестки дня, в Совете министров активно обсуждались вопросы положения в Финляндии и финансирования земств. Финляндский вопрос не вызывал противодействия думского большинства, однако земский имел гораздо более важное внутреннее значение. Правительство рассчитывало на сотрудничество с земством, повышение его политической роли в проправительственном русле, обещая материальную поддержку земства. Судьба земства не могла не волновать также октябристов и националистов, тесно с ним связанных. Их политические отношения с властью лучше всего должны были проявиться именно в этом вопросе – вопросе соотношения компетенции государства и местного самоуправления.

В декабре 1910 г. в думской комиссии по местному самоуправлению заканчивалось рассмотрение правительственного проекта волостного земства. Комиссия предполагала связать закон с правительственным же проектом Правил о порядке введения в действие Положения о поселковом и волостном управлении⁵⁶⁷, оставить администрации лишь право надзора, но без права вмешательства в целесообразность, и ввести в состав надзирающих организаций представителей общественности (дворянских предводителей, гласных и председателей земских управ)⁵⁶⁸. Октябрист А.В. Еропкин

---

⁵⁶⁷ На этом настаивало и правительство: волость должна была принять на себя и административные функции, в противном случае пришлось бы создавать параллельную волостному земству структуру, но на это у государства не было средств (Россия, 23 марта 1911 г.). Волость тратила 70 % бюджета на собственное управление, 10 % – на повинности, лишь 12 % – производительно (Торжество национальной идеи // Новое время, 31 октября 1911 г.).

⁵⁶⁸ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III Государственная дума. IV сессия. СПб., 1911. С. 302–307.

защищал внесенный в правительственный законопроект принцип создания в волостном земстве особой курии для крупных землевладельцев. Он предупреждал от крестьянского засилья в нем, напоминая левые настроения крестьян в Первой думе⁵⁶⁹.

В Думе также обсуждался вопрос петербургской городской канализации, состояние которой угрожало развитием эпидемий в столице. Городское самоуправление не имело средств на ее ремонт. Правительство предлагало передать канализацию в ведение особой комиссии, подчиненной МВД. 19 января 1911 г. Столыпин выступил в Думе по этому вопросу. «Россия» объясняла стратегию правительства: оно не вторгается в дела местного самоуправления, однако «имеет не только право, но и долг выступить на защиту жизни и благосостояния зависимых экономически масс населения, если жизнь и благосостояние этих масс по той или иной причине не охранены органами самоуправления»⁵⁷⁰. Но для октябристов вопрос ведения самоуправления и в этом конкретном случае оказался первостепенным. При голосовании правые и националисты поддержали правительство, но вопрос был решен отрицательно с перевесом всего в 1 голос (при этом против голосовал и Гучков)⁵⁷¹. «Речь» задавалась вопросом: уступит ли Столыпин? «А авторитет власти? Авторитет власти только выиграет, если общество узнает, что власть, наконец, научилась управлять своими волевыми импульсами», – утверждал кадетский рупор⁵⁷². Между тем, правительство демонстрировало выдержку. 17 февраля также был издан циркуляр, разъяснявший губернаторам их права в отношении неутверждения избранных гласных (на основании ст. 118 Земского положения): они могли делать это только в случае, если избрание определенного лица очевидно «не отвечает интересам государственного порядка». Несоответствие не могло принадлежать лишь «к области предположений». «В противном случае

---

⁵⁶⁹ Еропкин А. Волостное земство // Голос Москвы, 19 ноября 1911 г.

⁵⁷⁰ Россия, 20 января 1911 г.

⁵⁷¹ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. II. СПб., 1910–1911. Стб. 277.

⁵⁷² Что дальше? // Речь, 22 января 1911 г.

всегда неизбежно известное неудовольствие общественных кругов и крайне тягостное для представителей власти обвинение в произволе, вносящее во взаимоотношения общества и администрации совершенно нежелательный разлад и недоверие», – отмечалось в циркуляре⁵⁷³.

Наиболее актуальной была проблема финансирования земства и роли в этом деле государства. 9 ноября 1910 г. в совете по делам местного хозяйства МВД Столыпин произнес речь о финансировании земств, в которой заявил о необходимости выделения ему безвозмездных государственных пособий⁵⁷⁴. Это было важно тем более, что 4 декабря также вышел циркуляр губернаторам об обязательном земском страховании крестьянских хуторов⁵⁷⁵.

Вопрос земско-городского финансирования впервые был поднят думской оппозицией. Кадет М.В. Челноков писал: «У нас тут в Г. Думе хорошего сделать почти ничего нельзя, а даже если что и сделаем – в Г. Совете не оставят камня на камне. Я теперь уже совершенно утратил веру в наше дело и уповаю только на рост местной жизни и самоуправления. Пока на местах не пробьется местная жизнь, мы в Г. Думе будем висеть в воздухе». Поэтому кадеты вносили в Думу законодательное предположение об улучшении земско-городских финансов. 300 миллионов рублей, по их мнению, был тот «минимум, необходимый для удовлетворения насущнейших нужд населения». «Не знаю, выйдет ли из этого законопроекта что-нибудь практическое, но мысль общества от «прав», «свобод», неосуществимых в настоящее время, сосредотачивается на жизни деревни и города», – признавался Челноков⁵⁷⁶. В проекте отмечалась «культурно-хозяйственная отсталость России от других стран» и предлагалось отменить принцип предельности земского обложения, государственные повинности земств, обложить земскими сборами церковное, монастырское, казенное имущество,

---

⁵⁷³ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 317–319.

⁵⁷⁴ П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 640–644.

⁵⁷⁵ П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 340–341.

⁵⁷⁶ «У нас беда – страшная привычка к словам...» Письма депутата Государственной думы М.В. Челнокова к графине Е.А. Уваровой. 1903–1912 гг. (Публ. Ф.А. Селезнева) // Исторический архив. 2004. № 4. С. 160. 31 декабря 1910 г.

казенные и частные железные дороги, передать земству государственные поземельный и промысловый налоги, налог на городскую недвижимость, ввести ежегодные государственные пособия земствам на социальную сферу (для этого предусмотреть в смете 1911 г. 20 млн. руб., с ежегодным повышением на такую же сумму). Иначе «нам грозит остановка культурного развития», – предвещали инициаторы предположения⁵⁷⁷. В правительственных кругах кадетская инициатива считалась одним из элементов демагогической риторики радикальных либералов⁵⁷⁸. «Россия» написала, что проект имел предвыборный характер, а сами его авторы просто прятали свой «беспросветный кадетизм, осмеянный, отталкивающий, о котором никто, кроме его авторов, доброго слова не скажет», под маской внепартийного прогрессизма⁵⁷⁹.

Октябристы предлагали свой более реалистичный проект о принятии государством на себя части земских расходов. В феврале 1911 г. Столыпин передал оба предположения на рассмотрение Коковцова. Критика со стороны Министерства финансов велась обстоятельно и по двум направлениям. В своем отзыве Коковцов утверждал, что государственное налогообложение на душу населения в России было в 2 раза ниже, чем в Австро-Венгрии и в 3,5 – чем в Британии, земское – соответственно, в 6 и 11. Однако он отрицал возможность слепого копирования европейского опыта, поскольку задачи и традиции местного самоуправления в России и европейских странах были разными. В частности, в Европе на его попечении находились все дороги, а в Британии – все вопросы местного управления в целом. Кроме того, почти везде в Европе самоуправление несло на себе государственные расходы. Вместе с тем, Коковцов утверждал, что планируемые на ближайшие 10 лет доходы (в общей сложности – 744,7 млн. руб.) позволяли покрыть лишь текущие расходы и 41 % новых расходов на оборону. Новые налоги (в т.ч. и подоходный) в случае их введения могли дать казне за 10 лет еще 85 млн.

---

⁵⁷⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 96. Лл. 1–135об., 274–275.

⁵⁷⁸ Из кулуаров Государственной думы... С. 74.

⁵⁷⁹ Россия, 20 января 1911 г.

руб. Принятие на счет казны еще 350–400 млн. руб. означало бы отказ от неотложных государственных потребностей. В записке заключалось: «Приходится считаться с исторически сложившимися обстоятельствами, началами целесообразности и практичности, и менее всего с абстрактными формулами».

Тем не менее, в ведомствах финансов и внутренних дел была составлена записка, предполагавшая возможным понижение государственных налогов, принятие части расходов на счет казны, отмену предельности обложения, введение земского промыслового налога (75 % к государственному), что могло дать земству через 3 года до 50 млн. руб. в год. Таким образом, рост земских сборов был поставлен в прямую зависимость от роста местной промышленности, от чего, разумеется, более всего выигрывали столицы. Проект был направлен в межведомственную комиссию под председательством товарища министра финансов Н.Н. Покровского, которая рассмотрела его в течение 5 заседаний уже в декабре 1911 г. Представитель МТП требовал снижения земского промыслового налога до 40–60 % от государственного и постепенности при его введении, а ГУЗЗ – замены подобного налога на передачу земствам части государственного налога на землю и недвижимость (чтобы, таким образом, от реформы выиграли и те земства, на территории которых промышленность была развита слабо). 9 февраля 1912 г. проект был рассмотрен и одобрен Советом министров и направлен в палаты. 5 декабря он был утвержден императором и принял силу закона⁵⁸⁰.

В Государственном совете⁵⁸¹, отправившем в комиссию правительственный проект местного суда, земский вопрос также стал

---

⁵⁸⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 96. Лл. 1–135об., 274–275. В популизме в вопросе об обложении необлагаемых земель обвиняли кадетский проект и октябристы (Голос Москвы, 5 января 1911 г.).

⁵⁸¹ Государственный совет на 1 января 1911 г. состоял из 196 членов (98 выборных и 98 назначенных): он включал 10 министров, правая группа насчитывала 79 членов (соответственно 30 и 49), кружок внепартийного объединения – 10 (2 и 8), центр – 80 (55 и 25), левая группа – 11 (11 и 0). Внепартийными были 4 выборных членов, принадлежность еще 2 выборных неизвестна. Сильный центр в Совете отсутствовал (Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 125, 247–249).

основным. Правые в целом, безусловно, не выступали против земства как такового. Однако никакого единого мнения о перспективах его развития не было. Такой представитель консервативного крыла Совета как гр. А.А. Бобринский комментировал отношение правых думцев следующим образом: «Панический ужас перед всяким земством вообще. Ой, и здесь не густо!»⁵⁸² Известный консервативный публицист К.Н. Пасхалов выступал в защиту экономических интересов земства (его брошюра была подписана 17 февраля 1911 г.). Заявлялось, что земский вопрос – основной вопрос для России. Однако итоги деятельности земства, по его мнению, были печальны: сборы не собирались, отчетность оставалась слабой, земство оказалось в кризисе, отчего страдала местная жизнь. «Коренной ошибкой» считалась двухуровневая система земства, поскольку оба «этажа» были формально не зависимы друг от друга, но губернское земство на основании ст. 63 п. 10 Земского положения постоянно вмешивалось в уездную сферу и подавляло уездное земство, а также расходовало средства по своему собственному усмотрению и неравномерно. Губернское земство, в отличие от уездного, было перегружено делами. Его сторонники, по словам Пасхалова, на предложение сохранить лишь уездное земство возражали, что оно не сможет развивать медицинское и страховое дело. На это Пасхалов отмечал, что, в случае передачи ему всех земских сборов, оно бы вполне справилось, а страхование брали на себя даже частные лица. Пасхалов напоминал, что уездные земства могут вступать в соглашения – даже и не в пределах одной губернии, а разных (на основании прим. к ст. 3 Высочайше утвержденного мнения ГС от 31 января 1906 г.). Не нужно было создавать и волостного земства, и без него плательщик «теперь кряхтит». Как отмечал автор записки, необходимо было отказаться от «чисто бюрократического» построения земства и перейти к действительно самостоятельному и «деловому» земству⁵⁸³. Пасхалов неоднократно выступал против создания волостного

---

⁵⁸² Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 139.

⁵⁸³ Пасхалов К. Земский вопрос. СПб., 1911. С. 3–12, 15–29, 34–38.

земства (а зачастую – и за ликвидацию губернского), мотивируя это скудостью средств самоуправления⁵⁸⁴. Несколько ранее в «Московских ведомостях» также была опубликована статья Пасхалова, в которой предлагалось сделать земское обложение более справедливым (перераспределить его в интересах крестьян) и подчинить земские финансы Государственному контролю⁵⁸⁵.

Для премьера чрезвычайно важным был вопрос западного земства⁵⁸⁶. Столыпин придавал ему очень большое личное значение и был уверен в успехе⁵⁸⁷. Проект создавал национальные курии для блокирования политических амбиций польских помещиков. Столыпин торопился: ему было необходимо создать западное земство в 1911 г. для того, чтобы с опорой на него продвигать националистов на выборах 1912 г.⁵⁸⁸ Дума рассмотрела законопроект еще в мае 1910 г., внося ряд поправок (расширила представительство поляков, полностью отстранила от самоуправления иудеев, придала киевскому и минскому городским самоуправлениям статус уездного земства и т.д.)⁵⁸⁹. Правые газеты писали, что западное земство наряду с финляндским законопроектом были «оселком правительственной последовательности и твердости» в отношении собственной политики и Думы⁵⁹⁰. Тихомиров, выступавший против расширения влияния поляков, даже предлагал для проведения западного земства применить 87-ю статью и вернуться к правительственному варианту⁵⁹¹.

Реакция правых и центра Государственного совета на законопроект была неоднозначной. Демократизация и национальные курии земства не

---

⁵⁸⁴ *Его же*, Волостное земство // Московские ведомости, 4 марта 1911 г.

⁵⁸⁵ Х. [Пасхалов К.Н.] Земское обложение // Там же. 8 сентября 1910 г.

⁵⁸⁶ Столыпин произнес в III Думе 16 речей, причем 3 касались западного земства (вопросов Финляндии и обороны – по 2, правительственной программы в целом, событий 3 июня, применения 87-й ст. ОГЗ, аграрной реформы, самоуправления, управления, транспорта, вероисповедного вопроса, дела Азефа – по 1), в Государственном совете – 19, в том числе 4 – по вопросу западного земства (по вопросу аграрной реформы – 5, обороны – 3, самоуправления, Финляндии – по 2, 87 статьи, финансов, транспорта – по 1).

⁵⁸⁷ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 386–387.

⁵⁸⁸ Это, в частности, отмечал И.С. Ключев (РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об.).

⁵⁸⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1171. Л. 242.

⁵⁹⁰ Тур К.И. Задача политического момента // Московские ведомости, 21 мая 1910 г.; О значении западного земства: Быть или не быть // Земщина, 31 января 1911 г.

⁵⁹¹ Земство в западных губерниях // Московские ведомости, 9 мая 1910 г.

устраивали различные политические силы. Однако основная критика касалась националистического характера проекта. «Высшее правительство во времена даже самой мрачной реакции Победоносцева и Плеве в «национальных» вопросах было много либеральнее столыпинского конституционного правительства. Оно чувствовало себя достаточно сильным, чтобы не прибегать к укреплению власти такими приемами, как разжигание зоологического «национализма»», – писалось в «Русской мысли»⁵⁹². По мнению кн. Мещерского, цель националистов и западного земства заключалась в том, чтобы «зажечь по всей России пожары международной ненависти под предлогом торжества русской народности»⁵⁹³.

Законопроект поступил в Государственный совет. Накануне начала его обсуждения 25 января по инициативе Столыпина депутация киевского и подольского губернских земств была принята императором. Николай II признал, что при нынешнем порядке работать в земстве «слишком тяжело», и пообещал: «Я сделаю все от меня зависящее для того, чтобы вы получили земство, полезное для вашего края и всей России в желаемом вами смысле»⁵⁹⁴. Совет приступил к западному земству 28 января. Отношение к законопроекту было настолько неоднозначным, что в Думе считали, что его судьба – «крайне сомнительна». Национальные группы и левые выступали против национальных курий. Центр поддерживал их в этом вопросе, но, кроме того, выступал против снижения ценза. В случае отвержения сословных курий законопроект становился неприемлемым для правых⁵⁹⁵. Многие правые были против законопроекта либо по причине разжигания им национальной розни, либо из-за нежелания вводить земство на окраинах⁵⁹⁶.

1 февраля Столыпин выступил в Совете с речью, она была «произнесена с необыкновенным подъемом» и даже противники законопроекта признали ее «красивой и убедительной», в результате чего

---

⁵⁹² Стахович А. Холмский вопрос // Русская мысль. 1911. № 3. II паг., с. 100.

⁵⁹³ Дневник // Гражданин. 1911. № 5. С. 15.

⁵⁹⁴ Из кулуаров Государственной думы... С. 91–92.

⁵⁹⁵ Там же. С. 84–85.

⁵⁹⁶ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 175.

шансы на принятие возросли⁵⁹⁷. Правые Д.И. Пихно и А.С. Стишинский выступили в поддержку законопроекта. Стишинский был одним из лучших ораторов Совета⁵⁹⁸, говорил «всегда вдумчиво, обстоятельно, логично и местами с заметным подъемом, за что заслужил от <...> Говорухи наименование «эротического оратора»»⁵⁹⁹. Против выступали И.Э. Олизар (от польского коло) и Витте. Правый И.А. Зиновьев напомнил, что проект 1898 г., в отличие от столыпинского, не провоцировал межнациональную рознь. С резкой критикой законопроекта выступил славившийся своим красноречием М.М. Ковалевский. Однако 4 февраля законопроект был принят в I чтении (103 голоса против 56)⁶⁰⁰.

Изначально провал законопроекта обеспечен не был. Акимов должен был организовать проправительственное голосование: он передал группе просьбу царя голосовать положительно. Сначала совещание правой группы приняло именно такое решение⁶⁰¹. Организатором сопротивления стал Дурново. Перед началом обсуждения вопроса в палате Дурново спешно вернулся из Берлина, где был на лечении катаракты⁶⁰². Тогда группа большинством против 7 человек решила составить ответное письмо императору с изложением своего мнения⁶⁰³. Дурново составил текст письма, в котором прогнозировал конфликт с поляками-землевладельцами в случае принятия законопроекта, что могло привести лишь к отсутствию интереса к земской деятельности и усилению их симпатий в отношении Австро-Венгрии⁶⁰⁴. Акимов отказался передать письмо и тогда это сделал В.Ф. Трепов⁶⁰⁵. Он рассказал Николаю II, что делегация была «подтасована»

---

⁵⁹⁷ Из кулуаров Государственной думы... С. 99.

⁵⁹⁸ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 151–152.

⁵⁹⁹ Там же. С. 166.

⁶⁰⁰ Государственный совет. СО. VI сессия (1910–1911). СПб., 1910–1911. Стб. 791–818, 854–866, 946–955, 980.

⁶⁰¹ Новое время, 6 марта 1911 г.

⁶⁰² Из кулуаров Государственной думы... С. 118–119.

⁶⁰³ Речь, 9 марта 1911 г.

⁶⁰⁴ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 388.

⁶⁰⁵ Речь, 9 марта 1911 г.

Столыпиным⁶⁰⁶, а сам законопроект должен был привести к засилью русской революционной интеллигенции в земстве⁶⁰⁷. Трепов объехал видных членов Государственного совета и передал им позволение императора голосовать «по совести». Накануне ночью на совещании правых во главе с Треповым было решено голосовать свободно⁶⁰⁸. Был распушен слух, что царь недоволен Акимовым и готовит его замену на Витте. Сам Дурново якобы рассчитывал на премьерское кресло⁶⁰⁹. 28 февраля императору также была представлена записка прибывших из Парижа кн. М.М. Андроникова и С.Ф. Шарапова о перспективах отношений России с Францией и Британией, в которой столыпинская национальная политика расценивалась как единственный внутривластный фактор, ослабляющий связь с западными державами. Также сообщалось, что во Франции крайне популярен гр. Витте, Коковцов «пользуется всеобщим доверием», а Столыпина «не понимают, несмотря на большую рекламу, какую он себе делает в местной печати, и не любят, так как считают его сторонником сближения России с Германией, в угоду которой он ведет свою окраинную политику»⁶¹⁰.

По мнению В.С. Дякина, правые имели две цели: и свалить премьера, и провалить законопроект. Исследователь также отмечал, что правых не устраивали не курии, а понижение ценза⁶¹¹. Последнее безусловно верно, но отставка премьера в этом случае вовсе не была гарантирована. Следует согласиться с мнением Бородина, в соответствии с которым голосование правых было вызвано не стремлением свалить премьера, а отстаиванием своей политической позиции⁶¹².

---

⁶⁰⁶ Запись рассказа П.А. Столыпина об аудиенции у Николая II // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 491.

⁶⁰⁷ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 388.

⁶⁰⁸ Новое время, 6 марта 1911 г.; Голос Москвы, 6 марта 1911 г.

⁶⁰⁹ Из кулуаров Государственной думы... С. 118–119.

⁶¹⁰ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 674. Л. 1–10об.

⁶¹¹ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 214–217.

⁶¹² Бородин А.П. Ук. соч. С. 200–204.

4 марта во время II чтения при голосовании за курии произошел провал западного земства. Против голосовало 92 человека, за – всего 68. 37 членов правой группы (А.С. Стишинский, П.П. Кобылинский, Д.И. Пихно) голосовали за курии⁶¹³, только 28 – против (таким образом, даже их воздержание от голосования дало бы сторонникам курий перевес). Против законопроекта голосовали левые и поляки (выступавшие против курий), правые и центристы (стоявшие против демократизации земства)⁶¹⁴. Однако, как сообщала печать, для Столыпина провал стал совершенной неожиданностью, он «густо покраснел и был этим очень взволнован»⁶¹⁵. Премьер сразу подал в отставку. Разговор с императором передавался самим Столыпиным «по горячим следам» весьма драматично. Столыпин резко критиковал правых за реакционность и «темные приемы борьбы». Он отмечал, что не мог бы «опираться на партии, искать поддержки в общественных течениях» и утверждал: «У нас нет парламентаризма, но именно теперь был случай это доказать». В глазах премьера поведение Николая II являлось слабым: «Вместо того, чтобы снести Трепову голову, прикрикнуть на них и пробрать, Государь ничего на мои энергичные упреки не ответил, а только плакал и обнимал меня. <...> Ведь должен же он знать, что есть люди, которые неспособны лежать на животе; ведь не может же он не предпочесть смелость и самостоятельность низкопоклонству». Премьеру даже показалось, что царю поведение правой оппозиции «нравится, и он сам им верит». Столыпин понял, что ему «больше нет опоры» и настаивал на отставке: «рано или поздно кончилось бы тем же и было бы тогда хуже». Дальнейшая альтернатива была сформулирована четко: кабинет «реакционный» или «бюрократический под знаменем продолжения прежней политики». Сам Столыпин считал второй вариант более вероятным, а новым премьером должен был стать Коковцов. «Кривошеин продержался бы дольше», – попутно отметил Столыпин. В заключение он сказал императору:

---

⁶¹³ *Его же*, Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004. С. 115.

⁶¹⁴ *Его же*, Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 200–203.

⁶¹⁵ Голос Москвы, 10 марта 1911 г. См. также: Речь, 9 марта 1911 г.

«Я сказал Государю, что за 5 лет изучил революцию и знаю, что она теперь разбита и моим жиром можно будет еще лет пять продержаться. А что будет дальше, зависит от этих пяти лет». Отметим, что при всей трезвости взгляда, сказано это было в минуту, для Столыпина крайне волнительную. Тем не менее, Николай II запретил ему говорить об отставке, поскольку ему не было преемника⁶¹⁶.

По поводу голосования в Государственном совете «Россия» писала: «Был отвергнут принцип, <...> что русское государство есть органическое целое, а вовсе не простая совокупность отдельных народностей»⁶¹⁷. «Голос Москвы» был возмущен: «Г. Совет проявил абсолютную независимость. <...> Верхняя палата действовала независимо от высших сфер, от правительства, от Г. Думы, от демократической тенденции и всецело независимо от русских интересов»⁶¹⁸. В Думе результаты голосования Совета вызвали «чрезвычайно подавленное настроение» у всех фракций, кроме национальных, левых октябристов во главе с Гучковым, кадетов и социалистов⁶¹⁹. «Голос Москвы» писал о сожалении октябристов и националистов по поводу отставки и старательно опровергали мнение, что отношения с премьером у них в последнее время испортились⁶²⁰. Вечером 4 марта в Думу пришел слух, что Столыпин на аудиенции разоблачил интригу Дурново и еще более упрочил свое положение. Однако затем опять поступили известия о том, что премьер подал в отставку. Вероятность ее принятия была очень высока. В Думе отмечали, что в высших сферах отставка воспринималась как прецедент ухода премьера после конфликта с палатами⁶²¹. «Новое время» уже прощалось с премьером и выражало надежду

---

⁶¹⁶ Запись рассказа П.А. Столыпина об аудиенции у Николая II // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 491–492.

⁶¹⁷ Россия, 9 марта 1911 г.

⁶¹⁸ Голос Москвы, 6 марта 1911 г.

⁶¹⁹ Из кулуаров Государственной думы... С. 118–119; Речь, 9 марта 1911 г.

⁶²⁰ Голос Москвы, 8 марта 1911 г.

⁶²¹ Из кулуаров Государственной думы... С. 118–120.

на его возврат в политику. Меньшиков выражал сожаление, что Столыпин не смог встать над ситуацией и оказался основным виновником кризиса⁶²².

«Русское слово» называло автором интриги Витте, но не считало это его окончательной победой, потому что плодами должны были воспользоваться правые⁶²³. Витте рассчитывал стать премьером и действовал якобы даже через скандально прославившегося иеромонаха Илиодора (Труфанова), в то время еще сохранявшего дружеские отношения с Г. Распутиным. Однако «Голос Москвы» также полагал, что «премьерство для него считают немислимым» и даже слухи о назначении министром финансов – несостоятельными⁶²⁴. Сам гр. Витте незадолго до того в частном письме называл себя «духовным калекой», бесполезным для власти, и писал, что «никогда» не собирался к ней возвращаться и желает «всякого успеха и счастья» Столыпину. «По теперешним обстоятельствам никто заменить Столыпина не может», – заключал Сергей Юльевич⁶²⁵. Между тем, тон письма позволяет судить о том, что Витте предвидел его перлюстрацию, что и произошло.

Правые восприняли известие «с чувством удовлетворения»⁶²⁶. События были восприняты как свидетельство провала националистов, которые не могли определиться с политической позицией и колебались между самими правыми и октябристами⁶²⁷. Одна из наиболее известных правых газет «Земщина» в преддверии правого кабинета предложила лишить Академию наук и университеты представительства в Государственном совете, отмечая, что от них туда попадали всего лишь либеральные «университетские чиновники»⁶²⁸.

---

⁶²² Новое время, 8 марта 1911 г.; Голос Москвы, 8 марта 1911 г.

⁶²³ Победа и поражение // Русское слово, 6 марта 1911 г.

⁶²⁴ Голос Москвы, 8 марта 1911 г. Между тем, по свидетельству Милюкова, А.Н. Хвостов, рассматривавшийся на пост министра внутренних дел, отказался от него именно из-за слухов о назначении премьером Витте (Милюков П.Н. Ук. соч. С. 336).

⁶²⁵ ГА РФ. Ф. 1145. Оп. 1. Д. 69. Л. 28об. – 29. Гр. С.Ю. Витте – архимандриту Варнаве (Накропину), 1 февраля [1911 г.].

⁶²⁶ Из кулуаров Государственной думы... С. 118–120.

⁶²⁷ Необходимое объяснение // Голос Москвы, 7 марта 1911 г.

⁶²⁸ Елишев А.И. Чиновничье представительство // Земщина, 6 марта 1911 г.

«Речь» также осторожно ликовала: «Дни нашего кабинета, может быть, еще не сочтены. Но прочность его положения во всяком случае окончательно поколеблена»⁶²⁹. Причины поражения Столыпина, по мнению Милюкова, крылись в самой его политической системе: «3-е июня есть причина и источник настоящего кризиса. <...> 3-е июня есть эра, от которой идет все, что не дает нам дышать»⁶³⁰. Ему вторили «Русские ведомости»: «Время идет и беспощадно вскрывает всю бессодержательность программы воинствующего национализма, которая была противопоставлена общенародным стремлениям к праву и свободе»⁶³¹.

6 марта Столыпин дал прощальный обед на 42 персоны (с участием послов, Акимова, Щегловитова, Рухлова, Харитоновна)⁶³². Несколько дней отставка воспринималась как свершившийся факт⁶³³. Сообщалось, что Столыпин «категорически настаивает на своей отставке и высказывает даже желание совсем удалиться от государственной политической деятельности» (т.е. вел себя как политическая, а не бюрократическая фигура!). В магазине Дациаро на Невском проспекте уже был вывешен портрет Коковцова с надписью «Председатель Совета министров». 10 марта министр финансов председательствовал на заседании Совета министров⁶³⁴.

Хотя первоначально и ожидалось общее поправление правительственного курса, именно Коковцов практически всеми назывался наиболее вероятной фигурой на смену Столыпину⁶³⁵. Как позднее вспоминал министр финансов, он изначально не придавал провалу западного земства никакого особого значения⁶³⁶. Однако, судя по дневнику гр. С.Д. Шереметева во время провала западного земства Коковцов своим видом явно давал понять членам Государственного совета, что не сочувствует

---

⁶²⁹ Речь, 5 марта 1911 г.

⁶³⁰ Там же. 8 марта 1911 г.

⁶³¹ Русские ведомости, 6 марта 1911 г.

⁶³² Голос Москвы, 8 марта 1911 г.

⁶³³ Речь, 9 марта 1911 г.

⁶³⁴ Голос Москвы, 10 марта 1911 г.

⁶³⁵ Новое время, 8 марта 1911 г.; Голос Москвы, 8 марта 1911 г.

⁶³⁶ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 386–387.

законопроекту⁶³⁷. Тем не менее, умеренные также рассчитывали на усиление своих позиций. «Голос Москвы» писал: «Коковцов наделен способностью хорошо взвешивать обстоятельства, сглаживать трения, не доводя до резких конфликтов». Октябрист М.Я. Капустин признавал: это – «большое утешение для нас – центра». Его соратник Е.П. Ковалевский соглашался: «мы смогли оценить Коковцова, как редкого работника и человека с широкими государственными взглядами». Левые октябристы были близки к этому взгляду, поскольку смену в данных обстоятельствах можно было осуществить безболезненно, а личная роль Столыпина уже была «сыграна»⁶³⁸. Шингарев прогнозировал: «не будет национального шовинизма, <...> действия г. Коковцова будут больше согласованы с общественным мнением». Еще один «весьма осведомленный» депутат отметил, что Коковцов являлся единственным министром, выступившим против студенческих репрессий (также предполагалось, что в новой ситуации Кассо должен был вскоре уйти)⁶³⁹. «Речь» отмечала, что Коковцов, во всяком случае, не правее Столыпина⁶⁴⁰. Кадеты считали Коковцова более приемлемым, поскольку в силу «международных симпатий» будет настроен на «конституционную окраску русской государственности». Отмечалось, что биржа разволновалась по поводу кризиса, но быстро успокоилась в виду слухов о новом назначении министра финансов⁶⁴¹.

По поводу отставки «искренне опечалены» были лишь националисты, но и они могли рассчитывать на установление отношений и с Коковцовым⁶⁴². П.Н. Балашов написал Столыпину письмо, умоляя не уходить, пока не будет реализована националистическая программа по финляндскому, польскому и еврейскому вопросам, и призывал к реформе думского избирательного закона (предполагалось избирать депутатов от земств)⁶⁴³. П.Н. Крупенский

---

⁶³⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 43.

⁶³⁸ Из кулуаров Государственной думы... С. 120.

⁶³⁹ Голос Москвы, 9 марта 1911 г.

⁶⁴⁰ Речь, 9 марта 1911 г.

⁶⁴¹ Из кулуаров Государственной думы... С. 120.

⁶⁴² Там же.

⁶⁴³ Письмо П. Балашева к Столыпину // Красный архив. 1925. № 2 (9). С. 291–294.

признавался: «Увы, я чувствую, что все наши националистические проекты потерпят крушение в кабинете г. Коковцова». В случае назначения Коковцова, чьи взгляды на национальный вопрос отличались от столыпинских, Государственный совет, по мнению «Нового времени», должен был перегруппироваться: А.Б. Нейдгарт ушел бы из центра (поскольку там оказались бы поляки), а от Дурново к нему могло перейти до 25 человек, что сильно ослабило бы правых⁶⁴⁴.

На втором месте в рейтинге кандидатов в премьеры выступал Кривошеин⁶⁴⁵. «Московские ведомости» еще ранее оценивали Коковцова и Кривошеина как наиболее успешных министров⁶⁴⁶. Министром внутренних дел в правительстве Коковцова или Кривошеина могли стать, Б.В. Штюрмер, А.А. Ширинский-Шихматов или А.А. Макаров⁶⁴⁷, хотя также сообщалось о случившемся некогда резком конфликте Коковцова и Макарова по вопросу о реформировании II департамента Государственного совета⁶⁴⁸. Кривошеин мог претендовать и на возглавление МВД при Коковцове, в том случае, если бы не ушел вслед за Столыпиным. Кривошеин рассматривался как наиболее желательный кандидат для Коковцова, поскольку «склоняется вправо» и «будет обеспечен справа вполне надежно»⁶⁴⁹. Предполагалось, что Коковцов также мог ратовать за отставку Сухомлинова, Воеводского и Тимашева (но,

---

⁶⁴⁴ Новое время, 9 марта 1911 г.

⁶⁴⁵ Новое время, 8 марта 1911 г.; Голос Москвы, 8 марта 1911 г.

⁶⁴⁶ Новый год // Московские ведомости, 1 января 1911 г.

⁶⁴⁷ Новое время, 8 марта 1911 г.; Голос Москвы, 8, 10 марта 1911 г. Кандидатом на пост министра внутренних дел выступал и сам Коковцов – с совмещением поста премьера; в таком случае пост министра финансов могли занять его сотрудники – Н.Н. Покровский или директор Особенной канцелярии по кредитной части Л.Ф. Давыдов (Новое время, 9 марта; Голос Москвы, 9 марта 1911 г.; Речь, 9 марта 1911 г.). «Голос Москвы» как наиболее вероятную кандидатуру для МВД рассматривал Б.В. Штюрмера, но называл еще А.С. Стишинского, черниговского губернатора Н.А. Маклакова, В.Ф. Трепова, отказываясь сказать наверняка (Голос Москвы, 8 марта 1911 г.). «Речь» называла Штюрмера кандидатом правых (Речь, 9 марта 1911 г.). Однако Родичев говорил о Штюрмере: «Это сфинкс, которого трудно разгадать. Вы вот здесь утверждаете, что Штюрмер крайне правый, а я вам скажу, что Штюрмер был моим закадычным другом, когда он был назначен председателем тверской губернской земской управы. Вся тверская земская оппозиция считала его за своего, не раз он защищал наши оппозиционные проекты перед губернатором. Правда, потом он ударился вправо, но кто знает, какой политики он будет держаться, будучи министром внутренних дел?» Октябрьист кн. И.А. Куракин, близко знающий Штюрмера по Ярославлю, отмечал, что «это человек с большими знаниями нашей внутренней политики, тактичный, обладающий редким для нашей бюрократии умением создавать различные комбинации, необходимые для проведения того или иного проекта» (Там же.).

⁶⁴⁸ Голос Москвы, 10 марта 1911 г.

⁶⁴⁹ Голос Москвы, 10 марта 1911 г.

скорее всего, это были всего лишь октябристские подсазки ему)⁶⁵⁰. Ожидался также уход Кассо (который мог быть заменен профессором С.Ф. Платоновым, только что назначенным в совет министра народного просвещения), Рухлова (мог быть заменен его товарищами К.С. Немешаевым или Н.Л. Щукиным), Щегловитова (в качестве возможного преемника указывалась кандидатура бывшего министра юстиции С.С. Манухина)⁶⁵¹.

«Русские ведомости», подводя общий итог, писали: «Во всех этих предположениях и слухах нет и намека на изменение правительственного курса»⁶⁵². В свою очередь, «Московские ведомости» надеялись именно на эту неизменность⁶⁵³. В тот же день «Голос Москвы» написал: «Появилось опасение, как бы кризис не принял острого характера. Правые ведут интригу против В.Н. Коковцова». Правые мечтали о нескольких министрах, но Коковцов на соглашение не шел. Появились слухи о кабинете Дурново или Ширинского-Шихматова. Также отмечалось, что в Царское Село выехал Б.В. Штюмер⁶⁵⁴. Важно отметить, что указанная фраза из «Голоса Москвы» проясняла позицию октябристов: отставка Столыпина сама по себе для них еще не была «острым кризисом». Между тем, и внятных альтернатив правительственному курсу никто в правящих кругах не формулировал.

Все уже смирились с отставкой, когда пошли уверенные слухи, что Столыпин возвращается. Вмешательство великих князей Александра и Николая Михайловичей и императрицы Марии Федоровны спасло Столыпина⁶⁵⁵. Он и ранее неоднократно прибегал к помощи Марии Федоровны, что вызывало недовольство царя⁶⁵⁶. И в этот раз после прошения

---

⁶⁵⁰ Там же. 9 марта 1911 г. О возможных отставках Кривошеина, Тимашева и Щегловитова писала и «Речь» (Речь, 9 марта 1911 г.).

⁶⁵¹ Голос Москвы, 10 марта 1911 г.

⁶⁵² Русские ведомости, 10 марта 1911 г.

⁶⁵³ Тихомиров Л.А. Национальные курии и отставка П.А. Столыпина // Московские ведомости, 9 марта 1911 г.

⁶⁵⁴ Голос Москвы, 10 марта 1911 г.

⁶⁵⁵ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 2. С. 881–882. Рассказ Столыпина о роли Марии Федоровны: Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. Нью-Йорк, 1953. С. 205–206.

⁶⁵⁶ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 4. С. 109.

премьера об отставке императрица-мать пребывала «совсем не в духе»⁶⁵⁷. Она встречалась со Шварцем и пыталась узнать от него, кто бы мог заменить Столыпина. О Коковцове сказала: «C'est un чиновник»⁶⁵⁸. «Новое время» сразу заявило, что кандидатура Коковцова не годится в премьеры из-за его узкой ведомственности⁶⁵⁹. Как сообщали газеты, 10 марта Столыпин имел беседу с «одной высокой особой» в Аничковом дворце, но остался непреклонен. Затем состоялась Высочайшая аудиенция с тем же результатом⁶⁶⁰. Между тем, 10 марта Николай II написал в дневнике: «Утром принял Столыпина, кот[орый] в субботу просился уйти; уломал его не без труда остаться»⁶⁶¹. Но, скорее всего, окончательного решения еще не было. Совещание «высоких особ» в Аничковом дворце длилось несколько часов и закончилось глубокой ночью. Одна из фигур (намек на царя) выступала за Столыпина, но против изменений в Государственном совете, так как «исконная преданность» правых была очевидна⁶⁶². Император был недоволен поведением правых, которое спровоцировало кризис⁶⁶³, но не ими самими или их взглядами. Тем не менее, Столыпин оставался, причем на определенных условиях с его стороны. Мария Федоровна при личной встрече с Коковцовым 11 марта уже не сомневалась в победе Столыпина, а промедление объясняла самолюбием царя⁶⁶⁴. После окончательного решения вопроса вернувшийся из Царского Села Столыпин в телефонном разговоре с Кривошеиным был полон оптимизма: «Никогда еще Государь не оказывал мне столь милостивого приема»⁶⁶⁵.

Столыпин не верил в возможность вторично провести законопроект о западном земстве через палаты «из-за одного упрямства» Государственного совета, почему считал необходимым просто поставить его перед фактом и

---

⁶⁵⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 44об.

⁶⁵⁸ Шварц А.Н. Ук. соч. С. 68.

⁶⁵⁹ Новое время, 10 марта 1911 г.

⁶⁶⁰ Голос Москвы, 11 марта 1911 г.

⁶⁶¹ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013. Т. 2. Ч. 1. С. 549.

⁶⁶² Голос Москвы, 12 марта 1911 г.

⁶⁶³ [Тимашев С.И.] Записки С.И. Тимашева // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 48. Лл. 73–73 об.

⁶⁶⁴ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 394.

⁶⁶⁵ Кривошеин К.А. Ук. соч. С. 117–118.

провести по 87-й статье. Несмотря на опасения Николая II, Столыпин также не верил в реальное ухудшение отношений с Думой, поскольку она «будет недовольна только наружно». На заседании Совета министров он заявил и о необходимости отправить Дурново и Трепова в отпуск до 1 января 1912 г. По словам премьера, предложение не вызывало у царя «никакого неудовольствия». Харитонов предлагал смягчить эту меру, поскольку вопрос будет «наиболее болезненным», но Столыпин совет отверг. Кривошеин и Щегловитов (министр юстиции «был очень решителен») активно поддержали предложения Столыпина⁶⁶⁶. Это имело немалое значение, поскольку сам премьер в юридических тонкостях разбирался слабо⁶⁶⁷. Настоящим автором «гениального плана» роспуска палат «Речь» называла Гурлянда⁶⁶⁸. В памятной записке редактору «России» С.Н. Сыромятникову Столыпин отметил, что царь «всецело одобряет» его национальную политику, «препятствия создаются искусственно», а прохождение законопроекта «рушилось на интриге». При вторичном внесении до лета он не мог быть рассмотрен, и Западный край был бы «смущен и нравственно потрясен». Все поправки в закон, по мнению премьера, можно было бы впоследствии вносить в порядке 87-й статьи⁶⁶⁹. Коковцов наедине со Столыпиным выражал свое сомнение в роспуске и отпуске и предлагал обычную процедуру с вторичным внесением. Он утверждал, что «потеря в этом случае времени, хотя бы в один год или даже более, уравновешивалась бы огромными выгодами от соблюдения закона». На это премьер ответил: «У меня на нее нет ни желания, ни умения. Лучше разрубить узел разом <...> Государь не простит мне, если ему придется исполнить мою просьбу, но мне это безразлично, так как и без того я отлично знаю, что до меня добираются со всех сторон, и я здесь не надолго»⁶⁷⁰. О том же говорил таврическому

---

⁶⁶⁶ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 389–392.

⁶⁶⁷ П.А. Столыпин глазами современников... С. 53.

⁶⁶⁸ Речь, 4 апреля 1911 г.

⁶⁶⁹ П.А. Столыпин глазами современников... С. 312.

⁶⁷⁰ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 392–393.

губернатору гр. Н.П. Апраксину и Кривошеин: «Никогда Государь этого ему не простит»⁶⁷¹. Но означало ли это ближайшую перспективу отставки?

После появления первых слухов о возвращении Столыпина Крупенский даже выступил за роспуск Государственного совета, однако остальная Дума его не поддержала (это свело бы на нет все ее законопроекты, да еще и накануне выборов). Наоборот, правые в Совете в случае возвращения Столыпина угрожали отклонить законопроект целиком⁶⁷². 11 марта стало окончательно известно о возвращении Столыпина и отпуске Дурново и Трепова до 1 января. «Голос Москвы» отреагировал сразу: теперь это представлялось неизбежностью, поскольку «кабинет крайне правый <...> вызвал бы революционный кризис очень быстро». Газета выносила вердикт: «Кабинет левый немыслим. Умеренный же кабинет мыслим в настоящее время только во главе с П.А. Столыпиным»⁶⁷³. «Речь» признавала: «Министерский кризис закончился таким способом, применения которого едва ли можно было ожидать»⁶⁷⁴. А.А. Бобринский отметил: «Закончился кризис огромным, неслыханным триумфом Столыпина»⁶⁷⁵. По слухам после 1 января Дурново и Трепов должны были быть вообще исключены из состава Государственного совета⁶⁷⁶. Столыпин якобы даже получил право уволить до 25 членов, но не хотел к нему прибегать⁶⁷⁷. Ожидали также и увольнения Витте⁶⁷⁸. Сам граф писал: «Здесь у нас море ужасной злобы и сплетней [так в тексте – Ф.Г.]. Но как будто море успокаивается – и уважаемого Столыпина понемногу перестают трепать. Очень за него рад и счастлив – так как уверен, что уход его в настоящее время был бы тяжелым ударом для спокойствия. Кто искренно желает мира,

---

⁶⁷¹ Кривошеин К.А. Ук. соч. С. 117–118.

⁶⁷² Голос Москвы, 11 марта 1911 г.

⁶⁷³ Там же. 12 марта 1911 г.

⁶⁷⁴ Речь, 12 марта 1911 г.

⁶⁷⁵ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 146.

⁶⁷⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 111–112. Сам Гучков считал, что эта кара была «очень сурова».

⁶⁷⁷ Голос Москвы, 15 марта 1911 г.

⁶⁷⁸ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 147.

должен держать его»⁶⁷⁹. Тихомиров на отставки отреагировал так: «Это <...> глупо. Это полное подчинение Столыпину самого Монарха»⁶⁸⁰. А.Н. Наумов узнал от Нейдгарта (шурина премьера) подробности переговоров императора с премьером. Наумов комментировал: «Досадно вспоминать, до чего эгоистически-бестактно и в государственном отношении неразумно Столыпин, не сумевший справиться с охватившими его мстительными личными чувствами, отнесся к милостивому настроению уступчивого Государя». Наумову уже тогда стало ясно, что карьера Столыпина закончилась. «Оставаться в Петербурге было тошно», – подытоживал Наумов⁶⁸¹.

«Ну вот и скажите, можно ли служить?» – вопрошал Дурново после объявления отпуска⁶⁸². В заседании Государственного совета Стишинский от имени Дурново заявил о сложении полномочий. Трепов не подчинился распоряжению и подал в отставку. На том же заседании Государственный совет сразу отклонил законопроект подавляющим большинством голосов⁶⁸³. В отпуск Дурново провожал весь состав Государственного совета, включая Ковалевского⁶⁸⁴. О столыпинской политике Дурново сказал А.Н. Наумову: «Огромная российская машина была пущена в ход, но рельс впереди было не видно. <...> Мы находимся в тупике ... боюсь, что из него мы все, с царем вместе, не сумеем выбраться!...»⁶⁸⁵

В ответ на действия Государственного совета Гучков инициировал спешное повторное проведение проваленного законопроекта через Думу⁶⁸⁶. Как отмечало «Новое время», Дума могла рассмотреть законопроект через месяц⁶⁸⁷. Однако затем кризис вступил во вторую фазу. 12 марта последовал

---

⁶⁷⁹ ГА РФ. Ф. 1145. Оп. 1. Д. 69. Л. 25. Гр. С.Ю. Витте – архимандриту Варнаве (Накропину), 30 марта [1911 г.].

⁶⁸⁰ Там же. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 53.

⁶⁸¹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 176–178.

⁶⁸² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 47.

⁶⁸³ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 395.

⁶⁸⁴ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 1. С. 150.

⁶⁸⁵ Там же. Кн. 2. С. 215.

⁶⁸⁶ Из кулуаров Государственной думы... С. 121.

⁶⁸⁷ Новое время, 12 марта 1911 г.

ропуск палат на 3 дня с целью проведения законопроекта по 87-й статье. Для Думы роспуск оказался полной неожиданностью⁶⁸⁸. Националисты ликовали⁶⁸⁹. Они и правые октябристы (Н.П. Шубинский, Н.И. Антонов) рассматривали меру вынужденной⁶⁹⁰. Октябрист А.И. Звегинцев утверждал, что подобные шаги уже предпринимались в Британии и Австро-Венгрии⁶⁹¹. Однако октябристское ядро было возмущено⁶⁹². Столыпинская мера расценивалась октябристами как «беззаконие»⁶⁹³. Шидловский высказался наиболее резко: «акт политического самоубийства»⁶⁹⁴. Мейендорф (двоюродный брат Столыпина) отмечал: «Нельзя допускать, чтобы Государственный совет превращался в учреждение, одобряющее все, что предложит правительство». Кн. И.А. Куракин выражал неприятие: «У нас есть гораздо более важные законопроекты <...> и их не проводят таким образом». Левый октябрист Ю.Н. Глебов прогнозировал, что законопроект будет внесен в палаты после окончания сессии, пролежит до осени, когда земские выборы уже состоятся и ничего нельзя будет менять⁶⁹⁵. 12 марта состоялось заседание октябристского бюро: было решено голосовать против законопроекта, если он будет проведен по 87-й статье, что «сразу приподняло настроение фракции». Гучков считал борьбу неизбежной, иначе «тогда наша роль сведется к нулю». Годнев удивлялся тому, что фракция только сейчас заметила то беззаконие, которое длилось уже 3 года. Мейендорф признавал, что поступок стал «унижением и оскорблением» самой власти, но задал вопрос о почве для борьбы: бюджет? Алексеенко считал это невозможным, поскольку правительство в таком случае при проведении бюджета могло обойтись и без палат⁶⁹⁶.

---

⁶⁸⁸ Из кулуаров Государственной думы... С. 127.

⁶⁸⁹ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 81. 14 марта.

⁶⁹⁰ Из кулуаров Государственной думы... С. 121–123; Голос Москвы, 15 марта 1911 г.

⁶⁹¹ Новое время, 15 марта 1911 г.

⁶⁹² Глинка Я.В. Ук. соч. С. 81. 14 марта.

⁶⁹³ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 325–328. Такая точка зрения была полностью поддержана местными октябристами на встрече фракции с избирателями в Петербурге 20 марта (Там же.).

⁶⁹⁴ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 196.

⁶⁹⁵ Голос Москвы, 13 марта 1911 г.

⁶⁹⁶ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Лл. 31–35.

Между тем, в октябристских кругах царило убеждение, что «коренная ошибка» Столыпина крылась именно в том, что он не сговорился с Гучковым⁶⁹⁷. Гучков действительно был «крайне недоволен», что Столыпин прервал сессию без предварительной договоренности с ним⁶⁹⁸. «Голос Москвы» проповедовал «суровый и энергичный протест», но утверждал, что сам Столыпин «либеральнее своей политики». Как считалось в октябристских кругах, конфликт «закончился поражением правых как раз в ту минуту, когда они готовы уже были торжествовать победу. <...> Положение П.А. Столыпина, по-видимому, прочнее, чем когда-нибудь». Выражалась надежда на продолжение прежнего курса⁶⁹⁹. Премьер принял делегацию октябристов в составе М.В. Родзянко, П.В. Каменского и Ю.Н. Глебова (Гучков на эту встречу, конечно, не поехал). Октябристы выразили протест, чем Столыпин был «очень удивлен». Ночью они опять посетили премьера и привезли ему резолюцию фракции, на что Столыпину оставалось только выразить сожаление, потому что решение уже было принято на Высочайшем уровне⁷⁰⁰. Как считали октябристы, Столыпиным «все советы Гучкова и его искательство отвергнуты с оттенком даже пренебрежения»⁷⁰¹. После этого председатель Думы официально подал в отставку⁷⁰². «Речь» отмечала, что в противном случае поверить в неведение Гучкова в данной ситуации было бы невозможно⁷⁰³.

13 марта западное земство было проведено по 87-й статье⁷⁰⁴. «Россия» утверждала, что нарушения закона совершено не было, а правительство руководствовалось соображениями государственной пользы: без такого шага

---

⁶⁹⁷ Из кулуаров Государственной думы... С. 127.

⁶⁹⁸ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 81. 12 марта.

⁶⁹⁹ Голос Москвы, 13 марта 1911 г.

⁷⁰⁰ Там же. 15 марта 1911 г.

⁷⁰¹ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 83. 23 марта.

⁷⁰² Голос Москвы, 15 марта 1911 г.

⁷⁰³ Речь, 15 марта 1911 г.

⁷⁰⁴ Всего за период функционирования III Думы по 87-й ст. было проведено 6 законопроектов (Дякин В.С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? Сборник статей. СПб., 2002. С. 143).

законопроект при повторном прохождении через палаты мог быть принят только к концу года. Газета с некоторой иронией отмечала, что палаты смогут внести в него свои поправки также в порядке 87-й статьи⁷⁰⁵. Ответная реакция была бурной. Лишь великий князь Николай Михайлович пожелал Столыпину «выйти победителем» из создавшейся ситуации⁷⁰⁶. Правые отмечали: «Имел такую исключительно удачную партию на руках и так глупо профершпилился!»⁷⁰⁷ Мещерский посчитал мартовскую меру ошибкой и советовал премьеру примириться с Дурново⁷⁰⁸. Тихомиров записал в дневник: «Столыпину теперь одна дорога – к левым. А дальше? До чего он дойдет? Видно, все действительно идет к революции 1912 года, и в России нет сил этого избежать». Правда тут же определялась и иная альтернатива: «гниение в своем болоте на неопределенно долгое время»⁷⁰⁹.

Никто не оспаривал соответствия меры Основным государственным законам, размежевание имело чисто политический характер. «Вестник Европы» имел повод заключить, что бюрократия, взяв под контроль земство в 1905 г. и низведя политическое значение Государственного совета в 1911 г., стала совершенно всевластной⁷¹⁰. Но, по мнению либералов, это вряд ли могло ей помочь. В частном письме кн. Е.Н. Трубецкой сгущал краски еще больше Тихомирова: «Я живу подавленный ужасом при виде надвигающейся на Россию грозы. Столыпин один идет против всех: против инородцев, против Думы, Университета, против всей России и всего Китая. Боюсь, что близится ужасный конец и не радуюсь, потому что жду не добра, а настоящей сатанинской оргии от будущей революции. Обе борющиеся стороны будут попирать ногами Россию. Левые будут благословлять китайцев, как они благословляли раньше японцев, и это будет невероятно

---

⁷⁰⁵ Россия, 13 марта 1911 г.

⁷⁰⁶ РГИА. Ф. 1662. Оп 1. Д. 321. Лл. 1–1об.

⁷⁰⁷ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 147.

⁷⁰⁸ Дневник // Гражданин. 1911. № 11. С. 17–18.

⁷⁰⁹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Лл. 54–54 об., 59 об.

⁷¹⁰ Вестник Европы. 1912. № 2. С. 407–415.

противно»⁷¹¹. «Речь» отмечала: «Нельзя не признать, что лекарства, избранные для преодоления кризиса, гораздо опаснее самой болезни». Значение кризиса было признано не менее важным, чем события 3 июня 1907 г.⁷¹² «Речь» предлагала полностью прекратить всякое общение с правительством⁷¹³. Сохранение Столыпиным своего поста воспринималось как «чрезвычайно печальный признак недостатка энергии выйти на широкий путь и, вместо национальной политики, <...> заняться <...> заботами об улучшении положения России»⁷¹⁴. Милюков констатировал: «П.А. Столыпин уйдет или будет отпущен при тихой погоде и безоблачном небе, когда никто не мог бы сказать, что уход премьера знаменует собою и потрясение незыблемого догмата» о том, что «парламента у нас нет»⁷¹⁵. В Думе настоящими инициаторами считали националистов, которым земство нужно было в перспективе выборов⁷¹⁶. Однако «Земщина» предупреждала националистов от излишних восторгов⁷¹⁷. В свершившемся правые видели провал столыпинского лавирования между консерваторами и либералами, которое спровоцировало работу Думы «в ярко-освободительном вкусе»⁷¹⁸. Оппозиция слева и справа считала произошедшее политическим провалом правительства, а свои позиции накануне выборов – усилившимися⁷¹⁹.

Однако после первой резкой реакции в самой Думе было тихо⁷²⁰, а следовательно весь думский расклад теперь зависел от октябристов⁷²¹. Громобой писал, что правительство отвергло сотрудничество думского центра: «Готовы были верить, жаждали верить – и остались с пересохшими губами, и в протянутую руку получили даже и не камень. <...> Хотели перед

---

⁷¹¹ Взыскующие града... С. 370. Кн. Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой, 20 марта 1911 г. Князь писал о русском ультиматуме Китаю, предъявленном 12 марта.

⁷¹² Речь, 13 марта 1911 г.

⁷¹³ Там же. 15 марта 1911 г.

⁷¹⁴ Там же. 4 апреля 1911 г.

⁷¹⁵ Русское слово, 17 марта 1911 г.

⁷¹⁶ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 41.

⁷¹⁷ Глинка С. Около 87 статьи // Земщина, 15 марта 1911 г.

⁷¹⁸ Володимеров С. Политика П.А. Столыпина // Там же. 17 марта 1911 г.

⁷¹⁹ Из кулуаров Государственной думы... С. 121–123.

⁷²⁰ Новое время, 16 марта 1911 г.

⁷²¹ Из кулуаров Государственной думы... С. 125.

Европою сохранить конституционное лицо. Скоро будет видно, успокоили ли таким путем Россию, но уж Европу-то, наверное, потеряли»⁷²². На заседании октябристского ЦК было решено внести спешный запрос о незакономерности действий Столыпина, однако вопрос о сложении октябристами депутатских полномочий откладывался на сутки⁷²³. Заседание стало очень бурным, но единой позиции не было⁷²⁴. После этого заседания Столыпин в ответ на беспокойное письмо посла в Париже А.П. Извольского составил проект ответной телеграммы, в которой отмечалось, что «октябристами не решено переходить в оппозицию»⁷²⁵. «Голос Москвы» выступал против сложения полномочий, напоминая, что партия «никогда не была партией мирного сопротивления»⁷²⁶. В конце концов ЦК проголосовал против сложения, но за переход в оппозицию, что неизбежно провоцировало раскол фракции⁷²⁷. Сам Гучков подал в отставку. 18 марта его единогласно избрали председателем фракции⁷²⁸.

Для открытой демонстрации своего настроения октябристы планировали обратиться к правительству с запросом. В октябристских кругах ходили разговоры, что уклонение Столыпина от спешного ответа на запрос приведет к тому, что они в ответ не проголосуют за строительство четырех дредноутов, что планировалось в рамках Морской программы⁷²⁹. Как указывало «Новое время», сам характер запроса фактически означал переход октябристов к требованию «ответственного министерства»⁷³⁰. «Русские ведомости» полагали, что октябристы после своих шагов должны теперь добиваться отставки Столыпина или роспуска Думы, что представлялось более вероятным. Роспуск, таким образом, «произойдет на основном вопросе всей русской государственной жизни: должны ли мы жить под режимом

---

⁷²² Голос Москвы, 22 марта 1911 г.

⁷²³ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 324–325.

⁷²⁴ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Лл. 37–38.

⁷²⁵ П.А. Столыпин и французская пресса в 1911 г. // Красный архив. 1929. № 1 (32). С. 211.

⁷²⁶ Голос Москвы, 15 марта 1911 г.

⁷²⁷ Из кулуаров Государственной думы... С. 126.

⁷²⁸ Голос Москвы, 19 марта 1911 г.

⁷²⁹ Из кулуаров Государственной думы... С. 127.

⁷³⁰ Новое время, 22 марта 1911 г.

бюрократического абсолютизма или у нас существует хотя бы в самой элементарной форме конституционный строй?» Последствия кризиса были неочевидны, но он «по крайней мере окончательно разбивает иллюзии искренних и неискренних апологетов «обновленного строя» в истолковании Столыпина»⁷³¹.

Однако вскоре в самой октябристской фракции начался сбор подписей за пересмотр принятых решений⁷³². Сам Гучков прогнозировал близкую победу Дурново и решил отбыть из столицы⁷³³. 20 марта накануне перевыборов председателя Александр Иванович был принят Столыпиным. Гучков «вынес впечатление, дающее мало надежды на то, что политический кризис будет улажен» и захотел «на некоторое время» отойти от политической жизни⁷³⁴. В разговоре со Столыпиным лидер октябристов сказал: «Вы некоторый урон нанесли нашей молодой русской конституции, но главный – это то, что вы сами себе нанесли удар. Если раньше с вами считались, как с человеком, имеющим большой вес, то это, по-моему, политическое хакири». Кроме того, он раскритиковал отпуск для Дурново и Трепова, считал, что на палату нельзя давить («такие кары неудобны – за голосование против правительства расправляться»)⁷³⁵. 27 марта Гучков отбыл на Дальний Восток⁷³⁶. Струве верно отметил, что своим отъездом он как бы доказывал незначительность для него происходивших событий⁷³⁷. Поведение Гучкова и фракции вели к тому, что конфликт в результате должен был уладиться⁷³⁸. Для перспектив октябристов это стало мощным ударом.

После того как главное решение было принято, власть могла создавать видимость благосклонности в отношении Государственного совета. Вслед за роспуском палат Акимов также подал в отставку, но она была отклонена.

---

⁷³¹ Русские ведомости, 15 марта 1911 г.

⁷³² Из кулуаров Государственной думы... С. 129.

⁷³³ Там же. С. 131.

⁷³⁴ Голос Москвы, 22 марта 1911 г.

⁷³⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 112.

⁷³⁶ Голос Москвы, 25 марта 1911 г.

⁷³⁷ Струве П. Еще один «кризис» на политической сцене // Русская мысль. 1911. №4. II паг., с. 163–164.

⁷³⁸ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 83. 23 марта.

После Высочайшей аудиенции он мог выступить в Государственном совете с заверением палаты в неизменной милости императора. Правые дали обед в честь Дурново и Трепова. По мнению их соратников, настоящее противостояние правительству только начиналось⁷³⁹. По сведениям октябристов, Акимов наедине переговорил с Дурново, после чего состоялось совещание правых, на котором царило «неописуемое ликование» и было решено и далее прибегать к тайному голосованию для борьбы с правительством⁷⁴⁰. По иным (и более обоснованным) данным, правые якобы были намерены вернуться к своей обычной тактике вести борьбу с премьером «тихой сапой». Пошли также слухи о милостивом обращении императора через Акимова к Дурново и о возможности возвращения Дурново и Трепова. Вскоре правда выяснилось, что Николай II все же не одобрил поведения Петра Николаевича в отношении законопроекта⁷⁴¹.

Иными словами, успокоение произошло слишком быстро. По результатам кризиса проигравшими себя чувствовали только октябристы, однако большинство фракции настоящим виновником поражения могло считать лично Гучкова. Струве вообще считал кризис незначительным и быстро преходящим, а победу Столыпина – стратегической⁷⁴². «Голос Москвы» тушил пожар: ««Оппозиционная» печать предается безудержному ликованию по поводу конституционного, или лучше сказать, антиконституционного промаха, сделанного г. Столыпиным. <...> Эта печать выражает величайший страх, как бы инцидент не уладился и как бы вновь не наладилась правильная работа в Г. Думе». Практика увольнения в отпуск членов палаты называлась обычной для Европы – в тех случаях, когда относится «к области мер личного воздействия на близкие и особенно доверенные круги». И только в России, где все это ново, она «привлекает нервное любопытство широких масс», а в Государственном совете – «толки о

---

⁷³⁹ Речь, 15 марта 1911 г.

⁷⁴⁰ Голос Москвы, 17 марта 1911 г.

⁷⁴¹ Из кулуаров Государственной думы... С. 129–130.

⁷⁴² Струве П. Еще один «кризис» на политической сцене // Русская мысль. 1911. №4. II паг., с. 163–165.

том, что правительство стремится, чтобы назначенные члены Г. Совета были его «холопами»⁷⁴³. Националист профессор Т.В. Локоть в «Голосе Москвы» отмечал, что Столыпин «пошел против представителей старого олигархическо-бюрократического духа и строя, открыто и определенно объявил себя на стороне нового, – если не строя, то нового государственного принципа, формулируемого как национальное народное представительство». Остальное, по мнению автора, было лишь «формальные резкости, шероховатости и возбуждение»⁷⁴⁴.

Конституционный кризис, несмотря на значительное возбуждение его участников, завершился фактическим восстановлением предкризисного состояния: правительство сохраняло политическую инициативу, Государственный совет – свою автономность, октябристы – условную лояльность. Другое дело, что для палат столь явная демонстрация их подчиненного статуса оказалась достаточно болезненной. Однако это было дополнительным свидетельством того, что столыпинский курс в его модифицированном варианте пока не имел внятно артикулированной альтернативы. Нельзя не вспомнить и слов А.Н. Наумова, резко критиковавшего действия Столыпина в те дни, но также и писавшего, что, если бы в 1911 г. за Петра Аркадьевича не вступились великие князья, а потом и Мария Федоровна, он был бы отставлен, не получил смертельного ранения через несколько месяцев, а потом мог быть возвращен к государственным делам⁷⁴⁵. «Жаль, что его конец – такой. Можно было другим исходом отратить от него эту опасность и сохранить человека полезного для будущего», – написал в дневнике гр. С.Д. Шереметев сразу после смерти премьера⁷⁴⁶. Противники Столыпина все же не являлись его антагонистами.

---

⁷⁴³ Голос Москвы, 19 марта 1911 г.

⁷⁴⁴ Локоть Т., проф. Дума, Столыпин и национализм // Там же. 20 марта 1911 г.

⁷⁴⁵ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 176. См. также: Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 326, 328.

⁷⁴⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 115.

2.4. Перспективы системы: полемика в свете конституционного кризиса

Дума вышла из кризиса без председателя, а новый должен был ввести палату в последнюю – предвыборную – сессию. При избрании правые и националисты не желали голосовать за умеренно-правого кн. Волконского, поскольку не хотели брать на себя ответственность перед выборами. Кадеты и прогрессисты вообще не собирались поддерживать новых кандидатов. М.В. Родзянко был единственной реальной кандидатурой. Отставной поручик Кавалергардского полка и сын гвардейского полковника 52-летний Родзянко имел многочисленные связи в столице, в частности, являлся давним знакомым Столыпина⁷⁴⁷. В ноябре 1910 г. он сменил Гучкова на посту лидера фракции, но 15 марта опять уступил ему этот пост⁷⁴⁸. Правое крыло октябристов еще осенью 1910 г. в отсутствие иных подходящих кандидатур хотело видеть во главе Думы Родзянко, однако, как отмечал октябрист Капустин, Родзянко не был способен сглаживать противоречия⁷⁴⁹. Левых октябристов Родзянко не устраивал и некоторые даже собирались поддержать Волконского в пику своему однопартийцу⁷⁵⁰. Ими выдвигалась кандидатура Алексеенко, но сам он выступил против выдвижения⁷⁵¹. На заседании фракции Гучков категорически отказался баллотироваться вновь. 12 голосов (С.И. Шидловского, М.М. Алексеенко, В.К. фон Анрепа и др.) было подано против выдвижения какой бы то ни было кандидатуры⁷⁵². Октябристская фракция разделилась: за Родзянко проголосовало 38 человек, за Алексеенко – 56, однако он опять отказался. Родзянко тоже отказался (якобы по личным мотивам), решено было просить Капустина, но в результате Родзянко все же уговорили⁷⁵³. Секретарь думской фракции И.С.

⁷⁴⁷ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 58 об.

⁷⁴⁸ Голос Москвы, 15 марта 1911 г.

⁷⁴⁹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Лл. 63–65 об.

⁷⁵⁰ Из кулуаров Государственной думы... С. 132–133; Голос Москвы, 23 марта 1911 г.

⁷⁵¹ Новое время, 20 марта 1911 г.

⁷⁵² РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Лл. 42, 43 об.

⁷⁵³ Голос Москвы, 22 марта 1911 г.

Клюжев отметил: «Неизвестно, кто правее – он или Волконский»⁷⁵⁴. Гучков знал о желании левой части фракции голосовать за Волконского, но вида не подал. Клюжев описывал заседание: «Гучков и Родзянко сидели рядом и мирно беседовали. «Вот она, настоящая-то политика», – сказал я себе мысленно, – «ведь каждый из них прекрасно знает, что оба они подставляют друг другу ноги, и смотрят на настоящее положение диаметрально противоположно, а между тем и вида не подают, что понимают один другого»⁷⁵⁵.

Начальник канцелярии IV Думы Я.В. Глинка писал о Родзянко: «Неумен и необразован. В юридических вопросах совершенно не разбирается. <...> На мои возражения слышится: «Ну Вы юридический крючок, что ж тут такого», повторяя слова крылатые Столыпина: «Маленький нажим на закон или я издаю это по 87-й статье»»⁷⁵⁶. Для правых Родзянко был «ни то, ни сё»⁷⁵⁷. По мнению Милюкова, Родзянко, несмотря на представительный вид, «особым честолюбием... не страдал, ни к какой «политике» не имел отношения и не был способен на интригу»⁷⁵⁸. 22 марта при выдвижении кандидатов Родзянко стал лидером (188 голосов)⁷⁵⁹, его основным соперником – Волконский (124), остальные набирали по 1-4 голоса. 199 голосами против 123 Михаил Владимирович был избран председателем. Дума поделилась на 2 части по фракции октябристов, только социалисты воздержались (за это «Голос Москвы» получил возможность обвинить их в избрании Родзянко⁷⁶⁰, что выглядело достаточно курьезно). При вступлении в должность Родзянко, в частности, произнес: «Я верил и верю в жизненную мощь и государственную важность для нашей родины представительного строя, дарованного Святой Руси непреклонной волей и

⁷⁵⁴ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 46 об.

⁷⁵⁵ Там же. Л. 50 об.

⁷⁵⁶ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 85. Май.

⁷⁵⁷ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 149.

⁷⁵⁸ Милюков П.Н. Ук. соч. С. 337–338.

⁷⁵⁹ Еще в январе он хотел сложить с себя полномочия депутата, поскольку не мог навязать своей воли бюро октябристской фракции (Из кулуаров Государственной думы... С. 92).

⁷⁶⁰ Голос Москвы, 23 марта 1911 г.

мудростью нашего Великого Государя <...> но никогда эта вера не была так во мне крепка <...> как в эти дни тревог и опасений <...> – хочу верить – напрасных, но все же жгучих и тяжелых». Выступление столь маловразумительное было воспринято без особого энтузиазма и при смехе на скамьях левых⁷⁶¹. Однако речь получила поддержку «России»⁷⁶². Хотя сам Родзянко заявлял себя противником столыпинской меры⁷⁶³, его считали ставленником премьера, отсюда проистекала вся его демонстративная щепетильность в отношении прав парламента⁷⁶⁴. «Речь» объявила избрание Родзянко капитуляцией октябристов перед Столыпиным⁷⁶⁵.

На аудиенции царь поинтересовался у Родзянко, проголосует ли Дума за Морскую программу, в чем Родзянко выразил сомнение. Сам Родзянко задал вопрос о применении 87-й статьи и, несмотря на нежелание царя отвечать прямо, все же получил ответ, что на ее применение есть разные точки зрения (т.е. косвенную поддержку Столыпина). В заключение Родзянко, по его словам, «так «осмелел», что, откланиваясь, решился задать вопрос прямо и спросил: «Ваше Величество, довольны ли Вы Думой?» Николай II, после некоторого раздумья и, как показалось Родзянко, не без колебания ответил: «Да, доволен»⁷⁶⁶. Считалось, что своей искренностью Михаил Владимирович серьезно поправил положение. Кроме того, на правах старого знакомого он пригласил Столыпина в Думу⁷⁶⁷.

«Московские ведомости» выражали осторожную радость по поводу избрания Родзянко из-за его взглядов на национальный вопрос⁷⁶⁸. По мнению «Русских ведомостей», избрание Алексеенко могло обеспечить левоцентристский блок, Волконского – неопределенность, а приход Родзянко означал желание октябристов «вернуть к себе расположение министерства

---

⁷⁶¹ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. III. СПб., 1910–1911. Стб. 1455–1456.

⁷⁶² Россия, 24 марта 1911 г.

⁷⁶³ Из кулуаров Государственной думы... С. 136.

⁷⁶⁴ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 83. 28 марта.

⁷⁶⁵ Речь, 23 марта 1911 г.

⁷⁶⁶ Из кулуаров Государственной думы... С. 135.

⁷⁶⁷ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 58 об.

⁷⁶⁸ Юрский [Замысловский Г.Г.]. Думские очерки. Новый председатель // Московские ведомости, 29 марта 1911 г.

ценой еще новых уступок»⁷⁶⁹. Таким образом, голосование октябристов обнажало их противоречия, перспектива раскола становилась реальностью⁷⁷⁰. Взвзвывая влево Громобой констатировал тупик правительственной политики и отвечал на угрозу досрочного роспуска Думы: он «явится окончательным признанием банкротства власти и отсутствия поддержки власти в стране». Итог был угрожающим: «История пойдет своим ходом. Лед тронулся! <...> Истомившей всех неопределенности приходит вожделенный конец»⁷⁷¹. Избрание Родзянко было названо ошибкой. Правительство, как отмечалось, «пусть попробует работать в одиночестве, без поддержки общественных групп». Шаги его могли привести к отмене конституции, а «роль конституционного председателя при этом» стала бы «невозможна»⁷⁷². 23 марта левые октябристы стали выходить из бюро фракции⁷⁷³. По поводу перспективы раскола «Голос Москвы» писал: «Нужно рубить запутавшийся узел»⁷⁷⁴.

Государственный совет также находился в ситуации дезорганизации: в марте–апреле 11 членов вышли из правой группы, 22 члена покинули центр. К концу сессии правый центр («нейдгартцы»), сформировавшийся в целом на основе центристов, составили группу в 16 человек⁷⁷⁵. 24 марта лидером группы центра кн. П.Н. Трубецким был оглашен запрос 45 членов Государственного совета о 87-й статье. После весьма бурного для Совета обсуждения он был принят 98 голосами против 52. Левая печать славилась единство палат⁷⁷⁶. «Русские ведомости» отметили: «Политика П.А. Столыпина несомненно способна превращать в защитников конституции ее недавних противников»⁷⁷⁷. Все это породило новые слухи о возможности отставки премьера. Крыжановский (как утверждали, реальный творец

⁷⁶⁹ Русские ведомости, 24 марта 1911 г.

⁷⁷⁰ Новое время, 25 марта 1911 г.

⁷⁷¹ Громобой [Бобрищев-Пушкин А.В.]. Начало кризиса // Голос Москвы, 23 марта 1911 г.

⁷⁷² Ошибочный шаг октябристов // Там же.

⁷⁷³ Там же. 24 марта 1911 г.

⁷⁷⁴ Безнадежность // Там же. 3 апреля 1911 г.

⁷⁷⁵ Бородин А.П. Ук. соч. С. 127–128.

⁷⁷⁶ Русские ведомости, 25 марта 1911 г.

⁷⁷⁷ Там же. 27 марта 1911 г.

мартовской меры) якобы подал в отставку⁷⁷⁸. В думских кругах толковали о его предстоящей замене Столыпина на А.Н. Хвостова: якобы по поручению высших сфер к нему для знакомства даже ездил Г.Е. Распутин, но посчитал губернатора слишком молодым (сам Хвостов и занимался распространением этих известий)⁷⁷⁹. 29 марта близкий императору генерал Е.В. Богданович написал ему о возможных кандидатах в премьеры. О кандидатурах Акимова, Дурново и Горемыкина, писал Богданович, «даже не спорят», бывший главноуправляющий земледелием Б.А. Васильчиков или братья А.П. и П.П. Извольские слишком беспомощны. Наиболее обсуждаемыми кандидатами, по сведениям Богдановича, были Коковцов, Кривошеин и Щегловитов. Но Коковцов, как считал генерал, не пользуется поддержкой в Совете министров и может быть назначен только по старшинству, а его взгляды на финляндский и еврейский вопросы нетерпимы. Кривошеин, по мнению Богдановича, не имел врагов, но был «слишком бесцветен» и не мог сформулировать собственной программы: «Хороший работник, отличный чиновник, но не авторитет, не глава; говорят, что он, может быть, отлично лавирует, но совсем не в состоянии дать курс». Кандидатура Щегловитова вызывала у Богдановича «наибольшее сочувствие»: единственный в правительстве человек «с энергией и темпераментом, <...> определенно решительный и твердый <...> не лавирующий, а смело следующий избранной им линии действий», хороший администратор, националист и монархист, не имеющий врагов, однако имеющий сторонников. Правда, как указывал генерал, Кассо и Лукьянова при его назначении придется уволить⁷⁸⁰. Однако советы Богдановича были преждевременны и били мимо цели. 28 марта Столыпин в беседе с Родзянко опровергал слухи о скором уходе⁷⁸¹. «Россия» констатировала слабость критики правительства и

---

⁷⁷⁸ Голос Москвы, 1 мая 1911 г.

⁷⁷⁹ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 77.

⁷⁸⁰ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1. Лл. 20–21 об.

⁷⁸¹ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 83. 28 марта.

сокрушалась: «Мы еще переживаем время полной неустойчивости даже руководящих принципов политической мысли»⁷⁸².

Националисты оставались неизменными сторонниками премьера. 20 марта И. Балашев, расценивая трехдневный роспуск как ошибку, опять предложил Столыпину предстоящим летом изменить избирательный закон и объединить вокруг себя националистов и правых октябристов накануне назначенных на осень выборов. Ликвидация парламента или уход Столыпина представлялись ему равно ужасными и были бы победой «прежнего бюрократического режима» или «парламентаризма»⁷⁸³. «Московские ведомости» отмечали, что сама система провоцирует перманентный кризис, поскольку создавалась как «компромисс с революцией». Ныне, писал автор статьи В. Кисловский, «тактические приемы революции тонки и сложны», но «все ее усилия направлены именно к колебанию исторически и органически создавшихся государственных принципов, путем постепенного революционирования всего политического мирозерцания народа». Поэтому поддерживалась идея выборов Думы от земства, превращения второй палаты в полностью назначаемую и ограниченную лишь полномочиями проверки законопроектов на соответствие Основным законам, после чего они должны были утверждаться императором без возможности пересмотра. Как отмечал автор статьи, «такое построение наших законодательных учреждений на принципах, с одной стороны, приближения законодательной деятельности к интересам населения, а с другой, – на государственных охранительных началах, наилучшим образом способствовали бы «к умиротворению русской смуты»» и «убили бы всякое политиканство в корне, а с ним вместе и эфемерное значение, будто бы существующих в действительности в России политических партий»⁷⁸⁴.

---

⁷⁸² Россия, 26 марта 1911 г.

⁷⁸³ РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 322. Лл. 1–6.

⁷⁸⁴ Кисловский В. Основные начала русского государственного устройства // Московские ведомости, 3 мая 1911 г.

1 апреля Столыпин выступил в Государственном совете. Думские депутаты присутствовали в заседании, в самой Думе даже не было кворума⁷⁸⁵. Ссылаясь на европейские примеры, премьер отверг обвинения в нарушении Основных законов, в «оскорбительном, даже небрежительном отношении правительства к Верхней или даже обеим палатам» и отстаивал политическую необходимость западного земства⁷⁸⁶. Тем не менее, Совет не был удовлетворен: лишь 53 члена проголосовали «за», 99 – «против»⁷⁸⁷. 6 апреля Столыпин вновь выступил в Совете. В ответ «Речь» отмечала: «В ограничении власти бюрократии заключалось всё 17 октября, а теперь, после бюрократических действий, речь г. премьер-министра ставит в основу жизни новой России старую, чисто бюрократическую теорию»⁷⁸⁸. «Голос Москвы» даже заявил о недостаточности запросов как средства борьбы с правительственным произволом: «Законодательные палаты должны реальными мерами заставить правительство склониться перед законом»⁷⁸⁹. Резкий протест вызвало стремление Столыпина провести законопроект в чрезвычайно-указном порядке без думских поправок⁷⁹⁰. «Московские ведомости», в свою очередь, стояли на позиции премьера и считали необходимым применение 87-й статьи для нужд «государственного строительства»⁷⁹¹. Газета признавала как право Столыпина на проведение законопроекта, так и трактовку этого как произвола. Отмечалось, это было неотъемлемой частью нового строя, более бюрократического, чем прежний, от чего страдали и монарх, и палаты⁷⁹².

---

⁷⁸⁵ Голос Москвы, 2 апреля 1911 г.

⁷⁸⁶ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К.Ф. Шаццло, сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991. С. 341–352. «Россия» тоже ссылалась на западный опыт (Россия, 30 марта 1911 г.).

⁷⁸⁷ Государственный совет. СО. VI сессия (1910–1911). СПб., 1910–1911. Стб. 1860.

⁷⁸⁸ Возрождение бюрократии // Голос Москвы, 7 апреля 1911 г.

⁷⁸⁹ Громобой [Бобрищев-Пушкин А.В.]. Неприемлемость «закона» // Там же. 9 апреля 1911 г.

⁷⁹⁰ Голос Москвы, 9 апреля 1911 г.

⁷⁹¹ Тихомиров Л.А. Чрезвычайный порядок законодательства и 87 статья // Московские ведомости, 8 мая 1911 г.

⁷⁹² *Он же*. Какое государство мы выращиваем? // Там же. 30 апреля 1911 г.

Однако император, и об этом знали члены законодательных палат, был на стороне Столыпина, а потому его положение представлялось прочным⁷⁹³. 10 апреля к Пасхе Столыпин был награжден орденом св. блгв. Александра Невского при Высочайшем рескрипте («многосложная деятельность Ваша <...> заслужила Вам совершенное мое благоволение»⁷⁹⁴). Коковцов получил орден Владимира I степени. Определенные колебания Николай II испытывал лишь в отношении жестких мер, предпринятых по отношению к Дурново, и предполагал вернуть его в Государственный совет к концу сессии. Этим было вызвано письмо Столыпина Николаю II от 1 мая. Премьер отвергал обвинения в том, что «поддался личному чувству, чувству гнева» и поставил царя в «неудобное» положение по отношению к Дурново, «сослужившему Вам и России в 1905 году большую службу». Настоящим мотивом действий Столыпина, по его собственным словам, были «государственная необходимость, спокойное течение государственных дел». Нужно было преодолеть «искусственную обструкцию», организованную Дурново, иначе «дела будут задерживаться в учреждении, которое, по природе своей, не должно этого делать». Столыпин предлагал отложить планируемую в отношении Дурново «милость» до начала новой сессии, поскольку тот уезжал за границу на следующий день, нынешняя должна была закончиться через 2 недели, а сама мера могла быть воспринята как «демонстрация, доказательство какого-то нового поворота в политике»⁷⁹⁵. В результате махать кулаками после драки правым разрешили. При встрече с императрицей Марией Федоровной гр. С.Д. Шереметев, многолетний друг Александра III, сказал ей о поведении премьера: «Il n'est pas intelligent [Он не вежлив (франц.)]». Императрица ответила: «Oh, sans fard, je l'ai toujours dis – des le commencement [О, без прикрас, я всегда ему это говорила – с самого начала (франц.)]»⁷⁹⁶.

---

⁷⁹³ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 150.

⁷⁹⁴ П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 355.

⁷⁹⁵ П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 70–71.

⁷⁹⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 75об.

27 апреля Столыпин произнес речь о применении 87-й статьи в Думе. «Голос Москвы» приводил цитату из передовой гр. Пфейля в «Tägliche Rundschau»: «Форма речи, отличающаяся необыкновенной ясностью, отсутствие всякого искания сочувствия партий, безусловная решительность, исключаяющая всякую возможность уступок, живо напоминают лучшие речи Бисмарка по конституционному вопросу»⁷⁹⁷. Однако российским очевидцам речь казалась «неубедительной не только для слушателей, но и для самого оратора». Премьер выглядел не похожим на себя⁷⁹⁸, был «очень бледный» и «страшно» волновался. Во время ответной речи Пуришкевича Столыпин вышел из зала⁷⁹⁹. Остальные министры, кроме Щегловитова, также покинули заседание до его окончания⁸⁰⁰. Логику речи премьера кадеты комментировали следующим образом: «Это было бы почти возвращением к «совещательной» Думе времен Лорис-Меликова и Булыгина»⁸⁰¹. «Голос Москвы» прогнозировал раскол фракции по вопросу поддержки правительства и считал такой раскол назревшим⁸⁰². Дума, неожиданно для октябристов и благодаря уклонению правых от голосования, набрала более 2/3 голосов против разъяснения Столыпина. Это позволяло ей по ст. 60 Учреждения Государственной думы через своего председателя обратиться к императору напрямую, однако октябристы на это не пошли⁸⁰³. В большинстве своем октябристы не мыслили себе полного разрыва со Столыпиным. Именно поэтому 7 мая октябристская фракция приняла решение о консолидированном голосовании под угрозой удаления из своего состава⁸⁰⁴.

Положение октябристов было незавидным. Гучковский «Голос Москвы» резко критиковал МНП и Синод⁸⁰⁵, однако перспективы партии в

---

⁷⁹⁷ Голос Москвы, 3 мая 1911 г.

⁷⁹⁸ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 397.

⁷⁹⁹ РГИА. Ф. 669. Оп. 8. Лл. 1–2 об.

⁸⁰⁰ Большой день // Голос Москвы, 29 апреля 1911 г.

⁸⁰¹ Милюков П.Н. Ук. соч. С. 334.

⁸⁰² Голос Москвы, 26 апреля 1911 г.

⁸⁰³ Из кулуаров Государственной думы... С. 136–137.

⁸⁰⁴ Голос Москвы, 8 мая 1911 г.

⁸⁰⁵ Там же. 6 апреля 1911 г.

связи с предстоящими выборами являлись туманными, а партийная организация и вовсе стала эфемерной. По поводу сложившейся ситуации депутат-октябрист барон Е.Е. Тизенгаузен недоумевал: «Что сей сон значит?» Он пытался найти Гучкова, но тот «очень хорошо спрятался»⁸⁰⁶. У октябристов отсутствовал план будущей предвыборной кампании, хотя общей тенденцией, по оценке полиции, было стремление к блоку с националистами. Все зависело от общего развития ситуации. «Летом его [блока – Ф.Г.] шансы были очень слабы, и что скажет осень – неведомо»⁸⁰⁷.

Среди националистов также происходила серьезная перегруппировка сил. В марте из фракции демонстративно вышли крестьяне, объяснив это продворянским характером фракции⁸⁰⁸. Крестьяне вскоре вернулись, но в конце апреля из фракции вышло еще 17 человек во главе с П.Н. Крупенским⁸⁰⁹. В историографии это было расценено как свидетельство распада думского правого центра и ослабления Столыпина⁸¹⁰, однако такой вывод можно было бы и оспорить. Новая фракция являлась более левой; с учетом того, кто был ее лидером, вполне можно предположить, что тем самым простолыпинскими силами был сделан шаг, предотвращающий дальнейшее расхождение между националистами и октябристами. Кроме того, при отсутствии Гучкова Крупенский мог выдвинуться в лидеры новой правоцентристской фракции в случае распада октябристов.

Настроение кадетов было прямо противоположным октябристскому. Позиции радикальных либералов на волне кризиса и недовольства стали усиливаться. В марте на довыборах в Думу по второй московской курии вместо выбывшего Ф.А. Головина был переизбран Н.В. Тесленко. Число проголосовавших за октябристов снизилось в 3,5 раза⁸¹¹, поэтому В.С. Дякин

---

⁸⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 505. Л. 6. Е.Е. Тизенгаузен – К.Э. Линдеману, 23 августа 1911 г.

⁸⁰⁷ Там же. Л. 12. И.В. Никаноров – В.М. Грибовскому, 24 августа 1911 г.

⁸⁰⁸ Голос Москвы, 10 марта 1911 г.

⁸⁰⁹ Там же. 30 апреля 1911 г.

⁸¹⁰ Санькова С.М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 124–126.

⁸¹¹ Русские ведомости, 22 марта 1911 г.

посчитал этот факт свидетельством провала октябристов⁸¹². Конечно, кадетский кандидат заведомо должен был здесь победить, но не могло не сказаться на активности сторонников октябристов, но сами по себе цифры также были красноречивы. В Москве кадеты могли победить даже по I курии, кроме того, в Пензе превзошли собственные успехи конца 1905 г., в Литве, как отмечалось самими конституционными демократами, росту их влияния мешал только широко распространенный антисемитизм⁸¹³.

А.В. Гоголевский отмечает, что анализ ситуации к концу столыпинского периода вел кадетов к мысли «о надвигавшемся на империю невиданных масштабов социально-политическом кризисе»⁸¹⁴. Однако так сгущать краски вряд ли стоит. О характере политизации общественных сил можно было судить по состоявшемуся в конце августа 1911 г. I Всероссийскому земскому съезду по народному образованию. Как отмечали «Московские ведомости», на съезд явилось 200 земских учителей из ожидавшихся 480, а «третий элемент» в количестве 100 человек всех перекричал⁸¹⁵. По данным Департамента полиции на съезде присутствовало 132 умеренных, 80 правых, 69 левых⁸¹⁶. Резолюция Столыпина о съезде звучала вполне ясно: «Если съезд зарвется, не церемониться закрытием»⁸¹⁷. Кадет И.П. Демидов писал, что съезд ничего не сказал о самом народном образовании: «Если бы такие речи говорились в Думе, я понял бы их и приветствовал, а когда их слышишь от съехавшихся земцев, то чувствую, что за отсутствием живого сознания и живых сил, мы по-прежнему играем в безответственную оппозицию, для которой за словом не идет необходимость активной работы». В кулуарах много говорилось об административном произволе, но вопросы страхования и дорожного дела мало кого интересовали. «Я не хочу бросать камни, но важно сознать, что синтез можно

---

⁸¹² Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 184.

⁸¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 27. т. 1. Л. 4–8, 13–13 об.

⁸¹⁴ Гоголевский А.В. Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории 1906–1912 гг. СПб., 2002. С. 228.

⁸¹⁵ Тихомиров Л.А. Земский ли это съезд? // Московские ведомости, 6 сентября 1911 г.

⁸¹⁶ Земский феномен. Политологический подход. Под ред. К. Маццато. Саппоро, 2001. С. 102.

⁸¹⁷ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Под ред. Б.В. Ананьича. СПб., 1996. С. 566.

получить из жизни; хороший или плохой, это другой вопрос. Для него нужен материал, а у нас под руками только пустая фраза, надеяться на которую не приходится. Пусть воцарится незаконный губернатор, неграмотное земство, националистическая злобная Дума, пусть все будут жить по 87 ст., но пусть живет, дышит, хочет, и я верю, что появится и синтез», – констатировал депутат-кадет⁸¹⁸.

11–12 мая Дума по предложению кадетов спешно проголосовала сразу в трех чтениях за изменение бюджетных правил 1906 г. Кадетский законопроект о расширении бюджетных прав Думы предполагал более дробную разбивку бюджета по статьям с целью воспрепятствовать ведомствам по своему усмотрению перераспределять средства, ставил под контроль парламента расходы на Собственную Его Императорского Величества канцелярию и Канцелярию по принятию прошений, срочные расходы из 10-миллионного правительственного фонда «по неотложным надобностям» и сверхсметные расходы на основе законов и Высочайших повелений. Вводилось также парламентское право бюджетной инициативы. При рассмотрении в бюджетной комиссии в 1909 г. из кадетского проекта было исключено положение о контроле за расходами канцелярий, однако комиссия внесла и ряд расширяющих положений: увеличила думские сроки рассмотрения бюджета до 7 месяцев и определила, что при разногласии палат по поводу сумм расходов принималась меньшая⁸¹⁹. Затем эта инициатива, как и было понятно заранее, в июне 1912 г. провалилась в Государственном совете⁸²⁰, однако имела важный предвыборный декларативный эффект.

16 апреля у Набокова состоялось кадетское совещание. Родичев предложил начать борьбу с опорой на собрания избирателей и печать, но большинство опасалось ответных мер. Решено было готовиться к изменениям, поскольку положение Столыпина расценивалось как шаткое, а

---

⁸¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 505. Л. 45. И.П. Демидов – Д.Д. Протопопову, 1 сентября 1911 г.

⁸¹⁹ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. III. СПб., 1910–1911. Стб. 3962–4064, 4124–4174; Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 483–486; Левая перестройка конституции // Московские ведомости, 9 августа 1911 г.

⁸²⁰ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 397–398.

московские кадеты прочили ему в преемники Гучкова⁸²¹. По результатам мартовского кризиса кадеты на своей майской конференции 1911 г. вынуждены были констатировать рост недовольства в стране и снижение авторитета парламента. Неотложной задачей признавалось «создание более нормальных условий для правильного функционирования конституционного строя в России». Однако для осознания этой задачи теми силами, от которых зависела ее реализация, по мнению кадетов, должно было пройти «вероятно, немало времени»⁸²². Кадеты рассчитывали на крестьянское (в связи с голодом), рабочее и студенческое движение уже осенью 1911 г.⁸²³ Милюков полагал, что на успех на выборах надо было работать спокойно, чтобы не получить новый избирательный закон или репрессий⁸²⁴. Все правые, включая правых октябристов, по кадетским оценкам могли взять «не более 10–12 %»⁸²⁵. Прогрессисты пока воспринимались как союзники, отмечалось, что многие из них на самом деле были даже левее кадетов⁸²⁶. Кадеты присматривались и к социалистам. По данным полковника П.П. Заварзина, А.И. Шингарев встречался под Кутаисом с представителями социал-демократов (в записке даже указывались фамилии Плеханова и Ленина) по вопросу о перспективах выборов⁸²⁷. Вероятно, встреча произошла летом 1911 г.

Между тем, парламентская сессия стремилась к финалу: на заседаниях присутствовало 140–150 человек (при кворуме в 146)⁸²⁸. 11 мая был принят запрос к премьеру и министру народного просвещения о несоответствии распоряжений Совета министров в отношении университетов Временным правилам 27 августа 1905 г. Правые попытались сорвать принятие запроса, лишив Думу кворума, но 137 голосами (в т.ч. и октябристов) против 77 он

---

⁸²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 27. т. 1. Л. 1–3.

⁸²² Съезды и конференции... Т. 2. С. 327.

⁸²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 27. Ч. 46. Л. 6–6 об.

⁸²⁴ Там же. Ч. 46. л. Б. Л. 3–4 об.

⁸²⁵ Там же. Ч. 57. л. Б. Л. 4–4 об.

⁸²⁶ Там же. Л. 9–11.

⁸²⁷ Цявловский М.А. Охранка в 1915 г. // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 251–287.

⁸²⁸ Голос Москвы, 22 апреля 1911 г.

был принят⁸²⁹. В законодательном плане Дума пыталась справиться с правительственными законопроектами. В марте–мае в Думе было проведено II и III чтение законопроекта о волостном земстве (фактически прошел правительственный вариант, позволявший закрепить социальный эффект аграрной реформы⁸³⁰, однако земский ценз был отменен), закончен проект правил о порядке приведения в действие Положения о поселковом и волостном управлении и принят в I чтении внесенный МТП законопроект о страховании рабочих от несчастных случаев. Однако в комиссии по местному самоуправлению (под председательством Балашова) продолжали лежать внесенные МВД законопроекты о волостном управлении и поселковом управлении, внесенный октябристами еще в 1907 г. проект правил об избрании земских гласных, инициированные Думой законодательные предположения об окраинных земствах (донском, черноморском, ставропольском, астраханском, оренбургском, архангельском, сибирском), общественном управлении в Царстве Польском и ряд других. В комиссии по судебной реформе (под председательством Шубинского) застряли законопроекты о неприкосновенности личности (внесенный МВД)⁸³¹ и об отмене черты оседлости. Комиссия провела всего 2 заседания (2 и 26 марта) и адресовала общему собранию просьбу увеличить данный ей месячный срок на рассмотрение материалов ввиду их многочисленности⁸³². В Государственном совете остались законопроекты о местном суде и всеобщем

---

⁸²⁹ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СО. Ч. III. СПб., 1910–1911. Стб. 4081–4118.

⁸³⁰ Административные реформы в России: история и современность. Под ред. Р.Н. Байгузина. М., 2006. С. 281–283.

⁸³¹ Бар. А.Ф. Мейендорф – основной разработчик поправок от Думы (см.: Из кулуаров Государственной думы... С. 83–84) – так определил его основной принцип: «осуществление возможной полноты власти». Критикуя этот принцип, он заявлял: «Улучшение общего государственного порядка можно ждать только от осуществления гражданских свобод и перехода к культурным формам политической борьбы. <...> Если правительство рано или поздно не воспримет эти идеи, то оно не будет иметь возможности рассчитывать на нравственную поддержку общества» (Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 90–91).

⁸³² Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III Государственная дума. IV сессия. СПб., 1911. С. 186. Я.Г. Гололобов, под чьим председательством комиссия рассматривала законопроект о неприкосновенности личности в 1908 г., особо просил Думу не медлить с его повторным рассмотрением в комиссии (Из кулуаров Государственной думы... С. 97–98).

начальном обучении⁸³³. 13 мая завершилась думская сессия, 28 мая – советская.

Политический кризис не привел к сворачиванию законотворческой активности власти. Проект о реформе полиции был подготовлен государственным секретарем А.А. Макаровым к лету 1911 г. и внесен на рассмотрение Совета министров⁸³⁴. Основные принципы организации полиции формулировались следующим образом: «правильно организованная, преданная своему делу, дисциплинированная и пользующаяся уважением населения». Проект предусматривал усиление централизации и специализации, увеличение штата и жалования. Жандармерия в проекте фактически была выведена из-под губернаторской власти. В случае, если расходы на содержание полиции превышали 15 % расходов самоуправлений, государство принимало на себя дополнительные расходы. На заседании 12 июля против проекта реформы выступил только Коковцов, поскольку общее увеличение расходов на полицию увеличивалось примерно в 3 раза – на 80 млн руб. Кроме того, предполагалась десятипроцентная надбавка к жалованию полицейских чинов каждые 5 лет. Оппозиция приняла проект враждебно. Он «ни в чем ни на йоту не меняет отношений полиции к обывателям», – писала «Речь»⁸³⁵. Кн. Мещерский подытожил: «Жандарм победил»⁸³⁶.

Между тем, в мае в правительственный законопроект об уездном управлении была внесена поправка, в соответствии с которой уездный совет должен был возглавить не особый чиновник, а предводитель дворянства. В

---

⁸³³ Первый поступил в палату 29 мая 1910 г., второй – 19 марта 1911 г. Всего в палате осталось на следующую сессию 20 проектов, в том числе 13 поступивших с 10 по 23 мая 1911 г. (Государственный совет. СО. VI сессия (1910–1911). СПб., 1910–1911. Стб. 2459–2460).

⁸³⁴ Как отмечал С.Е. Крыжановский, «недостаточность и технические несовершенства» полиции стало впоследствии одной из основных причин успеха Февральской революции; по его словам, соотношение полиции и населения в Петербурге и Лондоне различалось более чем в 5 раз в пользу британской столицы (О характере государственного строя России (из записок С.Е. Крыжановского 1926 г.) // ВИ. 2008. № 6. С. 6).

⁸³⁵ Речь, 6 мая 1911 г.

⁸³⁶ Речи консерватора // Гражданин. 1911. № 27. С. 1–2.

историографии это связывается с уступкой Столыпина правым⁸³⁷, однако есть основания считать, что сам Столыпин, отказавшись от масштабной административной реформы, сам пришел к такому решению. В частности, Крыжановский полагал, что Столыпин относительно легко отказался от реформы местного управления – и не под нажимом дворянства, а, как объяснял мемуарист, прежде всего, по причине упадка духа и нездоровья⁸³⁸. Скорее всего, главной причиной все же была финансовая. В остальном правительство оставалось верным своему курсу. 17 мая «Россия» раскритиковала думские поправки в законопроект о волостном земстве за отмену минимального имущественного ценза и назвала это совершенно неприемлемым. Вместе с тем, 21 мая Совет министров рассмотрел и принял законопроект о земско-городском кредите. 21 августа он был утвержден⁸³⁹. 23 августа Столыпин направил государственному секретарю Макарову на заключение подготовленный проект закона об обществах и союзах⁸⁴⁰.

Административная практика сохраняла свои отличительные черты и не внушала оппозиции никакого оптимизма в отношении перспектив Третьеиюньской системы. По поводу очередного продления Положения об усиленной охране «Речь» отмечала: «Институт <...> оказался необычайно живучим, необычайно приспособленным к психологии и нравам русского административного быта. <...> Самое ужасное в этой истории – это то, что диктатура, ставшая нормальным методом управления, воспитала целые поколения русской бюрократии, приучила ее с самых верхов до низов к мысли, что общие законы – это ненужная теория, а суть вся именно в чрезвычайных полномочиях»⁸⁴¹. Ревизия А.Б. Нейдгарта в петербургской городской думе вызвала у радикально-либеральной прессы воспоминание о

---

⁸³⁷ Административные реформы в России: история и современность. Под ред. Р.Н. Байгузина. М., 2006. С. 314.

⁸³⁸ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б/г. С. 218–219.

⁸³⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1911 год. М., 2002. С. 197–207.

⁸⁴⁰ П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 428–430.

⁸⁴¹ Речь, 14 августа 1911 г.

плане Д.С. Сипягина по включению земства в бюрократическую систему⁸⁴². Процветало «соединение формального конституционализма с худшими преданиями полицейского государства», чего не было и при В.К. Плеве, как отмечал «Вестник Европы»⁸⁴³. В свою очередь «Московские ведомости» также признавали противоречия в управлении и считали, что они вытекают из общей ненормальности политического положения: «Беда наша в том, что наш строй совершенно не согласован с действительностью положения страны. Закон и практика управления могут быть логичны, когда они созданы соответственно реальному состоянию сил страны. У нас такое созидание пало с тех пор, как явилась, так сказать, субъективная политика, когда страну начали устраивать, сообразуясь не с тем, что она есть, а с субъективными представлениями об ее благе»⁸⁴⁴. Так или иначе, левая и правая пресса оценивали политику Столыпина практически одинаково.

В августе на выборах в западных земствах националисты добились значительного успеха⁸⁴⁵. Была избрана горячая для крестьян пора, чтобы они не проявили особой активности. Энтузиазма на выборах не было и правительство провело нужных людей из среды интеллигенции⁸⁴⁶. Столыпин был уверен в благоприятных результатах этих выборов⁸⁴⁷. В либеральной прессе отмечалось, что администрация впервые стала вмешиваться в выборную процедуру⁸⁴⁸. «Таковыми победами полна история нашей властвующей бюрократии и <...> они-то и привели страну в Цусиму», – возвещала «Речь»⁸⁴⁹. Националисты были настроены совсем иначе. «Новое время», наоборот, писало об английских забастовках и недалекой перспективе гибели Британской империи, которой угрожали немцы и внутренние враги⁸⁵⁰.

---

⁸⁴² Вопросы общественной жизни // Вестник Европы. 1911. № 4. С. 430–437.

⁸⁴³ Внутренне обозрение // Вестник Европы. 1911. № 9. С. 360–361.

⁸⁴⁴ Тихомиров Л.А. Нужна ли усиленная охрана? // Московские ведомости, 5 сентября 1910 г.

⁸⁴⁵ Новое время, 6 августа 1911 г.

⁸⁴⁶ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 85–86.

⁸⁴⁷ Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С.164.

⁸⁴⁸ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1911. № 8. С. 369–372.

⁸⁴⁹ Речь, 7 августа 1911 г.

⁸⁵⁰ Трудно умирающая страна // Новое время, 6 августа 1911 г.

Вскоре после конституционного кризиса произошла кадровая перемена, которая в историографии обычно рассматривается как свидетельство ослабления влияния премьера⁸⁵¹. 2 мая состоялась долгожданная смена обер-прокурора С.М. Лукьянова, а назначение неожиданно получил бывший товарищ обер-прокурора при К.П. Победоносцеве В.К. Саблер⁸⁵². Оттяжка отставки Лукьянова произошла из-за прохождения в палатах бюджета Синода и «дела Илиодора». Неуравновешенный и крайне популярный царицынский иеромонах выступал с резкой консервативной критикой правительства и церковной иерархии. Двухлетняя борьба премьера, обер-прокурора и Синода с мятежным иеромонахом, наконец, закончилась личным вмешательством Николая II, выступившего в поддержку «гонимого»⁸⁵³. Наилучшим выходом из положения для Столыпина, втянутого в совершенно не нужную ему историю, было именно скорейшее прекращение дела. В письме императору Столыпин признавал свою вину в истории с Илиодором, таким образом, не возражая против смены Лукьянова (в этом письме от 26 февраля Столыпин лишь просил оттянуть отставку на «месяца два–три» и назначить «человека сильной воли и сильного духа»)⁸⁵⁴. Приход Саблера, который и рассматривался как «сильный духом», нельзя было назвать противодействием Столыпину, хотя он и привел к коррекции обер-прокурорской политики. 26 мая не был утвержден прошедший обе палаты законопроект о правах лиц, снявших сан (формально в 1906–1917 гг. это был единственный законопроект, прошедший палаты и не утвержденный императором)⁸⁵⁵, а в августе уже был подготовлен законопроект о приходе⁸⁵⁶.

---

⁸⁵¹ См., напр.: Дякин В.С. Ук. соч. С. 232.

⁸⁵² В общественных кругах ожидали назначения обер-прокурором дворцового коменданта В.А. Дедюлина или попечителя московского учебного округа А.А. Тихомирова (Голос Москвы, 4 мая 1911 г.).

⁸⁵³ Подр. см.: Варламов А. Григорий Распутин-Новый. Изд. 2-е. М., 2008. С. 247–268.

⁸⁵⁴ П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 66–68.

⁸⁵⁵ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 382.

⁸⁵⁶ Новое время, 10 августа 1911 г.

21 мая царь лично принимал, как им было записано в дневник, «знаменитого Илиодора»⁸⁵⁷.

Наиболее угрожающим для политических перспектив премьера был не конституционный кризис, а физическое состояние самого Столыпина. С весны болезнь ослабляла активность Петра Аркадьевича, что сказалось и на речах, и он не мог бы долго оставаться на своем посту⁸⁵⁸. «Столыпин вышел из парламентской борьбы несколько утомленным, казалось, что энергия его ослабела», – писал Тимашев⁸⁵⁹. 5 апреля Столыпин отбыл в отпуск в поместье⁸⁶⁰, где находился почти 5 месяцев с короткими перерывами. В конце мая Столыпин в личной беседе сознался Коковцову, что совсем подорвал здоровье, и просил взять на себя председательствование на период его продолжительного отдыха⁸⁶¹. Печать опровергала пущенные «Биржевыми ведомостями» слухи о его возможной отставке и утверждала о предстоящем даровании ему 24 августа графского достоинства⁸⁶². «Голос Москвы» расхваливал Коковцова: перепечатал из «Петербургской газеты» материал о повседневной работе министра финансов, в котором говорилось о его чрезвычайной работоспособности, открытости и приветливости к приходящим на прием, справедливости по отношению к подчиненным, благожелательности по отношению к студентам⁸⁶³. Но сам Столыпин вовсе не собирался уступать ему свой пост. Наоборот, предполагалась смена министра финансов. 10 августа товарищем министра торговли и промышленности был назначен Петр Львович Барк. Как вспоминал Тимашев и сам Барк, Столыпин и Кривошеин готовили смену Коковцову⁸⁶⁴. Этому плану сочувствовали и правые⁸⁶⁵.

---

⁸⁵⁷ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013. Т. 2. Ч. 1. С. 565.

⁸⁵⁸ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 4. С. 109.

⁸⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 48. Л. 76.

⁸⁶⁰ Голос Москвы, 6 апреля 1911 г.

⁸⁶¹ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 399–400.

⁸⁶² Голос Москвы, 21 июня 1911 г.; Речь, 23 июня 1911 г.

⁸⁶³ Голос Москвы, 26 мая 1911 г.

⁸⁶⁴ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина... С. 109; Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 157. С. 59.

⁸⁶⁵ ГА РФ. Ф. 932. Оп. 1. Д. 132. Л. 43.

Общая ситуация в мире способствовала упрочению положения Столыпина. С марта 1911 г. происходило резкое осложнение внешнеполитического положения. 12 марта Россия предъявила ультиматум Китаю о соблюдении правил торговли в Монголии и западном Китае (на фоне конституционного кризиса это событие прошло малозаметно⁸⁶⁶), после чего запахло русско-китайской войной, но 15 марта Китай принял русские требования. В Албании началось антитурецкое восстание, которое с середины марта воспринималось как серьезная угроза миру на Балканах и в Европе. В мае произошло резкое обострение: Черногория объявила войну Османской империи и начался марокканский кризис. В Думе вопрос военных ассигнований приобрел особую актуальность. Появилась новая возможность для заключения политических сделок. Это облегчалось перестановками в правительстве. 15 марта получил отставку морской министр С.А. Воеводский. По единому мнению думцев, он был «просто глупый человек»⁸⁶⁷. 19 марта министром назначен вице-адмирал И.К. Григорович, уже приобретший авторитет в думских кругах. В апреле–мае вопрос о флоте в Думе, наконец, начал решаться: думское большинство поддержало программу военного судостроения.

В июле в России начались рабочие забастовки (события впервые с 1907 г. стали приобретать серьезный оборот⁸⁶⁸, однако в прессе они оценивались в контексте проблемы хулиганства). Произошло оживление эсеровских организаций, в газетах сообщалось об угрозе терактов в Петербурге. «Голос Москвы» был уверен в связи кадетов с революционерами⁸⁶⁹. Предстоял новый политический сезон – причем, предвыборный. «Голос Москвы» позволял себе критиковать лишь политику Кассо – «министра сокрушительных эффектов»⁸⁷⁰. Общий пафос был явно примирительным по

---

⁸⁶⁶ Голос Москвы, 13 марта 1911 г.

⁸⁶⁷ Из кулуаров Государственной думы... С. 119.

⁸⁶⁸ Наиболее значительной была забастовка в Петербургском порту, где с 19 июля по 20 августа бастовало 18 тыс. рабочих (Арутюнов Г.А. Ук. соч. С. 122–123).

⁸⁶⁹ Голос Москвы, 23 июля, 24, 26 августа 1911 г.

⁸⁷⁰ Там же. 28 августа 1911 г.

отношению к Столыпину: «Нужно готовиться к борьбе. Предстоит двойной экзамен – правительству и обществу – экзамен на степень той политической зрелости, наличие которой удерживает государство от покушений революционных безумцев и проходимцев». Тогда революционные планы кадетов и социалистов, по замыслу «Голоса Москвы», должны были провалиться⁸⁷¹.

Накануне начала новой сессии Тихомиров пытался склонить Столыпина к изменению политического строя. 5 июля он написал письмо премьеру о праве верховной власти вносить поправки в Основные законы и необходимости сделать это, в котором утверждал: «Идет последний раздел земного шара. Мир ходит на вулкане международной борьбы за существование. А внутри обществ (вследствие классового характера государств, утративших единящую силу монархии) развилась язва социализма, вечно грозящая потрясениями и переворотами. При таких-то условиях мы отбросили важнейшее свое преимущество перед другими народами – возможность Верховного примирения враждующих, обуздания эксплуатации, усмирения бунтующих грозным мечом диктатуры. Но такой [третьеиюньский – Ф.Г.] строй не может держаться. Он и сам рассыпается, потому что бессилён, не авторитетен, не развивает действия, порождает борьбу, которой не в силах сдержать. Жить он не может, но он может вместе с собой погубить Россию». 9 июля Столыпин сделал пометку на полученном письме: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции»⁸⁷². Сам Столыпин так оценивал перспективы Третьеиюньской системы: «Война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию... Главное это то, что с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание, и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши

---

⁸⁷¹ Экзамен // Там же. 26 августа 1911 г.

⁸⁷² Тихомиров Л.А. Христианство и политика. Калуга, 2002. С. 359–366. См. также с. 348–351.

представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корне и, когда придет час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны»⁸⁷³.

28 августа Столыпин прибыл в Киев на открытие памятника императору Александру II. Из Киева за 3 дня до покушения премьер написал одно из самых оптимистичных писем жене: «Факт, и несомненный, что нашлись люди, русские, настоящие люди, которые откликнулись и пошли с воодушевлением на работу. Это отрицали и левые, и кр[айние] правые. Меня вела моя вера, а теперь и слепые прозрели»⁸⁷⁴. Правые прогнозировали революцию: «Жизнь современной России печальна. Неприятно брать в руки газеты. <...> Радуются, видят все в розовом свете и восторгаются всеобщим благополучием. Покоен только будущий граф – П.А. Но он начинает страдать опасной болезнью – манией величия. <...> Весьма вероятно, что П.А. Столыпин не увидит ужасных результатов своей деятельности (страшный момент наступит, вероятно, не очень скоро), но от этого не легче»⁸⁷⁵. На следующий день 29 августа Коковцов застал Столыпина «далеко не радужно настроенным»: он встретил плохое отношение со стороны придворных⁸⁷⁶. Как вспоминал Гучков, интригу против Столыпина вел связанный с правыми свитский генерал В.Н. Воейков, зять министра двора Фредерикса, якобы использовавший ревность Николая II к славе премьера⁸⁷⁷. Именно «неглупого, но наглого» Воейкова в думских кругах считали самой опасной фигурой при дворе⁸⁷⁸. Вряд ли можно было бы удивляться такому поведению свиты, как, впрочем, и преувеличивать масштаб влияния таких придворных. И недовольство окружения царя слишком самоуверенным поведением премьера, и даже зревшее

---

⁸⁷³ П.А. Столыпин – А.П. Извольскому, 28 июля 1911 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 425–426.

⁸⁷⁴ П.А. Столыпин – О.Б. Столыпиной, 28 августа 1911 г. // Там же. С. 613.

⁸⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 504. Л. 17. Н.Ф. Высоцкий – А.Н. Алфераки, 24 июня 1911 г.

⁸⁷⁶ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 405–406.

⁸⁷⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 115–118.

⁸⁷⁸ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 351.

недовольство у молодой императрицы и самого Николая II в начале XX века уже не могли быть решающими факторами для столь громкой отставки. Слова Милюкова о том, что Столыпин «уйдет или будет отпущен при тихой погоде и безоблачном небе», в конечном счете были верными – но «тихой погоды» пока не предполагалось.

1 сентября «Голос Москвы» сообщал слухи с берлинской биржи о грядущем назначении Столыпина кавказским наместником (указание на Берлин было явным намеком на основной источник информации – графа Витте)⁸⁷⁹. Оживившийся еще в начале 1911 г. Витте⁸⁸⁰ комментировал развитие ситуации: «Впечатление, что кляча понесла телегу, а куда – сама не понимает... Боюсь, что все это не к добру»⁸⁸¹. Однако влияния Витте было недостаточно, ходили слухи о назначении его самого послом в Берлин⁸⁸².

А.И. Гучков склонялся к мысли, что выстрелы в Столыпина были организованы правыми. Однако, вспоминая события того времени, октябристский лидер отмечал: «В сущности, Столыпин умер политически задолго до своей физической смерти». Про себя Гучков говорил: «Я еще до физической смерти Столыпина изверился в возможности мирной эволюции для России». Александр Иванович определял существование трех центров «реакционных сил»: камарильи, правых в Государственном совете и объединенного дворянства. В отношении этих сил премьером, по мнению Гучкова, якобы велась безнадежная «ошибочная политика компромисса»⁸⁸³. Подобная концепция оказала решающее влияние на историографию. А.Я. Аврех полагал, что Столыпин не смог стать Бисмарком, не мог самостоятельно определять политику, что окончательно проявилось в марте 1911 г., после чего началась затяжная «агония политической смерти» премьера⁸⁸⁴. В.С. Дякин считал, что «крах политического курса» Столыпина

---

⁸⁷⁹ Голос Москвы, 1 сентября 1911 г.

⁸⁸⁰ Октябристы полагали, что с целью возврата в политику Витте издал оправдательную брошюру о Портсмуте под псевдонимом А. Морского (Поверженные кумиры // Голос Москвы, 11 мая 1911 г.).

⁸⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 504. Л. 64. Гр. С.Ю. Витте, Биарриц – М.М. Федорову, 13 августа 1911 г.

⁸⁸² Голос Москвы, 23 апреля 1911 г.

⁸⁸³ Падение царского режима... Т. 6. С. 252.

⁸⁸⁴ Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 341–349.

к февралю 1911 г. произошел из-за разрыва с октябристами и буржуазией, чем и воспользовались правые. После мартовского кризиса премьер якобы лишь сворачивал свои реформаторские планы⁸⁸⁵. В отношениях между правительством и октябристами проявилось парализовавшее всю Третьеиюньскую систему обоюдное бессилие: Столыпин не мог контролировать думское большинство, а октябристы расписались в своей неспособности противодействовать премьеру⁸⁸⁶. Аврех вслед за Гучковым склонен был делать вывод о том, что связанная с правыми «охранка» физически устранила Столыпина⁸⁸⁷, хотя реальных доказательств этому найдено так и не было. Кроме того, в явном противоречии оказываются тезисы о неизбежности скорой отставки и физического устранения премьера. Департамент полиции просто не мог организовать такого убийства: под угрозой была и жизнь самого Николая II, находившегося в том же зале киевской оперы, Багров колебался в выборе своей жертвы; смерть императора повлекла бы вступление на престол несовершеннолетнего наследника при регенте великом князе Михаиле Александровиче (он заключил морганатический брак лишь в октябре 1912 г.), а это лишь усилило бы позиции императрицы Марии Федоровны и Столыпина. Его правые критики не могли так рисковать.

Политическое положение Столыпина все же оставалось достаточно прочным⁸⁸⁸. Отставки по политическим причинам в ближайшее время не предвиделось. Происходила не агония, а трансформация правительственного курса, его корректировка под влиянием обстоятельств и эволюции взглядов премьера. Основным вопросом стал земский вопрос. Стратегическое

---

⁸⁸⁵ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 493, 495.

⁸⁸⁶ Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 360–363; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 495–499.

⁸⁸⁷ Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 404.

⁸⁸⁸ Эту точку зрения разделяет ряд историков, см.: Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004. С. 198–218; Куликов С.В. Столыпин и Николай II: соперничество или сотрудничество? // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция. М., 2012. С. 93–135. И.В. Лукоянов полагает, что ближайшая отставка Столыпина была неизбежна, но не в силу желания Николая II сменить политический курс, а по причине конфликта премьера с придворными кругами (Лукоянов И.В. П.А. Столыпин и камарилья // Там же. С. 138–147).

соглашение с националистами было подступом к демократизации системы местного самоуправления. Ревизия правительственного курса вступила в решающую стадию летом–осенью 1910 г. и, как следствие, вызвала видимое охлаждение отношений с октябристами (уже на рубеже 1910–1911 гг. партия перешла в предвыборный режим работы). Поворот был завершён в феврале–мае 1911 г., когда Столыпин вступил в открытый конфликт с правыми (правые впервые получили ощутимую, хотя временную и косвенную поддержку императора и попытались оказать открытое противодействие премьеру) и одновременно потерял стратегическую поддержку лидеров октябристов. Тем не менее, октябристы продемонстрировали свое нежелание переходить в оппозицию, пока правительственная власть находилась в надежных руках. Достойных политических преемников или альтернатив Столыпину никто так и не нашел, что было дополнительным аргументом в пользу прочности его позиции. Основными позитивными следствиями эволюции столыпинского курса стали определенность и наличие существенной перспективы в аграрной и военной сферах, в вопросе развития местного самоуправления. Слабой стороной этого курса были столь важные, но не проясненные вопросы парламентаризма и политических свобод. Логика политического развития (неспособность лидеров октябристов далее поддерживать социально-экономическую и оборонную политику) требовала опоры не только на националистов, но и на правых, на что премьер был лично неспособен. Сама Третьеиюньская система – детище премьера – все более и более нуждалась в переосмыслении.

Глава 3. Политический курс Коковцова: концепция «примирения» и стольпинское наследие (сентябрь 1911 – декабрь 1912 гг.)

Смена премьера, произошедшая не по итогам тех или иных процессов, а ставшая следствием трагического стечения обстоятельств, сама по себе еще не означала неизбежной смены политического курса. Однако принципиальным вопросом политической жизни России после смены председателя правительства и вызванных этим перестановок был вопрос о том, сможет ли правительство сформулировать единую стратегию развития, сохранить инициативу в своих руках, наладить конструктивные отношения с палатами. Дополнительным обстоятельством, обострившим данную проблему, были предстоящие в 1912 г. парламентские выборы. На политической арене неизбежно должны были появиться новые игроки. Вопросы свободы слова в парламенте и прессе в подобной ситуации не могли не выйти на передний план.

3.1. Попытки ревизии правительственного курса и думского большинства

Покушение на Столыпина в целом было воспринято как трагическая случайность. Правые были возмущены. Возрождение терроризма «казалось наименее вероятным» из всех революционных проявлений¹. Член Русского собрания Н.Д. Тальберг писал: «Я никогда не был политическим сторонником Столыпина. <...> Но это не мешало уважать его как человека и

---

¹ Покушение на жизнь Петра Аркадьевича Столыпина // Московские ведомости, 3 сентября 1911 г.

теперь я глубоко опечален и возмущен»². А.С. Суворин сокрушался: «Страшно жаль Столыпина. Это огромная потеря для России. Заместители найдутся, конечно, но очень они станут проваливать национальную политику, к которой Столыпин все более и более привязывался. <...> Для левых это торжество, для революции превосходное средство развиться и подчинить себе все радикально стадо. Может быть еще Милюков и его братья выплывут на первые места! У нас все возможно»³. Октябристы испытывали те же чувства: «Это покушение – заговор жидов, финляндцев и прочей инородчины, вместе с предавшимися им кадетами, против русской государственности и русской национальности»⁴. Передовицы «Речи» были исполнены опасениями возможных репрессий. Газета признавала свою враждебность политике Столыпина, но резко осуждала терроризм: «Цель наша и состояла прежде всего в том, чтобы навсегда из русской жизни исчезли <...> кровавые политические преступления»⁵. Такое заявление было тем более значимо, если вспомнить о принципиальном отказе кадетов осудить террор в 1907 г. Предупреждая уклон вправо, кадетская печать отмечала, что, несмотря на ходившие в последнее время слухи об отставке Столыпина, «эти слухи не давали повода никому заключить о возможной перемене правительственного курса»⁶.

Вплоть до 5 сентября ранение считалось опасным, но не безнадежным⁷. 2 сентября старейший по службе член правительства 58-летний В.Н. Коковцов, как и следовало ожидать в чрезвычайной ситуации, был назначен исполняющим обязанности председателя Совета министров. 5 сентября последовали резкое ухудшение здоровья Столыпина и его смерть. Получивший это известие на следующий день Николай II написал в дневнике: «Много читал и отдыхал, переживая и хорошие и грустные

---

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 505. Л. 88. Н.Д. Тальберг – В.Н. Поливанову, 2 сентября 1911 г.

³ Там же. Л. 57. А.С. Суворин – М.О. Меньшикову, 2 сентября 1911 г.

⁴ Там же. Л. 93. Ф.И. Гучков – Н.И. Гучкову, 5 сентября 1911 г.

⁵ Речь, 2 сентября 1911 г.

⁶ Русские ведомости, 7 сентября 1911 г.

⁷ Голос Москвы, 3 сентября 1911 г.

впечатления путешествия. Во всем да будет воля Божия»⁸. Перед гробом император преклонил колена, долго молился и многократно повторил слово «прости»⁹. 7 сентября Николай II «писал ответы на множество телеграмм по поводу кончины бедного Столыпина»¹⁰. Однако общее настроение монарха было ровным: «Говорят, что Он не придает этому значения, т.е. не считает особой потерей»¹¹. Молодая императрица в разговоре с Коковцовым рассудила так: «Если Столыпина уже нет, это значит, что он свою роль уже окончил и должен был ступать. Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить вам место и что это – для блага России»¹². В октябристских кругах даже стал распространяться анекдот, в соответствии с которым император перед отъездом из Киева якобы сказал Коковцову: «У меня к Вам еще одна просьба; пожалуйста, не следуйте примеру Петра Аркадьевича, который как-то старался всё меня заслонять, всё он и он, а меня из-за него не видно было»¹³. «Что касается наследника П.А. Столыпина, то случилось то, что люди, видящие дальше своего носа, предвидели», – написал гр. Витте архимандриту Варнаве (Накропину)¹⁴. Коковцов пользовался доверием императора и, в определенной степени, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, у которой его почивший тесть Ф.А. Оом был личным секретарем¹⁵.

Коковцов назывался наиболее вероятным кандидатом в премьеры, но присутствовали и иные кандидаты – Акимов и Кривошеин¹⁶. Назначение Акимова означало бы победу Дурново, но это было маловероятно. Кривошеин мог стать премьером в случае неизменного продолжения старого курса, отмечалось лишь, что он был «плохим оратором»¹⁷. При назначении

---

⁸ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013. Т. 2. Ч. 1. С. 592.

⁹ Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. Нью-Йорк, 1953. С. 217–218.

¹⁰ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013. Т. 2. Ч. 1. С. 593.

¹¹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 80об.

¹² Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // АРР. Т. 22. Берлин, 1937. С. 296.

¹³ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. С. 196.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 1145. Оп. 1. Д. 69. Л. 23об.

¹⁵ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 159. С. 83.

¹⁶ Голос Москвы, 7 сентября 1911 г.

¹⁷ Речь, 6 сентября 1911 г.

Коковцова старый курс, что бы публично ни заявлялось, ставился под вопрос. По политическому темпераменту новый премьер, уже в конце 1906 г. не видевший себя в новых обстоятельствах и считавший свою карьеру законченной¹⁸, составлял полную противоположность своему предшественнику. В либеральных кругах отмечалось, что только Коковцов имел особое мнение по студенческому вопросу¹⁹. «Голос Москвы» цитировал высказывание некоего высокопоставленного лица (легко угадывался министр финансов): «Пора прекратить политику национализма, пора искать примирения». Октябристский рупор, задаваясь вопросом о том, с кем – левыми или правыми – нужно было искать «примирения», комментировал: «Отклонение от главных оснований политики последних лет – политики национально-прогрессивной – вызовет новые потрясения в стране»²⁰. На киевской панихиде Коковцов прояснил позицию, он сказал члену Государственного совета Я.Н. Офросимову: «Пора бросить националистический пафос и приняться за успокоение». Эта фраза и интервью «The Times» переположили националистов²¹. П.Н. Балашов отметил: «Новый скачок в неизвестность»²². Политика «примирения», по мнению «Нового времени», не соответствовала желаниям общества: «Нет, представительный строй в России настолько окреп, что игнорировать общественное мнение в бюрократической пустоте совершенно невозможно. <...> Несомненно, и вся история конституционного Запада это доказывает, что истинной конституционной политикой при представительном строе может быть именно только политика национального одушевления». Кроме того, соглашение с «лже-оппозицией, которая давно заключила сепаратный договор с революцией и кадрами подполья» было попросту невозможно²³. Розанов, «случайно» встретивший там же в Киеве Гучкова, заметил ему по

---

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 760. Оп. 1. Ед. хр. 233. Л. 9–9об. В.Н. Коковцов – Н.С. Таганцеву, 26 декабря 1906 г.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 4. Кн. Г.Н. Трубецкой – М.Н. Гирсу, 4 октября 1911 г.

²⁰ Голос Москвы, 7 сентября 1911 г.

²¹ За неделю // Речь, 17 октября 1911 г.

²² Речь, 12 сентября 1911 г.

²³ Политика национального оживления // Новое время, 11 сентября 1911 г.

поводу Коковцова: «Капитал и финансы вне нации и истории и человек финансов наверху положения обещает не политику направления, а политику без направления по линии наименьшего трения и ближайших удобств». Гучков согласился и добавил, что «горе вообще в отсутствии ярких людей на горизонте, что и угрожает нумерацией зауряд-министров»²⁴. Однако лидер октябристов не договаривал. Неизвестность на фоне прежних осложнений между Столыпиным и октябристами была все же не столь удручающей. В любом случае, соратник Гучкова Я.В. Глинка имел все основания заключить в собственном дневнике: «Судьба октябристов вывозит»²⁵.

По мнению сразу втянувшегося в игру «Голоса Москвы», смерть Столыпина открывала «неожиданные возможности» для правых²⁶. Однако они фактически лишь мирились с неизбежностью назначения Коковцова. «Не ошибитесь!» – предупреждала «Земщина», напоминая о взглядах Коковцова на национальную политику²⁷. «Очень корректный, аккуратный петербургский чиновник, безусловно умный, но и только», – вспоминал о Коковцове В.Ф. Джунковский²⁸. Тихомиров вздыхал: «Ведь не Коковцов же? Его ум совсем иного сорта. На это не годится. Тут лучше бы всего был Дурново, если бы ему десяток лет снять с плеч»²⁹. Но на фоне Столыпина, которому зачастую вообще отказывалось в именовании «государственного деятеля»³⁰, Коковцов мог внушить определенные надежды. «Тяжелое наследие получает Коковцов, но он единственный человек на высоте положения», – написал в частном письме гр. С.Д. Шереметев³¹. «Гражданин» отмечал своевременность гибели Столыпина, который ко времени своей

---

²⁴ Розанов В.В. Собрание сочинений. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2005. С. 228.

²⁵ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 87.

²⁶ Голос Москвы, 7 сентября 1911 г.

²⁷ Не ошибитесь! // Земщина, 10 сентября 1911 г.

²⁸ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 639.

²⁹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 81.

³⁰ Русское знамя, 8 сентября 1911 г.

³¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3006. Л. 379–380. Гр. С.Д. Шереметев – Ю.С. Мальцову, 3 сентября 1911 г.

смерти окончательно подпал под влияние националистов. Как отмечалось, Россия смертью премьера была избавлена от внутренней борьбы³².

Ситуация отягощалась тем, что в правительстве освободилось сразу два ключевых поста. По мнению «Речи», первоначально премьером должен был стать Коковцов, а министром внутренних дел – С.Е. Крыжановский. Но, в силу того, что они – «люди резко противоположных воззрений», изменения не заставили бы себя ждать. В случае сохранения поста за Коковцовым МВД могли возглавить П.Н. Балашов или Б.В. Штюрмер, поскольку более консервативные по своим взглядам Крыжановский и Макаров нового премьера не устраивали³³. «Голос Москвы» считал, что министром внутренних дел, скорее всего, должен был стать не Крыжановский, а Макаров³⁴. В октябристских кругах также предполагалось, что на пост министра внутренних дел Коковцов, поссорившийся не только с Крыжановским, но и – с недавнего времени – с Макаровым, будет искать себе кандидата не из лиц «prima carta» [первого порядка – лат.]³⁵, например, А.П. Извольского или посла в Лондоне гр. А.К. Бенкендорфа, хотя последний и был в плохих отношениях с Коковцовым³⁶.

Было известно, что Коковцов также находился в ссоре с Щегловитовым, Сухомлиновым, Харитоновым, Кассо, Рухловым³⁷. Положение министра народного просвещения являлось наиболее показательным. После смерти Столыпина, как отмечал Меньшиков, «все внимание «друзей прогресса» сосредоточилось на Л.А. Кассо»³⁸. При всех комбинациях уход Кассо считается неизбежным, и на его место очень серьезным кандидатом является профессор С.Ф. Платонов, его будут поддерживать октябристы», – комментировали в университетских кругах³⁹.

³² Дневник // Гражданин. 1911. № 44. С. 16.

³³ Речь, 6 сентября 1911 г.

³⁴ Голос Москвы, 7, 16 сентября 1911 г.

³⁵ ГА РФ. Ф. 932. Оп. 1. Д. 132. Л. 42–43. 13 сентября.

³⁶ Там же. Л. 34. 4 сентября.

³⁷ Там же. 13 сентября.

³⁸ Новое время, 16 октября 1911 г.

³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 507. Л. 30. П.И. Митрофанов – Е.Е. Митрофановой, 8 сентября 1911 г.

«Новое время», тем не менее, поддерживало Кассо и оправдывало его политику действительным успокоением университета⁴⁰. «Речь» писала, что, кроме Кассо, в отставку могли уйти Щегловитов, Рухлов, Тимашев. Возможной представлялось «полное изменение» правительственного курса, особенно в сферах национальной и переселенческой⁴¹. Но такие предположения скорее были предложениями. «Что будет делать Коковцов, никто не знает. Есть такие люди, которые утверждают, что он и сам не знает. Но это острота. Я лично склонен радоваться его назначению. Человек он культурный и способен нейтрализовать многие дела, в которых, благодаря изумительной энергии покойного Столыпина, внесены ненависть и распри», – писал Нольде⁴². И так, единственной альтернативой назначению Коковцова выступало выдвижение Кривошеина, однако она возникала только из осознания невозможности назначения Коковцова без целого ряда отставок в правительстве. Кроме того, у Коковцова явно не было собственной готовой кандидатуры на пост министра внутренних дел.

9 сентября Коковцов был назначен премьером с оставлением на посту министра финансов. Подобное обстоятельство, уникальное в российской истории, свидетельствовало либо о том, что верховная власть надеялась на крайне благоприятную перспективу развития и не считала возможные ведомственные и правительственно-парламентские столкновения на бюджетной почве фатальными, либо о том, что назначение предпринималось на короткий срок – с целью выиграть время, наладить сносные отношения с законодательными палатами накануне выборов и найти Столыпину достойного преемника. Поверить в первое было бы трудно, второе, напротив, было вполне реальным: более того, именно так оно и воспринималось. Однако сразу возникали побочные, но крайне важные обстоятельства: назначение премьером министра финансов, чьи фискальные интересы прямо

---

⁴⁰ Обновленный Московский университет // Новое время, 26 октября 1911 г.

⁴¹ Речь, 6 сентября 1911 г.

⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 26. Б.Э. Нольде – В.Д. Набокову, 8 октября 1911 г.

противоречили стремлениям остальных министров, неизбежно усиливало межведомственную борьбу, а временный характер назначения распял политические амбиции конкурентов и снижал авторитет премьера в общественных кругах. Иными словами, затягивание «временной ситуации» при создавшихся обстоятельствах было самым худшим сценарием.

Как и следовало ожидать, октябристы и кадеты восприняли назначение положительно, националисты – отрицательно⁴³. Известная коковцовская фраза 1909 г. об отсутствии в России парламента реакционной репутации премьеру не составила⁴⁴. Назначение Коковцова, даже когда оно носило только временный характер, было воспринято кадетами как обнадеживающий фактор. Сразу после назначения Коковцова исполняющим обязанности Шингарев сообщил Звегинцеву о намерении кадетов поддержать октябристов в финансово-экономических вопросах в Думе, чего ранее не было⁴⁵. «Речь» советовала правительству сменить курс. Подводя итог правительственной политике в столыпинский период, Милюков отмечал ее постоянное отклонение от принципов 17 октября: «Задача успокоения стала первенствующей, причем микробы революции уничтожались таким образом, чтобы на борьбу с ними уходила не только вся энергия управления, но от этой борьбы страдали здоровые элементы русского общества более, чем элементы разрушительные»⁴⁶. «Русские ведомости» с пафосом писали, что назначение не было неожиданным, а новый премьер как министр финансов «не может игнорировать полностью голос общественного мнения Западной Европы»⁴⁷. Со своей стороны выборжец кн. С.Д. Урусов в частном письме также отметил: «Можно с уверенностью сказать, что теперь наступит пора тихой работы, без всякого строительства и реформ»⁴⁸.

---

⁴³ Правда «Новое время» сразу после назначения позабыло о своих недавних опасениях и опубликовало посвященную Коковцову статью «Человек с характером» (Новое время, 13 сентября 1911 г.).

⁴⁴ Сам В.Н. Коковцов также воспринимал ее весьма невинно (Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 271–272).

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 932. Оп. 1. Д. 132. Л. 34. 4 сентября 1911 г.

⁴⁶ Речь, 6 сентября 1911 г.

⁴⁷ Русские ведомости, 13 сентября 1911 г.; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 307а. Лл. 34–35.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 76. Кн. С.Д. Урусов – кн. Н.П. Урусову, 12 сентября 1911 г.

Коковцов начал с подтверждений подобных суждений. «Не в моих вкусах блестящие фейерверки, приправленные острыми эффектами, не вражда и угнетение, а примирение и сознание необходимости дать каждому возможность спокойно жить и трудиться – составленный мной символ веры», – писал он Н.С. Таганцеву⁴⁹. Вскоре, однако, появились сведения, что Коковцов даже не планировал выступать перед палатами с правительственной декларацией, поскольку якобы собирался придерживаться прежнего курса⁵⁰. «Россия» отвергала все предположения об изменении курса в национальной политике⁵¹. «Московские ведомости» подобные заявления встречали «с великой радостью» и напоминали, что политику в России определяет монарх, который не увольнял Столыпина и не поменяет его курс⁵². Причины осторожности Коковцова объяснял Витте: «В.Н. Коковцов, несомненно, лучше всякого другого, кто мог бы быть назначен при данных обстоятельствах. Но его положение более чем трудное. Уйти от того, на что пошли – не согласятся и потому он волею-неволею должен тянуть ту же лямку – хотя умнее. Очень жаль, что его назначение не случилось 2 года тому назад»⁵³. Стали ли первые шаги Коковцова проявлением выдающегося государственного ума или политической лени – ответ на это Россия должна была получить в самое ближайшее время.

Назначение премьером Коковцова означало, что для самого императора сохранение прежнего («националистического») правительственного курса не было вопросом первостепенным (иначе премьером стал бы Кривошеин), однако еще менее он склонен был при назначении придерживаться правых взглядов (кандидатуры Дурново и Щегловитова даже не обсуждались). Вместе с тем, идея «укрепления» МВД, особенно в связи с событиями 1 сентября, не могла не возникнуть⁵⁴. В разговоре с Коковцовым Николай II

---

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 233. Лл. 14–15. 17 сентября 1911 г.

⁵⁰ Речь, 13 сентября 1911 г.

⁵¹ Россия, 18 октября 1911 г.

⁵² Направление политики // Московские ведомости, 27 сентября 1911 г.

⁵³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 513. Л. 98. Гр. С.Ю. Витте – И.И. Колышко, 22 ноября 1911 г.

⁵⁴ 10 сентября император писал матери, что у него имелось 2 кандидатуры на пост министра внутренних дел: Макаров, знающий «полицию, которая сейчас в ужасном состоянии», и Хвостов («Я еще думаю о

поставил вопрос о назначении министром нижегородского губернатора А.Н. Хвостова или черниговского Н.А. Маклакова. Коковцов, исходя из своих взглядов, отверг эти кандидатуры, и царь не настаивал. Вместо них Коковцов рекомендовал Макарова, но с одновременным переводом его личного недруга Крыжановского с поста товарища министра на пост государственного секретаря⁵⁵. Коковцов продвинул Макарова на пост министра внутренних дел, несмотря на недавно состоявшийся между ними конфликт по вопросу о полицейских штатах. Возможно, он надеялся на то, что не имевший особых амбиций Макаров не составит ему конкуренции внутри правительства. «Макаров не имеет и никогда не будет иметь, по качеству своей личности, какого-нибудь серьезного авторитета», – отмечал Витте⁵⁶. Джунковский писал: «Макаров представлял из себя человека спокойного, серьезного, с весьма определенными взглядами, но не государственного ума. Это был аккуратнейший, честнейший и добросовестнейший кабинетный работник, вдумчивый и независимый»⁵⁷. Кроме того, темперамент Макарова импонировал Коковцову. Сослуживцы Макарова отмечали его крайний педантизм⁵⁸. По воспоминаниям чиновника по особым поручениям при МВД Цветкова, Макаров был назначен Столыпиным с целью изменения общественного мнения об МВД и Департаменте полиции, проявлял показательную демократичность, ежедневно принимал простых посетителей, причем перенес прием в кабинет Департамента общих дел, который не пользовался такой дурной славой, как кабинет Департамента полиции⁵⁹.

Коковцов не собирался делать из нового министра послушное орудие какой-либо общей правительственной политики – сам премьер не мыслил

Хвостове»). «Не знаю, на ком остановиться», – признавался Николай II (Красный архив. 1929. Т. 4 (35). С. 211).

⁵⁵ Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 417–426.

⁵⁶ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 2. С. 896.

⁵⁷ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 607.

⁵⁸ Чебышев Н.Н. Близкая даль: Воспоминания. Париж, 1933. С. 50.

⁵⁹ Цветков. Министерство внутренних дел и товарищ министра А.А. Макаров // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 50. Лл. 1–2.

такими категориями и даже был давнишним и яростным сторонником свободы министерских докладов⁶⁰. Во вскоре написанном письме императору премьер лишь надеялся, что Макаров осуществит «спокойною, уверенною и твердою рукою насаждение внутреннего порядка в стране». Коковцов уверял, что рекомендовал Макарова «чуждый каких бы то ни было личных побуждений», и просил указать Макарову, чтобы его политика проводилась «в должном согласовании с деятельностью председателя Совета министров». Премьер заверял Николая II: «Никогда не буду искать какого-либо главенства и готов отдать всю силу моего разума на то, чтобы облегчать министра внутренних дел в его тяжелом деле». Далее выражалось политическое кредо нового премьера: «Переживаемое нами, Государь, время не есть время взаимного недоверия, ненужных препирательств и взаимных интриг, на которые я никогда не был способен – а есть время дружной общей работы на пользу родной страны и ее Хозяина». Коковцов опять просил сделать Крыжановского государственным секретарем, поскольку в силу плохих отношений с Макаровым он уходил из МВД, а ему было поручено выборное дело, которое без его «ловкости» может принести «крупные разочарования»⁶¹. Вопрос о назначении Крыжановского, по утверждению Коковцова, он согласовал с Акимовым, который, в свою очередь, не возражал против планируемых изменений⁶². Витте отреагировал: «Крыжановский – человек менее солидный, нежели Макаров. Я думаю, что он обладает значительно меньшим нравственным цензом, нежели Макаров, а с другой стороны – он несколькими головами выше Макарова по знанию, таланту и уму. Крыжановский был, собственно, головою Столыпина, и головою хитрою»⁶³.

Принципы Коковцова встретили понимание у императора: «Отношение ваше к Думе, спокойно-внепартийное, единственно правильное по моему

---

⁶⁰ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 196.

⁶¹ РГИА. Ф. 691. Семенников В.П. Оп. 1. Д. 11. Лл. 7–13. 17 сентября 1911 г.

⁶² Там же. Лл. 14–16. 10 октября 1911 г.

⁶³ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 2. С. 897.

мнению. Оно уже оказывает свое благотворное влияние на внутренней жизни страны в смысле успокоения вообще и уменьшения политиканства и интереса к нему в частности. Говорю это на основании собственного заключения, насколько отсюда издали можно судить»⁶⁴. После приема Макарова император написал Коковцову: «Своею двухчасовую беседу с Макаровым я остался весьма доволен. С его назначением у меня отлегло от сердца. Это как раз тот человек, который нужен на посту мин. внутр. дел в данную минуту»⁶⁵. Тем не менее, если о Коковцове первая запись в дневнике императора той осенью была сделана только 5 октября⁶⁶, то о Макарове вообще ничего не говорилось.

20 сентября тайный советник сенатор А.А. Макаров был назначен министром внутренних дел. Гр. С.Д. Шереметев записал в дневник: «Назначение Макарова мин. внутр. дел успокоительно. Я опасался Крыжановского»⁶⁷. Общественные круги восприняли назначение с редким единодушием. Член Государственного совета Н.А. Зверев (правый) так аттестовал нового министра: «Человек правый по убеждениям, твердый по характеру и упорный в работе»⁶⁸. «Московские ведомости» считали Макарова знающим и подготовленным для этого поста⁶⁹. Отмечалось, что Макаров стремился добиться того, чтобы от Юго-Западного края в Думу не прошел ни один поляк⁷⁰. «Гражданин» со ссылкой на молву сообщал, что Макаров – «порядочный и честный человек», «способный», хоть и слабо знакомый с администрацией; однако, как утверждал кн. Мещерский, хорошо было уже то, что из МВД уходил Крыжановский⁷¹. Князь писал, что комбинация Коковцова и Макарова «производит впечатление <...> своей мудростью», имея в виду корректность и опыт нового премьера⁷².

---

⁶⁴ РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11. Лл. 6. Николай II – В.Н. Коковцову, 18 ноября 1911 г.

⁶⁵ Там же. Лл. 4–5. Николай II – В.Н. Коковцову, 21 сентября 1911 г.

⁶⁶ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013. Т. 2. Ч. 1. С. 600.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 125.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 510. Л. 28. Н.А. Зверев – гр. С.Д. Шереметеву, 17 октября 1911 г.

⁶⁹ А.А. Макаров // Московские ведомости, 23 сентября 1911 г.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 90. Ф.Ф. Трепов – Е.Ф. Демидовой, 14 октября 1911 г.

⁷¹ Дневник // Гражданин. 1911. № 36. С. 12.

⁷² Там же.

Умеренность амбиций правых хорошо характеризует фраза из дневника гр. С.Д. Шереметева: «Немного странно, что мин. внутр. дел «не дворянин»»⁷³.

«Голос Москвы» характеризовал Макарова как очень работоспособного и педантичного человека, но не заботившегося о декларировании своей деятельности⁷⁴. «Русские ведомости» отделялись общими замечаниями и полагали, что Макаров просто продолжит столыпинскую политику⁷⁵. Однако, как писал в частном письме кадет профессор-юрист Б.Э. Нольде, «Макаров тоже очень многими хорошими людьми одобряется»⁷⁶. По сведениям «Речи», Макаров «искренне хочет восстановить уважение к законности», постоянно совещается с Коковцовым, хочет найти себе товарища министра не из столыпинского окружения, а из Думы или судебного ведомства, сменить губернаторов из «племянников»⁷⁷. По сведениям газеты, Макаров хотел уволить Гурлянда⁷⁸. Наиболее дальновидным оказался Тихомиров, который, имея в виду политические взгляды министра, записал в дневнике: «Макаров произвел по направлению очень хорошее впечатление. Но вопрос в силе его. «Подземная» борьба Коковцова с Макаровым очень вероятна»⁷⁹.

Перемены в МВД были масштабными. Их инициатором выступал далеко не только Коковцов. В чиновничьей среде отмечали: «Конечно, мы ожидаем больших перемен в министерстве. <...> Вообще в министерстве ничего неизвестно». По слухам из МВД Крыжановский «бесповоротно» решил уходить – в Государственный совет или «в чистую отставку» («уход его, в особенности теперь, перед выборами в Государственную думу, большая потеря для министерства»)⁸⁰. Сам Крыжановский настоятельно добивался поста члена Государственного совета и тогда соглашался принять

⁷³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 125.

⁷⁴ Голос Москвы, 13 октября 1911 г.

⁷⁵ Русские ведомости, 13 сентября 1911 г.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 26. Бар. Б.Э. Нольде – В.Д. Набокову, 8 октября 1911 г.

⁷⁷ Речь, 20 октября 1911 г.

⁷⁸ Там же. 18 октября 1911 г.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 81.

⁸⁰ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 72. Неустановленное лицо (СПб.) – П.Д. Шереметевскому, 12 октября 1911 г.

на себя выборную кампанию⁸¹. 15 октября он перешел на пост государственного секретаря. На его место долго не могли найти замены⁸². В товарищи министра, по мнению прессы, мог быть назначен А.Н. Хвостов, а в таком случае политика МВД могла поменяться, и Коковцов не смог бы этому помешать⁸³. Слухи о Хвостове по словам «Речи», «Илиодора в губернаторах», несмотря на опровержения, упорно держались до конца октября⁸⁴. Лишь 20 октября товарищем министра стал директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Харузин. Когда Макаров поехал в Ливадию за назначением Харузина, в правых кругах отметили: «Он не умеет выбирать людей, если остановится на этом господине»⁸⁵. «Он очень плохо разбирался в людях», – отмечал впоследствии А.В. Бельгард⁸⁶. 14 октября с поста товарища министра внутренних дел ушел и Курлов. Император писал Коковцову: «Говоря о генерале Курлове я ему сказал свое мнение, что если он, Курлов, честный и преданный слуга, я уверен и жду, что после всего случившегося он сам подаст в отставку. На этом я намерен настоять. Это необходимо для примера»⁸⁷. Однако замена Курлову тоже не была найдена⁸⁸.

В самом Совете министров никаких перемен, кроме неизбежных, тем не менее, не произошло. 5 октября Харитонов стал председателем Малого Совета министров и исполняющим обязанности премьер-министра в случае его болезни или отсутствия. В сферах демонстрировали благоволение в отношении как правых, так и октябристов: Пуришкевич стал действительным статским советником, депутат-октябрист Я.Г. Гололобов – вице-губернатором⁸⁹. Дурново через Коковцова получил приглашение императора

---

⁸¹ Там же. Л. 90. Ф.Ф. Трепов – Е.Ф. Демидовой, 14 октября 1911 г.

⁸² Речь, 8 ноября 1911 г.

⁸³ Голос Москвы, 25 сентября 1911 г.

⁸⁴ Там же. 27 сентября, 23 октября 1911 г.; Речь, 21 января 1912 г.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 513. Л. 94. А.С. Вязигин – Т.И. Вязигиной, 22 ноября 1911 г.

⁸⁶ Бельгард А.В. Ук. соч. С. 265.

⁸⁷ РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11. Лл. 4–5. Николай II – В.Н. Коковцову, 21 сентября 1911 г.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 72. Неустановленное лицо (СПб.) – П.Д. Шереметевскому, 12 октября 1911 г.

⁸⁹ III Государственная дума. Фракция Народной Свободы в период 15 октября 1911 года – 9 июня 1912 года. Ч. I. Отчет фракции. СПб., 1912. С. 3–7.

вернуться в Государственный совет: он успешно прошел операцию на глаза и был «здоров, бодр и весел»⁹⁰. 20 октября Дурново был переизбран председателем группы. Николай II писал новому премьеру: «После Киева и Севастополя я начинаю приходить в себя и нахожусь под самым светлым впечатлением всего виденного и всего пережитого. Велика и глубока взаимная любовь Царя и Русского народа! Это такая сила подобной которой нет на свете»⁹¹. Однако общественные и бюрократические круги терялись в догадках по поводу правительственного курса: «Тяжела неопределенность, которая господствует в России со дня смерти Столыпина. С ним все-таки кое в чем можно было быть спокойным. И революции он не склонен был давать потачки и жидов с финляндцами не жаловал. Теперь – кликушества газет на темы, так называемого, примирения, и мертвое молчание с высоты кресла председателя Совета министров. Нельзя так общаться с общественным мнением. Решительно надо снять маску, а то и враги и друзья стоят вперемешку. Первые свою линию ведут, а вторые остановились на распутье. Что-то изречет, наконец, Владимир Николаевич? Бедные суфлеры никуда не годятся. И подумает, что Н.Н. Покровский пожалуй будет воздействовать на направление нашей внутренней политики!»⁹². Ф.Ф. Трепов отмечал: «Видно, что в министерстве внутренних дел тон еще не дан, потому все чего-то ждут»⁹³. Так же реагировала и общественность: «Сейчас какая-то разруха, все катится еще по старым рельсам, но чувствуются уж толчки и неверность хода, и не знаешь, сойдет ли с рельс или вновь покатится»⁹⁴. Дурново писал гр. Шереметеву: «Происшедшие события, по моему мнению, имеют очень важное значение и будущее представляется большим вопросительным знаком, а между тем темные силы как будто поднимают голову все выше и выше»⁹⁵.

---

⁹⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5105. Л. 221об.; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 510. Л. 28. Н.А. Зверев – гр. С.Д. Шереметеву, 16 октября 1911 г.

⁹¹ РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11. Лл. 4–5. Николай II – В.Н. Коковцову, 21 сентября 1911 г.

⁹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 70. П.Н. Яхонтов – кн. П.В. Чегодаеву-Татарскому, 12 октября 1911 г.

⁹³ Там же. Л. 90. Ф.Ф. Трепов – Е.Ф. Демидовой, 14 октября 1911 г.

⁹⁴ Там же. Л. 46. С.Ф. Ольденбург – С.С. Ольденбургу, 10 октября 1911 г.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5105. Л. 144об.–145. П.Н. Дурново – гр. С.Д. Шереметеву, 28 сентября 1911 г.

Ситуацией стремился воспользоваться гр. Витте, который был назначен председателем Комитета финансов. 15 октября ожидался выход газеты «Русская заря», которую должны были издавать сам С.Ю. Витте и И.Д. Сытин при сотрудничестве Власа Дорошевича и И.И. Колышко. Октябристский рупор поспешил обнародовать информацию об этом, как только она оказалась в его распоряжении⁹⁶. Гучков, имея в виду перспективу скорых думских выборов, имел все основания опасаться активности Витте. По слухам, Витте, воспринимавший премьера сугубо временной фигурой, начал кампанию против Коковцова и Макарова, желая выдвинуть на премьерский пост Кривошеина, как представителя правых, но опять же только временно, чтобы затем перейти к «истинно-монархическому без псевдо-конституционного оттенка самобытному русскому кабинету гр. Витте – Дурново»⁹⁷. Ходили слухи, что Коковцов был назначен лишь до 1 января⁹⁸.

В сентябре 1911 г. октябристы почувствовали благоприятную перспективу для своей партии. Сразу после известия о покушении на Столыпина «Голос Москвы», сообщая об отношении петербургского совета партии к покушению и безусловно его осуждая, не удержался от упоминания о «разногласиях и противоречиях по частным вопросам в законодательной области и в некоторых других случаях»⁹⁹. Однако смерть премьера позволяла сделать из него знамя октябризма в борьбе на два фронта – с правой «реакцией» и кадетской «революцией». После смерти премьера газета уже осуждала всякую оппозицию и утверждала: «Общество, как сумма отдельных лиц, никогда не будет удовлетворено своим правительством». Для октябристов устранение Столыпина означало шанс на восстановление отношений с правительством и, одновременно, возможность избавиться от левых конкурентов: «Наступила пора для граждан стряхнуть с себя апатию и

---

⁹⁶ Голос Москвы, 25 сентября 1911 г. Затем появились сведения о финансовых разногласиях партнеров, в результате которых газета могла не выйти (Там же. 13 октября 1911 г.).

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 307а. Лл. 122. 28 сентября.

⁹⁸ Там же. Оп. 265. Д. 508. Л. 5. В.И. Вернадский – С.А. Чаплыгину, 4 октября 1911 г.

⁹⁹ Голос Москвы, 3 сентября 1911 г.

мертвящее безразличие и вступить в борьбу с <...> оппозицией и рождаемой ею революцией. <...> Будущее полно тревог и загадок. Только дружные и открытые выступления всех людей порядка и свободы могут спасти Россию от той гибели, которую готовят ей левые политические партии»¹⁰⁰. В противодействии Столыпину Гучков обвинял «бывших людей» во главе с Дурново и Витте, Союз русского народа и Объединенное дворянство. Оправдывая Столыпина, Гучков указывал, что мартовская мера была вызвана «волею свыше» и что «разрыв» с октябристами стал для Столыпина «тяжким ударом»¹⁰¹. На торжественном заседании ЦК 17 октября К.Э. Линдеман характеризовал скончавшегося премьера «как верного слугу Царя, единомышленника октябристов по убеждениям и государственного деятеля, неуклонно проводившего в жизнь великий манифест 17-го октября»¹⁰². «Голос Москвы» называл Столыпина первым министром, опиравшемся на общество, на его национально-либеральный центр, и прогнозировал, что курс не изменится, поскольку альтернативы ему не было¹⁰³. На заседании 17 октября А.И. Звегинцев утверждал: «Самая смерть П.А. Столыпина не могла изменить общей государственной политики, ибо она находила поддержку в большинстве Г. Думы». Даже возможное вовлечение России в войну было не страшно, поскольку, как отмечал один из авторитетных октябристов, наличие парламента действовало на страну «успокаивающе»¹⁰⁴.

Став премьером, Коковцов действительно попытался сделать жест благоволения в сторону либералов. По свидетельству И.В. Гессена, премьер попытался организовать «свою» газету, за чем и обратился к председателю правления Учетно-Ссудного банка Я.И. Утину. Предполагалось, что редактором газеты станет П.Б. Струве, который на это согласился. В качестве своих помощников он подобрал А.С. Изгоева (тот даже готов был уйти из

---

¹⁰⁰ Там же. 7 сентября 1911 г.

¹⁰¹ Там же. 16 сентября 1911 г. Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 334–335.

¹⁰² Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 343.

¹⁰³ Голос Москвы, 13 сентября 1911 г.

¹⁰⁴ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 344.

«Речи»), В.А. Маклакова, М.А. Стаховича и Н.Н. Львова¹⁰⁵. Кроме того, Утин решил сделать товарищем председателя правления банка Гучкова (как отмечал сам Гучков: «в виду моей силы и моего положения»)¹⁰⁶. Только после того как новый министр Макаров указал Коковцову на прежнюю деятельность Струве, бывшего в 1902–1905 гг. редактором радикального и запрещенного в России журнала «Освобождение», премьер вынужден был отказаться от своего плана¹⁰⁷.

Несмотря на это, Гучков очень рассчитывал на сговор с новым премьером. 16 октября на заседании ЦК он «обрисовал трудность переживаемого времени для всех трех факторов законодательной работы, т.е. Г. Думы, Г. Совета и правительства, полное взаимодействие коих необходимо для творческой работы на благо государства»¹⁰⁸. Однако первая аудиенция у Коковцова Гучкову не понравилась, а Осведомительное бюро сообщило о ее факте, что означало, что Коковцов не пожелал видеть Гучкова своим «тайным советником»¹⁰⁹. В октябристской среде даже опасались резкого смещения Коковцова влево: «Будет ли Гучков и его штаб сочувствовать Коковцову – неважно, а важно, чтобы левое крыло Государственной думы не выразило явного сочувствия новому председателю Совета министров». Хомяков предполагал, что под влиянием левых премьер мог «запутать» в Думе октябристские законопроекты¹¹⁰. Но Гучков все же был полон оптимизма: «Коковцов мало чувствует ко мне расположения, но тоже считается со мной и ни в какой поход на меня не пойдет»¹¹¹. Он был уверен в возможности партии взять инициативу и усилить свое положение. Кроме того, после смерти Столыпина Гучков вполне мог считать себя единственным героем первого плана на российской политической сцене. По поводу перспектив блокирования с националистами Гучков отмечал:

---

¹⁰⁵ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // АРР. Т. 22. Берлин, 1937. С. 253.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 517. Л. 100. А.И. Гучков – Ф.И. Гучкову, 9 октября 1911 г.

¹⁰⁷ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // АРР. Т. 22. Берлин, 1937. С. 253.

¹⁰⁸ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 342.

¹⁰⁹ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 87.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 3. Н.А. Хомяков – В.В. Жуковскому, 4 октября 1911 г.

¹¹¹ Там же. Д. 517. Л. 100. А.И. Гучков – Ф.И. Гучкову, 9 октября 1911 г.

«Национальные идеалы обеих партий близки. Октябристы попутчики с националистами, но только до некоторых станций, а дорога еще дальняя»¹¹². Один из октябристов, причастных к предвыборной кампании, говорил Глинке: «Подождите, и в эту избирательную кампанию мы выдадим такие векселя, которых они, конечно, никогда оплатить не смогут»¹¹³.

Выстраивая отношения с премьером, октябристы начали политические торги с националистами. 7 октября В.А. Бобринский дал интервью «Новому времени», в котором отмежевался от письма Тихомирова Столыпину и назвал октябристов союзниками националистов, поскольку обе партии считали приоритетом русские национальные интересы и собирались отстаивать их в Думе¹¹⁴. Кроме октябристов, националисты надеялись и на союз с правыми, кроме «изуверов» вроде Маркова и Пуришкевича¹¹⁵. 17 октября состоялось совместное празднование годовщины Манифеста октябристами и националистами. Октябристы пригласили Балашова, Бобринского, Крупенского на банкет в Клуб общественных деятелей. Балашов поднял тост за Гучкова: «Цели наши близки и если пути не тождественны, то во всяком случае параллельны. <...> Я бы хотел верить, что, вопреки математическому правилу, эти параллельные линии встретятся и пойдут по одному пути». Бобринский поднял тост за прибалтийских немцев, которые «лояльно и честно» служат царю, и заявил, что «не Россия для русских, а русские для России»¹¹⁶. «Голос Москвы» писал о переполохе среди кадетов по поводу сближения обеих партий и называл его неслучайным¹¹⁷. Националисты были ободрены: «Настроение Питера определить довольно трудно, хотя оно несомненно более кадетствующее.

---

¹¹² Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 335.

¹¹³ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 87–88.

¹¹⁴ Новое время, 7 октября 1911 г.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 510. Л. 83. П.В. Могилевская (со ссылкой на А.И. Савенко) – Д.И. Пихно, 22 октября 1911 г.

¹¹⁶ Новое время, 18 октября 1911 г.

¹¹⁷ Голос Москвы, 25 октября 1911 г.

Камертон ожидается из Государственной думы, а в ней крепнет националистическое направление»¹¹⁸.

«Речь» продолжала теряться в догадках по поводу курса Коковцова: «Пытаться исчерпать политику великого государства одним лозунгом – *enrichissez-vous* [Обогащайтесь! (франц.)] – значило бы впасть в новый вид утопии»¹¹⁹. Следовательно, и октябристы никак не могли определить свой курс и, как отмечали кадеты, играли «комедию ошибок»¹²⁰. «Русские ведомости» с горьким злорадством писали: «В будущем правовом русском государстве может быть место для консервативной конституционной партии, но не может быть места для октябризма. Октябристы – это герои мрака и безвременья, они должны сойти со сцены с наступлением утра. Очистка политической арены от «разлагающегося трупа» будет первым признаком этого утра»¹²¹. Однако, по мнению кадетов, Коковцов не считался сторонником национализма, поэтому октябристы могли рассчитывать на восстановление влияния¹²². «Речь» признавала: «Давно они уже вышли совсем из игры, перестали служить ставкой, давно они сами смотрят на себя, как на живой труп. <...> Пусть к концу жизни Столыпина они уже были дитя нелюбимое, но Столыпин умер без завещания, и они вправе наравне с другими его созданиями предъявить права на оставшееся наследство»¹²³. Кадеты прогнозировали слияние октябристов и националистов в одну – «национально-конституционную» – партию¹²⁴.

Международная ситуация осенью 1911 г. стала резко ухудшаться. 17 сентября Италия объявила войну Османской империи, что вызвало обострение ситуации вокруг Проливов, и эта новость не могла не затмить

---

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 59. В.Н. Проценко – В.И. Ивановой, 11 октября 1911 г.

¹¹⁹ Речь, 13 октября 1911 г.

¹²⁰ Там же. 15 октября 1911 г.

¹²¹ Русские ведомости, 27 октября 1911 г.

¹²² III Государственная дума. Фракция Народной Свободы в период 15 октября 1911 года – 9 июня 1912 года. Ч. I. Отчет фракции. СПб., 1912. С. 3–7.

¹²³ Речь, 5 октября 1911 г.

¹²⁴ Русские ведомости, 16 сентября 1911 г.

перестановки в правительстве¹²⁵. Одновременно разразилась революция в Китае, что было чревато втягиванием России в китайские дела. Предвыборная сессия также должна была принять боевой характер. Октябристы шли на последнюю сессию III Государственной думы для поднятия собственного престижа в глазах избирателей и установления более тесных связей с правительством – тогда эта двойная задача казалась им вполне выполнимой. Сессия открылась 15 октября с панихиды по почившему премьеру, на 40-ой день его смерти. Родзянко произнес речь о верности Столыпина представительному строю¹²⁶. Затем были оглашены три запроса о событиях 1 сентября. Октябристы и националисты потребовали расследования преступления должностных лиц. Социал-демократы обвинили власть в применении практики провокации, частным следствием которой и стало данное событие. Гучков в своей речи осудил террор и, одновременно, прозрачно обвинил полицию в убийстве. Октябристы проголосовали за спешность всех трех запросов, чтобы, по словам Гучкова, внести «известную новую ноту в обсуждаемый предмет». Против голосовали правые и кадеты¹²⁷. «Новое время» посчитало, что «сильная и смелая» речь Гучкова «была самым серьезным моментом заседания», впоследствии резко раскритиковав выступление Макарова по тому же вопросу¹²⁸.

Но столь изощренное лавирование не было под силу даже Гучкову. 17 октября накал возрос, и кадеты стали перехватывать инициативу. Прошел кадетский запрос о правительственных мерах по оказанию помощи голодающим губерниям. Затем был вынесен на обсуждение кадетский запрос о продлении действия Положения 1881 г. об усиленной охране. Тесленко по поводу запроса заявил: «Не забывают, что такой порядок действий стоил трона двум государям: английскому и французскому». Последовало исключение на 15 заседаний – 144 голосами против 108. Сам запрос был

---

¹²⁵ Напр.: Голос Москвы, 18 сентября 1911 г.

¹²⁶ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. I. СПб., 1911. Стб. 1–4.

¹²⁷ Там же. Стб. 25–69; Ответственность должностных лиц // Новое время, 16 ноября 1911 г.

¹²⁸ Новое время, 16 октября 1911 г.; 17 ноября 1911 г.

принят в результате поименного голосования: за – 168, против – 123. Октябристы разделились, большинство поддержало кадетов. 13 депутатов воздержалось, включая Шубинского и Савича. Заявлялась спешность¹²⁹. 24 октября 135 голосами против 119 была принята спешность запроса об исключении слушательниц С.-Петербургского женского медицинского института. Марков предупреждал октябристов о том, что они провоцировали студенческие бунты¹³⁰. Ситуация уже выходила из-под контроля. Крупенский писал националисту А.И. Савенко о необходимости создать октябристско-националистический блок и вместе выступить против левых: «Надо во что бы то ни стало, чтобы крайняя правая это поняла и не портила бы, губя центр»¹³¹. Однако проблема, кажется, заключалась уже в самом «центре» и его единстве.

Первой темой выступления Коковцова как премьера в Думе стало страховое законодательство. Речь Коковцова в защиту страховых законопроектов была названа «Новым временем» «истинно-государственной»¹³². «Речь» отметила, что тема первого выступления Коковцова в Думе как премьера была избрана «очень искусно»: Коковцов обвинял депутатов в нежелании отстаивать права рабочего класса¹³³. Между тем, премьер хранил молчание по поводу неформальных контактов с фракциями. Коковцов принял Крупенского и, как и ожидалось, «не сказал собственно ничего определенного»¹³⁴. В Думе уже считали, что Коковцов, вопреки ожиданиям, решил ориентироваться не на Балашова и Гучкова, а на левых октябристов Хомякова¹³⁵. Поведение Коковцова и шатание октябристов портило настроение Александра Ивановича. Очевидец сообщал:

---

¹²⁹ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. I. СПб., 1911. Стб. 125, 147–155.

¹³⁰ Там же. Стб. 506–517.

¹³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 510. Л. 90. П.Н. Крупенский – А.И. Савенко, 23 октября 1911 г.

¹³² Новое время, 21 апреля 1912 г.

¹³³ Речь, 25 октября 1911 г.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 510. Л. 91. Е.П. Ковалевский – А.И. Савенко, 23 октября 1911 г.

¹³⁵ Там же. Оп. 241. 1911. Д. 307а. Лл. 45–46. 20 октября 1911 г.

«Вчера видел Гучкова – настроение у него среднее; в министры он не пойдет, как и никто, кроме чиновников; больших дел впереди он не ждет»¹³⁶.

Положение октябристов было поправлено финляндским законодательством. 28 октября обсуждался правительственный законопроект о замене воинской повинности для финляндских граждан на возмещение от финляндской казны. Коковцов выступил с вполне националистической речью. Она вызвала восторг правых и всего думского центра. «Голос Москвы» написал: «Является уверенность в продолжении национальной политики Столыпина». Октябрист Капустин считал, что речь была «очень определена». Гучков посчитал речь «прекрасной». Он прямо заявил: «За последнее время чувствовалось некоторое расхождение между центром Г. Думы и правительством. Теперь открывается полная возможность совместной работы»¹³⁷. В интервью «Новому времени» Гучков торжествовал по поводу воссоздания думского центра и заявлял: «Теперь спокойно можно продолжить уже начатую национальную работу»¹³⁸. Октябрист Клюжев записал в дневник: «Коковцов говорил прекрасно – произвел на октябристов и особенно на националистов и все правое крыло крайне большое впечатление»¹³⁹. «Новое время» хвалило речь и выражало радость по поводу объединения октябристов, националистов и правых¹⁴⁰. Кадеты были разочарованы. Историк-профессор университета Св. Владимира (Киевского) И.В. Лучицкий признавался: «Увы, разрушены иллюзии!»¹⁴¹. «Речь» впервые отметила прояснение правительственного курса – сохранялся столыпинский¹⁴². Однако поляки, напротив, неожиданно продемонстрировали умеренность. И.С. Гарусевич реагировал осторожно: «Маска по-прежнему осталась на лице В.Н. Коковцова. Я все еще не знаю,

---

¹³⁶ Там же. Оп. 265. Д. 510. Л. 89. М.С. Киселев – Л.В. Дашкевичу, 22 октября 1911 г.

¹³⁷ Голос Москвы, 29 октября 1911 г.

¹³⁸ Новое время, 29 октября 1911 г.

¹³⁹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 9. Л. 5об.

¹⁴⁰ Новое время, 29 октября 1911 г.

¹⁴¹ Голос Москвы, 29 октября 1911 г.

¹⁴² Речь, 31 октября 1911 г.

что он такое»¹⁴³. Сам Коковцов написал монарху, что был «крупный успех», «досужие измышления мелких политиканов разом улеглись», и, послав ему текст речи, просил сообщить свое мнение¹⁴⁴. Голосами националистов и октябристов против кадетов законопроект сразу прошел в двух чтениях. В тот же день прошел внесенный октябристами законопроект об уравнивании русских подданных с финляндскими гражданами на территории Великого княжества. 5 декабря оба законопроекта были приняты в III чтении¹⁴⁵.

2 ноября Коковцов выступил по запросу о голоде в ряде губерний и получил поддержку октябристов и правого крыла¹⁴⁶. Кадетское настроение совсем упало: «В Государственной думе с голодом ужасно; может сделаться нехорошо, читая сообщения о заседаниях, а если быть там, легко дойти до того, что вон готов бросить чем-нибудь в октябристов»¹⁴⁷. На самого Коковцова единение правительства и Думы по вопросам Финляндии и голода произвело «чрезвычайно благоприятное впечатление»; премьер надеялся на благоприятное решение вопроса с церковно-приходскими школами¹⁴⁸. Осталось довольным и все правое крыло Думы: «Теперь можно работать, нет того гнета самомнящего деспота, каким был С[толыпин]. Теперь стало свободно и спокойно, ибо «нажима на закон» не будет. Мне Коковцов неизмеримо ближе по сердцу, чем Столыпин»¹⁴⁹. Правый депутат Г.Г. Замысловский информировал Тихомирова: «Политические дела идут совсем недурно. С правительством налаживаются хорошие отношения. Октябристы правеют»¹⁵⁰. Крупенский признавался: «Свиданием с Макаровым я остался вполне доволен. Конечно, об обаянии и авторитете П.А. Столыпина и речи быть не может, но человек он выдержанный, спокойный, здравомыслящий и очень любезный и внимательный. Цену <...> Пуришкевичам <...> он хорошо

¹⁴³ Голос Москвы, 29 октября 1911 г.

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 691. Семенников В.П. Оп. 1. Д. 11. Лл. 19–21. 29 октября 1911 г.

¹⁴⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. I. СПб., 1911. Стб. 690–776.

¹⁴⁶ Там же. Стб. 1103–1142.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 513. Л. 7. «Р.Ч.» – М.В. Челнокову, 14 ноября 1911 г.

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 11. Лл. 22–27. 14 ноября 1911 г.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 511. Л. 78. А.С. Вязигин – Т.И. Вязигиной, 2 ноября 1911 г.

¹⁵⁰ Там же. Д. 512. Л. 35. Г.Г. Замысловский – Л.А. Тихомирову, 8 ноября 1911 г.

знает, и в этом отношении я могу быть вполне спокойным. С Коковцовым мне придется иметь мало дела, но и с его стороны я обеспечен»¹⁵¹.

Однако то, что националисты могли рассматривать как свою стратегию, для октябристов являлось лишь тактическим приемом. Повернув направо, они неизбежно далее должны были вывернуть влево. Если национальный вопрос обеспечивал первый маневр, то вопрос охраны и провокации – второй. Гучков полагал, что правительство решило затушевать вопрос о провокации: «Кажется, правительство собралось все ликвидировать домашними мерами, без суда. <...> На душе не спокойно. Какая гниль завелась в правительстве после смерти П.А.!»¹⁵² 16 ноября по запросам о событиях 1 сентября выступил Макаров. Министр осудил практику провокации и объявил об организации ревизии сенатора М.И. Трусевича¹⁵³. Как вспоминал Джунковский, Макаров «говорил о мелочах, <...> не говоря о виновниках, <...> слабым, неавторитетным голосом, ничего нового в речи своей не сказал», поэтому речь «сочли слабой по существу, простой отпиской»¹⁵⁴. В ответ Гучков заявил о необходимости установить новый принцип расследования и наказания должностных преступлений: вместо увольнения с пенсией – «беспощадная <...> судебная расправа с виновными <...> коренная чистка личного состава, полная реорганизация всей постановки политической полиции» с ее подчинением гражданским властям и прокуратуре. Правые выступили против, но националисты поддержали Гучкова¹⁵⁵.

А уже 18 ноября октябристы не пошли на обсуждение социал-демократического запроса о фракции во II Думе в открытом заседании. В знак протеста все левые (включая кадетов) покинули зал. Милюков перед уходом назвал это «самым преступным покушением на русскую

---

¹⁵¹ Там же. Д. 513. Л. 75. П.Н. Крупенский – члену варшавской судебной палаты К.П. Шумскому, 19 ноября 1911 г.

¹⁵² Там же. Ф. 555. Оп. 1. 670. ч. 2. Л. 128–128об. 15 ноября.

¹⁵³ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. I. СПб., 1911. Стб. 2056–2064.

¹⁵⁴ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 614–615.

¹⁵⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. I. СПб., 1911. Стб. 2064–2069.

конституцию»¹⁵⁶. Премьер отреагировал спокойно. 30 ноября Дума закончила обсуждение вопроса: октябристская формула была принята 141 голосом против 101, прогрессистская формула с выражением убежденности в неспособности власти реорганизовать полицию получила лишь поддержку кадетов¹⁵⁷. 18, 19 и 22 ноября Дума также рассмотрела в 2-х чтениях правительственный законопроект о должностных преступлениях. Докладчик октябрист Н.И. Антонов поддержал принципы, сформулированные Щегловитовым: предполагалось вернуть прокурорам право надзора по несудебным делам и рассматривать должностные преступления в суде присяжных. В.А. Маклаков требовал передать прокурорам и право возбуждения и расследования дел, то есть отказа от принципа административной гарантии. М.С. Аджемов также настаивал на праве Думы предавать суду министров. Однако все кадетские поправки были отмечены¹⁵⁸.

23 ноября Дума начала рассмотрение правительственного законопроекта о городском управлении в Царстве Польском. Комиссия по городским делам под председательством октябриста Э.П. Беннигсена рассматривала законопроект с 9 февраля, докладчиком выступал националист П.В. Синадино. В 116 городах Царства Польского поляки составляли около 50 % населения, евреи – около 40 (в 74 городах – большинство, до 70 %), русские – 4 %. Вводились три национальные курии: евреи (все, родившиеся в иудаизме) имели право избрать от 10 до 20 % гласных, русские (если их было не менее 5 человек) получали 1 гласного. Имущественный ценз был установлен крайне низким, к выборам привлекалась даже значительная часть квартирантов. Комиссия поддержала правительственный отказ от надзора за целесообразностью. Она также сохраняла 3 курии, однако исключался принцип причисления к еврейской курии всех избирателей, рожденных в иудаизме и перешедших в иные

---

¹⁵⁶ III Государственная дума. Фракция Народной Свободы в период 15 октября 1911 года – 9 июня 1912 года. Ч. I. Отчет фракции. СПб., 1912. С. 8–9.

¹⁵⁷ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. I. СПб., 1911. Стб. 3005–3006.

¹⁵⁸ Там же. Стб. 2095–2161, 2229–2232, 2296–2297.

исповедания. Был также расширен круг избирателей (включены все владельцы недвижимости и квартиросъемщики, платящие городские налоги), а также определено, что все не подлежащие ревизии центральной власти бумаги могут составляться на польском языке (правительственный законопроект также допускал прения на польском языке)¹⁵⁹. Несмотря на окраинную специфику, сам принцип в будущем мог иметь значение для всей России. «Новое время» отмечало, что законопроект помогал русскому меньшинству «встать на ноги», и «большого от закона требовать нельзя». Далее следовал очень показательный вывод: «При известной сплоченности всех инородческих групп и при российском равнодушии к общественным интересам постановления закона, направленные к обеспечению за господствующей национальностью подобающего ей преобладания в городском самоуправлении, легко могут быть сведены к нулю. Русское население Польши должно, наконец, понять, что без собственной самостоятельности его не спасут никакие меры правительства»¹⁶⁰.

Несмотря на внешние признаки расположения, премьер не пошел на стратегическое сотрудничество с парламентским большинством. Не было принято и сформулированное Кривошеиным в его письме премьеру предложение о реформе избирательного закона: главноуправляющий предлагал по соглашению с палатами изменить порядок формирования Думы и ввести в ее отношении принцип поэтапной ротации по аналогии с Государственным советом¹⁶¹. Хотя такое предложение было направлено на стабилизацию парламентского центра, Коковцов не собирался таким образом усиливать влияние октябристов и националистов. В свою очередь, Гучков, несмотря на личное разочарование в Коковцове, еще сохранял веру в свою способность влиять на него. 20 ноября состоялось совещание премьера с членами Государственного совета и Думы (от правых до октябристов) по

---

¹⁵⁹ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III Государственная дума. IV сессия. СПб., 1911. С. 317–325; Законотворчество думских фракций... С. 146; Новое время, 18 января 1912 г.

¹⁶⁰ Новое время, 18 января 1912 г.

¹⁶¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 34. Л. 197–200. Цит. по: Лукьянов И.В. У истоков российского парламентаризма: историко-документальное издание. СПб., 2003. С. 287.

вопросу о принятии законопроекта о всеобщем начальном обучении¹⁶². Однако уже 22 ноября Мещерский прислал Гучкову номер «Гражданина». «Эту перчатку в тоне этого старого плута ставят в связь с некоторыми новыми течениями, или сперва ожиданием новых течений в Ливадии», – писал Гучков жене¹⁶³. 1 декабря Коковцов отправился в Ливадию – якобы, по вопросу октябристской формулы об охране и по составу Государственного совета на 1912 г.¹⁶⁴

Как показали последующие события, опасения Гучкова не оправдались. 7 декабря октябристы инициировали законодательное предположение о выделении городов в особые земские единицы. Коковцов направил его Макарову, который согласился приняться за разработку, но не «связывать себя предрешением основных его начал» в силу больших технических трудностей (в 1907–1908 гг. МВД по инициативе городских дум уже прорабатывало этот вопрос). 17 января 1912 г. Совет министров поддержал Макарова¹⁶⁵. 22 декабря правительством также был рассмотрен законопроект об устройстве земско-городского кредита¹⁶⁶. Кадетские поправки были отвергнуты¹⁶⁷. Вместе с тем, 10 декабря Коковцов своим циркуляром напомнил министрам, что Дума не вправе требовать от ведомств материалы для подготовки законопроектов, если сами ведомства берутся за их подготовку¹⁶⁸. В.С. Дякин расценил этот шаг Коковцова как проявление враждебности по отношению к Думе¹⁶⁹, однако в это время премьер был настроен совсем иначе; причина, скорее, крылась в попытке Коковцова

---

¹⁶² Голос Москвы, 20 ноября 1911 г.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. 670. ч. 2. Л. 131–131об.

¹⁶⁴ Голос Москвы, 2 декабря 1911 г.

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 44. Л. 1–4.

¹⁶⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1911 год. М., 2002. С. 495–506. Коковцов, ставший к этому времени премьером, добился ограничения суммы кредита до 100 млн. руб. (совокупный годовой бюджет земских и городских самоуправлений составлял 379,3 млн. руб. при существовавшей задолженности в 528 млн. руб.).

¹⁶⁷ Речь, 15 марта 1912 г.

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 2. Лл. 5–6.

¹⁶⁹ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 29.

ограничить предвыборную лихорадку парламентариев. В целом, октябристы могли быть им довольны.

Готовясь к выборам, «Голос Москвы» напоминал избирателям, что Думой в прошедшую сессию была «сделана огромная работа»: в интересах народа проведено рабочее страхование и положение о воинской повинности, в интересах поляков – городское управление в Царстве Польском¹⁷⁰. Все неудачи парламента списывались за счет радикалов-оппозиционеров. Шидловский жаловался: «Ораторы пользуются высокой кафедрой Госуд. Думы для партийных целей, повышая общее настроение, возбуждая страсти, а пресса, в свою очередь, травит и без того изнервничавшихся людей»¹⁷¹. Разумеется, под последними понимались октябристы. Партия ориентировалась на вероятный предвыборный союз с националистами, поскольку они разделяли конституционалистские взгляды октябристов, но отменяли перспективу соглашения с кадетами. Целью выступало «твердое, сплоченное большинство» в грядущей Думе¹⁷². Линдеман по поводу заседания ЦК по национальному вопросу, на котором присутствовали в полном составе члены Совета московского отдела Союза националистов, которые отмечали близость программ и желали голосовать за октябристов и, в том числе, Гучкова, писал: «Моя давнишняя политическая мечта осуществляется!»¹⁷³

Проблемы октябристов вне Думы были более серьезными. 13 декабря Линдеман предупреждал Гучкова о необходимости прекратить кампанию против русско-американского договора 1832 г., поскольку это вызывало резкое неприятие московских торгово-промышленников, в том числе и октябристов (Г.А. Крестовникова), которые угрожали провалом Гучкова на

---

¹⁷⁰ Голос Москвы, 15 декабря 1911 г.

¹⁷¹ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 351. Заседание ЦК 11 декабря 1911 г.

¹⁷² Громобой [Бобрищев-Пушкин А.В.]. Из предвыборных размышлений // Голос Москвы, 5 января 1912 г.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 958. Л. 9–9об. 2 декабря.

выборах¹⁷⁴. Н.С. Авдаков писал Гучкову о «травле» в общественных и правительственных кругах, развернутой против Гучкова из-за договора, но дружески предлагал отказаться от кампании по его отмене¹⁷⁵. Позиция по русско-американскому договору, нежелание снизить налог на городскую недвижимость с 6 до 4 %, принятие закона о налоге на служащих ставили, как отмечал Линдеман, «очень большой вопросительный знак» на выборных перспективах октябристов¹⁷⁶. Сходное настроение испытывал и Ф.И. Гучков: «Боюсь, что вопрос о дальнейшем существовании Голоса Москвы будет решен отрицательно», поскольку у Крестовникова «накопилось достаточно горести и против октябристов, которые не хотят быть его послушным орудием», Кноп уходит в «Утро России», а отказ торгово-промышленников от финансирования газеты будет «окончательным разрывом» их с партией¹⁷⁷.

Между тем, дела других партий были еще более печальными. Кадеты ясно осознавали свою изолированность в Думе. В сентябре 1911 г. они провалились на выборах в петербургскую городскую думу¹⁷⁸. На освободившееся место в Думе по I курии Петербурга вместо умершего октябриста С.П. Беляева прошел октябрист А.Я. Прозоров, кадетский кандидат Л.Ф. Пантелеев провалился¹⁷⁹. «Русские ведомости» отмечали мощный накал кампании со стороны «октябристской и вообще реакционной» печати, в том числе и «России», обрушившейся на кадетов. Критике подвергалась кадетская политизация, тогда как деловой настрой Прозорова восхвалялся. Кадетская печать комментировала: «В немногих словах официоз тут выразил всю суть отношения бюрократии к Думе: из нее должна быть изгнана политика, и вместо политических деятелей в ней должны заседать обыватели, которые будут заниматься «делом», то есть <...> покорно одобрять все предположения правительства»¹⁸⁰. Кокошкин

---

¹⁷⁴ Там же. Л. 13–17.

¹⁷⁵ Там же. Д. 703. Л. 1–2. 22 декабря 1911 г.

¹⁷⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 516. Л. 38. К.Э. Линдеман – П.В. Каменскому, 15 декабря 1911 г.

¹⁷⁷ Там же. Д. 517. Л. 3. Ф.И. Гучков – А.И. Гучкову, 20 декабря 1911 г.

¹⁷⁸ Новое время, 11 октября 1911 г.

¹⁷⁹ Речь, 9 октября 1911 г.

¹⁸⁰ Русские ведомости, 5 октября 1911 г.

сокрушался, что замечается «отсутствие всякой деятельности» фракции¹⁸¹. В такой неблагоприятной обстановке Н.Н. Щепкин, ссылаясь на мнение всего Московского отдела ЦК, считал момент удачным для критики полицейского законопроекта в Думе: «Ораторам оппозиции это дает лишний раз развернуть знамя, водруженной первой Думой, ее ответом на тронную речь»¹⁸². Ничего другого не оставалось...

Первые кадетские оценки политического расклада в IV Думе и, соответственно, возможностей блокирования с теми или иными силами были связаны с началом подготовки кадетской избирательной кампании в конце 1911 г. К этому времени для кадетов стал очевиден политический курс В.Н. Коковцова, состоявший, по их мнению, в продолжении столыпинской политики с опорой на правоцентристское большинство Думы. Слабые надежды на полевение части октябристов в подобной ситуации окончательно развеивались. Но даже в ситуации действительного полевения октябристов соглашение с ними было для кадетов нежелательно, поскольку резко ослабляло партийные позиции в предвыборной полемике с социалистами, открывало дорогу для жесточайшей критики кадетов в среде интеллигенции и могло только снизить результаты на выборах. «Всякое обращение к октябристам в данную минуту подрезало бы к.-д. идейно», – отмечал даже такой правый кадет, как А.С. Изгоев, и получал поддержку у П.Н. Милюкова¹⁸³. 8 ноября на заседании кадетской фракции после бурного заседания все представители правого крыла (во главе с Маклаковым) на выборах руководства фракции по предложению Милюкова были забаллотированы¹⁸⁴.

Кадетское руководство уже не рассчитывало на значительное усиление своих позиций в новом составе парламента. В это время П.Н. Милюков даже признавал, что «к.-д., наверное, явятся в Думу в сильно уменьшенном

---

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 36. Ф.Ф. Кокошкин – И.И. Петрункевичу, 9 октября 1911 г.

¹⁸² Там же. Л. 20. Н.Н. Щепкин – А.И. Шингареву, 7 октября 1911 г.

¹⁸³ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 85. См. также: ГА РФ. Ф.102. 1912. Д. 307а. Лл. 4–5об.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 307а. Лл. 55–56.

числе»¹⁸⁵. На партийной конференции кадетские лидеры даже заранее начали готовить местных представителей к поражению на выборах. «Если нашей партии удастся придать определенную политическую физиономию прогрессистам, резко отделить их от остатков октябризма и нарождающегося национализма и провести в большом количестве в IV-ю Думу, это было бы огромной победой нашей партии, несмотря на то, что она чистых кадетов проведет немного», – заявлял в официальном докладе на ноябрьской конференции 1911 г. кн. Павел Долгоруков¹⁸⁶. Объединение планировалось на почве трех пунктов: гарантии прав личности, развития земского самоуправления и достижения равноправия национальностей. «Отмена исключительных законов, <...> демократизация земского избирательного права и введение волостного земства» мыслились как наиболее значимые конкретные шаги в данной сфере¹⁸⁷.

Кадеты не верили в прочность блока октябристов и националистов, предчувствовали провал октябристов на выборах¹⁸⁸. Перспектива победы националистов и правых при поддержке правительства воспринималась как наиболее вероятная¹⁸⁹. 9 октября Колюбакин предполагал, что 300 правых в новой Думе могут подписать адрес о восстановлении старого строя или преобразовании Думы в законосовещательную¹⁹⁰. Милюков считал, что правое большинство – «факт, уже свершившийся сейчас» и ему «к.-д. помешать не могут». Изгоев сетовал, что октябристская печать продолжала сосредотачивать критику на кадетях, «несмотря на опасность справа»¹⁹¹. Рождественский номер «Речи» вышел с совершенно траурным настроением: «Большая и глубокая вражда разъедает нашу жизнь. Звучит победная песнь – «слава в вышних Богу и на земле мир и в человецех благоволение». Звучит и в мире находит жестокий и грубый отклик. Мир творит свое земное дело. И

---

¹⁸⁵ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 33.

¹⁸⁶ Съезды и конференции... Т. 2. С. 367.

¹⁸⁷ Там же. С. 347.

¹⁸⁸ Там же. С. 354–355.

¹⁸⁹ Там же. С. 367.

¹⁹⁰ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 83.

¹⁹¹ Там же. С. 84–85.

перед политикой мира сего должны склониться и даже рассеяться в прах все идеалы и заветы Христа и все чаяния и упования чистой веры. И праздник всех обращается в лицемерие, покрывающее трауром радость и доброту. <...> Как далеки мы от Христа...»¹⁹²

Итак, выбор нового председателя Совета министров сам по себе оказался крайне показательным: это был не правый (например, Щегловитов стал бы хорошей компромиссной фигурой между правительством и Дурново), а «деловой» премьер. «Примирение» Коковцова было попыткой перейти от «контрреволюции» к «спокойному развитию»¹⁹³. Однако воли и возможностей для резкого поворота у премьера не оказалось, и на практике в первые месяцы своего премьерства ему пришлось осуществлять прежнюю столыпинскую политику. Такое положение вещей в целом устраивало правый центр Думы, но наряду с этим октябристы пытались предпринять популистские шаги с целью поднятия своего рейтинга. Такая непростая линия Гучкова вызвала шатания во фракции. По сути, и Коковцов, и Гучков пытались повернуть ситуацию к началу третьеиюньского периода. Между тем, сторонников такого поворота не оказалось ни в правительственном, ни в думском стане.

3.2. Предвыборные стратегии: октябристы уходят в оппозицию

На рубеже 1911–1912 гг. предвыборные стратегии партий должны были определиться окончательно. Еще в октябре «Голос Москвы» признавал, что расклад сил в Государственном совете делал судьбу думского законодательства безнадежной¹⁹⁴. Фактически это стало настоящим советом Коковцову. Однако он был проигнорирован. 28 декабря в

---

¹⁹² Речь, 25 декабря 1911 г.

¹⁹³ Вряд ли можно согласиться с тем тезисом, что Коковцов изначально планировал правый крен правительственного курса (Дякин В.С. Ук. соч. С. 20–22).

¹⁹⁴ Голос Москвы, 22 октября 1911 г.

Государственный совет были введены 11 новых членов, в том числе Сухомлинов, Тимашев, Макаров, помощник военного министра А.А. Поливанов, член Думы А.А. Бобринский. Пятеро вступили в правую группу, прочие остались беспартийными. К Новому году Кривошеин (для политических кругов – один из основных кандидатов в премьеры как в прошлом, так и в будущем) был награжден орденом св. Владимира II степени. Его протеже П.Н. Игнатьев назначался товарищем главноуправляющего земледелием и землеустройством. Усиление позиций Кривошеина разжигало политические ожидания. «Голос Москвы» отметил, что власть «не представляет собою ничего твердого, постоянного, напротив, зыблется в зависимости от всевозможных веяний и влияний, и в этой его неопределенности главная, роковая трудность задачи общественных деятелей, работающих над обновлением родины»¹⁹⁵.

Дума открылась 10 января. Кворума не было¹⁹⁶. Проверка исполнения бюджетной росписи 1908 г. прошла быстро. Неопределенность в перспективе сказывалась на думских настроениях: «Такой мертвечины еще никогда не было. Даже кадеты, и те совершенно погрузились в апатию. Выборы на носу, а они и ими почти не занимаются»¹⁹⁷. На таком фоне усиливались малейшие слухи о кризисной ситуации в Совете министров. Сообщалось, что «Макаров очень недоволен составом губернаторов, мечтает пополнить их ряды законниками». Наверху «началась серьезная борьба»: Коковцов и «так называемая бюрократия» против Щегловитова, поддержанного «на вершине» и «в значительной части общественных кругов». К весне ожидалась перемены в составе правительства. Сенатор В.П. Носович в частном письме отмечал: «Что происходит в нашем громадном отечестве, того тут вовсе не знают, или, вернее, не интересуются. <...> 4-я Гос. Дума будет левее 3-й <...> так называемый хаос начнется еще худший»¹⁹⁸. «Новое время»

---

¹⁹⁵ Громобой [Бобрищев-Пушкин А.В.]. За год // Голос Москвы, 1 января 1912 г.

¹⁹⁶ Новое время, 11 января 1912 г.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 558. Л. 274. К.В. Аркадакский – И.Н. Игнатову, январь 1912 г.

¹⁹⁸ Там же. Д. 559. Л. 316. В.П. Носович – П.П. Башилову, 28 января 1912 г.

опровергало слухи о конфликте Коковцова с Щегловитовым, его скором уходе и замене на Макарова¹⁹⁹. Сам Макаров якобы жаловаться на переутомление («Я таю как свечка»), пошли слухи о его скорой отставке²⁰⁰. Еще одной причиной отставки Макарова называлась канцелярщина в деятельности МВД²⁰¹. Кн. Мещерский имел удовольствие отметить: «Как было атрофировано при Столыпине Министерство внутренних дел, так оно атрофировано и поныне»²⁰². На вечере у Щегловитова некий высокопоставленный чиновник Министерства юстиции услышал о неизбежности занятия Коковцовым поста министра внутренних дел с передачей Министерства финансов своему ставленнику и перемещением Макарова на Министерство юстиции²⁰³. В октябристских кругах говорили, что еще до отъезда в Ялту царь решил поменять Щегловитова на Макарова, а Макарова – на Крыжановского; Коковцов мог быть смнен на Витте «или даже Дурново»²⁰⁴. Черниговский губернатор Н.А. Маклаков писал жене, что на заседании Общества Александра III у С.Д. Шереметева «демонстративно фигурировал С.Ю. Витте и очень усердно молился». «Этакий негодяй!», – констатировал губернатор²⁰⁵. Сазонов также мог быть заменен на Витте «с титулом Канцлера», Макаров – Щегловитовым, который мог стать премьером, с оставлением Коковцова на посту министра финансов²⁰⁶. В Государственном совете распространились слухи о смене Акимова на Щегловитова²⁰⁷.

«Гражданин» демонстративно хвалил одного из претендентов на пост министра внутренних дел – Н.А. Маклакова²⁰⁸. Маклаков делился с супругой последними известиями из Петербурга: «Безак открыто говорил, что Балашов

---

¹⁹⁹ Новое время, 19 января, 27 февраля 1912 г.

²⁰⁰ Голос Москвы, 18 февраля 1912 г.

²⁰¹ Новое время, 15 марта 1912 г.

²⁰² Дневник // Гражданин. 1912. № 12. С. 15.

²⁰³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 562. Л. 686. Неустановленное лицо – Н.П. Посникову, 28 февраля 1912 г.

²⁰⁴ Там же. Д. 565. Л. 946. И. Денисевич – Н.И. Гучкову, 25 марта 1912 г.

²⁰⁵ Там же. Д. 562. Л. 671. Н.А. Маклаков – жене М.Л. Маклаковой, 27 февраля 1912 г.

²⁰⁶ Там же. Д. 565. Л. 939. «Юрий» (чиновник МИД) – А.Д. Протопопову, 24 марта 1912 г.

²⁰⁷ Утро России, 11 апреля 1912 г.

²⁰⁸ Дневник // Гражданин. 1912. № 13. С. 12–13.

и целая уйма националистов выставляют меня как кандидата в министры внутренних дел и, что если уйдет Макаров – Балашов предпримет все, чтобы выбор Государя остановился на мне. Еще приятнее то, что князь Кочубей (который теперь за министра двора) на днях за обедом в одном доме сказал, что при дворе сейчас любимый губернатор – Маклаков, и что Государь об этом постоянно говорит во всеуслышание». Макаров, как сообщал Маклаков, просился в отставку, не получил, но такая готовность уйти «обрадовали Его». Правые составили список министров, где Маклаков якобы числился «одним из излюбленных министров». Губернатор также сообщал, что его покровитель Богданович желает написать письмо царю с правдой о Распутине: «Он прямо вырос на три аршина в моих глазах»²⁰⁹. Иными словами, в обстановке политической неопределенности правые надеялись на усиление своих позиций.

Думское большинство в очередной раз начало предвыборную кампанию. Националисты критиковали премьера. 15 января «Новое время» упрекало Коковцова в послаблениях Финляндии и его кадетском взгляде на вопрос²¹⁰. Октябристы обрушились на «правое крыло» Совета министров. Была развернута кампания против Сухомлинова²¹¹. Громобой протестовал против переноса начатого в 1911 г. дела Бейлиса из Киева в провинцию²¹². Коковцов и Макаров пока воспринимались октябристами как потенциальные союзники. Сообщалось о том, что по вопросу всеобщего обучения «правые ведут упорную борьбу против В.Н. Коковцова». Опровергались слухи о массовой смене губернаторов перед выборами²¹³.

Однако в неуправляемой обстановке, отягощенной предвыборной кампанией, конфликт грозил перерасти в полномасштабную войну, и предвыборная война двенадцатого года действительно началась.

---

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 562. Л. 671. Н.А. Маклаков – жене М.Л. Маклаковой, 27 февраля 1912 г.

²¹⁰ Новое время, 15 января 1912 г.

²¹¹ Голос Москвы, 12 февраля 1912 г.

²¹² Громобой [Бобрищев-Пушкин А.В.]. Не гасите света // Голос Москвы, 27 января 1912 г.

²¹³ Голос Москвы, 27 января 1912 г.

Использован был ранее опробованный «распутинский козырь»²¹⁴. 3 января за критику Г. Распутина был выведен из состава Синода, а 17 января отправлен на покой саратовский епископ Гермоген (Долганев). 13 января «Русское слово» и 14 января «Новое время» разместили резкие материалы, не только затрагивавшие распутинскую тему, но и содержавшие резкую критику церковной иерархии²¹⁵. 24 января тиражи номеров «Голоса Москвы» и «Вечернего времени» был арестован за опубликованное в нем обращение к Синоду, написанное М.А. Новоселовым, в котором выражался протест против попустительства церковных властей в отношении адепта хлыстовства. 25 января «Голос Москвы» заявил об этой конфискации «по распоряжению из Петербурга», а Дума по инициативе октябристов выступила с запросом (единогласно, кроме 1 депутата). Гучков произнес резкую речь²¹⁶. Даже «Московские ведомости» заняли критическую позицию: «Принятие запроса, радостного для врагов существующего порядка, лицами, составляющими несомненно его защитников, показывает, что гнилая язва стала нестерпимой. <...> Дай Бог, чтобы смысл этот был понят во всей своей страшной глубине»²¹⁷. «Новое время» опубликовало речи, но без комментариев²¹⁸. Уже 29 января император потребовал от Макарова обуздать печать – и вопрос превратился в головную боль правительства. После запроса о Распутине некий министр (вероятно, Сухомлинов) передал Гучкову слова Николая II: «Гучкова мало повесить»²¹⁹. Гучков парировал: «Вожусь с Гришкой Р. От этого дела не отвяжусь. Уж очень большие гнусности раскрываются. Нежели наверху не понимают, какую опасную игру играют»²²⁰. Гучков просил добиться от Новоселова

---

²¹⁴ Проблема значения личности Г.Е. Распутина в большой политике и влияния на нее со стороны самого Распутина наиболее всесторонне, обстоятельно и подробно рассмотрена, на наш взгляд, в следующей работе: Варламов А. Ук. соч.

²¹⁵ Баян [Кольшко И.И.]. Лилипуты // Русское слово, 13 января 1912 г.; Меньшиков М. Распутица в Церкви // Новое время, 14 января 1912 г.

²¹⁶ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. II. СПб., 1912. Стб. 1013–1016.

²¹⁷ Запрос о конфискации газет // Московские ведомости, 27 января 1912 г.

²¹⁸ Новое время, 26 января 1912 г.

²¹⁹ Падение царского режима... Т. 6. С. 252.

²²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 506. Л. 32. А.И. Гучков – Ф.И. Гучкову, 8 февраля 1912 г.

антираспутинского материала для передачи императору через Родзянко²²¹. Ф. Гучков предчувствовал, что Макаров «запутается» в объяснениях при ответе на запрос об арестах газет²²².

15 февраля произошел новый арест тиража из-за статьи «Исповедь одной жертвы Распутина» об изнасиловании. На следующий день «Голос Москвы» сообщал о конфискации и отмечал: «Остается ждать отмены неписаного закона о неприкосновенности Распутинской личности»²²³. Намекалось также на связь Распутина с Витте²²⁴. Таким образом, «старец» активно «вводился» в большую политику. А Витте – «выводился». 18 февраля за статью о Распутине был арестован тираж «Речи». В номере содержалась и заметка о визите «старца» к премьеру, который «остался доволен Распутиным». В тот же день в «Новом времени» была опубликована статья Меншикова «У Григория Распутина» с пересказом его речей; тон статьи являлся холодным, описательным, речи – путанными и оборонительными²²⁵. 26 февраля вопрос о Распутине был поднят на аудиенции Родзянко. Председатель Думы получил секретное поручение о расследовании по этому делу, о чем сразу же узнала вся Дума, потом весь Петербург «и дальше». Впрочем, депутаты были уверены, что Родзянко никаких данных не соберет, а расследование будет только на руку Распутину²²⁶.

Однако в выигрыше оказались и октябристы. Тема стала крайне популярной. Даже Тихомиров записал в дневник: «В Петербурге неслыханные пучины Распутинского болота. <...> Даже во сне не могло

---

²²¹ Там же. Л. 23. А.И. Гучков – Ф.И. Гучкову, 4 февраля 1912 г.

²²² Там же. Л. 33. Ф.И. Гучков – А.И. Гучкову, 8 февраля 1912 г.

²²³ «Неприкосновенность личности» // Голос Москвы, 16 февраля 1912 г.

²²⁴ Голос Москвы, 21 февраля 1912 г. Называлось «одно безызвестное титулованное лицо». Позднее, летом 1914 г., Витте говорил чиновнику по особым поручениям при ГУЗЗ А.В. Осмоловскому о том, что существовал только один человек, способный «помочь в данное время» – Распутин: «Вы не знаете, какого большого ума этот замечательный человек. Он лучше, нежели кто, знает Россию, ее дух, настроения и исторические стремления. Он знает все каким-то чутьем, но, к сожалению, он теперь удален» (Романов А.В. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). / Сост., предисл., коммент. В.М. Осин, В.М. Хрусталева. М., 2008. С. 184). Вероятно, Витте рассчитывал, что его слова будут переданы Николаю II.

²²⁵ Новое время, 18 февраля 1912 г.

²²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 563. Л. 710. Г.А. Алексеев – А.С. Алексееву, 1 марта 1912 г.

привидеться ничего подобного»²²⁷. «Голос Москвы» распускал слухи о близкой отставке Макарова (арест тиражей якобы осуществлял не он, а Главное управление по делам печати) и смене состава Совета министров²²⁸. «Русские ведомости» писали о расколе в правительстве²²⁹. Распутинская тема (впрочем, также как и критика кадетов) присутствовали в каждом номере «Голоса Москвы». Заметки о Распутине демонстративно публиковались сразу после официальной хроники царской семьи²³⁰. Гучков о своей очередной речи 9 марта писал: «Вчера я сказал в Государственной думе то, чем болел все это время. Не судья я тому, как то вышло... Впечатление есть. Каковы будут результаты? Я ведь имел в виду одного только слушателя. Внемлет ли он? В левых кружках бешенство: я отнимаю почву из-под их ног. В правых – частью сочувствие, частью смущение. Родзянко собирается эти дни в Царское Село <...> Дай то Бог, чтобы удалось предостеречь!»²³¹ В своей речи Гучков сказал о связи Распутина с Витте. Тот, в свою очередь, отмечал, что суть речи заключалась отнюдь не в критике синодальных порядков: «Весь поход, затеянный лабазником Гучковым, метит гораздо выше. <...> Ни в первой, ни во второй Государственной думе не позволяли говорить то, что дозволили говорить Гучков по поводу сметы Святейшего Синода. Для всех, у кого ум не затемнен страстями, ясно, что речь идет не о Распутине, а о колебании монархии в России»²³². 12 марта император отбыл в Ливадию, предварительно отказавшись принять Родзянко²³³. 14 марта антираспутинская кампания достигла апогея: в «Голосе Москвы» появилась карикатура на Распутина, обнимавшего на природе некую даму, и одновременно сообщалось, то он выезжает в Крым. Стоит отметить, что сам Коковцов, подыгрывая антираспутинской кампании, делился с членами

---

²²⁷ Там же. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 102.

²²⁸ Голос Москвы, 14, 15 марта 1912 г.

²²⁹ Около Думы // Русские ведомости, 16 марта 1912 г.

²³⁰ Напр.: Голос Москвы, 23 марта 1912 г.

²³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 563. Л. 720. А.И. Гучков – Ф.И. Гучкову, 10 марта 1912 г.

²³² Там же. Д. 564. Л. 818. Гр. С.Ю. Витте – епископу Варнаве (Накропину), 13 марта 1912 г.

²³³ Подр. см.: Варламов А. Ук. соч. С. 328–334.

Государственного совета, что «удручен и оскорблен <...> приказом принять Распутина»²³⁴.

Таким образом, уже в январе–феврале 1912 г. октябристские предвыборные маневры превратились в беспорядочные шараханья с весьма высокой амплитудой. Второстепенными направлениями октябристской кампании стали вопросы образования и политики в отношении Царства Польского. 22 февраля думские октябристы раскритиковали политику Кассо²³⁵. «Голос Москвы» отметил отсутствие должного числа депутатов и неспособность палат договориться о всеобщем обучении. Действительно, 16 февраля именно по причине депутатского абсентеизма в Думе произошел случайный провал законопроекта о Холмщине (его поддержало всего 135 депутатов, 139 – против)²³⁶. Октябристы в комиссии проголосовали за сохранение Холмской губернии в составе Царства Польского, лишь с выведением из Варшавского генерал-губернаторства и непосредственным подчинением министру внутренних дел; также снимались предусмотренные в правительственном законопроекте ограничения на рост польского и еврейского землевладения²³⁷. 23 февраля «Новое время» осудило «яркую картину разительного нежного братания думского центра с польским коло», рассматривая ее как предвыборный популизм²³⁸. Косвенно досталось и Коковцову. 7 марта «Новое время» цитировало варшавское «Слово», которое выражало удовлетворение последней речью премьера: он «говорил как консерватор и правый, но не как националист». «На польскую газету это подействовало вполне успокаивающе и она спешит успокоить и польское общество», – констатировал рупор националистов²³⁹. «Новое время» задавалось вопросом: «Неужели союз 17 октября будет на этих выборах

---

²³⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5057. Л. 56. Дневник гр. С.Д. Шереметева, 11 марта 1912 г.

²³⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. II. СПб., 1912. Стб. 2797–2798.

²³⁶ Скорбные мысли // Голос Москвы, 17 февраля 1912 г.

²³⁷ Новое время, 4 марта 1912 г.

²³⁸ Там же. 23 февраля 1912 г.

²³⁹ Там же. 7 марта 1912 г.

балансируют между двумя стульями? Неудобная и невыигрышная позиция!»²⁴⁰

Однако Гучков продолжал подобную политику (убеждал, что русские национальные интересы не ущемляют Польшу, объяснял позицию октябристов по холмскому законопроекту стремлением его смягчить), говорил приятные слова и, по мнению корреспондента варшавской газеты «Свет», производил впечатление «настоящего европейца»²⁴¹. Между тем, 26 февраля на заседании октябристского ЦК с докладом «о русском национализме как основе государственной и экономической политики России» выступал проф. Т.В. Локоть и имел «значительный успех» (критика была заострена в отношении поляков и евреев)²⁴². Громобой писал о необходимости твердой, непреклонной, но разумной и не мелочной политики в Польше. С другой стороны, отмечалось: «Недоделанное дело в Финляндии еще принесет нам много горя»²⁴³. Секрет такой избирательности оказался простым: финляндцы, в отличие от поляков, не голосовали на российских выборах, и с ними октябристам не нужно было договариваться.

Законодательство в доживавшей свой срок Думе фактически уже было свернуто. 22 февраля думская комиссия по местному самоуправлению отклонила законодательное предположение о всеобщем избирательном праве. Докладчик октябрист Ю.Н. Глебов настаивал на том, что избирательным правом могут обладать только плательщики городских налогов²⁴⁴. 5 марта октябристы из сугубо предвыборных соображений внесли в Думу законопроект о финансировании земств и городов. Он был рассмотрен в ЦК 4 февраля, но в Думе уже никаких шансов не имел за неимением времени. Еще 10 ноября 1911 г. председатель подкомиссии по архангельскому земству кн. И.А. Куракин сообщил, что правительство отказалось предоставить сведения, в результате чего разработка

---

²⁴⁰ Там же. 23 марта 1912 г.

²⁴¹ Там же. 19 мая 1912 г.; Голос Москвы, 15 мая 1912 г.

²⁴² Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 356–358.

²⁴³ Голос Москвы, 18 мая 1912 г.

²⁴⁴ Государственная дума. Обзор V сессии III Государственной думы. СПб., 1912. С. 335–337.

законопроекта становилась невозможной. 19 апреля законопроект был принят комиссией с повышением ценза в 2 раза (теперь он составил половину от думского ценза)²⁴⁵. В комиссии по городским делам (провела 7 заседаний без особого эффекта) оставались без движения законодательные предположения об изменении городского избирательного закона и Положение об общественном управлении в С.-Петербурге. На совместном заседании комиссий по местному самоуправлению и городским делам 8 марта по вопросу о выделении городов в особые земские единицы по докладу октябриста Я.Г. Гололобова было решено в целом отложить решение вопроса на отдаленное будущее; отдельные города могли инициировать этот процесс, но лишь по согласованию с земством²⁴⁶. Тем самым, вопрос снимался с повестки. 28 февраля в Думе начались общие прения по бюджету. Именно он должен был сыграть роль финального предвыборного аккорда палаты. 29 февраля октябристы аплодировали речи Шингарева, посвященной критике бюджета²⁴⁷.

Таким образом, в начале 1912 г. предвыборная кампания и застой в делах обострили отношения правительства и парламента до невиданной с 1907 г. степени. Это не могло ни поставить на повестку для принципиальных вопросов их взаимоотношений. Как и отмечалось выше, вопрос о политических правах парламента оставался непроясненным еще со времен Столыпина. Первой ласточкой стало дело депутата-октябриста Я.Г. Гололобова. Леворадикальный общественный деятель А.К. Кузнецов обвинил его в печати в причастности к убийству бывшего депутата II Думы трудовика А.Л. Караваева в Екатеринбурге в марте 1908 г. Гололобов подал судебный иск в отношении Кузнецова за клевету. По Высочайшему повелению дело было направлено на рассмотрение I департамента Государственного совета. 34 члена Думы (социалисты и кадеты) обратились с запросом к министру юстиции по поводу опубликованных обвинений и

---

²⁴⁵ РГИА. 1278. Оп. 2. Д. 3519. Лл. 181, 220–220об.

²⁴⁶ Государственная дума. Обзор V сессии III Государственной думы. СПб., 1912. С. 337–338.

²⁴⁷ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. II. СПб., 1912. Стб. 3270.

прекращения в июле 1911 г. повторного дела об убийстве. В ответ Гололобов и В.А. Образцов (второй депутат, обвиненный в причастности к убийству, правый) направили прошение о возбуждении уголовного преследования за клевету в отношении 34 депутатов. «Голос Москвы» об этом деле писал: «Положение создается серьезное. За время существования всех трех Дум не было еще столь опасного покушения на права Г. Думы»²⁴⁸. 29 января октябристский ЦК обсуждал вопрос о мерах, принятых фракцией по делу Гололобова²⁴⁹.

31 января вопрос был рассмотрен в Совете министров. В журнале Совета министров отмечалось: «Не подлежит никакому сомнению, что в отношениях правительства к законодательным учреждениям и членам их необходима сугубая осторожность, но последняя, а вместе с тем, и истинное достоинство законодательных учреждений будут вернее всего охранены точным и нелицеприятным исполнением закона, сила коего равно обязательна для всех без изъятия российских подданных, не исключая, конечно, и членов законодательных палат». Как указывалось, в Европе практика привлечения к уголовной ответственности депутатов существует. От депутатов требовалось только одно: «не совершать в думских речах и запросах уголовных преступлений». Вместе с тем, отвергалась возможная угроза повсеместного привлечения депутатов к ответственности, о чем предупреждали противники такого взгляда. Совет министров одобрил обращение в I департамент Государственного совета²⁵⁰. 16 января Коковцов отослал императору журнал Совета министров по делу Гололобова с выражением своей поддержки и предупреждением, что Родзянко на аудиенции будет добиваться его закрытия²⁵¹. Уже 15 марта такое же решение было принято по прошениям мариупольского уездного предводителя

---

²⁴⁸ Голос Москвы, 24 января 1912 г.

²⁴⁹ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 354.

²⁵⁰ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1912 год. М., 2004. С. 43–46.

²⁵¹ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 11. Лл. 28–30. 16 января 1912 г.

дворянства С.В. Ковалевского и коллежского регистратора Шелестова²⁵². 18 февраля Совет министров также утвердил вызвавшие протесты Думы решение комиссии Трусевича²⁵³. Иными словами, правительство давало понять палате, что намерено защищаться от предвыборных наскоков. В ответ в Думу был внесен законопроект о депутатской безответственности²⁵⁴.

12 января был издан циркуляр МВД о выборах, в котором губернаторы обязывались предпринять меры «к обеспечению благоприятных результатов выборов», озаботиться персональным составом выборных комиссий, проинструктировать исправников, которые должны были «войти в ближайшее соприкосновение с лицами, преданными Престолу и родине, из среды проживающих на местах русских помещиков, духовенства и земцев». Кроме того, министерство интересовалось положением партий на местах, их планами, перспективами блокирования. Каким должен был стать этот исход, власть пока не знала, лишь испрашивая губернаторов, «не предвидится ли опасений, что в члены Думы могут быть избраны левые»²⁵⁵.

Между тем, в начале 1912 г. каждая партия, уже имевшая за плечами опыт выборов, сомневалась в своих выборных возможностях. Лишь новички могли испытывать неподдельный оптимизм. 11 февраля Главная палата Союза русского народа инициировала начало подготовки к выборам²⁵⁶. «Невмешательство» Коковцова давало себя знать. Он был сторонником свертывания активного финансирования правых, что, особенно в условиях предвыборной кампании, не могло не сказаться на их позиции в отношении правительства²⁵⁷. «Коковцов явно не благоволит к правым и напрасно, ибо это навлечет на его голову удары, которые можно было бы предотвратить», –

---

²⁵² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1912 год. М., 2004. С. 138–139.

²⁵³ Там же. С. 111–113.

²⁵⁴ Депутатская безответственность // Утро России, 6 марта 1913 г.

²⁵⁵ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 247. Лл. 1–2; Оп. 1. 1912. Д. 36 г. Лл. 21–22; ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 398. Л. 86–86об.

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 308. Л. 1–3об.

²⁵⁷ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б/г. С. 154–159.

считал Вязигин²⁵⁸. Правые не надеялись на радикальное улучшение Думы: «Уверяют, будто Коковцов решил, что в четвертой Государственной думе не будет никого правее националистов»²⁵⁹; поэтому она, как утверждалось, «едва ли будет работоспособной, ибо останется разношерстной». Пасхалов, в свою очередь, был уверен, что Макаров ведет к республике²⁶⁰. В результате, как отмечала «Земщина», правые на выборах отказывались безоглядно поддерживать правительство, «случайно поставленных во главе разных ведомств лиц», поскольку именно они довели Россию до военного поражения и революции²⁶¹. Тихомиров писал: «Будущее России окончательно определится тем, что представит собой четвертая Дума»²⁶². Публицист предупреждал, что, если кадеты и социалисты возьмут большинство, тогда «нам нужно быть готовым ко всему, и ждать тогда в 1912–1913 годах боя генерального, «пан или пропал»...»²⁶³.

20 февраля открылся Всероссийский национальный съезд. Была принята предвыборная программа, предполагавшая поддержку Православной церкви, обороноспособности, развитие народного образования и благосостояния, «борьбу с еврейским засильем». Программа была вполне приемлема для октябристов. Националисты выступили за заключение предвыборных блоков со всеми силами не левее октябристов, признающими необходимость сохранения Думы, в том числе и с инородцами, если они готовы были признать принципы государственного единства и господства русских. В то же время они решили не входить в предвыборные соглашения с поляками против евреев²⁶⁴. Меньшиков писал о необходимости создания в обществе и Думе национального центра – законопослушного, патриотичного, но нравственно независимого и бескорыстного²⁶⁵.

---

²⁵⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 561. Л. 574. А.С. Вязигин – Т.И. Вязигиной, 7 января 1912 г.

²⁵⁹ Там же. Д. 562. Л. 610. А.С. Вязигин – Т.И. Вязигиной, 21 февраля 1912 г.

²⁶⁰ Там же. Д. 517. Л. 79. К.Н. Пасхалов – Н.А. Хомякову, 28 декабря 1911 г.

²⁶¹ Глинка С. Превратное понятие // Земщина, 24 апреля 1912 г.

²⁶² Новый год // Московские ведомости, 1 января 1911 г.

²⁶³ Чего нам ждать от революционеров // Московские ведомости, 11 января 1911 г.

²⁶⁴ Новое время, 22 февраля 1912 г.

²⁶⁵ Меньшиков М. Молодая Россия // Новое время, 15 марта 1912 г.

Октябрист К.Э. Линдеман писал сыну-националисту в Киев: «Что сулит нам будущее, не знаю. Избиратель – это сфинкс, который, кажется, и сам не знает, что ему нужно и как этого достигнуть. <...> У вас в Киеве октябристы совсем выдохлись и растворились в науках. Дай Бог успеха. Разница между нами несущественная»²⁶⁶. На заседании октябристского ЦК 4 марта Гучков напоминал, что «благодаря плодотворной и спокойной работе октябристов утвердился конституционный строй, который можно считать навсегда упрочившимся»²⁶⁷. В ответ националисты упрекали октябристов в беспочвенном оптимизме и слабой подготовленности к выборам²⁶⁸. Московские кадеты констатировали ухудшение положения октябристов за счет правых и кадетов²⁶⁹. Октябристы кулуарно соглашались. Председатель финансовой комиссии Думы октябрист Г.Г. Лерхе оценивал дела «очень грустно» и считал, что надежды Гучкова на реванш в пятой Думе – «несбыточная мечта»²⁷⁰. Однако публично отмечалась «значительная нервность» в стане кадетов, престиж которых якобы упал, как и денежные субсидии из Финляндии и из-за границы. Сообщалась, что авторитет Милюкова в партии снизился, и петербургские кадеты уже видели в Маклакове преемника кадетскому лидеру²⁷¹; в целом, партия была на грани раскола²⁷². Кадеты, по сообщению «Голоса Москвы», якобы решили блокироваться со всеми социалистическими партиями на выборах²⁷³. Сообщалось, что в Тамбове они готовились выставить никому не известного адвоката А.Ф. Керенского²⁷⁴. Предвыборное турне Милюкова оценивалось следующим образом: «Кадетский умственный и нравственный склад

---

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 565. Л. 963. К.Э. Линдеман – В.К. Линдемону, 29 марта 1912 г.

²⁶⁷ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 359.

²⁶⁸ Савенко А. Безосновательны оптимизм // Московские ведомости, 19 апреля 1912 г.

²⁶⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 556. Л. 58. Н.Н. Щепкин – П.Н. Милюкову, 7 января 1912 г.

²⁷⁰ Там же. Д. 506. Л. 48. Г.Г. Лерхе – М.И. Гучковой, 5 марта 1912 г.

²⁷¹ Голос Москвы, 14 февраля 1912 г.

²⁷² Там же. 8 апреля 1912 г.

²⁷³ Там же. 30 марта 1912 г.

²⁷⁴ Там же. 27 мая 1912 г.

допускает <...> отождествление политического выступления с балаганным скоморошеством»²⁷⁵.

Очень бодро начали свою кампанию и прогрессисты. Один из лидеров группы И.Н. Ефремов отмечал, что прогрессистам важно было «не «потерять лица» соглашением направо. <...> Чистые октябристы земского типа, конечно, могут быть нашими союзниками, – но много ли их?»²⁷⁶. В декабре 1911 г. Ефремов решил приехать в Москву для организации группы беспартийных прогрессистов и баллотирования в Думу. Кн. Г.Н. Трубецкой (беспартийный умеренный либерал) поддержал эту инициативу²⁷⁷. Ефремов также хотел создать новую внепартийную газету прогрессистов, но П.Б. Струве согласился участвовать только при условии сотрудничества кн. Г.Е. Львова в качестве редактора, а тот отказался²⁷⁸. В сношениях с другими кадетами ситуация, по мнению самих прогрессистов, складывалась более удачно. Ефремов говорил с Милюковым и Шингаревым и заверил их, что на выборах они должны «идти рука об руку с ними», на что кадеты согласились²⁷⁹. Милюков в общении с Ефремовым не был вполне искренен. На кадетском совещании правые (М.В. Челноков, Н.И. Астров, Н.М. Кишкин, Н.А. Котляревский, к которым примкнул и Ф.И. Родичев) оказались в большинстве по вопросу о блокировании. Милюков не смог провести решение о запрете для Челнокова посещать собрания прогрессистов. Поэтому доклад Милюкова был выдержан в компромиссном тоне²⁸⁰. Впрочем, в либеральной среде сами прогрессисты, их лидеры, политические принципы, организационные способности серьезно не воспринимались²⁸¹. Гораздо более серьезным стал факт обозначившихся расхождений в кадетской среде – по сути это был первый случай, когда партия столкнулась с внутренними трениями по конкретному стратегическому вопросу.

---

²⁷⁵ Политические скоморохи // Голос Москвы, 7 апреля 1912 г.

²⁷⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 516. Л. 29. И.Н. Ефремов – гр. Г.Н. Трубецкому, 14 декабря 1911 г.

²⁷⁷ Там же. Л. 73. Гр. Г.Н. Трубецкой – И.Н. Ефремову, 17 декабря 1911 г.

²⁷⁸ Там же. Д. 517. Л. 90. М.А. Стахович – Н.В. Давыдову, 29 декабря 1911 г.

²⁷⁹ Там же. Д. 560. Л. 456. И.Н. Ефремов – кн. Е.Н. Трубецкому, 8 февраля 1912 г.

²⁸⁰ Там же. Д. 565. Л. 971. М.В. Челноков – Д.Н. Шипову, 30 марта 1912 г.

²⁸¹ Подр. см.: Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М., 2003. С. 73, 142.

17 марта по инициативе М.М. Ковалевского состоялось совещание «прогрессивно-беспартийной» группы. Присутствовали Ефремов, С.И. Четвериков, братья П.П. и В.П. Рябушинские, А.И. Коновалов, С.Н. Третьяков. Целью ее было «согласование на время предвыборной кампании действий беспартийных прогрессивных элементов». Основой объединения были общие принципы: «осуществление идей Манифеста 17-го октября, защита прав и достоинства народного представительства, защита народных хозяйственных интересов и борьба с лженационализмом»²⁸². Программа имела национал-либеральный характер. 19 июня Ефремов выступил в «Русских ведомостях» с призывом к прогрессивной общественности объединиться вокруг общих лозунгов и избрать такую Думу, которая «боролась бы с мрачными силами застоя и реакции в правительстве и в стране». «Россия переживает тяжелый кризис, надежда на мирный исход ослабевает», – предупреждал он²⁸³. Справа инициатива прогрессистов была воспринята в штыки. «Новое время» полагало прогрессизм кадетской игрой под прикрытием патриотических лозунгов²⁸⁴. Но в ответ на призыв «Московских ведомостей» к торгово-промышленникам создать свою партию «Утро России» писало: «Не к этому стремятся деловые, продуктивные силы страны. <...> Эти люди – представители не сословия, а деловые, стремящиеся к укреплению нового государственного строя России – не будут слепыми поборниками узко-классовых интересов. Для них интересы сословные являются неразрывными с интересами общеполитическими»²⁸⁵. Таким образом, прогрессисты играли на поле октябристов, а такая игра стала возможна с 1910–1911 гг., когда октябристы окончательно растеряли остатки своей принципиальности. Тем не менее, самими октябристами прогрессисты воспринимались как беспартийное прикрытие кадетов²⁸⁶. «Некое туманное

---

²⁸² Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 260–261.

²⁸³ Там же. С. 268.

²⁸⁴ Энгельгардт Н. Националисты и прогрессисты // Новое время, 22 мая 1912 г.

²⁸⁵ Утро России, 25 апреля 1912 г.

²⁸⁶ Голос Москвы, 19 апреля 1912 г.

пятно, неорганизованная и беспрограммная группа», – писал «Голос Москвы», который вообще отрицал возможность создания купеческой партии, поскольку купцы уже распределились по партиям от черносотенцев до социал-демократов²⁸⁷.

В это время премьер попытался продемонстрировать к октябристам свое личное расположение. В мае в Москве открывался торгово-промышленный съезд, который посетил Коковцов. По приезду в Москву он первым делом появился в бирже. Председатель Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников (член Государственного совета и октябристского ЦК) в приветственном слове критиковал Думу за невнимание к экономическим вопросам. В ответной речи Коковцова отмечалось гигантское движение страны вперед с 1905 г. Премьер призывал: «К совместной работе приглашает вас правительство. Никогда оно от этой работы не отказывалось и всегда приглашало, как приглашает и теперь, к работе спокойной и дружной, направленной в сторону процветания родной страны». В речи в московском земстве Коковцов отметил: «За эти четыре года деятельности Государственной думы дело народного представительства пустило глубокие корни в народном сознании. Я думаю, что никто более не помышляет о том, чтобы повернуть руль назад, чтобы перейти от новых условий законодательства к старым условиям управления»²⁸⁸. Коковцов не прогнозировал существенных перемен в составе новой Думы²⁸⁹. О том же говорил и Гучков²⁹⁰. «Голос Москвы» оценил обе речи высоко²⁹¹. «Новым временем» было отмечено пренебрежение премьера дворянскими интересами²⁹². Только прогрессисты резко критиковал Коковцова за нежелание видеть в Думе реальных представителей торговли и промышленности: «Лучше безграмотный, но угодный правительству

---

²⁸⁷ Громобой [Бобрищев-Пушкин А.В.]. Прогрессисты // Голос Москвы, 7 апреля 1912 г.

²⁸⁸ Новое время, 4, 5 апреля 1912 г.

²⁸⁹ Там же. 5 апреля 1912 г.

²⁹⁰ Там же. 9 апреля 1912 г. Перепечатка интервью с Гучковым из пражской газеты «Чешские листы».

²⁹¹ Голос Москвы, 4 апреля 1912 г.

²⁹² Новое время, 7 апреля 1912 г.

октябрист»²⁹³. 3 апреля Коковцов давал обед октябристам. Ф.И. Гучков считал, что на встрече с премьером «нужно хорошенько насплетничать на всю эту шушеру, именующую себя «беспартийными прогрессистами». Пусть он скажет внушительное «quos ego»²⁹⁴ этим трусливым и блудливым абортанам «оппозиционного настроения Москвы»²⁹⁵. Линдеман предложил обратиться к Коковцову с целью «выкинуть» арендаторов из I курии во II, поскольку они имеют кадетские настроения. «Мне кажется, что трудно придумать меру, для нас более благоприятную, а потому было бы грешно оставить ее неиспользованной»²⁹⁶. Итог встречи оценивался Линдеманом так: «Установились желательные отношения нашего Центрального комитета к правительству. Но будет ли большая польза – не знаю»²⁹⁷. Зависимость проправительственных партий была очевидна.

7 мая съезд торговли и промышленности открылся в присутствии Коковцова и Тимашева. Председательствующий Авдаков похвалил правительство за впервые достигнутый бездефицитный бюджет. Коковцов отметил отсутствие трений между правительством и буржуазией. «Голос Москвы» сообщал, что правые враждебно восприняли речь премьера, поскольку он отступал от продворянской политики Столыпина²⁹⁸. Прогрессистское «Утро России», в свою очередь, не видело следования интересам буржуазии: «В.Н. Коковцов в данном случае отражал взгляды бюрократии, которая уверена, что общественные организации не могут возвыситься до общегосударственной точки зрения»²⁹⁹. «Новое время» также критиковало настрой речей Коковцова в Думе: «В наше кипучее время, когда старое общество лихорадочно перестраивается, правительство целыми десятилетиями не в состоянии заметить громадных перемен и явлений, например, еврейского нашествия в коренную Россию, стремительного

---

²⁹³ Утро России, 6 апреля 1912 г.

²⁹⁴ «Вот я вас!» (лат.) – фраза, которой Нептун укрощает ветры (Вергилий. Энеида 1:135).

²⁹⁵ ГА РФ. Ф.102. Оп. 265. Д. 506. Л. 64. Ф.И. Гучков – А.И. Гучкову, 31 марта 1912 г.

²⁹⁶ Там же. Л. 32. К.Э. Линдеман – А.И. Гучкову, 8 февраля 1912 г.

²⁹⁷ Там же. Д. 566. Л. 1053. К.Э. Линдеман – В.К. Линдеману, 11 апреля 1912 г.

²⁹⁸ Голос Москвы, 9 мая 1912 г.

²⁹⁹ Утро России, 8 мая 1912 г.

развития социализма в рабочих массах, огромного роста преступности...». В речах премьера, пребывавшего в эйфории от экономических результатов 1911 г. слышалась «самоуверенность, не лишенная как будто даже оттенка легкомыслия». От этого, предупреждал Меньшиков, уже погибла одна империя – Корея³⁰⁰. В частном письме он признавался: «Боюсь, что война и революция впрок нам не пошли, и, отдохнув о колотушки, мы снова заведем то же расхищение времени и средств до нового погрома. Отвратительно то, что вокруг милого и доброго Государя, у которого едва ли хватит такта, чтобы скрывать свою растерянность, сложился круг ничтожных придворных, которые своим сервизмом хотят извращать действительность и «успокоить» единственного человека, который должен быть воплощенной тревогой»³⁰¹.

Для кадетов результаты думских выборов должны были стать «моментом истины», по значению равным событиям 1905–1906 гг. Тифлисский городской голова А.И. Хатисов писал: «Видел хороших знакомых: Шингарева, Тесленко, Грузенберга. Настроение у них не светлое»³⁰². Н.А. Гредескул, вернувшийся из поездки по провинции, считал, что для нее характерна не апатия, а деловое настроение. Общество «соображает, как ему взять свое уже не революцией, а спокойным течением дел», что могло дать прогрессивную Думу. «Мы, как ядро оппозиции, должны организовать широкое оппозиционное движение. И вот тут-то я и боюсь, что мы окажемся недостаточно гибки, что мы сами чрезвычайно уйдем в свою партийность. По крайней мере, от нашего главного руководителя – «Речи» – трудно ожидать умения сплотить всю оппозицию; я боюсь, что общая оппозиционность найдет себе другие сборные пункты, и притом по нашей вине, потому что мы не сумеем ее собрать к себе. Наш ц. к., не говоря уже о больших собраниях, почти не собирается, так как будто бы и

---

³⁰⁰ Новое время, 24 мая 1912 г.

³⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 569. Л. 1362. М.О. Меньшиков – А.С. Суворину, 29 мая 1912 г.

³⁰² Там же. Д. 560. Л. 480. А.И. Хатисов – кн. А.М. Аргутинскому-Долгорукову, 10 февраля 1912 г.

самых выборов с их чрезвычайно ответственной задачей не предстояло», – констатировал Гредескул³⁰³. При этом, кроме прежних наработок и предвыборной партийной декларации, других предложений для избирателя у кадетов не было. Как отмечал Шаховской, в отношении «серьезной, разработанной платформы <...> мысль к.-д. эти 5 лет совершенно спала»³⁰⁴. Кадеты могли лишь копировать приемы октябристов в борьбе с «темными силами». Именно в это время в Берлине вышла книга В.П. Обнинского «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II-го», содержащая резкую критику царской семьи, октябристов и ставшая образцом политической порнографии³⁰⁵.

В докладе начальника охранного отделения министру внутренних дел от 14 февраля сообщалось, что у кадетов октябристская избирательная кампания вызвала «серьезное смущение». В ситуации роста популярности левых октябристов и социалистов кадеты могли потерпеть урон. Давление на «Голос Москвы» воспринималось как предвыборная уловка. Поэтому в кадетской среде было решено сосредоточиться не только на критике правых, но и конкретных лиц (имелся в виду Гучков)³⁰⁶. Однако уже через месяц по мере приближения выборов шансы октябристов оценивались очень невысоко, оппозиция даже рассчитывала на успех, вполне сравнимый с успехами первых Дум. Конечно, Дума могла быть распущена, но, как отмечалось, «власть реакции уже окончена»³⁰⁷. Впрочем, это не означало силы кадетской партии. Кадет А.А. Стахович (брат известного октябриста М.А. Стаховича) в письме Колюбакину признавал слабость октябристов, но отмечал, что на местах не было кадров и для проведения кадетской

---

³⁰³ Там же. Д. 562. Л. 639. Н.А. Гредескул – Ф.Ф. Кокошкину, 24 февраля 1912 г.

³⁰⁴ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 46.

³⁰⁵ [Обнинский В.П.] Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II-го. Берлин, [1912].

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. 1912. Д. 307а. Лл. 4–5об.

³⁰⁷ Там же. Оп. 242. 1912. Д. 307а. Лл. 21–23. 21 марта 1912 г.

кампании: «Вы не можете представить себе бедности и беспомощности в указанном отношении нас, провинциалов, и наших газет»³⁰⁸.

В силу подобных причин вопрос предвыборного (а в перспективе – и парламентского) блокирования с прогрессистами становился одним из приоритетных для кадетской партии. Особенно последовательно он был поставлен Московским отделением ЦК³⁰⁹. «Москвичи», находившиеся в тесном политическом и деловом контакте с прогрессистским движением (организационно сконцентрированным в Москве), видели в позитивном решении этого вопроса новые возможности для партии: она должна была стать более «деловой», «классовой», приближенной к средним и отчасти высшим городским слоям. Рыхлость прогрессистской программы воспринималась «москвичами» как шанс привить новому движению кадетские идеи и воспользоваться настроением и амбициями прогрессистов. Кроме того, формально беспартийная инициатива могла привлечь избирателей, поскольку «на призыв к.-д. напуганный обыватель в провинции в настоящее время побоится откликнуться»³¹⁰. Выступая за соглашение с прогрессистами, «Русские ведомости» писали: «Нет оснований возлагать на четвертую Думу какие-нибудь очень большие надежды, но было бы очень нежелательно, если бы оппозиция была представлена в ней слабее, чем в третьей Думе. <...> При таких условиях необходимо возможно большее объединение, возможно большая согласованность действий всех прогрессивных элементов»³¹¹. Беспартийность расценивалась как слабость прогрессистов, но повестка дня оставалась неизменной: «Прогрессивные конституционалисты, соединяйтесь! – таков естественный лозунг оппозиции для предстоящих выборов...»³¹².

---

³⁰⁸ Там же. Оп. 265. Д. 566. Л. 1047. А.А. Стахович (г. Елец Орловской губ.) – А.М. Коллюбакину, 10 апреля 1912 г.

³⁰⁹ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 19–20.

³¹⁰ Там же. С. 18.

³¹¹ Русские ведомости, 14 апреля 1912 г.

³¹² Там же. 17 апреля 1912 г.

А.С. Изгоев так обрисовывал перспективы выборов: правые и националисты не представляли серьезной и самостоятельной силы, октябристы испытывали «острый внутренний кризис»; «главный интерес» заключался в том, смогут ли прогрессисты составить организованную группу и заменить собою октябристов в новой Думе. Ее задачей должно было стать объединение торгово-промышленников и земских либералов с тем, чтобы «поставить плотину потоку своекорыстных, пагубных для государства интересов, прикрывающихся национализмом и преданностью самодержавию». Изгоев отмечал, что прогрессисты не собирались конкурировать с кадетами во II городской курии, однако их стремление установить контакты с социалистами (это было известно из прессы) расценивались как «задача не только безнадежная, но и свидетельствующая о путанице в понимании исторического момента». С целью решения совместных задач Изгоев выступал за создание «прогрессивного антиреакционного избирательного блока». Главным противником сам Изгоев декларативно именовал социалистов. Однако трудовики не смогли создать крестьянской партии и вряд ли смогли бы организовать сочувствующие им слои «городской демократии». В среде социал-демократии шли раздоры. Поэтому основной конфликт на выборах должен был завязаться между правоцентристскими и кадетско-прогрессистскими объединениями³¹³. Как сообщалось, на съезде Союза русского народа якобы было решено при опасности прохождения кадетов или левых октябристов голосовать за социалистов³¹⁴.

Даже в Петербурге сформулированная москвичами позиция встречала понимание у части партийцев. Набоков говорил о «стремлении к объединению хотя бы и ценою пожертвования чистотою программы». А.А. Свечин напоминал, что «на местах партии нет», хотя правые, октябристы и социалисты сохраняли влияние; по его мнению, даже соглашение с

---

³¹³ Русская мысль. 1912. № 4. III паг. С. 1–7.

³¹⁴ Там же. № 6. II паг. С. 159.

прогрессистами не могло улучшить положения³¹⁵. В результате даже столь убежденный сторонник соблюдения «чистоты принципов» как Петрункевич 3 мая написал Милюкову о выборной кампании: «Мне кажется, что неудача ее, т.е. 4 Дума, похожая на 3-ю, может сыграть роковую роль в дальнейшем ходе нашего политического развития. Появление «беспартийных прогрессистов» я считаю фактом обоюдоострым, но думаю, что в данный политический момент положительные стороны этого факта перевешивают отрицательные. Ведь только при содействии такой группы и возможно при настоящих политических условиях поколебать господство правых и октябристов в землевладельческой курии, а следовательно, и в Думе. Что касается кандидатуры в Москве, то я, взвесив все pro и contra, полагаю, что Маклакова нужно выставить, несмотря на его политические грехи. Я уверен, что полученный им урок не останется бесследным. Беда его в том, что он слишком избалован судьбой и людьми»³¹⁶. Предложения Петрункевича находили поддержку и вне партии. Например, октябрист кн. А.Д. Голицын считал, что прогрессивная общественность уже сумела оценить значение третьей июньской Думы и не собиралась уступать ее националистам (для чего запаслась необходимыми цензами); в случае создания коалиции на базе политических лозунгов без всякой «материальной программности» она могла бы перетянуть к себе даже октябристов³¹⁷.

Однако Петербургское отделение ЦК во главе с П.Н. Милюковым предприняло энергичные меры против подобной инициативы. Кадетским идеологам было очевидно, что приближение партии к каким бы то ни было «классовым» интересам вело к ее стратегическому краху как единственной в России «надклассовой» политической силы, способной отстаивать и решать общенациональные задачи. Соглашение с прогрессистами, по их мнению, не могло обеспечить принципиального успеха на выборах, но могло быть чревато печальными последствиями: новые «неоперившиеся» союзники

---

³¹⁵ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 21–22, 24.

³¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5839. Оп. 47. Д. 1. Л. 125.

³¹⁷ Из кулуаров Государственной думы... С. 94–95.

попадали в Думу на плечах у опытных парламентских «бойцов» (какими себя видели конституционные демократы), но дальнейшее поведение прогрессистов в Думе трудно было прогнозировать. «Но, господа!» – настаивал на принципиальной партийной позиции кн. Долгоруков, – «Прогрессисты <...> представляют из себя, как с точки зрения их политических убеждений, так и с точки зрения их организованности, вполне бесформенную массу, и нам известно, что среди них нет людей, которые бы могли организовать эту массу для выборов и выставить определенную избирательную платформу»³¹⁸. В оппозиционно настроенных, но не чуждых шовинистических настроениях прогрессистах Петербургское отделение ЦК видело «скрытых октябристов», которым «наивные» кадеты могли помочь сорганизоваться в партию³¹⁹. При этом партия прогрессистов скорее всего должна была подпасть под влияние «нарастающего национализма»³²⁰. Такое развитие событий могло стать самым крупным политическим поражением кадетов и дискредитировать их в глазах общественности. Трудно было представить более катастрофическую перспективу. Связывать себе руки подобными соглашениями петербургские кадеты резонно не желали. «Сохранение партийной чистоты», – формулировал основной предвыборный лозунг кадетов А.А. Корнилов³²¹. Милюков резко протестовал против неформальных консультаций А.М. Коллюбакина и Л.А. Велихова с Ефремовым о возможности составления предвыборных списков. О совместных кандидатах разговора вообще не было³²². «Речь» активно рассеивала слухи о каком-либо соглашении с прогрессистами³²³. У столь принципиальной позиции могла быть и обратная сторона, связанная с внутривнутрипартийными реалиями. А.А. Свечин напоминал, что «на местах партии нет», хотя правые, октябристы и социалисты сохраняли влияние; по

---

³¹⁸ Съезды и конференции... Т. 3. Кн. 1. С. 367. См. подобную позицию П.Н. Милюкова, М.В. Челнокова и В.А. Маклакова: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. 1912. Д. 307. Лл. 57–58; Д. 27. ч. 57. Лл. 14–16об.

³¹⁹ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 30.

³²⁰ Съезды и конференции... С. 367.

³²¹ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 30.

³²² ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4671. А.М. Коллюбакин – П.Н. Милюкову, 4 мая 1912 г.

³²³ Речь, 8 марта 1912 г.

его мнению, даже соглашение с прогрессистами не могло улучшить положения³²⁴. Московский думский гласный кадет Н.И. Астров оценивал общую ситуацию так: «Развал, расстройство рядов и отсутствие оживления. <...> При таких условиях симпатичная сама по себе мысль объединения всех прогрессивных элементов в стране на элементарной оппозиционной платформе едва ли даст реальные результаты. Эти беспартийные элементы боятся кадетов, а сами едва ли сумеют организовать дело широко. <...> Первая курия наша не обеспечена»³²⁵.

В Департаменте полиции полагали, что отречение кадетов от прогрессистов было вызвано провалом всего кадетского плана провести своих кандидатов под беспартийным прикрытием «даже с националистическим оттенком». Но видимость того, что кадеты умили свои лозунги, привела определенным результатам: теперь московские старообрядцы, а также поляки собирались голосовать за кадетскую партию. В результате в Москве кадеты были уверены в успехе и даже хотели поддержать одного социал-демократа (например, адвоката Н.К. Муравьева). В Петербурге кадеты также собирались голосовать за социал-демократов³²⁶. Таким образом, партийный крен вправо был лишь тактическим приемом.

Те же настроения (чрезвычайно характерные для партии) в отношении прогрессистов разделяло и большинство местных кадетских организаций. Обеспечить соответствующие решения в рамках очередной партийной конференции (май 1912 г.) не составило особого труда. Вместе с тем, для местных организаций на выборах по традиции предусматривались технические соглашения – от октябристов до социалистов, что давало возможность контактировать и с прогрессистами³²⁷. При маловероятном благоприятном развитии ситуации (усилении кадетской фракции в будущей Думе и прохождении в нее прогрессистов) они могли рассматриваться в

---

³²⁴ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 21–22, 24.

³²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 566. Л. 1060. Н.И. Астров – кн. С.А. Друцкому, 12 апреля 1912 г.

³²⁶ Там же. Оп. 242. 1912. Д. 307а. Л. 163 г – 163 к об.

³²⁷ Съезды и конференции... С. 384.

качестве поля для кадетской идеологической работы: за счет прогрессистов кадетскую фракцию можно было еще более усилить и создать основу для левоцентристского объединения под кадетскими партийными лозунгами³²⁸. Конституционные демократы также считали, что агитация социалистов будет повышать шансы их партии³²⁹. Кадеты рассматривали социалистов как союзников на выборах, однако любое формальное соглашение с трудовиками отвергалось даже левыми кадетами (А.М. Колюбакиным, Н.В. Некрасовым)³³⁰.

Именно на это время приходится попытка реанимации русского политического масонства. Левые кадеты пытались использовать масонские организации для установления неформальных межпартийных связей с «друзьями слева». Летом 1912 г. состоялся I конвент русских масонских лож. Секретарем Верховного совета «Великого Востока народов России» вместо Некрасова был избран председатель Петербургского городского комитета кадетов А.М. Колюбакин. К этому времени левые кадеты смогли привлечь к участию в масонских структурах меньшевиков (Н.С. Чхеидзе, А.Я. Гальперна и др.)³³¹. Однако большим успехом признать это было нельзя.

Но все же даже некоторые октябристы, как и Петрункевич, полагали, что кадеты вполне могли бы добиться на выборах успеха. Кн. А.Д. Голицын считал, что прогрессивная общественность уже сумела оценить значение третьей юньской Думы и не собиралась уступать ее националистам (для чего запаслась необходимыми цензами); кроме того, было решено сколачивать коалицию на базе политических лозунгов без всякой «материальной программности», что позволило бы перетянуть к себе даже октябристов³³². Таким образом, радикализация кадетов была связана не с полевением

---

³²⁸ См., напр., замечание Н.А. Гредескула о способности прогрессистов осуществить в Думе «конституцию попроще» (Протоколы ЦК... Т. 2. С. 37).

³²⁹ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 13–14.

³³⁰ Там же. С. 25, 27.

³³¹ Андреев Д.А. Борьба группировок в кадетском руководстве по вопросу о надпартийном сотрудничестве в IV Государственной думе. Дис. ... к.и.н. М., 1995. С. 67–89; Соколов А.В. Русское политическое масонство в России в 1910–1918 гг. Персональный состав // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Год второй выпуска. Памяти В.И. Старцева. СПб., 2002. С. 260–273.

³³² Из кулуаров Государственной думы... С. 94–95.

страны³³³, а с началом предвыборной гонки. Но даже такое полевение вызывало серьезные внутрипартийные споры.

В разгар предвыборных торгов 4 апреля произошли ленские события. Сначала сведений было мало. Первому известию о них в «Новом времени» предшествовала телеграмма Тимашева британскому министру торговли и промышленности с соболезнованиями по поводу гибели «Титаника»³³⁴. Но уже на следующий день печать ответила на произошедшее шквалом эмоций. «Кровавый ужас», – отозвался «Голос Москвы»³³⁵. Он писал: «Итак, ведя историю вспять от 17 октября, дошли мы же опять до расстрелов рабочих. <...> Строгое расследование и примерное наказание всех превысивших свою власть – вот единственное удовлетворение возмущенному обществу. <...> Оберегайте рабочих! Они, как Атлант, держат на плечах современный мир и, мы уже видели, горе, если он заколеблется. Призрак социальной революции, эта вечная гроза нашей культуре и самому существованию, поступательное движение социал-демократии на Западе должны бы быть для нас уроком. Борьба с социал-демократами мыслима только, если не обострять классовую борьбу»³³⁶. «Русские ведомости» сравнивали поведение британского и российского правительств при забастовках, отмечали наличие стратегии в поведении англичан и склонность к тупым репрессивным мерам в России, но опасались того, что ленское дело может не стать серьезным прецедентом³³⁷. «Вестник Европы» также сопоставлял произошедшее на Лене и в Атлантике: «Оба события стихийны. «Титаник» поглощен подлинным, реальным океаном, – ленские рабочие сделались жертвами того океана бесправия, который разлился от границ до границ российского государства и заполнил шестую часть земного шара»³³⁸.

---

³³³ Дякин В.С. Ук. соч. С. 103.

³³⁴ Новое время, 6 апреля 1912 г.

³³⁵ Голос Москвы, 7 апреля 1912 г.

³³⁶ Там же. 13 апреля 1912 г.

³³⁷ Русские ведомости, 7 апреля 1912 г.

³³⁸ Жилкин И. Хроника. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1912. № 5. С. 392.

С 9 апреля вновь собравшаяся после пасхальных каникул Дума рассматривала Ленское дело. Запросы октябристов, кадетов и социал-демократов по сути совпадали. Но, несмотря на резкие речи, голосование было отложено из-за отсутствия кворума (присутствовало всего 112 депутатов)³³⁹. Изгоев возмущался: «Как ни пали в населении вера и уважение к третьей Думе, общественное мнение не может допустить, чтобы депутаты оппозиции превратились в простых чиновников, притом нерадивых»³⁴⁰. На следующий день октябристский и кадетский запросы были приняты³⁴¹. 11 апреля в палату для ответа на запрос по Ленскому делу прибыли Макаров, Тимашев и Щегловитов. Речь Макарова оказалась робкой и простодушной. В заключении министр неудачно попытался проявить твердость: «Так было и так будет впредь». Тимашев произнес слабо структурированную речь о необходимости дальнейшего расследования. Щегловитов хранил молчание³⁴². Слабый характер речи Макарова отметила пресса³⁴³. «Гражданин» критиковал речи за односторонность и стремление выгораживать владельца приисков³⁴⁴, призывал не бояться справедливого расследования и заступался за рабочих³⁴⁵.

14 апреля в Петербурге началось забастовочное движение, достигшее пика через три дня: 17 апреля бастовало 54 тысячи рабочих (по своей форме это были однодневные политические стачки, однако ничего подобного не происходило уже 5 лет)³⁴⁶. Кадеты опасались бурных эксцессов 1 мая. 16 апреля состоялось заседание петербургского городского комитета партии с участием прогрессистов А.М. Масленникова и А.А. Уварова. А.М. Коллюбакин предложил обратиться к рабочим с призывом сосредоточиться на выборах, но Миллюков считал это бесполезным. Через социал-демократа Е.П.

³³⁹ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. III. СПб., 1912. Стб. 3275–3278, 3297.

³⁴⁰ Современник. Из политического дневника // Русская мысль. 1912. № 5. II паг. С. 129.

³⁴¹ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. III. СПб., 1912. Стб. 3336.

³⁴² Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. III. СПб., 1912. Стб. 3371–3377.

³⁴³ Русские ведомости, 13 апреля 1912 г.

³⁴⁴ Дневник // Гражданин. 1912. № 15. С. 15–16.

³⁴⁵ Дневник // Гражданин. 1913. № 23. С. 14–15; Тайновед // Гражданин. 1913. № 27. С. 6.

³⁴⁶ Арутюнов Г.А. Ук. соч. С. 145–147.

Гегечкори комитет передал 1000 руб. для ленских рабочих³⁴⁷. Первомайские стачки в Петербурге охватили до 210 тысяч рабочих, превзойдя абсолютный рекорд 1907 г. Всего в забастовках 12 апреля – 1 мая приняли участие 780 тысяч рабочих, что составило более 22 % от общего числа в 1912 г. В этом году общее число политических стачек впервые после Первой русской революции превысило численность экономических³⁴⁸.

М.А. Стахович уже ждал революции: «В Питере ужасное волнение из-за Ленского побоища. Общее возбуждение искренно, не напускное и действительно жестокости властей на месте равны только бесстыдному цинизму данных Государственной думе объяснений. Все опять повторяется и повторится до конца»³⁴⁹. С другой стороны, С.С. Ольденбург отмечал: «Думаю, что солдаты только выполнили свой долг. <...> Что касается запросов и двусмысленной позиции правительства, то, по-моему, это просто желание придраться к случаю и прижать иностранных капиталистов. Будь прииски в руках правительства или в русских руках, и музыка в Государственной думе была бы другая»³⁵⁰. 25 апреля октябристы предложили формулу о неудовлетворенности разъяснениями МВД, удовлетворении разъяснениями МТП и пожелании получить результаты расследования в ходе текущей сессии (т.е. до выборов). Кадеты в очередной раз поддержали формулу прогрессистов³⁵¹.

Октябристы, между тем, пытались раздуть предвыборный пламень. Однако средства в их багаже были уже на исходе – и поэтому любая активность грозила обернуться позором. Так и случилось. 18 апреля «Голос Москвы» опубликовал статью о создании системы политического сыска в армии. 22 апреля состоялась дуэль Гучкова и полковника С.Н. Мясоедова – главного фигуранта статьи³⁵². Кадеты комментировали: «Печать роковой

³⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. 1912. Д. 27. ч. 57. Лл. 8–9. 20 апреля 1912 г.

³⁴⁸ Арутюнов Г.А. Ук. соч. С. 159–163.

³⁴⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 566. Л. 1087. М.А. Стахович – А.А. Стаховичу, 16 апреля 1912 г.

³⁵⁰ Там же. Л. 1057. Гр. С.С. Ольденбург – гр. С.Ф. Ольденбургу, 12 апреля 1912 г.

³⁵¹ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. III. СПб., 1912. Стб. 3834–3835.

³⁵² Новое время, 23 апреля 1912 г.

бесцельности лежит на выступлениях Александра Ивановича Гучкова. Тургеневский бретер Лучков с жесткими усами, вышедший на политическую сцену»³⁵³. 28 апреля последовала отставка близкого Гучкову помощника военного министра А.А. Поливанова. «Новое время» писало о ней с сожалением и намекало на Сухомлинова, говоря о господстве в министерстве «штабных щеголей»³⁵⁴. 10 мая октябристы опять резко критиковали политику Кассо. Однако при голосовании формулы предложенное октябристами осуждение политики МНП неожиданно и с треском провалилось (70 голосов против 126 голосов правых и левых). Вторая часть формулы с требованием придерживаться законности прошла лишь с минимальным перевесом (103 против 101). Окрыленные успехом правые потребовали переголосовки – 105 против 102 при 9 воздержавшихся³⁵⁵. «Черно-красный блок», – отметило «Новое время»³⁵⁶.

Срок роспуска Думы был определен на 9 июня³⁵⁷. 16 мая октябристы смогли спешно провести законопроект о местном суде в варианте Государственного совета. Гучков мотивировал это желанием спасти «хоть что-нибудь» из багажа III Думы³⁵⁸. Сохранялся сословный принцип и устанавливались две инстанции. Согласительная комиссия приняла поправку Думы об образовательном цензе, отвергла поправку Совета о служебном цензе, согласовала представления об имущественном цензе (по сравнению с первоначальным вариантом он был повышен). Председатель съезда мировых судей должен был назначаться, а не избираться³⁵⁹. «Новое время» поддерживало законопроект о местном суде и считало, что крестьяне отгорожены от остальных подданных «рядом уродливых новелл восьмидесятых годов»³⁶⁰. Шубинский в интервью газете отмечал, что сам

---

³⁵³ Современник. Из политического дневника // Русская мысль. 1912. № 5. II паг. С. 133.

³⁵⁴ Новое время, 29 апреля, 1, 10 мая 1912 г.

³⁵⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. IV. СПб., 1912. Стб. 1095–1096.

³⁵⁶ Новое время, 17 мая 1912 г.

³⁵⁷ Голос Москвы, 13 мая 1912 г.

³⁵⁸ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. IV. СПб., 1912. Стб. 1572–1578.

³⁵⁹ Новое время, 25 апреля 1912 г.

³⁶⁰ Там же. 17 февраля 1912 г.

местный суд обойдется казне в 11–12 млн руб. и будет существовать в первоначальном виде только до реформы волости³⁶¹. «Русские ведомости» отмечали выхолощенность реформы: судьями после поправок Государственного совета должны были стать бывшие земские начальники³⁶². Несмотря на это и поддержку законопроекта со стороны Щегловитова, против голосовали не только левые, но и часть правых³⁶³. Остальные правые, по свидетельству Шубинского, поддержали проект лишь в последний момент – после отказа поляков голосовать вместе с октябристами³⁶⁴. 26 мая Дума постановила в течение 1 недели внести законопроект о депутатской неприкосновенности. Однако намеченные 3 заседания не состоялись за недостатком кворума, после чего по 37 параграфу Наказа комиссия подлежала реформированию³⁶⁵. По сути это было признанием поражения октябристской политики.

12 мая военно-морская комиссия проголосовала за Морскую программу. Коковцов приписывал заслугу себе и Григоровичу и обращал внимание монарха, что проведение его через комиссию в создавшейся в Думе ситуации было непростым делом³⁶⁶. В бюджетной комиссии Гучков указывал, что рост расходов на оборону необходимо было совместить с налоговой реформой, поскольку нужды Военного и Морского министерств не удовлетворялись. Предложение октябристского лидера об урезании расходов не прошло (19 против 26)³⁶⁷. В результате октябристы не смогли сговориться о едином голосовании, и Звегинцев даже обвинил Гучкова «в передержке цифр»³⁶⁸. Фракция решила голосовать произвольно. Только правые целиком одобрили программу. Часть националистов во главе с Балашовым при голосовании по дредноутам воздержались. Левые

---

³⁶¹ Там же. 19 февраля 1912 г., 4 мая 1912 г.

³⁶² Русские ведомости, 1 мая 1912 г.

³⁶³ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. IV. СПб., 1912. Стб. 1572–1578.

³⁶⁴ Новое время, 29 мая 1912 г.

³⁶⁵ Государственная дума. Обзор V сессии III Государственной думы. СПб., 1912. С. 265–266.

³⁶⁶ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 11. Лл. 34–37. 12 мая 1912 г.

³⁶⁷ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Лл. 797–810.

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 570. Л. 1426. М.И. Гучкова – Н.И. Гучкову, 7 июня 1912 г.

октябристы во главе с Гучковым, поляки и часть прогрессистов проголосовали в целом за, но против строительства 4 дредноутов. Кадеты и социалисты голосовали отрицательно³⁶⁹. По мнению Меньшикова, по-прежнему подававшего руку утопающему Гучкову, его голосование было наиболее компетентным³⁷⁰. 6 июня в закрытом заседании Большая морская программа была принята сразу в трех чтениях³⁷¹. Однако даже «Утро России» отмечало, что программа принята «неизвестно для каких целей»³⁷².

Накануне окончания сессии 8 июня император принял 250 депутатов и выразил «истинное удовлетворение» голосованием по морской программе, поблагодарил за вклад в развитие землеустройства, рабочего страхования, народного обучения и государственной обороны. В качестве критики была отмечена беспокойность прений, а также «некоторые дела получили не то направление, которое Ему представлялось бы желательным»; в частности, имелся в виду законопроект о церковно-приходских школах³⁷³. Царь лично вставил пассаж о школах в свою речь³⁷⁴. При личном приветствии Николай II демонстративно сделал вид, что не знаком с Гучковым. После приема Александр Иванович «был так возмущен, что не стеснялся выражениями»³⁷⁵. Вязигин также отметил: «Гучков взбешен»³⁷⁶. 9 июня в ответ на царскую речь октябристы демонстративно решили отклонить ассигнования на церковно-приходские школы. Родзянко спешно снял вопрос с повестки, но член Думы архиепископ Евлогий (Георгиевский) вновь его поднял и тогда октябристы и все левые покинули зал, сорвав кворум³⁷⁷. Кадеты попытались

---

³⁶⁹ Новое время, 6, 8 июня 1912 г.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. IV. СПб., 1912. Стб. 3760–3789, 3944–3950. Таким образом, с 1913 г. Россия должна была выйти на второе место в мире по тратам на военно-морской флот – после Британии и опережая Германию (Русская мысль. 1912. № 7. II паг. С. 152.).

³⁷² На совести большинства // Утро России, 8 июня 1912 г.

³⁷³ Дневник // Русская мысль. 1912. № 7. II паг. С. 153.

³⁷⁴ Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма: историко-документальное издание. СПб., 2003. С. 284.

³⁷⁵ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 183–186. Гучков возвращался с приема в одной карете с близким знакомым Шаховского.

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 570. Л. 1434. А.С. Вязигин – Т.И. Вязигиной, 8 июня 1912 г.

³⁷⁷ Там же. Л. 1443. А.С. Вязигин – Т.И. Вязигиной, 9 июня 1912 г.

провести запрос о деле Бейлиса, но большинство (111 против 87) его отвергло³⁷⁸. 9 июня Дума была распущена.

Государственный совет использовал предвыборную ситуацию для первой после марта 1911 г. демонстрации собственной самостоятельности. В феврале–марте Совет рассмотрел законопроект о местном суде. Дума в целом согласилась с его поправками. 5 июня Государственный совет принял согласованный с Думой законопроект о южном (астраханском, оренбургском и ставропольском) земстве, приблизив его к принципам 1890 г. Законопроекты о сибирском и дальневосточном земстве были отклонены по причине неразвитости в этих регионах частного землевладения и постоянного притока переселенцев. Такая же судьба постигла и законопроекты о всеобщем и начальном образовании: Совет отстоял церковно-приходские школы, отклонил преемственность между начальным и средним обучением, не согласился на установление предельного 10-летнего срока для введения всеобщего обучения³⁷⁹. В середине – второй половине июня были Высочайше утверждены законы о рабочем страховании, местном суде, земской повинности, земско-городском кредите, южном земстве, выделении Холмской губернии (в думском октябристском варианте). 3 апреля к 50-летию службы Дурново был награжден орденом св. Владимира I степени при Высочайшем рескрипте с похвалами за усердные труды и словами: «Последние годы вашей деятельности, одушевленные просвещенным стремлением к пользам государственным, отданы вами ревностным занятиям в составе Государственного совета»³⁸⁰. Такие рескрипты, как отметили «Московские ведомости», «выпадают на долю очень немногих»³⁸¹. Однако, несмотря на явное Высочайшее благоволение лично к Дурново, отношения правительства и Государственного совета после весеннего кризиса 1911 г. так и не были восстановлены. Незадолго до

---

³⁷⁸ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. СО. Ч. IV. СПб., 1912. Стб. 5105–5110.

³⁷⁹ Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 204–205, 219–232.

³⁸⁰ Новое время, 3 апреля 1912 г.

³⁸¹ Светлый день Петра Николаевича Дурново // Московские ведомости, 4 апреля 1912 г.

выборов Акимов признавался Глинке, что правительство с ним «не разговаривает», и спрашивал: «Вы понимаете что-нибудь из того, что у нас делается?»³⁸².

В отсутствие отчетливой правительственной стратегии каждая партия выстроила свою предвыборную стратегию на оппозиционных нотах: октябристы и кадеты затеяли скандальную сессию, прогрессисты сосредоточили критику на их неспособности добиться от власти необходимых преобразований. Националисты потеряли инициативу и оказались между властью и оппозицией. Конфликт властей, перешедший с начала 1912 г. на принципиальную почву, грозил скандальными выборами.

3.3. Выборы: всеобщее поражение

Роспуск Думы вызвал коллективный вздох облегчения: «Наконец-то ее не стало!»³⁸³. «Русская мысль» отмечала: «В одном сходятся все газеты. По одним – главная, по другим – единственная заслуга третьей Думы в том, что она жила и своим существованием приучала наши правящие слои к формам конституционной жизни. Оппозиция при этом замечает, что ради жизни нельзя терять смысл жизни»³⁸⁴. «Русские ведомости» писали об изначальной бесплодности Думы 3 июня и в первую очередь ставили ей в вину нежелание провести земскую реформу³⁸⁵. Однако при этом газета отмечала: «То дурное, что дало стране последнее пятилетие, чему Дума попустительствовала или что она прямо санкционировала, было бы сделано, если бы Думы и совсем не было, то же, хотя и небольшое, но положительное, что получила страна за эти годы, приобретено ею исключительно благодаря существованию народного представительства, хотя бы в такой уродливой форме, как Дума, избранная

---

³⁸² Глинка Я.В. Ук. соч. С. 94.

³⁸³ Отходная... // Утро России, 12 июня 1912 г.

³⁸⁴ Русская мысль. 1912. № 7. II паг. С. 154.

³⁸⁵ Русские ведомости, 2 июня 1912 г.

на основе избирательного закона 3 июня и руководимая октябристами в союзе с националистами и крайне правыми. При всяких условиях, при всякой партийной окраске парламента самый факт его существования представляет великую политическую ценность»³⁸⁶. Струве сомневался в ценности такого завоевания: «За время деятельности третьей Государственной думы произошло крупное политическое событие: Государственная дума почти исчезла, как реальная политическая сила. Остались только две таких силы: правительство, как властвующая бюрократическая организация, и Государственный совет, как бюрократически-дворянская контрольная организация». Безразличие, по словам Струве, «овладело теперь всем русским обществом»³⁸⁷. Отзываясь о смерти гр. Д.А. Милютин, публицист писал: «Люди такого стиля, как Милютин, стали в последнее время явно невозможны в России, как активные деятели государственной власти. И в этом заключается одно из тех знамений нашего времени, которые не могут не возбуждать патриотической тревоги, как симптомы государственного разложения и предвестники великих потрясений»³⁸⁸. Иными словами, проблема бессилия парламента была лишь частью более глобальной проблемы – проблемы бессилия власти.

Критика Думы справа была не менее жесткой. Кн. Мещерский писал о бесплодности и бледности ушедшей Думы, которая не выдвинула ни одного государственного ума³⁸⁹. Но и Мещерскому, как и Струве, проблема представлялась более масштабной. «Ни при графе Витте, ни при Столыпине управление не было так заброшено, так предано на произвол судьбы всяких влияний, всяких капризов <...> как в настоящее время», – сокрушался князь³⁹⁰. Правые неизменно повторяли о праве царя на основании статей 4 и 222 менять Основные законы³⁹¹. «Московские ведомости» расценивали как

---

³⁸⁶ Максимов А. Что сделала третья Дума и чего она не сделала? // Русские ведомости, 1 января 1912 г.

³⁸⁷ Русская мысль. 1912. № 1. III паг. С. 3.

³⁸⁸ Там же. 1912. № 3. III паг. С. 9.

³⁸⁹ Дневник // Гражданин. 1912. № 24. С. 10–11.

³⁹⁰ Там же. С. 12.

³⁹¹ Утугаев И. [Иванов И.Д.] Между 3-ей и 4-й Г. Думой. СПб., 1912. С. 5–10, 23.

вполне справедливую критику палаты со стороны торгово-промышленников³⁹². Тихомиров считал торгово-промышленный съезд реальным представительством сословия, в отличие от искусственной Думы, созданной по желанию Совета министров. Отмечая нежелательность превращения государства в «буржуазное», Лев Александрович писал: «Только жизнеспособность и самодеятельность общественных сил предохраняет государственность от страшнейшего из захватов – бюрократического. <...> Революции, приводящие к общественно-классовой анархии, всегда и толкают государство на этот роковой путь, единственно возможный, но в то же время быстро приводящий к деморализации бюрократической полицейской организации. <...> Дума, неспособная отрешиться от роли наследницы революции, точно также угрожает в конце концов вынудить государство для спасения страны вступить на дорогу бюрократическо-полицейского режима. Спасти нас от смуты и от бюрократической диктатуры может только развитие сословно-классовой жизнедеятельности». Государство, отмечал Тихомиров, в отличие от партий, не делает классы своими рабами³⁹³.

По мнению публициста, народное представительство в принципе было необходимо, поскольку ставило под контроль бюрократию, давало полезные мнения, доводило до власти нужды народа, участвовало в законодательной работе. Однако слой «профессиональных политиканов» был опаснее бюрократии³⁹⁴. Тихомиров предлагал сохранить двухпалатный парламент в составе Законодательного совета (на манер Государственного совета, но с длительным сроком избрания и частичной ротацией) и законосовещательной Народной думы, обладающей правом запроса и жалобы царю на министров, собираемой на краткие сессии, чтобы в ней не появилось «профессиональных политиканов»³⁹⁵. «Россия теперь ждет появления спасающего человека. <...>

---

³⁹² Торгово-промышленный съезд и Государственная дума // Московские ведомости, 11 мая 1912 г.

³⁹³ Классовое объединение // Московские ведомости, 5 июня 1912 г.

³⁹⁴ Сочетанная система управления // Московские ведомости, 11 июля 1912 г.

³⁹⁵ Народное представительство в высших учреждениях // Московские ведомости, 30 июня 1912 г.

В нем выражается потребность найти исчезнувший центр национального единения. <...> Идея есть предтеча личности. <...> Но эта спасающая идея русской гегемонии состоит вовсе не в том, чтобы русские всех эксплуатировали. Ведь ошибочна формула «Россия для русских». Эта формула совсем не русская, а взятая нами у американцев. Наша истинная национальная формула совсем иная: «Россия должна устраиваться по-русски». Из этого следовала необходимость сохранения самодержавия, «приведение бюрократии в должные границы, уничтожение ее тенденции захвата власти и освежение всего ее духа», создание народного представительства «с разумно и практично поставленными целями», «восстановление церковного строя», «народная самодеятельность в местном и социальном правлении, обеспеченная необходимыми правами и представительством перед агентами центральной власти». Необходимо было «возможно скоро» пересмотреть Основные законы³⁹⁶.

Пасхалов предложил упразднить Думу и вернуть законосовещательный статус Государственному совету, выборы в который осуществлять только от уездных земств, тем самым сохранив представительство только для русских и только для землевладельцев³⁹⁷. Мещерский предлагал дать монарху право решающего голоса в законодательстве: избирать сторону одной из палат, отклонять законопроект или менять любую его часть. Вопросы обороны необходимо было передать в особый комитет из депутатов при особо назначенном председателе³⁹⁸. Было предложено отменить пост председателя Совета министров, восстановить Комитет министров во главе с монархом, чтобы Дума могла лучше реализовать право запроса, а премьер не устанавливал неформальных контактов с думским большинством³⁹⁹. Таким образом, правые ставили вопрос о лишении Думы законодательной власти, что полностью меняло политическую конфигурацию и ликвидировало

---

³⁹⁶ Спасающая личность и спасающая идея // Московские ведомости, 15 июня 1912 г.

³⁹⁷ Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1911. С. 37–38.

³⁹⁸ Дневник // Гражданин. 1912. № 21. С. 13.

³⁹⁹ Дневник // Гражданин. 1912. № 25. С. 14–15.

Третьеиюньскую систему. В ответ на проект Мещерского член академической группы Государственного совета М.М. Ковалевский вполне справедливо писал, что он вносит дополнительное противостояние в отношения палат и перекладывает ответственность за законы на монарха⁴⁰⁰.

Лишь жаждущие правительственной поддержки играли в оптимизм. «Новое время» писало: «Нарастает политическая мысль – вот хороший результат первой нашей благополучно оканчивающейся Думы. <...> Теперь на смену бюрократии постепенно выходит народное представительство, тот древний порядок, с которого начиналась государственность. <...> Россия выздоровливает от той особой болезни, которую можно назвать болезнью власти. Под давлением двух новых условий – свободы законосоветования и свободы слова – правительство перестраивается – оно невольно крепнет, делается работоспособнее и жизнеспособнее. <...> Появление таких министров, как покойный Столыпин, С.В. Рухлов, А.В. Кривошеин, И.Г. Щегловитов, сразу сделало в их обширных ведомствах эру. Эти конституционные по убеждениям министры, казалось бы, ближе всего стоят к типу администраторов старого режима, но отделены от них целой пропастью. Даже наиболее решительные из них в известной степени боятся Г. Думы и принуждены считаться с серьезной печатью». В результате в ГУЗЗ и МПС уже произошли «заметные улучшения». Такие люди, уверял Меньшиков, раньше не смогли бы стать министрами. Он сожалел, что Дума не появилась в 1881 г.: «Россия, надо думать, оставалась бы и доселе неприступной и непобедимой». Публицист с оптимизмом смотрел в будущее: «Когда я слышу ропот на несговорчивость Г. Думы, на ее будто бы придирчивость, на будто бы явные попытки вмешаться не в свою область ведения, я испытываю чувство удовлетворенности. Ага, думаю я, – новая машина начинает действовать. <...> Это залог того, что мы, затрачивая миллиарды, не влопаемся опять в позор, граничащий с гибелью»⁴⁰¹.

---

⁴⁰⁰ Ковалевский М. Спасительный тормоз или гибельная запруда? // Вестник Европы. 1914. № 4. С. 209–210.

⁴⁰¹ Новое время, 29 мая 1912 г.

«Новое время» призывало Гучкова идти вместе с националистами, создать сильный «национальный центр» в новой Думе, которая в таком случае «могла бы затмить собою третью»⁴⁰². Вместе с тем, настоящее настроение Меншикова – его обеспокоенность ближайшими политическими перспективами – проявилось в том, что он не забывал о необходимости парламентской реформы. Меншиков предлагал свой старый (1907 г.) проект реформы избирательного закона и организации думской работы. В соответствии с ним каждый избиратель должен был голосовать за 15 представителей – по числу ведомств и связанных с ними думских отделов для повышения профессионализма и скорости работы, общее число депутатов и длительность сессий следовало сократить, исключить возможность прохождения представителей «открыто враждебных» национальностей и партий, а также лиц с низким имущественным цензом, «недостаточно обеспеченных нравственным цензом», священников, ввести порядок лишения депутатских полномочий и снизить оклады. Эти меры по мысли Меншикова должны были поддержать «новый строй». Меншиков выражал обеспокоенность финансированием правой печати из «секретного фонда», стремлением депутатов сохранить высокие оклады, что грозило воссозданием «доброе старое времени»⁴⁰³.

Через несколько дней после роспуска Думы возникли слухи об активном привлечении к предвыборной кампании духовенства: чиновники рассчитывали на его недовольство поведением октябристского большинства прошлой Думы. 14 июня «Голос Москвы» сообщал о соответствующих планах Синода⁴⁰⁴. Газета предупреждала: «Русский клерикализм совершенно искусственен; но если он не способен пустить глубокие корни в народных слоях, он однако же вполне способен, связав представителей церкви с делом политической реакции и борьбой против всех основ правового порядка и

---

⁴⁰² Меншиков М. Честь и место // Новое время, 14 июня 1912 г.

⁴⁰³ *Его же*, Дума о Думе // Новое время, 9 июня 1912 г.

⁴⁰⁴ Голос Москвы, 14 июня 1912 г.

свободной гражданственности, нанести тяжкий удар здоровому политическому развитию России и вместе с тем создать трагические, неразрешимые противоречия в народной совести. Только в азарте политической игры, который требует все новых ставок, только жертвуя будущим ради сегодняшнего дня, можно об этом забывать»⁴⁰⁵. «Утро России» также писало о стремлении правительства провести в Думу «аграрно-клерикальный блок»⁴⁰⁶. Было опубликовано предвыборное воззвание Святейшего Синода к православному духовенству. В нем отмечалось, что враги власти предлагают стране путь «поругания всех народных святынь, признания равноправия иноверных, уничтожения престола и даже, может быть, отречения от святой православной веры и глумления над тем, что дорого русскому православному люду», они преследуют «узкопартийные цели», хотят создать «чисто юридическое государство, в котором бы все инородцы и иноверцы мыслились полноправными подданными», от чего «государство неминуемо понесет непоправимый вред». Всему этому противопоставлялся принципиально иной – правительственный – курс «благоустройства быта народного, укрепления веры православной, стояния за Самодержавие Монарха»⁴⁰⁷.

Меньшиков выступил против «поповской» Думы и «адского» плана ввести в палату 200 священников и 20 епископов⁴⁰⁸. «Русские ведомости» действовали в том же духе, но шли дальше. «Стране не до шуток. Шутят сейчас торжествующие хозяева положения из правого лагеря», – писала газета. По ее сведениям, Синод якобы планировал провести в Думу 350 священников. Но газета успокаивала общественность: пройдет не более 80–100⁴⁰⁹. Меньшиков писал: «Вместо радостного оживления, которое в здоровых условиях свойственно парламентским выборам, – следует отметить преобладающее в обществе тревожное чувство нынешней избирательной

---

⁴⁰⁵ Русские ведомости, 19 июня 1912 г.

⁴⁰⁶ Грядущий поп // Утро России, 15 июня 1912 г.

⁴⁰⁷ Утро России, 1 августа 1912 г.

⁴⁰⁸ Кого выбирать в парламент // Новое время, 7 августа 1912 г.

⁴⁰⁹ 350 священников-депутатов // Русские ведомости, 6 сентября 1912 г.

кампании. Боятся реакционной Г. думы, как прежде боялись революционной». Как считал публицист, правые выступали не за самодержавие, а за бюрократию. Меньшиков давал им жесткую оценку: «умственно недалекие, они однако не так уж глупы, чтобы не видеть полной анархии, до которой довело Россию торжество бюрократического <...> начала. Но им просто нравится эта анархия. Она им по плечу, как заношенный халат, она им кажется неотделимой от духа русского, она кажется им даже основой нашего бытия». Он задавал вопрос: «Если мы Божией милостью империя, если мы – подданные своему Государю – народ-самодержец, ни от кого не зависимый под солнцем, то скажите – какая радость создавать внутреннюю какую-то зависимость помимо закона, – то зависимость от жидов, которых напустили в безмерном количестве, то от своих же земляков – чиновников, которым мы платим жалованье?» Народ, как считал Меньшиков, «должен послать в Г. Думу не двести жидов и не двести попов, а двести граждан – с одним заветом: отстоять Россию на высоте культурного величия. Парламент наш должен быть не партийным и не сословным, – а государственным, или одной горькой ошибкой в нашей истории будет больше»⁴¹⁰. Использование духовенства критиковал и «Гражданин»⁴¹¹. Лишь «Московские ведомости» оценивали участие духовенства как вынужденное и считали его ответом на вмешательство Думы в церковные дела⁴¹².

27 июля Коковцов отказался предоставить Думе материалы по выборам⁴¹³. В действительности правительство хотело видеть в Думе 250 правых и националистов, 50 октябристов, 140 левых⁴¹⁴. Однако черниговский губернатор Н.А. Маклаков писал министру внутренних дел: «Лишь при умелом использовании голосов духовенства, на которые я возлагаю в

---

⁴¹⁰ Новое время, 13 сентября 1912 г.

⁴¹¹ Дневник // Гражданин. 1912. № 34. С. 14.

⁴¹² Участие духовенства в Государственной думе // Московские ведомости, 3 августа 1912 г.

⁴¹³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Журналы совещания Государственной думы. СПб., 1913. С. 42–43.

⁴¹⁴ Лукоянов И.В. Ук. соч. С. 287–293.

настоящих выборах исключительную надежду, можно будет добиться сколько-нибудь благоприятных результатов»⁴¹⁵. 1 сентября товарищ министра внутренних дел Харузин секретным циркуляром советовал губернаторам сперва назначать съезды тех выборщиков, которые могли сулить успех лояльным силам, проверять цензы оппозиционных уполномоченных, привлекать епархиальное начальство для активного влияния на позицию духовенства⁴¹⁶. Вместе с тем, 17 августа Макаров направил губернаторам циркуляр, по которому численность духовенства в новой Думе не должна была превышать его количества в предыдущей, а увеличение его было «крайне нежелательно»⁴¹⁷. Указанными мерами центральная власть и ограничилась: остальное оставлялось на усмотрение губернаторов и становилось сферой их личной инициативы.

31 августа был опубликован указ о выборах в Думу после 10 сентября и ее созыве 15 ноября⁴¹⁸. Петербургский градоначальник издал циркуляр участковым приставам о предвыборных собраниях избирателях: их нужно было распускать в случаях отклонения от темы, сеянии вражды «одной части населения против другой», революционных призывов, незаконного сбора средств, отказа посторонних лиц покинуть собрание. Собрания могли проходить только в закрытом помещении⁴¹⁹. Определенное внимание правительство также уделило прессе. После газетных скандалов начала 1912 г. в отставку был отправлен назначенный еще Дурново начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард. На смену ему назначался бывший саратовский губернатор С.С. Татищев. Как и сам Макаров, он был правых взглядов и законник, трудолюбив и добросовестен, однако не был подготовлен к должности, что особенно сказалось накануне выборов. Татищев широко применял ст. 1034/4 п. 3 Уложения о наказаниях («заведомо ложные слухи, возбуждающие враждебное отношение к правительству») и,

---

⁴¹⁵ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 398. Л. 98об.

⁴¹⁶ Там же. Л. 104–104об.

⁴¹⁷ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 247. Лл. 43–44. Цит. по: Дякин В.С. Ук. соч. С. 67.

⁴¹⁸ Новое время, 31 августа 1912 г.

⁴¹⁹ Там же. 9 сентября 1912 г.

как считал председатель Московского комитета по делам печати А.А. Сидоров, договорился с Щегловитовым, что суды будут это признавать⁴²⁰.

Октябристы подошли к выборам в состоянии, близком к параличу. И.С. Ключев считал, что Гучков запустил фракционные дела, не блокировал запросы, которые мешали Думе работать, дискредитировал себя соглашением с националистами, антираспутинской кампанией, дуэлью с Мясоедовым⁴²¹. Тем не менее, октябристы готовились начать предвыборную кампанию в Петербурге с приездом Гучкова, который ожидался 15 августа. Вопрос о блоке с кадетами, который поднимал Челноков, был отложен. Прогрессисты серьезно не воспринимались. Шансы самого Гучкова, как считали октябристы, «за последнее время улучшились», поскольку скандал с русско-американским договором благодаря поездке Кривошеина в Туркестан в целом улегся⁴²². Еропкин считал, что состав Думы не изменится, поскольку «поместный земский элемент» все равно проголосует за октябристов⁴²³. После роспуска Думы в Петербург возвратился и Распутин. «Голос Москвы» продолжал развивать распутинскую тему, делая явные намеки на монарха⁴²⁴. Гучков написал: «Возобновилась вся эта мерзость! <...> Поистине, обреченные!»⁴²⁵. Линдеман признавался, что сам Александр Иванович «очень подавлен разными петербургскими впечатлениями и полон мрачных предсказаний и ожиданий»⁴²⁶. Гучков в беседе с корреспондентом «Утра России» прогнозировал, что будущая Дума из-за действий властей будет более правой, однако принципиального влияния на судьбы страны это оказать не могло, в то время, как левая по своему составу Дума могла спровоцировать ее ликвидацию⁴²⁷. Октябристы призывали националистов к

---

⁴²⁰ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 99–101.

⁴²¹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–15об.

⁴²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 571. Л. 1599. К.Э. Линдеман – П.В. Каменскому, 6 июля 1912 г.; Там же. Д. 572. Л. 1686. К.Э. Линдеман – Ф.И. Гучкову, 25 июля 1912 г.

⁴²³ Еропкин А. Четвертая Дума // Голос Москвы, 4 июля 1912 г.

⁴²⁴ Распутин в Петербурге // Голос Москвы, 1 июля 1912 г.

⁴²⁵ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. 670. ч. 2. Л. 144об. 3 июля.

⁴²⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 571. Л. 1599. К.Э. Линдеман – П.В. Каменскому, 6 июля 1912 г.; Там же. Д. 572. Л. 1686. К.Э. Линдеман – Ф.И. Гучкову, 25 июля 1912 г.

⁴²⁷ Грядущее... (Из беседы с бывшим депутатом) // Русские ведомости, 25 июля 1912 г. Корреспондент прямо не указывал имя Гучкова, но в пояснении от редакции сообщалось, что это именно он.

сотрудничеству в будущей Думе⁴²⁸. А вскоре октябристы уже начали нащупывать почву для сотрудничества в новой Думе и с правыми: Громобой прогнозировал совместную борьбу за обороноспособность и национальные интересы, против коррупции и произвола. Главной целью текущего момента считалось «общими силами заградить доступ врагам русской государственности»⁴²⁹. Однако Ф.И. Гучков встречался с Коковцовым и Макаровым и, при всей их любезности, не нашел поддержки: «Более чем когда-либо вижу, что мы одиноки»⁴³⁰. После этого А.И. Гучков дал указание «Голосу Москвы» не ругать Челнокова, поскольку очередной противник – «не кадет, а правый». Маклаков и Гучков даже якобы согласовали некую комбинацию по Москве, хотя Маклаков и не мог поручиться за Милюкова и москвичей⁴³¹. Октябристы стремительно теряли поддержку со всех сторон.

Последней надеждой Александра Ивановича становилась военная тревога. Предвыборные расчеты октябристского лидера включали и обострение международной обстановки на Балканах. А.И. Гучков считал, что война на Балканах начнется не позднее сентября, причем она могла стать общеевропейской⁴³². Октябристы войны не боялись, она открывала для них новые возможности взаимоотношений с властью. О готовности к войне партийный лидер говорил: «Наша теперешняя полуготовность уже не та полная беспомощность, что была перед третьей Думой»⁴³³. Гучкову необходим был международный кризис и действующая Дума – любой ценой. Но Ф.И. Гучков сообщал брату, что Коковцов и Макаров не верили в скорую перспективу войны⁴³⁴. Власть практически перестала принимать октябристов в расчет. В августе, в связи с Бородинскими торжествами, состоялся первый за 9 лет царский визит в Москву. Думцев по причине прекращения их полномочий к торжествам официально не привлекали. Для Родзянко,

---

⁴²⁸ Громобой [Бобринцев-Пушкин А.В.]. Часовой на посту // Голос Москвы, 20 июля 1912 г.

⁴²⁹ *Его же*, Слишком правая Дума // Голос Москвы, 10 августа 1912 г.

⁴³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 506. Л. 126. Ф.И. Гучков – А.И. Гучкову, 30 августа 1912 г.

⁴³¹ Там же. Д. 509. Л. 50. А.И. Гучков – Ф.И. Гучкову, 14 сентября 1912 г.

⁴³² Грядущее... (Из беседы с бывшим депутатом) // Русские ведомости, 25 июля 1912 г.

⁴³³ Съезды и конференции... С. 375.

⁴³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 506. Л. 126. Ф.И. Гучков – А.И. Гучкову, 30 августа 1912 г.

который заявлял: «Позвольте, я вторая особа в империи» и требовал, чтобы городские отдавали ему честь⁴³⁵, это был настоящий вызов. «Гучков еще не чувствует, что ему выгодно: соглашение или новое столкновение», – гадали кадеты⁴³⁶. Однако вскоре все окончательно прояснилось. 13 сентября Гучков в письме Звегинцеву просил фиксировать все случаи административных злоупотреблений на выборах⁴³⁷. Звегинцев передал письмо Милюкову⁴³⁸.

В сентябре 1912 г. власть поставила точку во взаимоотношениях с октябристами. «Россия» писала: «С понятным сожалением видим себя вынужденными отметить, что «Голос Москвы», как выясняется, окончательно решил, подражая «Речи» и подобным ей органам, стать на путь инсинуаций по адресу правительства»⁴³⁹. «Земщина» уже не видела разницы в политической платформе октябристов и кадетов: «Вся разница лишь в том, что Гучков все-таки ловчее неудачливого ка-декского батьки». У правых были и дополнительные резоны: по мнению газеты, «Гучков может явиться наиболее удобным связующим звеном между властью и «прогрессистами», если Коковцов действительно пойдет на смену курса⁴⁴⁰. Правая публицистика резко клеймила октябристов за полонофильство⁴⁴¹. Но слева октябристы осуждались не менее активно: «Роль октябристского большинства по достоинству оценена и заклеимлена общественной Россией. Тяжкий грех этого большинства не простится ему ни историей, ни самою страной. Из нынешней избирательной кампании октябризм выходит настолько же умаленным, насколько он сам своей беспринципной тактикой угодничества перед господствующей бюрократией умалил авторитет народного представительства»⁴⁴². «Русское слово» писало: «Октябризм – это оскорбление. Сказать «октябрист» – значит приписать человеку открытое

---

⁴³⁵ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 93–94.

⁴³⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 575. Л. 1910. Н.И. Астров – Д.Н. Шипову, 6 сентября 1912 г.

⁴³⁷ Там же. Ф. 932. Оп. 1. Д. 132. Л. 21.

⁴³⁸ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4199.

⁴³⁹ Россия, 27 сентября 1912 г.

⁴⁴⁰ Не пускайте в Думу Гучкова! // Земщина, 5 октября 1912 г.

⁴⁴¹ Утугаев И. [Иванов И.Д.] Между 3-ей и 4-й Г. Думой. СПб., 1912. С. 5–10, 23.

⁴⁴² Москва перед выборами // Утро России, 17 октября 1912 г.

вероломство, подхалимство, беспринципность, служение в политических передних и продажу оптом и в розницу за одобрительную улыбку начальства всех народных требований и нужд страны. <...> Октябризм изжит. Страна должна пинком отбросить его в мусорный и грязный ящик истории»⁴⁴³. К октябрю Линдеман уже сомневался в шансах Гучкова пройти в Думу⁴⁴⁴. 15 октября Гучков произнес отчаянную речь на октябристском собрании в Московском купеческом клубе. Он напоминал, что октябризм – это «договор <...> это выражение лояльности между исторической властью и народом». «Манифест 17 октября есть акт высокого доверия к народу. И октябризм отвечает актом веры со стороны народа в искренность власти», – произносил партийный лидер⁴⁴⁵. Кто теперь мог в это поверить? Накануне выборов Громобой писал, что Дума должна стать представительством «умеренно-прогрессивных слоев населения». Статья содержала горячий призыв голосовать: «Это тем более необходимо, что нет никакой возможности полагаться на <...> нынешний бюрократический состав, ни теплый, ни холодный». В то же время о кадетях говорилось, что это – партия, которая «не представляет в сущности ничьих интересов, не имеет права на существование ни при нынешнем, ни при демократическом строе, и конечное ее ослабление и уничтожение является необходимым условием для возможности планомерной государственной работы»⁴⁴⁶. Все эти слова явно запоздали.

Кадеты отмечали, что за год не сбылись ожидания о смягчении столыпинского курса: «Сохранение устоев столыпинского курса, усиление всех его наиболее тяжелых для общества проявлений, ослабление идеи политического единства в центральном правлении, возврат к дореформенной ведомственности»⁴⁴⁷. «Что Пуришкевич, что Балашов, что Гучков – с точки зрения коренного вопроса о задачах и целях народного представительства –

---

⁴⁴³ Маляры обновленного строя // Русское слово, 28 сентября 1912 г.

⁴⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 577. Л. 2140. К.Э. Линдеман – А.И. Коростелеву, 1 октября 1912 г.

⁴⁴⁵ Голос Москвы, 16 октября 1912 г.

⁴⁴⁶ Громобой [Бобрищев-Пушкин А.В.]. Перед четвертой Думой // Голос Москвы, 23 сентября 1912 г.

⁴⁴⁷ Речь, 5 сентября 1912 г.

одно и то же», – писала «Речь»⁴⁴⁸. Однако возникала новая опасность: «Усталое и презрительное равнодушие, характерное для оппозиции и левых кругов провинции, вполне понятно. <...> Вызывая озлобление и чувство мести в единицах и вместе с тем отталкивая массы от участия в тех скудных и бледных формах политической жизни родины, которые разрешены начальством, они возвращают нас к дореволюционному периоду, когда политическая деятельность была занятием одних лишь профессиональных политиков. Но, по единогласному свидетельству всех наблюдателей провинциальной жизни, упадок политической жизни далеко не сопровождается ослаблением отрицательного отношения к правительственной политике. Напротив, оценка ее стала еще резче, еще злее, еще презрительнее; пока отсутствует лишь воля для проведения в жизнь этих отрицательных суждений. <...> Возможно, что четвертая Дума будет еще правее третьей». В провинции полагали, что губернаторы и исправники вполне могли провести выборы в выгодном себе ключе⁴⁴⁹. «Борьба с обществом как самостоятельной силой государственной жизни, это – государственный принцип бюрократии, на котором она строит свою систему управления. Бюрократия не умеет и со своей точки зрения не может считаться с общественными стремлениями и силами, потому что ей страшен их рост. Единственную уступку времени она делает в том, что ищет себе союзников в тех элементах общества, которые сами, как и она, боятся роста общественных сил» – Помголам, кооперативов, профсоюзов⁴⁵⁰. Этому способствовал и рост «узко-национальных тенденций» среди поляков, малороссов, евреев⁴⁵¹.

На таком фоне радовали даже скромные предвыборные успехи: Кишкин сообщал, что кадетские активисты, молчавшие по 2 года, накануне выборов оживали и вступали в переписку – было отмечено 20 таких

---

⁴⁴⁸ Там же. 11 сентября 1912 г.

⁴⁴⁹ Прокопович С. Перед опасностью // Русские ведомости, 8 мая 1912 г.

⁴⁵⁰ Там же. 15 апреля 1912 г.

⁴⁵¹ Прокопович С. Перед опасностью // Там же. 8 мая 1912 г.; Перед выборами // Московские ведомости, 29 июля 1912 г.

«оживших мертвецов»⁴⁵². На заседании петербургского городского комитета кадетов был принят план выборной кампании, который предполагал 2 этапа: во второй половине июля – начале августа планировалось организовать ряд лекций и собраний в районах, где «менее всего заметен разъезд на дачи», в середине августа – октябре планировалось создавать особые бюро по рассмотрению агитационных материалов, составлять списки кандидатов с их биографиями и т.п. Горком должен был наметить агитаторов, организовать финансы и доставку материалов для бюро⁴⁵³. Однако по впечатлениям от Саратовской и Воронежской губерний С.А. Котляревский писал: «Везде поражает глубокий политический индифферентизм. Трудно себе представить, что через два месяца будут выборы. И это просто индифферентизм, а совсем даже не сознание бессилия. Этот симптом представляется мне наиболее угрожающим. <...> И какой контраст с тем экономическим подъемом, который несмотря ни на что, несмотря даже на голод, чувствуется в деревне»⁴⁵⁴. Шингарев признавался: ««Разъяснения» в таком ходу, что кампания выйдет полузадушенной. И то сказать, какая удержится свобода в сонной стране»⁴⁵⁵. Петрункевич был недоволен слабым участием «Речи» в предвыборной кампании⁴⁵⁶. Несмотря на это, Милюков резко возражал против публикации в «Речи» «деловой» программы кадетов, поскольку она могла быть воспринята как «искаженная» программа партии⁴⁵⁷. Настроения были подавленные. Отмечался кризис партийности, абсентеизм всех категорий избирателей, и в особенности – прогрессивных⁴⁵⁸. «На абсентеизме мелких светских избирателей и на дружном натиске избирателей духовных и покоятся все расчеты реакции», – признавала «Речь»⁴⁵⁹. На выборах в Москве прогрессисты даже не смогли выдвинуть

---

⁴⁵² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 562. Л. 668. Н.М. Кишкин – И.И. Петрункевичу, 26 февраля 1912 г.

⁴⁵³ Там же. Оп.242. 1912. Д. 27. ч. 57. Лл. 9–9об. 20 апреля 1912 г.

⁴⁵⁴ Там же. Оп. 265. Д. 572. Л. 1669. С.А. Котляревский – С.В. Лурье, 29 июля 1912 г.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 1667. А.И. Шингарев – кн. Д.И. Шаховскому, 21 июля 1912 г.

⁴⁵⁶ Там же. Д. 571. Л. 1546. И.И. Петрункевич – кн. Д.И. Шаховскому, 27 июня 1912 г.

⁴⁵⁷ Там же. Д. 574. Л. 1848. П.Н. Милюков – кн. Д.И. Шаховскому, 24 августа 1912 г.

⁴⁵⁸ Новое время, 14, 17, 20, 24 сентября 1912 г.; Русские ведомости, 17 июля 1912 г.; Перед выборами // Московские ведомости, 29 июля 1912 г.; Избирательское равнодушие // Утро России, 1 июля 1912 г.

⁴⁵⁹ Речь, 18 августа 1912 г.

своих кандидатов, поскольку Четвериков, Третьяков и Рябушинский участвовать отказались. В результате была достигнута договоренность с кадетами о выдвижении М.В. Челнокова и М.М. Новикова⁴⁶⁰. Однако Челноков не хотел участвовать в кампании: «Четвертая Дума со своими попами и националистами будет еще хуже третьей»⁴⁶¹. Единомышленники соглашались: «Дума четвертого созыва будет состоять из лиц, ищущих карьеры и готовых на все ради личного благополучия»⁴⁶².

С 20 сентября тема выборов, хотя они были в самом разгаре, сменилась в газетах балканскими событиями и рассуждениями об угрозе войны. 25 сентября Черногория начала войну с Турцией, а через 10 дней в войну вступили Сербия, Болгария и Греция. На таком фоне новости о выборах, как утверждал Гучков, значительно бледнели⁴⁶³. Усилились слухи о смене Сазонова на Витте⁴⁶⁴. Сам Витте, прекрасно зная о перлюстрации, в частном письме утверждал о всегдашней преданности монарху, провалах русской дипломатии на Балканах и презрении к III Думе⁴⁶⁵. В конце октября падение Константинополя представлялось скорой перспективой⁴⁶⁶. 26 октября император отдал распоряжение о срочной подготовке десантной операции на Босфоре, которая в случае необходимости должна была быть осуществлена незамедлительно⁴⁶⁷. 21 октября был подписан русско-монгольский договор, резко обостривший и ситуацию на Дальнем Востоке. Ситуация могла привести к скорому втягиванию России в войну. 25 октября правительство приняло решение о согласовании чрезвычайных кредитов в подготовительный к войне период: они должны были вноситься в Совет

---

⁴⁶⁰ Новое время, 25 сентября 1912 г.

⁴⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 574. Л. 1888. М.В. Челноков – Д.Н. Шипову, 3 сентября 1912 г.

⁴⁶² Там же. Д. 578. Л. 2211. Кн. А. Орбелиани – Д.Н. Шипову, 7 октября 1912 г.

⁴⁶³ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 373.

⁴⁶⁴ Голос Москвы, 2 октября 1912 г.

⁴⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 577. Л. 2145. Гр. С.Ю. Витте – И.А. Ефрону, 1 октября 1912 г.

⁴⁶⁶ Судьба Святой Софии // Утро России, 26 октября 1912 г.

⁴⁶⁷ Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 2010. С. 136–137.

министров в самый или на следующий день после инициирования⁴⁶⁸. 29 ноября и 5 декабря в Совете министров обсуждались меры военной предосторожности на границе с Австро-Венгрией⁴⁶⁹.

Выборы прошли необычно. Меньшиков писал: «Ни для кого не секрет, что правительство на сей раз не осталось безучастно к производству населением выборов в 4-ю Думу. Правительство сделало то, что делают все правительства мира, когда производятся выборы в законодательные палаты». Публицист соглашался с тем, что все манипуляции осуществлялись властями в рамках законности, но действия в пользу правых были непонятны, поскольку правые были против самой Думы. Выстраивались 3 версии авторства подобной кампании: 1) Саблер и Харузин, 2) Коковцов, который стремился таким образом избавиться от неугодных ему членов Совета министров, 3) правые в правительстве, мечтавшие уничтожить саму Думу. Меньшиков склонялся к первому варианту, но терялся в догадках о целях. «Эти политические потемки, в которых обречено оставаться русское общество среди обстоятельств исключительной важности, прежде всего и более всего вредны и даже опасны самому правительству, ибо они лишают его нравственной опоры в общественном сознании и мешают ему направлять поднимающееся общественное настроение в то самое русло, которого держится правительственный курс. А ведь и правительство, надо думать, знает, что общественное настроение, достигнув высокой степени напряжения, но не направленное в надлежащее русло, может перетянуть в свое течение и само правительство, как бы оно этому не противилось. Ведь еще многие свидетели событий 1875–1877 годов живы и они, конечно, помнят, как мы упирались тогда против вмешательства в те же самые балканские дела, а под давлением общественного настроения, в конце концов, все-таки втянулись в войну»⁴⁷⁰. Меньшиков полагал, что в

---

⁴⁶⁸ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1912 год. М., 2004. С. 307–310.

⁴⁶⁹ Там же. С. 386–391.

⁴⁷⁰ В политических потемках // Новое время, 7 октября 1912 г.

правительстве не было действительного единства⁴⁷¹. «Речь» признавала сметливость власти на выборах и называла непосредственным автором кампании Гурлянда⁴⁷². Давление властей на выборах, по мнению либералов, было таким, какое в Европе оказывалось лишь несколько десятилетий назад⁴⁷³. «Хитроумные приемы» предполагали использование духовенства, лишение Сенатом избирательных прав десятков тысяч евреев по причине условного права жительства, исключение из избирательных списков, выделение курий⁴⁷⁴.

Из 5012 выборщиков, избранных от Европейской России, 57 % составляли правые, 8,5 % – националисты, независимые националисты и умеренно-правые, 10,1 % – октябристы, 5,2 % – прогрессисты, 8,4 % – кадеты, 6,5 % – крайние левые, 6,8 % – беспартийные⁴⁷⁵. Левые (кадеты и социалисты) взяли 2/3 в городах, правые и националисты – 27 %, октябристы – 10. Социал-демократы Петербурга получили 19,5 % по II курии. Землевладельческая курия отдала правым 54,1 %, октябристам – 32,8, либералам – 13,1. Крестьянская – соответственно 41,4, 22,4, 34,5; трудовики полностью провалились – был избран только 1 депутат⁴⁷⁶. Вторая городская курия проголосовала, как и в 1907 г., первая выдвинула в 2 раза больше прогрессистов, чем октябристов и правых вместе взятых, правые практически потеряли поддержку губернских городов, оглушительный провал постиг октябристов: они не были избраны ни в Петербурге, ни в Москве. Города с отдельным представительством дали в 1907 г. 9 оппозиционеров и 7 октябристов и правых, а в 1912 г. – 13 и 3, в т.ч. 2 из Одессы⁴⁷⁷. Гурлянд в записке, составленной по результатам голосования, вынужден был признать поражение властей на выборах в городах⁴⁷⁸. Национальные меньшинства

---

⁴⁷¹ Чем объединяется правительство? // Там же. 21 октября 1912 г.

⁴⁷² Речь, 24 октября 1912 г.

⁴⁷³ Русские ведомости, 5 октября 1912 г.

⁴⁷⁴ Изгоев А. На переломе // Русская мысль. 1912. № 11. II паг. С. 167.

⁴⁷⁵ Русские ведомости, 18 октября 1912 г.

⁴⁷⁶ Лукоянов И.В. Ук. соч. С. 287–293; РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35.

⁴⁷⁷ Русские ведомости, 28 октября 1912 г.

⁴⁷⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 27.

(поляки, евреи, немцы, мусульмане) на выборах выступили против всех российских партий. Изгоев отмечал: «Вслед за Столыпиным угнетенные национальности, следуя по указанному пути, все сильнее и сильнее толкают Россию на путь австрийского развития». По поводу использования духовенства на выборах кадетский публицист писал: «Религиозной реформации оказана была колоссальная услуга». Общий итог ему виделся таким: «Ни один добросовестный человек не может отрицать полевения страны»⁴⁷⁹.

Однако соратник Изгоева по «Вехам» С.Н. Булгаков приходил в «Русской мысли» к несколько иным выводам: «Россия гниет заживо. <...> Она глубоко отравлена смертоносным ядом, и яд этот – нигилизм, двойной по происхождению и характеру – нигилизм интеллигентский и бюрократический. <...> Новое торжество интеллигентского нигилизма может значить только дальнейший развал нашей государственности и культуры. Однако интеллигент верит в свою религию и субъективно она оправдывается этой верой. Но этот административный нигилизм, который не останавливается перед цинизмом и из нигилизма и политического шулерства делает программу государственного управления, – он неизбежно приходит к собственному самоупраждению и торжеству «духа разрушения» с праведным и неправедным его гневом. Россия как будто снова стремится к бездне и развалу»⁴⁸⁰.

Политическая неопределенность более всего проявлялась в провале октябристов. В нем кадеты склонны были обвинять их самих, поскольку они предпочитали объединяться даже с правыми без всяких условий, чем идти на соглашение с прогрессистами и кадетами⁴⁸¹. Однако на выборах в Петербурге октябристы в союзе с националистами призвали избирателей не голосовать по причине административного произвола (привлечение к судебной ответственности за «карикатурные» преступления, давление на печать и

---

⁴⁷⁹ Изгоев А. На переломе // Русская мысль. 1912. № 11. II паг. С. 167, 177–180.

⁴⁸⁰ Булгаков С. На выборах (из дневника) // Русская мысль. 1912. № 11. II паг. С. 190–192.

⁴⁸¹ Русские ведомости, 7 октября 1912 г.

собрания избирателей, использование духовенства)⁴⁸². «Осведомленный сановник» сообщал «Русским ведомостям» об установке властей на продвижение правых, ради чего проваливают даже националистов и тем более октябристов. Однако связь таких правых с населением и их программа были неясны, поэтому можно было предположить, что потом правых «переименуют» в умеренных, поскольку «другого выхода нет»; сами правые выступали против Думы как таковой и на этой почве даже могли войти в конфликт с более умеренным правительством⁴⁸³.

18 октября в Москве в I городской курии был забаллотирован Гучков. Купцы голосовали против него, поскольку он являлся сторонником войны, а она привела бы к блокаде Проливов и ущербу для торговли⁴⁸⁴. Октябристы называли провал ожидаемым и объясняли его расхождением партии с правительством⁴⁸⁵. Александр Иванович «перенес удар с большим внешним спокойствием, хотя я читал в душе его ясные признаки глубокого огорчения». Линдеман винил в этом самого Гучкова, который запустил свою предвыборную кампанию⁴⁸⁶. «Голос Москвы» отмечал, что более всего этому радовались не кадеты, а правительство: «Все будет обстоять благополучно в Думе Саблера, Пуришкевича и Толмачева!» Победа кадетов была расценена как следствие «обывательщины»: «Обыватель не может подняться до государственной широты мысли, до широты оценки действительного значения политического момента и политических перспектив». «Бесцветные фигуры» Челнокова и Новикова не могли, по мнению «Голоса Москвы», что-либо поменять в правой Думе⁴⁸⁷. Газета также отмечала полное несоответствие избранных в Государственный совет представителей торговли и промышленности от Москвы (Н.Ф. Дитмара, Ф.А. Иванова, Е.Л. Зубашева и П.Ф. Иорданова) реальным интересам сословия. «Однако

---

⁴⁸² Голос Москвы, 20 октября 1912 г.

⁴⁸³ Русские ведомости, 3 октября 1912 г.

⁴⁸⁴ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 10.

⁴⁸⁵ Утро России, 19 октября 1912 г.

⁴⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 579. Л. 2391. К.Э. Линдеман – П.В. Каменскому, 23 октября 1912 г.

⁴⁸⁷ Голос Москвы, 20 октября 1912 г.

промышленникам некого за это винить, кроме самих себя», – отмечала газета⁴⁸⁸. Тем не менее, и на выборах от университетов победили левые, а московский ректор октябрист М.К. Любавский избран не был⁴⁸⁹.

25 октября московский городской совет партии дал торжественный обед в честь Гучкова, который выступил с примирительной речью: «Мы еще не привыкли к мысли, что политическая жизнь государства должна иметь свои приливы и отливы». Партийный лидер завещал хранить конституционный строй и закончил возгласом «ура!» в отношении царя. Оценивая выборы и их результаты, Гучков был подчеркнуто осторожен и лоялен ко всем сторонам: он отмечал лишь «случайные давления», а также тревожные настроения, вылившиеся «в форму негодующего протеста». При этом Александр Иванович констатировал: «Пусть этот протест был выражен несколько близоруко, но психологически он вполне объясним»⁴⁹⁰. Октябристы открыто констатировали «малочисленность» своей фракции⁴⁹¹, но считали ее самой «сплоченною и единодушною»⁴⁹². Гучков отбыл на Балканы с миссией Красного Креста. Пуришкевич разослал телеграммы во все газеты: «А.И., примите пост главнокомандующего на Балканах. Там есть, с кем посчитаться, и дело скорее выгорит, чем в не оценившей своего Наполеона Москве»⁴⁹³. «Московские ведомости» ликовали: «Если кто-нибудь в зале Таврического дворца действительно угрожал концом монархической России, то, конечно, Александр Иванович Гучков»⁴⁹⁴. «Гражданин» считал победу Челнокова гораздо менее важной, чем провал Гучкова, поскольку он «представляет собой более резкий оппозиционный тип, чем кадеты»⁴⁹⁵. Однако Тихомиров резонно отмечал, что Гучков «человек гибкий, найдет где ему явиться»⁴⁹⁶.

---

⁴⁸⁸ Выборы в Государственный совет // Там же. 27 октября 1912 г.

⁴⁸⁹ Русские ведомости, 18 октября 1912 г.

⁴⁹⁰ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 377–379.

⁴⁹¹ Там же. С. 380. Приветствие ЦК думской фракции (Голос Москвы, 30 ноября 1912 г.).

⁴⁹² Там же. С. 381. Заседание ЦК от 3 декабря 1912 г.

⁴⁹³ Утро России, 21 октября 1912 г.

⁴⁹⁴ Московские выборы 18 октября // Московские ведомости, 23 октября 1912 г.

⁴⁹⁵ Дневник // Гражданин. 1912. № 43. С. 13.

⁴⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 580. Л. 2423. Л.А. Тихомиров – Г.Г. Замысловскому, 26 октября 1912 г.

Провал октябристского лидера на выборах в консервативных кругах объяснялся активностью кадетов⁴⁹⁷. «Новое время» прогнозировало, что политическая карьера Гучкова не закончится, поскольку он мог оставаться лидером октябристов и вне Думы. Тем не менее, среди думских октябристов и националистов было мало личностей. Итог был такой: «Четвертая Г. Дума выясняется в тумане, как нечто химерическое и невозможное. Но пройдут три недели и загадка раскроется просто. Ничего в ней не окажется особенного. Дума как Дума: без явной революции, но с большим зарядом беспорядка. Вместо великих идей мы, конечно, натолкнемся на малые. Вместо серьезного и упорного труда начнется более или менее изящное безделье, бесконечные речи, жаркие препирательства, словесные потасовки...». Кроме того, усилившиеся думские правые, по мысли Меньшикова, должны были стать головной болью правительства, поскольку требовали бы вечных подачек⁴⁹⁸. Крупенский отправил Гучкову письмо с искренним сожалением⁴⁹⁹.

«Утро России» праздновало победу: «Политическая карьера А.И. Гучкова кончена!»⁵⁰⁰, «его опередил никому не ведомый противник, какой-то Новиков, вчерашний икс, а сегодня – избранник Москвы!»⁵⁰¹. Газета заключала: «Октябризм даже в «чистом» виде в России просто не имел под собою почвы, несмотря на то, что в России множество людей, видящих идеал в осуществлении начал 17 октября и не дальше. Это звучит, как парадокс, а между тем это – так. Почему? Потому что каждый идейный октябрист в России, оказывается, должен практически <...> быть кадетом! Потому что было бы очень наивно думать, что достаточно желать и требовать начал 17 октября «и не дальше», чтобы их получить. Нужно было именно требовать дальше, не стесняясь «запросом» – чем дальше, тем лучше»⁵⁰². Изгоев писал:

---

⁴⁹⁷ Новое время, 20 октября 1912 г.

⁴⁹⁸ Новая порода людей // Там же. 23 октября 1912 г.

⁴⁹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 509. Л. 112. П.Н. Крупенский – А.И. Гучкову, 23 октября 1911 г.

⁵⁰⁰ Что означает поражение А.И. Гучкова? // Утро России, 19 октября 1912 г.

⁵⁰¹ Урок // Там же. 19 октября 1912 г.

⁵⁰² Польшов С. Победы и поражения // Там же. 21 октября 1912 г.

«Преступлением Александра Ивановича Гучкова мы считаем то, что, будучи лидером большой легализованной партии, он сделал все, чтобы убить ее и лишить всякой общественной силы. <...> По психологии ничем не отличается от тех бюрократов, которые, наружно приняв конституционные формы, лишали их всякого внутреннего содержания». Большинство октябристов, кроме 3–5 десятков, были черносотенцами или безыдейными. Их предвыборная кампания была крайне вялой, «на предвыборных собраниях тянулась избитая канитель интеллигентской перепалки между социал-демократами и кадетами»⁵⁰³. «Речь» не выказывала большой радости по поводу провала Гучкова, но полагала, что его отсутствие в Думе усугубит вероятность прямого лобового столкновения правых и левых в грядущей Думе и завершит политическую стагнацию⁵⁰⁴. В.А. Маклаков писал Бобрищеву-Пушкину: «Октябризм как либерализм, в отличие от конституционно-демократического радикализма и демократизма, не только необходим, но и является обязательным условием успешного развития конституции. Гучков, как оппозиция, внушительнее и сильнее Милюкова, и здраво понятые интересы политического освобождения требовали бы не подрубать ему ноги в этот момент». Однако попытки Маклакова на этом направлении, по его собственному признанию, провалились «не только по сопротивлению влиятельных руководителей партии, а еще гораздо более по полному к этому несочувствию избирательной массы». Но и сами октябристы, по мнению Маклакова, несли вину, поскольку шли в ногу с реакцией⁵⁰⁵. Как утверждал он же корреспонденту «Утра России», Гучков провалился, поскольку был «недостаточно либерален». При этом Маклаков сожалел, что в новой Думе не будет весомого центра, поскольку октябристы должны были представлять «либеральную буржуазию – течение, которое все-таки в стране существует и которому, конечно, принадлежит ближайшее

---

⁵⁰³ Изгоев А. На переломе // Русская мысль. 1912. № 11. II паг. С. 171–177.

⁵⁰⁴ Речь, 20 октября 1912 г.

⁵⁰⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 580. Л. 2473. В.А. Маклаков – А.В. Бобрищеву-Пушкину, 30 октября 1912 г.

будущее». Кадетов и социалистов Маклаков считал партиями «явно демократическими»⁵⁰⁶.

Астров, который, по собственному признанию, также «не ожидал» провала Гучкова, прогнозировал раскол октябристской партии и бегство октябристов к националистам и прогрессистам⁵⁰⁷. По мнению Милюкова, раскол октябристов фактически уже произошел в течение последней сессии, причем кадетский лидер не без намека отмечал, что левые октябристы попали в опалу⁵⁰⁸. Прогнозировался окончательный раскол октябристов: большинство должно было отойти к националистам, меньшинство – к кадетам⁵⁰⁹. В целом, по результатам выборов кадеты официально торжествовали: в стране, по утверждению «Речи», господствовали кадетские настроения⁵¹⁰. 28 октября «Речь», в последние дни публиковавшая фотопортреты избранных депутатов-кадетов, разместила изображения А.Е. Бадаева, В.Л. Геловани и А.Ф. Керенского⁵¹¹. «Вести себя независимо и свободно» – вот основной принцип оппозиции в новой Думе, отмечала «Речь»⁵¹². «Думу надо уничтожить изнутри», – настаивал Милюков на заседании ЦК⁵¹³.

Итак, в своих взглядах на проведение выборов власть разделилась: в то время как Коковцов заигрывал с торгово-промышленниками и октябристами, Министерство внутренних дел при проведении кампании ответило применением административных мер и попыталось сделать ставку на правых. В результате проиграли все. Особенно велико было разочарование тех, кто хоть раз претендовал на лидирующие позиции в Думе. Успех прогрессистов, демонстративно отказавшихся от составления партийной программы и разыгрывавших «деловую» карту, лишь оттенял общий кризис.

---

⁵⁰⁶ Утро России, 19 октября 1912 г.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ III Государственная дума. Фракция Народной Свободы в период 15 октября 1911 года – 9 июня 1912 года. Ч. I. Отчет фракции. СПб., 1912. С. 3–7.

⁵⁰⁹ Речь, 30 октября 1912 г.

⁵¹⁰ Там же. 25 октября 1912 г.

⁵¹¹ Там же. 28 октября 1912 г.

⁵¹² Там же. 8 ноября 1912 г.

⁵¹³ Дневники // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 133. 28 октября 1912 г.

3.4. Новая Дума и Совет министров: дефрагментация

Состав Думы перед созывом определялся следующим образом: 146 правых, 17 умеренно-правых, 64 националиста, 80 октябристов, 28 прогрессистов, 56 кадетов, 5 трудовиков, 7 социал-демократов, 13 прочих крайних левых, 6 членов польского коло, 4 народовца, 3 членов литовско-белорусской группы, 1 польский социалист, 3 мусульманина, 5 беспартийных. Таким образом, правые усиливали свои позиции почти в 5 раз, националисты теряли 25 мест, октябристы – 56, прогрессисты – 11⁵¹⁴. Как отмечалось, почти 80 % членов Думы были новичками⁵¹⁵. «Московские ведомости» сомневались в таком составе: отмечалась неспособность губернаторов, за редкими исключениями (Нижний Новгород, Курск) реально повлиять на выборы⁵¹⁶. Тихомиров записал в дневник: «Дума, при помощи правительственного искусства – вышла ни в мать, ни в отца, в проезжего молодца. Номинальных «правых» прибыло, но Господь их ведаёт, кто они окажутся»⁵¹⁷. В письме Замысловскому он признавался: «Не жду ничего важного и от четвертой Думы. Вероятно, половина правых окажутся далеко не правыми, и выйдет нечто третьедумское <...> Жду распада на пятнадцать фракций»⁵¹⁸. Либералы соглашались: «Дума черная, но с сюрпризами»⁵¹⁹. Собрание духовенства, избранного в Думу, под председательством епископа Кременецкого Никона (Бессонова) приняло решение не создавать собственную группу, а распределиться по фракциям. «Это свидетельствует о полном крушении политики Саблера», – писал «Голос Москвы»⁵²⁰. Появились даже слухи о его скором уходе⁵²¹. Сам Саблер

⁵¹⁴ Новое время, 28 октября 1912 г.

⁵¹⁵ Там же. 22 ноября 1912 г.

⁵¹⁶ Батезатул Л. Четвертая Дума // Московские ведомости, 1 ноября 1912 г.

⁵¹⁷ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 123.

⁵¹⁸ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 580. Л. 2423. Л.А. Тихомиров – Г.Г. Замысловскому, 26 октября 1912 г.

⁵¹⁹ Русская мысль. 1912. № 11. II паг. С. 167.

⁵²⁰ Голос Москвы, 15 ноября 1912 г.

якобы обвинял Макарова в провале выборов, поскольку тот выделил духовенство в отдельную курию⁵²². Отмечалось «острое недовольство правительством» в среде духовенства, которое ожидало возможности решить свои проблемы в Думе, но не получило ее. Как утверждал кн. П.Д. Долгоруков, правительство само делало революцию собственными руками⁵²³.

Сами правые не считали себя победителями. Бюрократия, по их мнению, сохраняла свой либеральный дух и ценила правых лишь как «палку перед революцией». В журнале «Прямой путь» (органе Союза Михаила Архангела, фактически принадлежавшем В.М. Пуришкевичу) публицист П. Ухтубужский (Н.Д. Облеухов) писал: «Главное дело наше в настоящее время не в политике, где нас не слушают, где нас только терпят, а в народе, в проповеди народных идеалов, в выяснении народу тесной связи между идеей истинной неограниченной монархии и идеалами свободы и равенства». Только на этой почве, по его мнению, «могут быть разрешены назревающие социальные вопросы без тех кровавых потрясений, которые неизбежны для конституционно-олигархического запада»⁵²⁴. Скорее всего, правые должны были расколоться на 2 фракции: Маркова–Замысловского и Хвостова⁵²⁵. Националисты проповедовали «выжидательный эгоизм»⁵²⁶. Н.Н. Чихачев был уверен в увеличении числа националистов, рассчитывал на блок с прагматической частью правых (прежде всего, Хвостовым) или же с правыми октябристами (с которыми, по его мнению, фактически не было отличий) с целью проведения полицейской, местной административной, земской и волостной реформ, введения окраинного земства⁵²⁷. Меньшиков выражал осторожную уверенность в том, что только националисты в ситуации разложения дворянства и городских слоев смогут оказать противодействие

---

⁵²¹ Там же. 30 ноября 1912 г.

⁵²² Утро России, 24 ноября 1912 г.

⁵²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. 1912. Д. 307а. Лл. 22–22об. Агентурная записка Московского охранного отделения, 15 ноября 1912 г.

⁵²⁴ Ухтубужский П. [Н.Д. Облеухов] Наши идеалы и русская действительность // Прямой путь. 1912. № 10. С. 13–26.

⁵²⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 9.

⁵²⁶ Там же. С. 9–10.

⁵²⁷ Новое время, 29 октября 1912 г.

грядущему польско-еврейскому господству. Делался намек на необходимость правительственной поддержки⁵²⁸.

«Утро России» написало о грядущей Думе в свойственном ему хлестком духе: «Микроцефал с несоразмерно развитыми руками. Политический монстр»⁵²⁹. «Голос Москвы» полагал проигравшими все партии от националистов до социалистов, но предрекал правительству большие трудности в общении с новой Думой⁵³⁰. Звегинцев предлагал октябристам сложить с себя ответственность за судьбу Думы, оставить за собою лишь пост секретаря («чтобы иметь в руках делопроизводство») или его товарища («для информации»), сохранив под контролем только бюджетную комиссию. Думе пришлось бы «играть в нашу дудку» или уйти: «Хуже выборов, чем эти, для нас быть не могут и даже, если маятник перевернется влево, то нам легче и естественнее будет быть тогда в оппозиции кадетам, чем теперь в оппозиции с ними. <...> Соглашение же с националистами сейчас есть попытка на самоубийство и повторная, ибо наша партия сейчас пострадала за эту ошибку Гучкова»⁵³¹. Шидловский выступал за дистанцирование от правительства, которое обвинялось им в результатах выборов⁵³². Он настаивал на отделении левых октябристов от остальной части фракции на ближайшем заседании фракции: «постоянное соглашение направо при заглядывании в глаза правительству» его более не устраивало⁵³³. Однако правые октябристы (в частности, Н.И. Антонов) рассчитывали на увеличение своей фракции, на сотрудничество с националистами и прогрессистами, на неоднородность правых и возможность выделения из их среды отдельной группы духовенства⁵³⁴. Поэтому октябристский центр и правое крыло (Н.И. Антонов, Е.П. Ковалевский) стремились к сохранению фракции любой ценой. В результате правые и октябристы ожидали раскола

---

⁵²⁸ Меньшиков М. Националисты в 4-ой Думе // Там же. 30 октября 1912 г.

⁵²⁹ Утро России, 5 октября 1912 г.

⁵³⁰ После поражения // Голос Москвы, 28 октября 1912 г.

⁵³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 580. Л. 2464. А.И. Звегинцев – Н.И. Антонову, 29 октября 1912 г.

⁵³² Новое время, 29 октября 1912 г.

⁵³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 581. Л. 2546. С.И. Шидловский – бар. А.Ф. Мейендорфу, 4 ноября 1912 г.

⁵³⁴ Новое время, 29 октября 1912 г.

друг друга и были настроены на поиск соглашения к наиболее близкой друг к другу части⁵³⁵.

По мнению Шингарева, многие правые должны были перейти в более умеренные фракции, октябристы и даже националисты могли блокироваться с прогрессистами и эволюционировать влево. Однако от Думы не следовало «ожидать ничего серьезного и крупного», а кадетская партия, как отмечалось, «по своим идеям еще долго не сможет занять центрального места»⁵³⁶. Шингарев считал необходимым продолжить прежнюю думскую линию: «Большинство, во всяком случае, будет против нас и успех наших усилий, в смысле практическом, в ближайшее время не может быть большим»⁵³⁷. Даже правые кадеты признали это. Челноков написал Милюкову покаянное письмо: «Кадеты вышли из борьбы ярче, чем мог бы предполагать самый ярый оптимист. <...> Считаю, что взгляды Н.Н. Львова, а отчасти и Маклакова и Челнокова потерпели поражение особенно в Москве»⁵³⁸.

Уже 8 ноября «Голос Москвы» сообщил о несоответствии правительственной статистики реальному раскладу в Думе, который предполагал наличие 33 правых, 38 умеренно-правых, 105 националистов, 22 не определившихся между правыми и националистами, 90 октябристов, 37 прогрессистов, 65 кадетов, 12 социал-демократов, 12 трудовиков, 15 поляков, 3 от литовско-белорусской группы, 5 мусульман, 4 беспартийных⁵³⁹. В результате места все же распределились следующим образом: 63 правых, 87 националистов, 31 центрист, 99 октябристов, 46 прогрессистов, 58 кадетов, 15 социал-демократов, 8 трудовиков, 9 поляков, 7 в составе белорусско-литовско-польской группы, 6 мусульман и 5 беспартийных. Иными словами, правое крыло вместе с центристами насчитывало 191 депутата. Левые, включая прогрессистов, составили 127 человек. Общая численность дворян

---

⁵³⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 9–10.

⁵³⁶ Новое время, 29 октября 1912 г.

⁵³⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 581. Л. 2547. А.И. Шингарев – С.А. Шингаревой, 5 ноября 1912 г.

⁵³⁸ Там же. Л. 2503. М.В. Челноков – П.Н. Милюкову, 1 ноября 1912 г.

⁵³⁹ Голос Москвы, 8 ноября 1912 г.

увеличилась до 234 человек (из 444; на 33 больше, чем в прежней Думе, в основном, за счет почетных граждан и разночинцев, численность которых уменьшилась на 10 у каждой из групп), и, в отличие от III Думы, составила более половины депутатов. Кроме дворян, в палату было избрано 14 почетных граждан, 12 купцов, 34 разночинца, 47 лиц духовного звания (на 3 меньше, чем в прежней Думе), 9 казаков, 8 мещан, 83 крестьянина. Самыми аристократическими фракциями оставались октябристы, центристы и польское коло, процент дворян в первых двух лишь вырос (73 из 99, 24 из 31, 7 из 9 соответственно). Националисты по дворянскому присутствию сильно опередили правых (55 % и 34 % дворян соответственно). Наибольшее число крестьян по-прежнему было у националистов (17), однако их удельный вес сократился: если в 1907 г. в III Думе 30 % крестьян были среди умеренно-правых и националистов, то в 1912 г. в IV Думе – лишь 20 %; 29 % и 19 % от общей численности фракций соответственно. Прогрессисты по своему составу оказались ненамного демократичнее кадетов (41 % и 45 % дворян соответственно). Представители духовенства распределились по фракциям следующим образом: правые – 21, националисты – 19, центр и октябристы – по 2, прогрессисты – 3⁵⁴⁰.

Достаточно серьезно поменялся состав депутатов по роду занятий: число землевладельцев и промышленников сократилось с 17,1 до 13,1 %, крестьян – с 11,5 до 8,4, сельских писарей – с 1,4 до 0,5; наоборот, выросло число юристов – с 8,8 до 9,8 %, преподавателей и литераторов – с 6,0 до 8,3, купцов – с 2,0 до 2,7, волостных старшин и сельских старост – с 4,7 до 7,2. По-прежнему значительной была численность чиновников – 29,9 %. Число депутатов с высшим образованием выросло с 44,4 до 46,8 %, получивших домашнее, начальное или малограмотных – уменьшилось с 10,5 до 6,7. Интересно также отметить возрастные изменения в депутатских рядах: если в предыдущей Думе практически во всех фракциях преобладающей группой

---

⁵⁴⁰ Подсчитано по: Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1913. С. 55–224. См. также: Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 14; Дякин В.С. Ук. соч. С. 92.

были лица 30–40 лет (лишь у октябристов и националистов – 40–50 лет), то теперь это было характерно лишь для прогрессистов и социалистов, у кадетов обе возрастные группы были представлены поровну, у всех остальных преобладали лица 40–50 лет⁵⁴¹. Подобные цифры, даже несмотря на радикальное обновление депутатского корпуса, свидетельствовали о постепенном формировании класса «профессиональных парламентариев».

Однако формирование большинства было крайне затруднено. Крупенский считал свою фракцию центра даже «левее октябристов» и был открыто враждебен правым и националистам⁵⁴². Интерес к фракции Крупенского проявили правые кадеты, рассчитывавшие на усиление либерального центра Думы⁵⁴³. Кроме того, личная вражда Крупенского к Балашову мешала формированию правоцентристского блока. Наиболее вероятным представлялось разделение Думы на три примерно равные части. Октябристы, уверенные в том, что власть на выборах именно их расценивала как основного противника, выступали за формулу «или центр без правых или крылья без центра»⁵⁴⁴. Они решили не вносить предложения о Всеподданнейшем адресе, поскольку его обсуждение могло оказаться слишком бурным⁵⁴⁵.

11–13 ноября состоялся съезд прогрессистов. Участвовали Ковалевский, Шипов, Ефремов, Коновалов, Рябушинские, Третьяков, гр. И.И. Толстой, кн. Е.Н. Трубецкой, кн. Г.Е. Львов. Вопреки мнению ветеранов (Н. Львова, Ковалевского, Кузьмина-Караваева) московские торгово-промышленники настояли на создании партии⁵⁴⁶. Прогрессисты потребовали «водворения правового строя в жизнь страны», отмены усиленной охраны, положения 3 июня, отмены национальных и сословных ограничений, «расширения прав народного представительства» и самоуправления,

---

⁵⁴¹ Рыбка О.Ю. Государственная дума в системе власти России в начале XX века. Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 392, 396, 404, 405.

⁵⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 582. Л. 2692. А.И. Савенко – Н.А. Маклакову, 15 ноября 1912 г.

⁵⁴³ Группа «центра» // Русская молва, 24 декабря 1912 г.

⁵⁴⁴ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 10–11.

⁵⁴⁵ Там же. С. 13.

⁵⁴⁶ Речь, 14 ноября 1912 г.

«реформы Государственного совета», полноты политических свобод, всеобщего начального образования и т.д. Было решено «ярко обличать незаконные действия правительства и его агентов», «защищать права и достоинство Государственной думы и не бояться ее роспуска»⁵⁴⁷.

Результаты думских выборов 1912 г. способствовали росту противоречивых настроений в среде кадетского ЦК. В целом кадеты не ожидали ни относительного собственного успеха на выборах (58 мест вместо 54 в 1907 г.), ни крупной победы практически не имевших программы прогрессистов, ни столь активного применения на выборах «административного ресурса», во многом предопределившего усиление в Думе правого фланга за счет фактического поражения лишенных правительственной поддержки октябристов. Радикализация настроений кадетского руководства прежде всего была вызвана не собственными скромными успехами, а двумя остальными результатами. Перспективы усиления правоцентристского большинства сулили кадетам дальнейшее бессмысленное прозябание в парламенте, следствием которого было бы продолжение организационного развала партии. А.И. Шингарев в тот момент пессимистически оценивал перспективы фракции: «Сейчас положение очень неясное и неопределенное. Для нашей группы единственное дело – продолжить то, что мы делали и в III Думе. Большинство, во всяком случае, будет против нас и успех наших усилий, в смысле практическом, в ближайшее время не может быть большим»⁵⁴⁸. Такую Государственную думу особенно беречь не стоило, и в лучшем случае она могла стать лишь трибуной для митинговых лозунгов и краткосрочной ступенькой к новым выборам⁵⁴⁹.

Что касается отношения кадетов к прогрессистам, то оно сменилось: прежнее пренебрежение переросло в ревность к конкурентам, сыгравшим на «электоральном поле» конституционных демократов. Успех прогрессистов

---

⁵⁴⁷ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 282–284, 298–299.

⁵⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 581. Л. 2547. А.И. Шингарев – С.И. Шингаревой.

⁵⁴⁹ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 115–117.

подтолкнул кадетов к ответным шагам: предстояло занять в Думе принципиальную партийную позицию, которая на фоне прогрессистской бесформенности позволила бы кадетам вернуть себе симпатии всех радикально-либеральных избирателей (что в случае роспуска Думы очень пригодилось бы на предстоящих новых выборах), а также привела бы во фракцию тех прогрессистов, чьи политические взгляды были значительно левее октябристских. В качестве еще одного следствия радикального поведения кадетов предполагалась также возможность раскола октябристов и союз левых октябристов с умеренными прогрессистами⁵⁵⁰. Сформулированная в октябре 1912 г. тактика в отношении думского большинства вызвала резкую оппозицию со стороны правого крыла кадетского ЦК (П.Б. Струве, В.А. Маклакова, А.В. Тырковой), настроенного на поиск контактов с левыми октябристами и прогрессистами. Однако практически полное отсутствие опоры внутри партии делало эту перспективу нереализуемой⁵⁵¹.

9 декабря стала выходить газета «Русская молва», призванная сплотить правых кадетов и прогрессистов (издателем являлся Д.Д. Протопопов, влиятельную позицию в редакции занял П.Б. Струве⁵⁵²). Отмечая то, что организаторы не отказываются от своей партийной принадлежности, редакция замечала: «Теперь уже дело не в программных построениях, а в проявлении общественной воли, в напряжении национального чувства»⁵⁵³. Раздавались даже обещания шокирующего для радикально-либеральной общественности характера: «Вступая в семью прогрессивной печати, мы приносим «ганнибалову клятву» никогда не поднимать в кассационном порядке вопроса о том, имел ли кто-либо быть правым!»⁵⁵⁴ Возможно, эта фраза была сказана в ожидании нового министра внутренних дел: газета

---

⁵⁵⁰ Там же. С. 119.

⁵⁵¹ Там же. С. 142–153; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. Т. 1. Лл. 25–26.

⁵⁵² Взыскующие града... С. 502. С.Н. Булгаков – А.С. Глинке, 27 декабря 1912 г.

⁵⁵³ От редакции // Русская молва, 9 декабря 1912 г.

⁵⁵⁴ Беспартийность // Там же.

предполагала назначение на этот пост А.В. Кривошеина⁵⁵⁵. Уделяя особое внимание внешнеполитическим вопросам, активно заявив прославянскую позицию в Балканской войне, пытаясь примирить поляков с Империей, газета пыталась сформировать почву для национально-либерального объединения. В ней слишком часто появлялись карикатуры на Милюкова.

В ответ на оформление нового течения кадетский ЦК организовал в отношении Протопопова и Тырковой «нечто вроде разноса». Тыркова вспоминала: «Это исходило от редакции «Речи», но прокурорскую роль взял на себя Петрункевич. Я ответила очень решительно. На этом все и кончилось, хотя вначале нам достаточно ясно грозили исключением из ЦК»⁵⁵⁶. Однако особого резонанса газета не вызвала. Шипов, поначалу сочувственно отнесшийся к начинанию, уже в январе 1913 г. разочаровался в газете по причине засилья в ней кадетов с их материалистическим миропониманием⁵⁵⁷.

Кадетская печать отмечала, что на Думу «никто не возлагает больших надежд»⁵⁵⁸. «Однородное черносотенное большинство», по свидетельству «Русских ведомостей», делавшее Думу «реакционнее» третьей, должно было играть в Думе «чуть ли не решающую роль». Одновременно отмечался «столь же несомненный факт значительного полевения страны» и делался вывод: «Ни одно учреждение, тем более представительное, не может жить здоровой жизнью в атмосфере всеобщего недоверия к нему. А между тем именно в таком положении и оказалась четвертая Дума»⁵⁵⁹. Пошли слухи о скором роспуске⁵⁶⁰. Между тем, кадеты постепенно склонялись к тому, чтобы использовать Думу с целью расширения своего влияния – в самой палате и в

---

⁵⁵⁵ О кандидатуре Н.А. Маклакова // Русская молва, 14 декабря 1912 г.

⁵⁵⁶ А.В. Тыркова – В.А. Маклакову, 28 марта 1944 г. // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 400.

⁵⁵⁷ Переписка Д.Н. Шипова с М.В. и Е.К. Челноковыми (1897–1914) // Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010. С. 326–329.

⁵⁵⁸ Русские ведомости, 16 октября 1912 г.

⁵⁵⁹ Там же. 28 октября 1912 г.

⁵⁶⁰ Там же. 14 ноября 1912 г.

стране⁵⁶¹. Они призывали социалистов не критиковать их, поскольку для самой власти именно кадеты были центральным звеном левой оппозиции⁵⁶². Кадеты были намерены в первом же заседании внести запрос об административных злоупотреблениях на выборах и три законодательных предположения: о всеобщем избирательном праве, неприкосновенности личности, свободе печати, собраний и союзов⁵⁶³. 14 ноября на заседании кадетской фракции было решено не претендовать на места в президиуме. Однако сразу же произошло столкновение: Челноков выступал против немедленного выдвижения предположений. Большинство фракции воспринимало это, как начало реализации плана Маклакова и Челнокова по расколу фракции и созданию единого объединения с прогрессистами. Щепкин отмечал: «Было бы полезно этим господам напомнить, что без ручательства партии при всех их талантах они политически являлись бы нулями. Фракция включает элементы, потерявшие политическое воспитание. Придется много работать над выучкой и сглаживанием шероховатых мест»⁵⁶⁴.

Правительство имело что внести в палаты. Вскоре после роспуска Думы вышло циркулярное письмо Коковцова министрам о представлении соображений по вопросам, требующим законодательного разрешения: как сообщалось, еще Столыпин якобы хотел опубликовать предвыборную программу правительства⁵⁶⁵. В августе Министерство внутренних дел подготовило проект нового городского положения, освобождавшее самоуправление от ряда государственных повинностей⁵⁶⁶. «Новое время» сообщало, что к сессии у МВД были также подготовлены законопроекты о реформе полиции и печати, окраинном (северо-западном и архангельском)

---

⁵⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. 1912. Д. 307а. Лл. 14–15. Доклад начальника Московского охранного отделения министру внутренних дел, 4 ноября 1912 г.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 12.

⁵⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 582. Л. 2683. Н.Н. Щепкин – Н.М. Щепкину, 15 ноября 1912 г.

⁵⁶⁵ Голос Москвы, 28 июня 1912 г.

⁵⁶⁶ Новое время, 24 августа 1912 г.

земстве⁵⁶⁷. В разработке находились законопроекты, которое МВД планировало внести в IV Думу позднее: о прибалтийском и польском земстве, о земской реформе (предполагала снижение ценза и отмену сословных курий), выделении городов в особые земские единицы. Предполагалось также внести изменения в закон о западном земстве с целью усиления положения лиц, имевших полный ценз⁵⁶⁸. Кроме того, Макаров планировал отмену усиленной охраны, предполагал создать новый закон об обществах (против инородцев, которые объединялись в широкие коалиции), подготовить новое территориально-административное деление (уменьшить величину губерний) и т.д.⁵⁶⁹ Правительство поддерживало желание комиссии Государственного совета выступить за преемственность дел после выборов⁵⁷⁰. Однако новой Думе было не до настраивания законодательного процесса. Радикальные либералы ограничивались лишь общими критическими соображениями по поводу правительственной программы⁵⁷¹. Ждали перемен. В Думе ходили слухи, что по результатам выборов Макаров 21 ноября подавал в отставку⁵⁷². Говорилось о замене Саблера на депутата-центриста В.Н. Львова или националиста В.П. Шеина⁵⁷³. Кроме того, вновь сообщалось о предстоящих отставках Сухомлинова, Кассо и Тимашева⁵⁷⁴.

Националисты могли рассчитывать на проведение в председатели своего кандидата. Им должен был стать не беспартийный Волконский, а Балашов, имевший влияние «в сферах». Однако в случае отсутствия прочного соглашения октябристов и националистов первые оставляли за собой этот пост⁵⁷⁵. 12 ноября националисты и умеренно-правые договорились о создании единой фракции. Балашов согласился баллотироваться. Кадеты решили голосовать на выборах председателя и отдать голоса за наиболее

---

⁵⁶⁷ Там же. 11 ноября 1912 г.

⁵⁶⁸ Там же. 12 ноября 1912 г.

⁵⁶⁹ Там же. 14 ноября 1912 г.

⁵⁷⁰ Там же. 13 ноября 1912 г.

⁵⁷¹ Русские ведомости, 7 сентября 1912 г.

⁵⁷² Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 25–26.

⁵⁷³ Голос Москвы, 15 декабря 1912 г.

⁵⁷⁴ Там же. 20, 21 декабря 1912 г.

⁵⁷⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 15–16.

левую кандидатуру⁵⁷⁶. 13–14 ноября состоялось заседание октябристской фракции: результат выборов воспринимался как месть за церковно-приходские школы. Левое крыло выступали против борьбы за председательство⁵⁷⁷. Хомяков отмечал: «Нам нужно остаться в стороне, чтобы не принимать на себя ответственности за работу 4-й Г. Думы»⁵⁷⁸. Именно он выступал за создание отдельной левооктябристской фракции⁵⁷⁹. Однако большинство октябристов стояло за избрание Родзянко, который заявил о себе, что именно он – «знаменосец нашего Союза 17 октября»⁵⁸⁰.

По мнению октябристов, правые и националисты первоначально были совершенно уверены в своем успехе. Однако даже союз с националистами не давал октябристам устойчивости в центре. Соглашения с кадетами и правыми для октябристов были невозможны по принципиальным соображениям: правые выступали против конституционализма, кадеты – «против русских государственных интересов». Прогрессисты представлялись как группа «умеренная по своей программе, серьезная и добросовестная по своей тактике», но слишком малочисленная. В результате лишь по соглашению фракций была выдвинута кандидатура Родзянко – «испытанного, завоевавшего себе известность»⁵⁸¹. 14 ноября октябристы (Алексеенко и Мейендорф) договорились с кадетами о кандидатуре Родзянко, но тот по условиям соглашения должен был выступить с конституционной речью⁵⁸². Как признавалось в октябристских кругах, если бы не кандидатура Родзянко, то относительным большинством мог быть избран и один из лидеров правых А.Н. Хвостов (бывший нижегородский губернатор)⁵⁸³. Очень долго октябристская фракция также не могла решить

---

⁵⁷⁶ Там же. С. 17–18.

⁵⁷⁷ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 11. Л. 4–27об.

⁵⁷⁸ Голос Москвы, 13 ноября 1912 г.

⁵⁷⁹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 15.

⁵⁸⁰ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 11. Л. 4–27об.

⁵⁸¹ Фракция Союза 17 октября в Государственной думе (обзор деятельности). Сессия I. 15 октября 1912 – 25 июня 1913 г. СПб., 1914. С. 4–10.

⁵⁸² Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 18.

⁵⁸³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 584. Л. 2812. Г.Г. Лерхе – М.И. Гучковой, 24 ноября 1912 г.

вопрос, предоставлять ли кадетам место старшего товарища секретаря⁵⁸⁴. Таким образом, соглашение оказалось крайне зыбким. Националисты попытались войти в соглашение с октябристами в более прочное соглашение, однако вынуждены были с изумлением признать, что те «обдали нас холодом» и вступили в переговоры с кадетами и прогрессистами⁵⁸⁵. Националисты решили уйти из зала в случае левой речи Родзянко⁵⁸⁶.

I сессия IV Государственной думы открылась 15 ноября. «Новое время» пыталось создать благоприятный фон: Дума, отмечал Меньшиков, «уже принята всеми как естественное явление нового порядка вещей, настолько вошедшее в сознание масс, что уже отсутствие народного представительства в эти тяжелые долгие месяцы тревог и международного осложнения чувствовалось и осознавалось особенно ясно и непосредственно»⁵⁸⁷. При открытии товарищ председателя Государственного совета И.Я. Голубев под крик Некрасова «Да здравствует конституция!» передал депутатам приветствие императора и его «пожелание спокойной и плодотворной работы». Родзянко 251 голосом против 150 был избран председателем⁵⁸⁸. За него голосовали все октябристы⁵⁸⁹. При избрании он произнес: «Я всегда был убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах». Родзянко выразил надежду на то, что Дума исполнит народные чаяния, которые он свел к укреплению обороноспособности, законности, устранению «недопустимого произвола», развитию местного самоуправления и благосостояния⁵⁹⁰. Правые и националисты покинули зал. «Утро России» отмечало, что Гучков при открытии прежней Думы таких слов не произносил и что октябристы приблизились к оппозиции. В случае подобной эволюции новая Дума «может

---

⁵⁸⁴ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 18.

⁵⁸⁵ Новое время, 21 ноября 1912 г.

⁵⁸⁶ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 19.

⁵⁸⁷ Новое время, 15 ноября 1912 г.

⁵⁸⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 2–7.

⁵⁸⁹ Фракция Союза 17 октября в Государственной думе (обзор деятельности). Сессия I. 15 октября 1912 – 25 июня 1913 г. СПб., 1914. С. 10.

⁵⁹⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 2–7.

оказаться значительно лучше, чем можно было ожидать»⁵⁹¹. Октябристы выражали бурную радость по поводу речи Родзянко. Клюжев отметил: «Вступительная речь Родзянко была прекрасна. Я оценил ее баллом 5+»⁵⁹². Это был, по словам «Голоса Москвы», «первый удар» по правым⁵⁹³. «Речь» ликовала⁵⁹⁴. У московских кадетов появились надежды на улучшение физиономии Думы⁵⁹⁵. Правое крыло негодовало: «В Думе образовалось левое большинство, руководимое Милюковым»⁵⁹⁶. Но даже «Новое время» резко критиковало такое поведение и называло речь отменной⁵⁹⁷. Появились сведения о том, что и монархом речь была встречена «весьма благосклонно»⁵⁹⁸. Кроме того, левое большинство все же воспринималось «случайным»⁵⁹⁹. Сами националисты объясняли такое свое поведение обидой на октябристов, которые не консультировались с ними по кандидатуре председателя⁶⁰⁰. Националисты считали себя под двойным ударом со стороны кадетов и Коковцова: «Мода на национализм совсем прошла. Столичная аристократия и бюрократия во главе с яростным врагом нашим – Коковцовым – интригуют против националистической партии. Коковцов образовал партию Крупенского»⁶⁰¹. Националист А.И. Савенко сокрушался об обманутых октябристах: «Эти дети не понимают, что кадеты постольку их друзья, поскольку кадеты хотят вырыть пропасть между октябристами и националистами. <...> На первом серьезном законопроекте октябристы и к.-д. рассорятся, и тогда октябристы обратятся к нам»⁶⁰².

Избрание Родзянко в октябристской среде теперь уже считалось результатом политики кадетов и прогрессистов: «Впечатление от речи

---

⁵⁹¹ Утро России, 17 ноября 1912 г.

⁵⁹² РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 11. Л. 31–33об.

⁵⁹³ Первый удар // Голос Москвы, 17 ноября 1912 г.

⁵⁹⁴ Речь, 16 ноября 1912 г.

⁵⁹⁵ Русские ведомости, 17 ноября 1912 г.

⁵⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 582. Л. 2692. А.И. Савенко – Н.А. Маклакову, 15 ноября 1912 г.

⁵⁹⁷ Новое время, 16 ноября 1912 г.

⁵⁹⁸ Около Думы // Русские ведомости, 18 ноября 1912 г.

⁵⁹⁹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 21.

⁶⁰⁰ Новое время, 17 ноября 1912 г.

⁶⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 583. Л. 2760. А.И. Савенко – А.И. Люблинскому, 20 ноября 1912 г.

⁶⁰² Там же.

Родзянко сильное. <...> Хомяков утверждает, что Родзянко для того, чтобы попасть в председатели, готов на что угодно. «Снимите с него штаны, избежите публично, он все сдержит и скажет только: выберете меня председателем»». Но и правые были не лучше – они, по мнению октябристов, начали следовать практике социалистов и решили вести Думу к роспуску. Итог был печален: «При таких условиях дальше скандалов Дума не пойдет»⁶⁰³. 17 ноября состоялась аудиенция Родзянко, которой он сам остался очень доволен⁶⁰⁴. Хотя за время краткой по времени (25 минут) аудиенции монарх стоял и не предложил председателю Думы сесть, но осудил поведение правых и сказал: «Очень вам благодарен за вашу речь. Так должны думать все русские люди». Родзянко поднял тему злоупотреблений на выборах, но «эта тема не встретила сочувствия Государя»⁶⁰⁵.

17 ноября почти все октябристы уже выступали за соглашение с националистами, чтобы пост секретаря отдать левым⁶⁰⁶. По соглашению фракций (кроме правых и социалистов) товарищами председателя должны были стать националист и прогрессист, секретарем – октябрист, его старший товарищ – кадет или центрист⁶⁰⁷. 20 ноября Балашов выразил сожаление Родзянко по поводу поведения националистов в первый день сессии⁶⁰⁸. В тот же день прогрессист кн. Д.Д. Урусов был избран товарищем председателя, октябрист И.И. Дмитрюков – секретарем. Правые октябристы испытывали сильное раздражение⁶⁰⁹. Волконский отказался стать товарищем председателя, поскольку в таком случае ему пришлось бы пройти «на красных шарах». В противном случае националисты вынуждены были бы прекратить бойкот президиума⁶¹⁰. Переговоры о других кандидатурах продолжались более недели⁶¹¹. Кадеты не намеревались выдвигать свою

---

⁶⁰³ Там же. Л. 2706. Г.А. Алексеев – А.С. Алексееву, 16 ноября 1912 г.

⁶⁰⁴ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 99.

⁶⁰⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 583. Л. 2732. Г.А. Алексеев – А.С. Алексееву, 17 ноября 1912 г.

⁶⁰⁶ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 11. Л. 34–42об.

⁶⁰⁷ Новое время, 16 ноября 1912 г.

⁶⁰⁸ Там же. 21 ноября 1912 г.

⁶⁰⁹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 25.

⁶¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 583. Л. 2769. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 20 ноября 1912 г.

⁶¹¹ Новое время, 2 декабря 1912 г.

кандидатуру в президиум и сделали это только после категорического требования прогрессистов, которые в противном случае отказывались участвовать в президиуме⁶¹². Наконец, 1 декабря Волконский стал товарищем, прогрессист Н.Н. Львов – старшим товарищем секретаря. Националисты и октябристы 25 ноября договорились о разделе комиссий: националисты получили финансовую, военно-морскую, по местному самоуправлению, образованию, торговле и промышленности, правые – запросную⁶¹³. «Дело, кажется, идет на поправку», – отметил Савенко⁶¹⁴. «Гражданин» заметил рождение новой партии – «консервативно-конституционной» («ко-ко») во главе с Балашовым и Крупенским⁶¹⁵. Тем не менее, несмотря на то, что националисты поддержали Волконского, никакого стратегического соглашения с октябристами заключено не было⁶¹⁶.

Ситуация ожидала явления Гучкова. Его отсутствие в Думе делало октябристов не более послушными, а лишь менее организованными – при желании наладить отношение с парламентом эта задача становилась технически более трудной. По возвращении с Балкан Гучков имел консультации с Милюковым и Балашовым и каждого заверил в своем расположении⁶¹⁷. Однако в октябристской фракции отмечали непростое положение: «В Думе идет полный развал и наш шеф совсем растерян и убит. <...> В роспуск как-то не верится, ибо на новый *coup d`etat* [переворот (франц.)] вряд ли решатся, а выборы в настоящее время дадут еще менее работоспособную Думу»⁶¹⁸. В подобной ситуации оба крыла понесли Думу в разные стороны. Правые, не попавшие в президиум, считали, что правительство либо уже договорилось с октябристами, либо скоро распустил Думу⁶¹⁹. Кадеты не верили в скорый роспуск Думы, поскольку следующая

---

⁶¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. 1912. Д. 307а. Лл. 16–17. Доклад начальника Московского охранного отделения министру внутренних дел, 17 ноября 1912 г.

⁶¹³ Утро России, 1 декабря 1912 г.; Будущие руководители // Утро России, 2 декабря 1912 г.

⁶¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 584. Л. 2827. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 25 ноября 1912 г.

⁶¹⁵ Икс [Мещерский В.П., кн.]. Речи консерватора // Гражданин. 1912. № 47. С. 2.

⁶¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 585. Л. 2912. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 1 декабря 1912 г.

⁶¹⁷ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 2. С. 17.

⁶¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 584. Л. 2822. Г.А. Алексеев – А.С. Алексееву, 24 ноября 1912 г.

⁶¹⁹ Там же. Оп. 242. 1912. Д. 307а. Лл. 47–47об. 4 декабря 1912 г.

оказалась бы еще левее⁶²⁰. Милюков предложил внести законопроект о всеобщем избирательном праве, что фракция приняла со «всеобщим одобрением». Лишь Челноков, Новиков, Гредескул и «еще два–три члена фракции» предложили проект отложить – «не по существу, а по тактическим соображениям». Однако сторонники Милюкова смогли провести вопрос через ЦК. Челноков был крайне недоволен и отметил, что «гегемония Центрального комитета вызывает среди кадетов очень много неудовольствия». Он был намерен представить свой план думской работы⁶²¹. В кадетской фракции 24 ноября также шел острый спор: Милюков выступал за немедленное внесение предположения о всеобщем избирательном праве, но Челноков и ряд других членов фракции ссылались на ее решение повременить⁶²². Маклаков выступил за дальнейшую разработку запроса о незаконных действиях администрации с целью разработки предположения об изменениях в избирательный закон. В результате вопрос был отложен⁶²³. Шипов писал Челнокову: «Помогай тебе Господь Бог в дальнейших твоих выступлениях против Милюк-паши, и хочется верить, что по твоей инициативе к[онституционным] д[емократам] удастся освободиться от пагубного и тлетворного гипноза своего Лидера. Вред политическому делу, приносимый этим человеком, может сравниться лишь с вредом, принесенным стране Столыпиным»⁶²⁴. В Департаменте полиции даже отметили, что 8 декабря в кадетском ЦК обозначилась угроза раскола⁶²⁵.

Ситуация усугублялась активным поведением прогрессистов. Прогрессисты в это время уже считали себя левее кадетов и видели доказательство этого в своих консультациях с социалистами⁶²⁶. 12 декабря фракция прогрессистов выступила за включение с состав военно-морской

---

⁶²⁰ Там же. Лл. 30–31об. 23 ноября 1912 г.

⁶²¹ Там же. Оп. 265. Д. 582. Л. 2683. М.В. Челноков – Н.И. Астрову, 15 ноября 1912 г.

⁶²² Новое время, 18 ноября 1912 г.

⁶²³ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 1. С. 27–28.

⁶²⁴ Переписка Д.Н. Шипова и М.В. и Е.К. Челноковыми (1897–1914) // Шелохаев С.В. Ук. соч. С. 321. 6 декабря 1912 г.

⁶²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. 1912. Д. 307а. Лл. 57–58. 16 декабря 1912 г.

⁶²⁶ Там же.

комиссии представителей от трудовиков и социал-демократов⁶²⁷. Теперь кадетские лидеры серьезно опасались непредсказуемости прогрессистов⁶²⁸. Наоборот, левое кадетское крыло стало активно втягивать прогрессистов в масонские структуры (скорее всего, именно на рубеже 1912–1913 гг. в «думскую ложу» вошли прогрессисты И.Н. Ефремов и А.И. Коновалов). В это время в Думе создается надпартийное масонское объединение из представителей левых кадетов, прогрессистов и меньшевиков, к которым также присоединился избранный депутатом трудовик А.Ф. Керенский⁶²⁹. Основной задачей объединения (во всяком случае, пока кадетская партия сохраняла свое единство) мог стать лишь обмен информацией⁶³⁰. Итак, первые же дни существования новой Думы показали, что она оказалась совершенно неработоспособной.

5 декабря Коковцов выступил в Думе с правительственной программой. Правительство ставило перед собой задачу «всестороннего усовершенствования русского государственного и общественного быта на строго правовых основаниях, установленных Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 года», что означало подготовку и проведение реформы местного правления, полиции, местного самоуправления, его распространения на окраины, подготовку нового устава о печати, социально-экономические преобразования. Коковцов упирал на преемство новой Думы в отношении прежней⁶³¹. Обсуждение программы в Думе было крайне оживленным и растянулось до рождественских вакаций. Правые и националисты выступили в поддержку (хотя националисты и отметили слабое присутствие внешнеполитических аспектов⁶³²). Октябристы вели себя

---

⁶²⁷ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 315.

⁶²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. 1912. Д. 307а. Лл. 57–58. 16 декабря 1912 г.

⁶²⁹ Соколов А.В. Русское политическое масонство в России в 1910–1918 гг. Персональный состав // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Год второй выпуска. Памяти В.И. Старцева. СПб., 2002. С. 264, 271.

⁶³⁰ К августу 1914 г. всего в России было менее 20 лож и не более 200 масонов (Там же. С. 261). См. также: Андреев Д.А. Борьба группировок в кадетском руководстве по вопросу о надпартийном сотрудничестве в IV Государственной думе. Дис. ... к.и.н. М., 1995. С. 160–163.

⁶³¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 262–267.

⁶³² Голос Москвы, 6 декабря 1912 г. Цитировалась «The Times»: «хладнокровие, умеренность и твердость».

пассивно (хотя в кулуарах практически единодушно выразили одобрение⁶³³), лишь отмечали излишнюю детализацию и отсутствие ключевых идей. Прогрессисты посчитали пункты программы одними обещаниями⁶³⁴. Ефремов с думской трибуны 7 декабря заявил, что административный произвол провоцирует народ, «и не дай Бог нашему народу придти к тому безнадежному выводу, что выхода, мирного выхода, из создавшегося положения нет»⁶³⁵. «Русские ведомости» так отозвались о правительственной программе: «Приказной строй изменит только внешнюю обличку, но по-прежнему будет держать в своих тисках все живое»⁶³⁶. Новорожденная «Русская молва» пером П.Б. Струве отрицала силу в действии власти: «Политическая реакция не может быть политикой и программой сильной власти. Реакция есть политика задержек сегодня, за которыми завтра будут следовать – уступки»⁶³⁷. Маклаков отмечал, что, несмотря на благие пожелания, правительственный путь вел «к катастрофе». В результате правые, националисты и кадеты свели обсуждение к резкой критике бюрократии как нетворческой силы. А в кулуарах думский центр выражал недовольство нежеланием премьера завязать неформальные отношения с какой-либо фракцией⁶³⁸.

15 декабря были оглашены формулы перехода. Кадеты потребовали отмены избирательного закона 3 июня, реформы Государственного совета и введения ответственного министерства, прогрессисты внесли собственную формулу о необходимости строго следования манифесту 17 октября и соблюдения законности. Националисты выражали надежду на «твердую и ясную» русскую национальную политику. Октябристы поддержали националистов, и формула прошла⁶³⁹. «Русские ведомости» отметили: «Под

---

⁶³³ Новое время, 6 декабря 1912 г.

⁶³⁴ Голос Москвы, 6 декабря 1912 г.

⁶³⁵ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 302.

⁶³⁶ Русские ведомости, 12 декабря 1912 г.

⁶³⁷ Струве П.Б. Сильная власть и либеральная политика // Русская молва, 9 декабря 1912 г.

⁶³⁸ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 2. С. 14.

⁶³⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 281, 327, 343–349, 366–370, 404, 419, 451, 515, 532–533, 894–898.

скромной и достаточно невинной внешностью принятой Думой по поводу министерской декларации формула перехода заключает в себе очень сложную программу, для осуществления которой от Думы потребуются много инициативы, много энергии и много решимости. Найдутся ли у нее эти качества, покажет будущее»⁶⁴⁰. После этого Дума разошлась до конца января.

Как было отмечено в печати, создать прочного правоцентристского большинства Коковцов не смог, а потому даже «выразил в частных разговорах некоторое сочувствие и одобрение» прогрессистам и левым октябристам⁶⁴¹. Впрочем, это не улучшило общей атмосферы. Мещерский считал, что новая Дума оказалась «хуже первых трех»: первые две «играли в революцию», третья «из застоя сделала порядок вещей», четвертая уже стала «торжищем и ярмаркой партийности»⁶⁴². «Голос Москвы» фактически согласился: «При благосклонном содействии всех думских фракций первый период четвертой Государственной думы вышел на редкость бледным и бесплодным. Не трудно предсказать, что такой же будет и дальнейшая деятельность этой Думы»⁶⁴³. Возможно, самым ярким свидетельством неспособности Думы войти в работоспособное состояние стала ее неспособность согласовать проект ответного адреса императору. В созданную для этого комиссию поступило 5 проектов. Кадетский проект утверждал, что правительство отошло от начал обновленного строя, что привело к народному унынию и ослаблению государства. В кадетском проекте, написанном Милюковым, слова «обновленный Манифестом 17 октября Вашею Монаршею Волею государственный строй» были заменены на «созданный Манифестом <...> конституционный строй». Прогрессистский проект являлся значительно более умеренным. Проект националистов содержал общую программу работ Думы и готовность выступить в защиту славян. За основу был взят нейтральный октябристский

---

⁶⁴⁰ Русские ведомости, 18 декабря 1912 г.

⁶⁴¹ Аркадакский К. Новая Дума (ее состав и настроение) // Русские ведомости, 1 января 1913 г. Приложение. 1912 год. Общественное настроение и главные события года. С. 18.

⁶⁴² Дневник // Гражданин. 1912. № 47. С. 13.

⁶⁴³ Голос Москвы, 16 декабря 1912 г.

проект. Но при окончательном голосовании согласованный проект был отклонен. Далее вопрос уже не поднимался⁶⁴⁴.

По результатам года кадеты еще раз могли отметить, что самыми насущными задачами России стали Дума, «выражающая действительное настроение страны», и ответственное министерство⁶⁴⁵. Между тем, на другом фланге царили совсем иные представления: 7 декабря при обсуждении правительственной программы в Государственном совете была принята формула (76 против 59), в которой основной заботой правительства называлось повышение обороноспособности⁶⁴⁶.

Отсутствие масштабных изменений в Совете министров никак не способствовало улучшению его внутренней атмосферы. По сравнению с периодом председательствования в Совете министров П.А. Столыпина, когда правительство в значительной степени было сформировано исходя из политических вкусов его руководителя, в последующее время в правительстве произошло значительное повышение уровня конфликтности. Недоброжелатели В.Н. Коковцова объясняли это личными свойствами нового премьера. Как считал Витте, Коковцов противостоял «националистическому» политическому курсу Столыпина (в вопросах Финляндии, западного земства и т.п.) из чисто карьерных соображений. Вскоре после смерти П.А. Столыпина Витте отмечал, что новый председатель правительства все делает «сообразно обстоятельствам, и будет делать то, что он считает в данный момент для себя выгодным, раз он достиг цели, к которой отчасти стремился». Столыпинский курс, по мнению Витте, не должен был измениться⁶⁴⁷. Близка мнению Витте была и позиция Курлова, который полагал, что в отличие от П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, Коковцов имел на первом месте только личные интересы. В глазах Курлова

---

⁶⁴⁴ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 481, 482, 483.

⁶⁴⁵ Кокошкин Ф. Правительство и страна // Русские ведомости, 1 января 1913 г. Приложение. 1912 год. Общественное настроение и главные события года. С. 14.

⁶⁴⁶ Государственный совет. СО. VIII сессия (1912–1913). СПб., 1913. Стб. 183–185.

⁶⁴⁷ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Ч. 2. С. 897–899.

«самолюбие В.Н. Коковцова – мелкий чиновничий эгоизм», сочетавшийся с желанием иметь «выдающееся положение» в Совете министров. «На посту председателя Совета министров, т.е. руководителя политики, у В.Н. Коковцова никакой системы не было, так как нельзя назвать системой изменчивость взглядов, свойственную только капризной женщине»⁶⁴⁸. Менее враждебно настроенный в отношении премьера министр иностранных дел С.Д. Сазонов также отмечал, что Коковцов имел плохой характер и в Совете министров никак не мог ни с кем ужиться. «У Коковцова была масса врагов, благодаря его малоуживчивому нраву, отсутствию гибкости и вкорененной долгой бюрократической службой привычке поступать по своим убеждениям, не принимая во внимание мнений своих противников», – вспоминал министр. В результате, по его мнению, Коковцов в конечном счете испортил отношения и с Государственной думой, а также и с императрицей, из-за резко негативного отношения к Распутину⁶⁴⁹.

В.Н. Коковцов, не имевший четких политических взглядов, не склонен был объяснять конфликты в правительстве острыми политическими расхождениями. Для него скорее свойственно обвинение практически всех его коллег по Совету министров во властных амбициях. Прежде всего, это касалось министра юстиции И.Г. Щегловитова, который выступал против премьера, поскольку, как полагал сам премьер, надеялся занять его место⁶⁵⁰. Однако Коковцов не склонен объединять «консервативное крыло» Совета в некую значимую группу. Он писал: «Щегловитов и Рухлов секретно действовали против меня, имея на своей стороне Сухомлинова»⁶⁵¹. Как отмечал министр торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховской, бывший в это время начальником управления водных путей и шоссейных дорог МПС и имевший доверительные отношения с Рухловым, Коковцов и Рухлов

---

⁶⁴⁸ Курлов П.Г. Ук. соч. С. 150–152.

⁶⁴⁹ Сазонов С.Д. Ук. соч. С. 344–345.

⁶⁵⁰ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 195.

⁶⁵¹ Там же. С. 70.

разошлись в вопросе строительства Черноморской железной дороги⁶⁵². При этом, как свидетельствовал Коковцов, министр путей сообщения С.В. Рухлов склонен был поддерживать его всякий раз, когда встречал с его стороны понимание проблем железнодорожного строительства⁶⁵³.

Конфликт Коковцова с военным министром В.А. Сухомлиновым также имел ведомственный, а затем и личный характер. Коковцов не хотел отпускать министерству очередные кредиты, пока не начнется война, на что Сухомлинов в заседании Совета министров как-то заявил ему, что «стрелять деньгами в противника будет нельзя и что весь его золотой запас и остальные накопленные средства при национальном позоре перейдут в карманы победителей...»⁶⁵⁴. Как пишет Курлов, позиция Коковцова по военным расходам сводилась к следующему: «когда то там еще будет война, а теперь денег нет»⁶⁵⁵. Начало острого личного конфликта трактовалось Сухомлиновым следующим образом: он позволил себе раскритиковать отчет Коковцова о его поездке на Дальний Восток, после чего «между нами пробежала черная кошка». После этого Коковцов начал «всюду открыто» утверждать, что «в Военном министерстве царят хаос и развал», а сам министр не компетентен в собственном ведомстве⁶⁵⁶. Все это подтверждал и сам Коковцов: по его мнению, Сухомлинов конфликтовал с премьером из-за отказа в кредитах, а кроме того был слишком легковесным и склонным к «беззастенчивым передержкам»⁶⁵⁷.

Отношения Коковцова с Кривошеиным, как вспоминал бывший председатель правительства, «примерно до ноября 1913 года были наружно очень хорошие». Коковцов даже был склонен считать, что, за исключением ведомственных противоречий («размолвки по Крестьянскому банку» и неизбежных бюджетных споров), «отношения были почти дружеские». Он

---

⁶⁵² Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 164–167.

⁶⁵³ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 194.

⁶⁵⁴ Сухомлинов В.А. Ук. соч. С. 234.

⁶⁵⁵ Курлов П.Г. Ук. соч. С. 151.

⁶⁵⁶ Сухомлинов В.А. Ук. соч. С. 234.

⁶⁵⁷ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 55–60.

писал: «Мы редко расходились в Совете министров по большинству острых и крупных вопросов, мы всегда находили общий язык и обоюдное понимание. <...> Время от времени он даже как-то особенно близко подходил ко мне, входил в самые откровенные беседы, открывая мне, что называется, свою душу и доходя даже до таких тайников моего мышления, как, например, пессимистический анализ характера Государя, приводивший постоянно Кривошеина, по его словам, к мрачным выводам о будущем России и грозящем ей рано или поздно катастрофой от того рокового влияния, которое имеют на ее судьбы случайные люди. Подчас мне казалось, что его откровенность в этом вопросе имела целью узнать лишь мой взгляд на него, и я высказывался всегда очень сдержанно, не давая ему повода отождествлять себя с ним». Коковцов объяснял причину такой сдержанности: «Основною чертою Кривошеина всегда были рядом с исключительно обостренным самолюбием большой карьеризм и погоня за популярностью. Он зорко следил за барометром наверху, преклонялся перед каждою восходящею силою и отходя от нее с удивительной быстротою, коль скоро ему становилось очевидно, что эта сила пошатнулась. Так было и со Столыпиным...». Кроме того, Коковцов считал, что Кривошеин постоянно лавировал между правым крылом Государственного совета и либералами в Государственной думе и не имел ярко выраженных политических взглядов⁶⁵⁸. Коковцов также отмечал: «Такие опытные люди, как Кривошеин, зорко следили за развитием Распутинской истории и прекрасно учитывали отношение ко мне императрицы»⁶⁵⁹.

Вместе с тем, желания занять пост Коковцова, как полагал премьер, у Кривошеина не было: «Брать на себя тяготу ответственности за общее направление дел, в особенности среди надвигавшихся осложнений, Кривошеин не хотел. Он хорошо понимал и, пожалуй даже лучше, чем кто-либо, оценивал, что в России первому министру опереться не на кого. Его

---

⁶⁵⁸ Там же. С. 264–266.

⁶⁵⁹ Там же. С. 70.

жалуют только пока человек не выдвигается слишком определенно в общественном мнении и не играет роли действительного правителя; а стоит этому человеку приобрести решающее влияние на дела, как наступает для него пора, чреватая всякими неожиданностями»⁶⁶⁰. Кроме того, Кривошеин неоднократно жаловался на ухудшение здоровья⁶⁶¹. Вероятно, вышеуказанные оценки личности Кривошеина были окончательно сформулированы Коковцовым уже в эмиграции, но принципиально важным является свидетельство, что между премьером и главноуправляющим не было политических конфликтов.

Сходным образом оценивались премьером и его взаимоотношения с государственным контролером П.А. Харитоновым: «Умный, циничный и хитрый Харитонов всегда примыкал туда, где, казалось ему, сила, а она при всем его либерализме влекла его в сторону *так называемых консервативных элементов* [выделено мною – Ф.Г.]. <...> На самом же деле Харитонов просто чувал, что медовый месяц моего положения прошел, и выгоднее примыкать против меня»⁶⁶². Харитонов «лично не принимал деятельного участия в кампании против меня, – писал экс-премьер, – так как не видел в этом личного расчета и вообще не стремился переходить из своего спокойного положения на более боевое и ответственное». Однако он, по мнению Коковцова, не хотел ссориться ни с Щегловитовым, ни с Кривошеиным, «не зная хорошенько, кто из них построит свое благополучие на моих развалинах»⁶⁶³. Как впоследствии отметит помощник управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтов, сраживание министров друг с другом осталось занятием Харитонova и после ухода Коковцова⁶⁶⁴.

Достаточно острый конфликт, имеющий политическую подоплеку, возник между Коковцовым и Министерством народного просвещения. В

---

⁶⁶⁰ Там же. С. 265–266.

⁶⁶¹ Там же. С. 194.

⁶⁶² Там же. С. 70.

⁶⁶³ Там же. С. 194.

⁶⁶⁴ Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров. Под ред. Р.Ш. Ганелина и М.Ф. Флоринского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 330.

отсутствие Кассо он обратился к его товарищу бар. М.А. Таубе с настоятельным предложением отменить приказ министра о переводе профессора М.Я. Пергаменты из С.-Петербургского университета в Харьковский. Коковцов ссылаясь на необходимость, вызванную «общеполитической атмосферой». Таубе отказал, сославшись на указание своего непосредственного начальника и предложив председателю Совета министров использовать свои полномочия и доложить по этому делу императору. «Нет-с, по делам министра народного просвещения я ничего докладывать Его Величеству не буду!» – резко отреагировал Коковцов. Тем не менее, по словам Таубе, внешне отношения с премьером остались хорошими и больше этот вопрос не поднимался⁶⁶⁵. Вскоре после этого Коковцов в силу тех же политических соображений пытался добиться отставки Кассо, но потерпел неудачу⁶⁶⁶.

По оценке самого Коковцова, единственным внутривластным конфликтом, имевшим политическую подоплеку, в первый год его премьерства было его столкновение с А.А. Макаровым. Отношения с Макаровым испортились в результате проводимой его ведомством выборной кампании 1912 г. Коковцов отмечал, что меры по ее проведению «окончательно [выделено мною – Ф.Г.] рассорили» его с министром внутренних дел⁶⁶⁷. Сам премьер не описывал предысторию их «окончательного» расхождения, что особенно настораживает, учитывая то, что именно Макарова на несколько месяцев до начала выборной кампании Коковцов активно продвигал на пост министра⁶⁶⁸.

В целом, вся история взаимоотношений Коковцова с Макаровым представляла в мемуарах премьера весьма туманной: будучи коковцовской кандидатурой на пост министра внутренних дел, Макаров через год резко потерял доверие премьера. Сама история выборов с точки зрения Коковцова

---

⁶⁶⁵ Таубе М.Ф. Ук. соч. С. 149–152.

⁶⁶⁶ Там же. С. 161–162.

⁶⁶⁷ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 68–70.

⁶⁶⁸ Там же. Кн. 1. С. 419–426.

выглядела так. Изначально вся выборная стратегия была согласована между ним и министром внутренних дел: правительство намеревалось лишь противодействовать «левым течениям», но не оказывать какой-либо особенной поддержки правым. Коковцов даже считал бессмысленным уже традиционное дотирование правой печати, ввиду ее вздорности и неэффективности, однако уступил мнению Макарова, что такую финансовую поддержку нельзя прекратить непосредственно накануне выборов. Макаров изображается как «честный по личным взглядам, но ограниченный и упрямый до крайности». Упрямый настолько, что Коковцов вынужден признать: «подчинить Макарова моему влиянию мне не удалось». Тем не менее, Макаров, не поддавшийся влиянию премьера, «подпал под влияние своих сотрудников». Под таковыми, прежде всего, понимались ответственный за выборы товарищ министра А.Н. Харузин, однако затем уже утверждалось, что оба они «выпустили дело из своих рук», предоставили излишнюю инициативу губернаторам, которые во время выборов принялись сводить счеты с собственными личными врагами⁶⁶⁹. Сам Коковцов изначально планировал передать дело выборов в руки нового государственного секретаря С.Е. Крыжановского, без «ловкости» которого, как писал премьер Николаю II, результаты кампании могли принести «крупные разочарования»⁶⁷⁰. Однако Макаров настоял на сохранении выборного дела в его ведомстве⁶⁷¹ (кроме того, сама по себе передача выборов в ведение одной из законодательных палат – Государственного совета – выглядела бы весьма нелогично). Наконец, еще одной ареной столкновения стала полицейская реформа: еще 31 января 1912 г. было решено создать междуведомственное совещание во главе с Харитоновым для финансового согласования проекта. Совещание поддержало мнение нового

---

⁶⁶⁹ Там же. Кн. 2. С. 68–70.

⁶⁷⁰ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 11. Л. 11–12. Письмо от 17 сентября 1911 г.

⁶⁷¹ Голос Москвы, 12 октября 1911 г.

премьера Коковцова, однако Совет министров, выступив на стороне МВД, вернулся к прежней точке зрения⁶⁷².

Основной причиной конфликта, таким образом, выставлялись вовсе не политические разногласия (на месте Макарова сам Коковцов, вполне возможно, проводил бы тот же курс), а личные качества министра и межведомственные трения. Сам премьер не отрицал естественного характера противоречий между МФ и МВД, но видимо рассчитывал в лице Макарова получить послушное орудие собственных представлений о бюджетных тратах. В целом, вся история взаимоотношений Коковцова с Макаровым красноречиво свидетельствовала о небольших политических талантах премьера. Конфликт с еще одним активным участником выборной кампании – обер-прокурором В.К. Саблером – в мемуарах Коковцова практически не был затронут. Даже если он и существовал, вряд ли он мог иметь большое значение для общей атмосферы Совета министров. Кроме того, сам Коковцов был крайне не заинтересован в противостоянии с обер-прокурором, пользовавшимся особой поддержкой императора в церковной сфере, и всячески подчеркивал свое единомыслие в этих вопросах с ними обоими⁶⁷³.

Отставка Макарова, состоявшаяся 16 декабря, произошла не вследствие конфликта с премьером. В глазах императора министр не справился с целым рядом дел: организацией выборов, реформой полиции, вероисповедным вопросом, Ленским делом. Немаловажным представлялся и вопрос подготовки предстоящего 300-летнего юбилея Дома Романовых. Еще летом, после окончания думской сессии Николай II признался премьеру в решении отправить Макарова в отставку за то, что он «распустил печать» и тянул с подготовкой нового законопроекта, ужесточившего цензуру. Поскольку министр изначально был креатурой Коковцова, император предложил ему, в случае, если премьер решит также просить об отставке, пост посла в Берлине.

---

⁶⁷² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1912 год. М., 2004. С. 28–39; РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 12.

⁶⁷³ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 11. Л. 25–26. В.Н. Коковцов – Николаю II, 14 ноября 1911 г.

Однако Коковцов согласился с необходимостью удаления Макарова и просил царя оставить его самого на занимаемой должности⁶⁷⁴.

Итак, став премьером, Коковцов попытался проводить левый («деловой») курс; националистические речи на самом деле лишь прикрывали сворачивание соответствующей политики (новых законопроектов не инициировалось). Как отмечал Тихомиров, курс Столыпина формально был сохранен, но изменений в стране это уже не приносило⁶⁷⁵. Политика Коковцова заводила ситуацию в тупик. Пассивность в отношении думских фракций привела к разочарованию октябристов и националистов. Националисты лишились необходимой поддержки и оказались слишком дезориентированы. Октябристы перешли в оппозицию. Ближайшим последствием была актуализация принципиального вопроса о политических правах парламента, по которому правительство и Дума впервые оказались основными антагонистами. МВД, при отсутствии внятной общеправительственной стратегии, повело на выборах собственную игру на продвижение в Думу абсолютно лояльного элемента. Это означало, что правительство прежде всего работало против октябристов. Результатами стали скандальные выборы, дискредитация правительства, которое теперь воспринималось общественностью как злокозненное, но слабое, и недееспособная IV Дума. Поссорившись с правительством, октябристы разошлись и с торгово-промышленниками, которые пошли как налево (прогрессисты), так и направо (к правительству). Успех прогрессистов был вызван разочарованием общества как в октябристах, так и в кадетах (а также следствием возмущения части торгово-промышленников от того, что их конкуренты оттеснили их от плодов экономического подъема – прежде всего, государственного заказа). Кадеты, несмотря на выгодное для них нахождение в оппозиции, не смогли серьезно поправить свое положение. В кадетской партии набирали силу внутренние противоречия, связанные со стремлениями

---

⁶⁷⁴ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 71–73.

⁶⁷⁵ Памяти Петра Аркадьевича Столыпина // Московские ведомости, 5 сентября 1912 г.

преодолеть партийную изоляцию. Появление и парламентский успех прогрессистов стали свидетельством неспособности правительства «оседлать» новые общественные настроения, связанные, прежде всего, с бурным возрождением экономической активности. Правительственный курс не имел политического обеспечения. Именно этим, а не «общественным подъемом» или «революционной ситуацией» определялась политическая повестка дня.

Глава 4. Формирование альтернативных концепций политического курса в условиях политического лавирования (декабрь 1912 – январь 1914 гг.)

Инерционные процессы, доминировавшие в правительственной политике в течение предыдущего года, исчерпали себя. Кризис, в значительной степени спровоцированный безучастностью правительства как единой силы, не только ослабил его позиции, но еще и усложнил расстановку сил на политическом поле, привел к активизации ряда радикальных политических сил – как в самом Совете министров, так и среди оппозиции. Сложившаяся к концу 1912 г. ситуация требовала формулирования и реализации целостных концепций дальнейшего развития. От того, кто смог бы ее предложить, зависела судьба существовавшей политической системы и России в целом.

4.1. Н.А. Маклаков и новая расстановка сил в правительстве и парламенте

16 декабря Макаров получил отставку согласно прошению, по болезни¹. Правые сожалели. Как отмечали «Московские ведомости», министр уходил, окруженный «горячим сожалением всех, имевших с ним дело»². Для остального политического спектра отставка особого значения не имела. Меньшиков писал: «Трудно припомнить министра внутренних дел, уход которого вызвал бы в обществе меньше радости с одной стороны и меньше сожалений с другой. Об А.А. Макарове, человеке лично безукоризненном, никто решительно не скажет дурного слова. Вполне

---

¹ Новое время, 17 декабря 1912 г.

² Московские ведомости, 18 декабря 1912 г.

определенный и без всякой хитрости, он внушал к себе уважение даже своих врагов. Чрезвычайно сдержанный, корректный, справедливый, пропитанный, так сказать, юстицией, как сардинка маслом (простите за сравнение), А.А. Макаров был создан быть министром полиции правового строя». Причинами ухода стали бестактная выборная кампания, Ленское дело, болезнь, а «всего более груз – прямо всеильный – неразрешенных общих задач внутреннего управления»³.

Новым управляющим МВД был назначен 41-летний черниговский губернатор камергер Н.А. Маклаков. 27 декабря Николай II написал в дневнике: «Утром принял Маклакова на полчаса. Превосходное впечатление производит он своим правильным взглядом на вещи, своею честностью и откровенностью»⁴. Для личного дневника императора это была исключительная по своей развернутости характеристика. Личному благоволению со стороны Николая II не мешало даже негативное отношение Маклакова к Распутину⁵. Необычный характер назначения Маклакова был очевиден. Н.А. Маклаков являлся сыном известного московского врача-окулиста и младшим братом видного адвоката и думского оратора кадета В.А. Маклакова. Николай Алексеевич окончил историко-филологический факультет Московского университета, придерживался правых взглядов и состоял членом Союза русского народа. Маклаков был вхож в салоны Е.В. Богдановича и кн. В.П. Мещерского⁶, а сам князь всячески намекал на то, что последующее назначение Маклакова министром произошло не без его участия (скорее всего, это было сильным преувеличением)⁷.

---

³ Меньшиков М. Смена властей // Новое время, 18 декабря 1912 г.

⁴ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013. Т. 2. Ч. 1. С. 714.

⁵ В частном письме Маклаков сообщал, что его покровитель Богданович желает написать письмо царю с правдой о Распутине: «Он прямо вырос на три аршина в моих глазах» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 562. Л. 671. Н.А. Маклаков – жене М.Л. Маклаковой, 27 февраля 1912 г.). Письмо было перлюстрировано и должно было получить известность в высших сферах. См. также: Переписка Сухомлинова и Янушкевича // Красный архив. 1923. № 3. С. 46.

⁶ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007. С. 54–55, 293–294.

⁷ Голос Москвы, 19 декабря 1912 г. Император рассматривал Маклакова в качестве кандидата на пост министра уже в сентябре 1911 г. Вместе с тем, за период 1904–1911 гг. состоялась только 1 встреча императора с Мещерским (3 января 1910 г.), а регулярное общение возобновилось лишь с июня 1912 г. (Стогов Д.И. Ук. соч. С. 79).

Маклаков и его жена (урожденная кн. Оболенская) являлись друзьями фрейлины вдовствующей Императрицы А.Н. Нарышкиной, которая курировала карьеру Николая Алексеевича и посоветовала его Столыпину в губернаторы; премьер и сам был знаком с ним со времен полтавских торжеств 1909 г., когда Маклаков, в тот период – управляющий полтавской казенной палаты, сыграл ключевую роль в их организации и обеспечил образцовый порядок⁸. По словам Мещерского, Николай Алексеевич был назначен Столыпиным губернатором после «блестящего отзыва» о нем Коковцова⁹. Полтавский губернатор гр. Н.Л. Муравьев во время торжеств также якобы рекомендовал Маклакова Столыпину. Чиновник был представлен императору. За организацию торжеств Николай Алексеевич производился в камергеры, и тогда же Столыпин назначил его черниговским губернатором. Во второй раз Николай II встречался с Маклаковым, посещая Чернигов сразу после покушения на Столыпина, в день смерти премьера¹⁰. Вероятно, именно в это время император принял решение назначить губернатора министром (неутомимость и распорядительность в деле организации торжеств были как нельзя кстати в свете предстоящего празднования 300-летия Дома Романовых). Кроме того, как отмечалось в прессе, в губернии Маклаков проявил большую активность в борьбе с казнокрадством и мордобоем, «и не без успеха». Сообщалось также, что в Черниговской губернии губернатор смог добиться создания предвыборного блока правых, духовенства и националистов, что было трудной задачей¹¹. Джунковский отмечал, что единственной неудачей Маклакова стали его конфликтные отношения с губернским земством¹². Однако, как утверждала пресса, у черниговского губернатора не сложились отношения и с министром. Разница политического темперамента между Макаровым и Маклаковым оказалась слишком сильной. Незадолго до назначения будущей

---

⁸ [Муратов Н.П.] Воспоминания Н.П. Муратова // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 28. Л. 329–330.

⁹ Дневник // Гражданин. 1912. № 51. С. 11–12.

¹⁰ Новое время, 15 декабря 1912 г.

¹¹ Голос Москвы, 13 декабря 1912 г.

¹² Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 93–94.

министр якобы был переведен в Нижний Новгород, но отказался и даже ответил телеграммой: «Не согласен. Губернатор Маклаков». Он был вызван в Петербург для внушения, но в это время получил назначение на министерский пост¹³.

Уже с 13 декабря в газетах проявились усиленные ожидания замены Макарова на Маклакова. Коковцов в Думе подтвердил, что слухи о перемене ходили с июня¹⁴. И все-таки полной веры разговорам не было. Назначение столь молодого управляющего МВД, с учетом пересудов о замене Макарова на Щегловитова или Кривошеина, в целом воспринималось весьма необычным. Джунковский даже посчитал, что сам Коковцов настоял на Маклакове, поскольку хотел видеть на ключевом посту лицо маловлиятельное¹⁵. «Утро России» также считало, что Маклаков был «выдвинут несомненно Коковцовым»¹⁶.

Кн. Мещерский писал о Маклакове: «В его наружности нет атома чиновника», поскольку он, «в отличие от чиновника, жил для жизни больше, чем для бумаги»¹⁷. Князь отмечал отсутствие бюрократической рутины в новом руководителе МВД, которому еще «не дали ни остыть, ни засохнуть». «Гражданин» удивлялся благожелательному отношению «петербургского человечества» к Маклакову, притом, что все знали, что он – «реакционер». Все газеты, по мнению Мещерского, якобы отмечали «скромность, спокойствие, приветливость и порядочность»¹⁸. «Россия, провинциальная Россия, ждет твердой, сильной и правдивой власти, карающей произвол и желающей познать ее действительные нужды», – утверждал «Гражданин». По мнению его корреспондента, в назначении Маклакова страна увидела «избранника Монарха, увидела человека независимого, призванного внести в жизнь страны порядок. Со времени Столыпина общество смешало понятия

¹³ Голос Москвы, 19 декабря 1912 г.; Дневник // Гражданин. 1912. № 51. С. 11.

¹⁴ Голос Москвы, 14 декабря 1912 г.

¹⁵ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 93.

¹⁶ Утро России, 14 декабря 1912 г.

¹⁷ Дневник // Гражданин. 1912. № 51. С. 11–12.

¹⁸ Речи консерватора // Там же. 1913. № 1. С. 3.

народных нужд и интересов Монарха с идеалами «национальной» партии, которой чужды эти интересы и которая старалась лишь узурпировать на местах власть»¹⁹. Мещерский всячески намекал на то, что назначение произошло не без его участия, а влияние князя опять растет²⁰. Кобылинский полагал Маклакова «энергичным и талантливym человеком», лишь Дурново отзывался о нем уклончиво²¹. По-видимому, причина этого заключалась в том, что потом Джунковский обозначил так: «Человек безусловно чистый и порядочный, но по молодости своей несколько опрометчивый»²². Бывший одесский градоначальник И.Н. Толмачев сомневался в способности Маклакова организовать свой курс в обстановке развала правых²³.

«Новое время» передавало мнение многолетнего знакомого Маклакова о нем: «простой в обращении и умеющий очаровать вас своей любезностью». Отмечалось, что как податной инспектор, он был тактичен и выдержан²⁴. Тем не менее, говорить о Маклакове сам Меньшиков отказывался, указывая лишь на личную безукоризненность и правые взгляды, и обещал судить по делам²⁵. Официозное «Черниговское слово» писало, что «Маклакова зовут закончить дело, начатое Столыпиным». В губернии, по утверждению националистической газеты «Свет», он победил бандитизм, боролся со взятками, мордобитием, незаконным выдворением евреев. «Новый министр внутр. дел горячо мечтает работать вместе с народным представительством, но работать, а не объясняться и заниматься пререканиями и разговорами. Он понимает и сознает, что возврата к недавнему прошлому – Цусиме, интендантским грабежам и произволу не может быть: на смену должен явиться правовой порядок и законность, достижение и осуществление которых должно совершаться без потрясений и катастроф»²⁶. Впрочем, как

---

¹⁹ Кон А. [Коновницын А.И., гр.] Партийность и запросы России // Там же. 1913. № 1. С. 5.

²⁰ Встречи императора с Мещерским в это время действительно возобновились: с июня 1912 по март 1914 гг. состоялось 9 встреч, в том числе 5 – в декабре 1913 – марте 1914 гг. (Стогов Д.И. Ук. соч. С. 79).

²¹ Голос Москвы, 19 декабря 1912 г.

²² Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 633.

²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 197. И.Н. Толмачев – Л.С. Сосновской, 26 января 1913 г.

²⁴ Там же. 15 декабря 1912 г.

²⁵ Меньшиков М. Смена властей // Новое время, 18 декабря 1912 г.

²⁶ Свет, 21 декабря 1912 г.

утверждалось, Маклаков – «пока загадка». Говорилось о сходстве со Столыпиным, с поправкой на то, что в новых условиях и сам Столыпин действовал бы несколько иначе²⁷. Само собой разумеется, предполагалось, что правее.

«Речь» не видела разницы между министрами отставленным и назначенным²⁸. Однако Шипов резонно считал: «В этом назначении можно видеть стремление повторить опыт, сделанный со Столыпиным»²⁹. Возникли слухи и об уходе Коковцова; на пост министра финансов прочили директора Государственного банка А.В. Коншина, имя кандидата на премьерское место не упоминалось³⁰. В думской среде считалось, что Маклаков метил в премьеры и вполне мог ориентироваться на националистов и даже правых октябристов³¹. По-видимому, именно слухи о назначении, а затем и само назначение Маклакова стимулировало начавшуюся не позднее ноября-декабря 1912 г. активную борьбу Кривошеина за назначение премьером И.Л. Горемыкина³². За спиной известного бюрократа, бывшего министра внутренних дел и председателя правительства, которому перевалило за 70 лет, Александр Васильевич, его большой личный друг, рассчитывал проводить собственный курс. Кривошеин прекрасно понимал, что консервативная репутация Горемыкина вызывает симпатию у императора (как вызывала симпатию репутация Маклакова), но вместе с тем хорошо помнил опыт сотрудничества Горемыкина и Столыпина в 1906 г.

Ощущение необходимости и – одновременно – отсутствия определенного правительственного курса овладевало представителями самых разных взглядов. Причина крылась не в приближении революции. «Свет» признавал: «Революционный гипноз рассеялся и политические крайности не привлекают более общественных масс»³³. В обществе, наоборот, проявлялась

---

²⁷ Там же. 24 декабря 1912 г.

²⁸ Речь, 18 декабря 1912 г.

²⁹ ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 495. Л. 20. Д.Н. Шипов – М.В. Челнокову, 22 декабря 1912 г.

³⁰ Голос Москвы, 2 февраля 1913 г.

³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 307А. Л. 28–30. 13 февраля 1913 г.

³² РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 245. Лл. 3, 4. См.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 517.

³³ Свет, 17 декабря 1912 г.

аполитичность. Явка на московских городских выборах составила всего 31 % (в 1908 г. – 41 %) ³⁴. Тихомиров фиксировал «два противоположных явления в современной жизни России»: экономический рост и распад социально-политических отношений. Публицист задавался вопросом: «Куда же тут можно придти? Нетрудно понять. Но в тех случаях, когда спасительный страх перед явным подготовлением страшного кризиса западает в чье-либо сердце, он немедленно успокаивает себя мыслью: «да ведь везде в цивилизованном мире так поступают, и туда же идут». <...> Жалкое успокоение, достойное всей нашей малоразвитости, всей поверхности нашего знакомства с историей и социологией!» Тихомиров говорил о необходимости нового Петра Великого: «Но если бы Петр пришел, то какие же средства действия дадим мы ему в нашем нынешнем устройении? Что скажет Государственная дума об его законах, ею не одобренных? <...> Невеселы перспективы эволюции нашей богатеющей страны. Богатство еще не все, что нужно для жизни. *Enrichissez vous* [Обогащайтесь! (франц.)] – это был лозунг империи Наполеона III накануне гибели. Положим, мы верим, что Россия не погибнет. Она выскочит из кризиса путями, их же увидит тот, кто доживет. Но мы характеризуем не пути спасения, которые когда-то найдет Россия, а наше нынешнее творчество, которое не дает стране политическо-социальной организации, сколько-нибудь соответственной по силе тому могучему росту материальных процессов, которые в ней совершаются», – писал Тихомиров ³⁵. Публицист сравнивал ситуацию с эпохой Смуты и напоминал: «В 1613 г. справились со всей анархией почти моментально, как только отбросили чужие идеалы и прочно стали на свои собственные национальные основы» ³⁶. Даже Меньшиков критиковал власть. Последние Рюриковичи, по его мнению, вводили «чуждые славянской Руси татарско-византийские идеалы», следствием чего и стало Смутное время. Необходимо было, по словам Достоевского, «возвращаться к корням» – «это

---

³⁴ Русские ведомости, 21 декабря 1912 г.

³⁵ Московские ведомости, 4 января 1913 г.

³⁶ Две учредительные эпохи // Там же. 12 января 1913 г.

единственный консервативный способ прогресса». Меньшиков, как и Тихомиров, приводил пример Петра Великого³⁷.

«Русские ведомости» считали, что возвращались времена 1904 г.: «Сколько у нас говорят, что власть должна быть сильна. Не лучше ли было бы сказать, что власть должна быть смелой. Ведь ясно, что большая часть преследований и стеснений вытекает даже не из узко понятых интересов господствующей власти, а только из отсутствия смелости у нее. Памятные слова Столыпина «не запугаете» в сущности были криком испуганного. Ибо смелой власти, сознающей свою силу, совсем ни к чему кричать, ни к чему прибегать к исключительным судам, закрывать профессиональные союзы, арестовывать гимназистов, увольнять студентов, воспитывать профессоров в тюбингенских семинариях и пр., и пр. Смелая власть может давать жизни развиваться свободно. <...> При отсутствии смелости в этом смысле слова, на которую власть претендует, она становится разрушительной силой. Дайте испуганному человеку палку в руки. Он зажмурит глаза и станет размахивать ею. <...> В самом факте воскресшего внимания общества к политическим вопросам мы видим симптом исчезнувшей общественной реакции. А когда проходит общественная реакция, приходится ликвидировать и реакцию правительственную»³⁸.

Касаясь революционных аллюзий, «Речь» писала: «Идейно реакция побеждена, и оппозиция не встречает более сколько-нибудь яркого и сильного противника. Но фактически весь аппарат реакции имеется по-прежнему налицо и совершает по-прежнему, по инерции свою автоматическую работу»³⁹. Как полагали «Русские ведомости», «на первый взгляд, для четвертой Думы обрисовываются как бы очень благоприятные перспективы», т.е. левое большинство и терпимое правительство. Однако предугадывать что-либо, по мнению газеты, было крайне сложно: «В декларации В.Н. Коковцова совершенно не было тех агрессивных нот и

---

³⁷ Новое время, 21 февраля 1913 г.

³⁸ Русские ведомости, 11 января 1913 г.

³⁹ Речь, 27 января 1913 г.

угроз, которые звучали в речах П.А. Столыпина, и это создает некоторую иллюзию если не полной солидарности между правительством и Думой, то по крайней мере возможности для них прочного сотрудничества в определенном направлении». С другой стороны, как отмечалось, в правительстве оставались Щегловитов, Кассо и Саблер⁴⁰. «Русская молва» указывала, что сам Маклаков считал себя ближе всего к националистам. Корреспондент газеты И. Жилкин, намекая на В. Маклакова, писал, что некий думский оратор, лично знакомый с предполагавшимся новым министром, характеризовал его так: «Он не реакционер, а что угодно. Прикажут конституцию защищать, он будет за конституцию. Прикажут самодержавие – за самодержавие»⁴¹. Итак, назначение Маклакова еще не предопределяло то или иное направление правительственного курса.

Представляясь личному составу МВД, Маклаков сказал: «Цель у всех нас должна быть одна – укрепление государственной власти, сильной, благожелательной и спокойной власти, верующей в себя и в свое святое дело, власти, работающей на благо многомиллионного населения великой России. Путь же, ведущий к этой цели – один единственный, иного нет и не может быть – это закон, утвержденный и утверждаемый Его Императорским Величеством»⁴². Присутствовавший на церемонии Богданович ответил новому управляющему: «В печальные, лукавые дни всеобщего раздора и разлада отрадно слышать голос, зовущий к единению, к дружной работе на славу Царя, на славу Отечества». В интервью «Московским ведомостям» он затем отметил: «Таких слов мы давненько не слыхали»⁴³.

Новый управляющий министерством начал демонстративно ужесточать контроль над своим ведомством. Маклаков потребовал от своих непосредственных подчиненных все важные доклады делать

---

⁴⁰ Русские ведомости, 18 декабря 1912 г.

⁴¹ Жилкин И. Пустяк // Русская молва, 15 декабря 1912 г.

⁴² Голос Москвы, 31 декабря 1912 г.

⁴³ Московские ведомости, 5 января 1913 г.

непосредственно ему («Голос Москвы» отметил, что Макаров, наоборот, пытался от этого уклоняться)⁴⁴. Редактору «Правительственного вестника» А.А. Башмакову было запрещено высказывать мнение по балканскому вопросу или уйти, после чего он подал в отставку⁴⁵. «Гражданин» даже запустил слух о желании Маклакова упразднить Осведомительное бюро как ненужное и дорогостоящее⁴⁶. Земствам и городам был направлен циркуляр МВД с запретом ставить вопрос о политической амнистии, приуроченной к 300-летию царствования Дома Романовых, поскольку это не входило в их компетенцию⁴⁷. Маклаков предупредил и.о. петербургского головы Д.И. Демкина о начале строительства канализации за казенный счет, если дума в ближайшее время сама его не начнет⁴⁸. Министр посетил петербургский полицейский участок и заметил городу о невероятной тесноте арестантских камер⁴⁹. Газетами было отмечено, что министр внутренних дел нанес такой визит впервые за 40 лет⁵⁰.

Вместе с тем, наряду с таким рвением Маклаков также сразу стал демонстрировать «антиполицейский» настрой. Он занял покровительственную позицию в отношении рабочих по Ленскому делу. 17 и 31 января Совет министров при его участии обсудил вопрос и решил дело против рабочих прекратить⁵¹. Было приостановлено инициированное Макаровым выселение из Царства Польского 30 еврейских семей, не

---

⁴⁴ Голос Москвы, 15 февраля 1913 г.

⁴⁵ Неудобства официального положения // Там же. 1 февраля 1913 г.; Там же. 2 февраля 1913 г.

⁴⁶ Гражданин. 1913. № 4. С. 7.

⁴⁷ Голос Москвы, 1 февраля 1913 г. Даровать политическую амнистию к юбилею предлагали правые кадеты (Амнистия // Русская молва, 9 января 1913 г.) и прогрессисты (Всепрощение // Утро России, 17 февраля 1913 г.). «Русская молва» первоначально предполагала, что Маклаков не выступал против амнистии, однако проекту воспротивился Щегловитов. Вопрос об амнистии активно обсуждался в оппозиционных кругах, но, по утверждению Н.В. Некрасова, левые (в том числе, кадеты) были против его возбуждения, чтобы не демонстрировать примирения с властью (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 916. Л. 63. Н.В. Некрасов – Н.Н. Щепкину, 10 января 1913 г.). Между тем, некий высланный Морошкин в частном письме отмечал, что дарование амнистии – «большая глупость». Причина была понятной: «Они не выигрывают ничего: общественное мнение они этим на свою сторону не вернут. <...> А теряют они с амнистией много: <...> какой расчет правительству пускать десятки тысяч людей, которые в лучшем случае мыслят иначе, а в худшем возьмутся за старое, только с большей осторожностью» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 165. Высланный Морошкин, Париж – Е.И. Морошкиной, 24 января 1913 г.).

⁴⁸ Новое время, 20 января 1913 г.

⁴⁹ Там же. 30 января 1913 г.

⁵⁰ Голос Москвы, 29 января 1913 г.

⁵¹ Новое время, 22 января 1913 г. «Новое время» отмечало, что представленный правительству доклад Манухина по Ленскому делу вышел односторонний – в пользу рабочих (Там же. 10 января 1913 г.).

имевших там права жительства⁵². 15 января был отозван законопроект о реформе полиции, разработанный Макаровым еще при Столыпине: Маклаков якобы хотел изъять отсюда важное новшество – пункт о согласовании действий губернаторов с начальниками губернских жандармских управлений⁵³. Также якобы планировалось не вводить пост губернского начальника полиции и подчинить начальников губернских жандармских управлений по полицейской части губернаторам⁵⁴. Таким образом, новый глава МВД, хотя и мало разбирался в полицейском деле, вставал на точку зрения как консервативных, так и либеральных противников законопроекта⁵⁵. Во всяком случае, это был разрыв со столыпинским наследием. С некоторой надеждой прессой сообщалось также, что в подготовленном Департаментом полиции проекте паспортного устава отменялись паспорта⁵⁶. Законопроект о переходе в иное вероисповедание, внесенный правительством в 1909 г., но так и не согласованный между палатами, изымался как устаревший, для обновления⁵⁷.

Маклаков продемонстрировал некоторое благоволение по отношению к правым. МВД вошло в Совет министров с предложением о назначении пенсии в 3 тыс. руб. бывшему губернатору депутату Хвостову, поскольку он «расстроил свое здоровье усердной службой»⁵⁸. Министр посетил Кобылинского и крайне интересовался особым мнением правых по делу Курлова⁵⁹. Первые шаги Маклакова вызвали поддержку Мещерского: он призвал его к чистке МВД, которое Столыпин и Макаров, по его мнению, запустили, и восстановлению его в прежней силе и справедливости, которой не было со времен Дурново⁶⁰. Еще одной задачей, как считал публицист,

---

⁵² Русская молва, 11 января 1913 г.

⁵³ Новое время, 16 января 1913 г.

⁵⁴ Там же. 21 января 1913 г.

⁵⁵ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 97.

⁵⁶ Новое время, 23 января 1913 г.

⁵⁷ Там же. 27 января 1913 г.

⁵⁸ Новое время, 12 февраля 1913 г.

⁵⁹ Голос Москвы, 30 декабря 1912 г.

⁶⁰ Дневник // Гражданин. 1913. № 1. С. 14–18.

была борьба с губернаторской коррупцией⁶¹. «Гражданин» также демонстративно предлагал Маклакову реформу законодательного процесса: любой законопроект, даже если он не получал большинства в Думе, мог быть передан в Государственный совет, император решал бы вопрос о законопроекте на основе мнения большинства одной из палат, если они не смогли договориться. Мещерский спрашивал: если Столыпин изменил избирательный закон ради октябристов, то почему нельзя сделать это с целью «удовлетворить народные нужды во всей их полноте»? Неужели, задавался вопросом публицист, разгонять Думу было бы лучше?⁶² Реакция либералов, как и следовало ожидать, оказалась противоположной. Бывший земский начальник, публицист Л.В. Дашкевич писал полтавскому губернатору А.К. Багговуту: «В нашем министерстве много перемен, свидетельствующих о давно известной истине – глубоком падении Петербурга. Как можно было назначить министром внутренних дел мальчишку-карьериста, полнейшего невежду в земских и крестьянских делах? <...> Все это очень грустно. Правительство таким образом само лезет в пасть будущей революции»⁶³.

25 января товарищем министра внутренних дел был назначен московский губернатор В.Ф. Джунковский. Назначение состоялось из-за обеспеченного им образцового порядка на Бородинских торжествах 1912 г.⁶⁴ Он пользовался популярностью как в правых⁶⁵, так и в либеральных кругах. «Гражданин» отметил, что между ним и Харузиным – «бездна»⁶⁶. «Голос Москвы» также писал, что «это был один из таких немногих администраторов, которые сами доходят до всего и к которым всякий может прийти со своими нуждами»⁶⁷. «Утро России» ликовало: «Как мало требуется

---

⁶¹ Дневник // Там же. 1913. № 3. С. 11.

⁶² Дневник // Там же. 1913. № 1. С. 14–18.

⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 132. 21 января 1913 г.

⁶⁴ Новое время, 6 января 1913 г.

⁶⁵ Генерал Е.В. Богданович рекомендовал его в помощники наставника наследника цесаревича; самим наставником предлагался А.Д. Самарин (Стогов Д.И. Ук. соч. С. 165).

⁶⁶ Дневник // Гражданин. 1913. № 6. С. 15.

⁶⁷ Голос Москвы, 29 января 1913 г.

для представителя власти для того, чтобы обеспечить за ним известную долю общественных симпатий! Личной корректности, отсутствия «импульсов» и уважительного отношения к закону». Джунковского в Москве провожали как некоего общественного избранника⁶⁸. По занятии новой должности Джунковский издал приказ по Отдельному корпусу жандармов с указанием проявлять «сердечность к населению»⁶⁹. Для этого, как иронизировало «Утро России», необходимо было отменить чрезвычайную охрану и административную опеку⁷⁰. Еще одной новой фигурой в центральном аппарате МВД стал назначенный редактором «Правительственного вестника» кн. С.Д. Урусов, брат депутата и, как считалось, знаток сельского хозяйства и «видный член» ГУЗЗ⁷¹.

Полицейская реформа, доработанная Маклаковым и директором Департамента полиции С.П. Белецким, предполагала централизацию полиции, сохранение за губернатором власти над ней (в отличие от проекта Макарова), а также введение обязательных образовательных и специально-технических требований для полицейских чинов, создание с этой целью специальных курсов, увеличение штатов и окладов, принятие расходов на полицию исключительно казной, снятие с полиции обязанностей по сбору податей⁷². 8–13 февраля состоялось совещание губернаторов по полицейской и паспортной реформам и борьбе с хулиганством⁷³. Совещание поддержало Маклакова в его желании скорректировать полицейский законопроект, заменить судебные решения административными приказами (с обжалованием в суде, на европейский манер, что избавляло бы суд от мелких дел) и, наоборот, отменить административный арест по делам хулиганства, нищенства и тунеядства как вторжение в судебную сферу⁷⁴. При обсуждении

---

⁶⁸ Губернатор и общество // Утро России, 1 февраля 1913 г.

⁶⁹ Утро России, 7 февраля 1913 г.

⁷⁰ Сердечность к населению // Там же. 9 февраля 1913 г.

⁷¹ Свет, 6 марта 1913 г.

⁷² О преобразовании полиции в Империи. СПб., 1913. 30 мая Совет министров обсудил вопрос о полицейской реформе, причем Коковцов добился постепенности в ее проведении (Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 266).

⁷³ Новое время, 8 февраля 1913 г.

⁷⁴ Там же. 9 февраля 1913 г.

проекта реформы полиции Маклаков со ссылкой на европейский (преимущественно германский) опыт выступил за свободное обжалование действий губернатора в суде. Гофштеттер в «Голосе Москвы» горячо поддержал этот принцип, отмечая его политическое значение: «Далее пожеланий, высказанных главою полиции, не идет мечта самых крайних оппозиционных партий, за исключением тех, либерализм которых непосредственно граничит с анархией. <...> Реформаторские попытки нового министра осуждены либо бесплодно увянуть в узких рамках изолированной специально-полицейской реформы или же получить осуществление на всем поле русской общественной жизни», т.е. воплотиться в реформу суда⁷⁵. В дальнейшем председательство в совещании было возложено на Джунковского⁷⁶. Вероятнее всего, Маклаков в данном случае изначально выступал не с собственными инициативами, а по его советам. Совещание также поддержало пересмотр земского и городского положений с целью создать возможности для административных постановлений, а также усиление наказаний за неисполнение постановлений административных и общественных учреждений⁷⁷. 28 февраля Совет министров приступил к обсуждению вопроса о порядке законодательных дел по корпусу жандармов. Новый товарищ министра добился ликвидации полицейской агентуры в армии и учебных заведениях, а также отставки Белецкого, таким образом окончательно покончив со сложившимися после подавления революции порядками в МВД⁷⁸.

Назначение Джунковского, как утверждал Пасхалов, «побуждает не только руку устремиться к затылку, но и душу направиться в пятки». Император, по его словам, согласился с этим выбором и отговорить его не удалось. Политика Маклакова вовсе не представлялась Пасхалову правой или адекватной моменту: нужен был «здоровеннейший *coup d`etat* [переворот

---

⁷⁵ Голос Москвы, 15 февраля 1913 г.

⁷⁶ Новое время, 9 февраля 1913 г.

⁷⁷ Там же. 13 февраля 1913 г.

⁷⁸ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 283.

(франц.)] <...> Нужен был бы тип Мих. Ник. Муравьева – никак не меньше», а поведение Маклакова «способно скорее предвестить мягкость и уступчивость, чем решительность и силу». Это было тем более важно, что наступающей весной Пасхалов ожидал начала европейской войны⁷⁹. Толмачев жаловался на отсутствие поддержки правых со стороны власти: «Быть может, правительство само хочет конституции»⁸⁰. Итак, первые меры нового министра внушили надежды и недоумения как правым, так и умеренным либералам.

И правительственный курс, и общественные настроения составляли загадку. Касаясь вопроса о начале общественного подъема, К.К. Арсеньев писал: «Пробуждение – только начало нового дня. Чтобы исполнить дневные задачи, нужна затрата сил, соответствующая важности этих задач. Обладает ли современное русское общество такими силами – покажет будущее. Наш оптимизм не идет дальше утверждения, что наступило утро». «Не один ли из бесчисленных зигзагов этот начавшийся подъем?» – вторила ему Е.Д. Кускова⁸¹. Впрочем, в обзорном приложении «Русских ведомостей» за 1912 г. намеренно отсутствовала характеристика нового министра.

Настоящим показателем не только правительственного настроения, но и ситуации в оппозиционных кругах стали выборы московского городского головы. Оппозиция предполагала смену Н.И. Гучкова на кн. Г.Е. Львова. Было известно, что обе кандидатуры не устраивали правительство и лично Коковцова⁸². Н.И. Гучков, занимавший должность с ноября 1905 г., изначально не хотел избираться на третий срок, потому что был разочарован в правительственном курсе. 20 декабря планировалось совещание у Н.М. Кишкина, на котором часть правых и левые хотели сговориться на деловой

---

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 916. Л. 94. К.Н. Пасхалов – Д. Хомякову, 15 января 1913 г.

⁸⁰ Там же. Д. 918. Л. 280. И.Н. Толмачев – В.Н. Альбрандту, 6 февраля 1913 г.

⁸¹ Арсеньев К. Пробуждение или усыпление? // Русские ведомости, 1 января 1913 г. Приложение. 1912 год. Общественное настроение и главные события года. С. 4; Кускова Е. Зигзаги общественного настроения // Там же. С. 8.

⁸² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 199. М.В. Челноков – Н.И. Астрову, 26 января 1913 г.

программе (городское обложение, децентрализация управления) и выдвинуть кн. Г.Е. Львова⁸³. Однако кадеты были заинтересованы не в программе, а в самой фигуре Львова: он не разбирался в городском хозяйстве, однако обеспечил бы кадетам господство в Москве⁸⁴. Как и следовало ожидать, Львов отказался огласить свою программу и признал, что московского хозяйства не знает, но не мог отказать своим соратникам в выдвижении⁸⁵. Вместо программы «Русская молва» опубликовала датированную 20 декабря статью Львова, в которой содержалась критика бюрократии и призыв к государственной власти идти навстречу народным нуждам и тем подтвердить принципы Манифеста 17 октября⁸⁶. Несмотря на сугубо политический характер выдвижения Львова, прогрессисты выступили на стороне кадетов. «Утро России» считало, что Гучков – не имеющий авторитета канцелярист, «чиновник, исполняющий должность купца», Львов же – опытный землец и плохой кадет; газета напоминала, что он вышел из партии во время Выборгского воззвания⁸⁷.

На выборах Гучков получил 77 голосов против 75, Львов – 82 против 70⁸⁸. После этого Гучков снял свою кандидатуру⁸⁹. Кн. Мещерский даже написал о том, что А.И. Гучков, уходя из политики, уговорил своего родного брата уступить Москву «ультра-либералу» Львову⁹⁰. Сам Львов реагировал так: «Они раздули вражду, сделали из меня знамя и сами глядят на меня как на врага. У меня теперь отняты все средства мирной работы. Все складывается так, что условия работы невозможны и противоречат моему пониманию задач общественно-политической жизни. Я конечно буду безмерно счастлив, если меня не назначат, но буду скорбеть за новое

---

⁸³ Там же. Ф. 810. Оп. 1. Д. 495. Л. 18–19об. Д.Н. Шипов – М.В. Челнокову, 22 декабря 1912 г.

⁸⁴ Ежов Н. К выборам московского городского головы // Новое время, 13 января 1913 г.

⁸⁵ Перед выборами головы // Утро России, 8 января 1913 г.

⁸⁶ Львов Г. Власть и народная совесть // Русская молва, 23 декабря 1912 г.

⁸⁷ Н.И. Гучков или кн. Г.Е. Львов? // Там же. 8 января 1913 г.

⁸⁸ Голос Москвы, 16 января 1913 г.

⁸⁹ Там же. 18 января 1913 г.; Новое время, 19 января 1913 г.

⁹⁰ Тайновед // Гражданин. 1913. № 6. С. 3.

доказательство того, что правительство наше стоит на старых ложных путях, ведущих русскую жизнь не только к злу, но и к разрушению»⁹¹.

Изначально «Русская молва» уверяла, что министр внутренних дел не собирался отменять результаты выборов⁹². Но когда Челноков по поручению кадетского руководства посетил В.Н. Коковцова и Н.А. Маклакова, они заявили, что при таком выборе будет утвержден Гучков. Челноков написал Шипову: «По поводу моих слов о необходимости примирения общества с правительством, что правительство по-видимому не понимает – В.Н.К. мне сказал: «правительство, или большинство его, поверьте мне, многое знает и понимает, но ведь знать и понимать не то что мочь, а вот вы то этого не хотите знать»». (Письмо было перлюстрировано, о нем было доложено как Маклакову, так и Коковцову. На полях отчета о перлюстрации премьер написал: «Сущее вранье! Ничего этого я не говорил»⁹³.) Сам Челноков писал, что подобные откровенности со стороны Коковцова он и Шингарев слышали не раз, как будто бы премьер хотел заручиться их лояльностью при прохождении смет⁹⁴. Далее, по словам Челнокова, Н. Маклаков предупредил его, что Львов не будет назначен, поскольку он – кадет. Министр также сказал: «Я знаю ваш кадетский взгляд – вы окажите все уважение Монарху <...> но как вы относитесь к слугам Государя. Вы их критикуете, вы на них нападаете, вы их не уважаете. <...> Я буду с газетами бороться штрафами и арестами, последнее предпочитаю». В результате министр оставил на Челнокова «тяжелое впечатление». Между тем, на приватный вопрос о новом руководителе МВД и его «блестящем» поведении Коковцов ответил Челнокову: «Ну, блеска то там что-то не заметно»⁹⁵. Однако общее настроение кадетов было безрадостным. Кн. А. Орбелиани признавался Челнокову: «Безглавая Москва, пожалуй, получит главу по назначению,

---

⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 175. Кн. Г.Е. Львов – М.В. Челнокову, 25 января 1913 г.

⁹² Министр вн. дел об избрании кн. Г.Е. Львова // Русская молва, 19 января 1913 г.

⁹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 158. [М.В. Челноков] – Д.Н. Шипову, 23 января 1913 г.

⁹⁴ Там же. Д. 918. Л. 277. М.В. Челноков – Д.Н. Шипову, 5 февраля 1913 г.

⁹⁵ Там же. Л. 158. [М.В. Челноков] – Д.Н. Шипову, 23 января 1913 г.

пофрондирует немного, а потом примирится со свершившимся фактом и успокоится. Помните, как было с назначением Рихтера?»⁹⁶.

На фоне политической неопределенности борьба в кадетском ЦК обострилась. В левокадетских кругах (в частности, Аджемовым, Набоковым) отмечалось, что в стране кадетские настроения остались только в интеллигентской среде, а ниже полностью вытесняются более левыми⁹⁷. В обстановке «полевения страны» А.А. Кизеветтер настаивал на «междупартийной кооперации»⁹⁸. Активизировалось и правое крыло. В январе в кадетском ЦК образовалась группа во главе с Маклаковым и Челноковым, выступившая за формирование деловой программы в Думе. Челноков угрожал при отрицательном отношении ЦК к его предложениям уйти из Думы и партии. Он прогнозировал раскол среди кадетов, которому мешало лишь МВД, не дававшее санкции на созыв съезда. По мнению Челнокова, на выборах Милюков, Шингарев, П.В. Герасимов, Н.В. Некрасов прошли при сильной конкуренции со стороны социал-демократов и потому «воображают, что Россия полевела и «выставляют лозунги 1905 г.»». В оценках товарищей Челноков был нелицеприятен: «Шингарев так красуется своим левым настроением <...> в результате вся его работа потеряла серьезность и у него остался только хорошо подвешенный язык, болтающий без умолку. Очень жаль»⁹⁹. На заседании МОЦК 20 января господствовали умеренные тона: был единогласно снят вопрос об инициировании амнистии в Думе; лишь в том случае, если это сделали бы другие фракции, предлагалось перевести вопрос «на почву конституционного акта». Москвичи по инициативе Кишкина выступили против возможности переизбрания ЦК на ближайшей конференции и поставили вопрос о необходимости созыва

---

⁹⁶ Там же. Ф. 810. Оп. 1. Д. 284. Л. 13 об. Н.Ф. Рихтер был утвержден в должности председателя московской уездной земской управы в 1896 г., губернской – в 1907 г.

⁹⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. т. 1. Л. 2–5. 3 февраля 1913 г.

⁹⁸ Кизеветтер А. Полевение страны // Русские ведомости, 1 января 1913 г. Приложение. 1912 год. Общественное настроение и главные события года. С. 11.

⁹⁹ ГА РФ. Оп. 265. Д. 918. Л. 277. М.В. Челноков – Д.Н. Шипову, 5 февраля 1913 г.

съезда, поскольку «Ц.К. ветшает», а реальный центр партийной жизни переместился во фракцию¹⁰⁰.

Кадетский центр оказывал сопротивление. Стремление сблизиться с думским центром, озвученное правыми кадетами, было отвергнуто как возврат к тактике периода III Думы. «Русские ведомости» указывали: «Бывают, конечно, моменты и даже целые исторические эпохи, когда перед страной нет никаких крупных задач, когда на очереди стоят лишь сравнительно мелкие текущие вопросы, выдвинутые жизнью без какого-либо определенного плана и более или менее одинаково решаемые чуть ли не всеми партиями. В таких случаях сглаживаются до поры до времени партийные различия, затушевываются принципиальные программные соображения. Но ведь про Россию настоящего времени меньше всего можно сказать, что она переживает один из подобных моментов»¹⁰¹. 27 января Милюков в ЦК характеризовал общую ситуацию со ссылкой на свою передовицу в «Речи» за тот же день: «В деят[ельности] правительств[а] нет никакой руководящей идеи и опреде[лен]ного плана; вносимые им законопроекты возникают ав[тома]тически, просто в силу обычного хода бюрократического [меха]низма». Милюков полагал, что ни позиция Коковцова, ни поведение Маклакова не проясняли картину, а Дума была «совершенно дезорганизована»: «Октябристов правительство отвергло и лишилось тех опытных чиновников и антрепренеров, вроде А.И. Гучкова, которые умели связывать Думу с властью; националисты же слишком малочисленны для того, чтобы на них опереться». Подводился такой итог: «Безнадежность положения в том, что, хотя идеология реакции изжита, но механизм ее в силу инерции работает исправно: критикой с кафедры его не проймешь. Отсюда всеобщая разочарованность и вялость, особенно ввиду всеуничтожающей деятельности Госуд. Совета. Думская оппозиция не уклоняется ни от работы, ни от программных выступлений, но правые даже

---

¹⁰⁰ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 155–156.

¹⁰¹ Русские ведомости, 6 февраля 1913 г.

почти не отвечают». Из этого следовала необходимость продолжать «вести свою линию»¹⁰². Шингарев соглашался, что реакция «держится только инерцией и не агрессивна», но прогрессистов и «даже у к.-д. – нет должного напора и стремительности». Такая оценка касалась как самоуправлений, где «почти уравновешенные взаимно течения топчутся вяло на одном месте», так и самой кадетской фракции: «Гребень реакции упал, а подъема новой волны еще нет, и мы в низине. <...> Необходим ряд лекций на эту тему («реакция изжита»), надо пытаться оживить общественное мнение»¹⁰³.

Гредескул призывал к тому же, подбадривая товарищей тем, что установившиеся «скука и слякоть» отсутствуют в провинции¹⁰⁴. Коллюбакин считал необходимым сосредоточиться на критике Государственного совета и взаимодействовать с земствами и кооперативами, поскольку «известные признаки оживления уже чувствуются»¹⁰⁵. Шингарев отметил: «Было бы чудом, если бы Гос. Совет не тормозил прогрессивных проектов Г. Думы. Это обычное поведение всех верхних палат, которые как во Франции, так и в Англии десятками лет задерживают назревшие реформы, причем часто бывает, что и неотложные реформы проводятся консервативными министерствами. Обращаясь к России, можно констатировать в этом отношении лишь то необычное явление, что из-за реакционного поведения Гос. Совета у прогрессивных элементов опускаются руки». Шингарев отвергал призыв Коллюбакина в виду неэффективности действий кадетской фракции в одиночку против второй палаты (а перспектива блокирования пока была неясна) и предлагал сосредоточиться на земских законопроектах: «По инициативе фракции к.-д. земство уже введено в 3 губерниях; мы уже вырвали от казны половину расходов на полицию; если для улучшения думских финансов получим пока 25 млн. руб., а не 300 млн., как добивались, то и это все же не пустяки. Лучше плохое земство, чем никакого, и это имеет

---

¹⁰² Протоколы ЦК... Т. 2. С. 157–158.

¹⁰³ Там же. С. 158–159.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 161.

очень определенный отклик в стране; самые выгодные вопросы для агитации в стране – земские». Гредескул также полагал необходимым поддержать законодательную работу, поскольку «народное движение, волнение – все это уже прошло и сделало свое дело, а теперь русская жизнь через 2-ую, 3-ю, 4-ую Думу плывет в конституционном русле». Он считал нужным работать в том ключе, который был намечен в речи Родзянко, и критиковал отсутствие кадетских лидеров на Высочайшей аудиенции¹⁰⁶.

На заседании 1 февраля обсуждался доклад Милюкова по тактике. Кадетский лидер формулировал два варианта действий: подобно прогрессистам сконцентрироваться на проведении конкретных законопроектов или отстаивать принципиальные требования, связанные с тремя законодательными предположениями. Первый путь, как отмечал Милюков, отнюдь не был более реалистичным. Шингарев признал, что такой доклад на предстоящей конференции «мог бы произвести тяжелое впечатление». Вместе с тем, иного выбора не формулировалось. Голосование против бюджета было отвергнуто. Петрункевич предложил вести дело к роспуску Думы, но Милюков выступал против этого пути: новая Дума могла и не оказаться левее нынешней, поскольку «на местах все выборщики сейчас известны, карты открыты», чем вполне могла бы воспользоваться администрация, способная снимать с выборов откровенно оппозиционных депутатов. Н. Маклаков в этом отношении представлялся еще более решительным, чем Макаров. Кроме того, правые уже начали кампанию против Коковцова. Шингарев также отмечал, что власть не распустит Думу, пока ей самой это не станет выгодно. Даже Коллюбакин опасался, что резкие шаги только приведут к смене Коковцова на Маклакова¹⁰⁷. По этим соображениям кадетский ЦК достаточно единодушно и неожиданно для местных делегатов выступил на следующей партконференции (февраль 1913

---

¹⁰⁶ Там же. С. 164–167.

¹⁰⁷ Там же. С. 171–176.

г.) в защиту умеренной тактики в Думе¹⁰⁸. Милюков вынужден был публично признать, что конференция ничего не принесла¹⁰⁹. Однако на местах были довольны даже достаточно скромными результатами выборов – сказалось несколько лет партийной стагнации.

Думская сессия обещала быть бурной и определяющей для политического развития страны. Дополнительные переживания и надежды давала возобновившаяся 21 января Балканская война. Меньшиков без особой боязни предвещал скорую войну с Австро-Венгрией, возможно, уже в наступившем году. Он писал и о возможной войне с Китаем и даже о необходимости проучить китайцев¹¹⁰. «Утро России», крайне мрачно оценивая итоги 1912 г., заключало: «Под давлением некоего злого рока Россия легкомысленно отказывается от выгод благоприятно складывающегося международного положения, в безволии мечется между недругами и друзьями, в постыдном малодушии, не решаясь окончательно порвать с первыми и бестрепетно примкнуть ко вторым. И в результате этого недостойного маячания великая держава оказывается оттиснутою Европой на второй план, является объектом чуть ли не открытых насмешек для более смелых, более гордых и более прямодушных. <...> Сколько мы еще будем держать «широко распахнутое в сторону Берлина окно»? Долой политическое безумие!»¹¹¹. Правительство получало упрек в отсутствии программы, усилении государственных монополий и предоставлении государственных заказов иностранцам¹¹².

Как писал в «Русской мысли» Изгоев, Дума «может и погибнуть, и заложить основы более нормальной политической жизни в России. Все будет зависеть от правительства, от честности и силы власти». С парламентской

---

¹⁰⁸ Съезды и конференции... Т. 2. С. 405–409, 416–417, 424–425, 429–433.

¹⁰⁹ Речь, 9 февраля 1913 г.

¹¹⁰ Меньшиков М. Задачи будущего // Новое время, 23 февраля 1913 г.; *его же*, Желание войны // Там же. 16 февраля 1913 г.

¹¹¹ 1 января // Утро России, 1 января 1913 г.

¹¹² Много слов, но мало дела (Из новогодних итогов) // Там же. 1 января 1913 г.

декларацией Коковцова, как отмечал публицист, «общество согласно, но устало от «этого лицемерия», когда слова и дела расходятся»; Коковцов просил доверия, без которого дальнейшая правительственная политика не представлялась возможной – «пожалуй, в его словах есть доля истины», но одновременно, констатировал Изгоев, не прекращался административный произвол¹¹³. По сути «Московские ведомости» были согласны: в Думе отсутствовало большинство, а для его организации нужна была «особенно авторитарная роль правительства»¹¹⁴. Депутаты приезжали с мест, где продолжительные каникулы Думы были восприняты негативно и как нежелание самой палаты работать¹¹⁵. Правые и националисты, не добившись благоволения от Коковцова, решили начать совместную кампанию против него¹¹⁶. Правые также проявляли недовольство первыми шагами Маклакова (в том числе, расследованием дела А.Н. Хвостова – нижегородского губернатора, избранного в Думу и ставшего одним из лидеров правых, но обвиняемого в нецелевом расходовании казенных средств во время предвыборной кампании) и считали, что новый министр заигрывает с думским центром¹¹⁷.

23 января Думы возобновила свою работу. Был оглашен кадетский запрос к министрам внутренних дел и юстиции и обер-прокурору Синода о злоупотреблениях на выборах. Выступающий по запросу Родичев опоздал и выступить не успел. Спешность отклонялась 104 голосами против 76. Подоспевший Родичев упрекнул октябристов в потворстве власти и нежелании изменить избирательный закон в период III Думы. Кадетский оратор был прямодушен: «Страна имеет право считать вас обязанными перед ней. Обязанность ваша: не идите по этим путям нечестивым и да погибнет этот путь нечестив. И торопитесь. Никто не знает, когда наступит час страшного суда истории (*Смех справа*). Да. Вы знаете, что в 1870 г.

---

¹¹³ Изгоев А. Первые шаги четвертой Г. Думы // Русская мысль. 1913. № 1. III паг., с. 1–7.

¹¹⁴ Начало работы Государственной думы // Московские ведомости, 22 января 1913 г.

¹¹⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 2. С. 25.

¹¹⁶ Там же. С. 27–28.

¹¹⁷ Там же. С. 24–25.

бонапартистские слуги точно так же смеялись, когда им указывали на опасность войны с Пруссией». Октябристы и прогрессисты внесли подобные запросы, однако их спешность тоже была отклонена. Пуришкевич заявил, что правые не допустят превращения IV Думы в такую же революционную трибуну, какой являлась Дума предыдущая¹¹⁸. 25 января, наоборот, была принята спешность запроса правых о взрывах на Охтенском заводе¹¹⁹. Попытки Думы ограничить количество запросов в обстановке административного произвола означали, по мнению кадетов, стремление «не вводить деятельность Думы в рамки нормальной и спокойной законодательной работы, а, наоборот, закрывать глаза на те препятствия, которые этой работе всего более мешают»¹²⁰. Но и правые также констатировали неработоспособность Думы и прогнозировали роспуск¹²¹.

8 февраля обсуждалось кадетское законодательное предположение о неприкосновенности личности. Родичев констатировал: «Надругательство над русским человеком есть ремесло русского правителя». О своей партии было сказано: «Мы остаемся в дураках перед всеми, которые говорят: с этой властью иначе, как насилеи, ничего не поделаешь». Родзянко не остановил оратора. Милюков потребовал поименного голосования, но оно было отвергнуто 168 голосами против 127. Проект передавался в судебную комиссию¹²². 13 февраля без осложнений было принято законодательное предположение о свободе печати. Несмотря на желание МВД принять разработку проекта, Дума создала свою комиссию по этому вопросу¹²³. Законодательное предположение о свободе совести отправлялось в вероисповедную комиссию¹²⁴. 27 февраля в судебную комиссию было передано предположение о союзах, для предположения о собраниях создавалась особая комиссия. Было вынесено законодательное

---

¹¹⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 968–969, 974–987, 1005–1009.

¹¹⁹ Там же. Стб. 1127.

¹²⁰ Русские ведомости, 23 января 1913 г.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 194. Г.А. Шечков – Л.А. Тихомирову, 26 января 1913 г.

¹²² Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 1506–1522.

¹²³ Там же. Стб. 1612.

¹²⁴ Там же. Стб. 1627.

предположение о всеобщем избирательном праве. Милюков заявил о неизбежности его введения, поскольку в противном случае неизбежной становилась революция, и был лишен слова¹²⁵. Парламентское большинство оказалось не готово к таким радикальным выводам. В результате в середине февраля прогрессисты уже перенесли разработку законопроектов в осуществление Манифеста 17 октября, о реформе школы, самоуправления, подоходном и промысловом налогах на следующие сессии, как сообщалось, «ввиду краткости срока» нынешней¹²⁶. Реальной причиной несомненно была размашистость и нереалистичность самого плана.

15 марта в кадетском ЦК обсуждался протест 12 членов фракции против внесения законопроекта о всеобщем избирательном праве. Милюков не дал им обсудить этот вопрос во фракции и вынес его на заседание ЦК, где протест был осужден. Челноков назвал этот поступок «диктаторским» и потребовал обсуждения во фракции, но Милюков категорически отказал, ссылаясь на наказ¹²⁷. Возникла угроза выхода Челнокова из партии. Шипов считал таковой началом раскола, потому что вслед за Челноковым должны были уйти Львов, Котляревский, Струве, Маклаков и др. Поступок считался признаком великого дела: «Оно послужит началом перегруппировки общественных элементов, столь необходимой, чтобы вывести нашу общественную жизнь из того тупика, в котором она находится. Партийные перегородки, создавшиеся в 1905 г., не имеют существенного основания. В то время мы все распределились по партиям, преимущественно в зависимости от темперамента и интенсивности отрицательного настроения к старому строю, а не на почве основ нашего общего миропонимания. <...> Только такая группировка создаст настоящую политическую силу, кот. сможет импонировать власти»¹²⁸. Львов также считал, что покинуть партию для Челнокова было бы осмысленным только для организации раскола. Однако

---

¹²⁵ Там же. Стб. 1783–1815.

¹²⁶ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 310.

¹²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. т. 1. Л. 25–26. 3 февраля 1913 г.

¹²⁸ Там же. Оп. 265. Д. 919. Л. 396. Д.Н. Шипов – М.В. Челнокову, 22 февраля 1913 г.; Переписка Д.Н. Шипова и М.В. и Е.К. Челноковыми (1897–1914) // Шелохаев С.В. Ук. соч. С. 346–347.

кадетское большинство было настроено против разделения¹²⁹. «Измельчавшая, изжившая кружковщина, стоящая теперь в стороне от жизни», – писала Михаилу Васильевичу его супруга. Она жаловалась даже на В.А. Маклакова: он «произвел на меня неприятное впечатление своим холодным отношением к тебе»¹³⁰. Пошли слухи, что Челноков устроил спектакль только затем, чтобы попасть в московские головы¹³¹. Он прибыл в Москву и хотел созвать собрание избирателей I курии, но московские кадеты его отговорили. Частное совещание из московских кадетов лишь просило изыскать способы для продолжения работы Челнокова в военно-морской комиссии, поскольку для I курии это было «крайне важно»¹³². Фракция его поддержала, после чего Милюков сложил полномочия председателя и покинул заседание. Однако его по телефону уговорили вернуться обратно¹³³. После демонстративной отставки Милюкова с поста председателя фракции Челноков пошел на попятную¹³⁴. Победа Милюкова стала ударом по позициям правых кадетов. Это отметили и вне партии. Известный промышленник и прогрессист С.И. Четвериков хоть и поддерживал верность Челнокова партийной дисциплине, но сожалел, что в этом вопросе партийность взяла верх над политическим реализмом¹³⁵.

В то же время стало ясно, что организованная правыми кадетами газета «Русская молва» по причинам финансовым и организационным оказалась мертворожденной (на нее подписалось всего 400 человек)¹³⁶. «Новых идей нет и быть не может», – заявил по поводу появления газеты ее сотруднице А.В. Тырковой один из ближайших соратников Милюкова А.И. Шингарев; он вообще отрицал потребность в подобном издании¹³⁷. Шингарев был не так уж далек от истины: газета вышла достаточно бесцветной. Она так и не

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 919. Л. 348. М.В. Челноков – Е. Челноковой, 14 февраля 1913 г.

¹³⁰ Там же. Л. 328. Е. Челнокова – М.В. Челнокову, 12 февраля 1913 г.

¹³¹ Там же. Л. 339. Е. Челнокова – М.В. Челнокову, 13 февраля 1913 г.

¹³² Там же. Л. 392. Н.М. Кишкин – П.Н. Милюкову, 21 февраля 1913 г.

¹³³ Прогрессивный центр // Утро России, 17 марта 1913 г.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 537. М.В. Челноков – Н.М. Кишкину, 15 марта 1913 г.

¹³⁵ Там же. Ф. 810. Оп. 1. Д. 473. Л. 5–6. 11 апреля 1913 г.

¹³⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 919. Л. 394. Д.Н. Шипов – Н.Н. Львову, 21 февраля 1913 г.

¹³⁷ Дневники // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 173. 21 ноября 1916 г.

смогла обнаружить своей собственной позиции: приветствовала создание в Думе левого центра¹³⁸, но одновременно вполне в общем кадетском духе резко критиковала А.И. Гучкова, разоблачая его беспринципность и аферизм¹³⁹, а также и октябристскую фракцию, не поддержавшую в запросной комиссии Думы кадетский запрос о злоупотреблениях на выборах¹⁴⁰.

Тем не менее, после ликвидации угрозы раскола кадетская фракция сдвинулась вправо. События диктовали кадетам переход к более умеренной тактике – тактике борьбы за левый центр¹⁴¹. В рамках Третьеиюньской системы попытка реализации такого курса осуществлялась кадетами впервые. Также впервые в среде партийного руководства формулировалась сопутствующая вышеуказанному курсу «тактика зигзагов», ставшая одной из приоритетных для кадетской фракции в IV Думе. Суть ее заключалась в лавировании между настроениями в стране и партийных низах с одной стороны, и настроениями думского левого центра – с другой. Конкретная думская деятельность таким образом могла приобрести некоторые практические очертания и перспективы и стать для кадетов конструктивной основой общепартийного курса, что было невозможно с 1907 г. При этом, конечно, сохранялись представления о необходимости объединять левый центр только на базе кадетских лозунгов (иначе он терял для кадетов всякий смысл), а их манифестирование оставалось приоритетным по сравнению с органической законодательной работой. Кадеты были уверены, что в условиях существования консервативного противовеса Думе в лице Государственного совета, кадетские законопроекты не имели никаких шансов стать законами, а при отсутствии «ответственного министерства» сохранялось превосходство «бюрократического произвола» над правовой системой. Возможный левый центр, во главе которого стояли бы кадеты,

---

¹³⁸ Объединение оппозиции // Русская молва, 13 февраля 1913 г.

¹³⁹ Политика и аферы // Русская молва, 6 февраля 1913 г.

¹⁴⁰ П.Г. [Струве П.Б.] Плохое предзнаменование // Русская молва, 7 февраля 1913 г.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. Т. 1. Лл. 2–5.

рассматривался ими как средство парламентского давления на правительство, подготовки новых выборов или – в отдаленной перспективе – смены политического строя¹⁴².

Тактика кадетов была вполне оправдана с учетом того, что октябристы, наоборот, начали заметно леветь. Они выступили за признание первоочередными реформ Сената и административной юстиции, законопроектов о неприкосновенности личности (после давления, оказанного правительством на депутатский статус в 1912 г., партия в своих требованиях по данным вопросам стала сближаться с кадетами), исключительном положении, волостном земстве, улучшении земско-городских финансов, вероисповедного законодательства и пересмотра бюджетных правил. Фракция считала необходимым «на первое время» создать три комиссии: по местному самоуправлению, финансам, о реформе Сената и административной юстиции¹⁴³. Одновременно «Голос Москвы» упирал на невозможность думского центра блокироваться ни с правыми, ни с левыми («конечно, не может быть и речи, чтобы думский центр встал на принятую кадетами непримиримую позицию, носящую все признаки «оппозиции ради оппозиции»), после чего единственной здоровой перспективой становился роспуск Думы¹⁴⁴. Но эта риторика означала, что октябристы вступили в торги и демонстрировали показную неуступчивость. Между тем, теперь правые и левые на октябристских политических весах были уравновешены. Отзываясь на слова Милюкова в «Русской молве» о необходимости объединения оппозиции, «Голос Москвы» писал: «Время союзов партий еще не наступило, но оно близко или, по крайней мере, должно быть близко. Все яснее делается опасность раздробленности прогрессивных общественных элементов, которой так умело пользуется сплоченная реакция. Нужно новое «содружество»». Программа его пока представлялась неясной¹⁴⁵.

---

¹⁴² Протоколы ЦК... Т. 2. С. 171–172, 177.

¹⁴³ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 3. С. 3.

¹⁴⁴ Что же дальше? // Голос Москвы, 6 февраля 1913 г.

¹⁴⁵ «Объединение оппозиции» // Там же. 14 февраля 1913 г.

Неясным было и внутреннее положение самих октябристов. «Голос Москвы» сообщал о переговорах октябристов с фракцией центра и националистами о создании мощной коалиции¹⁴⁶. Левое крыло фракции (20–25 человек) уже готово были уйти в раскол¹⁴⁷. В свою очередь Балашов жаловался на нежелание премьера сплотить вокруг себя парламентское большинство на определенной законопроектной основе. По мнению лидера националистов, со времен выборной кампании «правительство заняло странную позицию» и предпочло усиливать фланги вместо центра. Сами националисты определили список в 74 (!) насущных законопроекта, среди которых были проекты поселкового и волостного управления, реформы (демократизации) земских и городских выборов, выделения городов в особые земские единицы, западного земства, городского управления в Царстве Польском, местного суда, полиции, печати, всеобщего обучения, народного кредита, об ответственности должностных лиц, порядке обсуждения бюджетных смет¹⁴⁸. Националисты вели переговоры о блоке и с правыми. Правые соглашались при условии невключения в большинство прогрессистов и поляков. Однако октябристы были против участия самих правых. А Коковцов, с которым активно контактировал Крупенский, считал необходимым включение в большинство прогрессистов, но не мог дать гарантии прохождения думского законодательства через Государственный совет¹⁴⁹.

Между тем, вопрос делового большинства уже перезрел. С начала 1913 г. оно впервые стало принимать некоторые очертания, поскольку октябристы, наконец, стали более сговорчивы в вопросе о демократизации местного самоуправления (и справа, и слева от октябристов этот вопрос уже был решен в позитивном ключе). В конце февраля в Думе сформировалась внефракционная городская группа, чьей целью была разработка городского

---

¹⁴⁶ Голос Москвы, 3 марта 1913 г.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 919. Л. 381. Кн. С.С. Волконский – Г.С. Волконскому, 19 февраля 1913 г.

¹⁴⁸ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 3. С. 4–5, 13–15.

¹⁴⁹ Там же. № 4–5. С. 9–14.

законодательства¹⁵⁰. В земской группе, проведшей второе заседание, присутствовало уже 96 депутатов¹⁵¹. В конечном счете, октябристы, центристы и националисты считали возможным сплочение на почве проведения законопроектов о местном суде, реформе Сената, земских выборах, земско-городских финансах. Однако вопрос о границах объединения так и не был решен¹⁵².

Дума явно нуждалась в налаживании отношений с Советом министров. В думских кругах ожидали, что на очередной аудиенции Родзянко выскажет резкое недовольство большинства фракций политикой правительства, которое, по мнению депутатов, не собиралось вносить в Думу законопроекты и тем самым «сознательно и планомерно» превращало ее «в какой-то лишний и никому не нужный департамент». На аудиенции, продолжавшейся 1 час и 10 минут, Родзянко, по его собственному признанию, действительно пожаловался на нежелание Совета министров вносить законопроекты и предоставлять сведения для их разработки, на высокомерие министров в общении с депутатами и деструктивную позицию Государственного совета, хоронившего все думские начинания. Император ответил: «Хорошо, я это запомню». Им также было сказано: «Я очень ценю деятельность III Думы». Родзянко вручил Николаю II списки членов думских комиссий, которых он ранее не видел и проявил к ним интерес. После этого Родзянко пожаловался на организацию выборной кампании. Царь ответил: «Но ведь вмешательство правительства в выборы производится везде, даже в республиканских странах». На это председатель Думы заявил о безнравственности поведения власти, в особенности Саблера, процитировав слова из речи В. Маклакова, в которой тот обвинял обер-прокурора, что он «стадо Христово – обратил в избирательное стадо». Царь улыбнулся и сказал, что в данном случае согласен с депутатом. Далее была затронута распутинская тема. Родзянко сообщил о своих переговорах с Саблером и Маклаковым по этому вопросу.

---

¹⁵⁰ Там же. № 3. С. 26.

¹⁵¹ Там же. № 4–5. С. 18.

¹⁵² Там же. С. 21–22.

Саблер, по его словам, отрицал всякие контакты с Распутиным, а Маклаков сообщил председателю о данном ему Высочайшем поручении договориться о прекращении этой темы в думских прениях. Родзянко пообещал Николаю II, что в Думе вопрос о Распутине больше не будет поднят, после чего император пожал председателю Государственной думы руку¹⁵³. Таким образом, председатель Думы мог надеяться на то, что заключил сделку со своим Государем: правительство должно было поменять свое отношение к Думе, а Дума – прекратить обсуждать распутинскую тему.

Празднование трехсотлетия Дома Романовых, как предполагалось, должно было закрепить единение монарха и народных избранников. Однако этого не вышло. 21 февраля вышел манифест по случаю 300-летия Дома Романовых. Слово «самодержец» фигурировало только в его преамбуле, однако и стилистика «обновленного строя» никак не прописывалась. Говорилось о народном избрании Михаила Романова. Единение монарха и народа было обозначено как основной принцип государственного порядка: «Тесные пределы Московской Руси раздвинулись, и Империя Российская стала ныне в ряду первых держав мира. В неизменном единении с возлюбленным народом НАШИМ уповаем МЫ и впредь вести государство по пути мирного устроения жизни народной». Упоминались созидавшие государственность цари (без конкретных имен), пастыри, дворянство (которое «неизменно подавало пример гражданской доблести, особливо в памятную годину освобождения крестьян о крепостной зависимости»), воинство, бюрократия («много упорного и честного труда вложено в дело устроения государства и преданными НАМ служилыми людьми, без различия званий и положений»), наука, словесность и искусство, сельское хозяйство, торговля и промышленность, пахари. Содержался призыв к поддержанию указанного единения. Законодательные палаты не упоминались – по-видимому, их роль в единении монарха и подданных ставилась под сомнение. Сопутствующий указ Сенату включал в себя

---

¹⁵³ Там же. № 3. С. 17–23.

благоденствия крестьянам, полную и частичную амнистию высланным за границу, административно высланным студентам¹⁵⁴. «Русские ведомости» сравнивали указ 21 февраля с указом 11 августа 1904 г. и отмечал приоритет предыдущего: в указе 1913 г. размеры льгот были меньшими, их применение оставлялось на усмотрение администрации, не были сложены крестьянские недоимки, но одновременно присутствовали льготы для дворян и бюрократии¹⁵⁵. Были также опубликованы рескрипты Коковцову, Харитонову и Тимашеву; на первом месте среди их заслуг значилось рабочее страхование (незадолго до этого, к Новому году Харитонов был произведен в действительные тайные советники, а Тимашев введен в Государственный совет)¹⁵⁶. Маклаков был назначен министром, Саблер и Булыгин – произведены в статс-секретари.

Октябристский ЦК направил царю поздравительную телеграмму, в которой напоминал о своей верности Престолу в революционных событиях 1905 г., а также желал самому монарху «завершения Его великих преобразований в стройное целое, достойное вечной благодарной памяти в истории России»¹⁵⁷. 21 февраля Родзянко поднес Николаю II икону и напомнил ему о его единении с народом в лице народных представителей¹⁵⁸. Он также всячески отстаивал свое право на место возле императора в Казанском соборе и на банкете в Зимнем дворце – под угрозой своего игнорирования торжеств¹⁵⁹. Мещерский иронизировал: «А. Гучков был умный наглец, а Родзянко только нахалиссимус»¹⁶⁰.

Большинство Думы очень резко реагировало на попытку Пуришкевича при встрече с императором на торжествах испросить Высочайшей аудиенции для представителей Союза русского народа. Однако Николай II лишь сказал

---

¹⁵⁴ Новое время, 21 февраля 1913 г.

¹⁵⁵ Русские ведомости, 22 февраля 1913 г.

¹⁵⁶ Новое время, 21 февраля 1913 г.

¹⁵⁷ Отчет Центрального комитета Союза 17 октября и его деятельности с 1 сентября 1912 по сентябрь 1913 г. М., 1913. С. 5.

¹⁵⁸ Там же. С. 6.

¹⁵⁹ Свет, 28 февраля 1913 г.; Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 3. С. 26–27.

¹⁶⁰ Тайновед // Гражданин. 1913. № 9. С. 4.

ему: «Постараюсь»¹⁶¹. 19–23 февраля состоялся приуроченный к юбилейным торжествам VI съезд Союза русского народа. Была получена приветственная телеграмма министра Маклакова. На молебне при открытии присутствовал Саблер¹⁶². По утверждению печати, правые якобы готовили проект нового избирательного закона¹⁶³. Пуришкевич заявлял, что в его составлении участвовали великий князь Николай Николаевич, дворцовый комендант В.А. Дедюлин, А.А. Бобринский¹⁶⁴. 5 марта «Речь» опубликовала повестку заседания фракции правых по вопросам о роспуске Думы, изменении избирательного закона и законодательного порядка (отмене решения вопросов по большинству голосов)¹⁶⁵. В целом, как отмечали современники, празднование 300-летия было образцово организовано, но вышло сухим и формальным, а царь был незаметен¹⁶⁶. В результате, как в свойственной ему манере отметило «Утро России», «праздник затаенных мечтаний отошел, и серые, российские будни несбывшихся надежд вновь охватили нас своими цепкими, неразмычными клещами»¹⁶⁷.

Таким образом, к марту 1913 г. общая послевыборная политическая ситуация уже окончательно прояснилась: разрозненное правительство и раздробленная Дума были готовы в отношении друг друга лишь к деструктивным стратегиям на принципиальной почве.

---

¹⁶¹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 3. С. 26.

¹⁶² Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 304–305.

¹⁶³ Новое время, 10 февраля 1913 г.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 307А. Л. 49об. 12 марта 1913 г.

¹⁶⁵ Практически сразу стало ясно, что заседание проходило в отсутствие Маркова, Пуришкевича и Замысловского, а секретарь фракции свящ. А. Мешковский по наивности внес в повестку заседания обсуждение писем с мест, в которых поднимались такие вопросы. После такого скандала авторитетный член фракции А.Н. Хвостов якобы решил перейти к националистам (Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 4–5. С. 4–7).

¹⁶⁶ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 234.

¹⁶⁷ Вместо передовой // Утро России, 26 февраля 1913 г.

4.2. Борьба по принципиальным вопросам: парламент, печать, местное самоуправление

Романовский юбилей, по-видимому, вдохновил правых. 3 марта Маклаков дал интервью «Le Temps», где впервые обрисовал свою программу. Управляющий МВД объявлял себя сторонником «децентрализации управления»¹⁶⁸, введения земства на окраинах, полицейской и паспортной реформ, внутреннего контроля в ведомстве, борьбы с хулиганством и пьянством (хотя и отрицал вероятность полного введения сухого закона о причине сурового климата). Маклаков также выступил за реформу печати, предполагая введение предварительной цензуры (номер предполагалось предоставлять в цензуру за 3 часа до печати, после первого штрафа вносилась залоговая сумма), хотя отметил, что Дума уже восприняла ее отрицательно. По еврейскому и польскому вопросам не планировалось никаких изменений. В то же время министр рассчитывал наладить сотрудничество между «законодательной» и «административной» властями. Маклаков желал, чтобы страна нашла в действиях его министерства «должную силу, помощь и покровительство», и заключал: «Нужно, чтобы никто не чувствовал в проявлениях этой власти что-либо для себя унижительное и неприятное. Она должна представлять опасность только для нарушителей спокойствия и она отнюдь не должна пугать честных людей. Я хочу, чтобы этими мыслями прониклись губернаторы»¹⁶⁹.

«Гражданин» отзывался о взглядах Маклакова: «Большинство из них отличается глубокой практичностью»¹⁷⁰. Однако план предварительной цензуры из всей прессы одобрила только «Земщина»¹⁷¹. Остальные мнения были смешанными. Меньшиков похвалил общее направление мысли

---

¹⁶⁸ Лозунг «децентрализации» губернского управления был из числа наиболее распространенных в бюрократической среде; данная задача рассматривалась одной из наиболее насущных (О характере государственного строя России (из записок С.Е. Крыжановского 1926 г.) // ВИ. 2008. № 4. С. 21).

¹⁶⁹ Новое время, 3 марта 1913 г.

¹⁷⁰ Thomas [Мещерский В.П., кн.]. Мысли Н.А. Маклакова и шакальная печать // Гражданин. 1913. № 10. С. 6.

¹⁷¹ Голос Москвы, 7 марта 1913 г.

министра, но выступил за полномасштабный сухой закон и полную отмену паспортов. В вопросе цензуры, по мнению публициста, Маклаков был «глубоко прав», но сам механизм не позволял искоренить зло, а свободу мысли ограничивал. В целом, Меньшиков испытывал смешанные чувства: «В декларации Н.А. Маклакова слышится и новое, совершенно правильное понимание власти, и старая закваска, приведшая страну к упадку»¹⁷². И уже на следующий день в газете появилась анонимная статья с резким названием «Реформы или ликвидация?», направленная против реформы печати и внутреннего контроля в МВД. Отстаивались свобода печати и право граждан судиться с чиновниками¹⁷³. «Свет» не верил, что текст интервью – подлинный: он «слишком отзывается духом престарелого князя Мещерского <...> слишком «с кондачка» решает самые существенные вопросы русской жизни», а Маклакова знают, как человека, «который выдвинулся в министры не из чернильной канцелярской тины, но из живой русской жизни, с репутацией человека дела – вдумчивого, энергичного». Газета считала, что в интервью совсем нет речи о реформах, а меры по печати взяты из арсенала Наполеона III¹⁷⁴.

Октябристы (гр. Д.А. Олсуфьев и Н.А. Хомяков) сомневались в том, что Маклаков действительно выступил за введение предварительной цензуры¹⁷⁵. «Русские ведомости» разъясняли, что под децентрализацией Маклаков понимает всего лишь усиление губернаторской власти; таким образом, никаких принципиальных изменений в политике МВД за 40 лет не произошло¹⁷⁶. В личной беседе с депутатом П.А. Неклюдовым Маклаков якобы заявил: «Я всегда и во всем буду на стороне провинциальных властей»¹⁷⁷. Такое не могло понравиться даже думским правым. «Утро России» считало это признаком усиления произвола. Газета также отметила,

---

¹⁷² Там же. 5 марта 1913 г.

¹⁷³ Там же. 6 марта 1913 г.

¹⁷⁴ Свет, 6 марта 1913 г.

¹⁷⁵ Голос Москвы, 5 марта 1913 г.

¹⁷⁶ Русские ведомости, 6 марта 1913 г.

¹⁷⁷ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 4–5. С. 11.

что министр выступил против программы Коковцова¹⁷⁸. «Утро России» предвещало усиление реакции и намекало на возможную замену Коковцова на Маклакова¹⁷⁹. А.С. Стишинский сообщил депутату-националисту Ф.Н. Безаку, что на днях планировалось назначение премьер-министром Дурново¹⁸⁰. «Голос Москвы» сообщал о скорой отставке Коковцова (который якобы имел резкий разговор с Маклаковым после его интервью и затем подал в отставку), а пост премьера должен был занять сам император, как того добивался Мещерский¹⁸¹.

Маклаков активно оправдывал опасения либералов. Самым острым вопросом стало положение печати. Как было отмечено, еще до маклаковской инициативы ее отношения с властью являлись натянутыми. В декабре 1912 г. вышел циркуляр премьера, предписывавший ведомствам следить за публикациями в печати с целью их опровержения и привлечения редакторов к суду через посредство Главного управления по делам печати¹⁸². Крыжановский также издал циркуляр с запретом чиновникам разглашать печати должностные тайны. «Русские ведомости» возмутились. Государственный секретарь оправдывался: у учреждений вполне могут быть профессиональные тайны, как, например, и у редакций газет. «Русские ведомости» отмечали, что «население страны» является «хозяином учреждений» и имеет право знать все¹⁸³. «Московские ведомости» опровергали эту «охлократическую ахинею»: народ имеет права лишь посредством строго организованных учреждений, а редакции газет не могут представлять народ¹⁸⁴. В феврале Дума создала комиссию по печати под председательством Шульгина. В нее были внесены проекты кадетов и правых. Качество проекта правых, имевшего ярко выраженный охранительный характер, даже по свидетельству «Московских ведомостей»,

---

¹⁷⁸ «Декларация» Н.А. Маклакова // Утро России, 5 марта 1913 г.

¹⁷⁹ Грядущие возможности // Там же. 9 марта 1913 г.

¹⁸⁰ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 4–5. С. 21.

¹⁸¹ Голос Москвы, 5 марта 1913 г.

¹⁸² Русские ведомости, 19 декабря 1912 г.

¹⁸³ Там же. 8 января 1913 г.

¹⁸⁴ Московские ведомости, 11 января 1913 г.

оказалось крайне низким¹⁸⁵. Проект кадетов поощрял полную свободу информации и обращения печати, агитации, печатания и торговли, вводил преследование только в судебном порядке, не предусматривал административного закрытия или приостановки¹⁸⁶. Октябристами (Э.П. Беннигсенем) и националистами (В.В. Шульгиным) были подготовлены и собственные проекты. Правый центр смог договориться, в результате думская комиссия провела 3 заседания (с 2 по 30 марта) и выработала компромиссный вариант проекта устава: он предполагал явочный порядок открытия печатного органа и четкие причины для санкций, арест мог быть осуществлен только по решению прокурора. Однако представители левой печати, собравшиеся 8 апреля в редакции «Речи», оценили его как неприемлемый и отказались участвовать в совещаниях по проекту¹⁸⁷. «Русская молва» также отмечала неспособность октябристов оказать сопротивление проекту правых¹⁸⁸.

Свой законопроект о печати в Думу также вносило и Министерство внутренних дел. На заседании Совета министров Маклаков 12 июня отметил огромную, наравне со школой, роль печати в государственной и общественной жизни, но полагал, что вследствие извращенного толкования Манифеста 17 октября в сфере печати «водворилось полнейшее безначалие», а сама она «становится источником потемнения народного самосознания и одичания нравов». Проект предусматривал частичное восстановление предварительной цензуры (газеты должны были предоставляться в цензурное ведомство не позднее, чем за 1 час до выхода). Предусматривалась также предварительная духовная, придворная, драматическая, иностранная цензура, а также цензура в отношении объявлений (об иностранных лотереях, медицинских препаратах и т.д.) и отчетов о заседаниях правительственных учреждений. Вводилась кара за восхваление преступников и их деяний, а

---

¹⁸⁵ Проект закона о печати правой фракции Государственной думы // Там же. 25 апреля 1913 г.

¹⁸⁶ Проект конст. демократов о печати // Там же. 12, 14 мая 1913 г.

¹⁸⁷ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 6. С. 12–14, 18.

¹⁸⁸ Законопроект о печати // Русская молва, 1 апреля 1913 г.

также за призыв к бойкоту. Ответственность перекладывалась с редактора на издателя, для которого предусматривался образовательный ценз в размере среднего образования (во избежание практики зиц-издателей) и постоянное пребывание на месте не менее 6 месяцев в год. Министр получал право штрафовать издания на сумму до 3 тысяч рублей с правом приостановки издания до выплаты. На периодическое издание также возлагалась обязанность публиковать опровержения. Большинство Совета министров выступило против основных инициатив Маклакова. Щегловитов отметил, что введение предварительной цензуры противоречит указам 12 декабря 1904 г. и 24 ноября 1905 г. и, кроме того, не будет принято Думой. Министры считали технически не возможным осуществление предварительной цензуры газет, что, кроме того, могло повлечь судебные разбирательства в отношении цензоров; предлагалось совместить срок представления номера в цензуру со сроком его выхода. Маклакову также указывали, что введение института ответственного издателя было осуществлено во Франции в 1828 г., но не принесло положительного результата. Министр юстиции считал, что такая мера приведет лишь к оттоку капитала из сферы печати. Совет министров также настаивал на том, что штрафы могут взиматься лишь в судебном порядке. Саблер выступил против общей духовной цензуры (не касающейся церковной литературы), которая «затруднила бы, несомненно, появление в свет философских сочинений на религиозные темы»¹⁸⁹.

По поводу объяснительной записки по законопроекту о печати, в которой излагался общий подход Маклакова, «Голос Москвы» писал, что она «с редкой откровенностью раскрывает перед страной свою антиобщественную тенденцию всей правительственной политики»¹⁹⁰. С резкой критикой выступило «Новое время», осудившее нежелание ведомства привлечь экспертов к разработке законопроекта¹⁹¹. «Свет» считал законопроект оторванным от жизни и не учитывавшим уровень развития

---

¹⁸⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 332–346.

¹⁹⁰ «Объяснения» // Голос Москвы, 16 мая 1913 г.

¹⁹¹ Проект закона о печати // Новое время, 5 мая 1913 г.

современной печати. Критике подвергалась скрытая цензура и принцип ответственности издателя, от чего пострадала бы легальная печать, а подпольная – нет¹⁹².

Даже Тихомиров отмечал «полицейский» характер проекта, близкого по характеру проекту правых¹⁹³. Устав «думает не об устройстве печати, а о борьбе с ней. <...> Неужели в печати ничего нет, кроме преступлений? Неужели общество и государство не заинтересованы ее процветанием?»¹⁹⁴ В письме Савенко публицист признавал: «Проект о печати угрожает серьезным бедствием не только по своему непосредственному содержанию, но и потому, что подвигает наше законодательство в такую доисторическую тьму, которая ставит нашу «обновленную Россию», разукрашенную народным представительством, бесконечно ниже России «дореформенной». Старая Россия разрабатывала правовую идею. Нынешняя не только ее забрасывает, но обнаруживает полное ее незнание. Это не закон в цивилизованном смысле, а мероприятие диктатора, умиряющего бунтующих. <...> Невыразимо тошно жить при таком понижении государственной мысли как в обществе, так и во власти»¹⁹⁵. Тихомиров записал в дневник: «Как я замечаю, Маклаков довольно глуп для государственного человека»¹⁹⁶. «Нет людей! После Столыпина – ни единой крупной силы. Коковцов – конечно, не «премьер», но все же умен и осторожен, не сделал хоть крупной глупости. Но что, если его свергнет какая-нибудь пустышка – Маклаков?»¹⁹⁷ И уже 11 октября Тихомиров публично сообщил о своем уходе с поста редактора «Московских ведомостей» 31 декабря 1913 г.¹⁹⁸

Сторонников маклаковского курса оказалось немного, но даже они выступали с критикой. Рижский редактор латыш Ф.И. Вейберг направил в Совет министров записку, где отмечал недостаточность планируемых в

---

¹⁹² Свет, 7 мая 1913 г.

¹⁹³ По поводу законопроекта о печати Министерства внутренних дел // Московские ведомости, 9 мая 1913 г.

¹⁹⁴ Проект устава о печати (Общая идея устава) // Там же. 17 мая 1913 г.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 927. Л.А. Тихомиров – А.И. Савенко, 28 мая 1913 г.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 154. 27 мая 1913 г.

¹⁹⁷ Там же. Л. 160об. Июль 1913 г.

¹⁹⁸ Московские ведомости, 11 октября 1913 г.

законопроекте мер, поскольку суды будут защищать интересы печати против цензуры: «Правительство ныне стоит на Рубиконе. Перейти Рубикон до половины было бы бесцельно. Нужно переправиться через весь Рубикон». В качестве решительных мер Вейберг в других своих записках (написанных ранее, еще в октябре и декабре 1912 г.) предлагал ввести предварительную цензуру и обязательную перерегистрацию всех изданий. Однако такие жесткие меры могли, по его мнению, быть реализованы лишь вкупе с объявлением других «великих реформ», из которых, правда, назывались лишь уравнивание крестьян в правах с иными сословиями и ликвидация городских «окладов». Провести все эти меры через Думу было невозможно, поэтому Вейберг советовал распустить Думу и поменять избирательный закон (или, в крайнем случае, перевести известных левыми взглядами городских квартиросъемщиков в рабочую курию)¹⁹⁹.

Между тем, в думских кулуарах Маклаков отверг возможность проведения проекта по 87-ой статье²⁰⁰. Оппозиционная пресса сообщала, что правительство отнеслось к законопроекту отрицательно, и во главе этого настроения стоял Щегловитов²⁰¹. Среди столичной прессы лишь «Гражданин» считал законопроект вполне реалистичным²⁰², но с учетом обстоятельств Мещерский публично предлагал Маклакову забрать законопроект, усилить ГУДП и подготовить новый законопроект при участии членов палат, партий, ведомств²⁰³. В результате проект был взят Маклаковым на доработку, а 28 августа правительством был рассмотрен исправленный согласно его замечаниям вариант, который оно и одобрило²⁰⁴.

Маклаков также попытался оказать давление на земство. На заседание Совета по делам местного хозяйства Маклаков вынес законопроект о

---

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1224. Лл. 36–43 об.

²⁰⁰ Новое время, 13 июня 1913 г.

²⁰¹ Речь, 18 июня 1913 г.

²⁰² Дневник // Гражданин. 1913. № 18. С. 15.

²⁰³ Дневник // Гражданин. 1913. № 19. С. 13–14.

²⁰⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 346–347.

введении в Северо-Западном крае земского положения 1903 г. (а не 1890 г.), а также изменения в закон 1911 г. о западном земстве (повышение ценза и создание курии для крупных землевладельцев – в связи с доминированием неземельных собственников)²⁰⁵. Маклаков отклонил программу земского съезда по сбыту кустарной продукции, после чего бюро съезда намеревалось отменить сам съезд²⁰⁶. 10 июня неперменным членом Главного управления по делам местного хозяйства стал П.В. Скаржинский²⁰⁷, бывший в Черниговской губернии неперменным членом по земским и городским делам и отличавшийся враждебностью по отношению к местному самоуправлению²⁰⁸. Уже 16 июня он был назначен начальником канцелярии министра внутренних дел. Тенденция к усилению бюрократического контроля на местах выразилась также в том, что Маклаков составил чиновничьи штаты для новой Холмской губернии, избыточные даже для крупной губернии. Проект вызвал противодействие со стороны Министерства финансов, Государственного контроля и главноуправляющего С. Е. И. В. Канцелярии²⁰⁹.

Параллельно Маклакову действовал и Государственный совет, причем курс его большинства демонстративно отличался от основной правительственной линии. 9 января он отклонил законопроект об архангельском земстве. Докладчик Стишинский предложил сделать это по двум причинам: неразработанности и практической неосуществимости

---

²⁰⁵ Новое время, 27 марта 1913 г.

²⁰⁶ Там же. 28 марта 1913 г.

²⁰⁷ Там же. 11 июня 1913 г.

²⁰⁸ В статье, специально посвященной вопросу взаимоотношений правительства и земства после окончания Первой русской революции, В.С. Дякин отмечал их заметное ухудшение с назначением министром внутренних дел Маклакова (Дякин В.С. Земство и самодержавие в третьеиюньской монархии // ВИ России XIX – начала XX века. Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 127–141). Между тем, в подтверждение приводится только запрет Маклаковым II съезда по земскому и городскому строительству, а также Всероссийского съезда по улучшению земских финансов, решение о котором 23 января 1914 г. вынес весь Совет министров, опасавшийся излишней политизации собрания. Значительно ухудшились отношения МВД и городских самоуправлений в связи с возросшим количеством неутверждения городских голов по политическим мотивам. В Петербурге не был утвержден прогрессист Н.Д. Шубин-Поздеев и 6 членов управы. После избрания на вакантное место бывшего министра народного просвещения и камергера гр. И.И. Толстого министр намеревался не утвердить и его, но на заседании Совета министров встретил сопротивление со стороны Коковцова, указавшего на придворный чин Толстого, и вынужден был уступить (Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 122). Наиболее значимым стало дело о неутверждении московского городского головы (см. ниже).

²⁰⁹ Новое время, 12 марта 1913 г.

земского самоуправления в губернии при почти полном отсутствии частного землевладения и дворянства. Начальник Главного управления по делам местного хозяйства МВД Н.Н. Анциферов взял обязательство внести новый законопроект на иных основаниях. 63 голосами против 41 законопроект был отклонен²¹⁰.

Член правой группы Государственного совета П.П. Кобылинский в интервью «Новому времени» предупреждал о провале думских редакций законопроектов о должностных преступлениях и волостном земстве: «Во всяком случае, образования мужицкого земства, каким его проектировала третья Дума, мы не допустим». Кобылинский отмечал низкий профессионализм Думы: «Ее законопроекты поражают своей безграмотностью. Так пишут законы только лавочники». По его мнению, хорошо было бы ввести, как во Франции, право несколько раз возвращать законопроекты²¹¹. Поправки комиссии, отмечали «Русские ведомости», «совершенно извращают законодательную работу Думы». Дума предлагала, чтобы все собственники избирали гласных, председателя и членов управы, а уездный съезд и губернское правление осуществляли надзор за законностью; налоговая часть должна была отойти земскому волостному сборщику. Советская комиссия вводила ценз, отстраняла женщин, вместо управы оставляла волостного старшину (управа могла быть создана только по решению уездного съезда), административный надзор, земский начальник также сохранял налоговый надзор²¹². Хотя правые в волостной комиссии Государственного совета были против перехода к постатейному обсуждению волостного земства, Акимов выступил за соблюдение законного порядка. 14 голосами против 10 комиссия проголосовала за переход²¹³. Тем не менее, в

---

²¹⁰ Государственный совет. СО. VIII сессия (1912–1913). СПб., 1912–1913. Стб. 679–688, 712–715, 727.

²¹¹ Новое время, 3 февраля 1913 г. По свидетельству Наумова, П.П. Кобылинский «точный и строгий законник», очень страдал от качества думских законопроектов. Вместе с тем Наумов считал, что Кобылинский был «человек неглупый, но узкий, сухой и крайне нетерпимый». Дурново умерял пыл Стишинского и Кобылинского и следил, чтобы они не выходили за пределы деловой стороны (Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 152, 211–212).

²¹² Русские ведомости, 29 декабря 1912 г.

²¹³ Новое время, 8 февраля 1913 г.

комиссии господствовало мнение, что реформа будет провалена²¹⁴. Дурново предлагал создать три равноправные курии: крупных землевладельцев, средних и мелких, а также крестьян²¹⁵. Мещерский предлагал вообще не обсуждать проект волостной реформы как инициированный «злым роком и масонскими замыслами», поскольку реформа должна была сделать кадетов и социалистов сельскими диктаторами²¹⁶.

Ф.Д. Самарин писал К.Ф. Головину: «Вопрос о волостном земстве я <...> считаю чуть ли не самым важным из тех, которые теперь на очереди, и ожидаю самых вредных последствий от предпринимаемой реформы». По его мнению, после введения волостного земства местная администрация должна была потерять реальную власть, а получал бы ее «третий элемент». Раскладка повинностей, их сборы, назначения должностных лиц привели бы «к нескончаемым и неразрешимым пререканиям», в результате которых в разных местах либо крестьяне задавили бы крупное землевладение, либо наоборот. «Досаднее всего, что эта затея не вызывается вовсе действительными нуждами сельского населения», – отмечал Самарин и, вспоминая проект В.К. Плеве, предлагал назначать крестьянам пособия, различные по размеру. «Самые же учреждения трогать не следовало бы: при всех своих недостатках они все-таки лучше работают, чем всякие другие учреждения, которыми их теперь можно было бы заменить», – подводил Самарин весьма показательный для его логики итог²¹⁷. В том же духе высказался и состоявшийся еще 5–11 марта 1912 г. VIII дворянский съезд²¹⁸.

Следующий, IX дворянский съезд, прошедший 3–9 марта 1913 г. и обсудивший вопросы земства и печати, также дистанцировался от большинства Совета министров. По вопросу печати было выражено общее сочувствие начинаниям министра внутренних дел²¹⁹. Отрицательное

---

²¹⁴ Новое время, 8 марта 1913 г.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Дневник // Гражданин. 1913. № 5. С. 15–16; Дневник // Гражданин. 1913. № 6. С. 13–14.

²¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 561. Л. 545. Ф.Д. Самарин – К.Ф. Головину, 15 февраля 1912 г.

²¹⁸ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 т. Т. 2. Кн. 2. М., 2001. С. 454–513.

²¹⁹ Там же. Т. 3. М., 2002. С. 158–160.

отношение формулировалось по отношению к правительственному законопроекту о волостном земстве, отмечалась необходимость сохранить приоритет за дворянством в сфере местного управления²²⁰. При этом отмечалось, что только за десятилетие убыль дворянского землевладения составила более 40 %²²¹. «Русские ведомости» по поводу съезда писали: «Какое печальное и мрачное зрелище! Кучка людей, демонстративно заявляющая о своей принадлежности к первенствующему сословию государства, выступает с проповедью самой необузданной и дикой реакции». Газета вообще отрицала за объединенными дворянами право именоваться консерваторами и отмечала, что они даже не понимают своих собственных интересов, а торгово-промышленники скоро вытеснят дворян с их позиций: «Если бы наша буржуазия смогла освободиться от своих традиций, сближавших ее до сих пор с воззрениями объединенного дворянства, то она, без сомнения, явилась бы серьезной соперницей последнего в политической жизни страны»²²². С другой стороны, Л.В. Дашкевич раскритиковал оба волостных законопроекта. Он осуждал попытку Государственного совета отстранить от волостного земства интеллигенцию и заявлял, что бессловная волость все равно когда-нибудь появится: «Из демократии ничего не выкроишь, кроме демократии». Но и стремление Думы создать волостное земство по лекалу губернского и уездного представлялось Дашкевичу излишней бюрократизацией²²³.

С 29 марта Государственный совет обсуждал во II чтении законопроект Министерства юстиции о должностных преступлениях (в феврале 1912 г. он поступил из Думы). Законопроект требовал санкции начальства на привлечение к ответственности, а привлечение членов Думы и Совета (они фактически приравнивались к чиновникам) осуществлялось по решению II департамента Государственного совета. Щегловитов поддержал мнение

---

²²⁰ Там же. С. 202.

²²¹ Там же. С. 20.

²²² Русские ведомости, 12 марта 1913 г.

²²³ Русская мысль. 1912. № 6. III паг. С. 1–9; Дашкевич Л.В. Реформа волости. М., 1912. С. 20–33, 50–64.

Думы о суде присяжных при рассмотрении дел. Дурново выступил резко против, отмечая, что участие присяжных приведет к подрыву авторитета государственной службы. Причем, отмечал Дурново, современные присяжные, не имеющие уважения к государственной власти, будут делать это целенаправленно. После словесного столкновения с министром юстиции Дурново покинул собрание. Против суда присяжных, указывая на их непрофессионализм, также выступил бывший министр Макаров. Государственный совет 99 голосами против 48 принял поправку в духе Дурново. Законопроект был возвращен в Думу (дальнейшего движения он уже не получил)²²⁴. Таким образом, реванш за события марта 1911 г. был взят. Первое с того времени резкое и открытое столкновение советского большинства с правительством формально завершилось победой палаты – и это не сулило кабинету Коковцова ничего хорошего. Правое крыло Государственного совета в важных вопросах теперь готово было на конфронтацию даже с теми министрами, чья репутация не являлась либеральной.

Появление некоторой определенности в правительстве и поведение Государственного совета стимулировали думскую активность по созданию большинства. «Утро России» сообщало, что Н. Балашов якобы предложил Коковцову создать большинство из правых, националистов и октябристов; хотя сама газета и считала, что такое большинство больше годится Маклакову²²⁵. Однако, по сведениям Джунковского, после интервью министра внутренних дел фракция националистов в закрытом заседании окончательно пришла к выводу, что Маклаков – ставленник Мещерского, после чего решила в отношениях с ним ориентироваться на думское большинство²²⁶. Кроме того, по мнению октябристов (Шубинского), националисты, не получив поддержки от Коковцова, начали добиваться его

²²⁴ Государственный совет. СО. VIII сессия (1912–1913). СПб., 1912–1913. Стб. 1291–1328.

²²⁵ Конь и трепетная лань // Утро России, 13 марта 1913 г.

²²⁶ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 160–162.

отставки²²⁷. Но Балашов, отрицая факт переговоров с правительством, был, тем не менее, согласен на их проведение²²⁸.

В Национальном клубе состоялось совещание националистов и центристов, на котором было решено стремиться к соглашению с октябристами, но блок с правыми и прогрессистами отрицался²²⁹. В свою очередь прогрессисты «по принципиальным мотивам» отказывались входить в другое парламентское большинство – из националистов и октябристов – и не боялись роспуска Думы²³⁰. 11 марта фракция отвергла слухи о переговорах с другими фракциями о составлении коалиции, указав на «коренное различие» во взглядах со всеми более правыми группами²³¹. Через несколько дней «Утро России» огласило условия создания «прогрессивного центра»: верность октябристов своей программе и переход кадетов на почву «реальной политики». Реалистами среди кадетов назывались Маклаков, Челноков, А.М. Александров²³². Прогрессисты сообщали о трениях в кадетской фракции между Милюковым и Челноковым и поддерживали последнего как кандидата на выборах московского головы²³³. Милюков продолжал выступать за всеобщее избирательное право в стране, где нет гражданских свобод, что, по мнению прогрессистов, было «политической маниловщиной»²³⁴. «Утро России» иронизировало над программой Милюкова; описывалась картина будущего: после введения всеобщего избирательного права были объявлены выборы, однако все прогрессивные кандидаты были высланы, а победившие правые и националисты послали Милюкову приветственную телеграмму²³⁵. В октябристских кругах уже считалось, что прогрессисты голосовали за всеобщее избирательное право, чтобы потом предложить кадетам составить предположение о создании

---

²²⁷ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 399. Заседание ЦК 20 апреля 1913 г.

²²⁸ Новое время, 14 марта 1913 г.

²²⁹ Голос Москвы, 12 марта 1913 г.

²³⁰ Конь и трепетная лань // Утро России, 13 марта 1913 г.

²³¹ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 311.

²³² Прогрессивный центр // Утро России, 17 марта 1913 г.

²³³ М.В. Челноков и П.Н. Милюков // Там же. 10 марта 1913 г.

²³⁴ Прогрессивный центр // Там же. 17 марта 1913 г.

²³⁵ Победа Милюкова // Там же. 19 марта 1913 г.

«федеративно-буржуазно-цензовой республики»²³⁶. В ответ на скепсис по поводу объединения со стороны «Голоса Москвы» (утверждавшего, что кадеты не изменятся) и «Речи» (считавшей, что при нынешнем избирательном законе и Государственном совете объединение невозможно) прогрессистский орган утверждал, что само объединение имело бы большое декларативное значение и изобличало бы нежелание власти идти на сотрудничество с представительством²³⁷. Однако осторожность октябристов и кадетов была налицо, и в итоге Коновалов отказывался верить в перспективу объединения и ждал реакции правительства – смены курса или роспуска Думы²³⁸.

Тем не менее, в конце марта все же стал намечаться думский центр, имевший сугубо тактический характер. Октябристы предложили создать объединение, которое с национальными группами давало бы 230 голосов. Оно предназначалось «для реальной работы в сотрудничестве с правительством», что ставило правительство перед выбором²³⁹. Прогрессисты и октябристы согласовали план сессии: прогрессисты предложили провести законопроекты о депутатской неприкосновенности и о реформе Сената, октябристы – о введении местного суда. Было решено подготовить в комиссиях законопроекты об изменении (демократизации) земского избирательного закона, об исключительном положении и все законопроекты по народному образованию. Предполагалось довести этот план до националистов и кадетов²⁴⁰. В дальнейшем прогрессисты сохраняли с левыми октябристами сотрудничество в вопросе о подготовке отдельных законопроектов²⁴¹.

Прогрессисты с их более прагматичным подходом явно перехватывали политическую инициативу у кадетов. Они вносили в Думу законопроект о

---

²³⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 922. Л. 607. Б.И. Каразин – Е.А. Каразиной, 24 марта 1913 г.

²³⁷ Еще о прогрессивном центре // Утро России, 21 марта 1913 г.

²³⁸ А.И. Коновалов о текущем моменте // Там же. 24 марта 1913 г.

²³⁹ Прогрессивный центр // Там же. 17 марта 1913 г.

²⁴⁰ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 311–312.

²⁴¹ Там же. С. 317. Решение Московского комитета прогрессистов, 28 сентября 1913 г.

реформе Государственного совета: планировалось ввести в него представительство от 29 городов (по 1 представителю), отменить представительство от дворян, понизить ценз до земского (т.е. в 10 раз), ввести особый ценз для лиц, прослуживших в должности дворянского предводителя, главы управы, городского головы, мирового судьи (1/10 от земского ценза), понизить земский ценз для создания крестьянского представительства в Совете, в неземских губерниях избирать представителей на съездах землевладельцев, назначенных членов сделать пожизненными. Срок избрания от городов предполагался в 4 года, от земства и землевладельцев – в 3²⁴². Прогрессисты выступали резко против дворянского земства, отмечая, что дворяне дают менее 10 % земских сборов, а торгово-промышленники страдают от роста земского обложения. «Утро России» спорило с «Русскими ведомостями», доказывая, что рост земских бюджетов (за 1907–1912 гг. – на 78,7 %) и обложения дворянских земель не является основанием сохранения дворянского земства, поскольку рост шел во многом за счет казны (1907 г. – 2,5 млн. ассигнований, 1912 г. – 30 млн. (при общей сумме в 220 млн.)), а обложение дворянских земель продолжало резко уступать крестьянскому²⁴³. Города, по мнению прогрессистов, нужно было вообще вывести из состава земства²⁴⁴. Прогрессисты также требовали установить общественный контроль за полицией, а в будущем полностью подчинить ее органам самоуправления²⁴⁵. Кадеты поддерживали прогрессистские законопроекты о свободах и критиковали настороженную позицию октябристов²⁴⁶. Таким образом, становилось ясно, что создать в Думе левый центр из фракций, совершенно разных по мировоззрению и интересам, было совсем не просто.

12 марта думская комиссия по городским делам одобрила и передала в финансовую комиссию законодательное предположение прогрессистов о

---

²⁴² Новое время, 27 февраля 1913 г.; Реформа Гос. Совета // Утро России, 28 февраля 1913 г.

²⁴³ Сословное земство // Утро России, 12 февраля 1913 г.

²⁴⁴ Города и земства // Там же. 14 февраля 1913 г.

²⁴⁵ Реформа полиции // Там же. 13 февраля 1913 г.

²⁴⁶ Совесть 17 октября // Там же. 15 февраля 1913 г.

выделении городов в особые земские единицы, а также законопроект Министерства финансов об улучшении земских и городских финансов²⁴⁷. 8 мая на общем собрании обсуждалось кадетское предположение об изменении Городового положения 1892 г. Октябристы (Э.П. Беннигсен, Л.Г. Люц) отметили, что оно бесперспективно, поскольку основано на всеобщем избирательном праве. Проект был передан в комиссию²⁴⁸, однако активность ее впоследствии была невелика. В результате для составления нового городского положения городская группа Думы разослала дума́м анкету и просила отозваться до 1 ноября²⁴⁹.

Деловая программа впервые создала возможность, пусть пока и призрачную, для объединения представителей двух палат. 28 марта в Государственном совете по инициативе В.И. Гурко, гр. Д.А. Олсуфьева и бар. В.В. Меллер-Закомельского была создана земская группа из представителей всего политического спектра Государственного совета. Все трое были в палате крайне важными фигурами. «Умный, циничный, [зачеркнуто: абсолютно] аморальный»²⁵⁰ Гурко, уже делавший карьеру в правительстве и затем в Совете объединенного дворянства, избранный в Государственный совет в 1912 г. от тверского земства, явно претендовал на лидерство и формирование курса палаты. Остальные инициаторы группы сошлись с ним именно на этой почве. Олсуфьев считал, что в России очень нужна настоящая консервативная (не реакционная) партия²⁵¹. Совсем не глупый, но склонный к прожектерству²⁵² бар. В.В. Меллер-Закомельский готов был поддержать их в этом начинании. Событие представлялось настолько необычным, что еще накануне «Новое время» опровергало слухи об этом²⁵³. Тем не менее, совещание земцев обеих палат все же состоялось. Члены совещания (Гурко,

---

²⁴⁷ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. IV созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. СПб., 1913. С. 428.

²⁴⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. II. СПб., 1913. Стб. 801–821.

²⁴⁹ Новое время, 12 июня 1913 г.

²⁵⁰ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 138; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765. Л. 136.

²⁵¹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 151.

²⁵² Там же. С. 212.

²⁵³ Новое время, 27 марта 1913 г.

Олсуфьев, Меллер-Закомельский и др.) выступили с опровержением того, что создается новая группа; целью якобы были лишь консультации по законопроектам²⁵⁴. Но на следующий день к ним примкнули земцы из Совета по делам местного хозяйства при МВД²⁵⁵. Лишь кадеты принципиально выступали против беспартийной земской группы, которую считали бесперспективной²⁵⁶.

Тем не менее, ни деловые законопроекты, ни обычная политическая риторика сами по себе уже не могли подействовать на думские настроения. Депутаты жаловались: «Сейчас Шингарев лезет на Коковцова. Эрудиция у Коковцова большая и как-никак впечатление такое, что думцы слабее. Шингаревские же вопросы наивны, так как их разделявал Коковцов легко и спокойно. <...> Эрудиция его невелика и он все время поет в бюджетной комиссии на общие вопросы»²⁵⁷. Кузьмин-Караваев восклицал: «Какими надо обладать запасами энергии, а, скажем, свободного времени, чтобы не в тиши кабинета, а в законодательном учреждении работать над труднейшими вопросами права, заранее зная, что работа не будет иметь никакого практического результата!»²⁵⁸

Но вскоре у парламентариев появилась почва для подлинной активности. «Быть может, ничто так не характерно для переживаемого нами момента, как непрерывно сменяющие друг друга слухи о разного рода кризисах», – писали «Русские ведомости»²⁵⁹. В марте противостояние на Балканах достигло апогея. 13 марта пал Адрианополь, что окончательно открывало болгарам прямую дорогу на Царьград. Последовал секретный циркуляр Коковцова о сокращении просьб о сверхсметных голосованиях со стороны ведомств в связи с военными приготовлениями²⁶⁰. В день взятия

---

²⁵⁴ Там же. 31 марта 1913 г.

²⁵⁵ Собрание земской группы // Новое время, 1 апреля 1913 г.

²⁵⁶ Иорданский Н. Земская группа Государственной думы // Русские ведомости, 7 апреля 1913 г.

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 516. Б.И. Каразин – Е.А. Каразиной, 13 марта 1913 г.

²⁵⁸ Кузьмин-Караваев В. Хроника. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1913. № 3. С. 404, 408.

²⁵⁹ Русские ведомости, 22 марта 1913 г.

²⁶⁰ Новое время, 22 марта 1913 г.; РГИА. Ф. 740. Оп. 43. Д. 46. Л. 13–15 об.

Адрианополя в Думе обсуждался вопрос о всеобщем избирательном праве. Милюков считал его жизненно важным для России. Октябрист Н.И. Шидловский (1-й) в ответ указал, что принятие «механической арифметической формулы равенства» даст абсолютное преимущество лишь одной группе населения – крестьянам, по преимуществу неграмотным. Геловани выступил в поддержку прав грузинского крестьянства. В ходе этой речи с места раздался крик Крупенского: «Адрианополь пал – ура!» Вся Дума от правых до левых утонула в аплодисментах и криках «ура!». Речь Геловани больше не продолжалась. Проект был сразу отклонен 206 голосами против 126. Однако 166 голосами против 130 также прошла формула о признании «желательным пересмотр положения 3 июня в смысле расширения избирательного права и обеспечения свободы выборов от административного воздействия». Замысловский выступил за пересмотр закона, хотя и признал это в данный момент несвоевременным. Предложение создать комиссию для пересмотра избирательного закона было отклонено²⁶¹. «Речь» порицала октябристов за то, что они даже не удосужились отдать проект всеобщего избирательного права в комиссию, и отмечала, что крестьяне проголосовали с кадетами²⁶². «Московские ведомости», в свою очередь, выражали общую для противников всеобщего избирательного права точку зрения: его введение отдаст власть «в руки ловких партийных дельцов»²⁶³.

17 марта в Петербурге последовал решительный разгон полицией прославянской демонстрации. «Свет» призвал Думу к запросу о действиях полиции и обращении к императору²⁶⁴. Меньшиков сожалел о разгоне «патриотической манифестации»²⁶⁵. «Голос Москвы» предвещал отставку Маклакова за подобные действия, поскольку он «своим поведением и взглядами доказал и узость, и ограниченность понимания своих задач»²⁶⁶.

---

²⁶¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 2193–2224.

²⁶² Речь, 15 марта 1913 г.

²⁶³ Попытка изменения избирательного закона // Московские ведомости, 6 марта 1913 г.

²⁶⁴ Расправа над славянофилами // Свет, 19 марта 1913 г.

²⁶⁵ Меньшиков М. Политика и полиция // Новое время, 21 марта 1913 г.

²⁶⁶ Голос Москвы, 20 марта 1913 г.

Кадеты считали, что общество слабо поддерживало патриотические демонстрации²⁶⁷, хотя даже у правого крыла партии это вызывало сожаление²⁶⁸. Лишь «Гражданин» был доволен проявлением правительственной силы, проявившейся в разгоне демонстрации и заявлении о невмешательстве в балканские дела²⁶⁹, а также отмечал, что полицию нельзя упекать в исполнении долга²⁷⁰. 20 марта обсуждалась спешность внесенного националистами запроса об избииении полицией участников патриотической манифестации. Дума голосами большинства от правых до прогрессистов поддержала запрос²⁷¹. В палате впервые выступил Н.А. Маклаков, пообещавший устроить разбирательство, чем вызвал одобрение правых и правой части центра. Правые и националисты в целом были довольны выступлением Маклакова, но на остальных оно произвело плохое впечатление: октябристы отмечали, что для речи была характерна «полная неискренность» и стремление произвести внешний эффект за счет собственных подчиненных²⁷². Пуришкевич обвинил правительство и лично Коковцова в подхалимстве в отношении Австрии и еврейских банкиров. По мнению оратора, Сазонов оказался «в кулаке у графа Бертольда» (министра иностранных дел Австро-Венгрии), а Маклаков стал «жертвой» этих сил. Была принята спешность запроса.

После этого с грозной, но несколько сбивчивой речью выступил Родичев. Он заявил, что Австрия решилась на аннексию Боснии не после 17 октября, а «только после 3 июня». В отношении Маклакова он отметил, что его действия в Петербурге соответствуют его поведению в Чернигове, за что был исключен на 5 заседаний. Предложение Крупенского исключить Родичева на 15 заседаний не прошло (за проголосовало 119 человек, против – 173)²⁷³. Депутаты свидетельствовали, что Родичев был нетрезв и даже

---

²⁶⁷ На перевале // Русская мысль. 1913. № 4. II паг., с. 144.

²⁶⁸ Тыркова А. Около манифестации // Русская молва, 12 апреля 1913 г.

²⁶⁹ Дневник // Гражданин. 1913. № 13. С. 16–17.

²⁷⁰ Московские ведомости, 28 марта 1913 г.

²⁷¹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 4–5. С. 20.

²⁷² Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 6. С. 3–4.

²⁷³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 2409–2432.

обвинил Маклакова в стремлении стать Николаем III²⁷⁴, но это не попало в стенограмму. Эффект достигнут не был. «Прямой путь» Пуришкевича высмеивал «вокальные упражнения весьегонской этуали»²⁷⁵. «Его горячий темперамент часто выводил его за пределы, требовавшиеся фракционной дисциплиной и политическими условиями момента», – позднее вспоминал о Родичеве Милюков²⁷⁶. Товарищ министра внутренних дел И.М. Золотарев получил приказ разобраться в деле разгона демонстрации. В результате его разбирательства оказалось, что полиция имела соответствующую инструкцию, кроме того, демонстранты мешали трамваям на Литейном проспекте²⁷⁷. 22 марта правый депутат Г.А. Шечков под рукоплескания справа выразил надежду, что «после того, как у дела внутренней стоят такие лица, как теперь, это бывшее 17 марта первое столкновение русского патриотизма с космополитизмом бюрократии будет вместе с тем и последним». Запрос был принят²⁷⁸.

23 марта состоялась думская «чашка чая» у Сазонова: в собрании участвовали центристы, октябристы, прогрессисты и кадеты²⁷⁹. После приглашения кадетов правые и националисты уклонились от встречи²⁸⁰. Родзянко задал вопрос оторопевшему министру: «А нельзя ли нам теперь проливы хапнуть?»²⁸¹ Между тем, в общественной среде подобные настроения редкостью не были: о необходимости захватить Проливы писал в это время П.Б. Струве. Он также призывал укреплять российские позиции на Балканах и не бояться войны с Австрией²⁸². Европейская война представлялась неизбежностью: корреспондент «Русской молвы» К. Шумский отмечал, что исходя из темпов военно-морского строительства,

---

²⁷⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 580. Г.А. Алексеев – К.С. Алексееву, 21 марта 1913 г.

²⁷⁵ Л.Ч. [Барач П.А.] Из Таврического дворца // Прямой путь. 1913. № 4. С. 173.

²⁷⁶ Милюков П.Н. Ук. соч. С. 293.

²⁷⁷ Свет, 22 марта 1913 г.

²⁷⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. II. СПб., 1913. Стб. 9.

²⁷⁹ Новое время, 23 марта 1913 г.

²⁸⁰ Свет, 23 марта 1913 г.

²⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 599. Г.А. Алексеев – К.С. Алексееву, 24 марта 1913 г.

²⁸² Струве П. Балканский кризис и исторические задачи России // Русская мысль. 1912. № 12. II паг., с. 156–160. 2 декабря 1912 г.

вероятнее всего, она должна была начаться уже в 1915 г.²⁸³ На второй «чашке чая» на следующий день присутствовали правые, националисты и октябристы. Депутаты демонстрировали всеобщее недовольство действиями МИД на Балканах²⁸⁴. Участники «славянских обедов» также послали Сазонову телеграмму с призывом уйти в отставку²⁸⁵. Лишь когда 31 марта на фронтах Балканской войны было установлено перемирие, боевая активность парламентариев спала. Резко упало и внимание прессы к Думе.

Однако сама Дума теперь имела и внутренние поводы для бурных прений. На повестке стояли вопросы принципиального свойства. 27 марта слушался запрос об обыске в квартире депутата-большевика Г.И. Петровского. Маклаков заявил, что при обыске в квартире были обнаружены два лица, нелегально пребывавшие в столице, в том числе бежавший с каторги большевик Я.М. Свердлов. Социал-демократы настаивали, что арест самого депутата был незаконным. Дума отложила решение до следующего заседания, а затем отклонила запрос на основании слишком расширительного толкования депутатской неприкосновенности (октябристов поддержали правые)²⁸⁶. В октябристской фракции мнения разделились: 22 члена высказались за юридическую неправомерность ареста депутата, 34 члена считали приоритетными политические последствия события. Вопрос вызвал «крайне бурные прения»²⁸⁷. Между тем, 3 апреля Советом министров было рассмотрено ходатайство администрации Тобольской каторжной тюрьмы о возбуждении против депутата социал-демократа И.Н. Манькова уголовного дела за клевету. Чтобы не «осложнить отношения» правительства и палат, Совет министров отклонил ходатайство²⁸⁸. Таким образом, правительственное большинство продемонстрировало свое более умеренное отношение к Думе, нежели новый министр внутренних дел. Даже когда

---

²⁸³ Шумский К. [Соломонов К.М.] Через 726 дней // Русская молва, 4 января 1913 г.

²⁸⁴ Новое время, 24 марта 1913 г.

²⁸⁵ Свет, 18 марта 1913 г.

²⁸⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. II. СПб., 1913. Стб. 184–201, 295–312, 689–692.

²⁸⁷ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 6. С. 9–10.

²⁸⁸ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 194–195.

Маклаков предложил Совету министров не отвечать на запросы Думы, которые выходили за пределы ее компетенции (согласно ст. 40 Учреждения Думы), члены Совета поддержали министра, но далее хода инициативе не дали, а соответствующий журнал составлен не был²⁸⁹.

Однодневные первомайские забастовки в Петербурге охватили 250 тысяч рабочих (несколько превзойдя уровень 1912 г. и затронув, таким образом, практически всех промышленных рабочих города), в Риге – до 60 тысяч, в Москве – только 50 тысяч²⁹⁰. Кадетская пресса отметила, что новый министр внутренних дел заинтересовался рабочим движением и в связи с всеобщей забастовкой в Бельгии и данными заграничной агентуры о подготовке таковой в России начал сбор сведений на местах²⁹¹. Однако «Голос Москвы» имел основание утверждать, что Первомай в Москве прошел тихо, за исключением обычных отдельных забастовок²⁹². Изгоев мог позволить себе попереживать о судьбах социал-демократии, погрязшей в склоках и губившей собственное дело²⁹³.

Дума явно не спешила рассматривать бюджет. 2 мая император написал премьер-министру следующее письмо: «Владимир Николаевич, несвоевременное рассмотрение бюджета Государственной думою ставит меня лично в весьма неудобное положение в смысле почти полной невозможности оказывать людям денежную помощь. В нынешнем 1913 году это положение стало совсем критическим. В редких случаях приходится выдавать крупные суммы, чтобы выручать людей из беды. Между тем мои свободные остатки у Танеева и у бар. Будберга иссякают. Поэтому прошу вас прислать мне в субботу триста тысяч рублей из фонда на предусмотренные сметами надобности, показав их поступившими на известное мне

---

²⁸⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 614. Лл. 29–32. Цит. по: Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 120.

²⁹⁰ Арутюнов Г.А. Ук. соч. С. 273.

²⁹¹ Н. Маклаков и рабочее движение // Русская молва, 14 апреля 1913 г.

²⁹² Голос Москвы, 3 мая 1913 г.

²⁹³ Изгоев А. Что такое ликвидаторство? // Речь, 26 марта 1913 г.

употребление. Уважающий вас Николай»²⁹⁴. На аудиенции в начале апреля Родзянко объяснял промедление с бюджетом неподготовленностью проектов ведомственных смет²⁹⁵. Однако для самой Думы оттягивание рассмотрения бюджета было демонстративным шагом. Она не могла отклонять сметы в целом – это вызвало бы общественное непонимание. Поэтому кадеты и прогрессисты договорились о голосовании против условных кредитов для «реакционных» ведомств. Было решено попытаться договориться об этом с октябристами²⁹⁶. В.А. Маклаков советовал: «Раньше, чем говорить в Думе, я еще постараюсь добиться чего-либо и негласным переговором. Не скрою только, что при бурных отношениях моих с братом я на многое не рассчитываю»²⁹⁷.

Дума приступила к бюджету лишь с 10 мая. Председатель бюджетной комиссии октябрист М.М. Алексеенко в своем выступлении отметил конструктивное взаимодействие комиссии с Министерством финансов²⁹⁸. Коковцов в ответ выразил упование на спокойное сотрудничество правительства с представительством и был поддержан всем центром и националистами²⁹⁹. Однако левые и правые начали резкую критику премьера. Прогрессист А.И. Коновалов отмечал, что экономическое развитие тормозится старыми политическими формами. Правый Н.Е. Марков критиковал правительство за поощрение пьянства, препятствия в расширении хозяйственных возможностей самоуправления, поощрение еврейских банков и мирового капитала³⁰⁰. Националист П.В. Синадино в кулуарах признавался в том, что поддерживает положения этой речи. Милюков считал необходимым использовать настроения правых³⁰¹. В думских кругах признавалось, что критика бюджета правыми была вызвана

²⁹⁴ РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11. Л. 10–11.

²⁹⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 6. С. 16.

²⁹⁶ Там же. С. 29–30.

²⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 923. Л. 759. В.А. Маклаков – А.М. Краевскому, 24 апреля 1913 г.

²⁹⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. II. СПб., 1913. Стб. 884.

²⁹⁹ Там же. Стб. 950.

³⁰⁰ Там же. Стб. 1013, 1047–1048, 1074.

³⁰¹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 6. С. 30–31.

не экономическими, а политическими соображениями³⁰². Коковцов отвечал в примирительном тоне и отметил отсутствие критики по существу росписи³⁰³. После этого Шингарев указал премьеру, что дело правительства «безнадежно», а Марков опять упрекнул Коковцова в финансовых махинациях. Алексеенко вынужден был особо просить депутатов быстрее перейти к сметам. Дума даже отклонила проект формулы по общему докладу, внесенный националистами (94 голосами против 127 при 16 воздержавшихся)³⁰⁴. Правые активно добивались принятия формулы, но думское большинство увидело в этом интригу и не поддержало этой инициативы³⁰⁵.

15 мая при обсуждении сметы Синода социалисты спровоцировали скандал и покинули зал, за ними вышли кадеты, большинство прогрессистов и далее левые октябристы, которые не смогли провести свое предложение отложить голосование. Смета прошла с формулой октябристов при поддержке правых³⁰⁶. Думский центр демонстрировал свою призрачность. Однако даже Савенко радовался полевению Думы³⁰⁷. Он не верил в роспуск Думы и утверждал: «Дума окончательно посадила Коковцова в галошу»³⁰⁸. Неспособность премьера наладить отношения с палатой и полную потерю доверия к Коковцову открыто провозгласило «Новое время»³⁰⁹. 17–21 мая обсуждалась смета МВД. По мнению кадетов, Маклаков «в некоторых отношениях <...> пошел еще дальше, чем Вячеслав Константинович Плеве». В пример приводились одесские городские выборы и неутверждение городских голов. «Правительство подорвало авторитет Думы, но зато и само действует как бы в безвоздушном пространстве и, за исключением субсидируемых газет и субсидируемых же кучек политиканов, верных лишь

---

³⁰² Там же. № 7. С. 3–4.

³⁰³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. II. СПб., 1913. Стб. 1269–1270.

³⁰⁴ Там же. Стб. 1315, 1331–1332, 1341–1349.

³⁰⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 7. С. 4–5.

³⁰⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. II. СПб., 1913. Стб. 1385–1386, 1402–1409, 1420–1438.

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 924. Л. 879. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 19 мая 1913 г.

³⁰⁸ Там же. Д. 925. Л. 1000. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 10 июня 1913 г.

³⁰⁹ Меньшиков М. Упадок доверия // Новое время, 16 мая 1913 г.

до тех пор, пока длится субсидия, не имеет в стране друзей. <...> Русские партии с течением времени отнюдь не становятся более требовательны, но благодаря усилиям самого министерства их поддержка правительству превращается в противодействие. Для превращения правительственных партий в оппозиционные нужно своего рода умение и это умение у министерства несомненно имеется», – писали «Русские ведомости»³¹⁰.

27 мая родной брат министра произнес речь, которая давала общую оценку правительственному курсу: «Наша реакция не смогла быть мудрой; она сумела превратить себя в безумство, а сильное правительство – сделать карикатурой. <...> Столыпин боевой эпохи первой и второй Государственных дум также отличается от этих эпигонов, как нарисованный им образ пожарного, который бьет стекла в пылающем доме, отличается от хулигана, который бьет стекла в мирном жилище. <...> И если бы наша власть имела мужество взять назад то, что было дано, если бы она в то время, когда страна устала от политического брожения и хотела только одного – порядка и покоя – вернулась назад к абсолютизму, то это была бы политика безумная, но яркая и определенная. Но у нашей власти не хватило ни ума, ни смелости, она была способна лишь на полумеры ... ей по плечу стало лишь искажение нового строя, создание карикатуры». В. Маклаков заявил о происходящей в правительстве борьбе и отказе власти от сотрудничества с октябристами. «Наступит момент, когда правительству будет трудно, когда она сделает то, что раз уже сделало, обратится за сочувствием и содействием к той великой единице, которая называется Россией; уверено ли оно, что страна будет тогда с ним, не сделает того, что она сделала семь лет тому назад? Гг., опасно, что правительство окажется тогда вовсе одним, что против него сойдутся люди, в которых ничего нет, кроме ненависти к тому застою, который теперь выдают за порядок, и презрение к тем политическим акробатам, которые сходят у нас за правительство. Тогда в одном общем порыве ненависти соединятся и обманутые надежды, и перенесенные обиды,

---

³¹⁰ Русские ведомости, 22 мая 1913 г.

и государственное унижение, и даже злополучный экономический гнет. О, тогда они поймут, что делать, тогда явятся умные люди, раздадутся умные слова и пойдут умным путем; но тогда будет поздно; в это время будут верить не им, не нам, в это время будут слушать одних демагогов, и нам, Государственной думе, нам тогда не предотвратить как им не искупить того зла, которое они теперь готовят России». Речь стяжала бурные и продолжительные аплодисменты в левой и центральной части Думы³¹¹. Была принята формула октябристов, которая констатировала нежелание ведомства отменить чрезвычайную охрану, вносить законопроекты на основе манифеста 17 октября, пойти на реформу местного самоуправления, МВД также обвинялось в разжигании межнациональной розни. «Свет» поддержал думскую формулу³¹². Правые в очередной раз выступили против реформы местного управления³¹³. Смета прошла с незначительными урезками. 27 мая министр Маклаков был произведен в чин гофмейстера.

Далее бюджетное обсуждение превратилось в сплошной скандал. 27 мая при обсуждении сметы Министерства финансов Марков обвинил Коковцова в покрывании коррупции в его ведомстве и заключил речь словами: «Красть нельзя». Чхеидзе отреагировал: «Молодец Марков <...> совершенно верно <...> позвольте вашу руку»³¹⁴. 28 мая Щегловитов в своей речи обвинил депутатов в безответственности и получил от Милюкова на весь зал: «Лицемер». Щегловитов парировал: «Бороться всегда хорошо, когда можно бороться в равных условиях». Под смех правых Милюков ответил: «Сделайте нас министрами». Смета Министерства юстиции была принята полностью³¹⁵. Формула прогрессистов о судебных злоупотреблениях отвергалась 137 голосами против 92, социалисты воздержались. Геловани внес формулу об использовании местных языков в судопроизводстве, и она была принята 128 голосами против 123, а при переголосовке – 138 против

---

³¹¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 117–125.

³¹² Свет, 27 мая 1913 г.

³¹³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. II. СПб., 1913. Стб. 1900–1901.

³¹⁴ Там же. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 64–66.

³¹⁵ Там же. Стб. 188–196.

130³¹⁶. На обсуждении сметы МИД Милюков указывал на влияние Распутина на курс русской внешней политики³¹⁷. Только смета МНП прошла относительно безболезненно и в сопровождении формул националистов и группы центра о поднятии материальной базы школы, ее «национально-русском характере» и развитии в ней физкультуры и спорта³¹⁸.

Однако речь Маркова имела серьезные последствия. По сообщению «Гражданина», Коковцов был взбешен поведением Маркова и изначально предложил не замечать, распустить Думу или коллективно подать в отставку, однако Маклаков повлиял на мнение Коковцова, предложив просто указать Родзянко на недопустимость поведения Маркова. Мещерский сравнивал «испуганное, истеричное и предельно злобное против Государственной думы настроение г. Коковцова» и «спокойное и совсем не злобное» у Маклакова³¹⁹. Тем не менее, по мнению министров, Марков в последних словах своей речи оскорбил все правительство, а Дума никак не отреагировала на это³²⁰. Правительство по предложению Тимашева единогласно решило не посещать думских заседаний до тех пор, пока Дума не отреагирует «так или иначе» на этот выпад³²¹. Для технической работы в палату должны были являться товарищи министров³²². Предложение о привлечении Маркова к судебной ответственности было отвергнуто Щегловитовым, поскольку в поступке не содержалось состава преступления³²³. Вопрос о прекращении сессии министрами также не рассматривался³²⁴.

В думских фракциях такой шаг не нашел понимания³²⁵. По мнению Антонова и Алексеенко, Дума не несла ответственности за поступки

---

³¹⁶ Там же. Стб. 283–285.

³¹⁷ Там же. Стб. 1057.

³¹⁸ Там же. Стб. 785, 925–933.

³¹⁹ Дневник // Гражданин. 1913. № 22. С. 19.

³²⁰ Новое время, 1 июня 1913 г.

³²¹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 7. С. 10; Львов Л. [Клячко Л.М.] Среди бюрократов // Речь, 7 июня 1913 г.

³²² Новое время, 1 июня 1913 г.

³²³ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 7. С. 10; Львов Л. [Клячко Л.М.] Среди бюрократов // Речь, 7 июня 1913 г.

³²⁴ Новое время, 2 июня 1913 г.

³²⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 7. С. 10–11.

Маркова, а, кроме того, в рамках Наказа не могла уже ничего предпринять для разрешения ситуации. Кадеты и прогрессисты снимали с себя ответственность и не одобряли поведение правительства: «Надо беречь достоинство Думы». Националисты также отрицали свою вину и не собирались «падать ниц перед правительством и унижать достоинство Государственной думы». Родзянко был готов выступить в заседании с осуждением подобного поведения и ручался за аплодисменты правых и всего правого центра, однако Коковцов на встрече с ним отверг такой вариант. Создавалась патовая ситуация. «Новое время» осуждало такое поведение Коковцова³²⁶. «Речь» задавалась вопросом: «Непонятно, бьют ли правые Думу руками премьера или премьер бьет правых руками Думы»³²⁷.

Вскоре пошел слух, что мнение правительства было оформлено в журнале и получило Высочайшее одобрение. Это сообщение прозвучало «словно внезапный взрыв бомбы»³²⁸. Коковцов якобы стал настаивать на выборах в новую Думу³²⁹. Фракция правых оказалась на грани раскола³³⁰. Окончательный разрыв, по мнению думцев, мог закончиться роспуском Думы или отставкой Коковцова. Маклаков якобы выступал за первое³³¹. Националисты надеялись, что таким образом в следующей Думе их фракция может вырасти до 130–140 членов, что вместе с центром и октябристами позволит создать в Думе прочное большинство³³². Настоящая Дума была бессильна, а ее деятельность теряла всякий смысл. Депутаты признавали: «Общая реформа земства обречена в силу своей громоздкости на медленное угасание в комиссии»³³³. Савич признавал, что говорить о том, чтобы провести земскую реформу через Государственный совет, уже «не приходится»³³⁴. Челноков соглашался: «Я думаю, что всем не потерявшим

---

³²⁶ Новое время, 2 июня 1913 г.

³²⁷ Речь, 3 июня 1913 г.

³²⁸ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 7. С. 13.

³²⁹ Там же. С. 19.

³³⁰ Там же. С. 20–21.

³³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 950. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 1 июня 1913 г.

³³² Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 7. С. 23.

³³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 992. Г.А. Алексеев – К.С. Алексееву, 8 июня 1913 г.

³³⁴ Там же. Л. 977. Н.В. Савич – К.Э. Линдемману, 5 июня 1913 г.

окончательную связь с местным самоуправлением скоро будет необходимо вернуться домой и работать на месте для организации общественного мнения с целью оказать нравственное давление на правительство». В противном случае, прогнозировал он, «бьюсь, что мы попадем в заколдованный круг 1901–1905 гг., из которого выход в катастрофах»³³⁵. Савенко подводил тот же итог: «Словом, все пойдет к новой революции»³³⁶.

По мнению октябриста Антонова, ситуация в Думе полностью соответствовала ситуации в правительстве. Если бы в нем победило одно из двух течений, то и в Думе сразу наметился бы определенный центр; сама по себе Дума была не левее предыдущей, однако Коковцов «занял позицию не руководителя внутренней политики, а юрисконсульта Его Величества»³³⁷. На этом фоне Мещерский начал активную кампанию против Коковцова: по утверждениям князя, тот не хотел уходить из корыстных соображений³³⁸ и мешал объединению министров вокруг царя³³⁹. Возобновились слухи о замене Коковцова на Дурново или Кривошеина или о незамещении поста премьера³⁴⁰. Крупенский говорил о желании министра внутренних дел распустить Думу и добиться победы правых на выборах³⁴¹. Маклаков и Саблер якобы настаивали на роспуске Думы и придании ей законосовещательного статуса³⁴². Тихомиров полагал, что при существовавшем избирательном законе положение в Думе не могло кардинально поменяться, а неизбежное вмешательство в выборную процедуру только давало оппозиции повод для критики³⁴³. В Думе ходили упорные слухи о подготовке Маклаковым и Мещерским нового переворота и восстановления «абсолютизма». Единственным препятствием якобы было

---

³³⁵ Там же. Л. 991. М.В. Челноков – кн. Е.А. Уваровой, 8 июня 1913 г.

³³⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 950. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 1 июня 1913 г.

³³⁷ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 7. С. 6.

³³⁸ Речи консерватора // Гражданин. 1913. № 20. С. 6.

³³⁹ Дневник // Гражданин. 1913. № 21. С. 17.

³⁴⁰ Речь, 21, 24 марта 1913 г.

³⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 973. Неустановленный член Думы – Д.Н. Шипову, 4 июня 1913 г.

³⁴² Голос Москвы, 30 мая 1913 г.

³⁴³ Правительство и Дума // Московские ведомости, 26 июня 1913 г.

неблагоприятное впечатление, которое было бы произведено на иностранные государства. Признавалось, что единственным лицом, способным преодолеть такие негативные последствия, являлся гр. Витте, но возвращение его к власти для сторонников переворота было еще большим злом, чем существование Думы. Однако весьма кстати появились слухи о начавшемся обоюдном сближении Витте с Маклаковым и Мещерским³⁴⁴. Незадолго до того, 14 марта граф получил орден св. Владимира I степени. В беседе с И.В. Гессеном Витте сообщил о скором уходе Коковцова. Носились слухи о приеме Витте в Царском Селе и последующей его продолжительной беседе с Дурново и Стишинским³⁴⁵.

Кроме Витте, среди преемников Коковцова упоминались Щегловитов, Рухлов, Кривошеин и приамурский губернатор Н.Л. Гондатти³⁴⁶. «Русская молва» считала, что в случае отставки Коковцова на его место мог быть назначен только правый (называлась даже кандидатура Кассо), но это лишь усилило бы конфликт правительства с Думой³⁴⁷. В такой ситуации «Голос Москвы» предрекал отставки Щегловитова, Рухлова, Кривошеина (последний, очевидно, должен был уйти по болезни) и ставил на Гондатти; сообщалось об активнейшем участии в интриге Витте³⁴⁸. Гондатти даже был представлен думским октябристам у Гучкова. Б.И. Каразин написал жене: «Если будет вторая революция, у него, по-моему, есть шансы попасть в премьеры, без этого его, конечно, не возьмут, потому что он – парвеню. Умен, толков и все знает»³⁴⁹.

29 мая полиция вторглась в частное совещание кадетской фракции в Таврическом дворце с участием лиц, не являвшихся депутатами. «Это – прямое и открытое нападение на самую идею народного представительства», – сокрушались «Русские ведомости», но считали, что Дума из-за

---

³⁴⁴ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 7. С. 7–8.

³⁴⁵ Там же. С. 8–9.

³⁴⁶ Там же. С. 9.

³⁴⁷ Куда? // Русская молва, 1 июня 1913 г.

³⁴⁸ Голос Москвы, 30 мая 1913 г.; ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 670. ч. 3. Л. 5. 30 мая 1913 г.

³⁴⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 919. Л. 375. Б.И. Каразин – Е.А. Каразиной, 18 февраля 1913 г.

октябристской позиции опять промолчит³⁵⁰. Родзянко написал письмо Коковцову о росте хулиганства в районе Таврического дворца и просил установить полицейскую охрану; однако Коковцов не ответил³⁵¹. 6 июня на заседании Совета министров обсуждалось дело депутата Л.Н. Новосильцева, обвиненного бывшим земским начальником Ивановым в клевете; оно было решено аналогично делу Гололобова, со ссылкой на него³⁵². 12 июня правительство решило не препятствовать инициативе Маклакова направлять все законопроекты по Отдельному корпусу жандармов в соответствии с 96-й статьей ОГЗ, т.е. с обхождением обычной законодательной процедуры, отметив только, что действие статьи не касалось ведомства МВД³⁵³. Последовал отказ в легализации прогрессистов. «Речь» отреагировала: «Когда «легальность» кончается там, где кончается безусловная покорность и готовность служить видам власти, то мы получаем в результате готовый фактический заговор всех против немногих. В «терминологии» наших основных законов этот исход не предусмотрен. Но в предупреждении его и есть весь смысл и весь дух обновленного строя. Не умея сделать этого элементарного вывода, строй этот осуждает сам себя»³⁵⁴. Пресса также утверждала, что в правительстве якобы изменилось отношение к законопроекту о печати: если до того министры в целом были против, то теперь выступили за него, и Маклаков собирался обсудить его в Совете министров не осенью, а спешно³⁵⁵. По мнению «Речи», проект не претерпел никаких существенных изменений³⁵⁶. (Это было безусловной натяжкой; на самом деле, проект, как отмечено выше, был принципиально переработан с учетом всех замечаний министров.)

На перевыборах ярославского земства, по утверждению кадетов, «применены были приемы еще небывалые <...> распространение их на всю

---

³⁵⁰ Русские ведомости, 30 мая 1913 г.

³⁵¹ Новое время, 9 июня 1913 г.

³⁵² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 277–278.

³⁵³ Там же. С. 286–292.

³⁵⁴ Речь, 5 мая 1913 г.

³⁵⁵ Голос Москвы, 11 июня 1913 г.

³⁵⁶ Речь, 17 сентября 1913 г.

Россию может открыть совершенно новые горизонты». Перевыборы были назначены на лето, власть сама агитировала за конкретного кандидата, поданные избирательные записки браковались за неуказание адреса или списочного номера (таким образом, не отклонялись 137 записок из 466). После победы кадетского кандидата по I курии выборы были кассированы, поскольку у 5 избирателей не было признано ценза³⁵⁷. По утверждению печати, Маклаков также собирался внести в палаты законопроект о петербургском водопроводе и канализации, поскольку городская дума с вопросом не справилась³⁵⁸. Кн. Мещерский упрекал петербургскую думу в политиканстве и предлагал вместо нее создать городской совет с равным участием выборных и чиновников во главе с назначенным председателем³⁵⁹.

Новый проект университетского устава, подготовленный Кассо, «не оставил камня на камне» от автономии и усилил власть попечителей и инспекции. Отмечалось его сходство с проектом закона о печати³⁶⁰. Щегловитов планировал реформу Сената, которая, по мнению кадетов, лишь незначительно упрощала его судопроизводство. Дума предлагала отделить Сенат от администрации, ввести несменяемость и образовательный ценз, предоставить Сенату право представлять кандидатов в сенаторы. Щегловитов поддержал несменяемость и ценз, но остальное отверг³⁶¹. В ответ Сенат демонстративно отказался опубликовать внесенный военным министром без согласия Думы устав Военно-Медицинской академии. Дума была удовлетворена³⁶². Также Сенат своим указом демонстративно поставил на вид воронежскому губернатору С.И. Голикову о превышении им полномочий в отношении валуевского уездного земства³⁶³.

«Новое время» считало конфликт правительства и Думы техническим, но расценивало его как «шаг к разрухе государственности, к усилению и

---

³⁵⁷ Там же. 18 июля 1913 г.

³⁵⁸ Новое время, 17 июля 1913 г.

³⁵⁹ Дневник // Гражданин. 1913. № 18. С. 13–14.

³⁶⁰ Голос Москвы, 25 мая 1913 г.

³⁶¹ Русские ведомости, 20 марта 1913 г.

³⁶² Там же. 6 июня 1913 г.

³⁶³ Там же. 10 июня 1913 г.

умножению элементов анархии, то есть к государственной катастрофе»³⁶⁴. Итоги первого года Думы «Новое время» оценивало крайне пессимистично: правительство перестало опираться на Думу и потеряло единство столыпинского времени. Указывалось на историю с Военно-Медицинской академией, штаты которой Сухомлинов хотел провести без участия правительства и Думы, самостоятельная программа Маклакова, особенно законопроект о печати, от которого отказался Совет министров, расхождения взглядов Коковцова на земство и политики губернаторов в его отношении. Результатом разброда в правительстве стал беспорядок в Думе³⁶⁵. В правительстве пеняли на Думу, которая оставляла без движения спешные правительственные законопроекты³⁶⁶. Однако правительство и Государственный совет «Новое время» считало еще менее компетентными, чем Думу, обвиняя их также в устранении от всякой деятельности³⁶⁷.

На аудиенции Родзянко получил от императора фразу о министрах: «Я надеюсь, что за лето они образумятся»³⁶⁸. По-видимому, это вызвало настороженность октябристов и ожидание возможной отставки Коковцова, что в подобных обстоятельствах для них являлось нежелательным. Октябристы готовы были поддержать любые благие начинания правительства. Они настаивали на постепенном и последовательном проведении принципов 17 октября: культурном росте, развитии правосознания и самостоятельности, реформе исполнительной и судебной власти. Государственный совет и часть министров, по мнению октябристов, тормозили этот процесс, хотя МФ, МПС и ГУЗЗ при сотрудничестве с Думой добились ряда успехов³⁶⁹. Сообщалось также, что осенью Маклаков также

---

³⁶⁴ Там же. 21 июня 1913 г.

³⁶⁵ Потерянный год // Русские ведомости, 30 июня 1913 г.

³⁶⁶ Русские ведомости, 9 июня 1913 г.

³⁶⁷ Разъехались // Там же. 6 июля 1913 г.

³⁶⁸ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 8. С. 6.

³⁶⁹ Фракция Союза 17 октября в Государственной думе (обзор деятельности). Сессия I. 15 октября 1912 – 25 июня 1913 г. СПб., 1914. С. 78–79.

внесет в Думу проект закона об обществах и союзах, и теперь октябристам он представлялся вполне приемлемым³⁷⁰.

Одновременно октябристы конкретизировали свои условия при создании думского большинства. 5 мая на заседании октябристского ЦК был заслушан доклад кн. А.Д. Голицына о принципах земской реформы. Суть ее сводилась к бессословности, снижению ценза, созданию волостного земства, ограничению вмешательства администрации (лишь надзор за закономерностью), обложению церковной земли, допуску женщин к голосованию. Отмечалась верность принципам реформы 1864 г.³⁷¹ Князь, тем не менее, считал нужным сохранить ценз, чтобы избирателями оставались лишь плательщики земских налогов³⁷². Голицын отметил: «Лишь в правильно организованном земстве мы имеем залог спасения обновленного строя от надвигающейся грозной опасности»³⁷³. 15 июня члены земской группы октябристы Антонов и Варун-Секрет посетили Коковцова и пришли к единому мнению о необходимости проведения земской реформы на принципах бессословности, с понижением ценза, расширением компетенции, правом собираться на областном уровне без предварительного соглашения (но с надзором МВД). Премьер также считал реформу «центральной задачей момента». Была достигнута договоренность выдвинуть в Думе законодательное предположение, после чего правительство должно было взять на себя разработку законопроекта³⁷⁴. Таким образом, по одному из важнейших вопросов принципиальное соглашение было достигнуто – причем не среди думских фракций, а между премьером и думским центром. 5 сентября на октябристском собрании, посвященном памяти Столыпина, Шубинский повторил якобы сказанные ему премьером слова о Коковцове:

---

³⁷⁰ Голос Москвы, 26 июня 1913 г.

³⁷¹ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 404.

³⁷² Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 296.

³⁷³ Отчет Центрального комитета Союза 17 октября и его деятельности с 1 сентября 1912 по сентябрь 1913 г. М., 1913. С. 30–31.

³⁷⁴ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 7. С. 22; В добрый час // Свет, 17 июня 1913 г.

«Вы понимаете, как он нужен правительству с его огромным опытом, знаниями, широкой эрудицией. Мы не можем потерять его...»³⁷⁵.

Последним существенным вопросом думской сессии стал вопрос о польском городском управлении – и он хорошо обозначил состояние палаты. Государственный совет обсудил проект 3–5 апреля. Члены Совета не торопились (еще 4 декабря 1912 г. проект был возвращен в комиссию для доработки³⁷⁶). В защиту правого большинства выступил В.И. Гурко, который отметил необходимость следовать четким принципам национальной политики, особенно на стратегическом западном направлении. Вторая палата повысила ценз, ввела губернаторский надзор и русский язык в делопроизводство. Законопроект с поправками был отправлен в Думу³⁷⁷. «Речь» писала, что он был окончательно похоронен такими поправками: администрация получила право менять любые решения самоуправления и заменять весь его состав назначенными лицами на срок до 3 лет³⁷⁸. «Русская молва» приводила мнение французской «Le Temps», считавшей голосование Совета ошибкой, толкавшей поляков в объятия Австро-Венгрии³⁷⁹. 7 мая думская городская комиссия обсудила возвращенный из Государственного совета законопроект. Гарусевич настаивал на польском языке как обязательном условии делопроизводства. Кадеты поддержали его. В результате по вопросу языка принималась компромиссная версия, по которой русский язык использовался лишь в случае желания какой-либо стороны. Дума соглашалась с поправкой по цензу, но в сфере надзора принимала лишь надзор за законностью³⁸⁰.

5, 7 и 12 июня законопроект был обсужден на общем собрании Думы³⁸¹. Польское коло решило не вносить своих изменений в проект, чтобы

---

³⁷⁵ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 407.

³⁷⁶ Государственный совет. СО. VIII сессия (1912–1913). СПб., 1913. Стб. 159.

³⁷⁷ Там же. Стб. 1405–1413.

³⁷⁸ Речь, 3 апреля 1913 г.

³⁷⁹ «Le Temps» о русско-польских отношениях // Русская молва, 27 апреля 1913 г.

³⁸⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 560. Л. 41–50.

³⁸¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 955–977, 1279–1306, 2054–2084.

не тормозить его введения, однако отмечало практическую невозможность вытеснения польского языка из самоуправления³⁸². В среде коло также возникла мысль обратиться к Мещерскому для проведения мысли о необходимости сохранить польский язык в самоуправлении³⁸³. Мещерский поддерживал это желание поляков³⁸⁴. Поляки просили все либеральные фракции поддержать законопроект, на что в целом и получили согласие³⁸⁵. Октябристы были готовы поддержать инициативу коло³⁸⁶. Однако кадеты заявили, что оставляют за собой право голосовать против³⁸⁷. В результате кадеты голосовали против всей Думы «из принципа», зная, что законопроект пройдет³⁸⁸.

Поляки были крайне недовольны политическими интригами вокруг законопроекта и особенно желанием кадетов в первую очередь отстаивать права евреев³⁸⁹. Конституционные демократы упрекали поляков в росте антисемитских настроений, что, по их мнению, отдаляло перспективу польской свободы³⁹⁰. «Русская мысль» отмечала: «Последнее теперешнее польское движение исходит не из творческого процесса уверенной в себе нации, а из <...> страха перед национальным оскудением. В лице евреев, устроивших экономический сквозняк между Польшей и Россией, они увидели страшный призрак промышленной русской окраины на место шляхетской Речи Посполитой»³⁹¹. О губительности польского национализма в новых экономических условиях для самих поляков писала и «Русская

---

³⁸² Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 6. С. 22.

³⁸³ Там же. С. 26–28.

³⁸⁴ Дневник // Гражданин. 1913. № 18. С. 12–13.

³⁸⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 6. С. 25.

³⁸⁶ Новое время, 5 июня 1913 г.

³⁸⁷ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 6. С. 25.

³⁸⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 913. М.Х. Бомаш – И. Гринбауму, Варшава, 24 мая 1913 г.

³⁸⁹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 6. С. 26–28. Кадетская фракция действительно обсуждала свою тактику в этом вопросе еще в январе 1913 г., но к определенному выводу не пришла, после чего было решено поднимать еврейский вопрос только в ответ на заявления правых (Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999. № 3. С. 4–5).

³⁹⁰ Кокошкин Ф. Антисемитское движение в Польше // Русские ведомости, 4 мая 1913 г. Рост антисемитизма отмечали все (напр.: Погодин А. Антисемитизм в Польше // Утро России, 12 января 1913 г.

³⁹¹ Букшпан Я. Письма о национальностях и областях. Польско-еврейская распря // Русская мысль. 1913. № 1. II паг., с. 113.

молва»³⁹². В результате отношения с кадетами были совершенно разорваны³⁹³. «Русская молва» могла лишь выразить надежду, что будущая перегруппировка политических сил как в Польше, так и в России поправит положение³⁹⁴. Разрыв поляков с кадетами произошел под аплодисменты правых³⁹⁵. Дума под влиянием поляков спешила с доработкой законопроекта, но Государственный совет к концу сессии решил отложить законопроект до осени³⁹⁶. Это сильно радикализовало настроения поляков³⁹⁷. Тем не менее, порвав с кадетами, поляки могли теперь связывать свои надежды только с русским правительством. Тем более что Коковцов выступил за введение в русской Польше общероссийского самоуправления, мотивируя это общеевропейским процессом унификации³⁹⁸.

Разрыв кадетов с поляками выявил отсутствие стратегической перспективы даже в кругах принципиальных оппозиционеров. Внутри самой кадетской партии также продолжал нарастать организационный кризис. Главной темой заседаний кадетского ЦК был вопрос о выяснении положения партийных организаций на местах. 14 мая на заседании ПОЦК Кишкин опять поставил вопрос о переизбрании Центрального комитета, на что Милюков вполне сектантски ответил, что вне ЦК партия не обладает «политически воспитанными» членами. Кишкин парировал: «Воспитанные элементы сейчас существуют, но с каждым годом их становится все меньше. Нельзя рассматривать себя и свою самооценку в мистическом смысле». В результате голосования, вопреки мнению Милюкова, было решено готовить созыв съезда для перевыборов ЦК, причем «без предварительного учета сил», но с предварительными перевыборами ряда местных комитетов по решению ЦК. Вместе с тем, было решено не выносить на съезд вопрос об

---

³⁹² Темкин. Письма из Литвы. Ч. III. Польско-литовские отношения // Русская молва, 11 июня 1913 г.

³⁹³ Ирин. Польско-кадетский разрыв // Новое время, 15 июля 1913 г.

³⁹⁴ Прощанье с коло – привет полякам // Русская молва, 15 июня 1913 г.

³⁹⁵ Станский Л. [Козловский Л.С.] Реальная политика и «беспечная разлука» // Русские ведомости, 14 июня 1913 г.

³⁹⁶ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 7. С. 25–26.

³⁹⁷ Новое время, 22 июня 1913 г.

³⁹⁸ Там же. 26 июня 1913 г.

изменениях в программе партии³⁹⁹. На заседании 18 мая А.А. Корнилов и Н.В. Некрасов также сообщили ЦК о поступившем от прогрессистов предложении обсудить возможность «образования прогрессивного блока с целью объединения прогрессивных элементов в Гос. Думе, в печати и в стране». ЦК не встретил предложения с большим энтузиазмом, но и не отказывался от консультаций. «Стирание партийных граней», якобы предлагаемое прогрессистами, по мнению кадетов, говорило «больше о понижении политического пульса, чем о повышении его» и единодушно отвергалось⁴⁰⁰.

Итак, «очень волнующий и опасный для партии вопрос» о съезде и переизбрании ЦК должен был обсуждаться на предстоящей партконференции⁴⁰¹. Однако партийному руководству удалось обойти острый вопрос и переключить внимание на вопросы новой тактики. 24 мая ЦК обсудил тактический доклад Милюкова. Милюков отмечал резкое отличие сложившегося положения по сравнению с периодом III Думы: тогда между правительством и страной существовал «некоторый мостик» в лице октябристов, а теперь «грозит образоваться не только трещина, но даже пропасть между ними». Партийный лидер предрекал неизбежность их конфликта. Гредескул «считал необходимой резкую критику доклада». Гредескул, как и Милюков, не видел возможности широкого внепарламентского объединения оппозиции, но именно поэтому призывал указать в докладе, что «страна идет не к революции, а по правильному конституционному пути, что определенный процесс в смысле этом совершается неуклонно, и за известный minimum требований стоит уже не одна социал-демократия, а и буржуазные классы». Гредескул опять указывал на речь Родзянко. Милюков был непреклонен и прямо отрицал возможность компромисса с Гредескулом: «Конференции пора предложить подумать о более решительных методах борьбы». Однако даже Шингарев, что бывало

---

³⁹⁹ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 197–198.

⁴⁰⁰ Там же. С. 204.

⁴⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 922. А.С. Петрункевич – М.П. Литвинову, 26 мая 1913 г.

весьма редко, не смог поддержать Милюкова: он не знал, «насколько верен прогноз: знаменует ли он надвигающуюся революцию или, может быть, это просто начало большой эволюции». Остальные участники заседания (Петрункевич, Шаховской, Корнилов, Колюбакин, Родичев) отмалчивались, лишь Некрасов осторожно поддержал Милюкова⁴⁰². На кадетской конференции 25–26 мая доклад Милюкова был принят, обозначались возможные варианты развития ситуации: сохранение неопределенности, создание правого большинства в Думе, ее роспуск, создание правого кабинета. Тем не менее, принципиальных изменений в думскую тактику внесено не было. Конференция констатировала организационный развал партии на местах и посчитала созыв съезда в сложившихся обстоятельствах невозможным. Было решено сосредоточиться на преодолении кризиса путем профессиональной и сословной организации общественности, борьбы с «аполитизмом молодежи» и ростом межнациональной розни, созданию объединенной оппозиции – «хотя бы, для начала, с целью взаимной информации»⁴⁰³. Руководство, продемонстрировав левый настрой, добилось главного: вопрос о перевыборах откладывался.

По сути, это была лишь констатация собственного бессилия. Тезисы организационного доклада фактически толкали партию в русло деловой активности. Но какой характер она должна была иметь, показал XII Пироговский съезд земских врачей, на котором состоялся доклад Шингарева. Он предложил победить бюрократию на почве земского объединения врачей. По его мнению, государство обязано было обеспечить земских врачей образованием и средствами, но не вмешиваться в организационные вопросы; в своих же ведомственных вопросах МВД должно было, наоборот, пойти на сотрудничество с земцами⁴⁰⁴. Пироговский съезд осудил бюрократический

---

⁴⁰² Протоколы ЦК... Т. 2. С. 204–210. См. также: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. Т. 1. Лл. 60–61.

⁴⁰³ Съезды и конференции... Т. 2. С. 496–500.

⁴⁰⁴ Новое время, 5 июня 1913 г.

проект создания Министерства народного здравоохранения и потребовал «широкой демократизации городских самоуправлений»⁴⁰⁵.

К концу сессии Дума оказалась дезорганизована. Еще в мае начался быстрый разезд депутатов. Фракция националистов оказалась «в полном развале»⁴⁰⁶. Священники-националисты потребовали от фракции договориться с Коковцовым⁴⁰⁷. Националист Синадино, наоборот, призвал депутатов сложить полномочия, поскольку Государственный совет сделал работу Думы бессмысленной⁴⁰⁸. 31 мая подал в отставку товарищ председателя прогрессист кн. Д.Д. Урусов (на его место был избран Н.Н. Львов)⁴⁰⁹. В тот же день Дума провела сразу в трех чтениях законопроект о введении местного суда⁴¹⁰. Однако все попытки думского руководства договориться с Государственным советом о сокращении сроков сессии провалились⁴¹¹. Она завершилась лишь 25 июня. Настроение депутатов было печальным: «Сессия Думы завершилась при очень минорном настроении всех депутатов, чувствуют, что они ничего осязательного не сделали. За этот год как-то особенно упал престиж Думы»⁴¹². Дума напоминала Савенко «неперебродившее вино, из которого сильный человек мог бы сделать очень хорошее вино». «Но Столыпин в гробу...» – констатировал он⁴¹³. Итоги первой сессии выглядели так: в Думу было внесено 785 законопроектов (в том числе 205 вносились еще в прежнюю Думу), лишь 2 вышли из самой Думы (о выкупе Московско-Киевско-Воронежской железной дороги и о штатах думской приставской части), 21 был возвращен из Государственного совета; Дума одобрила 408 законопроектов, 18 отклонила (в том числе ассигнование 1,5 млн. руб. на церковно-приходские школы), 16 было взято

---

⁴⁰⁵ Там же. 6 июня 1913 г.

⁴⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 936. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 30 мая 1913 г.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 958. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 2 июня 1913 г.

⁴⁰⁸ Свет, 30 апреля 1913 г.

⁴⁰⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 672–673.

⁴¹⁰ Там же. Стб. 541–596.

⁴¹¹ Новое время, 14 июня 1913 г.

⁴¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 926. Л. 1045. Г.А. Алексеев – К.С. Алексееву, 28 июня 1913 г.

⁴¹³ Там же. Л. 1021. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 19 июня 1913 г.

ведомствами обратно; было одобрено 26 законодательных предположений, только 12 приняты ведомствами для разработки (но 4 из них Дума приняла и в собственную разработку); было внесено 66 запросов и рассмотрено 12, по 6 выслушаны разъяснения⁴¹⁴.

22 июня Гурко от имени земской группы произнес в Государственном совете речь с предложением прекратить общие прения по бюджету. «Новое время» прогнозировало трения в правой группе по этому вопросу⁴¹⁵. В самом конце сессии Совет отклонил думский проект 6-миллионного ассигнования на строительную деятельность в сфере всеобщего начального образования и отсрочил 10-миллионное ассигнование на всеобщее начальное образование (в согласительной комиссии даже думские правые выступили за их принятие). Дурново мотивировал такое решение сложным внешнеполитическим положением⁴¹⁶. После голосования против ассигнований на школы Гурко покинул группу правых⁴¹⁷. В письме бывшему соратнику по группе гр. А.А. Бобринскому Гурко обвинял Дурново в том, что тот «ведет систематическую борьбу с Гос. думой». Владимир Иосифович отмечал, что правительство «именуется «деловым министерством», т.е. занимается лишь мелочными текущими делами управления», а Государственный совет пытается утопить Думу в вермишельном законодательстве, что не сулило никаких благоприятных перспектив⁴¹⁸. Между тем в последнем обращении к палате перед закрытием палаты Акимов обвинил Думу в проволочке бюджета. Родзянко, конечно, отмел все обвинения⁴¹⁹. Однако в ситуации только что начавшейся Второй Балканской войны, пожалуй, только «Речи» подобное поведение Совета было более интересно⁴²⁰.

Внешняя политика могла стать еще одним направлением приложения хаотической активности. Во второй половине мая противоречия между

---

⁴¹⁴ Новое время, 27 июня 1913 г.

⁴¹⁵ Там же. 3 июля 1913 г.

⁴¹⁶ Там же. 25 июня 1913 г.

⁴¹⁷ Там же. 4 ноября 1913 г.

⁴¹⁸ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 635. Л. 25об.–26.

⁴¹⁹ Новое время, 20 июля 1913 г.

⁴²⁰ Речь, 25, 26 июня 1913 г.

балканскими союзниками достигли апогея, что неизбежно осложняло положение России. Вместе с тем, не была разрешена и китайская проблема. Власть по-прежнему проявляла осторожность. Славянский обед у Родзянко был отложен, поскольку полиция ограничила количество присутствующих до 100 человек и настаивала на присутствии своего представителя в случае произнесения политических речей⁴²¹. 3 июня был опубликован рескрипт Сазонову, в котором выражалась Высочайшая поддержка его курсу⁴²². За публикацию телеграммы «Свет» был оштрафован на 300 р.⁴²³ Витте вместе со всеми критиковал русскую дипломатию за пассивность и отсутствие общего плана. Но, по его мнению, общеевропейская война была бы для России «большим несчастьем»: «Я думаю, что как бы не кончилась для России большая общеевропейская война, она не погибнет, а напротив – возродится, как юный крепкий организм возрождается после горячки; но будет уже другая Россия, которая для нас с вами будет если не чужда, то непривычна»⁴²⁴. Однако в общественной среде к происходившему относились с поразительной беспечностью. «Голос Москвы» писал: «Мы неоднократно отмечали различные дефекты нашего военного ведомства, мы и теперь не можем согласиться с тем, что там все обстоит благополучно, но справедливость требует сказать, что многое уже сделано. <...> Россия впервые за долгие годы оказалась готовую встретить надвигающуюся грозу во всеоружии народных сил»⁴²⁵. 17 июня началась Вторая Балканская война, но уже 9 июля последовала капитуляция Болгарии. На славянской трапезе во главе с А. Башмаковым была составлена телеграмма, призывавшая Коковцова и Сазонова взять Проливы, заставить Румынию отвести войска из Болгарии, пригрозить Австро-Венгрии взятием Галиции и установить

---

⁴²¹ Председатель Государственной думы под надзором полиции // Голос Москвы, 15 мая 1913 г.

⁴²² Русские ведомости, 5 июня 1913 г.

⁴²³ Там же. 16 июля 1913 г.

⁴²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 926. Л. 1077. Гр. С.Ю. Витте – М.О. Меньшикову, 5 июля 1913 г.

⁴²⁵ Военное ведомство и Государственная дума // Русские ведомости, 13 июня 1913 г.

границы на основе греко-сербских требований накануне Второй Балканской войны⁴²⁶.

Итак, политика Коковцова привела к гораздо более острому кризису, чем тот, что имел место в марте 1911 г. Неспособность и нежелание налаживать контакт с фракциями вели в тупик, а сама Дума в таких условиях не могла сформировать сколько-нибудь прочного большинства и тяготела к конфликтности. В центре весенних споров впервые оказались вопросы, принципиальные для основ Третьеиюньской системы: печать, земство, взаимоотношения между властями. Речь шла о диаметрально противоположных взглядах на перспективы развития этих институтов. Официальный характер приобрел разрыв правительства с Думой, что не могло ни напомнить события времен Первой русской революции. Примечательно, что само по себе это не способствовало консолидации правительства или, в свою очередь, Думы. Однако опять встал вопрос о выборе: кого из них предпочтет верховная власть? В предыдущий раз выбор привел к акту 3 июня и созданию Третьеиюньской системы. Готова ли была верховная власть и представлявший ее Коковцов пойти на подобные меры?

4.3. Программа А.В. Кривошеина

Ожидание значительных внутривластных событий уже вполне овладело сознанием общественных кругов. Отмечалось общее оживление в стране. Кн. Е. Трубецкой характеризовал тенденции последних лет в деревне: «подъем благосостояния и поразительно быстрый рост новой общественности», приток интеллигенции и казенного финансирования. Публицист задавал вопрос: «Каков же будет результат? Перевоспитает ли правительство при помощи интеллигенции крестьян в благонамеренных мелких помещиков или же, наоборот, интеллигенция, за счет

---

⁴²⁶ Свет, 13 июля 1913 г.

правительственных ссуд, даст им революционное воспитание?». Трубецкой считал, что ни то, ни другое: «Без всякого сомнения, то новое движение, которое совершается теперь в деревне, готовит в близком будущем радикальный переворот, как социальный, так и политический. Мы присутствуем при росте будущей буржуазно-демократической России. В деревне нарождается могущественная мелкая буржуазия, по всему своему существу и складу одинаково чуждая как идеалам объединенного дворянства, так и социалистическим мечтаниям»⁴²⁷. Как отмечал Изгоев, аграрная реформа вызвала в деревне хаос: шел быстрый прирост, бурно развивалась кооперация, но усилилась земельная спекуляция; кулаки пока не стали опорой власти, земство поправело, но третий элемент остался оппозиционным⁴²⁸. Рабочий класс, на взгляд Изгоева, стал самостоятельной силой, и полицейская борьба с ним становилась невозможной. По мнению «Русской мысли», положение рабочих улучшалось, а растущее рабочее движение было спровоцировано инфляцией, связанной с экономическим подъемом. Рабочие по-прежнему прочно держались за социал-демократию, но сама она пребывала в безнадежной внутренней борьбе⁴²⁹.

Социально-экономические процессы (развитие экономики, рост грамотности, создание экономических и просветительских союзов) представлялись благоприятными. Однако политическая ситуация пока противоречила экономическим успехам. «Реакция господствует безраздельно. <...> Добром это не кончится. Следующий этап политической жизни уже намечается в общих очертаниях. Вопрос во времени и во внешних, способных ускорить или оттянуть события, обстоятельствах», – писал Изгоев⁴³⁰. «Русская мысль» предрекала, что в ближайшем будущем также должны были обостриться национальный и внешнеполитический

---

⁴²⁷ Трубецкой Е. Новая земская Россия // Русская мысль. 1913. № 12. II паг., с. 1–12.

⁴²⁸ На перевале // Там же. 1913. № 10. II паг., с. 160.

⁴²⁹ На перевале // Там же. 1913. № 4. II паг., с. 145–148; № 10. II паг., с. 160; Изгоев А. Летние забастовки // Там же. 1913. № 8. III паг., с. 1–3.

⁴³⁰ Изгоев А. Новое. Статья 1. Рабочий класс и социал-демократия // Там же. 1913. № 6. II паг., с. 106–107, 126.

вопросы⁴³¹. Правительственный национализм вызвал рост оппозиционных настроений не только в среде поляков, евреев, прибалтов и армян, но и немцев, грузин, мусульман⁴³². «Афонское дело» (насильственное выселение российскими властями нескольких сот монахов-имяславцев с Афона в Россию в июле 1913 г.) свидетельствовало и о кризисе церковного управления. «Все признаки свидетельствуют о том, что приближается Вальпургиева ночь. Прогрессивные творческие элементы не в силах теперь устранить поднимающиеся «клубы дыма». Все их усилия должны быть направлены на то, чтобы к тому моменту, когда дым рассеется, страна обладала большими кадрами влиятельных, знающих, смелых общественных деятелей, объединенных друг с другом в союзную силу», – утверждал Изгоев. На вопрос о путях достижения этой задачи журнал отвечал: «Из недавнего прошлого мы извлекаем много поучительных уроков. Самый ценный из них тот, что преобразование России не удалось из-за недостатка годных для того творческих общественных сил. <...> Деятели земских и городских самоуправлений, кооперативных и профессиональных организаций – вот где сердцевина российской демократии, призванной сменить отживший сословно-бюрократический старый порядок». Изгоев отмечал: «Можно находить правовое государство «бездушным», «холодным» и т.д., но нельзя не видеть, что на известной стадии общественного развития оно единственно возможное». Поэтому демократизация, наряду с религиозной реформацией, расценивались «Русской мыслью» как основные задачи страны⁴³³.

В июле во время Киевской сельскохозяйственной выставки планировался целый ряд общественных съездов⁴³⁴. Да и сама она благодаря состоявшейся речи главноуправляющего земледелием неожиданно получила политический эффект. Речь Кривошеина была произнесена «запросто», за

---

⁴³¹ На перевале // Там же. 1913. № 4. II паг., с. 145–148.

⁴³² На перевале // Там же. 1913. № 10. II паг., с. 160.

⁴³³ На перевале // Там же. 1913. № 4. II паг., с. 145–148.

⁴³⁴ Новое время, 23 июня 1913 г.

чаем в земском павильоне выставки. Он, в частности, сказал: «В таком огромном государстве, как Россия, нельзя всем управлять из одного центра, необходимо призвать на помощь местные общественные органы и силы, в распоряжение которых дать материальные средства. <...> Я уверен, что недалек тот час, когда настанет тесное сближение земств и моего ведомства. Россия сможет достигнуть благоденствия только тогда, когда мы забудем пагубное «мы» и «они», разумея под этим правительство и общество, как бы представляющие собой две самостоятельные силы, и будем говорить просто «мы», разумея под этим все население и ведомство». Меньшиков комментировал: «Кривошеин более всех министров имеет право мечтать о единодушии «их» и «нас». Во-первых, он сам лично, как человек талантливый и свежий, нимало не напоминает бюрократа: это человек общества, выдвинувшийся к власти серьезными общественными заслугами». По словам публициста, бюрократия считала, что «к западу от Вержболова» – совсем иное общество, а у нас – лишь чиновники первого-третьего классов. Меньшиков с грустью констатировал: «В путанице этих гнусных недоразумений оказалось потерянным целое столетие, если не полтора». Для изменения ситуации Меньшиков предлагал менять личный состав бюрократии, четко определять ее компетенцию. Начальник должен был стать примером труда (делался намек на Кривошеина), тогда власть в глазах общества приобретает «сверхъестественные свойства». «Вспомните Наполеона первого и Бисмарка», – утверждал публицист⁴³⁵.

После этой речи Кривошеина уверенно стали называть преемником Коковцова⁴³⁶. Кадетский рупор отметил: речь Кривошеина превзошла знаменитый доклад Витте от октября 1905 г.: «По своей неожиданности, по несоответствию действительным условиям жизни, по своему противоречию укорененным приемам власти она представляется замечательной, лучше сказать – невероятной. <...> За последнее время нам не раз приходилось

---

⁴³⁵ Там же. 16 июля 1913 г.

⁴³⁶ Голос Москвы, 5, 12 сентября 1913 г. В качестве преемников Коковцова назывались также Горемыкин и Барк (Русское слово, 31 августа 1913 г.).

отмечать, что власть отлично понимает, куда ведет принятый курс. Лишний раз своей речью это подтвердил А.В. Кривошеин»⁴³⁷. «Голос Москвы», отныне явно ставивший на Кривошеина, не мог не указать, что теперь отставки Коковцова желал все – от либералов до кн. Мещерского⁴³⁸. «Свет» хвалил выступление, но отмечал, что даже в ведомстве самого Кривошеина разделение еще пока не было до конца преодолено⁴³⁹. Сам Мещерский вместе с тем отмечал, что оба враждебных лагеря не имеют позитивной программы⁴⁴⁰. Кроме того, «они», по мнению князя, это лишь интеллигенция, чьей главной целью является антиправительственная пропаганда, а не общество, которое «есть исключительный поставщик правительственного личного состава» и чье отношение к правительству зависит от самого правительства и его политики. Разъединение лишь усилилось после 17 октября, когда правительство оказалось разъединено и попало в зависимость от политиканства, теперь оно должно было терпеть «властолюбивые капризы Шингаревых» и «оппозиционную болтовню беспринципной печати»⁴⁴¹.

Как на речь Кривошеина реагировали думцы? Могла ли она изменить их настроения? События последующих месяцев показали, что партии готовы были прислушиваться к голосам членов правительства. Однако и самим партиям надо было сформировать свои стратегии. Среди кадетов настроения оказались весьма разнохарактерными. Они отмечали противоречия правительственной политики в отношении бурно развивавшейся кооперации. Как сообщалось, Главное управление по делам мелкого кредита содействовало ее развитию, а местная администрация препятствовала. «Реакция бессильна. В этом спасение России. <...> Киевский кооперативный съезд для кооперативов пусть будет прежде всего серьезным деловым собранием. Но для всей России он в то же время является праздником и

---

⁴³⁷ Речь, 10 июля 1913 г.

⁴³⁸ Голос Москвы, 5, 12 сентября 1913 г.

⁴³⁹ Свет, 12 июля 1913 г.

⁴⁴⁰ Дневник // Гражданин. 1913. № 27. С. 11.

⁴⁴¹ Там же. № 28. С. 11–12.

источником веры в лучшее будущее», – отмечали «Русские ведомости»⁴⁴². Шаховской призывал кадетов к участию в предстоявшем 1–10 сентября сельскохозяйственном съезде и сетовал, что кадетская позиция в этом не была продумана заранее⁴⁴³. В кадетской прессе предлагалось создать кооперативный союз⁴⁴⁴. Рост кооперативного движения и настроения кооперативного съезда давали возможность полагать, что новая революция, если она вообще будет, станет не «хаотичной, кровавой, стихийно-бунтарской», не «самоубийственным калечением и затоптанием государственных сил», а гораздо более организованной⁴⁴⁵.

«Речь» писала: «Вопросы самоуправления выступают теперь на первый план»⁴⁴⁶. В это же время кадет Д.Д. Протопопов писал Челнокову: «Ключи от русского счастья зарыты на ниве русского самоуправления. Без местной свободы не будет общей свободы. Без местных деятелей не будет государственных. Их гор. и земской среды должны выйти те, кто когда-нибудь сметет тех шутов гороховых, которые нами теперь помыкают. Города и земства – это государства в государстве и они призваны стереть главу змия»⁴⁴⁷. О Милюкове Протопопов отзывался так: «Ясно, что он не политик, прежде всего. И не лидер. Одно недоразумение...»⁴⁴⁸. Сам Челноков писал Шингареву о необходимости новой линии партии, предполагавшей деловое соглашение в Думе при сохранении принципиальной позиции. Шингарев отвечал ему: «Ваши предположения о новой линии для оппозиции весьма важны, и я не прочь сказать, что они даже пригодны, но думаю, что их следует обсудить весьма подробно и детально. В результате ведь получается довольно противоречивая комбинация соглашения с большинством по массе мелочей и самая резкая форма борьбы по существенным пунктам. Первая часть не прибавит нам ни лавров, ни влияния в стране, вторая хороша только

---

⁴⁴² Русские ведомости, 1 августа 1913 г.

⁴⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 928. Л. 1202. Кн. Д.И. Шаховской – кн. П.Д. Долгорукову, 24 августа 1913 г.

⁴⁴⁴ Езерский Н. Очередные задачи кооперации // Русские ведомости, 1 августа 1913 г.

⁴⁴⁵ Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 10. С. 354–364.

⁴⁴⁶ Речь, 10 сентября 1913 г.

⁴⁴⁷ ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 489. Л. 2об. 14 сентября 1913 г.

⁴⁴⁸ Там же. Д. 309. Л. 1об. 12–13 августа 1913 г.

при успехе, но ведь он то мне и представляется проблематичным. Впрочем все это я говорю только теоретически. Весьма возможно, что в ряде практических вопросов большой важности и можно будет выступать даже с обструкцией. В этом способе есть один огромный недостаток, который мне всегда казался настолько серьезным, что уничтожал его достоинства. Вся вина неспособности Думы дать настоящие, реальные блага для народа, вся ее «неработоспособность» в политическом смысле до сих пор приводилась исключительно на долю правящего большинства и правящих кругов бюрократии. В этом был огромный выигрыш для нас, а главное – для сознания и политического настроения страны. Нельзя давать вырвать такой козырь из рук оппозиции – ибо он – жгучая потребность народных нужд. При обструкции – так легко всю свою немощь и все свое скрытое стремление назад свалить на голову обструктантов. И это хуже всего. Обструкция только тогда хороша, когда ее причины понятны очень широким массам, захватывают их кровные интересы. Будут ли такие случаи у нас, и те, которые будут, представятся ли именно такого рода случаями – это увидим осенью и тогда обсудим совместно»⁴⁴⁹.

С выходом на сцену Кривошеина о своей принципиальной позиции вспомнили и октябристы, своими действиями указывавшие ему вектор будущей политической программы. Ко второй годовщине покушения на Столыпина 1 сентября 1911 г. была приурочена церемония открытия в Киеве памятника премьер-министру, предполагалось присутствие практически всего правительства и парламентских кругов. Коковцов намеревался встретиться с депутатами – националистами и октябристами – по вопросу формирования большинства⁴⁵⁰. Однако октябристы были настроены пессимистично: «Столыпин умер, и с его «политикой» <...> покончили скорее, чем можно было ожидать»⁴⁵¹. Октябристы заранее отрицали возможность достижения соглашения с националистами на киевском

---

⁴⁴⁹ Там же. Д. 489. Л. 1об.–2об. 8 августа 1913 г.

⁴⁵⁰ К предстоящему совещанию // Утро России, 3 сентября 1913 г.

⁴⁵¹ Памяти Столыпина // Голос Москвы, 1 сентября 1913 г.

совещании 3 сентября, поскольку оно носило неофициальный характер, не предполагало разработки программы объединения, не включало членов Государственного совета. «В этом вся трагедия четвертой Думы, что ни при каких условиях, ни при каких комбинациях в ней нельзя создать постоянного абсолютного большинства. <...> Попытка правительства «создать послушную Думу» окончилась полной неудачей, а хитроумный план Владимира Карловича Саблера потерпел совершенно исключительное поражение», – заявлял «Голос Москвы»⁴⁵². В результате в Киеве Гучков отказался идти на банкет националистов, после чего остальные октябристы тоже уклонились от него, и никаких консультаций вообще не состоялось⁴⁵³. Позднее октябристский рупор отмечал, что стремление националистов к соглашению с правыми после провала киевского совещания «свидетельствует о намерении партии г. Балашова окончательно отрешиться от всяких признаков «конституционности», от всего, что когда-то связывало ее со Столыпиным»⁴⁵⁴. Партийный лидер отмечал «резко оппозиционное настроение» октябристов и констатировал: «От борьбы с безудержным радикализмом приходится перейти к борьбе с реакцией»⁴⁵⁵. 26 августа на заседании ЦК под председательством Гучкова был намечен срок созыва IV съезда партии (7–10 ноября) для разработки стратегического курса партии⁴⁵⁶.

«Речь» писала об октябристском курсе: «Октябризм остается тем же, чем был. Также, как и прежде, ему свойственны качания по направлению господствующего ветра, также, как и прежде, он готов идти на соглашения и блоки»⁴⁵⁷. По справедливому мнению кадетов, желания октябристов и националистов создать блок наткнулись на отсутствие программы у правительства⁴⁵⁸. Еще одной причиной невозможности соглашения

---

⁴⁵² На повороте // Там же. 3 сентября 1913 г.

⁴⁵³ Там же. 7 сентября 1913 г.

⁴⁵⁴ Самоопределение // Там же. 19 сентября 1913 г.

⁴⁵⁵ Новое время, 15 октября 1913 г.

⁴⁵⁶ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 404–405.

⁴⁵⁷ Речь, 1 сентября 1913 г.

⁴⁵⁸ Там же. 3 сентября 1913 г.

назывался разброд в октябристской среде⁴⁵⁹. Его причины объяснялись следующим: Гучков тянул партию и фракцию влево, торгуясь с Кривошеиным, но остальные октябристы, наученные горьким опытом последних выборов, не были готовы к столь рискованным шагам. Кроме того, в отличие от Гучкова, не могли не опасаться за свои места в Думе. Гучков даже готов был переступить через память Столыпина. Его потенциальные союзники кадеты критиковали речь Балашова у памятника премьеру, в которой он назывался «народным героем»: «Спора нет: в Столыпине были черты, не встречающиеся в его эпигонах. В нем была внушительность, была серьезность, был порыв – вспыхивал порою талант. В.А. Маклакову не пришло бы в голову применить к нему эпитет «государственного шалуна». От этого, однако, до «народного героя» еще очень далеко. Представим себе на минуту, что Столыпин ушел бы в отставку после конфликта по вопросу о западном земстве. Дело его жизни в то время было уже сделано, последние месяцы ничего не прибавили. Но кому бы тогда пришла мысль воздвигать ему статую?..»⁴⁶⁰. «Речь» выражала беспокойство по поводу разработки правительством и националистами проектов реформы местного самоуправления⁴⁶¹.

Только когда появились признаки созревания раскола у октябристов, «Речь» высказывалась положительно: «Очевидно октябризм, искренне или неискренне, под давлением общественного мнения начинает эволюционировать»⁴⁶². «Голос Москвы» в унисон с кадетской газетой призывал октябристов не бояться раскола. «Пусть фракция проиграет от этого количественно – она выиграет качественно, освободившись от своих злых гениев, так настойчиво кренивших ее вправо. Ведь теперь все недоговоренное сказано, маски сняты и карты раскрыты. Под маской национализма оказалась неприкрытая хвостовщина, а в руках у г. Балашова –

---

⁴⁵⁹ Русские ведомости, 4 сентября 1913 г.

⁴⁶⁰ Набоков В. Чувство меры // Речь, 8 сентября 1913 г.

⁴⁶¹ Речь, 10 сентября 1913 г.

⁴⁶² За неделю // Там же. 9 сентября 1913 г.

тузы и короли реакции»⁴⁶³. Однако «Голос Москвы» шел дальше, он писал: «Настоящий момент исключительно удобен для заключения оппозиционного блока». Сообщалось, что, несмотря на медлительность кадетов, октябристы готовы к соглашению даже ценой ухода от них правого крыла⁴⁶⁴. «Голос Москвы» призывал правых октябристов определиться быстрее, поскольку националисты уже договорились с правыми, и «мостик между правыми октябристами и гг. Хвостовыми, таким образом, перекинут»⁴⁶⁵. Октябристы предлагали кадетам соглашение на базе совместной законодательной программы, Милюков молчал, и октябристы намекали на необходимость активности других лидеров фракции⁴⁶⁶. Готовясь к расколу, «Голос Москвы» пророчил: «Несомненно, мы сейчас переживаем интереснейший момент общественного подъема, пришедший на смену затянувшемуся периоду равнодушия и безразличия». Признавалось, что дело заключалось не в полевении страны, а в поправении правительства, хотя его меры, по мнению «Голоса Москвы», были бессильны⁴⁶⁷. Комментируя подобные призывы, кн. Мещерский считал, что Гучков вознамерился «сделаться русским Кромвелем» на волне новой революции. Однако, иронизировал князь, среди октябристов не было ни одного «фанатика идеи», а «с такими исполнителями не то что политического заговора не проведешь, но простой каши не сварить», сам же Гучков – «заговорщик, про которого всякий извозчик знает, что он хочет сокрушить правительство». Мещерский заключал: «Гучков в своей наивности воображает, что он в одно и то же время может и целоваться с Коковцовым, как он целовался со Столыпиным, и на улице болтать про свои антиправительственные замыслы. <...> На обоих поприщах он не сумел сделать главного – внушить к себе доверие». Как отмечал

---

⁴⁶³ Самоопределение // Голос Москвы, 19 сентября 1913 г.

⁴⁶⁴ Очередные вопросы // Там же. 1 октября 1913 г.

⁴⁶⁵ Думские перегруппировки // Там же. 22 октября 1913 г.

⁴⁶⁶ Соглашения // Там же. 9 октября 1913 г.

⁴⁶⁷ Настроения // Там же. 27 сентября 1913 г.

Мещерский, октябристская тактика всегда заключалась в подстрекательстве и уходе в тень. Поэтому министерский пост для Гучкова был недостижим⁴⁶⁸.

Киевские мероприятия прошли бурно не только из-за поведения октябристов. Сельскохозяйственный съезд заявил о провале аграрной реформы и потребовал передачи землеустройства земствам и создания волостного земства. Кадетская печать активно поддержала требования⁴⁶⁹. Кадеты критиковали думских помещиков за нежелание проводить земскую реформу, которая бы их ослабила⁴⁷⁰. «Утро России» также выступало за усиление уездного земства, но отмечало, что губернские земства в таком усилении не нуждаются, поскольку после создания Думы более не имеют роли «областных парламентов»⁴⁷¹. Городской съезд в свою очередь выступил с критикой власти и земств. Съезд резко критиковал политику земства, выступил за снятие с городов земских повинностей, потребовал установить, по крайней мере, пятипроцентный предел для земского обложения городской недвижимости. Государственные проекты поддержки городских самоуправлений расценивались как недостаточные⁴⁷². Гучков огласил на съезде проект резолюции, предлагавшей коренную реформу городского положения, что «встречает самые серьезные препятствия при современных политических условиях <...> при тяжелом состоянии законодательного творчества и глубоком расстройстве управления и при существующем отношении правительственной власти к органам самоуправления». Полиция закрыла съезд, но собрание единодушно поддержало резолюцию. Гучков дал интервью «Вечернему времени»: «В стране господствует резко-оппозиционное настроение. Все общественные деятели без различия партий сходятся на тяжелом приговоре над центральным правительством и его местными представителями. Я лично убедился в этом из разговоров с

---

⁴⁶⁸ Дневник // Гражданин. 1913. № 40. С. 13–14.

⁴⁶⁹ Речь, 13 сентября 1913 г.; Русские ведомости, 11 сентября 1913 г.

⁴⁷⁰ Гронский П.П. Государственная дума и земская реформа // Русские ведомости, 17 января 1914 г.

⁴⁷¹ Бюрократизация земств // Утро России, 7 февраля 1913 г.

⁴⁷² Голос Москвы, 14, 17 сентября 1913 г.

людьми самых разнообразных слоев, положений и профессий. Рассказы о всяких беззакониях, чинимых местными властями, о том, что на них нельзя найти никакой управы у центрального правительства, несутся со всех сторон. Политика правительства времен Коковцова с его застоем в законодательной работе, с ее расстройством всего управления не встречает ни в ком поддержки. Большую роль в этом общем озлоблении сыграла, несомненно, избирательная политика, которая велась правительством»⁴⁷³. Выступление Гучкова, как отмечала «Речь», «представляет выдающийся политический интерес», хотя все им указанное имело место и при Столыпине⁴⁷⁴. «Русские ведомости» были столь же оптимистичны: «Пора общественной подавленности миновала». Съезды были оценены как «одно из самых знаменательных общественных событий последнего времени»⁴⁷⁵. Гучков, по мнению газеты, наконец, почувствовал желания страны: «Это – простое естественное движение проснувшегося человека, который во сне не чувствовал, что задыхается от отсутствия воздуха и который, очнувшись, стремится открыть форточку». В то же время, как отмечалось, окончательно пропала надежда на сотрудничество с властью⁴⁷⁶.

20 сентября на заседании МОЦК кн. Д.И. Шаховской сообщал о впечатлениях от киевских съездов. Он считал верным характеристику, выраженную Гучковым и вошедшую в резолюцию городского съезда: «полное разложение власти» и «подъем общественного негодования во всех слоях населения от крестьян до землевладельческих кругов». Шаховской был в ударе: «Настоящее положение страны очень серьезно. Правительство находится в состоянии маразма, население это понимает, не верит в него, но не знает, чем его заменить. Переворот в настроении общества колоссальный». Шаховской утверждал, что все партии правее и левее кадетов были скомпрометированы, и поэтому общество ждало программы действий

---

⁴⁷³ Там же. 21 сентября 1913 г.

⁴⁷⁴ Речь, 21 сентября 1913 г.

⁴⁷⁵ Русские ведомости, 21 сентября 1913 г.

⁴⁷⁶ Там же. 22 сентября 1913 г.

именно от кадетов. Одновременно он констатировал необходимость участия партии в кооперативном движении и опасность упустить национальное движение. Не без эйфории Шаховской настаивал: «Ближе подойти к народным массам. Они умеют теперь нас слушать. Кооперативный съезд показал, что это движение чисто к.-д.-ское, так как выполняет программу к.-д.». Итог для самой партии, тем не менее, был неутешителен: «Нарастающее движение нужно сдерживать, но свои центральные учреждения необходимо подстегивать». Долгоруков констатировал отсутствие интереса к национальному движению в кадетской среде, Астров – неспособность возглавить рабочее движение. В результате были розданы поручения заняться аграрным и национальным вопросами, отношениями с рабочими и торгово-промышленными служащими⁴⁷⁷.

Как писала «Речь», «рост оппозиционного настроения составляет основной фон общественной и политической жизни»⁴⁷⁸. Но, по мнению кадетов, октябристы пока не перешли в оппозицию: «они от одного берега отстали, а к другому не пристали»⁴⁷⁹. 20 сентября и 5 октября кадетский ЦК обсудил ситуацию в стране. «Речь» сообщала, что В. Маклаков и Гучков договорились о «прогрессивном блоке», в чем не находила ничего нового, кроме того, что почвой для него была лишь земско-городская реформа. Гучков открыто настаивал на сугубо отрицательной программе, не предполагавшей какого бы то ни было отказа от партийных программных положений. «Речь» расценивала это значительным прогрессом для октябристов, но напоминала, что это не являлось мнением всей фракции, поскольку она «есть совокупность личных карьер, так или иначе проходящих свой стаж в Государственной думе». В случае раскола октябристов могла возникнуть новая партия, но она не имела «нового социального базиса», а потому ее «принципиальные разногласия с к.-д. как партией строгого и последовательного демократизма, останутся не менее значительными, чем

---

⁴⁷⁷ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 219–221.

⁴⁷⁸ За неделю // Речь, 23 сентября 1913 г.

⁴⁷⁹ Русские ведомости, 26 сентября 1913 г.

они есть в настоящее время»⁴⁸⁰. Между тем, положение кадетов в таком свете также становилось достаточно щекотливым: партия теряла инициативу и направление действий, правое крыло получало дополнительный вес. В сентябре пошли слухи о распаде кадетов на радикально-демократическую и национально-либеральную партии⁴⁸¹. «Речь» упорно опровергала эти слухи⁴⁸².

На самом деле ситуация действительно была непростой. На пленарном заседании кадетского ЦК 5 октября Шаховской предложил «выяснить социальный базис партии» и ее «идеологические основы»; в частности, он настаивал на том, чтобы «вновь пересмотреть пункт нашей программы о монархии, выяснить существо правового строя, основания нашей аграрной программы», а также обновить ЦК. Фактически Шаховской призывал кадетов стать социалистической партией. Некрасов определил верно: «Выяснение социального базиса и постановка точек над «i» может повести к расколу партии и вызвать необходимость созыва полноправного съезда». В такой ситуации Милюков не стал возражать перед необходимостью «демократизации» партии, и в результате решения предыдущего заседания были подтверждены⁴⁸³. Милюкову вполне достаточно было уже того, что даже Шаховской признавал: «Партийный съезд невозможен»⁴⁸⁴. Организационный кризис в партии ни для кого уже не являлся ни секретом, ни новостью⁴⁸⁵. Кроме того, партия фактически признала сама себя финансовым банкротом⁴⁸⁶. Собрание также высказалось за соглашение с октябристами, против чего категорически возражал Милюков, однако он оказался в незначительном меньшинстве. Челноков, Кишкин, Комиссаров и

---

⁴⁸⁰ Речь, 28 сентября 1913 г.

⁴⁸¹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 8. С. 7.

⁴⁸² Речь, 2 октября 1913 г.

⁴⁸³ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 225–228.

⁴⁸⁴ Там же. С. 225. 5 октября.

⁴⁸⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 928. Л. 1218, 1220. Письма присяжного поверенного С.Я. Розенбаум (СПб.) и Н. Вторых (Рига) О.А. Зерновой (МОЦК), 4 декабря 1913 г.

⁴⁸⁶ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 245–246.

даже Шаховской выступили за соглашение с целью проведения земской и городской реформ⁴⁸⁷.

Прогрессисты отмечали эволюцию влево не только октябристов, но и националистов, и упрекали кадетов в партийной непримиримости⁴⁸⁸. Для этого были все основания: 20 августа, несмотря на утверждение устава товарищества газеты «Русская молва» (в составе Д.Д. Протопопова, А.И. Коновалова и Д.Д. Посполитаки)⁴⁸⁹ и объявленную подписку до конца года, рупор кадетско-прогрессистского сближения закрылся; он не получил широкой поддержки, основная цель достигнута не была. «Утро России» открыто призывало конституционных демократов к смене лидера (вместо Милюкова предлагалось поставить Маклакова) и сближению с прогрессистами⁴⁹⁰. (Сам Маклаков в это время был занят защитой Бейлиса, что только способствовало росту его авторитета у всей оппозиции.) Однако у самих прогрессистов имели место организационные проблемы. Еще 28 сентября московский комитет прогрессистов постановил сосредоточить усилия партии на отстаивании интересов торгово-промышленников, а на совещаниях прогрессистов и кадетов накануне сессии после жарких дискуссий было решено равняться на октябристов и не проводить слишком радикальной линии⁴⁹¹. Правые прогрессисты (Ефремов, Н.Н. Львов) боялись блока с кадетами, опасаясь их усиления. Ефремов признавал возможность ухода части прогрессистов к октябристам в случае перехода тех в оппозицию⁴⁹². Но уже 5 октября широкое совещание прогрессистов высказалось за то, что «бояться роспуска Думы ни в коем случае не следует» и что «в таком случае страна путем новых выборов определеннее выявит свое оппозиционное направление»⁴⁹³. Возможность соглашения с

---

⁴⁸⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. т. 1. Л. 60–61.

⁴⁸⁸ Равнение // Утро России, 28 сентября 1913 г.

⁴⁸⁹ Русская молва, 7 мая 1913 г.

⁴⁹⁰ Ничего // Там же. 1 октября 1913 г.

⁴⁹¹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 8. С. 13–14.

⁴⁹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. т. 1. Л. 61.

⁴⁹³ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 317.

октябристами отвергалась самой думской фракцией⁴⁹⁴. 6 октября состоялось совещание прогрессистов (Ефремова, Ковалевского, Титова, Посникова и др.) и кадетов (Милюкова, Шингарева, Челнокова, Гредескула, Некрасова, Колюбакина и др.). Общим мнением была невозможность положительной законодательной работы в Думе и неспособность оппозиции противостоять проведению «вредных для страны» законопроектов. Однако решение было перенесено на конец октября⁴⁹⁵. Во-первых, сами кадеты не были едины в этом вопросе, во-вторых, серьезные события назревали в октябристской среде.

По мере приближения второй сессии IV Думы вопрос конкретных взаимоотношений с правительством вставал все более отчетливо. На киевских торжествах Рухлов и Кривошеин сообщили националисту В.Я. Демченко, что будут присутствовать на открытии сессии. В то же время Коковцов на тот же вопрос ответил отрицательно и намекал Родзянко на возможность роспуска Думы⁴⁹⁶. Он также, вслед за Маклаковым, отказался предоставить Родзянко материалы выборного производства по ряду губерний⁴⁹⁷. «Голос Москвы» сообщал слухи о том, что в августе в салоне гр. Игнатъевой была составлена и направлена в высшие сферы записка о необходимости отставки Коковцова. Планировалось возвести Коковцова в графское достоинство (что было весьма просто при отсутствии у него детей)⁴⁹⁸. Но кадетский рупор сомневался в перспективе отставки Коковцова, поскольку тот не определял политического курса, а речь Кривошеина в сферах якобы «вызвала суровую оценку» и «была встречена очень неблагоприятно»⁴⁹⁹. По думским сведениям, наоборот, в Ливадии в сентябре Коковцов перед поездкой за границу получил заверения императора в

---

⁴⁹⁴ Там же. С. 320.

⁴⁹⁵ Там же. С. 319–320.

⁴⁹⁶ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 8. С. 3–5.

⁴⁹⁷ Голос Москвы, 13 сентября 1913 г.

⁴⁹⁸ Там же. 19 сентября 1913 г.

⁴⁹⁹ Речь, 12 сентября 1913 г.

прочности своего положения, о чем стало известно депутатам. Маклаков в борьбе с ним якобы потерпел поражение⁵⁰⁰. Газеты также подтверждали слухи об укреплении положения Коковцова⁵⁰¹. В то же время в личной беседе с Маклаковым Савенко получил четкое желание министра распустить Думу. Поведение премьера и министра внутренних дел вызывало протест. На местах же, по мнению депутатов – националистов и октябристов, действия власти были основаны «даже не на произволе, а на прямом самодурстве», а общественность все более приобретала кадетские настроения⁵⁰². В этой связи большинство националистов выступало за коррекцию политики фракции и даже за раскол, если руководство будет и далее ориентироваться на правых⁵⁰³.

Между тем, ведомства рапортовали о значительных успехах в подготовке законодательства. МВД намерено было внести в Думу законопроекты о печати, обществах и союзах, изменениях в закон о западном земстве, северо-западном и архангельском земстве, петербургском водопроводе и канализации⁵⁰⁴. В МВД шла подготовка новой земской реформы (она предполагала отмену сословных курий и понижение ценза в 2 раза, весной проект был внесен в Совет по делам местного хозяйства), западно-сибирского, прибалтийского и польского земства (сообщалось о том, что материалы по большей части собраны и разработка законопроектов должна была начаться), городской реформы (с начала 1914 г. после сбора сведений планировалось начать разработку законопроекта и завершить его не ранее, чем к 1915 г.; планировалось создать систему городских разрядов на прусский манер), проекта улучшения городских финансов⁵⁰⁵. Еще 29 апреля Думе был представлен правительственный законопроект о крестьянском

---

⁵⁰⁰ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 8. С. 9–11, 13.

⁵⁰¹ Слухи // Утро России, 2 октября 1913 г.

⁵⁰² Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 8. С. 3–5.

⁵⁰³ Там же. С. 5–6.

⁵⁰⁴ Новое время, 15 октября 1913 г.

⁵⁰⁵ Там же. 16 октября 1913 г.

равноправии⁵⁰⁶. Коковцов выступал за отмену сословных ограничений для крестьян⁵⁰⁷, и в этом вопросе имел поддержку остальных ведомств. Участвующий в разработке реформ чиновник МВД прогнозировал уход «просвещенного» землевладельца из деревни и его замену на кулака, что требовало пересмотра земского избирательного ценза с сословного на имущественный (разрядный)⁵⁰⁸. Заканчивалась подготовка законопроекта о сельском общественном управлении и паспортного устава. Законопроект о холмском земстве планировали внести уже весной 1914 г. Также планировалось созвать земско-городской съезд для подготовки законопроекта о призрении подкидышей. МВД намеревалось подготовить «в ближайшем будущем» реформу уездного правления (с учетом изменений низших учреждений), после чего ведомство собиралось приступить к губернской реформе⁵⁰⁹.

Министерство финансов собиралось внести в палаты законопроект о пенсиях гражданских служащих⁵¹⁰, а также передавало в междуведомственную комиссию пересмотренный устав крестьянского банка (в связи с введением мелкого кредита)⁵¹¹. МТП вносило правила о предпринимательских объединениях⁵¹², а также закончило разработку законопроектов об изменении акционерного законодательства и о защите труда женщин и подростков⁵¹³. МНП предполагало внести законопроект о всеобщем начальном обучении, Синод – положение о приходе, генерал-губернатор Великого княжества Финляндского – законопроект о введении русского языка в финляндское делопроизводство⁵¹⁴.

---

⁵⁰⁶ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. IV созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. СПб., 1913. С. 255.

⁵⁰⁷ Новое время, 26 июня 1913 г.

⁵⁰⁸ Там же. 30 октября 1913 г.

⁵⁰⁹ Там же. 16 октября 1913 г.

⁵¹⁰ Там же. 15 октября 1913 г.

⁵¹¹ Там же. 26 июня 1913 г.

⁵¹² Там же. 15 октября 1913 г.

⁵¹³ Там же. 26 июня 1913 г.

⁵¹⁴ Там же. 15 октября 1913 г.

«Речь», однако, считала, что в правительственной программе не было никакой последовательности: «Программы наших министров идут мимо этого, и потому они так утомительно однообразны в своем нестройном разнообразии и так похожи одна на другую с точки зрения безнадежности результатов»⁵¹⁵. Правительство внесло в Думу законопроект о полицейской реформе, который даже Шингарев признал «блестяще» разработанным, но при Маклакове, как считалось, проект должен был стать Вавилонской башней, «которая при обращении в закон рухнет и задавит всю русскую государственность»⁵¹⁶. По сведениям «Речи», МВД якобы отказалось от волостной реформы и решило заменить волость приходом⁵¹⁷. Правительственный проект земской реформы, по мнению кадетов, предполагал создание такого земства, которое было выгодно самому правительству⁵¹⁸. Понижение земского ценза в 2 раза кадетов не устраивало – предлагалось создать бессловное земство⁵¹⁹. Однако, как в свою очередь отмечал «Гражданин», губернское земство по причине кризиса дворянства давно превратилось в узкий круг политиканов, контролирующих земскую кассу; его нужно было упразднить, чтобы одновременно усилились губернаторская власть и земство уездное⁵²⁰. Мещерский предлагал определить, наконец, «что такое земские учреждения – частная антреприза, увеселительное заведение или часть государственного механизма». Если земства не были частью государственного аппарата, то ассигнования, по мнению князя, являлись бессмысленными, ибо тратились бесконтрольно. Мещерский предлагал ввести в земство чиновников, хотя и сомневался в том, что либеральная бюрократия на это пойдет⁵²¹.

4 сентября Совет министров обсудил порядок прохождения дел по ведомству Синода. По поводу планов правительства в отношении 65-й статьи

---

⁵¹⁵ Речь, 26 сентября 1913 г.

⁵¹⁶ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 8. С. 10.

⁵¹⁷ Речь, 12 сентября 1913 г.

⁵¹⁸ Русские ведомости, 12 июля 1913 г.

⁵¹⁹ Там же. 3 августа 1913 г.

⁵²⁰ Дневник // Гражданин. 1913. № 38. С. 11.

⁵²¹ Дневник // Гражданин. 1913. № 29. С. 12–13; Дневник // Гражданин. 1913. № 31. С. 11.

Основных законов «Речь» отмечала: «Если новый эксперимент удастся, то это будет крупный шаг к восстановлению того правового хаоса, того смешения законодательства с управлением, которое составляло язву старого строя»⁵²². В думских кулуарах Маклакова обвиняли в плане прекратить печатание думских стенограмм и подвергать думские отчеты в газетах предварительной цензуре⁵²³. В октябре Маклаков якобы запросил Сенат о том, распространяются ли на депутатов решение Сената от 30 сентября 1908 г. о запрете занимать государственные должности членам противоположенных партий. Первый департамент не смог решить вопроса: 5 сенаторов поддержали мнение министра, 4 – нет, на том основании, что депутаты свободны в мнениях. Дело было передано на первое общее собрание Сената⁵²⁴. «Речь» также сообщала о планах Маклакова реформировать Думу⁵²⁵. «Новое время» писало, что проект, подготовленный «одним из министров», сводился к восстановлению права императора одобрять мнение большинства или меньшинства Думы; при этом сообщалось, что Щегловитов опровергал наличие подобных планов у правительства⁵²⁶. Но, по сведениям Нейдгарта, роспуск Думы был «весьма возможен» и правительство не намеревалось присутствовать при открытии сессии⁵²⁷. Мещерский предлагал в случае радикализации Думы проводить законы по 87-й статье, а в период рождественских вакаций утвердить новый порядок законодательства⁵²⁸.

Между тем, даже в кадетских кругах отмечалось: «Отношение населения к парламенту индифферентное. <...> Руководящие слои населения не имеют плана действия, тогда как в 900-х годах такой план был»⁵²⁹, «Гос. Дума не производит впечатления»⁵³⁰. С этим, в частности, соглашался и

---

⁵²² Речь, 4 октября 1913 г.

⁵²³ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 8. С. 14–15.

⁵²⁴ Речь, 17 января 1914 г.

⁵²⁵ Там же. 20 сентября 1913 г.

⁵²⁶ Новое время, 15 октября 1913 г.

⁵²⁷ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 31а.

⁵²⁸ Дневник // Гражданин. 1913. № 39. С. 12–13.

⁵²⁹ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 253. Совещание ЦК, декабрь 1913 г.

⁵³⁰ Там же. С. 259. 30 января 1914 г.

Гредескул: «Интерес к 4-й Думе чрезвычайно слаб»⁵³¹. Благополучный роспуск оппозиционного чешского сейма, состоявшийся незадолго до того (летом 1913 г.), не мог не восприниматься как прецедент. Внешнеполитическая ситуация также могла дать повод для проявления строгости (5 октября Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум по албанскому вопросу, что резко осложнило и без того напряженную ситуацию на Балканах). Внутриполитический фон также не был безмятежен. По численности стачек и их участников в 1913 г. Россия вышла на первое место в мире, превзойдя Германию (хотя интенсивность и успешность забастовок была очень невелика: по числу потерянных дней на одного забастовщика Россия в 3 и более раз уступала европейским странам, а число завершившихся в пользу рабочих стачек постоянно снижалась, составив в 1913 г. только 32 %, а в 1914 г. – менее 20 %). Политические стачки составили около 60 % от общего числа (немного ниже, чем в 1912 г.)⁵³². 25 сентября «Голос Москвы» вышел с целой страницей, посвященной рабочему движению⁵³³. Полиция отмечала рост стачечного движения до уровня 1905 г., но отрицала связь забастовок с социалистическими или либеральными партиями. Основную роль играли профсоюзы⁵³⁴. Вопрос о забастовках в Совете министров был рассмотрен еще 8 августа. Маклаков настаивал на ужесточении мер. Хотя Тимашев и отрицал чрезвычайный характер событий, но уже 24 октября по вопросу о забастовках было решено создать междуведомственное совещание⁵³⁵.

«Атмосфера тревожная, как будто накануне гражданской войны», – записал в дневник В.И. Вернадский⁵³⁶. Однако Струве объяснял полевение правительственными мерами – произволом и нежеланием опираться на

---

⁵³¹ Там же. С. 223. 5 октября.

⁵³² Арутюнов Г.А. Ук. соч. С. 382, 388–389.

⁵³³ Рабочее движение в Москве // Голос Москвы, 25 сентября 1913 г.

⁵³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 220. Л. 5–6об. Записка С.-Петербургского охранного отделения. 3 октября 1913 г.

⁵³⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 323–325, 419–424.

⁵³⁶ Вернадский В.И. Пережитое и передуманное. М., 2007. С. 62. 9 октября 1913 г.

общественность, что провоцировало «великие потрясения»⁵³⁷. Кадеты, хоть и выражали полную солидарность с забастовщиками, но признавали экономический характер подавляющего большинства забастовок⁵³⁸. Как полагал Алексеенко, дело было не в полевении, а в том, что «на местах тяготятся неопределенностью и широкими правами представителей администрации, и с нетерпением ждут определенных законов»⁵³⁹. Меньшиков признавал полевение страны, вызванное ошибками правительства, но считал, что «до революции отсюда еще далеко»⁵⁴⁰. Балашов отмечал, что «нервозность» первой сессии не изменила настроений националистов, которые по-прежнему были готовы к соглашению с правительством⁵⁴¹. «Гражданин» также полагал, что «Россия не левет, а тоскует по власти»⁵⁴². Как отмечал Мещерский, в правительстве были лишь две крупные фигуры – Маклаков и Кривошеин, лишь они свои интересы подчинили государственным. «Полную противоположность им обоим представляет в Совете министров крупный Икс, про которого все знают, что у него всегда и везде выше интересов дела стоят интересы личные», а потому, как отмечал публицист, он был даже опаснее Гучкова. Мещерский подводил итог: «Такого второго положения политического я на своем веку не запомню»⁵⁴³.

15 октября открылась вторая сессия Государственной думы IV созыва. Кадеты внесли спешный запрос о преследовании печати (в основном, упоминались социалистические издания). 149 голосами против 106 он был принят⁵⁴⁴. 18 октября 156 голосами против 119 прошел спешный запрос о закрытии 8 марта ряда собраний⁵⁴⁵. Одновременно откладывались запросы

---

⁵³⁷ Струве П. Политические оценки и перспективы // Русская мысль. 1913. № 11. III паг., с. 1–5.

⁵³⁸ Русские ведомости, 7 июля 1913 г.; Иорданский Н. Положение рабочих и рабочее законодательство // Там же. 1 января 1914 г. Вкладка. С. 45.

⁵³⁹ Там же. 3 октября 1913 г.

⁵⁴⁰ Новое время, 2 октября 1913 г.

⁵⁴¹ Там же. 15 октября 1913 г.

⁵⁴² Дневник // Гражданин. 1913. № 43. С. 9.

⁵⁴³ Дневник // Гражданин. № 45. С. 14.

⁵⁴⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. I. СПб., 1914. Стб. 66–90.

⁵⁴⁵ Там же. Стб. 145.

правых и социалистов⁵⁴⁶. Лишь 16 октября состоялось совещание октябристской фракции, на котором должна была обсуждаться тактика на предстоящей сессии. Заседание вышло бурное, никакого решения не было принято. Шидловский упирал на необходимость проведения октябристской программы, Шубинский – на сотрудничество с правительством, которое оправдало себя еще в III Думе⁵⁴⁷. Антонов подал в отставку с поста председателя фракции⁵⁴⁸. Прогрессисты пытались сговориться с октябристами для совместного отклонения или задержания определенных правительственных законопроектов с целью заставить правительство пойти на проведение земской, городской, сенатской реформ, ответственности должностных лиц и устава о печати⁵⁴⁹. Успеха попытки не имели. После этого прогрессисты и коло решили просто ожидать результатов октябристской конференции⁵⁵⁰.

В правой, националистической, октябристской, кадетской, социал-демократической фракциях создавалась угроза раскола. Суть расколов внутри правых, националистов и октябристов заключалась в противостоянии радикальной верхушки, тянувшей одних вправо, а других – влево, и основной массы депутатов, тяготеющих к центру⁵⁵¹. 27 сентября оплот националистов газета «Киевлянин» вышла с резкой критикой киевской прокуратуры и Министерства юстиции по вопросу о деле Бейлиса, за что тираж был арестован⁵⁵². Это событие «Русские ведомости» расценили как «луч света в кромешной тьме», поскольку газета «во многом даже прямо ретроградная» отважилась на настоящий поступок⁵⁵³. До 50 националистов, склонявшихся влево, были готовы покинуть фракцию⁵⁵⁴. Они планировали сблизиться с

---

⁵⁴⁶ Там же. Стб. 270, 312–323.

⁵⁴⁷ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 8. С. 18–20.

⁵⁴⁸ Там же. С. 23.

⁵⁴⁹ Там же. С. 21–22.

⁵⁵⁰ Там же. № 9. С. 6–8.

⁵⁵¹ Там же. № 10. С. 23–25.

⁵⁵² Там же. С. 12–13.

⁵⁵³ Русские ведомости, 29 сентября 1913 г.

⁵⁵⁴ Новое время, 1 ноября 1913 г. Сами националисты опровергали (Там же. 3 ноября 1913 г.)

октябристами⁵⁵⁵. «Речь» комментировала: «Годовщину 17 октября мы на этот раз встречаем с иным, менее пессимистическим чувством, чем встречали ее ряд предыдущих лет. Затмение было неизбежно, но затмение, наконец, проходит»⁵⁵⁶. В свою очередь, говоря о расколе социал-демократической фракции, «Речь» желала им, как и всем прогрессивным и демократическим партиям, добиться легализации: «Чем дальше переход к такому нормальному положению будет задерживаться, тем более оснований ожидать, что парламентское большинство с.-д. интеллигенции принуждено будет уступить внепарламентскому рабочему большинству с его теперешним настроением. Мы видели печальные последствия такого распределения направлений в конце 1905 г. И как бы кто не смотрел на предстоящий исход из современного тупика, едва ли найдутся защитники ошибок, сделанных неопытными руководителями стихийного массового настроения в те зимние месяцы»⁵⁵⁷. Кадетское ядро явно рассчитывало на улов в поднимающейся мутной воде. Впрочем, В.И. Вернадский наедине с дневником признавался: «Невозможное становится возможным, и развертывается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. В нем чувствуешь себя бессильной былинкой. <...> В сущности, массы за большевиков»⁵⁵⁸.

Правительство продемонстрировало уступчивость. Лишь министр внутренних дел пытался выдерживать в отношении Думы свою собственную – более жесткую – линию. Как полагал Дякин, для реализации своего плана Маклаков специально выждал момента, когда Коковцов пребывал за границей⁵⁵⁹. Между тем, активность министра была лишь связана с начавшейся в условиях «министерской забастовки» парламентской сессии, а дальнейший ход событий показал, что инициативы Маклакова были плохо

---

⁵⁵⁵ Там же. 5 ноября 1913 г.

⁵⁵⁶ Речь, 17 октября 1913 г.

⁵⁵⁷ Там же. 20 октября 1913 г.

⁵⁵⁸ Вернадский В.И. Пережитое и передуманное. М., 2007. С. 62. 3 ноября 1913 г.

⁵⁵⁹ Дякин В.С. Ук. соч. С. 159–161.

обеспечены. Еще накануне открытия Думы Маклаков написал письмо императору. Положение характеризовалось им как беспокойное по причине рабочего движения, активности интеллигенции и начала сессии. Маклаков предлагал выступить в Думе от имени всего правительства с предупреждением и ввести ее в «законное русло крепкой рукой». В случае неповиновения «это лишь приблизит развязку, которая, по-видимому, едва ли отвлратима». Под «развязкой» понимались роспуск Думы, введение повышенной чрезвычайной охраны в Петербурге, подавление беспорядков. Планировалось подготовить 2 варианта указа, время обнародования которого должен был определить Совет министров по докладу Маклакова⁵⁶⁰. Царь ответил Маклакову, что «приятно поражен» его предложением, поскольку сам хотел выступить с такой же инициативой. «Лично думаю, что такая речь мин. внутр. дел своей неожиданностью разрядит атмосферу и заставит г-на Родзянко и его присных закусить языки», – писал Николай II. Он также соглашался с возможным проявлением жестких мер и предлагал Маклакову переговорить с Харитоновым (заменившим в Совете министров отсутствовавшего Коковцова) о подготовке соответствующих проектов указов. Император добавлял: «Также считаю необходимым и благовременным немедленно обсудить в Совете министров мою давнишнюю мысль об изменении статьи учреждения Госуд. думы, в силу которой если Дума не согласится с изменениями Госуд. совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это – при отсутствии у нас конституции – есть полная бессмыслица! Представление на выбор и утверждение государя мнений и большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе»⁵⁶¹.

Однако накануне написания царского письма правительство приняло несколько иное решение. 17 октября, в восьмую годовщину знаменитого

---

⁵⁶⁰ Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 185–187; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 1–2. 14 октября 1913 г.

⁵⁶¹ Дневники и документы из личного архива Николая II... С. 183–184.

Манифеста, Совет министров обсудил вопрос о чрезвычайном положении и роспуске Думы. Коковцов, Кривошеин и Саблер отсутствовали. Остальные министры поддержали предложение, но указали, что в указе о роспуске должен быть указан срок созыва новой Думы⁵⁶². Проекты указов были высланы в Ливадию. При отсутствии ключевых членов правительства Маклаков решил не поднимать вопрос об изменении законодательного порядка. Кроме того, 21 октября министры, не осведомленные о позиции императора, отвергли предложение Маклакова выступить в Думе. На следующий день министр внутренних дел написал монарху объяснительное письмо, фактически предложив ему самому инициировать реформу законодательного порядка. Маклаков писал, «что передача такого повеления Вашего председательствующему в Совете через меня, младшего из состава Совета, вызвала бы очень неосновательные правда, но очень, к сожалению, большие отзвуки личного самолюбия, которые повредят лишь самому делу, столь большому и важному для всей последующей жизни России»⁵⁶³. 23 октября император начертал на журнале Совета министров от 17 октября: «Согласен. Срок созыва новой Г. Думы должен быть значительно отдален»⁵⁶⁴. Было ясно, что дальше грозной резолюции это дело уже не пойдет. Фактически весь план был, таким образом, дезавуирован. После этого Мещерский опроверг планы роспуска Думы в правительстве и объяснял возникновение слухов агрессивностью самой Думы в самом начале сессии⁵⁶⁵. Чтобы проверить слухи о роспуске Думы, националист В.Я. Демченко посетил Маклакова, который косвенно признал наличие планов в прошлом, но после восстановления деловых отношений палаты с правительством они потеряли актуальность⁵⁶⁶. Щегловитов и Кривошеин категорически отвергали даже официальное обсуждение таких планов⁵⁶⁷.

---

⁵⁶² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 411–412.

⁵⁶³ Дневники и документы из личного архива Николая II... С. 187–188; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 3–4. 22 октября 1913 г.

⁵⁶⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 411.

⁵⁶⁵ Дневник // Гражданин. 1913. № 46. С. 15–16.

⁵⁶⁶ Новое время, 20 ноября 1913 г.

⁵⁶⁷ Там же. 23 ноября 1913 г.

28 октября был оглашен вердикт по делу Бейлиса: присяжные оправдали подсудимого, но признали ритуальный характер совершенного убийства. Таким образом, решение оказалось половинчатым. 31 октября кадетский ЦК так не смог решить вопрос о думской тактике по делу Бейлиса⁵⁶⁸. «Новое время» сперва посчитало дело закончившимся вничью, но затем признало: нужно «иметь мужество сознаться, что в деле Бейлиса Россия потерпела поражение». Меньшиков соглашался с Волконским в необходимости апелляции⁵⁶⁹. Марков заявил о «полной победе еврейства», но другие правые были значительно умереннее, объясняя вердикт сильнейшей кампанией в прессе. Одновременно выражалась надежда на то, что «страсти улягутся», что было необходимо: «а то договорились Бог знает до чего»⁵⁷⁰. Мещерский еще ранее назвал дело Бейлиса политически опасным вздором, от которого выиграют только сами евреи, и сравнивал его с процессом Дрейфуса⁵⁷¹. 1 ноября Марков неожиданно для всех, в том числе и правых, заочно принес свои извинения пребывавшему за границей Коковцову. В думских кулуарах полагали, что либо Маркову была передана Высочайшая воля так поступить, либо он опасался прекращения субсидирования «Земщины» с 1 января. За несколько дней до этого он действительно имел беседу с Маклаковым, который предварительно получил санкцию императора⁵⁷². Еще 20 октября Главная палата Союза Русского Народа поддержала Маркова против Коковцова и подвергла критике финансовую политику правительства⁵⁷³. Но 25 октября скончался выступавший покровителем правых дворцовый комендант В.А. Дедюлин, что очень вдохновило кадетов⁵⁷⁴. Таким образом, обе причины, названные в Думе, имели место. Коковцову готовилась спокойная отставка.

---

⁵⁶⁸ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 240–243.

⁵⁶⁹ Новое время, 29, 31 октября 1913 г.

⁵⁷⁰ Речь, 29 октября 1913 г.

⁵⁷¹ Дневник // Гражданин. 1913. № 38. С. 3; Дневник // Гражданин. 1913. № 39. С. 11–12, 15.

⁵⁷² Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 9. С. 3–4, 6.

⁵⁷³ Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 337–343.

⁵⁷⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. 1914. Д. 27. Л. 9–11.

Перспективы думского объединения зависели от октябристов. 2 ноября Линдеман направил фракции письмо о результатах заседания ЦК по стратегическому курсу: отрицалась возможность какого бы то ни было блокирования в Думе, однако на первое место выдвигались законопроекты, которые содействовали бы «скорейшему осуществлению реформ», провозглашенных в манифесте 17 октября. Линдеман предупреждал: «Только путем реформ может быть остановлено то революционное движение, которое сильно и властно заявляет о себе в Москве и в других местах нашей родины»⁵⁷⁵. Но даже в земском вопросе октябристы и кадеты не смогли договориться, поскольку первые выступали за имущественные курии⁵⁷⁶. Как сокрушался «Голос Москвы», у кадетов все зависело от «капризного вдохновения г. Милюкова»: «Некоторые из кадетских вождей никогда не умеют правильно учесть все обстоятельства данного политического момента. У них особая страсть к дешевым эффектам, к неожиданным внесениям декларативных предложений, совершенно бесполезным демонстрациям и т.п. Октябристам нет никакой надобности лить воду на кадетскую мельницу». Самим октябристам «Голос Москвы» советовал переименовать партию, поскольку «день «17 октября» из даты конституционной эры давно уже превратился в дату неисполненных обещаний и несбывшихся надежд»⁵⁷⁷. Это предложение давало понять собиравшимся на конференцию членам партии, что руководство было настроено по-боевому.

Конференция октябристов состоялась 7–10 ноября. Присутствовало около 200 человек (свыше 100 – из Москвы и провинции). Заседания имели закрытый характер. Формулировались жалобы делегатов съезда: «Давно уже власть не допускала такого произвола, какой царит на местах в настоящее время». Единогласно была принята резолюция по земскому вопросу, предложенная Варун-Секретом и состоявшая из принципов, озвученных кн. А.Д. Голицыным, и дополненных необходимостью отмены утверждения

⁵⁷⁵ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 419–420.

⁵⁷⁶ Русские ведомости, 6 ноября 1913 г.

⁵⁷⁷ Конференция октябристов // Голос Москвы, 6 ноября 1913 г.

земских должностных лиц администрацией и преследования их в административном порядке, предельного обложения, «расширения компетенции» земства и введения его на окраинах⁵⁷⁸. Аналогичная резолюция была принята и по городскому вопросу⁵⁷⁹. Конференция также поддержала идею не образовывать блоков⁵⁸⁰. Вопрос о политике фракции в виду явно намечавшегося раскола оказался наиболее трудным, в результате конференция вынуждена была ограничиться общим призывом к фракции о выполнении тех задач, которые сформулировала конференция⁵⁸¹. Однако члены октябристского бюро сообщили Ефремову, что резолюции конференции подписаны подавляющим большинством фракции «за исключением лишь нескольких человек»⁵⁸². 8 ноября с пространной программной речью выступил Гучков. Он отметил неизменную приверженность октябристов своей политической программе. «Октябризм явился молчаливым, но торжественным договором между исторической властью и русским обществом, договором о лояльности, о взаимной лояльности. <...> Но договор заключал в себе обязательства обеих сторон, и сотрудничество с правительством означало общую работу в деле проведения широкой программы намеченных реформ...». Гучков отрицал реакционную природу дворянства и чиновничества, но констатировал такой поворот в настоящее время. «Правительством был составлен и приведен в исполнение грандиозный план фальсификации выборов. <...> Никогда авторитет правительственной власти не падал так низко. <...> Развал центральной власти отразился, естественно, и полной дезорганизацией власти на местах». Страна, по мнению Гучкова, шла «к неизбежной, тяжелой катастрофе». Александр Иванович утверждал: «Никогда еще революционные организации, добивающиеся насильственного переворота, не были в таком состоянии разгрома и бессилия, и никогда еще русское общество и русский народ не

---

⁵⁷⁸ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 424.

⁵⁷⁹ Там же. С. 444.

⁵⁸⁰ Там же. С. 444–445.

⁵⁸¹ Там же. С. 448.

⁵⁸² Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 322.

были так глубоко революционизированы действиями самой власти; ибо с каждым днем все более теряется вера в эту власть, а с ней и вера в возможность нормального мирного выхода из ситуации»⁵⁸³. Как отметил «Голос Москвы», таким образом был «сделан последний шаг для убеждения правительства в глубокой ошибочности и опасности его политики, и на него падет ответственность за дальнейшее»⁵⁸⁴.

«Вестник Европы» считал, что речь имела «ясно выраженный покаянный характер», но сомневался, что ей можно верить: «Октябризм долго – слишком долго! – был более, чем политической ошибкой: он был политической неправдой...»⁵⁸⁵. Кадеты не верили в слова Гучкова, их нужно было проверить на практике⁵⁸⁶. «Утро России» отмечало, что речь Гучкова имела адресатом правительство. «Октябристский кот Васька слушает гучковскую речь и продолжает есть из правительственного корыта...»⁵⁸⁷. Октябристская резолюция, по мнению прогрессистов, должна была требовать не только единения правительства, но и его единения с Думой⁵⁸⁸. Меньшиков отрицал наличие договора власти и октябристов: никаких взаимных обязательств принято не было, власть просто нуждалась в поддержке в период революции, а общество испугалось ее, кроме того, октябристы не представляли всего общества. Съезд произвел на публициста «тяжелое и грустное впечатление»⁵⁸⁹. Савенко в письме Гучкову печально признавал, что после речи на конференции «для той идеи, которой я ныне поглощен, для идеи образования правого центра, Гучков умер: пути наши разошлись»⁵⁹⁰.

Итак, летом-осенью 1913 г. политическая альтернатива в правительственной политике обозначилась вполне четко. Если Маклаков вовсе не предполагал опоры на общественность, то Кривошеин намеревался

---

⁵⁸³ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 426–438.

⁵⁸⁴ Голос Москвы, 12 ноября 1913 г.

⁵⁸⁵ Кузьмин-Караваев В. Хроника. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1913. № 12. С. 439, 444.

⁵⁸⁶ Русские ведомости, 10 ноября 1913 г.

⁵⁸⁷ А.И. Гучков // Утро России, 10 ноября 1913 г.

⁵⁸⁸ Обновление России // Там же. 12 ноября 1913 г.

⁵⁸⁹ Меньшиков М. Третья оппозиция // Новое время, 12 ноября 1913 г.

⁵⁹⁰ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1085. Л. 1–1об. 25 декабря 1913 г.

сформировать в Думе большинство, причем не мог не рассматривать октябристов в качестве его центра. Сами октябристы в этой связи могли навязывать ему свои правила игры, Гучков это хорошо понимал и действовал исходя из этого. Кроме того, лидер октябристов не боялся досрочного роспуска Думы, поскольку не был ее членом и на новых выборах мог рассчитывать на личный успех. Идя влево, сам Гучков, в отличие от собственной партии, ничего не терял. Однако, какие бы варианты правительственной стратегии ни предполагались, ни один из них не мог быть реализован при нахождении Коковцова на посту премьер-министра. При любом исходе дни его политической карьеры были сочтены.

4.4. Внутриправительственный кризис и разложение Думы

Отношения властей зашли в тупик. 29 октября кадеты инициировали запрос к премьеру о применении 65-ой статьи ОГЗ (о церковном управлении) и были поддержаны левыми октябристами. Запрос прошел 219 голосами против 50⁵⁹¹. «Московские ведомости» указывали на то, что на основании 64-ой статьи ОГЗ Церковью ведает император, а не Дума⁵⁹². Совет министров также остался на своей позиции и 18 января 1914 г. принял инструкцию о применении аналогичной 96-ой статьи, касавшейся обороны (2 марта журнал был утвержден императором)⁵⁹³. 5 ноября Дума приступила к вопросу о депутатской ответственности. Докладчиком выступал прогрессист А.М. Масленников. Министерство юстиции отказалось принять разработку законопроекта, он был отправлен в судебную комиссию⁵⁹⁴. Мещерский утверждал, что депутатская безответственность – это свобода

---

⁵⁹¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. I. СПб., 1914. Стб. 340–395.

⁵⁹² Руководствующее разъяснение 65-й статьи // Московские ведомости, 7 декабря 1913 г.

⁵⁹³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 51–55.

⁵⁹⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. I. СПб., 1914. Стб. 684–728, 806–818.

революционной пропаганды⁵⁹⁵. Щегловитов намеревался возбудить в Сенате вопрос о непризнании права депутата состоять в противоправительственных партиях. Позднее, 17 января 1914 г. тираж номера «Речи» был арестован за резкую критику министра юстиции по этому вопросу. 8 ноября законодательное предположение о земских съездах и союзах было передано Думой не в МВД, а в комиссию по местному самоуправлению⁵⁹⁶. 13 ноября 151 голосом против 100 был принят запрос о ленских событиях (докладчиком выступал И.Н. Маньков)⁵⁹⁷. 22 ноября товарищи министров внутренних дел и юстиции И.М. Золотарев и А.Н. Веревкин дали разъяснения по нарушениям в ходе выборов: из 35 случаев нарушения признавались только в 6⁵⁹⁸.

Между тем, демонстрировавшая боевой задор палата не была способна на конструктивное поведение, что только ослабляло ее. Распад и политическая дезориентация думских фракций к концу 1913 г. привели Думу к законотворческому параличу. Это было хорошо заметно по деятельности комиссий. Варун-Секрет и Стемповский посетили Маклакова с целью выяснить, идет ли в МВД параллельная с Думой разработка законопроекта о земской реформе. Маклаков отказался от прямого ответа, но отметил желание сотрудничать с Думой в этом вопросе, поскольку «земство несомненно вырождается, деятельность его слабеет». Министр признавал, что с октябристами в Думе можно тесно и по-деловому сотрудничать⁵⁹⁹. Однако побывавшие на земских сессиях члены Государственного совета вынесли убеждение, что земцы хотели реформы по октябристскому и прогрессистскому, а не по правительственному шаблону⁶⁰⁰. 20–27 ноября комиссия рассмотрела вопрос о городской реформе. Докладчик М.И. Арефьев отметил невозможность опоры только на полицию и администрацию, как в древней Персии, особенно с учетом того, что «Россия

---

⁵⁹⁵ Дневник // Гражданин. 1913. № 36. С. 13.

⁵⁹⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. I. СПб., 1914. Стб. 830–833.

⁵⁹⁷ Там же. Стб. 1030.

⁵⁹⁸ Там же. Стб. 1317–1341.

⁵⁹⁹ Новое время, 24 ноября 1913 г.

⁶⁰⁰ Там же. 29 декабря 1913 г.

вступила на путь «капитализма»». Кадетский проект, предполагавший лишь самые общие, но, в тоже время, весьма радикальные принципы (передачу в ведение городского самоуправления всех вопросов городской жизни, включая охранение порядка, предоставление равных избирательных прав всем горожанам) был комиссией отвергнут⁶⁰¹. Принятый октябристский проект земской реформы предлагал дать избирательное право землевладельцам, имеющим 1/10 ценза, но не давал его городским и уездным плательщикам земского налога. Подавляющее число избирателей записывались в третью курию, господство первой курии сохранялось. Прогрессисты устроили резкую критику октябристского земского проекта. Такой проект, по мнению «Утра России», понравился бы и Н. Маклакову⁶⁰². В ответ прогрессисты внесли свой проект, по которому земства, как и по кадетскому проекту, расширяли свою компетенцию, административный надзор ограничивался (восстанавливались принципы 1864 г.), отменялось председательствование дворянских предводителей, вводилось право земских съездов и союзов⁶⁰³.

В комиссии Думы по полицейской реформе под председательством Хомякова октябристское большинство выступило за ликвидацию Особого корпуса жандармов. 27 ноября в комиссии выступил Маклаков, после чего комиссия обвинила его в желании лишь увеличить полицейские штаты и единогласно проголосовала против права жандармов осуществлять предварительное следствие по государственным преступлениям⁶⁰⁴. Далее работа затормозилась. В ноябре Маклаков дважды посетил думскую комиссию о печати и был подчеркнута любезен с депутатами – националистами и правыми октябристами, чем произвел на них очень хорошее впечатление⁶⁰⁵. В результате октябристы отклонили кадетское предложение об изменении принципов законопроекта (смены на кадетские) и

---

⁶⁰¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 561. Л. 6об.–18об.

⁶⁰² Октябристское земство // Утро России, 7 ноября 1913 г.

⁶⁰³ Законотворчество думских фракций... С. 337–402.

⁶⁰⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 549. Л. 11об.–14, 42–44об.

⁶⁰⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 9. С. 31.

добились внесения принципиальных поправок в правительственный проект: отмены предварительной цензуры и смены ответственного издателя на ответственного редактора⁶⁰⁶.

В связи с политикой Кривошеина поведение правых октябристов приобрело ключевое значение для думской оппозиции. На совещании прогрессистов и кадетов сразу после октябристской конференции было решено поддержать кандидатуру Родзянко при условии продолжения октябристами определенной линии, «хотя бы в духе и направлении принятых конференцией октябристов постановлений». Кадеты не считали возможным участвовать в президиуме, но поддерживали там представителей прогрессистов. Вечером того же дня на переговорах Ефремова с членами октябристского бюро они приняли план прогрессистов по текущей сессии: проведение законопроектов о реформе Сената, неприкосновенности личности, об исключительных положениях, ответственности должностных лиц, печати (прогрессисты в целом поддерживали октябристский вариант, однако настаивали на том, чтобы арест осуществлялся только по решению суда, а по важнейшим нарушениям печать подлежала бы суду присяжных), реформе земства, исповедный законопроект⁶⁰⁷. 7 декабря прогрессисты внесли законопроект о должностных преступлениях, который, в отличие от законопроекта Государственного совета, не требовал санкции начальства на привлечение к ответственности, решения II департамента Государственного совета на привлечение членов Думы и Совета, не предполагал прокурорского надзора, но вводил дисциплинарные присутствия для предварительного рассмотрения дел с последующей их передачей в суд присяжных⁶⁰⁸. 15 ноября прогрессистская фракция постановила требовать от кадетов участвовать в президиуме, однако в противном случае выставляла двух своих представителей – А.И. Коновалова и В.А. Ржевского⁶⁰⁹.

---

⁶⁰⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 581. Л. 9, 15, 46об.

⁶⁰⁷ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 321–322.

⁶⁰⁸ Законотворчество думских фракций... С. 405–413.

⁶⁰⁹ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 322.

А.Д. Протопопов, ссылаясь на достоверные источники, сообщал, что император не желал более видеть Родзянко на посту председателя (за его произвольные трактовки слов монарха относительно премьера) даже ценой избрания какого-либо левого октябриста⁶¹⁰. Личные амбиции товарища председателя, таким образом, проявились вполне явно. Тем не менее, 15 ноября Дума переизбрала Родзянко. В своей речи он упомянул Манифест 17 октября, но слова «конституция» уже не произносил⁶¹¹. Волконский отказался баллотироваться на место товарища председателя, Дума избрала Коновалова⁶¹². Это было крайне важно. А.И. Коновалов являлся едва ли не самой яркой личностью в прогрессистской фракции. За несколько месяцев до того он был избран председателем думской рабочей комиссии вместо Тизенгаузена; предполагалось, что при нем ее деятельность должна была оживиться⁶¹³. Старшим товарищем секретаря (Дмитрюкова, избранного еще 18 октября) был переизбран прогрессист В.А. Ржевский (впервые он был избран еще 5 июня)⁶¹⁴. Н.Н. Львов отказался от поста товарища председателя⁶¹⁵, и 26 ноября на это место был избран С.Т. Варун-Секрет⁶¹⁶. Октябристы долго не могли определиться с кандидатурой, выдвигались предложения уравновесить Коновалова правым октябристом Беннигсенем, но при создавшемся крене влево они не прошли⁶¹⁷. Кадеты после избрания президиума посчитали, что вторая сессия повторит первую⁶¹⁸.

Националисты вынуждены были встраиваться в господствующее течение. 28 ноября Савенко и Демченко посетили Коковцова и получили согласие на ориентацию фракции налево, что планировалось осуществить в начале будущего года с целью установления прочного думского центра⁶¹⁹.

---

⁶¹⁰ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 9. С. 14.

⁶¹¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. I. СПб., 1914. Стб. 1112–1114.

⁶¹² Там же. Стб. 1114–1116.

⁶¹³ Первый шаг рабочей комиссии // Утро России, 3 марта 1913 г.

⁶¹⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. I. СПб., 1914. Стб. 947–948, 1118.

⁶¹⁵ Там же. Стб. 1118.

⁶¹⁶ Там же. Стб. 1422–1424.

⁶¹⁷ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 10. С. 4–5, 8–9.

⁶¹⁸ Русские ведомости, 17 ноября 1913 г.

⁶¹⁹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 10. С. 10–11.

Уже 30 ноября Савенко одержал победу на совете фракции: он единодушно поддержал курс на сближение с октябристами и отстаивание «закономерности». Правые лидеры фракции «бежали с поля сражения» и не присутствовали. «День величайшей моей победы», – признался триумфатор⁶²⁰. Однако в самой фракции настроение было иное: раскольническая тактика Савенко и Демченко воспринималась враждебно, хотя их курс и не имел выраженной альтернативы⁶²¹. Националисты приняли резолюцию о самостоятельности фракции в вопросах блокирования (не левее октябристов) и об «энергичной поддержке» правительства, если оно будет действовать «закономерно» и в соответствии с программой националистов⁶²².

29 ноября октябристская фракция, наконец, приняла постановление, по которому решения конференции имели для нее лишь стратегическое значение, а в тактических вопросах сохранялась автономия. Алексеенко сразу вышел из фракции. Создалась угроза раскола. А.В. Бобрищев-Пушкин выступил за немедленный созыв ЦК и чистку фракции. По его представлению, если бы оппортунистов оказалось большинство, то можно было распустить партию, войти в переговоры с прогрессистами и Маклаковым и даже при благоприятных обстоятельствах вступить в ряды прогрессистов⁶²³. Гучков считал, что «процесс внутреннего разделения начался» и «идет своим естественным порядком»⁶²⁴. К.Э. Линдеман признавался Н.И. Антонову: «Лично я чувствую себя глубоко огорченным и готов опустить руки и идти в сторону»⁶²⁵. Шубинский писал: «Очень трудно вести серьезную и ответственную государственную работу в обстановке, когда задача одних (левых) – противодействовать всякой парламентской работе, а других – вести мелкое политиканство, полное зависти и мелочного коварства. Это может истощить всякое терпение, и я чувствую, что мое – на

---

⁶²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 928. Л. 1213. А.И. Савенко – Е.А. Лебедевой, 1 декабря 1913 г.

⁶²¹ Там же. Л. 1217. Н.А. Жилин – В.Г. Тальбергу, 3 декабря 1913 г.

⁶²² Новое время, 2 декабря 1913 г.

⁶²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 969. Л. 3. А.В. Бобрищев-Пушкин – А.И. Гучкову, 1 декабря 1913 г.

⁶²⁴ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 454.

⁶²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 928. Л. 1231. 6 декабря 1913 г.

исходе»⁶²⁶. К 10 декабря раскол на 2 фракции – Союза 17 октября (левых октябристов, гучковцев) и земцев-октябристов – стал реальностью (часть наиболее умеренных депутатов ушла в группу центра во главе с Крупенским)⁶²⁷. К концу сессии их численность составила 22 и 60 депутатов соответственно. Это означало, что три четверти думских октябристов не поддержали слишком резкого маневра Гучкова и по-прежнему ориентировались на поиск контактов с правительством. В отличие от своего бывшего лидера, они были заинтересованы в сохранении IV Думы.

Изгоев писал о расколе: «Лучшие представители помещичьей среды понимают, куда ведет нынешний курс, и слагают с себя ответственность за последствия. Иметь группу образованных, просвещенных, пользующихся уважением людей, к которым страна могла бы обратиться в минуту нужды в людях, это большой общественный выигрыш». Октябристы потерпели поражение, но это «не есть их личная неудача. Она знаменует собой крах целой идеи. Обновление России не может совершиться силами поместного класса. Лучшие люди его бессильны. 1861 год не повторится. Решение общественной задачи переходит в другие руки: идет демократия»⁶²⁸. «Речь» позитивно оценивала раскол, но сомневалась в возможности создания левого большинства в Думе⁶²⁹. Более того, раскол октябристов мог, наоборот, ускорить формирование правого центра в 235 голосов⁶³⁰. Родзянко отрицал проправительственный характер земцев-октябристов (признавая возможным лишь деловое соглашение) и угрожал всемерной борьбой против законопроектов, не устраивавших фракцию⁶³¹. Что это означало на самом деле, становилось ясно из того, что он безуспешно добивался от правительства приглашения участвовать в официальных мероприятиях (в том

---

⁶²⁶ Там же. Л. 1267. Н.П. Шубинский – А.А. Ознобишину, 30 декабря 1913 г.

⁶²⁷ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 10. С. 11–18, 20–22.

⁶²⁸ Изгоев А. На перевале // Русская мысль. 1914. № 1. II паг., с. 146–147.

⁶²⁹ Речь, 1 декабря 1913 г.

⁶³⁰ От Пуришкевича до Беннигсена // Утро России, 4 декабря 1913 г.; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 928. Л. 1223. Д.Н. Шипов – Н.И. Астрову, 4 декабря 1913 г.

⁶³¹ Новое время, 14 декабря 1913 г.

числе земском юбилее), но после аудиенции, которая носила крайне милостивый характер, был совершенно польщен⁶³².

8 декабря «Утро России» сообщило о возможном создании в Думе «либерального центра» из левых октябристов, «многих» прогрессистов и «некоторых» правых кадетов, объединившихся вокруг Маклакова и Челнокова⁶³³. Если бы Маклаков со сторонниками ушел к прогрессистам, именно он, в отсутствие Гучкова, по мнению газеты, стал бы главной фигурой левого центра⁶³⁴. Пошли слухи о создании Маклаковым национально-либеральной партии⁶³⁵. Впрочем, все политические объединения оставались пока проектами. На этом фоне ярко выделялись успехи объединения на совсем иных принципах. В Думе возникли 4 межпартийные группы: земская (94 члена), городская (92), крестьянская (55) и казачья (15). В крестьянскую и городскую группы входили депутаты от правых до трудовиков, в земскую – от правых до кадетов, в казачью – прогрессисты и кадеты⁶³⁶.

7 декабря Дума закрылась. «Речь» отмечала: «Истекшая сессия принадлежит к числу самых бесплодных и бессодержательных за все время существования третьеиюньской Гос. Думы»⁶³⁷. Она подводила итог: «Никогда указ о перерыве занятий Государственной думы не заставлял народное представительство в таком состоянии разброда, какое наблюдается в настоящий момент»⁶³⁸. «Утро России» отмечало растущий депутатский абсентеизм⁶³⁹. «Надо сказать стране правду: депутаты из оппозиции относятся халатно к своим обязанностям», – признавал Изгоев. Наиболее дисциплинированными, утверждал он, считались крестьяне и священники, в большинстве своем правые, но «и оппозиционные депутаты в

---

⁶³² Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 1999, № 10. С. 32–34.

⁶³³ Утро России, 8 декабря 1913 г.; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 323.

⁶³⁴ Г-й. Маклаков и прогрессивный центр // Голос Москвы, 3 декабря 1913 г.

⁶³⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. т. 1. Л. 61.

⁶³⁶ Группировки народных выборов // Московские ведомости, 17 декабря 1913 г.

⁶³⁷ За неделю // Речь, 9 декабря 1913 г.

⁶³⁸ Речь, 8 декабря 1913 г.

⁶³⁹ Абсентеизм в Думе // Утро России, 27 ноября 1913 г.

Государственной думе, и само общество проявляют какую-то непонятную вялость»⁶⁴⁰.

Н.А. Хомяков писал А.А. Гирсу: «Правительство с Коковцовым во главе глумится над Думой, в стране – расцвет хулиганства власти, а Сверхправительство торжествует, ибо все движется в его направлении – реакционной революции. А революционизм левого толку потирает руками, сознавая, что реакционной революции успех – «на их улице праздник за «казенный счет»»⁶⁴¹. Совещание кадетского ЦК в декабре 1913 г. констатировало: «Нужно быть готовыми к различным случайностям и выяснить наше отношение к ним и нашу роль и способности к активному участию в государственной деятельности. У нашей политической группы нет стремления к власти, нужно ли его развивать. Готовы ли мы к новым самопожертвованиям. <...> Нужно ли пока ждать дальнейшего движения роста сил в стране ввиду того, что не замечается желаний в различных демократических слоях населения активности». Соответственно, «нужно способствовать росту сил демократических слоев населения», «содействовать рассеянию пессимизма в обществе в виде конкретного обсуждения ближайших задач», «содействовать политическому воспитанию и бороться с буржуазным страхом»⁶⁴². «Русские ведомости» по поводу своего 50-летия: «Пробуждение общественного правосознания и общественной самостоятельности в целях широких демократических, политических и социальных реформ есть единственный путь к свободе и процветанию родины»⁶⁴³. Однако Шингарев 19 января 1914 г. на заседании ЦК отметил: «Хотя страна и оживает, но готовности к борьбе еще очень мало»⁶⁴⁴.

В первом за 1914 г. номере «Русской мысли» Струве поместил датированную 1 января статью под названием «Оздоровление власти». Струве говорил о создавшейся альтернативе нарастающей «государственной

---

⁶⁴⁰ Изгоев А. В законодательных палатах // Русская мысль. 1913. № 12. III паг., с. 1–2.

⁶⁴¹ ГА РФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 255. Л. 25.

⁶⁴² Протоколы ЦК... Т. 2. С. 243–254.

⁶⁴³ Русские ведомости, 3 сентября 1913 г.

⁶⁴⁴ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 256.

смуты» и «оздоровлении власти». Струве писал: «Первый выход не подлежит сейчас нашему обсуждению. Мы сознательно стоим в русских условиях на точке зрения, исключаящей для нас возможность как действительно стремиться к этому выходу, так даже просто желать его. Поэтому нам остается только ставить прямо перед общественным сознанием второй выход, как такую очередную проблему, которая должна быть осуществлена совокупными усилиями всех прогрессивных и в то же время охранительных сил. Проблема власти никогда не стояла так болезненно перед русским общественным сознанием, как в настоящее время». Струве отвергал обвинения бюрократии как таковой в реакционном настрое (автор настаивал: «седалище современной реакции находится вне бюрократии как таковой») и призывал ее к поиску сотрудничества с либералами (кадетами): «Кадетофобия есть в сущности страх перед теми идеями, которые власть для обновления страны и для своего подлинного укрепления сама же должна усвоить и присвоить»⁶⁴⁵.

Нарастала активность и внутри правительства. Н. Маклаков не утвердил избранного на выборах московского городского головы кн. Г. Львова. На новых выборах был избран ученый-механик и директор московских Высших женских курсов С.А. Чаплыгин, но и он не был утвержден. 8 октября московским городским головой 80 голосами против 62 был избран торгово-промышленник и известный городской деятель Л.Л. Катуар. «Речь» считала его кандидатуру «чисто деловой»: «Человек внепартийной, умеренной программы. Главную задачу он видит в смягчении розни, которая разъедает думу». Однако конфессиональная принадлежность (католик) делала возможным неутверждение⁶⁴⁶. Подозрения подтвердились. А 8 ноября Маклаков, не поставив в известность Совет министров, с подачи Мещерского в письме императору предложил назначить городским головой бывшего директора Департамента общих дел МВД при В.К. Плеве члена

---

⁶⁴⁵ Струве П. Оздоровление власти // Русская мысль. 1914. № 1. II паг., с. 148–158. Републ.: Струве П.Б. Patriotica... С. 390–399.

⁶⁴⁶ Речь, 9 октября 1913 г.

Государственного совета Б.В. Штюрмера, известного своими правыми взглядами. Маклаков сообщал, что тот «уже приводил однажды в порядок тверское земство» и готов «взять на себя этот тяжелый пост». Не имея квартиры в Москве, он, по мнению министра, мог поселиться на первом этаже дома московского генерал-губернатора, что «послужило бы к вящему укреплению положения Штюрмера как головы в глазах населения столицы и придало бы ему особый вес в той тяжелой борьбе, которую ему предстоит вести в Москве с забравшими силу противоправительственными деятелями». Назначение было возможно по положению 1892 г., Маклаков указывал, что в Петербурге в 1893 г. так был назначен В.А. Ратьков-Рожнов⁶⁴⁷. Известие попало в печать. «Утро России» резко протестовало, но не против Штюрмера, а против самого факта назначения⁶⁴⁸. В общественных кругах было известно, что при своем консерватизме Штюрмер был «незлобивый и корректный» и на посту директора Департамента общих дел «насколько мог, старался проводить если не умниц, то людей порядочных»⁶⁴⁹.

Поступок Маклакова стал явным нарушением сложившейся к этому времени практики принятия решений в правительстве (как отмечает М.Ф. Флоринский, это разрушение стало также и «самым резонансным» для всего периода 1905–1914 гг.⁶⁵⁰). 24 ноября Николай II передал письмо Маклакова Коковцову, который был раздражен и внес вопрос в Совет министров⁶⁵¹. 27 ноября состоялось правительственное рассмотрение. Коковцов протестовал как в силу подобного поведения министра, так и по существу его предложения, не считая правильным ссориться с московской общественностью. Прочие министры, кроме хранивших молчание Л.А. Кассо и В.А. Сухомлинова, также высказались, причем никто Маклакова не поддержал. В особом журнале Совета министров указывалось, что

---

⁶⁴⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 69. Л. 1–10.

⁶⁴⁸ Безголовье // Утро России, 16 ноября 1913 г.

⁶⁴⁹ Колышко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 99.

⁶⁵⁰ Флоринский М.Ф. Институт всеподданнейших докладов членов Российского правительства (1905–1914 гг.) // Политическая история России начала XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов / Ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. СПб., 2011. С. 89.

⁶⁵¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 69. Л. 1–10.

назначение Штюмера привнесет во взаимоотношения правительства и московского городского самоуправления «вредные начала недоверия, розни и раздражения»⁶⁵². С помощью председателя Государственного совета Акимова вопрос в течение нескольких дней был разрешен в пользу мнения Коковцова⁶⁵³. На 1 год назначался товарищ Катуара В.Д. Брянский с целью подготовки «правильных и желательных для Правительства выборов»⁶⁵⁴. «Гражданин» опроверг назначение Штюмера московским городским головой («это пока мы не подтверждаем»)⁶⁵⁵. «Новое время» писало, что Маклаков только планировал назначить Штюмера, но тот отказался⁶⁵⁶.

Насколько сам Штюмер был готов к назначению, становится ясно из письма, написанного ему гр. А.А. Бобринским. Штюмер посчитал нужным посоветоваться с другом детства. Бобринский настаивал, что от назначения на пост министра или посла уклониться было бы нельзя, но «должность, связанная с бесчисленным количеством неприятностей <...> окаймленная дрязгами, сплетнями, недоброжелательством, требующая постоянного общения с омутом людей сомнительных, газетных корреспондентов, нечистоплотных аферистов всякого рода» была бы не по силам. Предлагалось сказать императору, что Штюмер уже стар, «от этого лживо-революционного чада и «конституционного» заигрывания местного самоуправления давно отстал; терпения может не хватить; клеветы, злобы, газетной травли и подвода [sic – Ф.Г.] городских думцев – могу не вынести». Бобринский вспоминал свой 30-летний опыт пребывания в петербургской думе и городским головой в 1905–1906 гг.: «Я помню хорошо, что стоило сохранять равновесие между волнующимися подонками столичной «интеллигенции» и нерешительным боязливым правительством того времени». «Лица, которые сегодня у власти, стоят за тебя горой; но завтра явятся на место их другие и без зазрения отдадут тебя на съедение толпе», –

---

⁶⁵² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 466.

⁶⁵³ Коковцов В.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 195–199.

⁶⁵⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 69. Л. 33.

⁶⁵⁵ Дневник // Гражданин. 1913. № 45. С. 16.

⁶⁵⁶ Новое время, 16, 17 ноября 1913 г.

писал граф и советовал заручиться личной царской поддержкой, после чего можно было бы подать в отставку при изменившихся обстоятельствах⁶⁵⁷.

Положение Маклакова в правительстве сильно пошатнулось. Сам он впоследствии признавался, что «ежечасно» встречал у своих коллег неприятие его курса, так что ему «в десять раз легче было в Думе»⁶⁵⁸. 13 декабря Богданович переслал царю письмо Маклакова, адресованное самому Богдановичу, со своим покровительственным комментарием о «трагедии министра-монархиста». В письме Маклакова говорилось о московском деле, в котором «так легко было подчеркнуть нашим жирондистам, что песня их спета». Маклаков писал о своей главной цели: «Моя мечта поскорее и покрепче починить, что можно в нашей внутренней жизни, для того, чтобы для Наследника подготовить другую обстановку, чем та, в которой мы, благодаря предателям России, живем теперь – эта мечта разбита на Московском деле». О Коковцове было сказано так: «Я даже думаю, что он не понимает души Государя и во всяком случае любит ее меньше, чем интересы жидовских банкиров и свою личную популярность». Однако Маклаков выражал желание бороться дальше⁶⁵⁹.

Для борьбы был избран национальный вопрос, по которому взгляды Коковцова и значительной части министров сильно расходились. Коковцов являлся решительным противником националистической политики. Поэтому только в марте 1913 г. состоялось первое со смерти Столыпина совещание министров по делам Финляндии – по вопросу об отмене финляндской таможи⁶⁶⁰. Прессой сообщалось о якобы имеющем место споре Щегловитова с Коковцовым по финляндскому законодательству: министр юстиции торопился, а премьер считал нужным ждать до 1914 г., пока не определится настоящая политическая физиономия Думы⁶⁶¹. В результате «Свет» в этом вопросе вовсе не надеялся на бюрократию, находившуюся, по

---

⁶⁵⁷ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 2424. Л. 1–2об.

⁶⁵⁸ Падение царского режима... Т. 5. С. 202–203.

⁶⁵⁹ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4об.

⁶⁶⁰ Новое время, 3, 5 марта 1913 г.

⁶⁶¹ Голос Москвы, 25 апреля 1913 г.

его мнению, под кадетским влиянием, и возлагал надежды только на палаты⁶⁶². С 27 ноября Государственный совет должен был рассматривать поправки Думы к законопроекту о польском городском управлении. 12 ноября Акимов и 16 ноября Маклаков писали императору в защиту правой позиции по польскому вопросу: по их мнению, введение в делопроизводство городского управления польского языка поставило бы поляков в исключительное положение и спровоцировало иные национальные меньшинства на то же требование⁶⁶³. Коковцов, внося законопроект на обсуждение, присоединился к общему мнению правительства и Думы о необходимости сохранить право использования польского языка во избежание межнациональной розни. Представитель центра остзеец Н.Э. Крамер, считая русский язык в Прибалтике необходимым при господствовавшей разноголосице, отмечал наличие в Польше моноязычной среды и отсутствие насущной потребности в русском языке. Однако Стишинский заявил: «В одно прекрасное утро Россия проснется при наличии полной польской автономии». Витте также поддержал правых. 94 голосами против 74 поправка Думы отвергалась. 29 ноября по предложению Дурново был сохранен принцип губернаторского надзора, поскольку этого требовала «элементарная политическая осторожность» и дело представлялось слишком новым. Законопроект передавался в согласительную комиссию⁶⁶⁴. В такой ситуации поляки обеих палат решили бороться за польский язык или полное отклонение законопроекта⁶⁶⁵.

В заседании Совета присутствовали Сазонов, Харитонов и Тимашев, а Сухомлинов, Саблер и Щегловитов, наоборот, явились на выборы согласительной комиссии, чтобы способствовать прохождению поправок Совета. Кривошеин неизменно отсутствовал. Иными словами, как писал кавказскому наместнику гр. И.И. Воронцову-Дашкову его зять гр. В.В.

---

⁶⁶² Свет, 27 апреля 1913 г.

⁶⁶³ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 10. Л. 11–14.

⁶⁶⁴ Государственный совет. СО. IX сессия (1913–1914). СПб., 1914. Стб. 108–182.

⁶⁶⁵ Новое время, 1 декабря 1913 г.

Мусин-Пушкин, Коковцов «сел в лужу»⁶⁶⁶. «Речь» сообщала, что отсутствие ряда министров в Государственном совете во время речи премьера в бюрократических кругах воспринималось как резкое размежевание по данному вопросу⁶⁶⁷. По мнению «Русских ведомостей», теперь Коковцов либо должен был подать в отставку, либо добиться перемен в составе Государственного совета⁶⁶⁸. Формальный повод для значимых новогодних перемен в составе палаты тоже присутствовал: здоровье председателя Совета Акимова было неважно, в связи с чем пресса писала о его возможном уходе⁶⁶⁹. Практически весь 48-ой номер «Гражданина» был направлен против Коковцова. Будет ли Кривошеин премьером, отмечала «Речь», – «богатая тема для политических гаданий на святках»⁶⁷⁰.

21 декабря Коковцов в циркуляре напоминал министрам о необходимости предварительного внесения законопроектов в Государственную канцелярию перед обсуждением в Совете⁶⁷¹. Циркуляр, как писала «Речь», «отмечает степень бюрократической анархии, хаоса, у нас господствующего», который является оборотной стороной произвола⁶⁷². «Конечно, министерские канцелярии не сидят без дела, а завалены работой; в них в достаточном количестве разрабатываются разные законопроекты, но судьба этих законопроектов очень странная. Одни из них переходят из инстанции в другую, возвращаются в первую, перерабатываются, вновь начинают хождение по инстанциям, пока, наконец, не наступит какая-нибудь дата, которую в известном смысле можно назвать юбилейной: десятая редакция одного и того же законопроекта, пятилетие хождения его из министерства в Совет министров и т.п. Другие законопроекты дальше департаментской канцелярии света не видели: по ним все еще бесконечно

---

⁶⁶⁶ Из переписки царских сановников накануне войны и революции // Красный архив. 1933. № 6 (61). С. 131–133.

⁶⁶⁷ Речь, 6 декабря 1913 г.

⁶⁶⁸ Русские ведомости, 29 ноября 1913 г.

⁶⁶⁹ Новое время, 17 ноября 1913 г.

⁶⁷⁰ За неделю // Речь, 9 декабря 1913 г.

⁶⁷¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 113. Л. 136–140.

⁶⁷² Речь, 22 декабря 1913 г.

долго собираются предварительные сведения. Третьи дошли до Думы, но были потом взяты обратно внесшими их министрами. Из оставшихся немалое число застревает в думских комиссиях и еще больше гибнет в Государственном совете. Все заняты, колесо вертится безостановочно, и в итоге – ничего, кроме кучи никому не нужной вермишели», – писали «Русские ведомости»⁶⁷³. Газета отрицала даже значимость экономических изменений: «Нет нового фазиса в развитии русского народного хозяйства. <...> Нет того перелома, того быстрого укрепления и развития хозяйственной жизни, которое должно же когда-нибудь наступить, если нам суждено быть богатой и мощной державой. Телега русского народного хозяйства все еще медленно катится по старой грунтовой дороге, то попадая в болото, то увязая в песках. Возница все еще не проснулся как следует. Он едет, конечно. Но какое значение может иметь его движение, когда американцы, англичане, немцы, бельгийцы уже мчатся на курьерских поездах». «Русские ведомости» подводили итог: «Необходимо создание свободных и культурных людей. <...> Весь современный экономический прогресс передовых государств покоится на известных психологических основаниях»⁶⁷⁴.

Подводя итог году, кн. Б. Шаховской писал: «Общественные дела 1913 г. отвратительны. Государственная дума не работает и верно работать не будет, объединенное правительство тоже не отличается работоспособностью и законодательной инициативой; к тому же, поражает отсутствием согласия в Кабинете. А что творится в области иностранных дел. Господи, один Ты ведаешь, что там творят с нашими русскими интересами. Жутко думать о завтрашнем дне – что нас ждет?»⁶⁷⁵ Меньшиков отмечал: «Великий народ жаждет проявлений величия в своей государственности, а когда он этих проявлений не чувствует, а изо дня в день видит нечто иное, он недоволен, он падает духом и испытывает разочарование, даже тревогу. Вот этой

---

⁶⁷³ Русские ведомости, 15 января 1914 г.

⁶⁷⁴ Юровский Л. На полпути // Там же. 1 января 1914 г. Вкладка. С. 37.

⁶⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 928. Л. 1272. Кн. Б.Н. Шаховской – П.П. Кудрявцеву, 31 декабря 1913 г.

простой истины и не хотят понять наши политические оптимисты, упорно настаивающие, что все у нас обстоит благополучно». Планомерного роста и хорошего урожая, по мнению публициста, было недостаточно. Он задавал главный вопрос: «Возможно ли повернуть отрицательное направление общественной мысли, охватившее ныне, благодаря многим просчетам, почти всю грамотную Россию?». Меньшиков приводил в пример Германию после «наполеоновского погрома». «Минувший 1913 год, бурный и преисполненный крупных событий во внешней политике, был годом печальнейшего глубокого застоя во всех областях внутреннего устройства России». Меньшиков хвалил лишь работу ГУЗЗ и МНП. Наоборот, земская жизнь кипела: «первое, что бросается в глаза, это то, что земская жизнь далеко переросла рамки действующего земского положения»⁶⁷⁶. «Голос Москвы» отмечал затянувшееся на последние два года «неопределенное положение» во внутренней политике на фоне разгрома во внешней и неблагоприятных, как считалось, тенденций в экономике⁶⁷⁷. «Вестник Европы» писал: «Чтобы сказать, что 1914 год не сулит ничего крупного в нашей общественно-политической жизни – для этого вовсе не надо быть пророком. Такое предсказание делается всеми: и справа, и слева»⁶⁷⁸. Лишь «Русские ведомости» отмечали: «Политическое положение упрощено до последней степени, все точки над і уже поставлены <...> Проходят и недавняя апатия и усталость. Недостает одной организованности»⁶⁷⁹. Однако в частном письме кадет Л.А. Велихов признавался: «По моему мнению, никогда общественная реакция не была так сильна, как сейчас. Она гораздо сильнее, чем правительственная реакция». Велихов приводил слова А.М. Александрова: «Сейчас можно восстановить самодержавие, и над русской

---

⁶⁷⁶ Новое время, 1 января 1914 г.

⁶⁷⁷ Голос Москвы, 1 января 1914 г.

⁶⁷⁸ Кузьмин-Караваев В. Хроника. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 455.

⁶⁷⁹ Максимов А. Наши внутренние дела // Русские ведомости, 1 января 1914 г. Приложение. С. 80.

жизнью десятки лет без протеста будут ползать черви. Карты, сплетни, пьянство...»⁶⁸⁰.

Земский вопрос стал заключительным аккордом, продемонстрировавшим не только взаимоотношения правительства Коковцова с цензовой общественностью, но и степень влияния премьера. 1 января земству исполнилось 50 лет. Земские финансы в 40 губерниях выросли в 1913 г. с 250 до 290 млн. руб. В сумме роста 26 млн. составляли собственно земские доходы (в т.ч. 17 млн. – увеличение земских сборов с недвижимости, 4 – с земских имуществ и капиталов), 14 млн. – казенные (по новому закону). Всего казенные средства составляли 47 млн. Расходы на образование составили 90,1 млн. (рост на 16,6; 31 % расходов), на экономические предприятия – 22,2 % (рост на 6,3 млн., т.е. на 40 %, большая роль казенных средств), на здоровье – 71,4 млн. (24,6 %, рост на 6,6 млн.). Расходы на образование впервые и по причине казенных ассигнований превысили расходы на здравоохранение. Приводя эти данные, «Русские ведомости» делали парадоксальный вывод: «Таким образом, окидывая взором земскую ниву, видим, что сухие и холодные ветры из Петербурга не в состоянии ни засушить ее, ни даже задержать ее рост. Это должно укреплять веру в земство. Вера же должна воздерживать от уныния и усиливать энергию в борьбе за будущее земских учреждений»⁶⁸¹.

К юбилею «Московские ведомости» во главе с новым редактором Б.В. Назаревским⁶⁸² приурочили серию статей Пасхалова, направленных против губернского земства. Сообщалось, что оно отбирало у уездного земства не менее 30 % (а иногда и до 60 %) сборов, но никакого положительного

⁶⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 981. Л. 88. Л.А. Велихов – Б.А. Велихову, 23 января 1914 г.

⁶⁸¹ Русские ведомости, 19 января 1914 г.

⁶⁸² Сам Тихомиров предлагал в качестве своего преемника А.С. Вязигина или председателя Московского комитета по делам печати А.А. Сидорова (Тихомиров Л. По поводу моего отказа от издательства «Московских ведомостей» // Московские ведомости, 21 ноября 1913 г.). Пуришкевич в письме Кривошеину также расхваливал Вязигина, которого должны были, по его сведениям, назначить редактором газеты (РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 304. Л. 3–5об. 12 ноября 1913 г.). Однако 15 ноября Тихомиров был уведомлен о будущем назначении Назаревского (Тихомиров Л. По поводу моего отказа от издательства «Московских ведомостей» // Московские ведомости, 21 ноября 1913 г.).

эффекта это не давало: уездные земства сами справлялись со всеми потребностями. Лишь страховое дело являлось исключением, но оно было неподъемно и губернскому самоуправлению, в связи с чем предлагалось создать всероссийское земское страховое общество или передать страхование государству⁶⁸³. Публицист был и против создания волостного земства: на него планировалось возложить и административно-полицейские функции, что, при полном отсутствии образованных людей, привело бы к беспорядку. Пасхалов считал волостное земство чисто политическим лозунгом⁶⁸⁴. Хотя официальная точка зрения правительства была гораздо умереннее и ближе к октябристской, идейная близость Пасхалова к министру Маклакову не могла не возбуждать в общественности определенных опасений.

Как бы опровергая слухи об ослаблении Маклакова, верховная власть и МВД продемонстрировали жесткую позицию в отношении земства. Земский юбилей был отпразднован подчеркнуто официально. К юбилею А.Н. Хвостов был пожалован действительным статским советником. Присутствовал 301 человек, в том числе члены Государственного совета по выборам от земства, предводители дворянства, председатели и члены управ и только 86 гласных⁶⁸⁵. Его казенный характер вызывал недовольство земцев⁶⁸⁶. Раут петербургского земства для других земств отменялся, что лишало торжество смысла⁶⁸⁷. Собрание было перенесено в здание МВД. Родзянко отбыл до ужина⁶⁸⁸. Рескрипт на имя Маклакова был подчеркнуто сух⁶⁸⁹. Депутации земств Николай II сказал: «Я выражаю твердую уверенность, что всякая земская работа в тесном единении с Моим правительством будет проникнута и воодушевлена безграничной заботой о бесчисленных местных нуждах населения и о его благе. Разумное удовлетворение местных нужд является

---

⁶⁸³ Х. [Пасхалов К.Н.] По поводу 50-летия учреждения земства // Московские ведомости, 9 января 1914 г.; Пасхалов К.Н. Юбилейные земские итоги. Часть III // Там же. 11 января 1914 г.; его же, Юбилейные земские итоги. Часть V. // Там же. 17 января 1914 г.

⁶⁸⁴ Пасхалов К.Н. Юбилейные земские итоги. Часть V. // Там же. 17 января 1914 г.

⁶⁸⁵ Кузьмин-Караваев В. Хроника. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 459.

⁶⁸⁶ Голос Москвы, 9 января 1914 г.

⁶⁸⁷ Русские ведомости, 8 января 1914 г.

⁶⁸⁸ Новое время, 10 января 1914 г.

⁶⁸⁹ Там же. 8 января 1914 г.

главным залогом развития и подъема благосостояния государства. Духовному взору моему представляется спокойная, здоровая и сильная Россия, верная своим историческим заветам, счастливая любовью своих благодарных сынов и гордая беззаветной преданностью их Нашему Престолу»⁶⁹⁰. По поводу юбилея «Русская мысль» писала: «От старых общественных сил, от дворянства ждать обновления не приходится. Новые силы еще только растут и складываются. Когда они вырастут, наступит и разрешение угнетающего кризиса, если оно не будет ускорено внешними событиями»⁶⁹¹. Н. Львов на годовом собрании Петербургского юридического общества 26 января произнес приуроченную к юбилею речь, в которой заявил, что земство в 1890 г., как и Дума в 1907 г., было реформировано из чисто доктринальных соображений. Львов констатировал: «Государственную думу стремятся замкнуть в заколдованный круг, оторвать от естественных связей с обществом, отрезать от всякого влияния на окружающую жизнь. <...> Борьба эта ведется не против какой-либо политической партии, не против революционного движения, а против всего русского общества в целом»⁶⁹².

Собравшийся тогда же Первый Всероссийский съезд по народному образованию демонстрировал прямо противоположное поведение. «Русская мысль» отмечала заметный рост политического сознания учителей⁶⁹³. «Этих шесть тысяч учителей собрали в Петербурге за казенный счет и передали их из рук в руки Милюкова и компании для свободного их распропагандирования и вручения им программы общей революционной деятельности», – писали «Московские ведомости». Такие мероприятия, по мнению газеты, «ничего не дают для дела, но дают многое в смысле развития и объединения антигосударственных настроений»⁶⁹⁴. Богданович в письме

---

⁶⁹⁰ Голос Москвы, 9 января 1914 г.

⁶⁹¹ Изгоев А. К 50-летию земства // Русская мысль. 1914. № 2. III паг., с. 1–4.

⁶⁹² Вестник Европы. 1914. № 3. С. 331.

⁶⁹³ Янсон А. Первый Всероссийский съезд по народному образованию // Русская мысль. 1914. № 2. II паг., с. 148–152.

⁶⁹⁴ Бодиско [Д.М]. Преувеличенная тревога // Московские ведомости, 8 января 1914 г.

царю противопоставлял «новый земский собор», организованный Маклаковым, и состоявшийся вскоре после него съезд «диких и невежественных» земских учителей, вина за который возлагалась преимущественно на Коковцова⁶⁹⁵.

Боевой задор демонстрировала и Дума. После раскола октябристов «Голос Москвы» был подчеркнута оптимистичен: «С чувством полного удовлетворения можно отметить отсутствие признаков общественного уныния. Наоборот, намечается даже тенденция к объединению прогрессивных общественных сил <...> правда, пока еще только едва намечаемая <...> если они найдут в себе достаточно решительности отказаться от узкой доктринерской нетерпимости и объединиться вокруг главной идеи». Это, как отмечала газета, становилось единственной задачей четвертой Думы⁶⁹⁶. Газета всячески подталкивала Родзянко к уходу с его поста. Наиболее вероятным преемником являлся Волконский, но его шансы не были вполне ясны⁶⁹⁷. Но, несмотря на инициативы внутри фракции, сам Родзянко уходить не торопился⁶⁹⁸. В конце декабря на аудиенции председатель Думы критиковал правительство за отсутствие реформ, что вело к повторению событий 1905 г. Тем не менее, Родзянко отмечал, что «таким милостивым приемом он удостоен впервые»⁶⁹⁹. Прогрессисты настаивали на его сохранении, ибо в случае отставки рушилась вся комбинация президиума и мог пройти кандидат правого центра⁷⁰⁰. Кадеты надеялись на то, что земцы-октябристы все же не поддержат Волконского и проголосуют за ставленника левых октябристов – Хомякова⁷⁰¹. Волконский начал борьбу за председательский пост. В декабре после окончательного раскола он попытался создать из новой фракции земцев-октябристов опору для своей кандидатуры и привлечь их к соглашению с правым крылом.

---

⁶⁹⁵ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–12об. А5

⁶⁹⁶ Голос Москвы, 14 января 1914 г.

⁶⁹⁷ Там же. 4 января 1914 г.

⁶⁹⁸ Председательский кризис // Там же. 17 января 1914 г.

⁶⁹⁹ Джунковский В.Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 255–257.

⁷⁰⁰ Сферы и Дума // Утро России, 16 января 1914 г.

⁷⁰¹ Речь, 15 января 1914 г.

Коковцов был посвящен в этот план. Лишь после того как Глинка, узнав об этом, уведомил Родзянко, план был сорван⁷⁰².

Сессия возобновилась 14 января. Кадет Л.А. Велихов писал: «Государственная дума открылась в половинном составе, какдохлая муха. Сплетничают, недовольны, раскалываются. Никто не верит в будущее. Одним словом, нудно, скверно и серо. <...> Паралич в правительстве, паралич в Государственной думе, паралич у земцев. Все валится из рук. И ни одного бодрящего луча. Таково сейчас господствующее настроение. Это – вовсе не реакция. Реакция – все же сила, а теперь – туман, болото, всеобщее недоумение, всеобщее бессилие и всеобщий сон»⁷⁰³. Савенко был уверен в скором роспуске и не собирался идти в новую Думу, поскольку она должна была стать левой и скоротечной⁷⁰⁴.

24 января Дума покончила с запросом о нарушениях на выборах. Милюков предложил формулу с протестом против избирательного закона 3 июня, систематических злоупотреблений властей на выборах и сокрытия правды. Итог, по его мнению, был фатален: «Убедить эту власть невозможно. Остается один печальный вывод: эта власть понимает только одно принуждение как способ воздействия. Ее остается принудить». Формулы прогрессистов, трудовиков, меньшевиков и большевиков имели принципиальное сходство с кадетской (кроме того, что в прогрессистской не говорилось об акте 3 июня). Левые октябристы и земцы-октябристы присоединились к формуле прогрессистов, она прошла 160 голосами против 125⁷⁰⁵. В конце января состоялось 3 совещания прогрессистов, левых октябристов и правых кадетов. Неофициально приглашенный Алексеенко не явился. Октябристы предложили создать информационное бюро, но кадеты отказались и, в свою очередь, настаивали на договоренности о ближайших

---

⁷⁰² Глинка Я.В. Ук. соч. С. 124.

⁷⁰³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 981. Л. 36. Л.А. Велихов – Б.А. Велихову, 14 января 1914 г.

⁷⁰⁴ Там же. Л. 45. А.И. Савенко – Е.А. Лебедевой, 16 января 1914 г.

⁷⁰⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 62–109.

законопроектах⁷⁰⁶. 27 января на квартире Коновалова прошло совещание с участием прогрессистов И.Н. Ефремова и В.М. Вакара, кадетов В.А. Маклакова, М.В. Челнокова, А.М. Александрова и И.П. Демидова, левого октябриста Н.Н. Опочинина, а также других лиц с целью «найти тот или иной выход из создавшегося положения». Вновь был выдвинут проект межфракционного бюро⁷⁰⁷. На следующий день, после консультаций по фракциям, совещание повторилось, однако создание бюро было признано «довольно трудным» технически. Ожидалось, что с приездом Родзянко дело «значительно подвинется вперед»⁷⁰⁸. 30 января представители 3 фракций выработали основные принципы реформы Сената (отменявшие его право разъяснения законов, а также право министра юстиции представлять кандидатуры в сенаторы и его заведование сенатской канцелярией)⁷⁰⁹. Таким образом, по этому вопросу была занята консолидированная позиция, направленная против щегловитовского проекта. Умеренно-социалистический «День» приветствовал консультации, поскольку они могли привести к расколу кадетов, а левым давали возможность определиться по отношению к «буржуазной демократии» во главе с Милюковым⁷¹⁰. Однако сами кадеты рассматривали внепартийные совещания лишь как «средство политического воспитания», а не возможность создания широкой коалиции⁷¹¹. В ответ правые в Думе распространяли слухи о грядущем роспуске (по их сведениям, правительство 28 января якобы приняло такое решение)⁷¹².

В действительности Коковцов озаботился созданием парламентского большинства и даже планировал для этого 4 банкета. «Утро России» советовало ему сперва заняться объединением правительства⁷¹³. Но то и

---

⁷⁰⁶ Новое время, 28–30 января 1914 г.; Голос Москвы, 30 января 1914 г.

⁷⁰⁷ Утро России, 28 января 1914 г.; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 323.

⁷⁰⁸ Утро России, 29 января 1914 г.; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 324.

⁷⁰⁹ Утро России, 31 января 1914 г.; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 324–325.

⁷¹⁰ День, 29 января 1914 г.

⁷¹¹ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 259. 30 января 1914 г.

⁷¹² Голос Москвы, 29 января 1914 г.

⁷¹³ Банкеты объединения // Утро России, 17 января 1914 г.

другое явно запоздало. Еще 4 декабря Кривошеину был предложен пост премьера⁷¹⁴. «Московские ведомости» восхищались успехами землеустройства и вышедшими «Отчетными сведениями о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г.»⁷¹⁵. К середине января 1914 г. у слухов появилась новая почва. 10 января Государственный совет начал обсуждение вопроса о сухом законе, инициированном Думой еще в 1907 г. Наиболее активными сторонниками бюджетной реформы в правительстве были Кривошеин и Рухлов⁷¹⁶. Кривошеин еще летом 1913 г. в Ливадии в долгой беседе с царем предлагал для проведения реформы назначить министром финансов П.Л. Барка⁷¹⁷. Накануне обсуждения этого важнейшего законопроекта стороны демонстративно обменивались любезностями. Главный оппонент Коковцова Витте поздравлял премьера с Новым годом. Коковцов отвечал и выражал благодарность за справку Витте о займе 1906 г., что Коковцов обещал никогда не забыть⁷¹⁸. Несмотря на демонстрацию любезности, прения по законопроекту оказались бурными. Витте полностью раскритиковал деятельность Министерства финансов за последнее десятилетие и доказывал, что закон действовать не будет. Коковцов фактически не спорил, находя желательным найти вместо винной монополии нечто тоже реально действующее. Однако 17 января принцип полного запрета на алкоголь был принят⁷¹⁹.

В Министерстве финансов настроения были вполне определенными: «О назначении к нам и в «красный угол» А.В. Кривошеина говорят все, как о решенном вопросе»⁷²⁰. В январе 1914 г. Кривошеин быть премьер-министром не захотел, однако и потом царь ему еще два раза предлагал эту должность. Как считал Барк, Кривошеин, вероятно, отказывался, потому что не был

---

⁷¹⁴ Дякин В.С. Ук. соч. С. 171.

⁷¹⁵ Преображенский Ф.А. Землеустройство за 6 лет // Московские ведомости, 23 января 1914 г.

⁷¹⁶ Барк П.Л. Глава из воспоминаний. Период национального возрождения // Возрождение. 1955. № 48. С. 75.

⁷¹⁷ *Его же*, [Воспоминания] // Там же. 1965. № 157. С. 61.

⁷¹⁸ РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 7. Л. 1. 1 января 1914 г.

⁷¹⁹ Государственный совет. СО. IX сессия (1913–1914). СПб., 1914. Стб. 560.

⁷²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 981. Л. 33 б. П. Ефремов, СПб. – Д.С. Ключареву, Варшава, 11 января 1914 г.

оратором⁷²¹. Однако были и другие причины: Кривошеин собрался за границу для поправления здоровья⁷²². «Речь» считала положение Коковцова прочным, но лишь поскольку, поскольку ему не существовало замены: Кривошеин тяжело болел, Дурново – также болел и, кроме того, имел слишком почтенный возраст⁷²³. Однако «Голос Москвы» указывал и на возможную кандидатуру Щегловитова⁷²⁴. Как бы то ни было, все кандидатуры считались более правыми, а потому кадеты считали самым благоприятным вариантом сохранение Коковцова⁷²⁵. Его отставка, даже если бы состоялась, по мнению «Речи», не могла привести к объединению правительства; это усиливало роль малого Совета министров, и в Думе говорили о возможном назначении не премьера, а просто председательствующего, которым мог стать Рухлов или Харитонов⁷²⁶. В. Гиляровский хвалил Рухлова, отмечая, что при нем доходность казенных железных дорог выросла почти в 2 раза, и защищал министра от нападков и интриг, говоря, что тот – «просто человек дела, и только дела, а не партий»⁷²⁷. Однако и у Рухлова здоровье оставляло желать лучшего: еще осенью 1911 г. у него случился удар из-за произошедших потрясений (покушения на жизнь дочери и смерти Столыпина – его личного друга)⁷²⁸; совсем недавно (в конце 1913 г.) Рухлов подавал в отставку⁷²⁹. Назначения Харитонова не желал, по-видимому никто, в том числе и он сам. В результате, перебрав все варианты, «Речь» сообщала: «В сферах считают безусловно необходимым назначить «свежего» человека со стороны»⁷³⁰.

26 января «Гражданин» впервые определенно заявил об отставке Коковцова и делал прозрачные намеки на назначение Горемыкина⁷³¹. Еще

---

⁷²¹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 73.

⁷²² Новое время, 15 января 1914 г.

⁷²³ Львов. В бюрократических кругах // Речь, 19 января 1914 г.

⁷²⁴ Голос Москвы, 22 января 1914 г.

⁷²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. 1914. Д. 27. Л. 16.

⁷²⁶ Речь, 25 января 1914 г.

⁷²⁷ Голос Москвы, 19 февраля 1913 г.

⁷²⁸ Там же. 10 ноября 1911 г.

⁷²⁹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1095. Л. 1–2 об.

⁷³⁰ Львов. В бюрократических кругах // Речь, 19 января 1914 г.

⁷³¹ Дневник // Гражданин. 1914. № 4. С. 11–12.

недавно в прессе писали лишь о назначении Горемыкина главноуправляющим ведомством императрицы Марии⁷³². Но уже 30 января Коковцов получил отставку при Высочайшем рескрипте и возведении в графское достоинство, член Государственного совета статс-секретарь Горемыкин стал новым председателем Совета министров (без портфеля), а управляющим Министерством финансов – действительный статский советник П.Л. Барк. Отставка была воспринята «с исключительным равнодушием»⁷³³. Изгоев давал бывшему премьеру весьма точную характеристику: «Вполне корректный, превосходный знаток своего дела, прекрасный работник, строгий хранитель вверенного ему казенного сундука, недурной оратор с излишней склонности к многоречивости, язвительный полемист, чересчур самолюбивый, положим, в сношениях с людьми до известного ранга <...> председателем Совета министров Владимир Николаевич Коковцов не был, ничего он не объединял, никем не руководил»⁷³⁴. Сразу после своей отставки Коковцов в разговоре с издателем еженедельника «Экономист России» Г.П. Сазоновым назвал основной причиной своей отставки, наряду с безволием императора, еще и безответственность царских советников⁷³⁵. В теплом письме Гурлянду отставленный премьер написал: «Уже давно было видно, что «ставка» была поставлена не на наши взгляды и что они были «биты» задолго перед тем, что был «бит» я. Ошибался ли я, или просто у меня не хватило ловкости рук, приспособляющихся ко всему – покажет недалекое будущее»⁷³⁶.

Главной причиной отставки премьера стала его внутривластная несостоятельность – концепция «примирения» на поверку оказалась лишь прикрытием чисто бюрократического желания уйти от решения политических вопросов. Ситуация настоятельно требовала обратного. Вопрос заключался не только в программе действий и лице, ее формулирующем, но

---

⁷³² Новое время, 15 ноября 1913 г.

⁷³³ Голос Москвы, 1 февраля 1914 г.

⁷³⁴ Изгоев А.С. На перевале // Русская мысль. 1914. № 2. С. 153–154.

⁷³⁵ Сазонов Г.П. Воспоминания о Распутине // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед.хр. 47. Л. 5об.

⁷³⁶ РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 223. Л. 2–3.

и в проявлении способности к ее последовательному осуществлению. Столыпин строил свою стратегию на сотрудничестве с партиями и придании им нужной направленности – по усмотрению самого премьера. Маклаков фактически отрицал само сотрудничество. Кривошеин, наоборот, формально добиваясь возможности продолжить столыпинский курс, рассчитывал на готовность думских либералов к диалогу. Октябристы, несмотря на такие надежды, в данное время вряд ли были на это способны. Прогрессисты, как уже стало ясно, оказались октябристами, играющими на кадетском поле. Создавая имитацию деловой активности, по сути, прогрессисты паразитировали на партийном и парламентском кризисе. Их единственным шансом было широкое оппозиционное объединение. В течение всего года настроения прогрессистов и левых октябристов, оформившихся в отдельную фракцию к концу 1913 г., становились все более радикальными. Кадеты продолжали выдерживать свою тактику изоляции, которая полностью соответствовала партийным интересам: находила понимание у местных партийных организаций, сохраняла моральный авторитет конституционных демократов в среде их сторонников, развивалась в русле настроений потенциальных соратников по левому центру. Кадеты отдавали себе отчет в том, что войти в левый центр для них (несмотря на внутренний кризис, все же самой организованной и сплоченной думской фракции) никогда не будет поздно, и ждали благоприятной конъюнктуры для его организации именно вокруг своей фракции. Кроме того, только такая тактика позволяла сохранить единство партии. А близость острой фазы политического кризиса была уже совершенно очевидна всем.

Глава 5. «Либеральная пьеса»: поиски возможностей реального взаимодействия правительства и общественности (январь 1914 – июнь 1915 гг.)

Конституционный кризис 1913 г. ставил точку на способностях премьера Коковцова управиться с развитием политической ситуации. Политика равноудаленности от различных противоборствующих сил окончательно провалилась. Оппозиционная активность, в значительной степени вызванная пассивностью власти, довершила дезорганизацию правительства. В создавшейся ситуации в его среде верх взяла тенденция политического лавирования. Она отличалась от столыпинского курса, поскольку предполагала не абсолютное доминирование правительства в политическом процессе, а соглашение с цензовой общественностью. Кроме того, такая тенденция неизбежно провоцировала в недалеком будущем масштабное реформирование политического строя.

5.1. «Новый курс»: от политического администрирования к политическому лавированию

Приход Горемыкина означал стремление власти расширить возможности политического маневра: новый – старый премьер был известен и умеренно-либеральными инициативами конца прошлого века, и роспуском I Думы, и инициированием назначения Столыпина¹. Изначально правые не скрывали своего удовлетворения. Они восприняли приход Горемыкина с воодушевлением, ожидая твердости в отношении Думы и объединения

---

¹ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 204.

правительства². «Московские ведомости» считали назначение премьера без портфеля, равноудаленного от ведомственных интересов, правильным: «Дела правления теперь должны особенно стянуться и собраться к одному знаменателю. Это означает собой наступление времени действий, более сосредоточенных и более интенсивных»³. «Земщина» напоминала о судьбе первой Думы и отмечала: «Более счастливой комбинации нельзя найти»⁴. «Прямой путь» считал Горемыкина «человеком нашего духа», но «как бы не совпадали личные убеждения, угол зрения свободного монархиста, действующего идейно и притом в чисто общественной сфере никогда не может совпасть с углом зрения практического государственного деятеля, действующего совсем при иных нравственных условиях». Газета выступила с призывом к правительству не идти в Думу «на поклон»⁵. Правые в Государственном совете также восприняли назначение Горемыкина с большим удовлетворением. При этом, однако, отмечалось, что его приход «ничего не означает», поскольку вскоре премьерский пост должен был занять Кривошеин, если ему позволило бы здоровье⁶.

Первое впечатление от назначений Горемыкина и Барка в либеральной среде было отрицательным: в первую очередь в этих кругах вспоминался период Перводумья. Интересно, что его поминали даже октябристы. «Мы не закрываем глаза на будущее. Мы предвидим тяжелые минуты, которые еще придется пережить России, но твердо верим в непреложность исторического закона. Ни неопределенность г. Коковцова, ни определенность г. Горемыкина не могут повернуть обратно колесо истории», – писал «Голос Москвы»⁷. В Думе настроения были соответствующими. Лишь И.Н. Ефремов не верил, что Горемыкин мог бы пойти на роспуск Думы. Варун-Секрет и даже Керенский радовались наступлению периода определенности. Александров

---

² Голос Москвы, 31 января 1914 г.

³ Государев путь // Московские ведомости, 31 января 1914 г.

⁴ Земщина, 31 января 1914 г.

⁵ Ухтубужский П. [Н.Д. Облеухов] Внутреннее обозрение // Прямой путь. 1914. № 2. С. 255.

⁶ Речь, 31 января 1914 г.

⁷ Смена // Голос Москвы, 31 января 1914 г.

считал, что это «является не политическим актом, а конвульсивным движением»: цель назначения была неясна, но поворот к реакции наметился явно. В. Маклаков полагал, что Горемыкин назначен «на несколько дней», после чего «Россия вступит в эпоху авантюры»⁸; похоже, что он ждал повторения сценария 1906 г.: роспуска Думы и смены нового премьера на своего родного брата. Для кадетов назначение было достаточно неожиданным. Они предполагали назначение Витте и отставку Кассо, назначением Горемыкина были удивлены, но считали его лишь фиктивным премьером при Кривошеине или, при его болезни, Рухлове. Горемыкин мог быть вскоре сменен А.Д. Самариним или И.П. Шиповым. В целом, как отмечал С.П. Белецкий, настроение в кадетской среде было «очень подавленное»⁹. «Речь» отмечала, что Горемыкин будет опираться на правых: «тогда-то «дрейфование» <...> станет еще опаснее, и катастрофа надвинется все ближе»¹⁰.

Однако даже «Русские ведомости» внешне были настроены менее драматично: «Относительно И.Л. Горемыкина <...> заранее можно сказать, что он на все согласится, и на роспуск Думы, и на ее сохранение, а при известных обстоятельствах даже на ее упрочение, но и в том, и в другом, и в третьем случае он не будет играть главной роли»¹¹. Газета так объясняла крен вправо: «Разъединенное министерство становится политическим фактором гораздо менее внушительным, чем «объединенное дворянство» или «палата Михаила Архангела». В не сдерживаемой никем борьбе личных честолюбий всякое яркое оказательство «правизны» дает лишний шанс на победу, а всякий повод к подозрению в «левизне» является сильным оружием в руках правительства. Отсюда возникает своеобразное соревнование в побитии рекордов поправения, а наряду с этим чувство ответственности за общий ход государственного управления. Дробясь между лицами и ведомствами,

---

⁸ Голос Москвы, 31 января 1914 г.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. 1914. Д. 27. Л. 19–20об. С.П. Белецкий – Н.А. Маклакову, 4 февраля 1914 г.

¹⁰ Речь, 31 января 1914 г.

¹¹ Русские ведомости, 31 января 1914 г.

распыляется и в конце концов выветривается без остатка. На место политических лозунгов становятся лозунги житейские: «лови момент» и «после нас хоть потоп». И в конечном результате беспорядочной и запутанной борьбы личных интересов реакция доходит до таких пределов, до которых она, быть может, не дошла бы и при существовании определенного заранее намеченного плана реакционной политики». Полемизируя с тезисом Струве о необходимости «оздоровления власти», «Русские ведомости» писали: «Оздоровление политической атмосферы может придти только от самого общества. <...> Развал политического механизма может в течение долгого времени не отражаться чувствительным образом на личных и классовых интересах. Но когда в конце концов опасность становится ясной даже слепым, катастрофа, грозящая непоправимыми последствиями, бывает часто непоправимой. <...> Только единодушное, сплоченное, громко и смело звучащее общественное мнение может рассеять сгустившийся над страной туман и открыть выход из тупика»¹². Нельзя не отметить, что, несмотря на критику, общий тон газеты был удивительно терпимым.

«Не думал я, сидя между вами, что эта честь и это бремя падут на мои слабеющие плечи», – заявил вскоре в заседании Государственного совета новый премьер¹³. Кн. В.Н. Шаховской, ставший министром торговли промышленности в начале 1915 г., писал о своей первой встрече с Горемыкиным: «Меня поразило его преклонный возраст и его удивительное спокойствие, которое скорее походило на индифферентизм. С первого раза было трудно себе представить, сколько у этого старца силы воли и мудрости»¹⁴. Как отмечалось современниками, Горемыкин «был скуп на слова». Наумов вспоминал: «В Совете министров Иван Логгинович производил на меня впечатление человека, который готов внимательно слушать прения, но вместе с тем думает про себя свою собственную

---

¹² Там же. 2 февраля 1914 г.

¹³ Государственный совет. СО. IX сессия (1913–1914). СПб., 1914. Стб. 2081–2131.

¹⁴ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 49–50.

думушку. Думушкой этой он делится лишь с одним своим Государем»¹⁵. Однако в сложившейся ситуации «думушка» все же была направлена в нужную Думе сторону. В связи с переменами в правительстве в ближайшее время ожидалось также отставки Кассо (со сменой на члена Государственного совета кн. Д.П. Голицына-Муравлина) и Саблера (в качестве преемника прочили начальника Царскосельского дворцового управления кн. М.С. Путятина). Могли также уйти Сазонов, Сухомлинов (со сменой на М.В. Алексеева или Н.И. Иванова) и Григорович, а также Рухлов (его могли заменить начальник Николаевской железной дороги И. Ивановский или член Государственного совета К.С. Немешаев)¹⁶. Большая часть перемен могла быть сделана в угоду Думе. Через неделю после назначения Горемыкин посетил Родзянко и имел с ним длительную беседу¹⁷. Сам председатель Думы опровергал всякие слухи о соглашении с Горемыкиным, по его словам, беседа была общей, но он «вынес убеждение о вполне искреннем доброжелательном отношении» нового премьера по отношению к палате¹⁸. Несколько позднее барон Р.Р. Розен в частном письме написал о Горемыкине: «Он jemenfishiste [человек, относящийся ко всему наплевательски (франц.)] чистейшей воды и, разумеется, ничего не предпримет в смысле перемены курса. Но человек он очень просвещенный и разумный, далекий от всякого реакционного и националистического фанатизма. Мы будем, очевидно, продолжать топтаться на месте, но и назад не пойдем. И за это спасибо»¹⁹.

Назначение Барка для политических кругов стало еще более неожиданным. Он был плохо известен даже Алексеенко²⁰. Стоит отметить, что и первая встреча императора с Барком произошла лишь 26 января 1914 г. Барк заявил о необходимости бюджетной реформы и введения подоходного

---

¹⁵ Наумов А.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 356.

¹⁶ Голос Москвы, 1, 2, 5, 7 февраля 1914 г.

¹⁷ Новое время, 8 февраля 1914 г.

¹⁸ Там же. 11 февраля 1914 г.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 985. Л. 417. Бар. Р.Р. Розен – бар. Е.А. Розен, 21 марта 1914 г.

²⁰ Новое время, 31 января 1914 г.

налога. Император просил никому не говорить о встрече, поэтому Барку пришлось потом в беседе с Тимашевым опровергать сообщения газет о встрече²¹. 31 января в рескрипте при назначении Барка говорилось о «коренных преобразованиях» как цели его политики: народном кредите и трезвости. Сам по себе рескрипт при назначении молодого министра был вещью необычайной²². «Земщина» сравнивала рескрипт Барку с отменой крепостного права²³. Кн. Мещерский оправдывался за свою прежнюю статью против Барка и рассказывал, что в прошлом году при личном знакомстве нашел в нем умного собеседника и делового человека²⁴. Витте в интервью «Le Temps» вспоминал о своем бывшем подчиненном Барке и был о нем «самого лучшего мнения»²⁵. «Новое время» сообщало, что французская печать изначально восприняла перестановки в русском правительстве как знамение реакции, но затем поменяла точку зрения; особенно позитивно был воспринят рескрипт Барку²⁶. Газета конкретизировала положения рескрипта в виде национализации кредита, ликвидации посредничества «еврейских банков» и «иноплеменных паразитов», развития кооперации, привлечении русского золотого запаса из европейских банков, борьбы с синдикатами²⁷. «Голос Москвы» отметил, что рескрипт был написан Кривошеиным и отличался стилем и наличием программы²⁸.

«Вот назначения, которые, если немножко привыкнуть к ним, невольно начинаешь считать наилучшими из возможных в данный момент», – писало «Новое время». Меньшиков отмечал, что новый министр финансов был молод, «близок к патриотической русской партии», «будучи сам культурным европейцем с головы до ног, усвоив тайны культурного расцвета Запада, Петр Львович Барк едва ли способен быть реакционером в политике, с одной

---

²¹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 157. С. 61–63.

²² Там же. С. 64.

²³ Володимеров С. Звон святой // Земщина, 1 февраля 1914 г.

²⁴ Дневники // Гражданин. 1914. № 6. С. 9–10.

²⁵ Голос Москвы, 6 февраля 1914 г.

²⁶ Новое время, 5 февраля 1914 г.

²⁷ Там же. 31 января 1914 г.

²⁸ Голос Москвы, 1 февраля 1914 г.

стороны, или медиумом европейской банкократии – с другой». Горемыкин производил на публициста «менее громкое впечатление», но целью премьеры, не получившего министерского портфеля, называлось объединение правительства. Меньшиков не сомневался, что отмены законодательных прав палат не последует, ибо это – «психологический nonsens»: «Наш новый строй не русское изобретение. Это явление всесветное, обошедшее теперь все страны, и бороться против него все равно, что против железных дорог»²⁹. Горемыкин вскоре должен был уступить место Кривошеину, который в только что изданной брошюре «Итоги работ Главного управления земледелия и землеустройства за последнее пятилетие с 1909 по 1913 год» отмечал свое активное сотрудничество с земством и заявлял о необходимости его дальнейшего расширения³⁰. Также сообщалось, что Романовскому фонду выделялись гигантские средства на гидротехнические улучшения³¹. Брошюра вызвала восхищение и у «Московских ведомостей»³².

Барк, как отмечал «Голос Москвы», был человек «молодой, энергичный», с административным и банкирским опытом³³. Новый министр, как сообщали «Русские ведомости», оказался ставленником не кн. Мещерского, а Кривошеина и Витте³⁴. Однако та же газета писала: «Для экономических и финансовых преобразований прежде всего необходима было бы политическая реформа. Назначение председателем Совета министров статс-секретаря Горемыкина не оставляет сомнения в том, что их в программе правительства нет»³⁵. Оценивая принципы новой финансовой политики, «Русские ведомости» отмечали, все это «не более чем зыбь на поверхности великого моря русской жизни». Направление финансовой политики должно было остаться продворянским³⁶. Как считала «Речь», перед

---

²⁹ Меньшиков М. Новая эра // Новое время, 1 февраля 1914 г.

³⁰ Голос Москвы, 2 февраля 1914 г.

³¹ Новое время, 9 марта 1914 г.

³² Плодотворная работа // Московские ведомости, 9 февраля 1914 г.

³³ Голос Москвы, 1 февраля 1914 г.

³⁴ Русские ведомости, 12 февраля 1914 г.

³⁵ Там же. 1 февраля 1914 г.

³⁶ Там же. 12 февраля 1914 г.

Барком стоял «нелегкая задача» смены всей финансовой системы, с чем он вряд ли смог бы справиться³⁷. «Русская мысль» также не верила в объединение правительства при Горемыкине и возможность проведения отчетливого курса: «Чересчур сложные сочетания князя Мещерского и Петра Львовича Барка, Распутина и графа Витте и прочих производят в глазах рябь, от которой точно танцуют все вещи». Для этого нужен был другой человек, крупный государственный деятель, но он не мог появиться в атмосфере «двуличия, постоянных колебаний, нерешительности, мистических туманов и неопределенности, если не полного отсутствия, всяких возможных целей?»³⁸.

Но в либеральной среде были и иные мнения. М.И. Туган-Барановский признавал, что заявленные цели сами по себе были благими³⁹. «Утро России» отмечало: «Бывший премьер разошелся с Верховной властью в кардинальнейшем вопросе финансово-экономической политики и, конечно, должен был выйти в отставку. Верховная власть оказалась на стороне законодательных учреждений». Рескрипт Барку был воспринят как «серьезнейшая программа преобразований в хозяйственной жизни страны» и наиболее важный Высочайший акт с 17 октября 1905 г. Кроме того, выражалась надежда на продолжение курса Тимашева в отношении торгового договора с Германией⁴⁰, что являлось важнейшим вопросом для прогрессистов. «Вестник Европы» указывал и на необходимость введения подоходного налога, который планировал еще Бунге⁴¹. Таким образом, кадеты со своей резко пессимистической реакцией в отношении нового правительства оказывались в одиночестве.

Барк действительно был креатурой Кривошеина и в первое время после своего назначения постоянно консультировался с пребывавшим за границей главноуправляющим земледелием, благодарил его за телеграммы: «Ваши

---

³⁷ Речь, 1 февраля 1914 г.

³⁸ Изгоев А. На перевале // Русская мысль. 1914. № 2. II паг., с. 158–160.

³⁹ Туган-Барановский М. Новый курс // Речь, 4 февраля 1914 г.

⁴⁰ Утро России, 1 февраля 1914 г.

⁴¹ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1914. № 4. С. 296.

добрые советы чрезвычайно облегчают мои первые шаги по тяжелому пути»⁴². Кроме того, именно в это время Кривошеин сблизился с Витте, с ноября 1913 г. между ними возникла доверительная переписка⁴³. Как вспоминал сам Барк, он всегда был сторонником политики Витте⁴⁴. Витте таким образом становился «обер-министром финансов»⁴⁵. Однако как Кривошеин, так и Витте старались остаться в тени. После состоявшихся назначений Витте вслед за Кривошеиным демонстративно собрался за границу – не только по здоровью, но и потому что в России ему было якобы «нечего делать»⁴⁶.

В еврейском вопросе Барк проводил либеральные взгляды, и, по его утверждению, царь ему в этом не мешал⁴⁷. На встрече нового министра с банкирами было заявлено о кредите без национальных ограничений⁴⁸. Сам министр считал, что по политическим взглядам он занимал среднюю позицию между Кривошеиным и Сазоновым⁴⁹. Наумов вспоминал: «В его мягкой готовности выслушать сказывалось не чиновное прошлое, а долголетняя школа банкирской службы, приучавшей людей к приветливому обращению со своей клиентурой»⁵⁰. Вскоре по назначении Барк прибыл в бюджетную комиссию и вступил в деловые переговоры с думцами⁵¹. Вышел циркуляр Министерства финансов о борьбе с пьянством⁵². Планировалось создание междуведомственного совещания по трезвости с участием общественных деятелей⁵³.

10 февраля в Зимнем дворце состоялось заседание Совета министров под председательством монарха, на нем шла речь об объединении политики

---

⁴² РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 252. Л. 1 об.

⁴³ Там же. Д. 262. Л. 1–8.

⁴⁴ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 159. С. 82.

⁴⁵ Русские ведомости, 12 февраля 1914 г.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 1145. Оп. 1. Д. 69. Л. 27. Гр. С.Ю. Витте – епископу Варнаве (Накропину), 13 февраля 1914 г.

⁴⁷ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 81.

⁴⁸ Дякин В.С. Ук. соч. С. 185.

⁴⁹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 177. С. 104.

⁵⁰ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 284.

⁵¹ Новое время, 9 февраля 1914 г.

⁵² Там же. 12 марта 1914 г.

⁵³ Там же. 1 апреля 1914 г.

правительства. 11 февраля Горемыкин собрал у себя всех министров для уяснения общего правительственного курса и технических деталей⁵⁴. Отмечалось два факта сближения правительства и Думы: встреча Горемыкина с Родзянко и введение Алексеенко в Комитет финансов, которому придавалось теперь большее значение в финансовой политике. При этом Алексеенко считал возможным совместить участие в формировании правительственной политики и ее думскую критику⁵⁵. Сообщалось, что будущая думская декларация Горемыкина будет краткой и схожей с декларацией в I Думе – о верности принципам 17 октября. После выступления планировалась «чашка чая» у Горемыкина для прогрессистов, октябристов и центристов⁵⁶. Правительство якобы было настроено на диалог с националистами и всеми октябристскими фракциями. Земцы-октябристы были на него согласны при условии проведения земской реформы и отмены чрезвычайных законов. Группа центра также была готова к сотрудничеству с националистами, но при условии их отказа от союза с правыми⁵⁷. Вскоре Горемыкина поочередно посетили Крупенский и А.Н. Хвостов⁵⁸. Думский председатель с женой в приемный час навестили супругу премьера, что якобы было вызвано давнишним знакомством семей Горемыкиных и Родзянко⁵⁹.

В ответ на правительственные шаги на левом фланге Думы также обозначилась активность. «Голос Москвы» писал: «Из Петербурга за последние дни приходит очень много новостей, заставляющих нас вспоминать и очень серьезно задумываться о вопросах, казалось бы, давно уже похороненных, вопросах, решение которых представлялось нам невозможным». От правительственной декларации ожидалось решение вопросов о единстве правительства и его опоре на думское большинство.

---

⁵⁴ Новое время, 12, 13 февраля 1914 г.

⁵⁵ Debater [Кокошкин Ф.Ф.]. Шаги к объединению // Русские ведомости, 14 февраля 1914 г.; Голос Москвы, 9 февраля 1914 г.

⁵⁶ Голос Москвы, 18 февраля 1914 г.

⁵⁷ Новое время, 9 февраля 1914 г.

⁵⁸ Там же. 20 февраля 1914 г.

⁵⁹ Там же. 20, 21 февраля 1914 г.

Газета призывала спешно его создать: «Объединение это должно быть ответом на организованность правительства, если Дума не сумела достигнуть его раньше и заставить считаться с этим фактом своей организованности. Поэтому и инициатива этого объединения должна исходить из думских кругов, а не быть привнесенной со стороны». Рассматривалось три варианта парламентского большинства: 1) от правых до земцев-октябристов: «но это большинство не могло бы наметить решительно никакой деловой программы»; 2) от националистов до прогрессистов: однако националисты оказались партией авантюрных внешнеполитических лозунгов, никак не связанной со страной; 3) от земцев-октябристов до кадетов: это могло бы стать «единственной прочной группировкой», которая могла возникнуть еще в ноябре 1913 г., но этому помешал раскол октябристов. Газета отмечала: «Самые умеренные политические элементы страны теперь проникаются твердым сознанием, что политика участка, в котором нельзя дышать, не может быть политикой здоровой страны». Главный вывод об объединении звучал так: «Пусть оно продлится недолго, пусть снова пути идущих вперед разойдутся, как и в прошедшем, но на сегодняшний день довольно, если мы возьмем все, что мы можем взять, не пускаясь в споры о том, что надо будет делать завтра»⁶⁰.

«Утро России» отмечало растерянность октябристов в отношении «Нового курса» и неготовность оппозиции к общению с Горемыкиным⁶¹. В начале февраля состоялось совещание левого центра в Думе (исключая земцев-октябристов) у Коновалова, но оно не дало никаких результатов, а инициатор, по его словам, «глубоко разочаровался» в самой этой идее⁶². Уже через несколько дней прогрессистская газета посчитала, что Горемыкин мог бы стать «консерватором на манер английских ториев»⁶³. По сути, только кадеты остались верны своему оппозиционному скепсису. «Речь» заявила,

---

⁶⁰ Не медлите // Голос Москвы, 16 февраля 1914 г.

⁶¹ Ждут октябристов // Утро России, 8 февраля 1914 г.

⁶² Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 325.

⁶³ Идущие за веком // Утро России, 14 февраля 1914 г.

что «систему славянофильского цезаризма легко проводить на бумаге, но невозможно осуществить на деле»⁶⁴. Номер был конфискован за критику правительства⁶⁵.

Правые оказались разочарованы. «Прямой путь» протестовал против сближения правительства с думским центром и сетовал на либеральные поползновения нового премьера⁶⁶. В «Земщине» была опубликована статья правого депутата В.Н. Снежкова; он смотрел на будущее «довольно пессимистично» и призывал правительство к твердости в отношении Думы, но считал роспуск Думы бессмысленным, поскольку ее состав не мог стать лучше. «Либерализм или, вернее, либеральничанье – несчастная особенность всех русских людей» – в отличие от консервативного и буржуазного населения Запада. Поэтому он выступал с призывом реформировать Думу: отменить рабочее представительство, изменить порядок городских выборов, дать монарху право утверждения законопроектов, не получивших в палатах большинства⁶⁷. «В общем не весело, не радостно, не ободрительно. Кот Васька вступил в роль и пока непроницаем», – написал гр. Шереметев в письме А.К. Варженевскому о Горемыкине⁶⁸.

Дума начала свою деятельность с резких политических запросов. 31 января 143 голосами против 96 был принят спешный запрос трудовиков о приказе ряда губернаторов своим чиновникам выписывать издания правого толка⁶⁹. Кадеты поддерживали многочисленные социалистические запросы. Большинство голосовало за спешность, чтобы потом провалить⁷⁰. 4 февраля вносилось кадетское законодательное предположение о публикации отчетов законодательных палат, предполагавшее безответственность печати в этом

---

⁶⁴ Речь, 10 февраля 1914 г.

⁶⁵ Там же. 11 февраля 1914 г.

⁶⁶ Ухтубужский П. [Н.Д. Облеухов] Внутреннее обозрение // Прямой путь. 1914. № 3. С. 246–251.

⁶⁷ Снежков В. Роспуск Государственной думы и изменение Основных законов // Земщина, 21–22 февраля 1914 г.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3010. Л. 348. Гр. С.Д. Шереметев – А.К. Варженевскому, 7 февраля 1914 г.

⁶⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 339–349.

⁷⁰ Там же. Стб. 272–276, 1398–1410, 1426–1464.

вопросе. Товарищ министра внутренних дел Золотарев отказался принять его к разработке, после чего проект был отправлен в комиссию по печати⁷¹. Также было принято внесенное конституционными демократами законодательное предположение о порядке рассмотрения бюджета и о внебюджетных расходах (предполагалось перенести обсуждение бюджета на осеннюю сессию, поскольку, как утверждалось, существовавшая практика позволяла ведомствам в первой половине года тратить средства по своему усмотрению)⁷². Эффект думской деятельности очевидно приближался к нулевому. Даже «Русские ведомости» писали, что на фоне «Нового курса» «с особой яркостью бросается в глаза пассивное и изолированное положение Государственной думы среди прочих элементов нашего государственного механизма». Как отмечалось, «все эти элементы, не исключая и Государственного совета, пришли в движение и оказались так или иначе причастными к совершившимся событиям. В стороне от них, вне круга политических интересов переживаемого момента оказалась лишь наша Нижняя палата»⁷³. И только «Речь» отвечала на критику «Русскими ведомостями» кадетской фракции в пассивности и неконструктивности и отмечала, что запросы – это главное оружие оппозиционного меньшинства⁷⁴.

8 февраля в «России» появились статья, требовавшая от фракций прекратить разлад и создать парламентское большинство вокруг правительства; в противном случае Думе угрожали роспуском. 20 февраля в том же духе вышла статья в «Биржевых ведомостях». Статья в «России» якобы оказалась неожиданной для правительства (скорее всего, только для министра внутренних дел, поскольку полностью укладывалась в кривошеинский курс). Это возбудило вопрос о судьбе газеты: еще при Коковцове она практически не использовалась правительством, новый его состав нуждался в официозе лишь в условиях единства. Н.А. Маклаков

---

⁷¹ Там же. Стб. 460–462.

⁷² Там же. Стб. 459–460.

⁷³ Русские ведомости, 5 февраля 1914 г.

⁷⁴ Речь, 11 февраля 1914 г.

выступил за закрытие, Горемыкин полагал, что тогда пришлось бы создавать новый официоз. Щегловитов также считал закрытие нецелесообразным и даже якобы говорил, что «после этого могут возникнуть события, предсказать последствия которых никто не возьмется»⁷⁵. Однако, несмотря на раздражение Горемыкина, Маклаков на аудиенции у императора добился своего⁷⁶. В середине апреля стало известно о закрытии «России» с 1 мая. Тихомиров записал в дневник: «Жаль, что Маклаков так ограничен. Он по душе, может быть, лучше многих, и вероятно – искренне любит Россию. Но ведь на таком посту требуется ум и развитость»⁷⁷. «Прекращение официоза символизирует собой возвращение власти за прежнюю византийскую завесу непроницаемой государственной тайны», – написала «Речь»⁷⁸. Пресса терялась в догадках. Меньшиков в качестве причин, кроме статьи от 8 февраля, называл и публикацию статей Тихомирова по законопроекту о печати. Но вопрос об официозе, как отмечало «Новое время», оставался открытым; нельзя не отметить, что сама она была бы не прочь занять это место⁷⁹.

Активность министров, чьи имена не ассоциировались с «Новым курсом», резко возросла. Состоялось увольнение члена Государственного совета Д.Д. Гримма из профессоров Харьковского университета, что таким образом лишало его выборного ценза. «Новое время» сообщало, что увольнение было обусловлено причислением профессора к МНП⁸⁰. Решение противоречило духу Основных законов: по ст. 104 лишь император мог вывести выборного члена Совета из его состава и назначить довыборы. Дело Гримма возмутило даже правых в Государственном совете, причем Акимов был с ними солидарен⁸¹. Сообщалось, что Кассо якобы уже подал прошение

---

⁷⁵ Голос Москвы, 25 февраля 1914 г.

⁷⁶ Падение царского режима... Т. 3. С. 110.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 127. 19 апреля 1914 г.

⁷⁸ Речь, 17 апреля 1914 г.

⁷⁹ Новое время, 17 апреля 1914 г.

⁸⁰ Там же. 14 февраля 1914 г.

⁸¹ Львов. В бюрократических кругах // Речь, 9 марта 1914 г.

об отставке, последней каплей стало дело Гримма⁸². Кадет кн. С.П. Мансырев устроил тотализатор на предмет отставки Кассо (после того как она не состоялась, передал деньги обществу вспоможения студентов Петербургского университета)⁸³. Отставка не состоялась, как, впрочем, и Гримм не был выведен из состава Совета.

18 февраля Щегловитов произнес в Думе речь о принципах реформы Сената, вновь отстаивая его неотделимость от Совета министров. Думский центр, для которого это не было новостью, в обстоятельствах провозглашения «Нового курса» воспринял это как оскорбление. В ответ министру В. Маклаков грозил скорой революцией, которая установит истинное разделение властей. Министр юстиции выступил против такого «шельмования власти». Чхенкели призвал либералов бороться не с отдельными проявлениями, а со всей третьеиюньской системой в целом. Дума разделилась пополам: правые и правый центр шумно поддержали Щегловитова, левые и левый центр – речь Маклакова⁸⁴.

МВД проявило большую законодательную активность. Н.А. Маклаков смог провести через правительство свой проект казенного финансирования крестьянского самоуправления. 4 и 5 марта в Думу были внесены 2 предположения (от кадетов и прогрессистов – о государственном казенном обеспечении волостных писарей, и от земцев-октябристов – о государственном содержании волостных крестьянских правлений). Однако Маклаков еще 25 февраля на Высочайшем докладе принципиально решил вопрос по-своему⁸⁵. Маклаков, по мнению либералов, решил взять волостных старшин и писарей на дотацию, чтобы подчинить их себе и подорвать волостную реформу⁸⁶. Закон планировалось принять в отношении центральной России, Сибири, Прибалтики и Польши. 6 марта его рассмотрело правительство, 11 марта одобрил император. 26 марта Маклаков

---

⁸² Речь, 31 января, 4 февраля 1914 г.

⁸³ Голос Москвы, 18 февраля 1914 г.

⁸⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 808–818, 836–848.

⁸⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 28. Л. 1–36.

⁸⁶ Сперанский С. Бюрократизация волости // Русские ведомости, 27 марта 1914 г.

внес поправку, удалив из законопроекта Польшу, поскольку там гмины были всеобщими, 17 апреля с этим согласилось правительство⁸⁷. Незадолго до этого, 17 февраля вышел рескрипт Маклакову по случаю 50-летия крестьянской реформы в Польше, в котором говорилось о нерушимости ее принципов⁸⁸.

5 февраля Маклаков направил в Совет министров проект поселкового управления (стольпинский проект 1908 г. был направлен в Думу, обсуждался в комиссии, но с марта 1911 г. лежал без движения и в феврале 1913 г. был затребован в МВД на доработку). Проект вводил еще более жесткую административную опеку, чем в отношении земств и городов (принцип самоуправления был введен земский, но при подчинении земскому начальнику)⁸⁹. Проект городской реформы МВД предполагал создание имущественных курий (до 4 в общей сложности, последняя курия не могла иметь более трети мест; на национальных окраинах – с добавлением национальных курий), городская дума могла заседать не более 3–4 раз в год, избирала управу и давала ей директивы, правительство могло распустить думу по докладу министра, в перерыве перед выборами управление переходило к назначенным чиновникам⁹⁰. МВД, по сведениям «Голоса Москвы», закончило сбор сведений о земской избирательной системе и должно было в ближайшее время подготовить ее реформу на принципах, сформулированных еще Столыпиным⁹¹. Маклаков отказывался брать на себя разработку земской реформы на октябристских началах во избежание двоевластия на местах⁹². Проектируемый новый устав о гужевых дорогах предполагал их передачу земству, поскольку эта сфера не имела политического значения. Шоссейно-дорожный съезд под председательством товарища министра Н.Л. Щукина имел «строго деловой характер»⁹³.

---

⁸⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 28. Л. 1–36.

⁸⁸ Новое время, 17 февраля 1914 г.

⁸⁹ Русские ведомости, 4 марта 1914 г.; РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 24.

⁹⁰ Речь, 8 марта 1914 г.

⁹¹ Голос Москвы, 5 февраля 1914 г.

⁹² Новое время, 27 февраля 1914 г.

⁹³ Оживление дорожного дела // Московские ведомости, 6 февраля 1914 г.

Кадеты критиковали министерские начинания. Планируемое частичное переложение земско-городских тягот на плечи правительства «Речь» считала правительственной уловкой: это можно было восполнить повышением налогов, а также подготовить провал волостного земства. «Непосредственные материальные выгоды должны заставить людей отказаться от реформаторских мечтаний политического характера. В этом, как известно, и заключается сущность «нового курса» министерства Горемыкина – Барка – Маклакова», которое проводит реформы в интересах «отживающих общественных групп»⁹⁴. Напротив, новый редактор «Московских ведомостей» Б.В. Назаревский выражал надежду на возрождение правительства (ранее власть «слишком надышалась болотными испарениями русского либерализма», от чего «у нее явилась слабость, перешедшая в полный столбняк перед творящейся на ее глазах революционной вакханалией»); Назаревский призывал «нанести ка-декской революции решительный удар»⁹⁵.

В марте 1914 г. Маклаков инициировал и уездную реформу⁹⁶. Крыжановский отмечал насущную потребность в реформе местного управления, особенно на уездном уровне⁹⁷. 19 июня был определен состав совещания под председательством Н.В. Плеве, однако в связи с войной работа его началась только осенью. 11 октября состоялось первое заседание, на котором с речью выступил Плеве. Он отметил как децентрализованность существовавшего местного управления, так и излишнюю бюрократизацию нереализованного проекта 1908 г. Отличительными особенностями нового проекта, разработанного Скаржинским и распространявшегося на 54 губернии и 8 областей европейской России, Сибири и Дальнего Востока, были сближение местного управления и самоуправления и передача

---

⁹⁴ Речь, 15 марта 1914 г.

⁹⁵ Оппозиция и власть // Московские ведомости, 1 марта 1914 г.

⁹⁶ По свидетельству С.Е. Крыжановского, «уездное управление было одной из самых несовершенных частей нашей административной системы» (О характере государственного строя России (из записок С.Е. Крыжановского 1926 г.) // ВИ. 2008. № 5. С. 10).

⁹⁷ Крыжановский С.Е. Воспоминания... С. 137–141.

значительной части дел с губернского на уездный уровень. Должности уездного начальника и предводителя дворянства разделялись. Новый уездный начальник (в проекте он именовался вице-губернатором) должен был председательствовать в уездном совете, землеустроительной комиссии и училищном совете (члены совещания отмечали, что председательствование в последних двух органах будет формальным). Его помощниками становились неперенный член уездного совета и уездный исправник. Новый уездный совет должен был совместить 6 существовавших коллегий уездного управления и, вместо порядковой системы, был устроен по предметной системе на манер губернского. Вице-губернатор, вопреки мнению ряда членов совещания, по поручению губернатора получал право ревизии дворянских учреждений. Наиболее спорным вопросом был вопрос подчинения вице-губернатору жандармерии. Вопреки мнению Плеве и Скаржинского, совещание 8 голосами против 6 проголосовало против подчинения. 10 ноября проект был завершён⁹⁸.

В свою очередь Государственный совет по причине давления ее торгово-промышленной группы провалил законопроект об отдыхе торговых служащих. До этого в Думе он прошел лишь благодаря случайному соглашению левых и правых⁹⁹. «Голос Москвы» расценил отсутствие министров на заседании как демонстрацию отсутствия единства и впервые отметил, что ««новый курс» <...> не подает никаких признаков жизни»¹⁰⁰. Горемыкин специально встретился с Тимашевым, чтобы сгладить его конфликт с Государственным советом¹⁰¹. 26 февраля Государственный совет по докладу Стишинского, поддержанного Сухомлиновым и наказным атаманом В.И. Покотило и против мнения Денисова отклонил законопроект о донском земстве¹⁰². Основным мотивом правого крыла, голосовавшего

---

⁹⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 29. Лл. 4–6, 9, 45–53, 57–72, 80–102.

⁹⁹ Новое время, 21 февраля 1914 г.

¹⁰⁰ На мертвой точке // Голос Москвы, 22 февраля 1914 г.

¹⁰¹ Голос Москвы, 4 марта 1914 г.

¹⁰² Государственный совет. СО. IX сессия (1913–1914). СПб., 1914. Стб. 1332–1387.

против проекта, было стремление сохранить казачество в качестве особой боевой силы и не дать ему слиться с крестьянством¹⁰³.

Октябристы полагали, что вкупе с провалом законопроекта об отдыхе торговых служащих речь Щегловитова рассеивала надежды на «Новый курс»¹⁰⁴. Теперь сомнение в эффективности «Нового курса» выплеснулось на страницы печати¹⁰⁵. Дума как будто ожидала этого и стремительно перешла от оптимизма к отчаянию. Пошли слухи о скорой замене Горемыкина на Щегловитова. «После этого могут последовать события, предсказать последствия которых никто не возьмется», – отмечал «Голос Москвы». «Никогда еще влияние Григория Распутина и кн. Мещерского не было так сильно, как в настоящее время», – оценивала ситуацию газета¹⁰⁶. Как писала «Речь», «в ответ на авторитетные и непререкаемые для бюрократии указания <...> она сделала героические усилия к достижению объединения, и ничего, кроме видимости, добиться не могла»¹⁰⁷. «Русские ведомости» написали: «Верьте: ни остановить великий поток новой, свободной России, ни повернуть его вспять невозможно, немислимо. Он пробьется через все преграды, он одержит верх над всеми препятствиями. Он обойдет или размоет все враждебные кряжи и мощной струей понесет свои воды к тому океану свободы, в который сольются большие и малые реки всех живых народов»¹⁰⁸. 9 февраля «Русские ведомости» призывали думскую оппозицию объединиться хотя бы на отрицательной платформе, например, для провала законопроекта о печати: «Если для продуктивной работы оппозиции в четвертой Думе существуют непреодолимые преграды, то создавшееся положение должно быть выяснено до конца и наглядно обнаружено перед страной. <...> Пусть выводы будут пессимистичны, их во всяком случае следует предпочесть неопределенности и неясности»¹⁰⁹.

---

¹⁰³ Бородин А.П. Ук. соч. С. 205–206.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 983. Л. 233, 244. Г.А. Алексеев – К.С. Алексееву, 19, 20 февраля 1914 г.

¹⁰⁵ Речь, 24 февраля 1914 г.

¹⁰⁶ Голос Москвы, 25 февраля 1914 г.

¹⁰⁷ Речь, 15 февраля 1914 г.

¹⁰⁸ Русские ведомости, 19 февраля 1914 г.

¹⁰⁹ Там же. 9 февраля 1914 г.

После раскола октябристов перспективы формирования думского большинства оказались связаны как с более консервативными, так и с более радикальными силами. Между тем, оппозиция находилась в достаточно печальном положении. На заседании кадетского ЦК обсуждался вопрос абсентеизма партийной фракции¹¹⁰. Кроме того, как отмечали в правительственных кругах, после смерти в январе 1914 г. лидера финляндских автономистов Л. Мехелина финансовое положение кадетов ухудшилось, что было для них крайне неприятно, прежде всего, потому, что они покупали информацию о правительстве¹¹¹. Белецкий отмечал, что расклад в верхах для кадетов в этот период был самым волнующим вопросом: по их данным, его якобы определял Витте, управлявший Кривошеиным и Мещерским. Они хотели привязать к себе Н. Маклакова, который должен был примкнуть к ним или уйти. Сам Витте также мог стать премьером и министром внутренних дел (на пост главы МВД временно также могли быть назначены Штюмер или Волконский). Витте, по мнению кадетов, опасался лишь Рухлова – как кандидата в премьеры и министры финансов¹¹².

На фоне подобных раскладов и настроений в партии опять обострились споры о дальнейшем поведении. На заседании ЦК 9 февраля Н.В. Некрасов, один из лидеров левых кадетов, достаточно неожиданно для партийного руководства предложил начать подготовку к приближающейся революции. Ответом стало недоумение. Щепкин отмечал в Москве «резкие настроения», но считал, что «никакой реальной конъюнктуры в стране в смысле возможности революции не усматривается». Милюков предупреждал об опасности: «Надо не повторить ошибки 1905 г., когда пришлось отмежевываться от левых тогда, когда было уже поздно». Вместе с тем, он предостерег от увлечения «национально-патриотической точкой зрения» и

---

¹¹⁰ Протоколы ЦК... Т. 2. М., 1997. С. 267.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. 1914. Д. 27. Л. 24. С.П. Белецкий – Н.А. Маклакову, 8 февраля 1914 г.

¹¹² Там же. Л. 30–31. С.П. Белецкий (?) – Н.А. Маклакову, 11 февраля 1914 г.

«деловой работой». Главной целью момента, по мнению партийного лидера, была «изоляция правительства», которая в свое время привела к акту 17 октября: «Страна и партия сейчас не на той высоте, как до 17 октября. <...> Фракция в сильной степени парализована рутинной привычной деятельностью. <...> Надо нам самим внутри себя почиститься, устранить наиболее существенные разногласия». Шингарев отмечал, что «задачей момента является не какая-то расплывчатая, вылившаяся в общих фразах, подготовка к проблематической революции, а реальная борьба с той коррупцией, которая все растет в стране, напоминая худшие времена бонапартизма, выдвигая лозунгом «enrichissez-vous», захватывая даже молодежь эгоцентрическими настроениями». Шингарев считал, создать настроение, существовавшее до 17 октября, было невозможно. Он предлагал другой лозунг: «Спасайте Россию от ее собственного правительства, тянущего ее в беду». Между тем Корнилов считал «изоляцию» лозунгом, не дающим цели для «органичной работы в стране». Протопопов констатировал новые настроения: «Лозунги 1905 г. отбрасываются как заскорузлые; в стране строится что-то новое, но без идеологии: нет пророков, не видно учителей. Партийные элементы в Думе стали наполовину правительством». Даже Коллюбакин отмечал, что массы отворачиваются от погрязшей в раздорах интеллигенции, что являлось «наиболее тревожным». Итог подвел Петрункевич, считавший момент крайне трудным для партии в силу ее организационного и политического кризиса. Он призвал быть готовым к возможной революции и поставить этот вопрос на конференции. Некрасов предложил сделать подробный доклад. В результате было решено поручить Некрасову и Милюкову подготовить доклады. Но в целом, лозунг «изоляции» не получил ничьей поддержки¹¹³.

17 февраля ЦК был представлен доклад Некрасова. Теперь он имел более компромиссный характер. Некрасов предлагал с целью готовности к возможной революции бороться с антисемитизмом, клерикализмом, начать

---

¹¹³ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 260–265.

работать с армией, рабочим движением, молодежью («которая мало идет к к.-д.»), третьим элементом. Хотя Некрасов и предлагал «более выпукло отмежеваться от утопического социализма» и «сохранять дружественный нейтралитет» по отношению к октябристам, но одновременно нужно было наладить отношения с думскими левыми, подготовиться к полному отклонению бюджета в следующую сессию и обструкции в случае прохождения реакционных законопроектов. Доклад вызвал резкое противодействие. Шингарев считал, что доклад говорил «не о подготовке к возможному немирному исходу, а чуть ли не о подготовке самого такого исхода». Он призвал не «создавать иллюзий»: «рабочим элементам к.-д. надолго останутся чужими», «массы не поймут <...> одновременной защиты евреев и нападков на духовенство», «не наше дело трогать армию». Он отметил, что неизбежность революции не была доказана: «Пожалуй, война могла бы, скорее всего, вызвать разруху, а без нее существующее положение может затянуться еще на десяток лет». «Весь доклад, можно сказать, бьет мимо цели». Родичев считал, что «вообще реставрация гораздо вероятнее, чем революция»: «Среди офицеров есть честолюбцы, но Конрадов Валленродов нет давно». Прогноз был достаточно мрачен: «Если бы власть привела страну к военному столкновению, переворот оказался бы, пожалуй, возможен, но этот переворот, как слишком ранний, мог бы быть несчастьем для России: мог бы повториться 1848 год во Франции, когда победители не знали, что им делать с неподготовленными массами. Карта нашего поколения бита, и надо начинать сызнова, с новыми поколениями». Изгоев считал доклад в сущности весьма умеренным и требующим создания новой «либеральной партии». Но, отметил он, «надо помнить, что без оздоровления власти, без придания ей внутренней авторитетности, немислимо будет и создание либеральной партии». Милюков вынужден был выразить несогласие как с докладчиком, так и с его оппонентами, и призывал «вернуться к прошлому». При этом ничего существенного он не предложил.

Дальнейшее обсуждение было отложено до следующего заседания¹¹⁴. Москвичи сдаваться не собирались¹¹⁵, но новое заседание так и не состоялось.

Однако 23 февраля в «Русских ведомостях» появилось две статьи. Первая принадлежала Шингареву. В ней автор утверждал, что объединение страны – вещь более важная, чем объединение Думы. Земство еще не оправилось: «В них все еще преобладают испуганные собственники, не видящие новой наступающей опасности, готовые «работать» с властью». Шингарев писал: «Думы с Хвостовым или Левашевым во главе <...> не получилось <...> но и страна не победила. <...> Грозящие стране осложнения слишком серьезны и слишком сложны, чтобы оставаться в бездействии или, критикуя, ждать помощи от Государственной думы. Пусть будет критика, но пусть явится и поддержка. Дума, оппозиция, в ней работающая, есть лишь один из факторов медленного политического возрождения, и вовсе не единственный рычаг. Его нельзя бросать, также как и нельзя оставлять исключительным орудием движения»¹¹⁶.

Вторая статья была написана В. Маклаковым. «Если пресса, которая грешит скорее склонностью скрывать ошибки своих, решилась высказать неудовольствие, значит неудовлетворенность дошла до того напряжения, когда замалчивать ее только опасно», – писал Маклаков. Кадеты усилили свое положение в настоящей Думе, но, по его мнению, результаты деятельности были хуже, чем в предыдущей, а, между тем, Дума в целом была оппозиционна: «Думская оппозиция не имеет ни права, ни основания считать себя меньшинством». У октябристов была плохая репутация, но соглашение с ними становилось необходимо ради провала реакционных законопроектов и демонстрации власти господствующего в стране настроения: «Соглашение на конкретной программе, хотя и не кадетской, но

---

¹¹⁴ Там же. С. 268–274.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 983. Л. 214 (Н.И. Астров – Д.Н. Шипову), 221 (Н.Н. Щепкин – Н.М. Кишкину), 222 (Н.Н. Щепкин – Е.Н. Щепкиной).

¹¹⁶ Шингарев А. Тернистый путь // Русские ведомости, 23 февраля 1914 г.

прогрессивной, определенное и последовательное отношение к приемам управления, отстаивание прогрессивного минимума всеми доступными средствами покажет правительству его изолированность в той среде, на которую оно хочет рассчитывать, управлять без которого оно не сумеет; а это создаст то правовое и психологическое давление на власть, значение которого будет определяться вне Думы». Это была бы политика «менее эффективная и благодарная, более ответственная; но она – единственная, к которой может сейчас идти тот, кто еще не утратил если не веры (вера уже утрачена), то по крайней мере желания найти выход из тупика без революционных взрывов, без помощи внешних неудач и катастроф». Маклаков подводил такой итог: «Пока все остается по-прежнему. Дума не стала правительственной, но и создание левого центра не движается. И плохо то, что до сих пор об этом никто не заботится; все партии только стараются оградить свою независимость, отрекаются от соглашения, отказываются от разработки общей программы, предоставляют все течению жизни... Но время не ждет, и пропущенный момент не вернется. А события впереди складываются так грозно, что их нельзя дожидаться спокойно, видя в них избавление. Все занимаются общим выжиданием. В этом – коренная болезнь оппозиции. Она пришла в четвертую Думу с навыками и приемами третьей; ее встретили иные условия, иные задачи. Она уже не могла по-прежнему верить в спасительность и уместность привычной ей тактики, но не сумела усвоить и новой. Это и сказалось в отсутствии определенности и энергии. И это продолжаться не может, это начала замечать и страна, и горе тем, кто с этим не будет считаться!»¹¹⁷.

По сути слова Маклакова означали наиболее серьезный после «Вех» выпад против кадетского курса, шедший из среды самого партийного руководства. Статья получила поддержку как справа, так и слева. Умеренно-социалистический «День» считал логику Маклакова верной¹¹⁸. «Голос

---

¹¹⁷ Маклаков В. Тактика оппозиции // Там же.

¹¹⁸ Смирнов Е. [Гуревич Э.Л.] «Старая» или «новая» тактика? // День, 27 февраля 1914 г.

Москвы» активно поддержал статью В. Маклакова, особенно в условиях краха «Нового курса». «Защитник реальной политики» Маклаков противопоставлялся «стороннику «профессиональной оппозиции»» Милюкову. Газета предлагала сговориться тактически – «против реакции»¹¹⁹. «Утро России» считало статью Маклакова (и факт ее публикации в «Русских ведомостях», а не в «Речи») знаменательной и выступало за объединение оппозиции на почве Манифеста 17 октября¹²⁰. Милюков ответил Маклакову в «Речи»: Маклаков «ломится в открытую дверь», когда пишет, что кадеты мешают октябристам полеветь, октябристы «прекрасно знают», в каких вопросах кадеты их поддержат, потому деловое соглашение фракций теряло смысл¹²¹. Оценивая степень единства правых кадетов, Милюков отмечал, что Струве, в отличие от Маклакова, не разочаровался в правительстве, и припоминал ему «Вехи»: «Если я и не настаиваю на особом вреде этого сборника, то только потому что смотрю на него больше, как на исторический симптом, оттолкнувший самими своими крайностями, чем как на действенный фактор в истории нашей общественности». Милюков прозрачно намекал на возможность покаяния веховцев¹²². На это «Голос Москвы» писал: «Пора кадетам перейти <...> к деловой оппозиции, а октябристам пора признать, что без оппозиции нельзя заставить нынешнее правительство идти по пути реформ, намеченных манифестом 17 октября»¹²³. Однако такой возможности не было. И хотя «Голос Москвы» давал жесткую отповедь нелегальной газете «Путь Правды», писавшей о метаниях в либеральном лагере¹²⁴, но правда оставалась правдой. Кадеты (Гронский) отвергали такой путь, Варун-Секрет считал необходимым прежде всего договориться с правительством, Алексеенко и Лютц отмечали стратегическое положение своей фракции и не торопились с решением, не веря в длительное

---

¹¹⁹ Задачи оппозиции // Голос Москвы, 25 февраля 1914 г.

¹²⁰ Брожение среди единомышленников // Утро России, 25 февраля 1914 г.

¹²¹ Милюков П. Новый путь? // Речь, 25 февраля 1914 г.

¹²² Речь, 25 февраля 1914 г.

¹²³ Какая нужна оппозиция // Голос Москвы, 27 февраля 1914 г.

¹²⁴ Печать // Там же. 1 марта 1914 г.

соглашение. Земцы-октябристы по отношению к реформе Сената и Беннигсен в комиссии по печати заняли по отношению к правительству лояльную позицию¹²⁵. Это означало, что думское давление на власть становилось призрачным. «Утро России» справедливо обвиняло земцев-октябристов в срыве левого центра¹²⁶. Но Коновалов уже считал соглашение ненужным: «Решающую роль в дальнейшем направлении внутренней политики России сыграет не Гос. Дума, а население. В Гос. Думе надо только поддерживать хороший прогрессивный дух»¹²⁷.

Кризис левого центра спровоцировал попытки внепарламентской активности, не всегда отличимых от фарса. 3–4 марта в Москве на квартире Рябушинского состоялось несколько совещаний 3 думских фракций, народных социалистов и социал-демократов. Коновалов предлагал объединить эти силы и еще «национальные политические группы» на базе Манифеста 17 октября. Объединенная оппозиция должна была спровоцировать два-три «эксцесса революционного характера» (выступление рабочих и крестьян, торгово-промышленников и городских слоев, а также газет), чтобы правительство пошло на уступки. Суть предложения заключалась в одновременном и организованном характере выступлений, которые должны были «поражать грандиозностью». Повод бы дало само правительство, а создаваемый информационный комитет должен был дать лозунги и задачи, которые каждая партия выполнила бы своими средствами¹²⁸. Коновалов пообещал большевикам 20 тыс. руб. на организацию съезда, если они будут участвовать в информационном комитете, и выдал 5 тыс. руб. (2 тыс. – Малиновскому на рабочую печать, и 3 тыс. – лично Ленину)¹²⁹. Далее дело не пошло.

---

¹²⁵ Русские ведомости, 27 февраля 1914 г.; Голос Москвы, 27 февраля 1914 г.

¹²⁶ Октябристский секрет // Утро России, 27 февраля 1914 г.; Свершившееся «единение» // Там же. 7 марта 1914 г.

¹²⁷ Голос Москвы, 27 февраля 1914 г.

¹²⁸ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 325–327.

¹²⁹ Там же. С. 330.

Правительство получило дополнительный стимул для примирительной политики. В самом разгаре была «газетная война» Германии и России. 22 февраля «Новое время» предрекало скорую войну с Австро-Венгрией за Галицию¹³⁰. 1 марта в Таврическом дворце состоялось совещание министров и Думы по внешней политике: присутствовали Горемыкин, Сазонов, Сухомлинов, Григорович, Барк, Родзянко, депутаты практически всех фракций (кроме социалистов). Обсуждался вопрос сверхсметных ассигнований. Думцы хотели поднять внутривластные вопросы, но они были отклонены премьером¹³¹. Однако давались ответы на все вопросы, касавшиеся обороны и международной обстановки. «Голос Москвы» посчитал совещание «чрезвычайно важным» и «первым шагом» «по сближению с Государственной думой»: «Это не совсем то, на что можно было рассчитывать, но, по нынешним временам, приходится довольствоваться тем, что есть. Могло не быть и этого»¹³². Депутаты – кадеты и левые октябристы в этом сомневались. Кадетская фракция по вопросу военных ассигнований поделилась на равные части, что грозило распадом не только ей, но и самой партии. Вопрос был вынесен на ЦК 6 марта и не был решен¹³³. В связи с военными ассигнованиями «Русские ведомости» писали: «Если нужно единение между правительством и страной, правительство не может стоять на месте и ждать страну: оно должно пойти ей навстречу»¹³⁴. Но общее мнение Центрального комитета было таким: «Говорят, что в решительный момент нельзя будет не дать в руки правительства необходимые средства, хотя бы это были и плохие руки, но наличность такого решительного момента ничем не доказана»¹³⁵. Только Колюбакин, Протопопов, Челноков и Гредескул выступили против такой тактики¹³⁶. Лишь социалисты выступили с принципиально иной позицией. 4

---

¹³⁰ Меньшиков М. Сроки близятся // Новое время, 22 февраля 1914 г.

¹³¹ Новое время, 2 марта 1914 г.

¹³² Голос Москвы, 2 марта 1914 г.; Первый шаг // Там же. 4 марта 1914 г.

¹³³ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 1. С. 14.

¹³⁴ Русские ведомости, 15 марта 1914 г.

¹³⁵ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 276.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 984. Л. 242а–б. А.С. Петрункевич – М.П. Литвинову, 9 марта 1914 г.

марта состоялось внеочередное заявление Керенского и Чхеидзе по поводу неприглашения их фракций в совещание Думы 1 марта, где обсуждались предстоящие сверхсметные ассигнования на оборону. Депутаты выразили «решительный протест» против расходов¹³⁷.

Сразу после совещания Родзянко был приглашен на обед и спектакль в Зимний дворец¹³⁸. В Думе были уверены, что Горемыкин добивался отставок Маклакова и Щегловитова, и их положение являлось непрочным. Потому вопросы государственной обороны увязывались с перестановками в правительстве¹³⁹. Во второй половине марта (после планируемого прибытия Кривошеина) ожидалась отставка Кассо и Маклакова, который мог быть смнен на Крыжановского, Джунковского или, скорее всего, кн. Волконского¹⁴⁰. Маклакову не удалось установить хороших отношений с группой Кривошеина, и он мог быть смнен на личного друга Горемыкина – Штюмера¹⁴¹. В Думе говорили, что Горемыкин сказал императору о своем негативном впечатлении от Маклакова, и Николай II якобы признал: «Vraiment il est encore trop jeune [Он действительно слишком молод (франц.)]»¹⁴². Лишь «Речь» сомневалась, что отставка Маклакова могла бы изменить ситуацию¹⁴³. Но и реакции тоже не чувствовалось. По оценке Милюкова X съезд объединенного дворянства, состоявшийся 2–6 марта, вышел бледным и малосодержательным, а саму организацию объединенного дворянства можно было считать «умирающей»¹⁴⁴.

В ответ на думские волнения 7 марта вышел рескрипт Горемыкину. В нем говорилось о таких качествах премьера, как «государственный опыт», «спокойная твердость и испытанная верность», а также формулировались основные принципы политики правительства: «дальнейшее неуклонное

---

¹³⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 1345–1347.

¹³⁸ Новое время, 4 марта 1914 г.

¹³⁹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 1. С. 3.

¹⁴⁰ Голос Москвы, 1, 2 марта 1914 г.

¹⁴¹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 1. С. 4, 5.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 983. Л. 298. Г.А. Алексеев – К.С. Алексееву, 2 марта 1914 г.

¹⁴³ Речь, 2 марта 1914 г.

¹⁴⁴ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 286.

упрочение в стране государственного и общественного порядка» (в частности, борьба с хулиганством) и единение с палатами (не допускающее «ни произвола, ни послаблений в ущерб достоинства правительства и в угоду каким бы то ни было сторонним побуждениям»). О единении в тексте говорилось дважды, причем целью его называлась сила и мощь России, а в отношении палат еще утверждалось, что их «круг ведомства <...> строго очерчен в законе». Монарх выразил свою общую мысль знакомыми словами: «Я ожидаю от Вас постоянного внимания к тому, чтобы великий образ Русского государства не затемнялся личными соображениями и чтобы благо Моего народа не приносилось в жертву беспочвенным стремлениям, порой совсем чуждым тем народным заветам и историческим устоям, которыми росла и крепла Россия»¹⁴⁵.

Рескрипт стал для Думы неожиданностью и получил противоположные трактовки, но правые и центр были в целом довольны, а оппозиция – нет. Никто не знал причин выхода рескрипта: он вышел то ли для установления определенных отношений с каким-либо думским большинством, то ли по просьбе Горемыкина, «желавшего иметь письменно начертанные указания для своей дальнейшей деятельности»¹⁴⁶. Пасхалов отмечал, что принцип единения был возможен только при изменении статуса палат¹⁴⁷, тем самым признавая явную недостаточность рескрипта. Лишь «Утро России» выражало свою поддержку и особо отмечало фразу о «законности»¹⁴⁸. «Вестник Европы» отмечал, что «Новый курс» по-прежнему был неопределенен и лишен реальной программы¹⁴⁹. «Русские ведомости» отмечали, что рескрипт можно трактовать в любую сторону, и не ожидали изменений¹⁵⁰. «Голос Москвы» осторожно посчитал рескрипт признаком реакции¹⁵¹. Газета писала: «Надежды, что И.Л. Горемыкин окажется хорошим врачом, пока не

---

¹⁴⁵ Новое время, 7 марта 1914 г.

¹⁴⁶ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 1. С. 7–8.

¹⁴⁷ Пасхалов К. Конституционные рыболовы // Московские ведомости, 1, 2 апреля 1914 г.

¹⁴⁸ Высочайший рескрипт // Утро России, 8 марта 1914 г.

¹⁴⁹ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1914. № 4. С. 288.

¹⁵⁰ Русские ведомости, 8 марта 1914 г.

¹⁵¹ Положение выясняется // Голос Москвы, 8 марта 1914 г.

оправдались. Он лечит малиновым вареньем. Это вкусно, но бесполезно»¹⁵². Только «Речь» констатировала начало открытой реакции и отмечала, что оба рескрипта «вместе взятые <...> полагают конец тем толкам и слухам, которые в таком количестве распространились в последнее время»¹⁵³.

Как понимал рескрипт сам премьер, можно было увидеть из следующего. 6 марта Горемыкин выступил в Совете министров с инициативой по разрешению коллизии, связанной с порядком подготовки законопроектов правительством и Думой. Ст. 57 ее Учреждения предполагала, что Дума начинала подготовку законопроекта только в случае отказа ведомства в его разработке. Срок работы ведомства над законопроектом никак не оговаривался. Поэтому в разработанном Думой ее Наказе (п. 67) предусматривалась возможность параллельной разработки законопроектов ведомств и самой Думы. Премьер предложил не предоставлять палате материалов в случае параллельной разработки законопроекта, но само ведомство должно было указывать срок, если брало на себя разработку законопроекта, а также могло мотивировать в общем собрании Думы свой отказ по законопроектам, которые полагало «неприемлемыми либо преждевременными»¹⁵⁴. Тем самым, практика отказа в предоставлении материалов, установленная еще Коковцовым, была дополнена существенными ограничениями. «Новое время» оценило инициативу позитивно¹⁵⁵. 20 марта Совет министров отказал в разработке думского законодательного предположения о восстановлении представительства от центральноазиатских областей¹⁵⁶.

Сама Дума погрязла в запросах. 26 февраля был принят спешный запрос кадетов к МНП о запрещении городским думами чествовать память

---

¹⁵² Загадки «Нового курса» // Там же. 11 марта 1914 г.

¹⁵³ Речь, 7 марта 1914 г.

¹⁵⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 113–115.

¹⁵⁵ Новое время, 3 апреля 1914 г.

¹⁵⁶ Самодержавие и избирательные права в национальных областях царской России // Красный архив. 1936. № 6 (79). С. 21–22.

Т.Г. Шевченко, однако вторая часть запроса о запрете духовенству служить панихиды о его упокоении была отклонена¹⁵⁷. 7 марта было рассмотрено предложение о вознаграждении пострадавших и их семей в ленских событиях 1912 г. Лютц высказался за принятие, Дзюбинский и Чхенкели – против. 96 голосами против 102 Дума проголосовала против 2-недельного срока подготовки законопроекта. При переголосовке он был принят 123 голосами против 122 при 7 воздержавшихся и отправлен в финансовую комиссию¹⁵⁸. 12 марта Тимашев и Золотарев выступили с разъяснениями по ходу Ленского дела. Тимашев солидаризовался с выводами ревизии Манухина о неудовлетворительных условиях труда и недостаточном правительственном надзоре на ленских приисках. Золотарев сообщил о возбуждении Сенатом уголовного дела против ротмистра Терещенкова, но выразил сомнение в способности 35 полицейских, разбросанных на территории 39 тысяч десятин, рассеять толпу в 5 тысяч человек. Объяснения были поддержаны справа и в правой части центра¹⁵⁹. 26 марта 166 голосами против 64 принималась формула земцев-октябристов о неудовлетворенности объяснениями МВД, которое «по-прежнему продолжает пренебрегать общественным мнением и игнорировать интересы широких масс населения»; МТП получало упрек в непринятии необходимых мер¹⁶⁰. 26 марта по докладу националиста П.А. Сафонова был принят запрос о распоряжениях минского губернатора, стесняющих использование польского языка (4 июня Дума выслушала Золотарева и признала себя неудовлетворенной)¹⁶¹. Однако, по сути, Дума в ожидании более определенной правительственной политики лишь имитировала активность. Общее настроение выразил Меньшиков: «Момент сонливых Дум и думского безволия – это все-таки момент

---

¹⁵⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 1206.

¹⁵⁸ Там же. Стб. 1472–1491.

¹⁵⁹ Там же. Стб. 1685–1702.

¹⁶⁰ Там же. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 228–229.

¹⁶¹ Там же. Стб. 230–242; Ч. V. СПб., 1914. Стб. 654–655.

преходящий. От русской удалой Думы нам не уйти. Россия ее родит, потому что она России необходима, как ей необходимы сила, могущество и слава»¹⁶².

16 марта на заседании МОЦК Маклаков подверг критике тактику фракции, сосредоточившейся на спешных запросах и отвергшей участие в военной комиссии¹⁶³. «Русские ведомости» опубликовали статью Милюкова «На распутье». Тот писал, что его спор с Маклаковым был разрешен земцами-октябристами в пользу самого Милюкова. Милюков замечал, что противоположный взгляд обусловлен нетерпением и непоследовательностью. Однако реакция уже потеряла свою идею, а думское соглашение не имеет реального плана. Власть уже ни на что не способна, о чем партия давно уже говорит. Борьба с «3 замками» оставалась главным делом¹⁶⁴. Милюков констатировал: «оппозиция уже объединена фактически» – негативной политикой Думы¹⁶⁵. «Русские ведомости» в ответ формулировали конкретную программу соглашения: отмена исключительных положений, пересмотр избирательной системы, обеспечение свободы и правильной процедуры выборов. Заявлялось и об аграрных преобразованиях, но без детализации. Без достижения этих целей борьба с «3 замками» была невозможна. Тон газеты был мягкий, оправдательный, заискивающий перед «Речью»¹⁶⁶. 19 марта «Русские ведомости» объявили о сворачивании дискуссии, но остались при своем мнении: даже если соглашение не поможет организовать законодательный процесс, оно будет важно в декларативном плане¹⁶⁷. Вскоре «Русские ведомости» опубликовали статью в духе самого Милюкова: бывший директор Санкт-Петербургского женского медицинского института, высланный из столицы в 1911 г., С.С. Салазкин писал, что местные октябристы были связаны не с населением, а с бюрократией, и потому никогда не пошли бы на союз с оппозицией; в результате кадеты

---

¹⁶² Новое время, 1 апреля 1914 г.

¹⁶³ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 281.

¹⁶⁴ Милюков П. На распутье // Русские ведомости, 9 марта 1914 г.

¹⁶⁵ Речь, 11 марта 1914 г.

¹⁶⁶ Русские ведомости, 14 марта 1914 г.

¹⁶⁷ Там же. 19 марта 1914 г.

должны были сохранить свою тактику, сформулированную еще в третьей Думе¹⁶⁸.

Совсем иную позицию занимала «Русская мысль». Изгоев отрицал «хилиастическое представление «социальной революции» и считал нужным «воспитывать граждан» с целью эволюционного развития. Партия была задавлена реакцией, в ней утвердились «застой идеологической работы, <...> трусость теоретической мысли, боязнь оторваться от прошлого в поисках новых путей», что порождало «резкое несоответствие между практикой и теорией». Изгоев призывал не бойкотировать думскую работу, не отказываться от участия в военной комиссии, от голосования за президиум, не считать, что «всякое сближение с властью опасно и соблазнительно само по себе», потому что это вело к поражению. Это поражение еще не ощущалось в городах, но во взаимодействии с земством, крестьянством, национальностями – уже да. «Жизнь стала неизмеримо шире»¹⁶⁹.

23–25 марта состоялась кадетская партийная конференция. Организационная комиссия МОЦК подготовила доклад, главным выводом которого стало то, что «партия к.-д. как организация почти не существует». Открытых приверженцев партии было насчитано лишь «свыше 730 человек». Восстановить местные организации не представлялось возможным, поэтому невозможен был и съезд. Главной задачей в этой ситуации становилась организация общественности – оппозиции, профессиональных и национальных групп, «борьба с аполитизмом молодежи»¹⁷⁰. Милюков представил доклад об «изоляции», суть которой состояла в активизации политической тактики фракции. На предварительном заседании ЦК 22 марта Колюбакин резонно отметил отсутствие конкретных средств реализации нового лозунга. Некрасов считал, что, кроме Думы, лозунг нереализуем¹⁷¹. В

---

¹⁶⁸ Салазкин С. Тактика и принципы // Там же. 2 апреля 1914 г.

¹⁶⁹ Изгоев А. К чему готовить? // Русская мысль. 1914. № 3. II паг., с. 100–103.

¹⁷⁰ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 289; Съезды и конференции... Т. 2. С. 535.

¹⁷¹ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 290, 293–294

результате Милюков приблизил свои тезисы к позиции москвичей¹⁷². Даже Челноков отмечал, что на конференции Милюков вел себя «приличнее обыкновенного», и их отношения «улучшились»¹⁷³. Делегаты с мест были недовольны поведением Думы и неопределенностью лозунга «изоляции», но своих предложений не имели, и предложения Милюкова в целом были поддержаны¹⁷⁴. Несмотря на выводы доклада МОЦК, было решено начать работу на местах для подготовки съезда, который планировался после общего улучшения политической обстановки «в связи с подъемом общественного настроения в стране»¹⁷⁵. Показательно, что представители МОЦК покинули конференцию до ее окончания¹⁷⁶. Хотя 2-летний срок подготовки Милюковым и считался недостаточным, но он предложил в ближайших заседаниях ЦК обсудить аграрную и национальную программу партии. Предложение Колюбакина обсудить рабочий вопрос было отклонено как имеющее отношение к тактике, а не стратегии¹⁷⁷. Позднее, 19 мая кадетское МОЦК решило начать подготовку к съезду осенью и предварительно подготовить материалы по национальному, аграрному и финансово-экономическому вопросам – главным на предстоящем съезде (для изменений в программе, как и решила мартовская конференция)¹⁷⁸.

О трениях в кадетской среде «Московские ведомости» написали: «Достаточно легкого колебания воздуха, чтобы ка-декский карточный домик разлетелся вдребезги»¹⁷⁹. «Новое время» сообщало, что конференция выступила против партийного руководства во главе с Милюковым¹⁸⁰. Это символизировало упадок партии¹⁸¹. По мнению «Голоса Москвы», конференция вышла «очень бледная»¹⁸². «Последняя кадетская конференция

---

¹⁷² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 985. Л. 472. М.В. Челноков – Д.Н. Шипову, 28 марта 1914 г.

¹⁷³ Там же. Л. 455. М.В. Челноков – Д.Н. Шипову, 30 марта 1914 г.

¹⁷⁴ Съезды и конференции... Т. 2. С. 509, 513, 523, 532–533.

¹⁷⁵ Там же. С. 576–577.

¹⁷⁶ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 338.

¹⁷⁷ Там же. С. 342.

¹⁷⁸ Там же. С. 357–358.

¹⁷⁹ Напрасные надежды и тщетные угрозы // Московские ведомости, 30 марта 1914 г.

¹⁸⁰ Новое время, 26 марта 1914 г.

¹⁸¹ Там же. 27 марта 1914 г.

¹⁸² Голос Москвы, 27 марта 1914 г.

совершенно правильно определила настроение страны и столь же правильно высказалась о безнадежности думской работы в создавшихся политических условиях», – писала газета и опять призывала готовиться к выборам¹⁸³. «День» считал лозунг «изоляции правительства» бесплодным¹⁸⁴. «Русское слово» выступило категоричнее: «Изоляции правительства мешают два обстоятельства: допинговое настроение общества и повальное устремление к наживе. <...> В момент, когда между страной и оппозицией произошло идейное недоразумение, между обществом и правительством завязались самые тесные практические отношения. Стоит ли ломать головы над политическими проблемами, когда выдвинулись экономические аксиомы! И вот аксиомы эти ложатся поперек кадетских мечтаний, как запруды поперек рек. Изолировать правительство от общества не дадут... железные дороги, банки и биржа»¹⁸⁵. Дума, избранная на основании «уродливого избирательного закона» и чей состав имел «случайный и подобранный характер», по словам газеты, также была бессильна бороться с правительством¹⁸⁶.

«Утро России» выражало удовлетворение результатами конференции и призывало кадетов быстрее влиться в ряды левого центра. От Горемыкина также требовалось определиться¹⁸⁷. Однако в Думе лозунг «изоляции» собирались поддержать лишь левые октябристы¹⁸⁸. Шипов не верил в эволюцию Милюкова и сожалел о том, что правые кадеты не воспользовались случаем, когда он подавал в отставку¹⁸⁹. Доминирующее настроение было выражено в письме кадетского журналиста К.В. Аркадакского: ««Русские ведомости» за эти два месяца завоевали себе здесь всеобщее сочувствие. Теперь все как один называют их самой живой,

¹⁸³ Антракт // Голос Москвы, 30 марта 1914 г.

¹⁸⁴ Бикерман И. Кадетский бойкот // День, 16 марта 1914 г.; Смирнов Е. [Гуревич Э.Л.] Новый лозунг // День, 31 марта 1914 г.

¹⁸⁵ Баян [Колышко И.И.]. Кроты // Русское слово, 2 апреля 1914 г.

¹⁸⁶ Г. [Гессен А.И.] Горемыкин и Гос. Дума // Там же. 9 апреля 1914 г.

¹⁸⁷ Момент определений // Утро России, 27 марта 1914 г.

¹⁸⁸ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 1. С. 26–27.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 985. Л. 421. Д.Н. Шипов – М.В. Челнокову, 22 марта 1914 г.

содержательной и интересной газетой. Дуются только немногие лидеры к.д. фракции. Им на конференции наговорили за их тактику немало неприятного и они винят отчасти в этом вас, то есть «Русские ведомости»¹⁹⁰. Под этим же влиянием оказалась даже кадетская фракция. Когда Горемыкин предложил думцам принять законопроект о польском городском управлении с поправками Государственного совета, кроме языка, который «пообещал провести» в Совете, Милюков выступил против такого соглашения из-за еврейского вопроса. Тогда Маклаков собрал фракцию, и она вся, кроме 6 человек, отвергла позицию Милюкова, который «разозлился <...> страшно»¹⁹¹. В поименном голосовании в Думе Милюков и Некрасов не участвовали, заплатив 25-рублевый штраф. Только кадет М.Х. Бомаш голосовал за отклонение¹⁹².

Итак, «Новый курс» не планировался и не стал сдвигом правительственной политики вправо, как обычно считается в историографии¹⁹³. Скорее, наоборот. Однако первоначальные надежды Кривошеина на смену курса не оправдались. Правительство было слишком раздроблено, и «Новый курс» не являлся плодом его общего творчества. Между тем оппозиция была раздроблена еще больше, и ее судьба зависела от того, насколько четкой окажется линия правительства.

5.2. Либералы и «революционный кризис»: оппозиция на распутье

С начала 1914 г. в Европе начался экономический кризис. Состоялся роспуск австрийского рейхсрата. О венгерском политическом кризисе русская пресса писала как о главной теме. Парламентские выборы в Италии принесли победу социалистам и националистам и привели к отставке

---

¹⁹⁰ Там же. Л. 463. К.В. Аркадакский – А.А. Мануйлову, 29 марта 1914 г.

¹⁹¹ Там же. Л. 472. М.В. Челноков – Д.Н. Шипову, 30 марта 1914 г.

¹⁹² Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 1. С. 26.

¹⁹³ Дякин В.С. Ук. соч. С. 162–165.

либерального кабинета Дж. Джолитти. В российской столице также нарастала напряженность. В Петербурге с января–февраля постоянно множились рабочие забастовки¹⁹⁴, происходили столкновения с полицией¹⁹⁵ (в Москве забастовки пока были незначительны¹⁹⁶), в начале апреля Меньшиков уже писал об угрозе стачечного движения, приобретающего политический характер¹⁹⁷. Публицист критиковал паллиативные меры Тимашева и призывал поднять благосостояние рабочего класса¹⁹⁸. Министерство торговли и промышленности, полагавшее экономические причины основными, в связи с ростом цен планировало меры против синдикатов¹⁹⁹.

События внутри правительства и парламента опять подталкивали к принципиальной постановке вопроса об их взаимоотношениях. Повод дала Дума. 11 марта Чхеидзе с думской трибуны призвал к установлению республики и не был остановлен председательствовавшим Коноваловым²⁰⁰. 20 марта Совет министров обсудил дело Чхеидзе. «Новое время» сообщало о желании Маклакова привлечь к ответственности и Коновалова, причем он был поддержан Щегловитовым. Впрочем, газета указывала, что основания привлечения не были ясны²⁰¹. Вскоре Маклаков просил Родзянко предоставить думские стенограммы в Петербургский комитет по делам печати, поскольку газетные отчеты не отличались точностью²⁰². Как сообщал Куманин, все фракции были крайне раздражены делом Чхеидзе²⁰³. «Русские ведомости» писали: «Русскому обществу угрожает потеря одного из самых серьезных приобретений» – Думы и депутатской неприкосновенности. «Один из тех случаев, когда уступками и компромиссами не спасется ничего, а

---

¹⁹⁴ Арутюнов Г.А. Ук. соч. С. 318–320, 334.

¹⁹⁵ Новое время, 24 марта 1914 г.

¹⁹⁶ Фабричные настроения // Утро России, 22 марта 1914 г.; Новое время, 29 апреля 1914 г.; Арутюнов Г.А. Ук. соч. С. 318–320.

¹⁹⁷ Меньшиков М. Серьезная угроза // Новое время, 5 апреля 1914 г.

¹⁹⁸ *Его же*, Рост раздора // Там же. 12 апреля 1914 г.

¹⁹⁹ Новое время, 15 марта 1914 г.

²⁰⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 1642.

²⁰¹ Новое время, 22 апреля 1914 г.

²⁰² Там же. 27 марта 1914 г.

²⁰³ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 1. С. 28.

теряется последнее»²⁰⁴. «Голос Москвы» считал прецедент вопиющим. Думу пугали роспуском, но это не могло помочь реакции: «Питать какие-нибудь планы, не укладывающиеся в рамки действующих основных законов, при теперешнем действительно трудном и ответственном международном положении было бы безумием»²⁰⁵.

Правый центр был настроен гораздо более примирительно. Председатель комиссии по судебной реформе Шубинский на ее заседании по разработке законопроекта о безответственности отметил, что необходимо разделять потребность депутата «осветить те или иные стороны жизни или действий людских» и «оскорбление Величества, глумление над религией, злостное осмеивание государственного строя и порядка, клеветнические выпады, оскорбление нравственности» и предложил создать особый дисциплинарный суд при Думе для рассмотрения этих вопросов, если только они не попадали под общеуголовный кодекс. Комиссия избрала подкомиссию для решения этого вопроса в составе октябристов Н.П. Шубинского, Л.Г. Лютца, гр. Э.П. Беннигсена, Г.В. Скоропадского, кадетов В.А. Маклакова и К.К. Черносветова, а также докладчика прогрессиста М.И. Гроздицкого²⁰⁶. Состав подкомиссии вполне позволял завести вопрос в тупик. Кроме того, правый центр продемонстрировал умеренность при рассмотрении 21 и 24 марта законопроекта о должностных преступлениях в согласованном варианте двух палат. В. Маклаков расценивал этот столыпинский законопроект как покрывающий бюрократию, но большинство осталось непреклонно²⁰⁷.

«Новое время» отмечало, что от кадетов более не исходила серьезная угроза, а все более правые партии вполне могли бы объединиться на деловой почве вокруг правительства: «При нынешнем правительстве нынешняя Государственная дума могла бы не только существовать, но и

---

²⁰⁴ Русские ведомости, 17 апреля 1914 г.

²⁰⁵ Привлечение Н.С. Чхеидзе // Голос Москвы, 18 апреля 1914 г.

²⁰⁶ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С. 7–8.

²⁰⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 8–88, 2046.

производительно работать»²⁰⁸. Вскоре уже опровергались слухи, исходившие от «Русского слова», о том, что статья имела официозный характер и была написана Горемыкиным²⁰⁹. Но колкости со стороны правительства в адрес Думы, болезненно воспринимавшей свою беспомощность, не прекратились. 28 марта товарищ министра народного просвещения бар. М.А. Таубе, ссылаясь на 57 ст. Учреждения Думы, настаивал на невозможности «параллельного» законотворчества правительства и палаты. В ответ Милюков отметил особый «цинизм» Таубе и его стремление подчинить законодательную власть исполнительной²¹⁰. Даже земцы-октябристы и националисты были возмущены выступлением товарища министра²¹¹. «Новое время» в ответ на замечание Таубе критиковало правительство за неспособность к законодательству²¹². Поддержку ведомству оказывала лишь правая пресса. «Земщина» призывала реформировать Думу – «и Россия так двинется вперед, как никогда». На вопрос о политической опоре газета писала: «В общем, в народе просыпается национальное чувство. И правительство далеко не так обособлено, как это было в 1905 году»²¹³.

В те же дни Горемыкин отказался отвечать на запрос Думы о пенсионной кассе народных учителей и отправил его Министерству народного просвещения. Премьер официально сообщил Родзянко, что неподотчетен Сенату и потому отвечать не будет. «Речь» задавала вопрос: если и Совет министров в целом (но не отдельные министры) не были подотчетны Сенату, тогда в отношении решений Совета министров Дума не могла формулировать запросы? Как отмечалось, Столыпин так же ответил по вопросу о западном земстве, но в Думе все же выступил. «Горемыкин впервые применяет на практике теорию П.А. Столыпина», – констатировала газета²¹⁴. Однако думские юристы считали поведение премьера юридически

---

²⁰⁸ Правительство и Г. Дума // Новое время, 13 апреля 1914 г.

²⁰⁹ Новое время, 20 апреля 1914 г.

²¹⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 367–371.

²¹¹ Русские ведомости, 30 марта 1914 г.

²¹² На мертвой точке // Новое время, 22 мая 1914 г.

²¹³ Глинка С. Нужна ли Дума? // Земщина, 1 апреля 1914 г.

²¹⁴ Речь, 13–14 марта 1914 г.

беспорным и предполагали, что министры во избежание запросов станут проводить нежелательные вопросы через Совет министров²¹⁵. Как отмечал «Вестник Европы», без желания премьера выступать в Думе объединение правительства было невозможно²¹⁶. Сам Горемыкин демонстрировал совершеннейшую беспристрастность. Депутат Караулов встретился с премьером по вопросу о создании Народной партии; Горемыкин отреагировал равнодушно и отметил только, что партия должна была действовать в рамках Основных законов²¹⁷. Вскоре Министерством внутренних дел Караулову было отказано в регистрации партии из-за слишком расплывчатой программы – национально-прогрессистской по своей сути²¹⁸.

15 апреля на совещании Думы также обсуждался вопрос о спешных запросах: октябристы попытались установить для них специальные заседания 1–2 раза в неделю, но кадеты, прогрессисты, социалисты и правые на основании Наказа опротестовали и добились своего²¹⁹. В тот же день состоялась конференция прогрессистов. Ефремов сделал доклад об отношении к правительству и отметил политику МНП и дело Чхеидзе. Было решено вести с властью «энергичную бюджетную войну»²²⁰. 19 апреля состоялось совещание прогрессистов и кадетов по вопросу о бюджете. Среди каждой партии присутствовало три мнения: от полного отклонения кредитов и законопроектов до отклонения кредитов на центральные учреждения. Никакого решения достигнуто не было²²¹. В конечном счете, кадеты решили голосовать против смет МВД, МНП и Синода, прогрессисты приняли предварительное решение полностью отклонять бюджет, но принятие окончательного решения было перенесено на общее собрание фракции²²².

---

²¹⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 1. С. 14.

²¹⁶ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1914. № 4. С. 291–294.

²¹⁷ Новое время, 20 апреля 1914 г.

²¹⁸ Там же. 14 мая 1914 г.

²¹⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Журналы совещания Государственной думы. СПб., 1914. С. 45–46.

²²⁰ Утро России, 17 апреля 1914 г.

²²¹ Новое время, 20 апреля 1914 г.

²²² Там же. 22 апреля 1914 г.

«Голос Москвы» обвинял Горемыкина в нежелании отвечать на запросы и стремлении ограничительно толковать право думской инициативы²²³. Октябристский рупор демонстрировал разочарование как в «Новом курсе», так и в думском большинстве и говорил о необходимости готовиться к новым выборам, когда бы они не произошли²²⁴. Вскрывая суть новой политики, «Голос Москвы» указывал на статью кн. Мещерского в венской «Neue Freie Presse», в которой князь сообщал, что власть на праздновании 300-летия Дома Романовых узрела действительную лояльность народа и озаботилась поднятием его благосостояния²²⁵. Рассматривая сложившееся в марте 1914 г. политическое положение, «Голос Москвы» задавал вопрос: «Не кажется ли вам, что Россия переживает сейчас трагическую минуту истории? Мы вступили в полосу разговоров. Все только говорят. Говорят о необходимости совместной работы правительства и Думы, говорят о задачах и тактике оппозиции, о необходимости создать большинство, о неотложных целях государственной обороны – а огромная машина, без правильной работы которой немислимо государственное строительство, даже не скрипит, а просто стоит и покрывается ржавчиной»²²⁶.

12 апреля состоялось заседание октябристского ЦК, на котором Гучков обозначил три основные тенденции дня: раскол кадетской фракции, который давал октябристам возможность идти в V Думу вместе с прогрессистами и правыми кадетами; усиление и сплоченность рабочего движения; наконец, международный кризис²²⁷. Однако столь важные вопросы обсуждались на фоне развала местных организаций (даже в московских районных отделах вместо 40–150 ожидаемых членов собиралось 2–6 человек), что, в частности, вызывало полнейшее уныние Линдемана: «У меня опускаются руки и я теряю положительно всякие надежды и всякую энергию». Он отмечал, что

---

²²³ Антракт // Голос Москвы, 30 марта 1914 г.

²²⁴ Очередные задачи // Там же. 22 марта 1914 г.

²²⁵ Статья кн. Мещерского в «Neue Freie Presse» // Там же. 21 марта 1914 г.

²²⁶ На реках вавилонских // Там же. 21 марта 1914 г.

²²⁷ Голос Москвы, 15 апреля 1914 г.

Гучков совершенно потерял интерес к партии²²⁸, а также негативно характеризовал политику «Голоса Москвы»: «Газеты у нас нет, ибо «бывшая» уходит влево и похожа более на кадетскую»²²⁹. Все это, по его мнению, происходило во время, когда в правительстве в отношении октябристов «гнев стал сменяться на милость»²³⁰. В результате, хотя сессия и наводила на левых октябристов уныние, но голосовать против кредитов они не собиралась, поскольку правительство все равно «найдет пути для их получения»²³¹. Кадетская тактика «изоляции правительства» октябристами по-прежнему отвергалась, как ведущая к гибели²³². По мнению «Голоса Москвы», она разъединяла оппозицию и от нее страдала лишь сама страна²³³. Вместе с тем, это мнение вызывало и определенную симпатию даже в кадетских кругах – в среде оппозиционного Милюкову МОЦК. Щепкин 18 апреля написал письмо давнишнему знакомому Гучкову, в котором выражал желание обсудить общее политическое положение: «Думаю, что взаимная информация никогда не лишняя»²³⁴. Определенные надежды возводились и на вернувшегося 4 апреля из-за границы Кривошеина (его многочисленные корреспонденты – П.Л. Барк, гр. П.Н. Игнатъев, И.В. Гурко – придавали этому событию большого значения²³⁵). Агрономическое совещание при ГУЗЗ шло весь апрель и оказалось грандиозной пропагандистской акцией Кривошеина. Его здоровье якобы значительно улучшилось, что вызывало надежды на замещение им поста премьера²³⁶.

---

²²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 989. Л. 853. К.Э. Линдемман – П.В. Каменскому, 23 июня 1914 г.

²²⁹ Там же. Д. 984. Л. 385. К.Э. Линдемман – А.И. Гучкову, 15 марта 1914 г.

²³⁰ Там же. Л. 375. К.Э. Линдемман – П.В. Каменскому, 12 марта 1914 г.

²³¹ Возобновление сессии // Голос Москвы, 15 апреля 1914 г.; Новое время, 22 апреля 1914 г.

²³² Изоляция // Голос Москвы, 17 апреля 1914 г.

²³³ Бюджетные прения // Там же. 15 апреля 1914 г.; Около бюджета // Там же.

²³⁴ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1189. Л. 2.

²³⁵ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 141. Л. 9–12; Д. 252. Л. 9–10; Д. 274. Л. 19–26об.

²³⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 985. Л. 479. Бар. Р.Р. Розен – бар. Е.А. Розен, 31 марта 1914 г. Между тем хорошо знавший Кривошеина гр. В.В. Мусин-Пушкин 19 апреля писал тестю гр. И.И. Воронцову-Дашкову, что Кривошеин продолжал болеть и был человек «физически конченный» (Из переписки царских сановников накануне войны и революции // Красный архив. 1933. № 6 (61). С. 134).

18 апреля Щегловитов выступил с новой речью в Думе, отстаивая неподконтрольность министров Сенату. По сути, министр юстиции демонстрировал единение с премьером. Важным показателем стало и то, что докладчик Э.П. Беннигсен открыто поддержал министра, несмотря на протесты В. Маклакова²³⁷. Поход левого центра на власть срывался. В тот же день был оглашен приговор по делу «Речи» и «Земщины» (последняя обвинила первую в получении 250 тыс. руб. от финляндцев; ответчик не мог доказать факта и настаивал на сенатской ревизии, был признан «добросовестно клеветавшим» и оправдан)²³⁸. Тем не менее, в отношении грядущего обсуждения бюджета кадеты и прогрессисты были настроены решительно. «Речь» писала: «И власть, и народное представительство стоят перед необходимостью, которая с каждым днем осознается все более отчетливой – выяснить окончательно свои отношения, покончив с основным недоразумением «обновленного» строя»²³⁹. «Утро России» отбрасывало все надежды на правительство²⁴⁰. 21 апреля от прогрессистов и кадетов поступили заявления об отложении рассмотрения бюджета и первоочередном рассмотрении законодательного предположения о депутатской безответственности. Правые предложили голосовать поименно и Дума одобрила такой порядок. Милюков в ответ угрожал неприятием бюджета. При голосовании предложение поддержали 80 депутатов (от социалистов до прогрессистов), против высказались 164, при переголосовке – 99 против 157²⁴¹. В. Маклаков, Челноков и Новиков воздержались²⁴². Кадеты были крайне недовольны поведением В. Маклакова, который не только воздержался при подаче голосов о поименном голосовании, но при самом поименном голосовании даже вышел из зала²⁴³. «Голос Москвы» написал:

---

²³⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 532–597.

²³⁸ Речь, 19 апреля 1914 г.

²³⁹ Там же. 22 апреля 1914 г.

²⁴⁰ Большой день // Утро России, 22 апреля 1914 г.

²⁴¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 763–767, 784–807.

²⁴² ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1106. Л. 6–6об.

²⁴³ Новое время, 22 апреля 1914 г.

«Не было еще такого случая, чтобы после какого-нибудь своего выступления г. Милюков не оказался в смешном положении»²⁴⁴.

22 апреля при начале обсуждения бюджета в Думе ожидалось выступление премьера. В начале заседания по инициативе социалистов было оглашено третье предложение об отложении бюджета. 140 голосами против 76 оно было провалено. Доклад Ржевского по бюджету был выдержан в отрицательном ключе: «При таких финансовых условиях положение ввиду будущих тягот не создает уверенности, если не будет приступлено к давно ожидаемым коренным преобразованиям». На трибуну вступил Горемыкин. Скобелев крикнул: «Правительство кровавых капризов». Он был исключен на 15 заседаний. Кадеты покинули зал. Следующие социалистические депутаты выкрикивали обвинения уже в адрес Думы и также исключались. Чхенкели и Петровский отказались уходить и были выдворены приставом. После перерыва Дума удалила 10 человек, однако пришлось объявлять еще один перерыв и удалять 4 человек. Обструкция в общей сложности длилась 3 часа. С четвертой попытки Горемыкин смог произнести свою очень краткую речь о «совместной и дружной» работе и открытости. В частности, он заявил: «Гласности я не боюсь. <...> Мои двери всегда открыты для каждого из вас, без всякого исключения»²⁴⁵. Кадеты отметили, что речь Горемыкина была проникнута полным безразличием даже на фоне речей Столыпина и Коковцова²⁴⁶.

Затем выступил Барк, кратко огласивший необходимость введения трезвости, сельскохозяйственного и железнодорожного кредитов (сберкассы вместо кабаков) и восполнения доходов от ценных бумаг и новых налогов²⁴⁷. На фоне скандала все фракции восприняли речь Барка с пессимизмом²⁴⁸. Шингарев произнес слабую и демагогическую речь с критикой сверхсметных ассигнований и «нового курса», который должен был провалиться, поскольку

---

²⁴⁴ Покушение с негодными средствами // Голос Москвы, 23 апреля 1914 г.

²⁴⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 729–730, 743, 750–752.

²⁴⁶ Русские ведомости, 24 апреля 1914 г.

²⁴⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 807–826.

²⁴⁸ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С. 11.

оборона требовала доходов от винной продажи. Депутат отмечал наличие противоречий в самом правительстве касательно его программы²⁴⁹. Марков выразил сомнения в возможности реализовать «новый курс» средствами, озвученными правительством²⁵⁰. Только «Новое время» полагало, что речь Барка продемонстрировала стремление «опереться на общественное мнение», что представляло «дело большой государственной важности»²⁵¹.

Для кадетов скандал оказался неожиданностью. «Речь» считала действия левых несвоевременными (подобно их действиям в декабре 1905 г.), а отказ в кредитах – более сильным средством, чем обструкция²⁵². Однако кадетское поведение дружно осуждалось слева и справа, правые считали, что кадеты своим поведением спровоцировали скандал, а потом предали социалистов²⁵³. В ответ «Речь» с ехидством писала, что прогрессисты поддержали большинство²⁵⁴. «Русские ведомости» обвиняли октябристов, не пошедших на подготовку законопроекта о депутатской безответственности, в результате чего и возникло дело Чхеидзе. Газета признавала: «Наступают события, предreshающие многое в нашем будущем»²⁵⁵. «Русское слово» резко критиковало Родзянко: его меры вызывали «чувство гнетущего стыда»²⁵⁶. «Утро России» возлагало ответственность за обструкцию на правительство. Ефремов невнятно объяснял причины голосования прогрессистов за удаление социалистов: обструкция есть борьба с думским большинством, а поэтому она – «тактическая ошибка», но «по существу они действовали вполне правильно»²⁵⁷. Уже на следующий день газета вынуждена была признать, что у прогрессистов не хватило духа уйти из зала²⁵⁸. Коновалов собрал бюро фракций кадетов и прогрессистов, голосами

---

²⁴⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 830–872.

²⁵⁰ Там же. Стб. 904–923.

²⁵¹ Новое время, 25 апреля 1914 г.

²⁵² Речь, 23, 24 апреля 1914 г.

²⁵³ Новое время, 24 апреля 1914 г.

²⁵⁴ Речь, 23, 24 апреля 1914 г.

²⁵⁵ Русские ведомости, 23 апреля 1914 г.

²⁵⁶ Исключительное заседание // Русское слово, 23 апреля 1914 г.

²⁵⁷ Первая встреча // Утро России, 23 апреля 1914 г.

²⁵⁸ Слово и дело // Там же. 24 апреля 1914 г.

которых был избран, и, «едва удерживая рыдания», заявил о желании в знак протеста против действий президиума сложить пост и звание депутата. Однако бюро категорически отказалось обсуждать вопрос²⁵⁹. Социалистическая пресса имела основания обвинять либеральную оппозицию в «малодушии»²⁶⁰.

«Гражданин» хвалил думское большинство за отпор обструкционерам и называл это «первым прецедентом» взаимодействия правительства с Думой²⁶¹. (Но уже в следующем номере публиковал письмо некоего депутата, который писал, что карьерист и «ловкий игрок» Родзянко просто спасал свое положение²⁶².) «Голос Москвы», при всем критичном отношении к премьеру, резко осуждал поведение социалистов, выраженное в «самой дикой и самой некультурной форме», и сомневался в действенности кадетской тактики²⁶³. «Новое время» отмечало, что выходка левых сорвала общее наступление оппозиции на бюджет²⁶⁴. Газета передавала слова одного из левых депутатов: «Думали сделать трагедию, а вышел водевиль»²⁶⁵.

Кадеты действительно оказались в крайне неприятной ситуации. 23 апреля вопрос о произошедшем был вынесен на заседание кадетского ЦК. Коллюбакин признавал, что обструкция показала себя «слабым оружием»: «Несмотря на глубокий драматизм положения, она производила скорее комическое впечатление». Хотя и было решено голосовать против чрезвычайных военных кредитов, Милюков считал агитацию за роспуск Думы «абсолютно неприменимой в данном случае»²⁶⁶. 24 апреля дебатировался вопрос военных кредитов. Октябристы, несмотря на критику Сухомлинова, были готовы поддержать их. Челноков предложил в первоочередном порядке обсудить вопрос о размере воинского набора,

---

²⁵⁹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С. 11.

²⁶⁰ День, 23 апреля 1914 г.

²⁶¹ Дневник // Гражданин. 1914. № 17. С. 15.

²⁶² Дневник // Там же. № 18. С. 17.

²⁶³ Боевой день // Голос Москвы, 24 апреля 1914 г.

²⁶⁴ Новое время, 25 апреля 1914 г.

²⁶⁵ Там же. 24 апреля 1914 г.

²⁶⁶ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 352, 356.

поскольку он расширялся сравнительно с 1913 г. 146 голосами против 64 это отклонялось²⁶⁷. Формула перехода октябристов сравнивалась «Русскими ведомостями» с китайскими бумажными драконами, которых никто не боится²⁶⁸. Кадеты обвиняли октябристов в желании принимать все военные ассигнования без разбора²⁶⁹. (На самом деле октябристы следовали определенной политике. Барк вспоминал, что решающее значение для принятия ассигнований имели совещания министров и думцев у Горемыкина по Большой военной программе²⁷⁰.) 26 апреля Милюков предложил Думе отвергнуть бюджет, поскольку «правительство вступило в откровенный союз с партиями государственного переворота». Прогрессисты поддержали кадетов, но 166 голосами против 72 это предложение было отклонено²⁷¹. 28 апреля на смете Синода произошел очередной скандал. Милюков процитировал письмо Илиодора, в котором говорилось, что Саблера назначил Распутин. Обер-прокурор вынужден был оправдываться и отрицать подобное утверждение²⁷².

29 апреля на обсуждении сметы МВД в Думе выступил Маклаков. Он сообщил о внесении осенью в Совет министров законопроекта о земском и городском самоуправлении. Министр отвергал обвинение в неутверждении ряда кандидатов на земской и городской службе со ссылкой на указ Сената от 30 апреля 1908 г. о недопущении лиц с антигосударственными взглядами и в неутверждении земских смет, поскольку они предполагали непомерный рост земских сборов (в 1913 г. было отклонено 12 смет из 484, в 1914 г. – 13). Законопроекты о полиции и печати, по мнению Маклакова, были призваны охранить государственные устои²⁷³. Фракции оказались недовольны, даже правые считали неуместным тон защиты, к которому прибег Маклаков. Хвостов отметил: «Министр напоминал гимназиста, боящегося провалиться

---

²⁶⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 970–985.

²⁶⁸ Русские ведомости, 25 апреля 1914 г.

²⁶⁹ Там же. 26 апреля 1914 г.

²⁷⁰ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 72.

²⁷¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 1196–1224.

²⁷² Там же. Стб. 1333, 1347.

²⁷³ Там же. Стб. 1433–1444.

на экзамене»²⁷⁴. Савенко выступил за гуманизм и против людей «в роде кн. Мещерского»²⁷⁵. 3 мая Челноков огласил с трибуны подробности дела о выборах московского городского головы и подверг МВД резкой критике. Часть речи даже была опущена цензурой²⁷⁶. 186 голосами против 95 принималась совместная формула 3 октябристских фракций о стеснении земства, провоцировании антигосударственных настроений, препятствовании к осуществлению верховной воли монарха в виде манифестов и законов. «Такое положение, ослабляя мощь России, угрожает ей неисчислимыми бедствиями». Параграф сметы, посвященный центральным учреждениям МВД, прошел 201 голосом против 84. Ассигнования на местные полицейские учреждения и на полицейские надобности прошли с минимальной урезкой²⁷⁷. «Голос Москвы» в этой связи выражал надежду на оформление левоцентристского большинства²⁷⁸. Одновременно произошел один показательный эпизод: поляки поддержали в своем голосовании правых в вопросе о смете на землеустройство (там предусматривалось значительная сумма для Польши), поэтому она прошла большинством в 6 голосов²⁷⁹.

Даже на критике МВД парламентское большинство создано не было. 5 мая в повестку неожиданно было поставлено третье чтение законопроекта о должностных преступлениях (правительственный законопроект, внесенный еще Столыпиным, поддерживался правым центром). Земцы-октябристы проголосовали за обсуждение, но оно было остановлено лишь из-за отсутствия кворума, поскольку оппозиция покинула зал. Только 2 июня законопроект был принят окончательно 102 голосами против 88²⁸⁰. 13 мая на смете Министерства юстиции Шубинский, вернувшись к делу Бейлиса, вступился за подвергшуюся нападкам за семью Ющинских. Милюков

²⁷⁴ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С. 17.

²⁷⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 1456.

²⁷⁶ Там же. Стб. 1741–1777.

²⁷⁷ Там же. Стб. 1803, 1826, 1881–1882.

²⁷⁸ Бюджетная борьба // Голос Москвы, 6 мая 1914 г.

²⁷⁹ Русские ведомости, 6 мая 1914 г.

²⁸⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. V. СПб., 1914. Стб. 437; Русские ведомости, 7 мая 1914 г.

отпустил в его адрес: «Мерзавец». Шубинский ответил: «Плюю на мерзавца. <...> Если бы у меня был револьвер, я не знаю, что я бы сделал». Милюкова, а также принявших участие в перебранке Керенского и Пуришкевича удалили на 1 заседание. Шубинский исключен не был: за проголосовало 90 депутатов, против – 108 (при переголосовке – 108 против 111 при 10 воздержавшихся). После этого товарищ председателя Коновалов покинул свой пост. Шубинский закончил свою речь отрицанием революционного настроения в стране и призывом к труду. Смета была поддержана²⁸¹.

При голосовании за нового товарища председателя «Утро России» призывало земцев-октябристов проголосовать за Коновалова, считая это доказательством их желания участвовать в левом центре²⁸². Но 20 мая за Коновалова было подано всего 98 голосов, еще 6 – за земца-октябриста А.Д. Протопопова, пустых бюллетеней оказалось 141. В результате при следующем голосовании Протопопов набрал 203 голоса против 11 и стал товарищем председателя. Родзянко и Варун-Секрет подали в отставку, но были переизбраны. После этого в отставку подал Ржевский, а за ним – и остальные товарищи секретаря. Вопрос был отложен²⁸³. Челноков утверждал, что Коновалова провалили случайно, после чего прогрессисты отказались голосовать и, несмотря на все уговоры Милюкова, согласились голосовать только за кадета²⁸⁴. После избрания Протопопова Коновалов и Ефремов дали интервью «Русским ведомостям», в которых заявили о конфликте с Родзянко и полном разрыве с октябристами²⁸⁵. «Утро России» сообщало о возвращении Родзянко в правый лагерь²⁸⁶. Гучковский «Голос Москвы» признавал ситуацию тупиковой. Зависимость Думы о случайных шагов земцев-октябристов вела к торжеству правых: «Погибло то небольшое, что с таким трудом удалось создать в Думе»²⁸⁷. Между тем, по сведениям И.И.

---

²⁸¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. IV. СПб., 1914. Стб. 605–612.

²⁸² Акт доверия // Утро России, 17 мая 1914 г.

²⁸³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. IV. СПб., 1914. Стб. 1169–1170, 1207–1210.

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 988. Л. 716. М.В. Челноков – Д.Н. Шипову, 19 мая 1914 г.

²⁸⁵ Русские ведомости, 22 мая 1914 г.

²⁸⁶ Возвращение блудного сына // Утро России, 22 мая 1914 г.

²⁸⁷ Председательский кризис // Голос Москвы, 22 мая 1914 г.

Колышко, Протопопов был избран именно «по приказу Гучкова», которому Протопопов «сумел оказать какие-то услуги»²⁸⁸. Таким образом, правый центр оказался мобильнее, чем левый.

Смета МНП проходила тяжело и долго (8 заседаний), но уже без особых резкостей. Правые и националисты активно поддержали Кассо. Милюков заявил, что Кассо и подобные ему – «люди, задавшиеся непосильной целью, этой сизифовой работой удержать земной шар в его движении». Была принята критическая формула октябристов, однако даже смета центральных учреждений 144 голосами против 95 прошла без изменений²⁸⁹. К концу мая из Думы уже разъехалось 124 депутата²⁹⁰, по другим сведениям, исходившим от Родзянко – 138 (или 31,4 % от общего числа; 37 % правых, 27 % националистов, 56,5 % группы центра, 23 % земцев-октябристов, 45 % левых октябристов, 36 % прогрессистов, 25,5 % кадетов)²⁹¹.

По результатам прений «Русское слово» написало: «После бюджетных прений этого года надежд на эту Думу никаких. Убийственная черта заморыша столыпинского «обновления» – его незрелость и перезрелость. Бывает, что молоко закисает еще в вымени. Четвертая Дума прокисла, кажется, еще во чреве Харузина. Она явилась на свет створоженной. Существует сгустками. А сгустки плавают в сыворотке; а сывороткой откармливается бюрократия. О каком роспуске может идти речь?». Это касалось и оппозиции, устраивавшей бессмысленные обструкции²⁹². Как считало «Утро России», беречь такую Думу не стоило²⁹³. Даже во фракции националистов обострились противоречия на бюджетной почве²⁹⁴. Савенко писал: «Непроходимая глупость правительства окончательно охлаждает. Против правительства мы, люди лояльные, идти не можем, но и

²⁸⁸ Колышко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 104.

²⁸⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. IV. СПб., 1914. Стб. 1231, 1282, 1334.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 988. Л. 767. Г.А. Алексеев – К.С. Алексееву, 30 мая 1914 г.

²⁹¹ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С. 23–24.

²⁹² Баян [Колышко И.И.]. Простокваша // Русское слово, 29 апреля 1914 г.

²⁹³ По Думе и правительству // Утро России, 29 апреля 1914 г.

²⁹⁴ Новое время, 29 апреля 1914 г.

поддерживать нынешнее правительство не можем. Приходится отойти в сторону и молчать. В этом – трагедия русской жизни... Во фракции у нас – полный раскол». По его сведениям, 20 человек собирались уйти вправо²⁹⁵.

Думские комиссии оказались в состоянии паралича. Комиссия по местному самоуправлению провела за сессию только 2 заседания. Законодательные предположения думцев безнадежно застряли в комиссии. Законопроект о городской реформе (докладчик – Арефьев) был внесен в общее собрание еще 14 февраля и лежал без движения²⁹⁶. Вместе с тем, земцы-октябристы, не дождавшись правительственного проекта земской реформы, собирались осенью вынести на думское заседание свой проект²⁹⁷. В нем ценз понижался в 2 раза, отменялись сословные курии (поскольку первая курия к тому времени редко собиралась и часто была даже меньше, чем количество депутатов от нее), вводилось право городских дум избирать гласных в уездное земство. «Голос Москвы» со своей стороны считал, что необходимо было еще и отменить административную опеку, а также создать всесословное волостное земство²⁹⁸. Только 2 заседания провела и подкомиссия по законопроектам о неприкосновенности личности и об исключительном положении, 3 – комиссия по законопроекту о союзах и собраниях. Комиссия по полицейской реформе, наоборот, провела 16 заседаний, но законопроект не закончила. Был закончен и законопроект о печати, лишенный всех маклаковских особенностей (административной цензуры при объявлении местности на положении чрезвычайной охраны, указания списка недопущенной литературы и драматических постановок, запрета касаться вопросов внешней безопасности, иностранной цензуры, разрешительного порядка возникновения периодических изданий)²⁹⁹. Тем не менее, «Русские ведомости» отмечали, что правительственный проект

---

²⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 987. Л. 608. А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 28 апреля 1914 г.

²⁹⁶ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. IV созыв. Сессия II. 1913–1914 гг. СПб., 1914. С. 450.

²⁹⁷ Новое время, 23 мая 1914 г.

²⁹⁸ К реформе земства // Голос Москвы, 27 марта 1914 г.

²⁹⁹ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. IV созыв. Сессия II. 1913–1914 гг. СПб., 1914. С. 215–217, 508–513.

реформы печати практически не был изменен в комиссии и осенью выносился на обсуждение³⁰⁰. 27 мая Тихомиров написал письмо Щегловитову против проекта о печати, который «оставшись без поправок – отодвинет далеко назад всю доселе бывшую у нас (по преимуществу заслугами Правительствующего Сената) работу над уяснениями правовых норм в деле печати»³⁰¹. Последствий письмо не имело.

Еще 9 января Совет министров рассмотрел подготовленный МВД при Макарове законопроект об обществах и союзах. Он вызвал сильные разногласия³⁰². Однако уже в январе законопроект был внесен в Думу. По нему министр мог запретить любую партию, контролировать профессиональные союзы. Религиозные, студенческие, кредитные, а также имеющие заграничные филиалы общества не получали статуса общества. Использование нерусских языков ограничивалось. Ограничивались стачки, запрещалась выплата зарплаты стачечникам стачечными комитетами во время забастовки³⁰³. «Голос Москвы» комментировал: «Никто не будет оспаривать необходимости известного правительственного контроля над общественными организациями, но этот контроль не должен быть опекой, не должен быть результатом ярко выраженного недоверия к общественным силам, составляющим единственную прочную опору государственности»³⁰⁴.

16 мая Маклаков внес в Совет министров принципиально доработанный проект об обществах и союзах. Общества делились на экономические и неэкономические, которым и был посвящен проект. Вводился разрешительный порядок для обществ религиозных или руководимых из-за границы, надзор за студенческими организациями, запрет на участие иностранных подданных в политических организациях и управление политическими организациями из-за границы. Обществам с

---

³⁰⁰ Русские ведомости, 22 апреля 1914 г.

³⁰¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 787. Л. 1.

³⁰² Там же. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1. Л. 5–5об.

³⁰³ Русские ведомости, 9 января 1914 г.

³⁰⁴ Закон об обществах и союзах // Голос Москвы, 5 января 1914 г.

отделениями, союзам и политическим обществам запрещалось объединяться. Создавалось Главное по делам об обществах присутствие при МВД (с участием членов МТП и ГУЗЗ) и губернские присутствия, где должны были регистрироваться все общества и союзы, а также их отделения (политические общества – только в Главном присутствии). При регистрации определялось точное название, цели, район и способы деятельности, состав правления, способы его пополнения, другие органы, время и порядок созыва общих собраний, порядок выбытия членов, средства, взносы, порядок открытия отделений. Регистрация происходила в течение 4 месяцев. Новые организации должны были представить устав через месяц после регистрации. Старые обязаны были подать документы на регистрацию в течение 6 месяцев. Русский язык в документации являлся обязательным. Общее собрание проводилось только по месту нахождения правления. По ходатайству в присутствии члены общества (не менее десятой их части) могли созвать собрание и без решения правления. Губернатор имел право приостановить деятельность общества и сообщить министру. Губернатор и градоначальник получали право ревизии делопроизводства (у профсоюзов – еще и МВД и МТП). Было расширено определение профсоюзов: они могли создаваться не только с профессиональными, но и с культурно-просветительскими целями. Профсоюзы не могли объединяться в союзы (для самих профсоюзов предполагался только губернский и городской уровень) и управляться из-за границы. Как и в Германии, в профсоюз можно было вступить только с 17 лет, участвовать в собраниях – с 21 года, в управлении – с 25 лет. Пришлые не могли вступить, исключение происходило только на основании устава, выход был свободным. На железных дорогах и казенных заводах создание профсоюзов имело разрешительный характер. Определялись критерии потери стачкой мирного характера и вступления в силу ответственности. Проект был отложен только с началом войны³⁰⁵.

---

³⁰⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1. Л. 7–53.

Создание списка разрешенных целей вместо списка запрещенных, введение регистрации в главном присутствии подобно партиям были поддержаны «Московскими ведомостями», поскольку, по их мнению, стесняли лишь революционную деятельность³⁰⁶. Газета во главе с новым редактором, ссылаясь на победоносцевский «Московский сборник», отстаивала также и правительственный законопроект о печати³⁰⁷. Император поручил Маклакову разработать законопроект о принятии части расходов волостных правлений на счет казны³⁰⁸. В конце июня в МВД было также сформировано совещание по реформе уездного управления.

«Гражданин» опровергал слухи о планировавшейся осенью отставке Маклакова и Кассо³⁰⁹. Кн. Мещерский теперь вообще ставил под сомнение существование «Нового курса», считая его «одной из многих выдумок газетного вранья со сплетнями кулуаров Государственной думы»³¹⁰. Нейдгарт сообщал Тихомирову, что председательствование Горемыкина в правительстве было формальным, а министры действовали по своему усмотрению³¹¹. Как будто подтверждая эти слова, ГУЗЗ вносило в Совет министров законопроект о возможности передачи земствам агрономических организаций, но требовало предоставления плана деятельности, покрытия не менее половины их расходов и особой поддержке отрубников. Кроме того, на особые агрономические совещания при землеустроительных комиссиях возлагался надзор. «Утро России» считало, что эти условия лишали инициативу всякого смысла³¹². Это было тем более важно, что ведомство возглавлял Кривошеин – инициатор «Нового курса». Синод внес в Думу проект приходского устава. Планировалось создание Главного управления народного здравоохранения, которое воспринималось как еще один орган

---

³⁰⁶ Наши революционеры и закон о союзах // Московские ведомости, 13 июня 1914 г.; Профессиональный законопроект // Там же. 19 июня 1914 г.

³⁰⁷ Судьба законопроекта о печати // Там же. 4 апреля 1914 г.

³⁰⁸ Новое время, 12 марта 1914 г.

³⁰⁹ Дневник // Гражданин. 1914. № 17. С. 16.

³¹⁰ Дневники // Там же. 1914. № 18. С. 18–19.

³¹¹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 153об. 3 июня.

³¹² Утро России, 31 мая 1914 г.

опеки над самоуправлением³¹³. 21 апреля совещание по Великому княжеству Финляндскому приняло результаты подготовительной комиссии Н.Н. Корево о мерах по укреплению правительственной власти в Финляндии и ее политическому и экономическому сближению с Империей³¹⁴. 24 мая Н.В. Плеве, ушедшего еще в марте, на посту управляющего делами Совета министров сменил И.Н. Лодыженский; «Речь» называла его ставленником Объединенного дворянства³¹⁵.

18 апреля вышли Правила о монополиях, носившие антимонополистский характер. Незадолго до их выхода Тимашев был удостоен ордена св. Александра Невского. Советом съездов представителей промышленности и торговли была составлена записка с критикой мер против синдикатов, что подавалось как политика, направленная против промышленного развития. Торгово-промышленный съезд открыто выступил против политики МТП. 5 мая на имя Горемыкина в Ливадию была отправлена телеграмма с указанием на растущее стеснение частной торговли и промышленности и усиление стачечного движения³¹⁶. Через несколько дней «Продуголь» был привлечен к суду³¹⁷. Ведомство внесло поправки в законопроект о синдикатах, по которым устанавливалась их обязательная регистрация³¹⁸. Только кадеты несколько неожиданно для своего имиджа выступали против преследования синдикатов³¹⁹. «Утро России», наоборот, активно поддержало разработку мер против них³²⁰. «Московские ведомости» критиковали торгово-промышленников за поднятие цен на стратегическую продукцию в тяжелый международный период³²¹. Еще более жестко в отношении частного капитала оказалось настроено Министерство внутренних дел, но у него были свои мотивы. В совещании МТП о мерах

---

³¹³ Новое министерство // Русское слово, 20 июня 1914 г.

³¹⁴ Новое время, 23 апреля 1914 г.

³¹⁵ Дальний М. [Фейгельсон М.С.] Кандидаты объединенного дворянства // Речь, 8 марта 1914 г.

³¹⁶ Новое время, 2, 6 мая 1914 г.

³¹⁷ Там же. 14 мая 1914 г.

³¹⁸ Там же. 11 июня 1914 г.

³¹⁹ Русские ведомости, 9 июля 1914 г.

³²⁰ М.П. Шайка воров... // Утро России, 17 мая 1914 г.

³²¹ Камский С. Итоги промышленного съезда // Московские ведомости, 17 мая 1914 г.

против забастовок интересы двух ведомств столкнулись: МТП выступало за экономические санкции (отмену зарплаты при забастовке), МВД – за создание примирительных камер с целью отрыва рабочих от революционеров. Оптимизм МВД не был поддержан никем³²². Лишь «Московские ведомости» поддерживали идею примирительных камер и считали необходимым в будущем ввести профсоюзы³²³. Оценивая предложения Маклакова, «Вестник Европы» писал: «Можно подумать, что мы живем не в 1914-м, а в 1904-м году, что у нас все еще не узаконено право стачек, да и предполагается узаконить его только с большими оговорками»³²⁴.

Государственный совет шел не только в полном разрезе с Думой, но и не оборачиваясь на «официальную линию» правительства. Если весной 1913 г. по вопросу о должностных преступлениях такое поведение было эпизодическим, то уже через год стало вызывающим и демонстративным. 14–30 апреля палата рассмотрела законопроект о реформе попечительств народной трезвости. Предположение было внесено самим Советом в октябре 1910 г. и предполагало передачу дела из финансового ведомства в МВД и земства. 26 апреля Совет отверг содержащееся в проекте право губернского земства распределять суммы для попечительств³²⁵. 12 мая в Государственном совете вновь обсуждался законопроект о польском городском управлении. Вопрос языка оставался последним неурегулированным вопросом между палатами. Правительство на сей раз поддерживало Думу. Еще 7 января Сазонов представил императору свою записку по польскому вопросу. Министр указывал на то, что даже Столыпин, в отличие от правых Государственного совета, был чужд «близорукого национализма» и после решения холмского вопроса был намерен облегчить положение поляков в Привисленских губерниях. Голосование палаты против польского языка

---

³²² Новое время, 27 мая 1914 г.

³²³ Забастовки рабочих // Московские ведомости, 1 июля 1914 г.

³²⁴ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1914. № 4. С. 296–298.

³²⁵ Государственный совет. СО. IX сессия (1913–1914). СПб., 1914. Стб. 1847.

вызвало, как отмечал Сазонов, «справедливую горечь со стороны наиболее благоразумных элементов польского общества, которые указывают, что ряды их неизбежно рedeют, и они могут оказаться бессильными направить свой народ в разумное русло». Это было опасно в связи с развивавшемся международным кризисом и симпатиями поляков в отношении Австро-Венгрии³²⁶. На заседании палаты Горемыкин впервые за 8 лет произнес речь как премьер-министр. Он выражал готовность обсуждать поправки, но считал упорство Совета в вопросе о языке излишним. Кобылинский и Гурко, тем не менее, в очередной раз настаивали на своем. Поправка Думы принята не была, сам законопроект, таким образом, окончательно отклонился³²⁷. «Инерция покоя, овладевшая некоторыми высокими собраниями старцев, ведет иногда государства к параличу», – писало «Новое время»³²⁸. А.А. Столыпин выражал надежду на то, что «слишком явная историческая нелепость» будет ликвидирована³²⁹. Это было тем более необходимо, что, как отмечали все газеты, поляки проявляли лояльность в отношении России (наряду с этим отмечался также и резкий рост польского антисемитизма)³³⁰.

На очереди в Государственном совете стояло волостное земство. Еще в декабре 1913 г. в волостной комиссии Совета Маклаков уклонился от вопроса о сочетании волостной реформы с земской и поселковой. После этого А.С. Ермолов отказался от председательства, а исполняющим обязанности стал Дурново³³¹. 21 апреля подкомиссия по волостному земству, наконец, завершила подготовку законопроекта. Меллер-Закомельский предложил отложить законопроект на осень, поскольку времени на его рассмотрение у комиссии было недостаточно. Предложение было отклонено 83 голосами против 62³³². Правый центр упирал в своей критике на

³²⁶ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 675. Л. 1–5об.

³²⁷ Государственный совет. СО. IX сессия (1913–1914). СПб., 1914. Стб. 2081–2131.

³²⁸ Новое время, 15 мая 1914 г.

³²⁹ Там же. 27 мая 1914 г.

³³⁰ Напр.: Русская мысль. 1912. № 1. III паг. С. 6; Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1912. № 1. С. 415; Clens I. Деморализация // Речь, 25 февраля 1914 г.

³³¹ Новое время, 4 декабря 1913 г.

³³² Государственный совет. СО. IX сессия (1913–1914). СПб., 1914. Стб. 2132–2138.

финансовую сторону, правые – на наличие третьего элемента. Гурко отвечал, что раскладку в волостном земстве можно определить в пользу крестьян и таким образом улучшить их положение. 20 мая 77 голосами против 72 волостное земство было провалено. Затем председатель огласил формулу 39 членов Совета с пожеланием о внесении правительством нового законопроекта «на начале приближения органов земского самоуправления к местному населению». Стишинский, поддержанный Витте, предложил правительству самому определить конкретные формы «приближения». На вопрос Гурко председатель отказался назвать фамилии подписавших. Тогда левые отказались голосовать. Бобринский признал инициативу правых и снял формулу³³³. А 6 июня Государственный совет отправил на осень вопрос о депутатской ответственности³³⁴. Майские голосования палаты стали кульминацией ее самостоятельности за весь период 1911–1917 гг.

По словам Олсуфьева, отклонение волостного земства означало окончательную ликвидацию законодательства прежней Думы. Как утверждало «Новое время», реформы местного самоуправления стали невозможны: «К величайшему несчастью для страны, голос П.Н. Дурново давно уже стал голосом всего советского большинства»³³⁵. «Русские ведомости» писали, что волостное земство, а не «искалеченное и уродливое его подобие» (порожденное компромиссом палат) рано или поздно появится, когда «неизбежный могучий толчок повернет, наконец, Россию на путь действительных реформ ее государственного и общественного строя»³³⁶. Совет министров вместо волостного земства планировал внести проект всесословной волостной административной единицы, но и его разработка должна была начаться не ранее будущей осени³³⁷.

Обозначившийся весной 1914 г. кризис правительственной и общественной линии вызвал живой отклик в прессе. Еще 9 мая в «Новом

---

³³³ Там же. Стб. 2394–2404.

³³⁴ Там же. Стб. 2588–2589.

³³⁵ Отказ от законодательства // Новое время, 21 мая 1914 г.

³³⁶ Сперанский С. К похоронам волостного земства // Русские ведомости, 22 мая 1914 г.

³³⁷ Новое время, 30 мая 1914 г.

времени», до того сохранявшем демонстративную лояльность по отношению к правительству Горемыкина, появилась статья под названием «Письма монархиста»: «Самый спокойный наблюдатель нашей внутренней политики должен признать, что в мыслящих кругах страны царит смута, в деловых – недовольство, а среди рабочих – брожение, что пропаганда антигосударственных начал сделалась сильнее, а те положительные элементы населения, которые так недавно поддерживали порядок и правительство, с беспокойством спрашивают себя, куда мы идем, и далеко не выражают прежнего оптимизма. Лозунг «равнение направо» внес пока только общее смущение, ибо он возбудил множество недоуменных вопросов, не дав почти никаких руководящих идей для их разрешения». Отмечалось, что правительство, как казалось, взяло курс на умаление народного представительства и возвращение к старым порядкам³³⁸. «Утро России» считало, что любые смены в правительстве были бы бесполезны, пока в него не будут введены представители общественности³³⁹. По поводу идеи общественного кабинета «Московские ведомости» писали: «Пора понять, что если Россия благополучно пережила последние тяжелые испытания, гигантскими шагами идет по пути развития своего хозяйства и культуры, то все это делается руками той самой «бюрократии», которая, по мнению радикальных Иванушек, только и делает, что перьями скрипит да бумагу изводит. Во имя элементарной справедливости партийным политикам следовало бы оценить ту огромную положительную работу, которую, не покладая рук, при крайне неблагоприятных условиях, совершала и совершает на всем огромном пространстве Империи русская правительственная власть, одушевленная горячим желанием работать на благо народа». Как особо отмечалось, законодательство тормозит именно Дума³⁴⁰.

Для «Русской мысли» в такой ситуации становились очевидны как «совершенно невероятная слепота и удивительная тупость» правительства,

---

³³⁸ Монархист [Меньшиков М.О.?]. Письма монархиста // Новое время, 9 мая 1914 г.

³³⁹ Путь спасения // Утро России, 7 мая 1914 г.

³⁴⁰ Под маской // Московские ведомости, 6 июня 1914 г.

так и неорганизованность общества. Изгоев писал: «Что стране нужно – ясно, но как этого добиться, никто определенно не знает. Ведь сказать: нам нужна парламентская монархия или полное народовластие, или что другое – не значит еще что-либо указать. Слово, какое бы оно резкое ни было, словом и останется. Кто из нас может решиться утверждать, что вообще удастся добиться необходимых преобразований. Давно уже сказано гениальными политиками, что для отсталой страны самый опасный момент тот, когда она начинает переходить к неизбежному переустройству. В прошлом мы знаем примеры Польши, Римской империи, перед глазами у нас – Персия, Турция, Китай... <...> Борьба предстоит длительная. <...> Ни у кого не имеется таких средств, которые в непродолжительном времени могли бы изменить положение. Ни в Думе, ни вне Думы таких средств нет. Настоящим политическим деятелем будет тот, кто поверх и помимо всех временных тактических комбинаций и внедумских жестов поведет планомерную, обдуманную работу по сплочению живых, необходимых для обновления родины, сил». Эти силы, по мнению Изгоева, могли быть взяты только из демократии, «буржуазии», «весь быт которой построен на частной собственности, какие бы социалистические фразы эти люди не произносили». Только с этими силами «можно заставить власть пойти по дороге права и государственного разума»; социалисты могли выступить только союзниками этой силы. Широкое объединение оппозиции, как считал Изгоев, было «не только возможно, но и неизбежно», его необходимо было осуществить вокруг Думы и под умеренными лозунгами, только тогда был достижим успех. Публицист подвел следующий итог: «Надо продолжить работу, начатую Дмитрием Николаевичем Шиповым в середине девяностых годов прошлого века»³⁴¹.

В июне была осуществлена новая попытка восстановить отношения правительства и палат. Но на сей раз она опиралась на проявление монаршей

---

³⁴¹ Изгоев А. На перевале. Начинается... // Русская мысль. 1914. № 5. II паг., с. 125–132.

воли. По поводу слухов о правительственном плане провести польское городское управление по 87-й статье «Голос Москвы» писал, что правительство могло бы при желании сменить половину состава Государственного совета, но выбирает иной путь, который «не может дать бесспорной победы, но, наоборот, скорее подвергает риску новых поражений»³⁴². Но по пути Столыпина Совет министров не пошел. 5 июня появилась императорская виза на законопроект о польском городском управлении, в соответствии с которой 9 июня он был опять внесен в Думу. «Речь» не сомневалась, что после этого законопроект будет принят³⁴³. Но на этом сюрпризы не закончились. Уже 11 июня в Думе была оглашена монаршая телеграмма с удовольствием за состоявшееся накануне голосование Думы за сверхсметные ассигнования для Военного министерства³⁴⁴. Подобный шаг удивлял: прогрессисты и кадеты даже восприняли это как антиконституционный акт, развивающий «сервилизм» и втягивающий монарха в «водоворот политических страстей»³⁴⁵. Между тем по слухам из польского коло, император также хотел лично настоять в разговоре с Н. Львовым на том, чтобы он не отказывался избираться на пост московского городского головы³⁴⁶. Ходили слухи, что Горемыкин настаивал на отставках Щегловитова, Кассо и Маклакова³⁴⁷. В Думе обсуждалась записка Кривошеина, якобы отправленная Николаю II об отставке трех министров³⁴⁸. «Новое время» прозрачно намекало на необходимость отставок в правительстве для завершения объединения правительства³⁴⁹. «Утро России» считало эти отставки условием примирения думского большинства (кроме кадетов и прогрессистов) с правительством³⁵⁰. Савенко выражал иную мысль: «Мне кажется, что момент для уступок умеренным кругам общества

---

³⁴² Опасный эксперимент // Голос Москвы, 1 июня 1914 г.

³⁴³ Речь, 11 июня 1914 г.

³⁴⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. V. СПб., 1914. Стб. 923.

³⁴⁵ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С. 26.

³⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 988. Л. 780а. А.И. Гучков – Н.И. Гучкову, 2 июня 1914 г.

³⁴⁷ Там же. Л. 708. А.И. Савенко – Б.В. Плескому, 18 мая 1914 г.

³⁴⁸ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С. 22. 22 мая 1914 г.

³⁴⁹ Г. Дума и правительство // Новое время, 31 мая 1914 г.

³⁵⁰ Цена примирения // Утро России, 3 июня 1914 г.

упущен: теперь уступки не принесут примирения и успокоения. Струны слишком натянули и перетянули... В общем я на будущее смотрю мрачно»³⁵¹. «Гражданин», в свою очередь, считал, что правительство, не опровергающее грядущих отставок Маклакова и Кассо, «пассивно и разъединено» – и «это хуже революции!»³⁵²

При принятии бюджета в целом Дума внесла в его мотивирующую часть поправку, предложенную левым октябристом И.В. Годневым, в соответствии с которой ведомствам воспрещалось дробить по своему усмотрению ассигнования, отпущенные по конкретным статьям росписи (такое дробление позволяло тратить суммы, которые в совокупности превышали означенную статью). В согласительной комиссии Государственный совет вынужден был принять поправку Годнева под угрозой отклонения всего бюджета. «Голос Москвы» отметил: «Это первая серьезная победа Г. Думы над верхней палатой, и ей нельзя отказать в большом политическом значении»³⁵³. В согласительной комиссии палат член Государственного совета М.Д. Дмитриев настаивал на недопустимости включения длительной нормы во временный закон (замечая, что Совет примет ее без затруднений отдельным законом). В конечном счете, в виде компромисса было предложено принять ее на 1 год. Комиссия приняла поправку 16 голосами против 2, что вызвало «своего рода ликование» почти всех думских фракций³⁵⁴.

14 июня, в последний день сессии, 92 голосами против 76 были отложены социал-демократические запросы о бакинской забастовке, после чего Родзянко огласил указ о закрытии сессии и созыве новой 15 октября. На прощание председатель палаты поблагодарил депутатов за «доброжелательное отношение»³⁵⁵. Сессия закончилась спокойно, поскольку депутаты положительно восприняли известия о скором уходе

---

³⁵¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 988. Л. 708. А.И. Савенко – Б.В. Плескому, 18 мая 1914 г.

³⁵² Дневник // Гражданин. 1914. № 21. С. 19.

³⁵³ Первая победа // Голос Москвы, 13 июня 1914 г.; Падение царского режима... Т. 6. С. 306.

³⁵⁴ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С. 25.

³⁵⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. СО. Ч. IV. СПб., 1914. Стб. 1370.

консервативных министров, телеграмму императора, повторное внесение польского законопроекта³⁵⁶. Только земцы-октябристы и националисты считали, что твердая политическая позиция Думы позволила ей к концу сессии улучшить свое положение. В целом же правые, а также левые октябристы и кадеты оценивали сессию как безрезультатную³⁵⁷. «Речь» считала законопроект о депутатской неприкосновенности основным вопросом предстоящей осенней сессии, но опасалась позиции думского центра³⁵⁸. По этому поводу Велихов писал: «По моему мнению, логики в событиях в Г. Думе нет, а идет какая-то каша. <...> Кадеты спорят, хитрят, прогрессисты тянутся за ними, октябристы – пустое место. Вообще – болото, гниль, неразбериха и какое-то всеобщее бессилие. Вероятно, то же и в стране. У одного Милюкова вся эта бестолочь разбивается на какие-то гранки и он ведет шахматную партию, расставляя и переставляя фигуры, ставя ловушки, подкапываясь под что-то и грозя матом; впрочем, ни правительству, ни России до этой безобидной партии нет никакого дела, и жизнь идет мимо, по-видимому, сама не зная – куда она идет и зачем. Одно я вижу и знаю, что центр тяжести положения и ключ ко всему – в Ливадии. Все наши потуги: и речи, и отказы в кредитах, и обструкции – детская игра. Если бы октябристы к нам присоединились, то Г. Думу благополучно бы распустили, могли бы и Основной закон изменить, и Г. Думу вовсе не собирать. Вероятно, потом была бы революция лет через пятнадцать, а временно, повторяю, все было бы спокойно, ибо никакого подъема в стране нет»³⁵⁹. Шипов считал необходимым роспуск Думы «без особо резких демонстраций» по причине законодательной бесплодности³⁶⁰. Лишь «Русской мысли» хватило сил выступить за сохранение Думы и левого центра и призывать прогрессистов и октябристов помириться³⁶¹.

---

³⁵⁶ Донесения Л.К. Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С. 28–30.

³⁵⁷ Голос Москвы, 15 июня 1914 г.

³⁵⁸ Речь, 15 июня 1914 г.

³⁵⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 987. Л. 610. Л.А. Велихов – Б.А. Велихову, 28 апреля 1914 г.

³⁶⁰ Там же. Д. 988. Л. 758. Д.Н. Шипов – М.В. Челнокову, 28 мая 1914 г.

³⁶¹ Рыкачев А. Дума и страна // Русская мысль. 1914. № 6. II паг., с. 146.

16 июня Совет министров обсудил дело по прошению бывшего иеромонаха Илиодора (Труфанова) возбудить преследование за клевету В. Маклакова и отверг его как необоснованное. 26 июня был дан ход прошению киевского губернатора Н.И. Суковкина в отношении В.М. Пуришкевича³⁶². Была скорректирована и торгово-промышленная политика. 21 и 24 июня делегация торгово-промышленников посетила Горемыкина и Тимашева³⁶³. «Московские ведомости» удивлялись желанием промышленников уговорить правительство не исполнять закон³⁶⁴. Тем не менее, у Горемыкина промышленники вызвали «полное сочувствие»³⁶⁵. Действие Правил было «временно» приостановлено. 15 июня получил отставку Акимов, исполняющим обязанности председателя Государственного совета стал известный своей умеренностью И.Я. Голубев, а С.С. Манухин – его товарищем (ранее такой практики не было). «Голос Москвы» считал эти назначения, а также болезнь Акимова и новый отпуск Дурново «политическими» и расценивал их как политику правительства по обузданию Государственного совета³⁶⁶. 19 июня на заседании ЦК октябристов Гучков «отметил некоторые симптомы, как будто свидетельствующие о том, что можно ожидать известной перемены правительственного курса»³⁶⁷. Однако 21 июня палата практически единодушно приняла роспись, но отвергла поправку Годнева (75 голосами против 31). Это вызвало недоумение левых октябристов³⁶⁸ и бурное возмущение Милюкова³⁶⁹, который написал, что «в 1914 году государство будет существовать без утвержденной законно росписи»³⁷⁰. Милюков ждал от Н. Маклакова нарушения конституции³⁷¹. Однако сложно было сказать, кого из братьев Маклаковых – двух самых

---

³⁶² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 179–182.

³⁶³ Новое время, 22, 25 июня 1914 г.

³⁶⁴ Оригинальная депутация // Московские ведомости, 27 июня 1914 г.

³⁶⁵ Голос Москвы, 22 июня 1914 г.

³⁶⁶ Интересные симптомы // Голос Москвы, 18 июня 1914 г.

³⁶⁷ Голос Москвы, 20 июня 1914 г.

³⁶⁸ Там же. 22 июня 1914 г.

³⁶⁹ Речь, 21, 22 июня 1914 г.

³⁷⁰ Там же. 23 июня 1914 г.

³⁷¹ Там же. 25 июня 1914 г.

ярких в своей «несистемности» фигур исторического момента – Милюков в первой половине 1914 г. опасался более.

Пуришкевич предрекал вторую русскую революцию, которая родится посредством народной школы, что отказывалось замечать правительство: «Слепые мудрецы, ищущие прав власти, но бегающие ее обязанностей, самодовольные и самоуверенные, душе коих чуждо сознание исторической ответственности за дальнейшие судьбы их попустительством уже духовно искалеченной России»³⁷². В свою очередь Тихомиров писал в дневнике: «Я что-то не вижу признаков чего-то близкого революционного. Революция требует все-таки некоторого идеализма, а в обществе только и видишь какое-то гниение. Конечно <...> когда-нибудь <...> если все это гнилое здание рухнет, то уже гораздо бесповоротнее, чем в 1905 году. Вряд ли найдется много защитников. Но на век нынешних деятелей, вероятно, хватит еще. Года два-три назад я видел больше революционных признаков. Теперь же повсюду одно только взаимное отвращение»³⁷³.

«Русские ведомости» отмечали разительное отличие в состоянии материальных и политических сил русского общества: колоссальное за 10 лет развитие городов, промышленности, кооперации, рабочего класса, «идей свободы и социальной справедливости» и сохраняющееся «состояние какого-то тупого ожидания, какой-то надежды на внезапный благоприятный оборот событий, который позволит выйти из состояния отупения и ожидания». Это было главным препятствием на пути политического прогресса³⁷⁴. Астров писал: «Дух пал и мы падаем все ниже и безнадежнее. Что-то странное делается с молодежью. Могу указать несколько примеров, как дети отцов, заметных во время освободительного движения, к отчаянию родителей – сознательно и убежденно идут в военную службу, выбирая себе эту деятельность как работу всей жизни. Может быть, и в этом нужно видеть бессознательное осуждение инстинктивно ощущаемой ошибки, допущенной

³⁷² Пуришкевич В. Правительство и народная школа // Прямой путь. 1914. № 6. С. 10.

³⁷³ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 126об.–127. 19 апреля 1914 г.

³⁷⁴ Русские ведомости, 2 июля 1914 г.

отцами»³⁷⁵. Велихов признавался в частном письме брату: «С утра до ночи нахожусь я на совещаниях, где публика рвет и мечет и настроена радикально как никогда. Все верят в какой-то «подъем в стране», которого я не усматриваю. По выражению депутата Щепкина, все эти мои товарищи по фракции – «огурцы, выросшие до лета в политических парниках». Друг друга настраивают и мнятся – nous vivons dans les temps de le Convention Nationale [мы живем во времена Конвента (франц.)]... А выйдешь на улицу, сядешь на полузвериного Ваньку, посмотришь на улицу, которая от сороковки качается от малого до великого, и почувствуешь, что тут нужна просвещенная, национальная, и может быть на 10 % либеральная власть; чувствуешь, что прежде всего нужна всеобщая, ровная и прямая походка, а потом уже голосование»³⁷⁶. В то же самое время в беседе с И.И. Толстым французский посол М. Палеолог говорил, что «заметил одно странное явление: полную разобщенность русских по части политических идеалов; даже прогрессивная часть общества не выработала не только общего идеала, но даже ближайшей цели, к которой следует стремиться»; поэтому он признавался, что «не верит в скорое наступление революционного движения» в России, а победа революции могла бы состояться лишь «на экономической почве»³⁷⁷.

Итак, по результатам весенней сессии 1914 г. Дума очевидно потерпела поражение в борьбе со своими политическими противниками. Она была парализована раздробленностью и отсутствием выраженной правительственной линии в своем отношении. Но насколько раздробленным было само правительство и было ли разделение вызвано причинами политическими? Сазонов отмечал, что правительство впервые раскололось по политическим взглядам на две группы только при Горемыкине. Первая – «правая» – группа во главе с Щегловитовым поддерживала Горемыкина; как вспоминал Сазонов, она была более многочисленной, «по крайней мере, в первое время, пока несостоятельность Горемыкина не сделалась очевидной

---

³⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 989. Л. 856. Н.И. Астров – Д.Н. Шипову, 24 июня 1914 г.

³⁷⁶ Там же. Д. 987. Л. 694. Л.А. Велихов – Б.А. Велихову, 15 мая 1914 г.

³⁷⁷ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 501. 26 апреля 1914 г.

для всей страны». Отмечалось, что группа состояла из противников столыпинской политики («в более или менее скрытой форме»), но этот важный тезис никак не аргументировался. Сазонов только бросал весьма неопределенную фразу: «Если они допускали необходимость реформ, то таких только, которые не касались важных частей государственной машины, обветшавших от долголетнего употребления». Однако затем следовало уже более четкое указание: «С существованием Государственной думы им, не менее, чем самому Горемыкину, было особенно трудно примириться и тем более установить с нею необходимый *modus vivendi*». Кроме того, Сазонов предполагал, что некоторые представители этой группы были «тайными распутинцами». «Вторая группа министров, получившая совершенно незаслуженное звание радикалов, состояла из таких же убежденных монархистов, как их более правые товарищи с тою только разницей, что они понимали, что не может быть учреждения, как бы разумно ни было его основание, которое могло бы претендовать на неизменность», – писал Сазонов³⁷⁸.

Таким образом, по его мнению, основной политической причиной расхождений в правительстве была разница в отношениях с Думой. Представление Сазонова о правом большинстве в Совете министров во главе с Горемыкиным другими очевидцами не подтверждается. Кроме того, откровенным противником Государственной думы в ее третьеиюньском варианте был лишь один Н.А. Маклаков. Сазонов, ограничившись несколькими, хотя и широковещательными сентенциями, все же практически не обозначал состава противоборствующих политических группировок, отметив лишь то, что большинство изначально принадлежало «правым». В свою очередь А.Н. Яхонтов отмечал, что до лета 1915 г. между Горемыкиным и Кривошеиным существовало «неизменное согласие»³⁷⁹. П.Л. Барк характеризовал состав «правой» группы лишь тремя фигурами

---

³⁷⁸ Сазонов С.Д. Ук. соч. С. 346–348.

³⁷⁹ Яхонтов А.Н. Первый год войны... // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 319–320.

(Щегловитов, Маклаков и Кассо) и свидетельствовал, что они пытались привлечь самого Барка на свою сторону, но он проявил сдержанность в политических вопросах³⁸⁰.

Дума демонстрировала гораздо большую неработоспособность, чем правительство. Вместе с тем, без обеспечения правильного и регулярного законодательного процесса правительство также было бессильно. Способы такого обеспечения и стали основным предметом противостояния внутри Совета министров.

5.3. «Священное единение»: попытка соглашения на патриотической платформе

15 июня, на следующий день после роспуска Государственной думы, был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд. 1 июля в Петербурге начались забастовки в знак солидарности с бакинской стачкой. 3 июля произошел бой рабочих и полиции на Путиловском заводе, было убито 2 рабочих. 7 июля столичная забастовка достигла пика, охватив 190 тысяч рабочих (в Москве максимум был достигнут в тот же день, однако участие приняли лишь 17 тыс. рабочих). 7–8 июля в столице произошли уличные беспорядки, началось строительство баррикад³⁸¹. От рабочих досталось не только полиции: 9–11 июля из-за забастовок не выходила «Речь»³⁸². К 12 июля стачка «приняла крайне острые и тревожные формы», причем была неожиданна как для обывателей, так и для «сознательных элементов рабочего движения». Социалисты обвиняли в ее провоцировании саму власть³⁸³. Правые считали, что организаторы забастовок получили немецкие деньги³⁸⁴. Барк был в этом уверен и отмечал большой интерес германского посла гр. Ф. Пурталеса к ее

---

³⁸⁰ Барк П.Л. Глава из воспоминаний // Возрождение. 1965. № 159. С. 80.

³⁸¹ Новое время, 5, 9 июля 1914 г.; Арутюнов Г.А. Ук. соч. С. 363–375.

³⁸² Речь, 12 июля 1914 г.

³⁸³ День, 12 июля 1914 г.

³⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 220. Л. 50.

ходу³⁸⁵. О кадетях как о безусловных лидерах революционного движения писал в это время в официальной записке директор Департамента полиции В.А. Брюн де Сент Ипполит³⁸⁶. Корень политических забастовок, происходивших практически только в Петербурге, «Московские ведомости» видели в Думе и призывали «уничтожить или обезвредить очаг революционной угрозы»³⁸⁷. В это же самое время в Италии была жестоко подавлена всеобщая забастовка (т.н. «Красная неделя»). Однако, по словам Тальберга, в Петербурге полиция проявляла особую мягкость к забастовщикам из-за официального визита президента Франции Р. Пуанкаре³⁸⁸. 8 июля, в разгар рабочего движения, было Высочайше повелено прекратить дело Чхеидзе³⁸⁹. И только 11 июля Петербург и Москва с губерниями были объявлены на положении чрезвычайной охраны³⁹⁰. 15 июля петербургская забастовка завершилась.

10 июля скончался кн. В.П. Мещерский. В те же дни Маклаков вторично инициировал план роспуска Думы. С ведома императора он посетил Пасхалова³⁹¹, после чего тот отправил Назаревскому статью о необходимости перемены статуса палат и просил не смягчать ее резкого тона, поскольку эта идея находит понимание как у Маклакова, так и у царя³⁹². На Елагином острове 12 июля состоялось заседание Совета министров под председательством императора, посвященное общему политическому положению. Обсуждались внешнеполитический кризис (накануне, 11 июля был объявлен австро-венгерский ультиматум Сербии), рост забастовок и трудности проведения бюджета через палаты. Все, включая Сухомлинова и Григоровича, были единодушны в нежелании войны, но на повестке оставался вопрос конкретных действий. Самая сильная речь была

³⁸⁵ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 159. С. 87.

³⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 573. Л. 139–140. 2 сентября 1914 г.

³⁸⁷ В чем корень зла? // Московские ведомости, 8 июля 1914 г.

³⁸⁸ ГА РФ. Оп. 265. Д. 990. Л. 925. Н.Д. Тальберг – Д.Н. Матвееву, 14 июля 1914 г.

³⁸⁹ Новое время, 9 июля 1914 г.

³⁹⁰ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 193.

³⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 936. К.Н. Пасхалов – кн. С.А. Голицыной, 16 июля 1914 г.

³⁹² Там же. Л. 927. К.Н. Пасхалов – Б.В. Назаревскому, 14 июля 1914 г.

произнесена Кривошеиным, который заявил, что Россия не сможет предотвратить войну демонстрацией слабости, но с помощью энергичных усилий избежать ее должна, поскольку война чревата внутренними проблемами. В личной беседе с Барком Кривошейн обрисовал перспективы войны «очень мрачно»³⁹³. В конце заседания царь поставил вопрос о роспуске Думы и превращении ее в законосовещательный орган. Все министры, кроме Маклакова, резко возражали. Щегловитов, по собственному свидетельству, сказал императору, что считал бы себя изменником в случае поддержки этой меры. После таких слов Николай II произнес: «Этого совершенно достаточно. Очевидно, вопрос надо оставить»³⁹⁴. Вскоре после этого правительство по представлению Маклакова разрешило земский съезд по финансам, намеченный на осень³⁹⁵.

Несмотря на многолетнее ожидание европейского конфликта российская общественность в целом летом 1914 г. войны не ожидала. Еще в мае при посещении Кронштадта делегацией из 40 депутатов в беседе с его военным губернатором вице-адмиралом Р.Н. Виреном они сошлись на том, что война случится лишь в 1916 г., когда к ней будут готовы и Россия, и Германия, и Австро-Венгрия³⁹⁶. «Голос Москвы» сокрушался по поводу военных расходов, которые, по его мнению, были чреватны финансовым кризисом³⁹⁷. Меньшиков уже после начала войны также признавался, что по господствовавшему мнению война должна была начаться в 1916 г., а Италия и Румыния должны были вступить в нее на стороне Германии³⁹⁸. Правда, в те же дни Нейдгарт передавал Тихомирову слух, что война с Германией могла начаться уже в настоящем году³⁹⁹. Пасхалов также прогнозировал войну в скорейшем времени, причем в ней Германия, Австро-Венгрия, Италия и Турция должны были выступить против России, Франции и Британии; от

---

³⁹³ Барк П.Л. Июльские дни 1914 г. Начало великой войны // Возрождение. 1959. № 91. С. 19–24.

³⁹⁴ Падение царского режима... Т. 2. С. 438; Т. 3. С. 133–134.

³⁹⁵ Новое время, 17 июля 1914 г.

³⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 987. Л. 642. Г.Н. Беляев – А.Г. Беляеву, 4 мая 1914 г.

³⁹⁷ Финансовые перспективы // Голос Москвы, 26 июня 1914 г.

³⁹⁸ Новое время, 26 июля 1914 г.

³⁹⁹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 129об.

также писал, что оппозиция действует в интересах врага⁴⁰⁰. 17 июля «Земщина» еще призывала предотвратить столкновение России и Германии, служащей «оплотом монархических идеалов»⁴⁰¹. Крупенский в письме гр. А.А. Бобринскому сожалел о начале войны и считал, что «Германская республика с ничтожной армией», которая появится в 1915 г., ничего хорошего России не принесет⁴⁰². «Русские ведомости» считали «совершенно неосновательными» сведения германской прессы о том, что агрессивная политика русского правительства пользовалась поддержкой в обществе⁴⁰³. Газета считала, что неразрешимых противоречий между Россией и Германией не было⁴⁰⁴. Витте говорил первому секретарю посольства в Париже Б.А. Татищеву: «Если Государь и Сухомлинов не сошли оба с ума, да так, что надо на каждого одеть смирительную рубашку, то войны никакой не будет»⁴⁰⁵. Однако в Берлине вопрос о войне к тому времени был уже решен.

19 июля война была объявлена. Началась мобилизация. Накануне император заявил министрам о желании стать во главе войск. Горемыкин и, по-видимому, Кривошеин, Сухомлинов и Григорович были заранее предупреждены об этом. Весь состав правительства выступил против. Горемыкин упирал на потребности тыла, которые обязательно возрастут и потребуют присутствия монарха. Кривошеин напомнил об опыте 1877 г., когда все поражения приписывались императору⁴⁰⁶. В результате верховным главнокомандующим стал великий князь Николай Николаевич – младший. 20 июля была введена военная цензура, после чего по распоряжению главноверха за критику российской дипломатии сразу была закрыта

---

⁴⁰⁰ Пасхалов К. Накануне войны // Московские ведомости, 14, 15 мая 1914 г.

⁴⁰¹ Глинка С. И все еще не поздно! // Земщина, 17 июля 1914 г.

⁴⁰² РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 996. Л. 13. 7 августа 1914 г.

⁴⁰³ Русские ведомости, 21 февраля 1914 г.

⁴⁰⁴ Там же. 1 апреля 1914 г.

⁴⁰⁵ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 231.

⁴⁰⁶ Барк П.Л. Июльские дни 1914 г. Начало великой войны // Возрождение. 1959. № 91. С. 35–37.

«Речь»⁴⁰⁷, а на следующий день в газетах появились первые белые пятна. Как свидетельствовал В.Н. Шаховской, кадры военных цензоров были взяты откуда попало, включая негодных к строевой службе прапорщиков – зачастую левых, а сама цензура была гораздо мягче английской и французской. В России также не вводилась гражданская цензура, в то время как во Франции она была введена сразу с началом войны и без всяких прений⁴⁰⁸.

В либеральных кругах война сразу была названа «Второй отечественной»⁴⁰⁹. «Русские ведомости» по поводу мобилизации и помощи тылу утверждали: «Мы твердо верим, что русский народ самоотверженно выполнит и в этом отношении свой священный долг»⁴¹⁰. Газета крайне опасалась победы Германии и ликовала по поводу вступления в войну Британии, поскольку после этого, по мнению газеты, Болгария, Румыния, а может быть, и Турция не должны были вступить в войну⁴¹¹. Также выражалась надежда на то, что русская промышленность вынесет тяготы войны, поскольку германская была более зависима от внешних источников сырья⁴¹². Октябристская, прогрессистская, националистическая пресса проявляла бодрость духа. «Утро России» войны не боялось. В письме жене Гучков написал: «Что-то будет! Начинается расплата»⁴¹³. Но его настроение вовсе не было мрачным. Еще 14 июля Гучков в письме Сазонову также призывал не предавать Сербию⁴¹⁴. «Переворот в либеральном смысле может возникнуть только в том случае, если Россия будет втянута в несчастную для нее войну», – писал в дневнике И.И. Толстой еще в январе 1911 г.⁴¹⁵

---

⁴⁰⁷ Новое время, 20 июля 1914 г. По словам германского посла Ф. фон Пурталеса, для «Речи» была характерна «удивительно разумная точка зрения» (Пурталес [Ф.], гр. Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 г. Пг., 1923. С. 24).

⁴⁰⁸ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 134–135, 152–153.

⁴⁰⁹ Русское слово, 20 июля 1914 г.; Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 423.

⁴¹⁰ Русские ведомости, 19 июля 1914 г.

⁴¹¹ Там же. 24, 26 июля 1914 г.

⁴¹² Кафенгауз Л. Наша промышленность и война // Русские ведомости, 26 июля 1914 г.

⁴¹³ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 670. ч. 3. Л. 45.

⁴¹⁴ Там же. Д. 1432. Л. 1.

⁴¹⁵ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 349.

Примерно также думал и Гучков. «Голос Москвы» выступил за экстренный созыв Думы, ибо «только она одна призвана быть действительной выразительницей народного настроения», и ручался за патриотическое настроение ее подавляющего большинства⁴¹⁶.

21 июля вышел манифест о начале войны: «да будут забыты внутренние распри» было главным его призывом. Правительство демонстрировало ответную реакцию. Кривошеиным были составлены особые обращения монарха – к москвичам и манифест к полякам⁴¹⁷. Воззвание к полякам верховного главнокомандующего от 1 августа призывало их сплотиться вокруг России, поскольку ее победа должна была привести к объединению всей Польши, «свободной в вере, в языке, в самоуправлении». «Московские ведомости» писали: «Помощь польского народа нам почти не нужна, можно сказать больше – она почти бесполезна. Но знаменательно, что в эти дни нашей еще не использованной, не пущенной даже в ход силы Россия со своим призывом обращается именно к полякам»⁴¹⁸. 30 июля Совет министров также принял решение о невысылке выдворенных из Германии российских подданных – евреев из столицы⁴¹⁹. «Русские ведомости» отмечали: «Возникшее перед внешней опасностью духовное единение разноплеменного населения России должно быть раз навсегда закреплено правовой организацией, обеспечивающей каждой народности ее место в общем отечестве, предоставляющей инородцам полноту гражданских прав и свободу национально-культурного развития. Никогда чувство государственности не было так сильно в населении России, как в настоящую минуту. Нужно дать ему простор, нужно устранить все искусственные преграды, стоящие на его пути, и оно явится для нас твердой, несокрушимой опорой в настоящей борьбе. Несовместимый с жизненными интересами государства узкий национализм распадается сам собой, он тает как воск от

---

⁴¹⁶ Нужен созыв Думы // Голос Москвы, 19 июня 1914 г.

⁴¹⁷ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Лл. 1–2, 6.

⁴¹⁸ Благая весть примирения // Московские ведомости, 3 августа 1914 г.

⁴¹⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 249.

лица огня. Мы должны смело вступить на новый путь, на который нас ведет история»⁴²⁰.

«Никогда еще европейская война не начиналась в столь определенной политической обстановке», – писало «Новое время»⁴²¹. 22 июля состоялась патриотическая демонстрация рабочих⁴²². «Вестник Европы» удивлялся резкому спаду забастовок и писал: «Левые общественные слои протянули руку правительству»⁴²³. 23 июля московская городская управа выступила с инициативой по созданию Всероссийского союза городов по помощи больным и раненым воинам (и по названию, и по аналогичному опыту русско-японской войны было очевидно, что он создавался только на время войны), 24 июля на чрезвычайном собрании московского губернского земства было инициировано создание аналогичной общеземской организации – Всероссийского земского союза⁴²⁴. Главноуполномоченным ВЗС был избран кн. Г.Е. Львов, ВСГ возглавил В.Д. Брянский, а уже 15 сентября на смену ему был избран М.В. Челноков (через две недели состоялись выборы московского городского головы, которым также стал Челноков; его утверждение министром состоялось после обещания уйти из политической деятельности; Михаил Васильевич также покинул кадетскую фракцию в Думе, хотя депутатских полномочий не сложил). Статус Земгора не был определен: организации создавались по устному распоряжению императора⁴²⁵, не имели законодательной базы и не подлежали какому-либо контролю. Вместе с тем, Земгор получал огромные правительственные субсидии, составлявшие основу его финансовых средств⁴²⁶. Как свидетельствовал кн. В.Н. Шаховской, служащие Земгора сами

---

⁴²⁰ Русские ведомости, 3 августа 1914 г.

⁴²¹ Новое время, 21 июля 1914 г.

⁴²² Там же. 23 июля 1914 г. 7 августа бакинский стачечный комитет вынужден был признать поражение всеобщей забастовки (Арутюнов Г.А. Ук. соч. С. 363).

⁴²³ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 418–419.

⁴²⁴ Новое время, 24, 25 июля 1914 г.

⁴²⁵ Падение царского режима... Т. 5. С. 306.

⁴²⁶ За первый год войны ВЗС получил 32 млн руб. от земств (в том числе 20,8 млн – от губернских). В то же время на 1 января 1916 г. им было получено казенных ассигнований на сумму 152 млн руб. (Земский феномен... С. 129).

устанавливали себе сумму жалования (причем, мелкие получали в 3–4 раза больше соответствующих чиновников). Его «третий элемент» агитировал прапорщиков, а верхи – генералов и старших офицеров. Отсутствие легализации было выгодно Земгору⁴²⁷. «Русские ведомости» уже ожидали новых инициатив: «Это – только первый шаг в трудную для нас минуту»⁴²⁸. Через несколько недель после начала войны газета уже писала, что в деле о признании семей воинов нужны не бюрократические учреждения, которые создает МВД, а именно общественная инициатива⁴²⁹. В свою очередь «Голос Москвы» сообщал о возможных переменах в правительстве и указывал, что правительство должно быть «преимущественно» из среды общественных деятелей. «Несмотря на всю важность европейских событий, нельзя упускать из виду и вопросы внутренней политики»⁴³⁰. 25 июля октябристский ЦК выпустил воззвание, в котором говорилось о необходимости «усовершенствования внутреннего государственного порядка» после окончания войны⁴³¹. Умеренно-социалистический «День» отметил, что Россия «ждет от правительства твердых заявлений, что над родиной нашей встает заря новой свободной жизни»⁴³².

Сразу после учреждения земской и городской организаций на Совете министров встал вопрос об их казенном финансировании. Барк поддержал идею при условии надзора со стороны Государственного контроля. Харитонов ответил, что работы у его ведомства и так прибавилось, а у земства есть свои контрольные органы. В результате было решено создать особый комитет во главе с одним из членов совета военного министра, который по проверке представлял бы правительству отчеты. Впоследствии Барк отмечал: «Никто из министров, и я в том числе, тогда не отдавал себе отчета, что в этом заседании правительство предоставило революционным

---

⁴²⁷ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 77–79.

⁴²⁸ Щепкин Н. Союз городов России // Русские ведомости, 10 августа 1914 г.

⁴²⁹ Русские ведомости, 14 августа 1914 г.

⁴³⁰ Политические слухи // Голос Москвы, 25 июля 1914 г.

⁴³¹ Голос Москвы, 26 июля 1914 г.

⁴³² День, 26 июля 1914 г.

элементам способы и средства организовать в грандиозном масштабе революционную пропаганду в рядах армии и осуществить государственный переворот в 1917 г. Правительство собственными руками снабдило своих политических противников средствами для свержения существовавшего строя. Впоследствии я не раз вспоминал древнее изречение: *Jupiter quos vult perdere prius dementat* – Юпитер, кого хочет погубить, сперва лишает разума»⁴³³.

Тем не менее, подобные меры были хорошо продуманы – они соответствовали планам Кривошеина по установлению стратегического сотрудничества с либеральной общественностью. Главноуправляющий земеделием на перспективы войны смотрел мрачно – тем сильнее было желание добиться реализации внутривластных планов. Кривошеин намеревался инициировать перемены в Совете министров и на патриотической волне установить прочные отношения с думским большинством. Великий князь Андрей Владимирович писал в дневнике: «Уже теперь поговаривают, что Кривошеин орудует всем и собирает такой кабинет министров, однотипных и одинаково мыслящих, который был бы послушным орудием у него в руках. Направление, взятое им, определяется народом, как желание умалить власть Государя. Об этом очень открыто говорят почти все»⁴³⁴. 30 июля Богданович писал Николаю II, что Кривошеин «начинает играть опасную, вредную роль», мечтает о poste премьер-министра внутренних дел, заручился поддержкой военного и морского министров, «завладел слабым и, увы, безвольным Горемыкиным и подкапывается под Н.А. Маклакова». Он призывал Николая сменить Горемыкина на Щегловитова и сохранить Маклакова⁴³⁵.

23 июля Родзянко осведомился у Барка о том, почему правительство не распустило Думу. Барк, по его воспоминаниям, удивился и ответил, что Дума является символом единства правительства с народом. Родзянко в ответ

---

⁴³³ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 169. С. 75.

⁴³⁴ Романов А.В. Ук. соч. С. 149.

⁴³⁵ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1. Л. 26–27.

сказал: «Мы только будем вам мешать – куда лучше нас совершенно распустить до самого конца войны». Однако призывы «Голоса Москвы» созвать Думу не могли быть не услышаны теми, кто еще несколько дней назад вынужден был обсуждать вопрос о полном роспуске Думы. Вышел указ о созыве Думы, причем длительность ее работы в нем даже не была прописана. Родзянко выступал за однодневную сессию⁴³⁶. Однако, когда 25 июля состоялось предварительное заседание совета старейшин Думы и Родзянко сообщил о планах правительства приостановить деятельность палат после однодневного созыва до 15 октября 1915 г., представители фракций единодушно высказались против этого и желали собраться не позднее ноября 1914 г. К Горемыкину была направлена делегация, которая не была принята премьером, находившимся на заседании Совета министров. Однако встретившийся с думцами Кривошеин взял на себя обязанность поговорить с премьером. Позднее появился слух о созыве Думы 1 февраля 1915 г.⁴³⁷

Заседание Государственной думы 26 июля сразу было объявлено «историческим». Парламент, не считая социалистов, выступил в поддержку войны и победы. Было заявлено о прекращении «внутренних споров», хотя демонстративного сплочения вокруг правительства все же не произошло. Кадеты не планировали выступать, однако решили присоединиться к общему мнению⁴³⁸. Выступивший Милюков, чья речь была обсуждена и смягчена на заседании ЦК, не заявлял о поддержке правительства и не называл окончание войны сроком возобновления политической борьбы⁴³⁹. Тем не менее, состоялись рукопожатия Милюкова с Пуришкевичем и Марковым. Милюков указал Маркову на значение Думы, на что Марков ответил, что всегда его признавал и всегда был противником не представительства, а бюрократии. Милюков, несомненно помнивший о скандалах весны 1913 г., сказал, что в

---

⁴³⁶ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 160. С. 87.

⁴³⁷ Новое время, 26 июля 1914 г.; Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Журналы совещания Государственной думы. СПб., 1914. С. 200об.–202.

⁴³⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Журналы совещания Государственной думы. СПб., 1914. С. 202.

⁴³⁹ Государственная дума. Созыв IV. Стенографический отчет заседания 19 июля 1914 г. Пг., 1914. Стб. 24–25. Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 53–54.

этом не сомневался⁴⁴⁰. «Голос Москвы» восхищался общим порывом правительства и Думы и надеялся, что после войны они вместе поведут Россию «по пути культурного прогресса»: «С верой в это лучшее светлое будущее страна сумеет с беззаветной храбростью отразить нападение врага». Горемыкин сказал в Думе, что она и впредь будет созываться в случае чрезвычайных обстоятельств и тем самым, по утверждению газеты, признал Думу «важнейшим фактором государственной жизни»⁴⁴¹. Сазонов от волнения расплакался прямо на думской трибуне⁴⁴². «Голос Москвы» с удовлетворением опровергал ранее ходившие слухи, что правительство будет действовать по 87-й статье⁴⁴³. «Утро России» объявляло, что конечной целью соглашения оппозиции с правительством была послевоенная «заря общего примирения»⁴⁴⁴. «Русские ведомости» хвалили позицию социалистов и ничего не писали о единении с правительством. Помещена была лишь такая фраза: «Перед лицом внешнего врага Россия едина»⁴⁴⁵.

«Русские ведомости» полемизировали с «Утром России», которое считало необходимым отложить все внутренние вопросы, то есть поняло «лозунг прекращения внутренней распри в стране как призыв к прекращению внутренней жизни страны». Газета призывала поставить на повестку «жизненные задачи России огромной неотложной важности», то есть политическую амнистию, еврейский и галицийский вопросы⁴⁴⁶. В связи со смертью М.Г. Акимова и обсуждением кандидатур на пост председателя Государственного совета (назвались А. Бобринский, Щегловитов, Стишинский, Дурново, Коковцов) «Русские ведомости» предлагали не спешить и не назначать какое бы то ни было лицо, ставшее «бьющим в глаза анахронизмом»⁴⁴⁷.

---

⁴⁴⁰ Земщина, 27 июля 1914 г.

⁴⁴¹ Историческое заседание // Голос Москвы, 29 июля 1914 г.

⁴⁴² Михайловский Г.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 30.

⁴⁴³ Историческое заседание // Голос Москвы, 29 июля 1914 г.

⁴⁴⁴ Наш «мараториум» // Утро России, 6 августа 1914 г.

⁴⁴⁵ Русские ведомости, 27 июля 1914 г.

⁴⁴⁶ Там же. 17 августа 1914 г.

⁴⁴⁷ Арсеньев К. Невероятные слухи // Там же. 15 августа 1914 г.

Как воспринимало внутривластную ситуацию правительство? Кривошеин отдавал себе отчет в том, что по мере развития событий ситуация внутри страны должна была становиться все более напряженной. Важным вопросом, в частности, становилась борьба с пораженческими настроениями. Когда в ноябре были арестованы депутаты-большевики, Кривошеин писал неизвестному адресату (вероятно, начальнику военно-походной канцелярии Ставки кн. В.Н. Орлову): «Дело Бадаева имеет очень большое значение. По моему, не надо делу торопиться, но слава Богу оно протекает благополучно. <...> С такими вопросами надо быть очень осторожными при теперешних условиях. Палка действительно о двух концах»⁴⁴⁸. Посол в Лондоне А.К. Бенкендорф ходатайствовал об амнистии известного журналиста-народника В.Л. Бурцева, о чем через Горемыкина и Орлова было доложено императору. Инициатива, тем не менее, была отложена. Как писал Горемыкину Орлов, это неминуемо вызвало бы и помилование депутатов-большевиков, что представлялось еще более нежелательным: «Нам же следует, по возможности, обезвредить <...> все опасные элементы в России теперь уже, ибо по окончании войны пойдет пора расчета. Народ на эту войну потратил много своей крови на полях сражений и, кроме того, продолжает терпеть и потери материальные; следовательно, он будет прав, требуя себе вознаграждения в законной мере. Но нельзя допустить подстрекательства к этим требованиям людей вредных и желающих создать революцию»⁴⁴⁹.

Директор канцелярии министра путей сообщения Н.И. Туган-Барановский, покровитель Всероссийского Национального союза, в своей записке от 30 октября 1914 г. призывал Кривошеина подготовиться к послевоенному обострению взаимоотношений власти и общества. С этой целью он предлагал уже в ходе войны подготовить разрешение польского

---

⁴⁴⁸ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 245. Лл. 90–91об.

⁴⁴⁹ Орлов В.Н., кн. – Горемыкину И.Л., 29 января 1915 г. // Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы. Вводная статья, подготовка текста и комментарии С.В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 158–159.

вопроса, смягчить стеснения для евреев, разработать меры по борьбе с «иностранным засильем» (по сути, немецким), обеспечить «широкий и доступный» кредит. «Наиболее резкие противоречия», как считал автор записки, должны были возникнуть на традиционной почве – по вопросам «о неприкосновенности личности, об исключительных положениях, о свободе передвижения (паспортное законодательство)», а особенно – о печати («в высшей степени важный и сложный вопрос»). Правительство должно было подготовить для внесения в Думу соответствующие законопроекты, а также провести «намеченное самим правительством преобразование земских и городских учреждений, а в связи с этим и преобразование всего местного правления (сельского, волостного, уездного и губернского)». Подробности не оговаривались, однако Туган-Барановский считал, что правительственная инициатива позволит власти сохранить в своих руках инициативу и решить «принципиальные» вопросы о сословном характере самоуправления и взаимоотношениях правительственных и общественных учреждений. Автор записки предлагал для разработки законопроектов создать особые совещания при Совете министров. В записке от 31 января 1915 г. Туган-Барановский также предвещал, что «вопросы: земельный и национальный могут быть вопросами массовых движений». Земгор, по мнению автора записки, несомненно рассчитывал на политическое влияние и боролся за мнение армии, ибо «пока армия вполне за правительство, оппозиция не страшна». Поэтому необходимо было установить финансовую отчетность в отношении Земгора, распространять «правильные сведения» о «мере действительной заботы правительства» о воинах и их семьях⁴⁵⁰.

Однако Кривошеин уже сделал свою ставку: он переходил от администрирования к масштабной политической игре. Его связи с

---

⁴⁵⁰ Записки Н.И. Туган-Барановского по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики (1914–1915). Подготовка текста, вступительная статья и примечания С.В. Куликова // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти: источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 145–153.

оппозицией активизировались⁴⁵¹. 9 августа 1914 г. Кривошеин получил письмо Звегинцева. Один из наиболее активных октябристов благодарил главноуправляющего за то, что тот предупредил его о разработке польского вопроса и предложил создать специальную комиссию с участием членов палат (поляков и русских), а также ряда польских общественных деятелей, «ну, одним словом, нечто вроде Вашего Сельскохозяйственного совета». Комиссии нужно было придать секретный характер, «чтобы не было явных наказов ее членам». Целью комиссии могли стать «компромисс с поляками» и пример для Познани и Галиции, в крайнем случае – создание устойчивой группы в палатах для обсуждения польских законопроектов. «Наконец, это немедленный переход от слов к делу, который в значительной степени повлияет благотворно в смысле терпения на других чающих». Кроме этого, Звегинцев предложил частичную политическую амнистию, а для этого, конечно, необходима была отставка Маклакова⁴⁵².

Маклаков пытался использовать военные обстоятельства для давления на печать. Это привело к трениям с начальником Главного управления по делам печати С.С. Татищевым, который, как вспоминал председатель Московского комитета по делам печати А.А. Сидоров, наоборот, к этому времени значительно «полевел». Маклаков придирался к газетам, лично правил их, не упуская и мелочи, особенно не любил «Русские ведомости». Попытки Татищева иногда заступаться за газеты оканчивались безуспешно. В апреле 1915 г. министр вызвал самого Сидорова и указал ему на недопустимый тон «Утра России» и «Русских ведомостей», а также необходимость противодействовать критике церковных властей со стороны «Московских ведомостей». Когда Сидоров попытался сослаться на закон, Маклаков заявил ему, что первая статья закона во время войны – «голова со

---

⁴⁵¹ В период войны Гучков в общении с Шаховским не скрывал близких связей с Кривошеиным (Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 183–186).

⁴⁵² РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 148. Лл. 1–4об.

здравым смыслом на плечах». Маклаков уже собирался закрыть «Русские ведомости», но был отставлен⁴⁵³.

25 ноября 1914 г. в Совете министров обсуждалась записка Маклакова о необходимости установления государственного контроля за деятельностью Земгора. Министр объяснял такую меру отсутствием финансовой отчетности и политизацией деятельности Земгора. Странников у Маклакова не нашлось, и Совет, посчитав предложения Маклакова излишними, отверг их⁴⁵⁴. Противоположная политика ГУЗЗ и МВД в отношении Земгора провоцировала усиление конфликта между Кривошеиным и Маклаковым. Весной 1915 г. в разговоре с Наумовым, тогда самарским предводителем дворянства и активистом Земгора, Маклаков, говоря о Кривошеине, даже «не мог воздержаться, чтобы не наговорить целый ворох недоброжелательных о нем отзывов, ставя Кривошеину в вину, главным образом, его «заигрывание» с общественными организациями». «Тут, – как писал Наумов, – Маклаков разразился самой ожесточенной критикой по адресу общеземских и городских организаций»⁴⁵⁵.

Члены Государственного совета («преимущественно» правой группы) в это время собирались у Дурново и обсуждали вопросы текущей жизни. Отмечалось негативное влияние польского манифеста на настроения поляков, опасным считались «общее настроение Совета министров», активность Земгора, «пробуждение деятельности революционных сил». Гр. А.А. Бобринский записал для памяти: «Все эти обстоятельства требуют по возможности отпора со стороны благомыслящих классов. Для того же, чтобы оказать противодействие тлетворным течениям в государственных сферах, необходимо внимательнее обсудить положение России, которое сложится по окончании войны». 16 ноября граф обсуждал эти проблемы со Штюмером –

---

⁴⁵³ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // *Голос минувшего*. 1918. № 1/3. С. 101–103.

⁴⁵⁴ *Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год*. М., 2006. С. 545–554. Знакомый Маклакова К.Н. Пасхалов в частном письме 31 октября 1914 г. прямо писал, что общественные организации готовятся к послевоенной борьбе, на что правительство не только закрывало глаза, но и щедро финансировало их («Не понимают величия русской государственной идеи»: Переписка К.Н. Пасхалова 1914–1917 гг. / Публ. Ю.И. Кирьянова // *Источник*. 1995. № 6. С. 6).

⁴⁵⁵ Наумов А.Н. *Ук. соч.* Кн. 2. С. 284.

безуспешно. Были ли плодотворны заседания у Дурново, осталось секретом⁴⁵⁶.

При проведении своего курса Кривошеин также был крайне заинтересован в поддержании тесных контактов со Ставкой. Между Ставкой и министрами с самого начала войны определилось непонимание и соперничество. Но, несмотря на сильные трения между ней и всем Советом министров (и в том числе Кривошеиным), Ставка, руководствуясь собственными интересами, выступила в это время союзником главноуправляющего земледелием в совместной борьбе с Сухомлиновым и против курса Маклакова⁴⁵⁷. Кривошеин предлагал кн. Васильчикова (бывший начальник Кривошеина, большой друг великого князя Николая Николаевича) на специальную должность уполномоченного Совета министров при Ставке, но тот отказался⁴⁵⁸. Тем не менее, кн. В.Н. Орлов сообщал ему об оттенках настроений верховного главнокомандующего, который якобы не имел «никакого неудовольствия» в отношении Совета министров в целом. Орлов советовал Кривошеину «поговорить» с главноуправляющим коннозаводством кн. Н.Б. Щербатовым, который был «очень интересен, много объездил <...> и дельный малый»⁴⁵⁹. Щербатов рассматривался как кандидат в министры при освобождении какой-либо вакансии. Таким образом, Ставка активно втягивалась во внутриправительственную борьбу на стороне Кривошеина.

29 октября Орлов уже препровождал Кривошеину письмо Звегинцева о необходимости отставки Маклакова, сообщал, что покажет его императору, и спрашивал совета, стоит ли показывать письмо великому князю. Также он советовал Кривошеину А.Д. Самарина на пост министра внутренних дел, если бы не прошла основная кандидатура Кривошеина – гр. П.Н. Игнатьев (родственник Васильчикова). Самарин, по мнению Орлова, был популярен и

---

⁴⁵⁶ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 296. Л. 1–3.

⁴⁵⁷ Подр. см.: Айрапетов О.Р. Ук. соч. С. 32–86.

⁴⁵⁸ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 172. С. 89–90.

⁴⁵⁹ Орлов В.Н., кн. – Кривошеину А.В., 25 октября 1914 г. // Из истории борьбы в верхах... С. 152–155.

«не фигляр»: «человек твердый, одно не знаю – достаточно ли он опытен в администрации». Орлов опять называл Щербатова («тоже человек чисто русский и твердый») как кандидата для замены Игнатьева и назначения на пост наместника в Галиции или по ведомству ГУЗЗ: «но, конечно, не сразу министром»⁴⁶⁰. Как позднее точно отметил Н.П. Муратов по поводу Игнатьева и Щербатова, в этот период Кривошеин уже начал подбирать кандидатов в министры исходя из одного единственного качества – личной преданности⁴⁶¹.

Впрочем, вскоре для Игнатьева нашлось подходящее место. В ноябре скончался Кассо, психологически надорванный и тяжело заболевший после ареста, избиения и насильственного выдворения из Германии в самом начале войны⁴⁶². 9 января 1915 г. гр. Игнатьев был назначен на вакантное место. Опыта по ведомству МНП он не имел, как и обычной для окончившего университет министра кандидатской степени (Игнатьев имел лишь диплом действительного студента⁴⁶³). Будучи креатурой Кривошеина, он получил свой пост как человек лично известный и симпатичный императору, брат командира Преображенского полка. Сообщавший об этом в своих мемуарах А.С. Путилов также писал: «Игнатьев, несмотря на внешний свой либерализм, был в сущности лишен всех определенных политических убеждений. Он был, прежде всего, типичным представителем кривошеинской школы ловкачей, старающихся всех очаровать, всем понравиться и, в конце концов, ни для кого ничего не сделать»⁴⁶⁴.

В скором времени должны были состояться новые инициированные Кривошеиным и Ставкой перемещения (Орлов утверждал, что об этом знают лишь пять человек: император, великий князь Николай Николаевич, Горемыкин, Кривошеин, а также сам Орлов, предупреждавший великого

---

⁴⁶⁰ Орлов В.Н., кн. – Кривошеину А.В., 29 октября 1914 г. // Там же. С. 156–157.

⁴⁶¹ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 60. Л. 50–55об. Н.П. Муратов – А.Н. Нарышкиной, 7 ноября 1915 г.

⁴⁶² Смольянинов–Заболотский В.Н. Дабы свеча не угасла... // ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 649. Л. 82.

⁴⁶³ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 266.

⁴⁶⁴ Путилов А.С. Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Лл. 14об.–15.

князя о необходимости хранить тайну⁴⁶⁵). Планировалось заменить Маклакова на Самарина и назначить А.Г. Булыгина на пост председателя Государственного совета. По-видимому, сразу после окончательного согласования кандидатуры Игнатьева 16 декабря Орлов написал Горемыкину с просьбой не откладывать беседы с императором об этих перестановках: «Государь Вас видимо (это не фраза) сильно любит и верит Вам беспрекословно. Почва для Вашего доклада серьезно подготовлена, только не откладывайте его, чтобы не успели помешать. <...> Дело слишком серьезно, вопрос идет о спасении Государя и России, и надо пока помолчать до Вашего доклада. Повторяю, – по-моему, Вам будет легче, чем Вы и я предполагали». Орлов подписался: «Вам до гроба преданный и сердечно любящий ученик»⁴⁶⁶. Через 2 недели Горемыкин имел доклад, после чего «вопрос о Маклакове» был «решен», однако по неясным причинам отложен до 15 января. «Лишь бы это было сделано до созыва Думы», – писал великому князю Орлов⁴⁶⁷. Однако Маклаков не получил отставку, а 21 января даже был назначен в Государственный совет. Назначению Булыгина воспротивилась императрица Мария Федоровна, стремившаяся сохранить его на посту главноуправляющего благотворительным ведомством. Впоследствии с подачи правительственного большинства на пост председателя палаты был назначен А.Н. Куломзин⁴⁶⁸.

С началом войны радикальные либералы, ранее негативно относящиеся к ее перспективе, попытались сформулировать отношение к ее характеру и задачам. Вышедшие в 1915 г. под редакцией М.И. Туган-Барановского сборники статей «Вопросы мировой войны» и «Чего ждет Россия от войны?» содержали радикально-либеральное видение смысла и последствий мирового конфликта. С.И. Гессен убеждал: «Война и победа не есть самоцель, а только

---

⁴⁶⁵ Орлов В.Н., кн. – вел. кн. Николаю Николаевичу, 30 декабря 1914 г. // Из истории борьбы в верхах... С. 158.

⁴⁶⁶ Орлов В.Н., кн. – Горемыкину И.Л., 16 декабря 1914 г. // Там же. С. 157–158.

⁴⁶⁷ Орлов В.Н., кн. – вел. кн. Николаю Николаевичу, 30 декабря 1914 г. // Там же. С. 158.

⁴⁶⁸ Бородин А.П. Ук. соч. С. 137–140.

нужнейшее средство национального подъема. <...> Пусть те общественные организации, которые ныне имеют временную цель помощи армии, останутся и после войны орудиями нашего политического творчества. Пусть нужное для победы над неприятелем политическое объединение партий будет таково, и только таково, чтобы оно и после войны оказалось мощным рычагом нового нашего государственного строительства»⁴⁶⁹. М.М. Ковалевский отмечал: «От усиленной Германии ни русскому либерализму, ни идее народного самоуправления не приходится ждать ничего. Их торжество, наоборот, неразрывно связано с победой русского государства и его союзников над общими врагами»⁴⁷⁰. Милюков писал о создании Польши и Армении в их этнографических границах и предоставлении им автономии⁴⁷¹. Говоря о перспективах развития земства, Шингарев выступил за всеобщее избирательное право, полную отмену административного надзора, увеличение материальных средств (передачу поземельного, подомового и основного промыслового налогов земству, облегчение кредитов), создание поселкового управления, введение волостного и окраинного земства. Он не уточнял, требуется это уже в период войны или сразу после нее⁴⁷².

Оппозиция не могла отдать судьбу страны на откуп правительству. Октябристы, а отчасти прогрессисты и кадеты сосредоточились на работе в Земгоре. 23 августа началось контрнаступление французов на Марне, что означало стратегическое отодвижение вопроса о сроках окончания войны в туманную будущность. «Русская мысль» утверждала, что война не могла кончиться «завтра»: ««Завтра» она могла только оборваться, чтобы послезавтра возобновиться». Всю внутреннюю политику необходимо было соотнести с перспективой «не только тяжелой, но и длительной» войны: не препятствовать общественным организациям, развивать трезвость и

---

⁴⁶⁹ Гессен С.И. Идея нации // Вопросы мировой войны Пг., 1915. С. 589.

⁴⁷⁰ Ковалевский М.М. Национальный вопрос и империализм // Вопросы мировой войны Пг., 1915. С. 560.

⁴⁷¹ Милюков П. Территориальные приобретения России // Чего ждет Россия от войны? Пг., 1915. С. 49–62.

⁴⁷² Шингарев А. Земская и городская Россия. Прошлое и будущее // Там же. С. 191–208.

промышленность. Итог был все тот же: «Нужно полное слияние власти с обществом, с народом. <...> Нам нужны крупные, подлинные государственные люди как на скамье правительства, так и в креслах Таврического полукруглого зала»⁴⁷³. Уже на заседании кадетского ЦК 25 и 26 августа вопрос об активизации политической деятельности был поставлен прямо. Шингарев и Некрасов предложили созвать Думу в скорейшее время (в сентябре), однако Милюков убедил их в необходимости более осторожной тактики: иначе это «значило бы принять на себя часть той ответственности, которая сейчас целиком лежит на правительстве»⁴⁷⁴. Лидер партии предлагал подождать⁴⁷⁵. Предложение звучало малоубедительно. В конце августа «Русские ведомости» уже открыто высказались за скорейший созыв Думы по финансовым (военные ассигнования, податная реформа) и моральным причинам; назывался срок – 15 сентября⁴⁷⁶. Но на стороне Милюкова был здравый расчет. Прения временно прекратились. Даже когда в начале ноября полиция арестовала пятерых большевиков – депутатов Думы, кадеты смолчали⁴⁷⁷. Павел Николаевич мог гордиться: теперь партия демонстрировала образцовую дисциплину. Однако такое молчание было чревато одним крайне неприятным для кадетского руководства последствием: Россия могла забыть про существование Партии Народной Свободы.

Но в конце года, к удовлетворению кадетских лидеров, ситуация изменилась. А.В. Кривошеин одерживал верх во внутривнутриполитической борьбе, при помощи Ставки он смог добиться принципиального согласия Николая II на созыв палат в январе 1915 г. В реализации своих планов Кривошеин намеревался действовать через кадетскую партию: одной стороны, именно она олицетворяли собой оппозиционную общественность, с другой, Кривошеин понимал, что партия оказалась не в той ситуации, когда могла

---

⁴⁷³ Изгоев А. На перевале. Перед спуском... // Русская мысль. 1914. № 8–9. II паг., с. 166–167.

⁴⁷⁴ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 372–374.

⁴⁷⁵ Там же. С. 376–383.

⁴⁷⁶ Русские ведомости, 28 августа 1914 г.

⁴⁷⁷ Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 61–66.

позволить себе оппозиционные выступления. Сам Кривошеин заявлял кадетам, что в новой ситуации партия поднялась на «недосягаемую высоту»⁴⁷⁸, что облегчало ему любые сделки с ней. В середине декабря (сразу после согласования кандидатуры Игнатьева на пост МНП и договоренности с Горемыкиным об отставке Маклакова) Кривошеин в частном разговоре с хорошо знакомым ему членом кадетской фракции И.П. Демидовым предложил созвать Думу на один день под незначительным предлогом, но с целью новой демонстрации «священного единения». Основная роль должна была принадлежать кадетской фракции: Кривошеин пояснил, что «центр тяжести думского заседания будет заключаться в ее поведении». Демидов, в свою очередь, предложил созвать Думу для обсуждения бюджета⁴⁷⁹.

На заседании кадетского ЦК 21 декабря предложение Кривошеина закономерно было оценено как стремление «менее реакционной» части правительства использовать соглашение с Думой во внутриправительственной борьбе. Однако сами кадеты желали иного – получить новую сессию для решения собственных политических задач. М.М. Винавер отметил необходимость протестовать против притеснения общественных организаций и национальностей: «Печать и собрания задавлены военным положением, единственным окном является Дума, и если партия не воспользуется этой отдушиной, она много потеряет, так как обманет многие ожидания». «Страна осудит партию к.-д., если в Гос. Думе она будет замалчивать происходящее», – говорил А.С. Изгоев. Он предложил начать в печати открытую кампанию за созыв Думы и отставку Маклакова, чтобы фракция во время сессии «в корректной форме» могла бы ее потребовать. Милюков высказался более умеренно, заявив, что «всеми силами противился бы созыву Думы», если бы она грозила обратиться в «ряд оппозиционных выступлений против правительства»; однако он выступил за бюджетную сессию во исполнение «Конституции» и пояснил: «Если

---

⁴⁷⁸ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 484.

⁴⁷⁹ Там же. С. 482–483.

правительство пойдет навстречу этому требованию – тем лучше; в противном случае оно развяжет руки оппозиции для беспощадной критики». Пока же кадетский лидер призывал к осмотрительности и осторожности: «У партии к.-д. слишком достаточно врагов, которые рады были бы всякому неосторожному шагу партии».

Родичев шел еще дальше: он прямо говорил, что разрыв с Кривошеиным мог обернуться победой в правительстве его противников, что грозило «возможностью катастрофического исхода». Однако В.А. Степанов предупредил от того, чтобы «разговоры с К[ривошеиным]» не получили «значение или хотя бы только вид какого-то договора партии с К[ривошеиным]». Изгоев согласился со Степановым. Он не мог себе представить, «чтобы нынешняя бесцветная, бессильная и непопулярная Гос. Дума могла иметь влияние на дела», что она «есть что-то в русской жизни, а не простая декорация», а потому все обсуждение бюджета должно было закончиться тем, что «она распишется на правительственных законопроектах». Отсюда следовал вывод: «Под шум войны правящий класс заранее готовит козлов отпущения за свои грехи»; по его, Изгоева, мнению, Кривошеин готовил партии «громадную провокацию».

Но Милюков не собирался становиться пешкой в политической игре Кривошеина – он и сам был готов пойти на «провокацию», но время для нее еще не пришло. Тактический сговор с Кривошеиным позволял добиться думской сессии и хоть частично поддержать авторитет партии, не отказываясь от оппозиционного знамени. Итог заседания был следующим: «Председателю фракции к.-д. ни в коем случае не следовало бы являться к представителям правительства с какими бы то ни было заявлениями или требованиями, так как одно появление могло бы быть истолковано как готовность партии связать себя какими-либо обязательствами с этим правительством. Итак, хождение исключается с общего согласия всех

присутствующих»⁴⁸⁰. Через Кривошеина ЦК потребовал от правительства «и приличной декларации, и устранения провокационных выходов реакционного курса, и рассмотрения бюджета в Думе»; утверждалось, что без удовлетворения этих пунктов созыв Думы «будет хуже, чем если бы ее совсем не созывали»⁴⁸¹. Показательное решение было принято и Московским комитетом партии. Было постановлено «ни в коем случае не делать от имени партии оппозиционных выступлений», однако отдельным членам фракции было разрешено присоединяться к парламентским запросам (в частности, об аресте депутатов – большевиков), «которые, в виду «неправильной» внутренней политики правительства, так сказать, «висят в воздухе»». Дума отклонила бы такие запросы, но о них должна была сообщить печать, что и было главной целью⁴⁸².

25 января 1915 г. состоялось совещание думцев с представителями правительства. Милюков демонстративно потребовал амнистии, отставки министра внутренних дел и ограничения военной цензуры. Присутствовавший министр внутренних дел иронично предложил обсудить эти вопросы на открытом заседании Думы, пообещав: «Мы там вам ответим»⁴⁸³. При открытии сессии Милюков произнес речь с похвалой армии, народов России и союзников, но ни словом не упомянул об императоре и правительстве. Ефремов отметил заслуги великого князя Николая Николаевича. Лишь националисты и правые приветствовали правительство и верховную власть⁴⁸⁴. Думская формула перехода соответствовала настрою кадетов. Впрочем, они так и не дали своих голосов для запроса социалистов по поводу ареста депутатов, продемонстрировав перед правительством и думским большинством свой «деловой настрой»⁴⁸⁵.

---

⁴⁸⁰ Там же. С. 483–494.

⁴⁸¹ Там же. С. 494.

⁴⁸² Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. и мат. под ред. Б.Б. Граве. М.-Л., 1927. С. 4–5.

⁴⁸³ IV Государственная дума. Фракция Народной Свободы. «Военные» сессии. 26 июля 1914 г. – 3 сентября 1915 г. Пг., 1916. С. 12–13.

⁴⁸⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. СО. Пг., 1915. Стб. 49–52, 54, 61, 68, 74.

⁴⁸⁵ Там же. Стб. 137; Родзянко М.В. Крушение империи (записки председателя Русской Государственной думы) // АРР. Т. 17. Берлин, 1923. С. 88.

Бюджет был спешно обсужден в бюджетной комиссии. Милюков при полном одобрении октябриста Савича отметил политическое значение бюджета, после чего было решено принять его в Думе в одно заседание без обсуждения⁴⁸⁶. 28 января на общем собрании докладчик прогрессист А.С. Посников отметил, что «теперь не время подвергать критике и детальному рассмотрению внесенную роспись», тем более, как он утверждал, это было сделано в комиссии. Шингарев заявил, что «в настоящий момент наш долг повелевает нам, невзирая на политические и технические особенности бюджета 1915 г., дать в руки государственной власти все средства, необходимые ей для успешного окончания великого национального дела»⁴⁸⁷. Государственный совет был озабочен внешнеполитической и экономической тематикой. Лишь в самом конце сессии 30 января Гурко во внеочередном выступлении призвал изгладить дух недоверия к левым партиям, которые «крепко держатся за наше государство и нашу государственность». Гурко также провозгласил надежду на исчезновение розни между «главнейшими славянскими племенами» – русскими и поляками⁴⁸⁸. Несмотря на расчеты Милюкова, сессия завершилась плачевно для престижа кадетской партии. Это констатировало расширенное заседание ЦК партии, состоявшееся 22 февраля. Единственной возможностью сохранить позиции партии его участники называли активизацию кадетов в общественных организациях, но одновременно отмечалась и слабость кадетских позиций в них по сравнению с другими либералами⁴⁸⁹.

17 февраля (при первых симптомах «снарядного голода») последовала отставка министра торговли и промышленности Тимашева. Он был пожалован в статс-секретари и удостоен рескрипта. Как отмечал его преемник, Тимашев был человек лично честный, эрудит, хороший юрист, но

---

⁴⁸⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 326. Л. 10, 12.

⁴⁸⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. СО. Пг., 1915. Стб. 143, 150–151.

⁴⁸⁸ Государственный совет. СО. X сессия (1915 г., январь). Пг., 1915. Стб. 115–117.

⁴⁸⁹ Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 70–73.

плохой администратор⁴⁹⁰. По его собственным словам, он ушел «разочаровавшись в той обстановке работы, которая создавала собою бессилие»⁴⁹¹. Барк считал, что император был недоволен медлительностью Тимашева, что и подтолкнуло Тимашева подать в отставку⁴⁹². Тимашев сам правил все важнейшие бумаги, что очень замедляло дело. Его преемник передал дела ближайшим сотрудникам, что, по мнению управляющего канцелярией министра В.В. Прилежаева, было более продуктивно⁴⁹³. Для всех министров отставка стала неожиданностью, но была встречена с безразличием⁴⁹⁴.

На место Тимашева был назначен 40-летний начальник управления внутренних водных и шоссейных дорог МПС гофмейстер кн. В.Н. Шаховской. В отличие от того же Тимашева, он не был назначен с подачи Кривошеина. В период всевластия Кривошеина, как утверждал Барк, это насторожило всех министров⁴⁹⁵. Шаховской был выдвинутцем великого князя Александра Михайловича и своего бывшего начальника Рухлова. Перед назначением царь посоветовался с Горемыкиным, который осведомился у Рухлова и после этого решение одобрил. При его переводе на должность управляющего МТП «Новое время» написало: «Шаховской сдает исправленное ведомство». По воспоминаниям Барка, Шаховской был «очень хороший, порядочный, трудящийся человек, но не прошедший достаточной подготовительной школы для ответственного поста министра торговли и промышленности и совершенно не известный в торгово-промышленных кругах». После назначения он не поехал в Москву, как было заведено в МТП, чем повредил своей репутации у буржуазии, однако это понравилось Горемыкину. Шаховской был сторонником столыпинского курса, «левых реформ правыми руками», особенно по рабочему и еврейскому вопросам,

---

⁴⁹⁰ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 61.

⁴⁹¹ Прилежаев В.В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 31об.

⁴⁹² Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 167. С. 85–86.

⁴⁹³ Прилежаев В.В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 31об.–32.

⁴⁹⁴ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 167. С. 85–86.

⁴⁹⁵ Там же. С. 87.

выступал против ответственного министерства и за усиленную борьбу с революционным движением. Несмотря на это, Шаховской был сторонником сотрудничества с Думой, имел «добрые отношения» с «некоторыми кадетами» (в частности, с Шингаревым и Некрасовым), которые сохранились даже после его назначения; как он вспоминал, с кадетами его отношения иногда выстраивались даже лучше, чем с октябристами и правыми, которые боялись быть скомпрометированными сотрудничеством с бюрократией. Кроме того, Шаховской по собственному признанию был намерен получить в качестве неофициального советчика Витте, однако тот вскоре скончался⁴⁹⁶.

Шаховской был далеко не единственным кандидатом на столь важный, особенно в условиях войны, пост. Витте пытался провести на него представителя петроградских торгово-промышленных кругов ученого-экономиста и управляющего отделом промышленности МТП В.П. Литвинова-Фалинского, пользовавшегося доверием общественности, и впоследствии порекомендовал его Шаховскому товарищем министра⁴⁹⁷. Сухомлинов также поддерживал кандидатуру Литвинова, хотя промышленники выступали за Авдакова⁴⁹⁸. Военный министр признавал, что в деле военного снабжения надежды на союзников беспочвенны и через Литвинова-Фалинского вел переговоры с петроградской буржуазией⁴⁹⁹. Ставка, с января контролировавшая Главное артиллерийское управление⁵⁰⁰, также поддержала Литвинова как фигуру, по мнению Ставки, способную обеспечить выполнение военных заказов. В марте Николай Николаевич попробовал провести Литвинова товарищем министра с особыми полномочиями и введением в Совет министров. Лишь подав в отставку, Шаховской добился удаления Литвинова (с простым причислением к МТП). Как утверждал сам Шаховской, Горемыкин, Кривошеин и Рухлов были этим

---

⁴⁹⁶ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 22, 49–52, 59–60, 77, 86, 208.

⁴⁹⁷ Там же. С. 51–52.

⁴⁹⁸ Там же. С. 74.

⁴⁹⁹ Переписка Сухомлинова и Янушкевича // Красный архив. 1923. № 3. С. 58–61. 6, 9 мая.

⁵⁰⁰ См.: Айрапетов О.Р. Поездка Николая II в Галицию весной 1915 г. и политическая борьба в русских военных верхах // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 2000. № 1. С. 103–110.

вариантом совершенно довольны, однако репутация Шаховского в Ставке и общественной среде пострадала⁵⁰¹.

В то же время вопрос новой политики МТП получил еще один разворот. Торгово-промышленные круги (в основном, петроградские) проявили определенную активность в вопросах армейского снабжения, но она не была поддержана правительством⁵⁰². В марте вслед за петроградской буржуазией выступили и прогрессисты, недовольные правительственной политикой размещения военных заказов за рубежом и законопроектом о прогрессивном налоге⁵⁰³. Ефремов выступил за созыв длительной сессии, однако эта инициатива не была поддержана в думских кругах, в том числе и Милюковым⁵⁰⁴. Лидер кадетов был уверен, что «входить в конфликт с правительством не надо»⁵⁰⁵. Промышленники не встречали понимания и со стороны нового министра торговли и промышленности⁵⁰⁶. В апреле петроградская буржуазия предприняла новую, на сей раз успешную, попытку добиться военных заказов. Теперь ее представители В.П. Литвинов-Фалинский и промышленник В.В. Жуковский действовали не через правительство, а через Ставку. Столичным промышленникам через начальника думской канцелярии Глинку удалось установить отношения с Родзянко и добиться его поездки на фронт⁵⁰⁷. Председатель Думы, не ставя палату в известность, но поддержанный Гучковым и иными октябристскими лидерами, с готовностью выступил против военного министра, окончательно дискредитированного «снарядным голодом» и «мясоедовским делом»⁵⁰⁸. Военный министр мог теперь только жаловаться – причем, той же Ставке:

---

⁵⁰¹ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 66–68.

⁵⁰² Совет министров Российской империи... С. 114–115. См.: Крупина Т.Д. Политический кризис и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. М., 1969. Т. 83. С. 58–75.

⁵⁰³ Pearson R. Op.cit., p.31–38; Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. С. 257; Рогов В.А. Налоговое законодательство российского абсолютизма (1914–1917 гг.) // Проблемы истории абсолютизма. Сб. науч. трудов. М., 1983. С. 71.

⁵⁰⁴ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 1–2.

⁵⁰⁵ Протоколы ЦК... Т. 3. С.77.

⁵⁰⁶ Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 276. Оп. 1. Д. 25. Лл. 44об. – 45. Кн. В.Н. Львов – Н.Н. Янушкевичу, 15 марта 1915 г.

⁵⁰⁷ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 137–138; Родзянко М.В. Крушение империи (записки председателя Русской Государственной думы) // АРР. Т. 17. Берлин, 1923. С. 94–95; Савич. Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 141.

⁵⁰⁸ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 137–138; Айрапетов О.Р. Ук. соч. // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 2000. № 1. С. 107–113.

«Вы боретесь с врагами внешними, – на мою долю приходится враг внутренний, неопрятный, подпольный. А что предстоит при демобилизации, когда под предводительством Родзянки выступит думская армия? Ведь и теперь уже что они себе позволяют и всюду суют свой нос. Среди них есть очень порядочные люди – но и много же нехороших»⁵⁰⁹.

Ставка, наоборот, жаловалась на слабость и беспомощность министров. Кн. Орлов писал начальнику штаба Ставки Н.Н. Янушкевичу: «Мы идем быстрыми шагами к революции общей, – грозной и более сильной, чем 1906 год»⁵¹⁰. Через несколько дней, в конце апреля, началось Великое отступление 1915 года. В те же дни Литвинов-Фалинский и А.И. Путилов через Орлова добивались приема у Янушкевича⁵¹¹. В результате визита в Ставку Родзянко, Литвинов-Фалинский, а также торгово-промышленники А.И. Путилов и А.И. Вышнеградский договорились с великим князем о создании Особого совещания по снабжению фронта. Находившийся в Ставке император согласился с планом. В состав вошли все участники депутации⁵¹². Особое совещание (так называемое «майское совещание») было создано 19 мая под руководством военного министра⁵¹³, в него, наряду с представителями петроградской буржуазии, вошли члены президиума Государственной думы и представители Государственного совета (от Думы предполагалось 4 члена и ее председатель, от Совета – только 4 члена). Было отвергнуто предложение Маклакова уравнивать количество представителей законодательных палат. Министры сослались на сугубо совещательный характер нового учреждения⁵¹⁴.

Сухомлинов был вполне доволен первым заседанием и в практическом, и в политическом смысле. Янушкевич поддержал его: «Родзянко так много шумит, пусть же он теперь сам поработает, а участие его снимет у них

---

⁵⁰⁹ Переписка Сухомлинова и Янушкевича // Красный архив. 1923. № 3. С. 48. 15 марта.

⁵¹⁰ РГВИА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 25. Л. 55. Кн. В.Н. Орлов – Н.Н. Янушкевичу, 2 апреля 1915 г.

⁵¹¹ Там же. Л. 62. Кн. В.Н. Орлов – Н.Н. Янушкевичу, 7 мая 1915 г.

⁵¹² Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 120.

⁵¹³ По свидетельству П.Н. Милюкова, «таким путем хотели сделать Сухомлинова ответственным» за неудачи в деле снабжения фронта (Съезды и конференции... Т. 3. Кн. 1. С. 136).

⁵¹⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1915 год. М., 2008. С. 274–276.

возможность потом критиковать сверхмеры, т. е. реквизицию заводов»⁵¹⁵. Но вскоре военный министр уже жаловался на политизацию совещания и критиковал поведение Родзянко: «Он все забывает, что это не Дума и что действия правительства и отдельных его членов разделять под орех в Особом совещании нет смысла. И без того тяжелую работу он этим усложняет сильно»⁵¹⁶. Московские промышленники, таким образом, оказывались на обочине развернувшихся событий. Союзы также расценили такой оборот событий, как свидетельство, что «их таким образом как будто обходят»⁵¹⁷. В результате конкурентная борьба в среде общественности только провоцировала развертывание политической активности.

«Священное единение», будучи тактическим приемом как правительства, так и оппозиции, не было рассчитано на срок более нескольких месяцев. Оно и не продержалось дольше. Уже с начала 1915 г. стороны перешли к реализации тех стратегий, которые они планировали на послевоенный период. Война отступала на задний план.

5.4. «Патриотическая тревога»: реанимирование оппозиции

С середины мая 1915 г. российская общественность, пользуясь военной конъюнктурой, потребовала от власти незамедлительных политических уступок. «Речь» сообщала, что в «Колоколе» была опубликована беседа с неким высокопоставленным «сановником» (вероятно, Кривошеиным), который, рассуждая о правительственном курсе, отмечал, что «правительство никогда не желало <...> разрыва с обществом», что современный курс имеет «смысл ... взаимодействия с общественностью». «Непонимание истинных намерений» власти со стороны общественности, по его мнению, было связано с «нежеланием известной части интеллигенции считаться с

---

⁵¹⁵ Переписка Сухомлинова и Янушкевича // Красный архив. 1923. № 3. С. 62–63. 14, 17 мая.

⁵¹⁶ Там же. С. 68. 31 мая.

⁵¹⁷ Съезды и конференции... Т. 3. Кн. 1. С. 136. Доклад П.Н. Милюкова о политическом положении.

установленными не властью, а самой историей перспективами нашего национального развития и прогресса». Однако, бодро добавлял он, «теперь – это дело прошлое и правительству с обществом по дороге». По поводу возможного «взаимодействия» кадетская газета писала: «Первым условием для этого является правильно уяснить себе характер «контакта», исключительные условия, его создавшие, и его истинный общественный смысл. <...> Для полного и серьезного обсуждения поднятых «сановником» вопросов настоящая обстановка не может считаться благоприятной. <...> Мы все терпеливо ждем этого момента. Но не следует выводить из «установившегося контакта», что молчание есть знак согласия. Иначе контакт рисковал бы остаться односторонним»⁵¹⁸. Не прошло и двух недель, как в Совете министров подобные заявления получили серьезный отклик.

Первыми резко оживились прогрессисты. На собрании членов Государственной думы 22 мая Ефремов поднял вопрос о «майском совещании». Он протестовал против такого «суррогата» Думы и призвал к ее немедленному созыву, за что высказалось и все остальное собрание. Родзянко согласился переговорить с Горемыкиным по этому вопросу⁵¹⁹. На состоявшейся вскоре встрече премьер посоветовал думцам повременить до ожидавшихся в ближайшее время отставок непопулярных министров⁵²⁰. 4 июня Родзянко доложил представителям фракций мнение Горемыкина, но на этом совещании даже представители правых поддержали идею скорейшего созыва Думы⁵²¹. Незадолго до этого Авдаков испросил от Шаховского санкции на созыв IX Всероссийского съезда представителей промышленности и торговли. Он был разрешен правительством при условии чисто делового характера, но и при этом Шаховской и Барк решили в заседаниях не участвовать. Настроение на съезде, состоявшемся 26–28 мая, оказалось крайне возбужденным. П.П. Рябушинский выступил с очень резкой

---

⁵¹⁸ Речь, 16 мая 1915 г.

⁵¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 245. 1915. Д. 307а. Л. 20; Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 1.

⁵²⁰ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 168.

⁵²¹ Там же. Л. 172.

речью о необходимости смены правительства, Коновалов провел резолюцию о скорейшем созыве палат, также была принята спешно составленная резолюция о создании военно-промышленных комитетов⁵²². Тем не менее, как и Земгор, комитеты были утверждены в порядке верховного управления и обеспечены финансированием. После съезда политическая тема была вновь открыта для обсуждения в прессе.

Откликаясь на резолюцию съезда о созыве Думы, «Речь» написала: «Чрезвычайно знаменательно, что такое решение принято собранием людей, которых никто не может заподозрить ни в каком доктринерстве и не в каких агитационных намерениях». Как отмечалось, Дума необходима в данной ситуации, «в обстоятельствах вокруг себя, в быстро ускоряющемся ходе событий она найдет богатый материал для своей деятельности, не говоря уже о всем том законодательном материале, который так срочно накапливается жизнью»⁵²³. 5 июня состоялись съезды ВЗС и ВСГ, поддержавшие инициативы Родзянко и торгово-промышленного съезда. По данным полиции, в кулуарах один из делегатов кадет Тесленко отмечал, что главная цель съездов – «организовать тыл армии» – не может быть достигнута «в созданных бюрократией рамках, ибо последняя, мало того, что сама не умеет работать, но еще и мешает работать другим». Депутат прогнозировал: «Тот творческий размах, который будет проявлен во всех концах России, явится прежде всего политическим в том смысле, что ограничит деятельность канцелярий Петрограда и создаст возможность направить ее по тому пути, которого требуют задачи момента... Тот, кто умеет работать, и будет хозяином страны... При соприкосновении с общественными элементами бюрократия не сумеет удержаться на высоте общего размаха и пойдет за обществом в такой работе». Государственная дума, по мнению кадеты, должна была стать «посредником» между властью и обществом: «засвидетельствовав перед всей страной грандиозность работы,

---

⁵²² Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 95–98.

⁵²³ Речь, 28 мая 1915 г.

предпринятой союзами», она должна была тем самым «значительно укрепить их позиции» и способствовать дальнейшему расширению сферы деятельности и укреплению контроля за отдельными земствами и городами⁵²⁴.

Однако кадетская тактика, к изумлению прогрессистов, оказалась не такой, как они могли бы предполагать. Когда на собрании членов Государственной думы 22 мая прогрессисты подняли вопрос о возможности явочного созыва Думы, Милюков выступил принципиальным противником подобной акции, называя такую Думу «плохой копией Выборгского совещания»⁵²⁵. Прогрессистами также был поднят вопрос об «ответственном министерстве». Кн. Мансырев предложил, чтобы Дума «в какой-либо форме вотировала пожелание» о преобразовании Совета министров в коалиционный кабинет по типу французского, бельгийского или британского. Даже правые, не поддерживавшие идею «ответственного министерства», не возражали против привлечения общественных деятелей в состав Совета министров. Родзянко только отметил, что доводить это пожелание до сведения верховной власти ныне невозможно, и был всеми поддержан⁵²⁶. Милюков оказался единственным либералом, кто выступил против подобного лозунга. Он увязывал его с требованием введения всеобщего избирательного права и называл то и другое несвоевременным, отмечая, вместе с тем, что лозунг «министерства общественного доверия» вполне мог объединить общественность⁵²⁷. Даже полицейские агенты отметили, Милюков оказался «более умеренным, чем даже прогрессисты и некоторые из октябристов и даже националистов»⁵²⁸. Как признавал сам Милюков, собрание даже «рассердилось» на него⁵²⁹. Прогрессисты не понимали, как расценить подобный «непонятный отказ»⁵³⁰ кадетов от собственного партийного

---

⁵²⁴ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 20. Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 75–80.

⁵²⁵ ГА РФ. Ф. 63. МОО. Оп. 47. 1915. Д. 476. Л. 1.

⁵²⁶ Досрочный созыв Думы // Русское слово, 23 мая 1915 г.

⁵²⁷ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 4.

⁵²⁸ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 61.

⁵²⁹ Протоколы ЦК... Т. 3. С. 90.

⁵³⁰ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 14.

лозунга как раз в тот момент, когда наконец создавалась возможность его осуществления. Однако именно в этом и крылась причина кадетского отказа. Гиперактивность Родзянко и прогрессистов оставляла кадетов не у дел: у Родзянко уже имелся проект списка «ответственного министерства» во главе с кн. Г.Е. Львовым; еще один проект предполагал создание кабинета ген. А.А. Поливанова и замену министра Маклакова на Гучкова (вероятно, он от него и исходил)⁵³¹. В случае осуществления лозунга «ответственного министерства» контроль за правительством оказывался в руках октябристов, что совершенно не устраивало кадетов.

1 июня представители общественных организаций на заседании кадетского ЦК предложили выступить единым фронтом с либеральной оппозицией. Н.М. Кишкин предложил потребовать создания коалиционного правительства, Н.И. Астров шел еще дальше и советовал не отказываться от лозунга «ответственного министерства», так как он якобы был популярен в армии. Н.Н. Щепкин высказался за изменение избирательного закона. В ответ Миллюков отмечал, что Дума не пойдет так далеко, а в одиночку кадетам с осуществлением радикальных требований справиться было невозможно. Однако главным аргументом было то, что реализации подобных планов не способствовало само положение страны. Ф.Ф. Кокошкин указывал: «...Внутреннее положение <...> чрезвычайно остро. Население не готово к организован[ным] действиям, а неорганизован[ные] могут вырасти сразу. Это движение может принять характер пугачевщины. <...> Не надо скрывать от себя и трудности в проведении в жизнь лозунга смены министерства. Единственный путь к этому – созыв Думы. Составить министерство, которому бы верила вся страна, в России невозможно, потому что и сама Дума не отражает настроения страны. Можно только требовать улучшения министерства технически и введения нескольких видных общественных деятелей». Суть всей речи Кокошкина сводилась к следующему тезису: «Ответственным перед 4-й Г. Думой может быть курс теперешнего [состава

---

⁵³¹ Протоколы ЦК... Т. 3. С. 91.

правительства – Ф.Г.], который навлечет на себя все громы населения»⁵³². С таким выводом никто в ЦК спорить не стал: бюрократия должна была сама выходить из того тупика, в который именно она, по мнению кадетов, завела страну.

На партийной конференции, состоявшейся 6–8 июня, Милюков в своем докладе обвинил правительство в нарушении «священного единения» и предложил ответить на это борьбой за созыв Думы. Он от имени ЦК предложил привести парламентские лозунги партии в соответствие с тактическими особенностями времени и призвал к временному отказу от лозунга «ответственного министерства». По его мнению, требование общественного и даже смешанного общественно-бюрократического правительства не соответствовало моменту; указывалось, что даже в таком смешанном правительстве «сила останется на стороне бюрократии. Предлагая видоизмененный лозунг, Милюков подчеркивал: ««Доверие» уже тесно связано с «ответственностью»; но говоря об «общественном» доверии, а не о «доверии большинства Государственной думы», мы придаем понятию «ответственности» моральный характер, а не юридический, и в то же время устанавливаем тот основной признак, который прямо вытекает из потребности минуты». Таким образом Милюков хотел добиваться создания такого бюрократического по составу правительства, которое было бы ответственно перед общественным мнением, а не перед «третьеиюньской» Думой. Необходимо отдать должное принципиальности партийного лидера: такой вывод, с учетом отсутствия всеобщего избирательного права, напрямую вытекал из кадетской программы.

Лозунг «министерства доверия» был не более умеренным, а менее определенным, чем прежний. «Министерство, пользующееся доверием населения, – вот чего, в сущности, требует теперь страна. Это – идеал, приближения к которому мы должны добиваться. Не требуя «ответственного» или «коалиционного» министерства, мы тем самым не

---

⁵³² Там же. С. 91–92.

ставим формальных требований, не навязываем определенных людей, но, с другой стороны, мы не принимаем никаких обязательств», – настаивал Милюков⁵³³. Родичев разъяснял: ««Ответственность» слово пустое, это вопрос факта. Когда мы будем иметь силу потребовать ее, она будет, но этой моральной силы мы еще не приобрели, а приобретем лишь тогда, когда за нами будет народ»⁵³⁴. Кокошкин отмечал, что, в случае создания правоокабристского кабинета, «этот опыт надолго скомпрометировал бы и лозунг, и самый принцип ответственности министров»⁵³⁵. Таким образом, несмотря на недоумение местных делегатов, новый лозунг был проведен единодушным усилием Центрального комитета⁵³⁶.

Одновременно кадеты выступали и против планов политической реформы, исходивших из октябристских и прогрессистских кругов; они не собирались принимать на себя ответственность за усиливавшийся кризис. В частности, прогрессисты предложили план преобразования «майского совещания» в «Комитет государственной обороны», который должен был получить исполнительную и распорядительную власть: был бы подчинен непосредственно верховной власти и осуществлял управление министерствами и специально созданными местными комитетами, в его состав нужно было привлечь представителей законодательных палат, общественных организаций и рабочих. Таким образом, по плану прогрессистов вводилась «диктатура тыла», а общественность привлекалась к участию во власти и управлении, что создавало «своеобразный переход к общественному ответственному министерству»⁵³⁷. На заседаниях кадетского ЦК 9 и 16 июня были отвергнуты и план Шингарева о создании общественного «союза национальной обороны», и радикальный проект Шаховского, предлагавший формирование единого кабинета, создание новых министерств (снабжения, продовольствия, местного самоуправления, труда,

---

⁵³³ Съезды и конференции... Т. 3. Кн. 1. С. 115–125.

⁵³⁴ Там же. С. 162.

⁵³⁵ Там же. С. 167–170.

⁵³⁶ Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 80–87.

⁵³⁷ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 5–8.

землеустройства, полиции), смену губернаторов на председателей управ или городских голов, привлечение в земские органы «нецензового элемента», распространение земства на окраины, принятие законов о кооперативах, профсоюзах, законодательства о труде. Милюков с одобрения всего состава ЦК предложил ограничиться подготовкой к будущей сессии⁵³⁸. «Как бы мы не желали придать делу снабжения армии новые навыки, новые приемы управления и проч., как бы ни желательным было оставить его свободным от пут бюрократической рутины, всего этого нельзя достичь обособлением его от существующих органов государственной власти», – вынужден был признать А.И. Шингарев⁵³⁹.

Сразу после торгово-промышленного съезда М.В. Родзянко был принят Николаем II. Председатель Думы отчитался о первых мерах по «мобилизации промышленности», сообщив, что снабжение снарядами «заметно улучшается – чуть ли не на 80%», но дальнейшие «успехи» поставил в зависимость от созыва Думы⁵⁴⁰ и отставок Маклакова и Щегловитова. В качестве замены им Родзянко предлагал своего товарища кн. В.М. Волконского и сенатора С.С. Манухина. По свидетельству своего товарища Протопопова, председатель Думы был в крайнем возбуждении и особенно красноречив: «Государь, спасите Россию и свою династию! Теперь положение в 20 раз опаснее 1905 г. Погромы передадутся по России из Москвы. Войска нет, а есть лишь милиция. Стрелять не будет. И будет бунт от всеобщего неудовольствия. Начнут с немцев!...». Тем не менее, Родзянко был отпущен без каких-либо обещаний⁵⁴¹. В то же время с решительным письмом сходного содержания к Кривошеину обратился П.Б. Струве. Он также говорил о необходимости «скорейшего» созыва Думы, но отмечал: «После «ремонта» правительства он не страшен нисколько, и чем скорее он будет произведен, тем глаже он

---

⁵³⁸ Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 90–95.

⁵³⁹ Речь, 10 июля 1915 г.

⁵⁴⁰ Родзянко лично был активным сторонником этой меры; в Ставке он даже заявил Сухомлинову, что «может решиться созвать Думу без указа» (РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 44. Л. 193 об.).

⁵⁴¹ РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 44. Л. 216об.–217об.; РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 146–147.

сойдет»⁵⁴². Сазонова он предупреждал, что созыв Думы необходим, но невозможен при Сухомлинове: «Ход вещей на театре военных действий создал в армии такое недовольство военным министром, что решение об его отставке должно быть сколь возможно ускорено. <...> У нас не только налицо крупные военные неудачи, но предстоят и дальнейшие, еще более тяжкие, чему надлежит, не теряя спокойствия и бодрости, смотреть прямо в глаза. <...> Чем позже состоится его уход, тем в большей мере неудачи <...> будут вменены в вину всему правительству и даже еще общее – всей власти в полном ее объеме и ее высших выражениях, то есть верховной власти и верховному командованию». На место Сухомлинова рекомендовался ген. А.А. Поливанов, который был «лучшим и едва ли не единственным кандидатом». Сведения о положении на фронте, а также кандидатура Поливанова исходили, по-видимому, от А.И. Гучкова. Струве предлагал Сазонову также принять Гучкова, поскольку он «располагает самыми свежими впечатлениями и сведениями, в результате почти непрерывного пребывания на фронте в работе, ставившей его в общение со всей армией в ее целом, сверху донизу». Струве добавлял: «Как не относиться лично к А.И. Гучкову, его патриотизм, его ум и осведомленность стоят выше всяких сомнений»⁵⁴³.

Сам Сухомлинов писал: «У нас стал шевелиться и внутренний враг, съехались «думцы», прибыл А.И. Гучков, и начинается вороний слет. Карканье их нехорошее, осуждают всех и вся; как благородные свидетели на театре войны, порицания невежественные и принимаются без проверки, <...> и в результате петиции и резолюции в смысле перемены по всем направлениям. В сущности собралась неофициально, явочным порядком, Гос. Дума и желает властвовать. Можете себе представить, какие надо

---

⁵⁴² А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы I мировой войны. Письма А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, П.Б. Струве. Под ред. С.В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 50.

⁵⁴³ Красный архив. 1933. № 4 (59). С. 147.

ожидать последствия!»⁵⁴⁴. Сразу после отставки он обозначил главного виновника политического кризиса: «Г. Гучков ведет свою линию настойчиво, и мы будем скоро свидетелями крупнейшей катастрофы, искусно подготовляемой этим заядлым авантюристом. Людьюми пользуется, как таранами, оставаясь в тени сам и направляя доверчивых господ для достижения известных целей, им предначертанных. В настоящее время заваривается уже каша, расхлебывать которую будет очень и очень трудно»⁵⁴⁵.

Гучков, по свидетельству депутата-центриста, полковника в отставке Б.А. Энгельгардта, был «в военных вопросах, в которых он претендовал на полную осведомленность, <...> дилетант, умный, но часто поверхностный»⁵⁴⁶. Гучков был известен Шаховскому еще по Русскому обществу пароходства и торговли, причем будущий министр и остальные члены же тогда разочаровались в нем, поскольку Гучков ни разу не поинтересовался ни одним деловым вопросом. Сам император говорил Шаховскому: «Замечали ли Вы <...> что Гучков никогда не смотрит в глаза, когда он разговаривает?» Потом он то же самое сказал про Львова. «Так и знайте <...> если одного из этих лиц, которые не смотрят в глаза, я когда-нибудь назначу министром – значит, я сошел с ума»⁵⁴⁷.

Вопрос о политических переменах к июню вышел на первый план и в бюрократических кругах. Высказывались весьма различные точки зрения. В записке Совету министров от 1 июня Н.И. Туган-Барановский выражал сомнение в необходимости скорейшего созыва Думы, которая не смогла бы решить вопросов, связанных с военным управлением, а, наоборот, самим «митинговым характером» своей деятельности помешает ему. При этом участие отдельных членов палат могло бы быть полезным. Автор записки утверждал, что созыв палат в странах с ответственным министерством был

---

⁵⁴⁴ Переписка Сухомлинова и Янушкевича // Красный архив. 1923. № 3. С. 71. 10 июня.

⁵⁴⁵ Там же. С. 72. 12 июня.

⁵⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 33. Л. 11.

⁵⁴⁷ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 183–186.

логичен, однако в России он мог привести лишь к ухудшению ситуации: «Если после созыва Думы дела пойдут лучше, – это будет пониматься как следствие ее деятельности, если же хуже, – то будет утверждаться, что дело было так испорчено, что его уже нельзя было поправить». В пример приводились речи оппозиции в период январской сессии 1915 г. и деятельность думского комитета помощи раненым, а также только что завершившийся торгово-промышленный съезд. Туган-Барановский считал необходимым сохранить полноту власти в руках монарха и на случай продолжения неудач на фронте предлагал проект манифеста (его текст не сохранился)⁵⁴⁸. 16 июня бывший начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, активный участник подавления Первой русской революции, написал частное письмо Кривошеину, в котором предрекал, что созыв Думы в сложившихся обстоятельствах будет означать начало революции подобно 1906 г., но «в более опасной форме для государственного строя»⁵⁴⁹.

Кн. Орлов, напротив, 4 июня сообщал Янушкевичу о требовании удалить 4 «правых» министров и Шаховского: «Пора действовать – думские фракции понемногу съезжаются «in cogro», и, может, не в далеком будущем они силою посадят Родзянко на председательское место... Тогда будет поздно уступать, тогда потребуют большего, и много большего». Орлов предлагал немедленно «бросить им кость» и уволить «хотя бы Маклакова и Щегловитова». «Это одно даст успокоение; можно будет созвать Думу, и тогда будет новый взрыв патриотизма», – полагал князь. Впрочем, он не ограничивался прожектерством: «Я всю работу на этом направлении, но Маклаков сидит и уже очень втер очки бедному Царю»⁵⁵⁰. Между тем, Орлов опоздал с советом. В самом правительстве к тому времени уже произошли события, имевшие беспрецедентный характер.

---

⁵⁴⁸ Записки Н.И. Туган-Барановского... // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти: источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 159–161.

⁵⁴⁹ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1900. Лл. 24–25об. А.В. Герасимов – А.И. Кривошеину, 16 июня 1915 г.

⁵⁵⁰ Кн. В.Н. Орлов – Н.Н. Янушкевичу, 2 июня 1915 г. // Из истории борьбы в верхах... С. 162–163.

Совет министров оказался в тяжелой ситуации, которая по мере продолжения войны лишь усугублялась. В соответствии с рескриптом о дополнительных полномочиях Совета министров в начале войны он получал права на объявление своих положений, постановлений и заключений Государственного совета, докладов министров; лишь спорные дела, особые журналы и требовавшие личной подписи дела передавались на рассмотрение монарха⁵⁵¹. Однако расширение правительственных полномочий мало могло помочь делу. Как считал Кривошеин, Совет министров в военное время походил на «винегрет», в нем не было «руководящей мысли»⁵⁵². Причем его ближайшему соратнику в правительстве Игнатьеву казалось, борьба Кривошеина за единство кабинета только увеличивала беспорядок⁵⁵³. На пришедшего в Совет несколько позже А.Н. Наумова он произвел впечатление «малоутешительное»⁵⁵⁴. После назначения, по признанию Наумова, вся его жизнь переменялась, ее темп «принял совершенно лихорадочный оборот»⁵⁵⁵. Игнатьев также вспоминал: «Насколько работа в Министерстве народного просвещения и с законодательными палатами была интересна и увлекательна, настолько тяжела была работа в Совете министров. Она отнимала массу времени от производительной работы и страшно утомляла всю нервную систему, так как требовала постоянного напряженного внимания, главным образом, для того, чтобы не пропустить каких-либо подвохов»⁵⁵⁶. «Эти два года я не могу охарактеризовать иначе, как словом «кошмар»», – писал Шаховской о своем пребывании в правительстве⁵⁵⁷.

Усугубление кризиса вызвало обострение внутриправительственной борьбы. Насколько она была вызвана принципиальными политическими противоречиями? Гр. П.Н. Игнатьев в своих показаниях Верховной

---

⁵⁵¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 9. Л. 1–3.

⁵⁵² Там же. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 245. Лл. 90–91 об.

⁵⁵³ Игнатьев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 8. С. 302.

⁵⁵⁴ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 349–350.

⁵⁵⁵ Там же. С. 345.

⁵⁵⁶ Игнатьев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 8. С. 303–304.

⁵⁵⁷ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 56.

следственной комиссии Временного правительства признавал раскол в правительстве и отмечал, что в одну из групп наряду с ним также входили Кривошеин, Харитонов и Сазонов. При этом в составе правительства, существовавшем до мая–июня 1915 г., «по существу политики» ему были близки Харитонов и Сазонов, а «по общей психологии» – Кривошеин («но по некоторым вопросам политики мы несколько разных взглядов»). Под «общей психологией» Игнатъев понимал стремление преодолеть вражду между «мы» и «они» – между властью и общественностью. При этом Игнатъев отмечал, что сам Кривошеин видел в нем человека близкого по политическим взглядам и потому последовательно предлагал ему посты в ГУЗЗ, МВД и, наконец, в МНП. «В общем же мы составляли группу», – сообщал Игнатъев. Однако далее он конкретизирует: «Для меня было ясно, что все усилия Кривошеина сводятся к тому, чтобы руководить Горемыкиным и вести его к принятию определенной политики. В чем была эта политика по существу, я бы даже не сумел формулировать, потому что желал сохранить своему ведомству *аполитичность* [выделено мною – Ф.Г.]». Единственной мыслью группы, по мнению Игнатъева, было наладить нормальный контакт с Государственной думой⁵⁵⁸.

Другая группа, лидером которой, по мнению Игнатъева, также был Щегловитов, «который притягивал к себе Маклакова и *некоторых других* [выделено мною – Ф.Г.]», была «напротив того, за усиление центральной власти, за усиление административной власти и, по возможности, отмежеваться от Государственной думы, сократить ее влияние на внутреннюю жизнь и, главное, отмежевать ее от войск». Конкретный состав группы опять обозначен смутно, однако Игнатъев добавлял, что между Кривошеиным и Маклаковым уже к приходу в Совет Игнатъева был открытый конфликт, и они не подавали друг другу руки. Кроме того,

---

⁵⁵⁸ Падение царского режима... Т. 6. С. 2–3, 6–7.

«Кривошеин не переносил Саблера»⁵⁵⁹. Также отмечалось, что Ставка играла важную политическую роль и действовала в интересах первой группы. Общее заключение Игнатьева звучало так: «Должен сказать, что в первой части 1915 года политики почти не было. <...> Все были убеждены, что война скоро кончится»⁵⁶⁰.

Барк, как и Сазонов, считал, что конфликт, разразившийся в Совете министров в мае 1915 г. возник из-за необходимости установить «нормальные отношения» с Думой. Против этого, как вспоминал Барк, выступали три «правых» министра (Щегловитов, Маклаков и Саблер), а также Сухомлинов, который не был «правым», но «не сумел установить нормальных отношений с Государственной думой». Правизна Щегловитова и Маклакова, по воспоминаниям Барка, заключалась в том, что они открыто считали манифест 17 октября 1905 г. ошибкой, а Россию «настолько отсталой страной, что к ней применимо только самодержавие». Что касается Саблера, то он «был менее ярким выразителем таких крайних взглядов», но также примыкал к ним⁵⁶¹. Кн. В.Н. Шаховской вспоминал, что к моменту его прихода в правительство там шла борьба большинства, во-первых, против Сухомлинова (из-за состояния дел в его ведомстве) и, во-вторых, против Щегловитова и Маклакова (из-за их правых взглядов), к которым иногда примыкал и Саблер, но обычно оставался в стороне от каких-либо споров. Подобная дифференциация участников конфликтов имеет принципиальное значение. Для кн. Шаховского в целом было свойственно различие разнохарактерности противоречий в Совете министров: так в своих воспоминаниях он утверждает, что его конфликты с Барком, Игнатьевым и Григоровичем носили характер ведомственных противоречий и даже не влияли на личные отношения Шаховского с этими министрами⁵⁶².

---

⁵⁵⁹ Там же. С. 9. Бар. М.А. Таубе отмечает враждебные отношения Кривошеина и Кассо (Таубе М.А. Ук. соч. С. 174).

⁵⁶⁰ Падение царского режима... Т. 6. С. 6–7.

⁵⁶¹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 76–80.

⁵⁶² Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 57, 92–93, 160–164.

Основной почвой для конфликта, тем не менее, были не политические взгляды как таковые, а вопрос взаимоотношений с общественными организациями. 6 марта 1915 г. Совет министров по инициативе Маклакова обсуждал вопрос об упорядочении продовольственного дела. Маклаков считал, что перебои со снабжением могут быть использованы «враждебными государству элементами для своих целей». «Не следует забывать, что в настоящем случае дело сводится к вопросу, который затрагивает широкие слои населения, доступные пропаганде и вообще склонные объяснять тяжелые условия экономической жизни несовершенством государственного устройства. И если революционные течения, основанные на проповеди социализма, легко отразимы, как все, что носит узкотеоретический характер, то голод не может не относиться к числу явлений, представляющих действительно серьезную угрозу государственному порядку и общественному спокойствию». Министр предложил создать при МВД особое совещание под председательством заведующего продовольственным делом в Империи Н.П. Муратова с привлечением различных подразделений МВД (включая Департамент полиции), а также ВМ, МПС, МТП, ГУЗЗ, петроградского градоначальника, председателя петроградской губернской управы и городского головы. Между тем, Горемыкин, поддержанный всеми министрами, считал необходимым придать ему междуведомственный характер. Попытки Маклакова апеллировать к необходимости сохранения за ведомствами свойственных им полномочий с целью не допустить падения их авторитета, успеха не имели. 16 марта император поддержал мнение премьера и большинства, а общее руководство было возложено на Шаховского⁵⁶³. 19 мая особый журнал Совета министров о продовольственном совещании был утвержден⁵⁶⁴. После понесенного поражения Маклаков подал в отставку, но она не была принята. В ответ

---

⁵⁶³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1915 год. М., 2008. С. 120–123.

⁵⁶⁴ Там же. С. 234.

император, обращаясь к нему «друг мой, Николай Алексеевич», просил его оставаться на своем посту⁵⁶⁵.

В мае 1915 г. ситуация внутри Совета министров приобрела характер острого кризиса. Новые обстоятельства еще более обострили старые трения. Дополнительной причиной для начала открытого конфликта стал польский вопрос⁵⁶⁶. С началом войны он приобрел совершенно иное качество, будучи теснейшим образом увязан с внешней политикой и военной конъюнктурой. Щегловитов, Маклаков и Саблер изначально выступали против любых уступок полякам⁵⁶⁷ (нельзя не отметить, что именно МВД, Министерство юстиции и Св. Синод традиционно выступали основными орудиями правительственного давления на поляков). Супруга министра юстиции М.Ф. Щегловитова вспоминала, что для ее мужа польский вопрос был крайне важен: воззвание верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к полякам о даровании автономии после войны стало для Щегловитова «ударом», «тогда он окрестил этот акт «началом конца России»»⁵⁶⁸. В силу неизбежных осложнений Сазонов хотел решить вопрос о польской автономии сепаратно. Еще 2 октября 1914 г. Сазонов составил записку по польскому вопросу, в которой предлагал учредить наместничество, предоставить полякам автономию в местных хозяйственных вопросах и ввести общеимперский порядок в вероисповедных делах и порядке надзора. Чиновники в соответствии с проектом обязаны были знать польский язык и местные условия, их национальность, а также язык делопроизводства не определялись⁵⁶⁹. Несмотря на желания Сазонова, как и следовало ожидать, проект все же был внесен на рассмотрение Совета министров. Министр иностранных дел был крайне этим раздражен⁵⁷⁰.

---

⁵⁶⁵ Дневники и документы из личного архива Николая II... С. 184–185.

⁵⁶⁶ Падение царского режима... Т. 6. С. 7.

⁵⁶⁷ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 285.

⁵⁶⁸ Щегловитова М.Ф. Мои воспоминания о муже И.Г. Щегловитове // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 48.

⁵⁶⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 71. Лл. 5–6.

⁵⁷⁰ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 167–169.

Встречный проект Кривошеина от 30 октября также определял границы Польши по этническому признаку (после войны польские земли должны были объединиться в составе империи), сохранял административное и судебное делопроизводство на русском языке (при праве населения обращаться в государственные органы и получать ответ на польском), обязывал чиновников знать польский язык, вводил польский язык в делопроизводство местного самоуправления, свободу вероисповедания (при сохранении за Православной церковью статуса господствующей), открывал доступ полякам к государственной службе (при знании русского языка), оставлял за наместником надзор за законностью и целесообразностью, право роспуска и утверждения председателей органов местного самоуправления. Русский язык использовался для части предметов средней и высшей школы (словесность, география, история, право), польский – в начальной и для большинства предметов средней и высшей школы; русское население могло использовать русский язык в делопроизводстве местного самоуправления и в обучении. Таким образом, инициированная Сазоновым идея автономии в целом была поддержана Кривошеиным (его мать, урождённая Яшинская, происходила из обедневшего польского дворянского рода).

В ответ Щегловитов, Кассо и Маклаков составили и 30 октября внесли свою записку, которая дополняла и отчасти исправляла проект министра иностранных дел. «Сазонов ни одной провинции еще не завоевал, а одиннадцать губерний отдал», – мрачно острил Маклаков⁵⁷¹. Из состава будущей автономии в записке исключалась Сувалкская губерния (преимущественно литовская), делопроизводство велось на русском языке, а польских чиновников могло быть не больше, чем русских. Маклаков также предложил ввести польского наместника в состав Совета министров. При обсуждении принцип этнической границы не встретил никакого отрицания, но вопрос о Сувалкской губернии был отложен. Не вызвал споров и вопрос о польском языке в местном самоуправлении. В суде разрешалось говорить на

---

⁵⁷¹ Михайловский Г.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 58–59.

польском языке при условии ведения делопроизводства на русском. При обсуждении вопроса о местном самоуправлении Кривошеин отметил: «Какая наша цель: чтобы поляки лучше управлялись или чтобы они были более довольны. Второе – наша главная цель». На этом основании главноуправляющий также отстаивал идею всепольского областного земства. Рухлов выступил против, поскольку его введение означало бы и введение в России областных земств, что означало бы «начало разложения Русского государства». Переубедить Кривошеина не удалось. Он также предложил ввести польскую автономию монаршим актом, однако Щегловитов предложил законодательный путь в соответствии с Основными законами. При обсуждении вопроса о территориальных приобретениях Маклаков заявил: «Польша не может получить больше, чем Россия». Горемыкин сомневался в том, что поляки могли быть довольны какими бы то ни было территориальными приобретениями⁵⁷². По воспоминаниям Барка, на том же заседании Кривошеин получил упрек от Маклакова, что в случае реализации его проекта главной целью войны для России становится польская независимость. Кривошеин был возмущен, прямо обвинил Маклакова в клевете и заявил, что вышлет ему секунданта. Горемыкин вынужден был спешно закрыть заседание⁵⁷³. Сын Кривошеина не зря писал, что отец «был вспыльчив и страшен во гневе»⁵⁷⁴.

Проект автономии был завершён Советом министров 15 ноября, принят 18 февраля 1915 г. в версии Кривошеина и Высочайше утверждён 17 марта. 25 мая, уже после принятия проекта, Маклаков представил Горемыкину разработанный в МВД и согласованный с варшавским генерал-губернатором проект введения польского земского самоуправления. Он предполагал три уровня управления (гмины, уезды, губернии), четыре избирательные курии (городская и три землевладельческие), польский язык в делопроизводстве,

---

⁵⁷² РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 71. Лл. 2–3, 19–44.

⁵⁷³ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. № 178. С. 102–103; Яхонтов А.Н. Первый год войны... // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 336–337.

⁵⁷⁴ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 389. Л. 1.

ограничения для евреев⁵⁷⁵. После оккупации Польши германскими войсками польский вопрос был окончательно переведен в иную плоскость – в обсуждение возможности провозглашения польской независимости.

В конце мая, уже после начавшегося общественного оживления, Кривошеин, Харитонов, Рухлов, Сазонов, Игнатъев, Григорович, Шаховской и Барк собрались в кабинете Сазонова в МИД. Было решено настаивать перед Горемыкиным на созыве Думы и отставке всех четырех министров («в первую очередь – Маклакова, ввиду полного несоответствия его деятельности современным условиям») или на собственной отставке. Миссия переговоров с премьером была возложена на Барка, поскольку Горемыкин, по свидетельству самого министра финансов, относился к нему «с особенной симпатией и доверием <...> с оттенком отеческой покровительности»⁵⁷⁶. Возможно, была еще одна причина. Яхонтов вспоминал о своем разговоре с государственным контролером после этого совещания: «Харитонов, подчеркнув, что наиболее горячо ратовал Барк, добавил с присущим ему язвительным смешком – окончательно запутал финансовое положение и хочет уйти под благовидным предлогом»⁵⁷⁷. Таким образом, Барк, как самый горячий сторонник переговоров с Горемыкиным, и был уполномочен их вести⁵⁷⁸. Горемыкин поддержал идею, но его смущала ультимативность шага и то, что инициатива происходила не от самого императора. Тем не менее, премьер сразу запросил об аудиенции и был принят на следующий день, 30 мая. царь, по словам Горемыкина, «был возмущен» такой инициативой, предложение «чрезвычайно ему не понравилось». Однако со всеми предложениями он согласился, что удовлетворило всех участников акции⁵⁷⁹. По сведениям Яхонтова, Горемыкину было «указано на несвоевременность перемен, причем, однако, высказано о возможности скоро уволить

---

⁵⁷⁵ Там же. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 71. Лл. 348–357.

⁵⁷⁶ Совет министров Российской империи... С. 176–177; Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 76–80.

⁵⁷⁷ Яхонтов А.Н. Первый год войны... // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 316.

⁵⁷⁸ Совет министров Российской империи... С. 176–177.

⁵⁷⁹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 76–81.

Маклакова»⁵⁸⁰. Как показали последующие события, ультиматум все же был принят полностью. Впоследствии, как вспоминал Барк, на его докладе Николай II опять указал ему на недопустимость подобных шагов. Барк еще раз объяснил причины такого шага и подал в отставку, но царь ее не принял. Министр был растроган и поцеловал своему Государю руку, причем Николай II в ответ обнял и расцеловал Барка⁵⁸¹.

Участники акции на своем совещании также обсуждали и кандидатуры преемников: Кривошеин назвал Щербатова, Самарина и Поливанова. Последние две кандидатуры были приняты единодушно. Щербатова все знали плохо, но Кривошеин отмечал, что назначение выборного члена Государственного совета было бы расценено позитивно. Остальные кандидаты на МВД были еще слабее, в результате Кривошеин предложил оставить последнее слово за Горемыкиным, чем и расположить его в свою пользу⁵⁸². Через 2 недели после ультиматума царь вызвал в Ставку Горемыкина, Кривошеина, Сазонова, Рухлова, Шаховского и Харитонова. На докладах все они получили выговоры, но царь согласился с необходимостью отставок и с новыми кандидатурами (кроме уже согласованных кандидатур Горемыкин предложил на пост министра юстиции своего старого знакомого А.А. Хвостова⁵⁸³), а также определил срок созыва Думы⁵⁸⁴.

На следующий день после земского и городского съездов отставка ненавистного министра внутренних дел, наконец, произошла. «Теперь, несмотря на взятие Львова, меня бодрит и радует тот бодрый тон и видимый подъем, который чувствуется в печати и в речах после ухода Маклакова. Как немного нужно теперь русскому обществу!» – писал кн. Е.Н. Трубецкой⁵⁸⁵.

---

⁵⁸⁰ Совет министров Российской империи... С. 176–177.

⁵⁸¹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 76–81.

⁵⁸² Там же.

⁵⁸³ Наумов отмечал, что А.А. Хвостов «был кристально чистым и благороднейшим человеком и пользовался всеобщей любовью и уважением». А.Ф. Трепов называл А.А. Хвостова одним из лучших министров (Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 365–366, 370–371).

⁵⁸⁴ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 82–83.

⁵⁸⁵ НИОР РГБ. Ф. 171. Папка 8. Ед. хр. 3. Кн. Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой, 8 июня 1915 г.

Вскоре после отставки в письме Пасхалову Маклаков обвинил Кривошеина во втягивании армии в политику, избрании Гучкова председателем Центрального военно-промышленного комитета и газетной травле губернаторов, что считал прямыми следствиями политики Кривошеина: «И все это делает бесчестный проходимец Кривошеин, который совсем собьет с толку благородного и очень глубоко честного князя Щербатова. Помесь жида и польки теперь стал во внутренней России фактическим главнокомандующим, и я не сомневаюсь, что он спихнет допотопного плута сейчас же, как только кончится сессия, причем будет ломаться как Борис Годунов и будет доказывать, что можно обойтись без него. Но, конечно, пойдет, чтобы добить исконную, русскую Россию. Таким господам она не дорога»⁵⁸⁶. Бывший министр внутренних дел прекрасно понимал, что это письмо будет перлюстрировано и его содержание доложено новому министру; отсюда – не только комплименты, но и своеобразное политическое завещание преемнику. По словам Маклакова, написанным в письме Щегловитову, самодержавие было «придавлено, обворовано проходимцами в роде жидовского кантониста Кривошеина и старого циника-плута в роде Грымзы». «Вместо самодержавия воцаряется – олигархия. <...> Чем больше я узнаю русское правительство, тем больше мне интересен мой скотный двор», – писал отставленный министр и отмечал, что письма перлюстрируются, но он был готов сказать это публично⁵⁸⁷.

Сам Щербатов мыслил совсем иначе. В интервью «Русскому слову» он отмечал свою близость земству и участие в земских съездах 1905–1906 гг. «В Петрограде я сравнительно новый человек. <...> Земская жизнь настолько близка мне, настолько вошла в мою личную жизнь, что она – я могу смело сказать – сделалась необходимым элементом моего существования». Он также демонстрировал дружественный настрой в отношении всей Думы: «В Таврическом дворце я чувствую себя как рыба в воде. <...> У меня лейб-

---

⁵⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 500. Н.А. Маклаков – К.Н. Пасхалову, 30 июля 1915 г.

⁵⁸⁷ Из архива Щегловитова / Публ. И.И. Тоболина // Красный архив. 1926. Т. 4 (15). С. 112–114.

партии нет, не может быть и не будет». Щербатов выразил уверенность в скорейшем созыве палат. Министр также утверждал: «Я никогда не заискивал и не буду заискивать перед прессой». При этом он обещал смягчение цензуры при освещении внутренних событий⁵⁸⁸. Таким образом, создавался образ твердого, но умеренно-либерального государственного деятеля. Газета упирала на то, что Щербатов был не бюрократом, а общественным деятелем, и считала необходимым проводить «курс доверия» к общественным силам⁵⁸⁹. В придворных кругах утверждали, что еще Столыпин якобы собирался взять полтавского предводителя дворянства Щербатова в центральный аппарат МВД, но тот сам отказывался⁵⁹⁰. Кривошеин посоветовал Щербатову в товарищи кн. В.М. Волконского, который был известен своими думскими согласованиями⁵⁹¹. Волконский был назначен 27 июля. Кроме того, сразу снимался запрет на публикации о Распутине. Как вспоминал А.А. Сидоров, при Щербатове цензура действительно превратилась в сугубо военную⁵⁹².

«Утро России» особо отметило, что кн. Щербатов – «не бюрократ», земский деятель и «консерватор в европейском смысле слова»⁵⁹³. В «Речи» было приведено умеренно благожелательное мнение Челнокова о кн. Щербатове⁵⁹⁴. «Щербатов! Вот неожиданная фигура. И в газетах ничего о нем нет. Только в «Речи» намек, что он склонен идти по пути уволенного Маклакова», – отметил в дневнике С.Д. Протопопов⁵⁹⁵. «Русские ведомости» все же отметили «поворот в сторону сближения с обществом», но поспешили заявить, что программа нового состава правительства еще неизвестна⁵⁹⁶. Лишь немногие могли оценивать перемены более основательно. «Щербатова я знаю хорошо и давно. Какой он будет министр внутренних дел и какой

---

⁵⁸⁸ Беседа с кн. Н.Б. Щербатовым // Русское слово, 12 июня 1915 г.

⁵⁸⁹ Декларация кн. Н.Б. Щербатова // Русское слово, 13 июня 1915 г.

⁵⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1023. Л. 200. Кн. Н.А. Енгальчев – кн. О.В. Енгальчевой, 20 июня 1915 г.

⁵⁹¹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 170. С. 96.

⁵⁹² Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 106.

⁵⁹³ Утро России, 7 июня, 15 июня 1915 г.

⁵⁹⁴ Речь, 7 июня 1915 г.

⁵⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 44. Л. 222.

⁵⁹⁶ Русские ведомости, 6 июля 1915 г.

политик, этого, я уверен, не знает никто, не исключая его самого. Он всегда политики не любил и ее избегал, а был деятелем чисто реального характера, делая то, что по его мнению нужно для реальной пользы дела и совсем не заботясь о том, какая вывеска и какие лозунги будут приклеены к его поступкам, и в этом отношении никакой политической окраски не носил. Во всяком случае, это никогда не будет такой зловредный и легкомысленный человек, каким был Маклаков, и не тип петербургского бюрократа, пропитанного общими соображениям, не вяжущимися с действительностью. <...> В добросовестность же его ко всяким выборным учреждениям, конечно, не может быть сомнения, он вырос среди них», – писал С.И. Шидловский⁵⁹⁷. «Что Маклакова убрали – это хорошо, но Никола Щербатов меня совсем поразил своим неожиданным появлением на сцену», – написал кн. Куракин⁵⁹⁸.

Остальные отставки стали неизбежны. «Речь» написала: «Насколько внезапным был уход Н.А. Маклакова, настолько отставка нынешнего министра юстиции является после этого логической закономерностью»⁵⁹⁹. Общественность была переполнена ожиданием перемен в составе правительства. «Русское слово» прочило Кривошеину пост премьер-министра, назначение главным управляющим земледелием кн. Васильчикова, министром торговли и промышленности – Н.И. Гучкова или Барка, финансов – Алексеенко или Н.Н. Покровского, военным – Поливанова, юстиции – Манухина или бывшего директора I департамента министерства Н.П. Милютина, обер-прокурором Св. Синода – Самарина или попечителя Московского учебного округа А.А. Тихомирова. По мнению газеты, на своих постах должны были остаться лишь Игнатъев и Харитонов⁶⁰⁰. 13 июня был смещен В.А. Сухомлинов, 5 июля – В.К. Саблер, на следующий день – И.Г. Щегловитов (последний увольнялся с рескриптом). Новоназначенные

---

⁵⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1023. Л. 114. С.И. Шидловский – Н.Н. Опочинину, 14 июня 1915 г.

⁵⁹⁸ Кн. И.А. Куракин – кн. М.А. Шаховской // РГИА. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 131. Лл. 161–161об. 8 июня 1915 г.

⁵⁹⁹ Речь, 6 июля 1915 г.

⁶⁰⁰ Слухи // Русское слово, 14 июня 1915 г.

министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов, военный министр ген. А.А. Поливанов и обер-прокурор А.Д. Самарин, московский предводитель дворянства, были близки Ставке⁶⁰¹, кроме того, Поливанов находился в давних дружеских отношениях с А.И. Гучковым. Новый министр юстиции А.А. Хвостов являлся креатурой премьера Горемыкина⁶⁰². На аудиенции при своем назначении А.Д. Самарин высказался императору о необходимости полного удаления Распутина, на что Николай II, прослезившись, тем не менее, согласился⁶⁰³. Таким образом, в Совете министров утверждалось фактически безраздельное господство А.В. Кривошеина, что вызывало одобрение самых широких политических кругов. «Сдается мне, что немецкая победа была Пиррова победа», – написал по результатам новых назначений гр. С.Д. Шереметев⁶⁰⁴. «Московские ведомости» хвалили Кривошеина за ясность и определенность курса, отмечали давнюю потребность в отставке Саблера, поддерживали назначение Самарина⁶⁰⁵. Но господствовавшей среди либералов точкой зрения была все же та, что новые министры не могли соответствовать требованию «министерства доверия» и «не представляли из себя таких людей, которые могли бы наладить дело сближения с Государственной думой и общественным мнением»⁶⁰⁶.

В либеральных кругах Государственного совета отмечалось: «Действительная опасность заставила, наконец, расстаться с шутками во внутреннем управлении и по-видимому ремонт М-ва в полном ходу. После этого ремонта предполагается созвать Думу и нас – для действительного «единения». Словом, делается все то, что надо было делать 10 месяцев тому

---

⁶⁰¹ Акция министров была поддержана Ставкой; великий князь «очень сочувствовал» А.В. Кривошеину и его намерениям пойти навстречу Думе и общественным организациям (Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 205–206).

⁶⁰² На пост министра юстиции сам Горемыкин, подобно Родзянко, предлагал С.С. Манухина, но был назначен сослуживец и старый товарищ премьера А.А. Хвостов. По свидетельству В.А. Маклакова, «Государь считает <...> Манухина вреднейшим кадетом» (РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 44. Л. 217, 239).

⁶⁰³ Встреча в Ставке. Николай II и А.Д. Самарин. Июнь 1915 г. (публ. М.И. Чернова) // Исторический архив. 1996. № 2. С. 182.

⁶⁰⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3013. Л. 79. Гр. С.Д. Шереметев – А.К. Варженевскому, 27 июня 1915 г.

⁶⁰⁵ Дружная работа // Московские ведомости, 4 июля 1914 г.; Перемена обер-прокуратуры Св. Синода // Там же. 7 июля 1914 г.

⁶⁰⁶ Мильков П.Н. IV Государственная дума // ГА РФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 117. Л. 19.

назад»⁶⁰⁷. «В последнее время вопрос о досрочном созыве законодательных учреждений сделался самым очередным и насущным вопросом», – писала «Речь»⁶⁰⁸. Даже «Московские ведомости» признавали насущность созыва Думы, но отмечали опасность, связанную с войной и чертами, которые «зависят от молодости учреждения»: «Надеемся, что Государственная дума это поймет и не отступит ни на шаг от этого единственно правильного пути»⁶⁰⁹. 11 июня Родзянко возобновил переговоры с Горемыкиным о созыве Думы. Премьер согласился, но потребовал «спокойной» сессии. 13 июня состоялся совет старейшин Думы. Прогрессисты и социалисты выступили против всяких переговоров и за смену правительства. И.Н. Ефремов выступил за созыв Думы 15 июля, причем неподготовленность законодательства его не пугала: Дума была нужна «по моральным основаниям» и «для длительного контроля». Однако кадеты и октябристы решили согласиться на условия премьера⁶¹⁰. В тот же день состоялось заседание Центрального комитета Союза 17 октября, на котором А.И. Гучков позволил себе лишь умеренную публичную критику Военного министерства и присоединился к «пожеланию» созыва палат. Правительство и общественность призывались к «единой великой цели – победе над врагом и разрешению внутренних задач нашей жизни», первым шагом к которым должно было стать достижение «атмосферы взаимного доверия». Однако обязательным условием для нее назвался доступ палат к расследованию злоупотреблений в военном ведомстве⁶¹¹.

Октябристы уже приняли требование «ответственного министерства», но решили отложить его реализацию до окончания войны. В июне 1915 г. были настроены на «спокойную» сессию. 3 июня Шидловский написал Ключеву: «Программа занятий Думы должна быть установлена определенно,

---

⁶⁰⁷ РГИА. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 95. Кн. Ал. Д. Оболенский – кн. Ал-ру Д. Оболенскому, 12 июня 1915 г.

⁶⁰⁸ Речь, 12 июня 1915 г.

⁶⁰⁹ Государственная дума // Московские ведомости, 10 июля 1914 г.

⁶¹⁰ IV Государственная дума. Фракция Народной Свободы. «Военные» сессии. 26 июля 1914 г. – 3 сентября 1915 г. Пг., 1916. С. 19; РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 16. Л. 17об.–26; ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 405. Л. 1–6.

⁶¹¹ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 477–478.

конечно, до решения о ее досрочном созыве. Программа должна быть как всегда деловая, подразумеваемая, разумеется, под делом дела, вызываемые современными обстоятельствами, а не текущую дребедень, но программа должна быть непременно, в противном случае это будет митинг со всеми свойственными этому собранию прелестями, а митинговать я считаю теперь совсем неподходящим, а Государственной думе в особенности. Я очень боюсь, что вольно или невольно многие члены групп, левее нас стоящих, именно этим и соблазняются, и считают момент подходящим для предъявления требований вроде ответственного министерства, Учредительного собрания и т.д.»⁶¹². Письмо Опочинину 14 июня имело уже более спокойный тон: «Я ни минуты не сомневаюсь, что вся Дума, как один человек, объединена желанием принести своей работою посильную пользу находящейся в опасности стране и что не найдется в среде ее ни одного члена, желающего использовать момент этот сознательно для других целей. Ну, а бессознательно – ведь все возможно. Можете ли вы совсем поручиться, что в среде членов Думы нет людей совершенно искренне убежденных, что вывести страну даже в теперешнюю минуту из затруднительного положения можно лишь путем немедленного проведения в нашу государственную, экономическую и социальную жизнь тех начал, в спасительность которых ни мы с вами, ни даже большинство Думы не верит»⁶¹³. Однако октябристы констатировали правление кадетов. После того как тактические лозунги двух партий максимально сблизились, стал возможен и тактический союз. Это могло облегчить обеим фракциям политику в Думе, на что они и рассчитывали⁶¹⁴.

14 июня также вышел составленный Кривошеиным и Поливановым рескрипт о «единой всенародной задаче» снабжения армии, созыве палат не позднее августа и внесении законопроектов об Особом совещании⁶¹⁵. 23

---

⁶¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1013. Л. 28. С.И. Шидловский – И.С. Ключеву, 3 июня 1915 г.

⁶¹³ Там же. Д. 1023. Л.114–114об. С.И. Шидловский – Н.Н. Опочинину, 14 июня 1915 г.

⁶¹⁴ Протоколы ЦК... Т. 3. С. 109.

⁶¹⁵ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 93–95.

июня совет старейшин Думы решил вторично обратиться к правительству со своим призывом скорейшего определения сроков созыва; по общему мнению, «ответственность за последствия, которые может повлечь несвоевременный созыв Думы, всецело лежит на правительстве»⁶¹⁶. «Московские ведомости» писали по поводу совещания: «Теперь у левых партий выработался новый прием борьбы. Они неуклонно стремятся в настоящее трудное время проводить в жизнь свои партийные виды и вождедения; когда же против этого раздаются вполне справедливые протесты, то они заявляют, что протестующие своим выступлением нарушают необходимое теперь единение и согласие»⁶¹⁷. 25 июня Горемыкин, наконец, сообщил председателю Государственной думы, что созыв законодательных палат состоится в годовщину войны – 19 июля⁶¹⁸.

Таким образом, весной–летом 1915 г. «либеральная пьеса» Кривошеина вступила в решающую стадию. Формирование единого правительства под негласным (но для всех ясным) руководством главноуправляющего земледелием и землеустройством фактически состоялось. Либеральная общественность получила ощутимые свидетельства благоволения к ней со стороны обновленного Совета министров. К июлю 1915 г. предвоенная политическая инфраструктура была фактически восстановлена. Общественные организации позволили оппозиции не только восстановить политический потенциал, но и существенно расширить свои возможности влияния на ситуацию. Было ли возможно политическое сотрудничество или оппозиция по-прежнему оставалась верной собственному политическому курсу? Предстоящая сессия должна была дать ответ на этот вопрос.

---

⁶¹⁶ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 392. Л. 1.

⁶¹⁷ Бесплодная шумиха // Московские ведомости, 25 июня 1915 г.

⁶¹⁸ Утро России, 28 июня 1915 г.

Глава 6. Власть и общественность в отсутствие конструктивных стратегий (июль 1915 – февраль 1917 гг.)

Обстоятельства лета 1915 г. впервые в истории Третьеиюньской системы передавали стратегическую инициативу в руки оппозиции. Стали актуальны вопросы политической реформы и парламентского контроля, решение которых свидетельствовало о степени зрелости цензовой общественности. Лобовая атака на власть была чревата революцией, которая в обстоятельствах мировой войны не могла не закончиться катастрофой.

6.1. Правительство и парламентское большинство: сделка при неизвестных условиях

В начале июля в письмах А.В. Кривошеину, С.Д. Сазонову и кн. В.Н. Шаховскому П.Б. Струве предлагал при определении повестки будущей сессии ограничиться программой конкретных мер, которые, по мнению автора, вполне могло привести к реальному улучшению ситуации: привлечением «нецензового элемента» в земские органы, отменой черты оседлости, борьбой с дороговизной, поощрением кооперации, акционерных обществ, бирж труда, мелкой промышленности и касс взаимопомощи¹. Но подобный голос фактически оказался одиноким в общественной среде. При всей «умеренности» лозунгов кадеты активно проявили себя при определении характера будущей сессии. Несмотря на первоначальное предложение Родзянко ограничиться торжественной речью председателя Думы, Милюков на совещании 30 июня добился гласного обмена мнениями и без предварительных переговоров с Советом министров. «Русское общество

---

¹ Красный архив. 1933. № 4 (59). С. 148.

стоит сейчас перед ответственным и решительным моментом своей жизни – быть может, самым ответственным и решительным, какой ему только приходилось пережить за все время своего исторического существования», – предупреждали «Русские ведомости». В том же номере вышла статья В.А. Маклакова «Естественная задача», в которой конкретизировались задачи парламента: «Народное представительство, – писал он, – не поведет сейчас спора о власти; но оно должно иметь возможность надзора за управлением. В этом – очередная задача момента»². Между тем, как уже отмечалось, у кадетской партии не было ни четкого плана сессии, ни одного серьезно подготовленного законопроекта³. Поэтому сессия должна была приобрести преимущественно декларативно-политическое звучание.

При открытии сессии 19 июля «страх за будущее мелькал у всех в голове», в городе говорили о падении его через 2–3 месяца, о дворцовом перевороте, который замыслил великий князь Николай Николаевич⁴. Розанов писал: «Весь мир в смуте, в тревоге... В такие дни, в такой день собирается Дума. И было бы совершенно необыкновенно и странно, если бы она собралась обыкновенною Думой; как было бы странно и до известной степени неприлично, если бы кто-нибудь на похоронах или свадьбе заговорил о базаре или бирже или стал бы выкладывать свои домашние сплетни. <...> В этой войне целые «правительства» являются лишь борющейся частью, а отнюдь не целым. <...> Партии погасли в значительности, когда поднялся стержневой вопрос: «быть или не быть» нации. Теперь все правительства в Европе суть национальны»⁵. Выступая в Думе, премьер Горемыкин также призвал членов Думы к единству: «Да не будет в России на все время военных действий никаких партий, кроме одной – «партии войны до конца»... никаких программ, кроме одной – победить».

---

² Русские ведомости, 2 июля 1915 г.

³ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 100–101.

⁴ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 298.

⁵ Розанов В. Идя в Государственную думу // Новое время, 19 июля 1915 г. (Розанов В.В. Собрание сочинений. На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2007. С. 487–488.)

Он заявил о внесении в Думу законопроектов об особом совещании по снабжению и об автономии Царства Польского, но отметил, что время для внутреннего реформирования страны было неподходящее. В том же тоне выступили и прочие министры⁶. Горемыкин произнес речь «глухим неслышным голосом» и его речь не имела особого эффекта, однако выступавший затем Поливанов получил овацию⁷.

Между тем депутаты сразу начали с выяснения отношений. Первый же выступающий Н.Е. Марков заявил, что в кругах оппозиции «возникло желание добиться ответственного министерства». «Теперь не время критики», – заявил Н.В. Савич, – но «к войне Россия постоянно не готова». Октябрист Б.И. Каразин потребовал суда для виновных. И.Н. Ефремов под одобрение центра и левого крыла раскрыл карты думского большинства: «Долг и стремление Государственной думы в это тяжелое время – поддержать власть всем своим авторитетом, разделить с ней всю ответственность. Но ведь это возможно только в том случае, если правительство открыто признает авторитет Думы и заявит о своей готовности подчиниться ее контролю и руководительству, признает свою ответственность перед народным представительством. <...> Чтобы поднять патриотическое воодушевление народа и поддержать его бодрость и силу на все время долгой борьбы, необходимо появление у власти лиц, хорошо известных народу и пользующихся его доверием». Предполагалось, что такая компромиссная формулировка получит поддержку собрания⁸. Прогрессисты также внесли законопроект об изменении Учреждения Думы с целью расширить право ее интерpellации: министры обязаны были отвечать на все запросы, направленные Думой, а она получала право двумя третями признать ответ неудовлетворительным и передать свое решение на Высочайшее имя⁹.

---

⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 8–16.

⁷ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 121–123.

⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 47, 74, 84, 90–91.

⁹ Законотворчество думских фракций... С. 431–432.

С программной речью от имени кадетов выступил П.Н. Милюков. Он обвинил власть в военных неудачах и публично напомнил о той тревоге, которую Дума якобы выражала еще в январе на частных совещаниях. Кадетский лидер заявил об изменившихся политических обстоятельствах: «Народ хочет сам теперь приняться за дело и исправить упущенное. В нас он видит первых законных исполнителей своей воли. И он посылает теперь нас сюда <...> сказать власти всю правду о стране, узнать для страны всю правду о власти и сделать то, что осталось ею несделанным. <...> Война была всенародной по духу, она должна стать всенародной на деле». По поводу уже состоявшихся перемен в правительстве Милюков сказал, что «лица изменились, но не изменилась их политика». Для установления взаимодействия он требовал от власти оставить «недоверие» к общественным организациям, прекратить притеснение национальных меньшинств, напомнил об аресте депутатов-большевиков и призвал к политической амнистии. Кадетский оратор протестовал против преследования печати и настаивал на фактическом ограничении цензуры: «Народное представительство без гласности утрачивает большую часть своего общественного значения». Не согласившись с тем, что законодательная работа была в военных условиях несвоевременна, Милюков предложил правительству программу законодательных мер: проведения законопроектов о создании органа по координации тыла, о волостном земстве, об изменении земского и городского положений, о кооперативах, трезвости, обеспечении воинов и их семей землей, примирительных камерах и отдыхе торговых служащих. Большинству подобных законопроектов не существовало¹⁰, но из этого вытекало необходимость длительной сессии, о чем Милюков прямо заявил: «Организуя страну для обороны, мы не можем устранить из организации тот высший орган, в котором все общественные

---

¹⁰ Земцы-октябристы подготовили законопроекты об Особом совещании, левые октябристы – о кооперативах, прогрессисты – о волостном земстве.

организации сходятся как в своем естественном центре»¹¹. Таким образом, кадетам, прежде всего, нужна была не законодательствующая Дума, а политическая трибуна и декларативный контроль над правительством.

Стремясь максимально продлить сессию, кадеты выступили против прогрессистской формулы перехода, которая требовала немедленного создания «министерства доверия». Милюков заявил, что «вопрос о политической ответственности правительства перед Государственной думой» необходим, но несвоевременен. Кадеты, хотя формально и воздержались от голосования, присоединились к более мягкой формуле националистов-прогрессистов и октябристских фракций о необходимости единения страны и ее доверия правительству, которая и была принята¹². Подобная тактика кадетов в Думе сразу принесла свои плоды. Председателем военно-морской комиссии был избран Шингарев; Гучков, бывший неизменным противником вхождения кадетов в комиссию, теперь приветствовал это думское решение¹³. Фракции стали стягиваться к думскому центру: октябристам перешли такие известные члены прогрессистской фракции, как Н.Н. Львов и М.И. Арефьев, от фракции националистов отделилась группа «националистов-прогрессистов» (28 депутатов) во главе с В.В. Шульгиным¹⁴. Сам же думский центр начал тяготеть к кадетской риторике. Даже не присоединившийся к группе Шульгина националист кн. К.М. Шаховской писал жене: «Хотя самая горячка и кончилась и не очень удачно, мы начали усиленно работать в комиссиях. Сейчас штудирую законопроекты, – их очень много, но чрезвычайно мало касающихся непосредственно снабжения армии и войны. Характер их более мирный, но зато мы в боевом настроении, во главе с Шингаревым. Если мы и не все удачно наладили, зато ведомству нагоним жару и вся Россия узнает, как мы можем ругаться и критиковать и

---

¹¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 92–108.

¹² Там же. Стб. 194–195.

¹³ Речь, 23 июля 1915 г.

¹⁴ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 101–104.

как должны другие созидать. <...> Что-то будет, момент интересный и очень страшный»¹⁵.

25–27 июля состоялся I Всероссийский съезд ВПК, избравший председателем ЦВПК Гучкова, его заместителем – Коновалова, председателем московского ВПК – Рябушинского. Съезд потребовал ввести лидеров ЦВПК, ВЗС и ВСГ в Совет министров, заявил о необходимости амнистии, отмены национальных стеснений для евреев и свободы профсоюзов для рабочих. Было решено начать создание при комитетах рабочих групп, причем предполагалось, что они должны были действовать и на заводах, не связанных с ВПК¹⁶. Таким образом, прогрессисты возглавили крупную организацию, которую могли использовать в политических целях. Гучков, к этому времени окончательно оставшийся без партии и даже без газеты (убыточный «Голос Москвы» в июле был закрыт), тем не менее, был нужен прогрессистам как самостоятельная политическая фигура со связями в Ставке и, после отставки Сухомлинова, в Военном министерстве, а также как кандидат на министерский пост.

Дума также активно включилась в большую политическую игру. 26 июля Родзянко написал письмо великому князю о необходимости замены Янушкевича и Данилова; на место Янушкевича им предлагался Алексеев. Николай Николаевич ответил отказом. Однако через несколько дней от имени Совета министров о том же просил Кривошеин. В экзальтированном письме, переданном через адъютанта, великий князь соглашался с этим требованием, но указывал, что смена может произойти только с санкции императора, поэтому просил Кривошеина передать его слова Николаю II «дословно»¹⁷. Джунковский 30 июля сказал Наумову: «Мы катимся по наклонной плоскости! Наступило время сплошных уступок. <...> Нет

---

¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 402. Кн. К.М. Шаховской – кн. Е.Г. Шаховской, 23 июля 1915 г.

¹⁶ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 95–100.

¹⁷ Вел. кн. Николай Николаевич – А.В. Кривошеину, 1 августа 1915 г. // Из истории борьбы в верхах... С. 164–165.

твердой власти! В Государственной думе все признаки зарождающегося народовластия. Когда и кто ее распустит – никто не знает!»¹⁸ Самарин в августе был еще более красноречив: «Плохо! <...> Безнадежно! <...> Кругом страшные интриги и полная разруха. <...> Остается только молиться, чтобы Господь спас Россию!..»¹⁹ «Московские ведомости» не случайно отмечали, что не «ответственное министерство», а военная диктатура была на повестке дня в настоящий момент²⁰.

Большинство законопроектов фракций находились лишь в стадии разработки. Правительство само внесло в Думу законопроект о военной цензуре. 8 августа были, наконец, внесены принадлежавшие октябристам и прогрессистам законопроекты о кооперативах и о введении земства в Сибири, Архангельской губернии и Донской области, 11 августа – о введении волостного земства (прогрессистский проект предусматривал 2 курии – частных и общинных землевладельцев, а также надзор со стороны уездного земства)²¹. Кадетская фракция постановила поддержать их и отказалась от собственных разработок. Кадеты лишь внесли законодательное предположение о введении земства в Закавказье, но законопроекта не представили, как указывалось, «за невозможностью в короткий срок собрать сведения, необходимые для составления полного текста соответственного законопроекта»²².

Наиболее важным в текущую сессию был инициированный правительством и октябристами законопроект об Особом совещании. К началу Думы уже было 3 органа, не имевших под собой законодательной базы – Особое совещание, Государственный продовольственный комитет и Совещание по распределению топлива при МПС. Состав их был случаен и, как писал кн. В.Н. Шаховской, определен Родзянко по своему усмотрению.

---

¹⁸ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 300.

¹⁹ Там же. С. 302.

²⁰ Ответственное министерство или диктатура? // Московские ведомости, 23 июля 1915 г.

²¹ Законотворчество думских фракций... С. 604–641.

²² IV Государственная дума. Фракция Народной Свободы. «Военные» сессии. 26 июля 1914 г. – 3 сентября 1915 г. Пг., 1916. С. 42–44.

Депутаты резонно отмечали, что Продовольственный комитет нужно передать ГУЗЗ, Совещание по топливу – МТП, а также создать Комитет перевозок. «Лейб-акушеру» Харитонову поручили распутать ситуацию. Однако под влиянием Поливанова государственный контролер создал компилятивный документ, резко усиливший власть военного министра и расширивший участие парламентариев. Он и был внесен правительством в парламент²³.

В свою очередь, кадеты ратовали за создание министерства снабжения с привлечением технической интеллигенции и общественности. Однако учреждение министерства, по мнению земцев-октябристов, могло лишь усилить дезорганизацию государственного аппарата; с согласия правительства они выступили за «встраивание» общественных сил в прежнюю систему власти и взяли на себя доработку правительственного законопроекта. В результате кадеты решили не вносить в Думу своего проекта министерства снабжения и объясняли это отсутствием поддержки со стороны большинства (он нашел поддержку лишь у части прогрессистов²⁴); кроме того, как такового, законопроекта у них, к тому же, и не было. 1 августа законопроект земцев-октябристов был рассмотрен Думой. Докладчик Н.В. Савич – по свидетельству министра Шаховского, «один из наиболее уравновешенных членов Думы» – предложил создать 4 отдельных совещания (по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию) при министерствах военном, торговли и промышленности, путей сообщения и земледелия и под общим контролем военного министра. Официально такая децентрализация объяснялась «техническими причинами» (создание совещаний не должно было повлечь перестройки государственного механизма). Главной причиной, как признавалось на заседании думской военно-морской комиссии, было нежелание придавать военному министру столь широкие полномочия, как предполагал правительственный законопроект.

---

²³ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 120–121.

²⁴ Утро России, 24 июля 1915 г. Проект поддерживал П.П. Рябушинский. В то же время И.Н. Ефремов склонялся к октябристскому варианту (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 55–56).

В соответствии с правительственным проектом совещания должны были осуществлять высший надзор за организацией обороны и снабжения, включая частные предприятия. Министр, председательствующий на совещании, принимал решения, однако за военным министром сохранялось право его отменить и вызвать членов совещаний на заседание ОСО. Савич, тем не менее, предложил создать для этого особый пост помощника военного министра и ввести его в состав правительства (таким образом, земцы-октябристы продолжали лоббировать кандидатуру Литвинова). Это предложение не прошло. Кроме того, несмотря на возражения Савича, было принято предложение В.А. Маклакова обязать военного министра в случае отмены решения другого председателя совещания немедленно выносить вопрос на рассмотрение Совета министров. Кадеты еще больше октябристов опасались придания министру слишком широких полномочий²⁵.

В состав совещаний планировалось ввести представителей законодательных палат. Савич утверждал: «Будучи в центре той деятельности, которая будет происходить в правительственных органах, имея возможность видеть все мероприятия не только *post factum*, но в момент <...> их идейного зарождения, только при таком положении будет действителен контроль со стороны законодательных учреждений, только при таких условиях они будут знать все, что делается и почему делается, а не получать только те разъяснения, которые ведомство сообразовалит дать здесь в комиссии, <...> подчас окрашенные посторонними соображениями, иногда даже несоответствующими действительности». Поэтому также предполагалось закрепить права членов Думы участвовать в Совещаниях и по прекращении полномочий Думы, вплоть до созыва новой. Расхождение мнения октябристов с кадетскими взглядами было очевидным. Кадеты выступили против децентрализации и введения в состав членов палат. М.С. Аджемов предупреждал думцев: «Я боюсь, что когда исполнительная власть окажется в будущем не на высоте, то она всю вину за это свалит на вас и

---

²⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 339–345.

ваших представителей». Вместо этого в целях правильного контроля предлагалось сделать Думу постоянной и создать специальную комиссию по контролю за совещанием. Кадеты явно подозревали октябристов в стремлении создать суррогат смешанного правительства. Однако законопроект был спешно принят в варианте, предложенным докладчиком²⁶.

Вопрос о составе Совещаний был также принципиально важен. По октябристскому проекту они должны были стать по преимуществу общественными (в Особое совещание по обороне планировалось ввести 10 членов законодательных палат, 4 представителей от военно-промышленных комитетов, а также по 1 – от ВЗС и ВСГ). Это дополнительно усиливало бы позиции октябристов и прогрессистов, располагавших значительным влиянием в палатах и общественных организациях. Кадеты, в свою очередь, были не только против участия представителей палат, они потребовали введения в состав Совещаний представителей от рабочих и предложили избирать их не от ВПК, а от больничных касс – единственных существующих рабочих организаций. Думские стремления вызвали резкий протест московских торгово-промышленников. В статье «Политика мелких уколов» «Утро России» критиковало «земско-дворянскую Думу» и подводило такой итог: «Из двух зол – промышленник или рабочий – промышленник в глазах Думы явился злом большим»²⁷. Прогрессисты потребовали увеличить представительство ВПК до 7 представителей, включая 2 – от рабочих. В результате кадеты предпочли поддержать первоначальное предложение земцев-октябристов, чем увеличивать влияние военно-промышленных комитетов. 141 голосом против 138 был принят первоначальный проект²⁸.

В конечном счете представители общественности получили в Совещаниях доминирующие позиции (в ОСО – 26 из 37 мест, в Особом совещании по топливу – 19 из 31, в Особом совещании по перевозкам – 16 из

---

²⁶ Там же. Стб. 253–254, 265, 294–297; Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 121–123; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 45об.

²⁷ Утро России, 1 августа 1915 г.

²⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 313–322.

33, в Особом совещании по продовольствию – 16 из 26). С учетом представителей общественных организаций оппозиция обеспечила себе большинство мест в ОСО, хотя и осталась в меньшинстве в остальных совещаниях (по результатам выборов три октябристские фракции в совокупности получили 4 места в ОСО, 3 – в совещании по топливу, по 2 – в остальных; кадеты добились 2 мест в ОСО, по 1 – в остальных совещаниях; прогрессисты – по 1 месту в каждом совещании; националисты-прогрессисты – 2 места в ОСО и по 1 – в совещаниях по перевозкам и продовольствию)²⁹. Государственный совет рассмотрел все молниеносно, против совещаний выступил только Н.А. Маклаков. Особые совещания торжественно открылись 18 августа в присутствии императора. Его речь была подготовлена Поливановым. Было сказано, что Совещаниям предоставляются «исключительно широкие полномочия» и власть делает это «с полным доверием». Поливанов включил в речь и фразу о возможности созыва совместного заседания Совещаний под председательством императора³⁰. Родзянко и иные депутаты выступили с критическими «деловыми» речами, по оценке самих думцев, неудачными. После заседания Николай II беседовал с членами Думы, взял у Шингарева письменный доклад, пожал руку со словами: «Я очень, очень благодарю Вас за Вашу работу; я все прочту; я знаю, что многое плохо у нас. Будем стараться это исправить». К концу собрания в зал вошла Александра Федоровна с наследником и также приняла участие в разговорах с депутатами³¹.

После того как кадеты согласились на вхождение представителей палат в Особые совещания, они рассматривали это, прежде всего, как политический шаг и способность оказывать влияние на правительство хотя бы в такой форме (неслучайно, несмотря на выход прогрессистов и постоянные с осени 1915 г. кадетские заявления о невозможности делового

---

²⁹ Сомов С.А. Создание Особых совещаний и «Прогрессивный блок» (август 1915 г.) // Проблемы отечественной истории. Сборник статей аспирантов и соискателей Института истории СССР. М., 1973. С. 284–294.

³⁰ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 123–124.

³¹ Капнист И.И. Перед крушением империи // Возрождение, 30 марта 1933 г.

сотрудничества с властью, их представители не покинули совещаний вплоть до революции)³². После прохождения через Думу законопроекта об Особых совещаниях думская сессия стала заходить в тупик. Через несколько дней после созыва Дума стала разъезжаться, комиссии не набирали кворума, депутаты забегали, расписывались и убегали, иногда подписи ставились задним числом на следующем заседании. Умеренные депутаты сами желали роспуска, но, конечно, по согласованию с ними³³. Подготовка законопроектов приносила минимальную политическую выгоду, но требовала больших усилий и знаний. Кадеты требовали сокращения коммиссионной работы. В.А. Маклаков на общем собрании призывал сократить число комиссий и их состав, ускорить подготовку законов: «Каждый пропущенный день Думу компрометирует»³⁴.

Оппозиция стремилась рассмотреть по преимуществу политически значимые законопроекты, однако неизбежно сталкивалась с конфликтом интересов различных фракций. Если законопроект о прогрессивном налоге был рассмотрен быстро, и вся Дума приняла его в компромиссном прогрессистском варианте³⁵, то вопрос о ликвидации немецкого землевладения, не менее важный для прогрессистов и октябристов, уже провоцировал разногласия. Кадеты выступили против создания комиссии «по борьбе с немецким засильем» и предупреждали о том, что власть хочет «укрыться за ширму ненависти к немцам»³⁶. Вместо этого конституционные демократы предлагали привлечь к ответственности бывших представителей власти – как Сухомлинова, так и Маклакова, по словам М.С. Аджемова, «того государственного шалуна, который привел государство в столь тяжелое положение»³⁷. В то же политическое русло кадеты попытались

---

³² Протоколы ЦК... Т. 3. С. 196–197; ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 738; Селецкий В.Н. Ук. соч. С. 292–294.

³³ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 131–133.

³⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 356–357.

³⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 669–670. Сами прогрессисты, между тем, считали «более справедливым» введение прогрессивного поземельного налога (Утро России, 20 июля 1915 г.), что, в свою очередь, не могло устраивать октябристов.

³⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 415, 513–514.

³⁷ Там же. Стб. 260.

направить и поднятый в Думе вопрос о беженцах: на заседании военно-морской комиссии Н.В. Некрасов потребовал передачи всего дела общественным организациям³⁸. Несмотря на замечание представителя МВД о том, что союзы действуют не на всей территории размещения беженцев и что средства на них могут быть взяты лишь из казны, в общем собрании кадеты опять предложили полностью устранить администрацию из этой сферы. Дума все же отклонила подобные предложения³⁹.

Палата с большим вниманием отнеслась к вопросу регламентации военной цензуры. 28 июля Родзянко написал великому князю Николаю Николаевичу жалобу на начальника штаба Киевского военного округа, запретившего печатать в газетах речи левых депутатов, включая кадетов. Председатель упирал на горячий патриотический настрой всей Думы. «Нельзя забывать, что теперь сражаются и умирают люди не только правых, но и левых партий [в черновике зачеркнуто: среди огромного числа прапорщиков армии значительное число разделяет политические воззрения левых партий]». Родзянко считал это «крупной государственной ошибкой»⁴⁰. Позднее он писал начальнику штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексееву: «Действия военной цензуры <...> смущают общество, заставляют предполагать, что имеются такие обстоятельства, которые, не составляя военной тайны, требуют сокрытия, или что законодательные учреждения используют свои обязанности, не сообразуясь с настоящим тяжелым временем»⁴¹.

По воспоминаниям В.Н. Шаховского, Поливанов всячески помогал оппозиции при разработке законопроекта о военной цензуре⁴². Думская комиссия установила перечень запрещенных к разглашению сведений, дав право военному министру расширять его с последующим внесением в палаты соответствующих законопроектов. Военный министр предлагал установить

---

³⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 205. Л. 118–126.

³⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 825–827, 830, 835.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1134. Л. 14 б – 14 б об.

⁴¹ Там же. Л. 26–26об. 25 февраля 1916 г.

⁴² Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 152–153.

ее в полном объеме только на фронте, а в тылу предусмотреть лишь частичную выемку писем и международных телеграмм, однако Дума ввела цензуру повсеместно. Было также решено, что цензорами могут быть только военные⁴³. Для кадетов вопрос военной цензуры был самым важным. Докладчиком по данному вопросу выступал сам П.Н. Милюков. С согласия октябристов и прогрессистов заявлялась спешность законопроекта⁴⁴. «Государственная дума, как бы длительна ни была ее сессия, разойдется, печать же останется всегда. И она останется единственной трибуной, с которой подается инициатива, и единственной инстанцией, в которой находят прямую защитницу народные интересы», – писало по этому поводу «Утро России»⁴⁵. В результате в думскую комиссию по печати передавался законопроект, который строго ограничивал цензуру военной сферой, предусматривал лишь судебную ответственность и выводил из-под цензурного запрета стенограммы законодательных палат⁴⁶.

В начале августа пала Варшава. Однако нервное возбуждение в тылу еще оказалось сильнее военных поражений. Император принял решение о смещении великого князя Николая Николаевича и принятии верховного командования на себя, что еще более усилило общественное недовольство. 12 августа находившийся в крайнем возбуждении Родзянко написал императору письмо, умоляя оставить на своем посту Николая Николаевича. Подобный шаг, указывал Родзянко царю, «внушен Вам окружающими Вас немцами». Председатель Думы грозил грядущей революцией и просил составить новое правительство «из лиц, пользующихся доверием Вашим и известных стране своей общественной деятельностью»⁴⁷. На пленарном заседании кадетского ЦК 9 августа Шаховской указал, что «ответственная работа правительства ускользает из рук правительства [и] переходит к

---

⁴³ РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

⁴⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 358.

⁴⁵ Утро России, 24 июля 1915 г.

⁴⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1915. Стб. 1014, 1055–1057, 1183.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 616. Л. 1–3.

общ[ест]ву». Он подтвердил мысль Н.В. Некрасова о том, что «нужно готовиться к тому, чтобы взять на себя всю власть и всю ответственность»⁴⁸. Как будто в ответ на это 13 августа «Московские ведомости» призвали к роспуску Думы, поскольку она уже выполнила свою работу⁴⁹. На следующий день, в связи с провозглашением в Думе лозунга «кабинета национальной обороны», газета уже отмечала, что кадеты стали «оппозицией <...> Его Величества кайзера Вильгельма»⁵⁰.

Прогрессисты открыто поставили вопрос об «ответственном министерстве». Еще 17 июля «Утро России» отметило, что в России «парламентский контроль» возможен лишь при «ответственном министерстве» и «коренном изменении основных законов»⁵¹. Прогрессисты обвиняли кадетскую фракцию в том, что она «по причинам более интимного, чем принципиального характера, высказалась против установления в данный момент ответственного министерства»⁵². Говоря о «правительстве национальной обороны», «Утро России» отмечало, что «подобный кабинет действительной обороны страны от надвигающейся на нее кошмарной растерянности и слабоволия бессилён создать бюрократ. Сейчас надо спасать Россию, вести ее к победе, вызволять ее из беды, в которую ввергла ее именно бюрократия»⁵³. Прогрессисты вели активную борьбу за «ответственное министерство» и провоцировали другие общественные силы на радикализацию политических требований. В начале августа на частном совещании московских торгово-промышленников Рябушинский «доказывал необходимость для всех общественных элементов своевременно вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти»⁵⁴.

---

⁴⁸ Протоколы ЦК... Т. 3. С. 144–145.

⁴⁹ Бельский С. [Савченко С.Ф.] Законодательство и война // Московские ведомости, 13 августа 1915 г.

⁵⁰ Думское легкомыслие // Там же. 14 августа 1915 г.

⁵¹ Парламентский контроль // Утро России, 17 июля 1915 г.

⁵² Там же. 4 августа 1915 г.

⁵³ Там же. 14 августа 1915 г.

⁵⁴ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 20–21.

13 августа в газете Рябушинского появилась заметка под названием «Кабинет обороны», в которой утверждалось, что «в думских кулуарах циркулировал <...> список лиц, проектируемых думской оппозицией в состав кабинета обороны». Кандидатом на пост премьер-министра в нем являлся М.В. Родзянко, министра внутренних дел – А.И. Гучков, военного – А.А. Поливанов, морского – Н.В. Савич, иностранных дел – П.Н. Милюков, финансов – А.И. Шингарев, путей сообщения – Н.В. Некрасов, торговли и промышленности – А.И. Коновалов, государственного контролера – И.Н. Ефремов, главноуправляющего земледелием и землеустройством – А.В. Кривошеин, министра юстиции – В.А. Маклаков, народного просвещения – гр. П.Н. Игнатъев, обер-прокурора Синода – В.Н. Львов⁵⁵. По словам газеты, список принадлежал кадетам⁵⁶, однако, скорее всего, список исходил от самого Рябушинского, стремившегося к созданию широкой коалиции из общественных организаций, Думы и части правительства. На следующий день газета опубликовала и октябристский список «ответственного министерства» во главе с А.И. Гучковым. Министром внутренних дел намечался кн. Г.Е. Львов, иностранных дел – С.Д. Сазонов, финансов – Ф.Ф. Кокошкин, торговли и промышленности – А.И. Коновалов, путей сообщения – Н.В. Некрасов, земледелия – С.И. Шидловский, юстиции – С.С. Манухин, народного просвещения – Е.П. Ковалевский, государственным контролером – И.В. Годнев. Этот список, не предусматривавший введения в кабинет Родзянко и Милюкова, действительно мог исходить от октябристов, скорее всего, от самого Гучкова, не собиравшегося уступать председателю Думы премьерское кресло. Личные амбиции как Гучкова, так и Родзянко в этот период вполне соответствовали этому уровню.

16 августа в Москве у А.И. Коновалова состоялось совещание представителей общественных организаций. В нем приняли участие 30-40 человек, в том числе кн. Г.Е. Львов, М.В. Челноков, П.П. Рябушинский и

---

⁵⁵ Утро России, 13 августа 1915 г.

⁵⁶ Там же. 14 августа 1915 г.

кадетские представители в общественных организациях Н.Н. Щепкин, В.А. Маклаков, Ф.Ф. Кокошкин, М.М. Новиков, П.И. Новгородцев. Обсуждались слухи о подготовке в Петрограде некоего совещания думцев с премьером о создании бюрократического «министерства доверия». «Утро России» демонстративно отказывалось верить в то, что «умеренные общественные круги» склонны принять этот «дар данайцев»⁵⁷. По данным полиции, на совещании «было решено установить связи между всеми общественными организациями и создать в стране «коалиционные комитеты» в поддержку требования «ответственного министерства», а также направить в Царское село делегацию представителей общественности «наподобие такой же депутации 1905 г.», а кн. Львову, «как лицу, стоящему вне подозрений на его политическом направлении, <...> представить о необходимости реорганизации правительства на новых началах». В случае неуспеха делегации Рябушинским было предложено полностью отказаться от деятельности по снабжению армии, что должно было вынудить правительство пойти на уступки. Однако кадеты выступили против этой затеи. Кокошкин отмечал: «С такими силами нельзя решаться на такие действия». Маклаков, по словам Кокошкина, «сделал попытку повернуть собрание на др[угой] путь». Он предупреждал: «Обществен[ное] мин[истерство] крайне опасно. Люди, взявшие минист[ерский] пост, погибнут и дадут сигнал к выступлению улицы помимо легальных органов. Нужно оставить все как есть, поставить Кривошеина премьером, и обществен[ные] деятели могут быть там, как свед[ущие] люди». По свидетельству Кокошкина, «собрание было раздражено этой речью Маклакова». Как заметил полицейский агент, влияние кадетов на общественное движение оказалось «далеко не бесспорно». Совещание не смогло придти к единому решению, и кандидатуры министров на нем не обсуждались⁵⁸.

---

⁵⁷ Там же. 18 августа 1915 г.

⁵⁸ Протоколы ЦК... Т. 3. С. 152–153; ГА РФ. Ф. 63. МОО. Оп. 46. 1915. Д. 79. Л. 333.

После этого прогрессисты продолжили наступление. Биржевой комитет и Московский военно-промышленный комитет, возглавляемые Рябушинским, приступили к созданию «Центрального коалиционного комитета»⁵⁹. Однако дальнейшего развития инициатива, не нашедшая поддержки кадетов, не получила. 18 августа – в день открытия Особых совещаний – состоялось заседание московской городской думы. В ее адрес была послана телеграмма министра внутренних дел с требованием не обсуждать политических вопросов⁶⁰, однако она была проигнорирована. Под влиянием кадетов «все единодушно констатировали удручающую картину хода общественных работ по снабжению армии; приводились факты, рисующие инертность и крайне медленный ход работ <...> и препятствия, которые чинятся ведомствами...». Дума выступила в поддержку кадетского лозунга «министерства доверия» и отказалась от идеи формирования «коалиционных комитетов». Кроме того, она поручила своему председателю направить Всеподданнейшую телеграмму о доверии верховному главнокомандующему, тем самым, выступая против решения о его смещении⁶¹. Кокошкин констатировал: «Очень большого подъема настроений незаметно, но страх перед нашеств[ием] и перед революцией был заметен. Среди торг[овых] слоев участие принимали очень правые и дикие элементы...»⁶². «Сейчас промышленники действуют под влиянием страха», – заочно соглашался С.П. Мельгунов⁶³. Однако очевидным было то, что, несмотря на внутренние разногласия, общественная активность явно вышла из-под контроля.

В письме Кривошеину, написанном 9–10 августа, Струве резко критиковал Думу и предлагал «простой и ясный, и притом – единственный»

---

⁵⁹ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 35; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 245. 1915. Д. 343-зс. т. 2. Л. 181–183.

⁶⁰ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 77.

⁶¹ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 35; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 245. 1915. Д. 343-зс. т. 2. Л. 181–183.

⁶² Протоколы ЦК... Т. 3. С. 152.

⁶³ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Вып. 1. Ч. 1–2. Париж, 1964. С. 198.

выход. Правительство должно было путем переговоров организовать большинство Думы (от националистов-прогрессистов до кадетов) и Государственного совета «на основе лояльного компромисса» и договориться с прессой. Струве писал: «Задача такой <...> концентрации власти и общественного мнения (с Госуд[арственной] думой во главе) есть повелительная необходимость исторического момента. <...> Эту задачу <...> должны взять на себя Вы. <...> Сдвиг налево <...> должен быть произведен правыми руками. Это может спасти Россию от больших смут во время войны и после войны. <...> На следующей неделе может быть уже поздно»⁶⁴. Предложения публициста соответствовали взглядам самого адресата. Кривошеин предполагал создать объединенный кабинет (с правом председателя присутствовать на докладах министров), провести частичную амнистию, уравнивание в правах национальностей, ввести волостное земство, наделить землей семьи военнослужащих⁶⁵. По воспоминаниям В.И. Гурко, главноуправляющий уже имел «принципиальное согласие государя» на формирование собственного кабинета⁶⁶.

Кривошеиным было составлено три варианта коалиционного кабинета (скорее всего, создание проекта относится к первой половине – середине мая 1915 г.)⁶⁷. Премьером должен был стать он сам (с сохранением поста главноуправляющего земледелием) или П.А. Харитонов (в этом случае Кривошеин становился министром внутренних дел; в случае занятия

---

⁶⁴ А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы I мировой войны... С. 53–56.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 245. Л. 66, 80–80об.; РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 45. Л. 11об.

⁶⁶ Совет министров Российской империи... С. 484. В.И. Гурко – А.Н. Яхонтову, 1 декабря 1925 г. Гурко говорит о второй половине августа, что можно поставить под сомнение; речь может идти о более раннем сроке – накануне созыва Думы.

⁶⁷ Масштабное привлечение представителей общественности в состав Совета министров (до трех пятых состава), предусмотренное в проекте, позволяет предположить, что он был составлен после начала Великого отступления. Однако в проекте предусматривалось создание ряда комитетов (военных заготовок, по продовольствию страны и армии, по снабжению топливом, по делам Польши), что говорит о появлении проекта до создания майского совещания и законопроекта об Особых совещаниях. В документе также не было предусмотрено создание комитета по транспорту. Кроме того, проект был составлен до назначения министрами кн. Щербатова (6 июня) и Поливанова (13 июня), поскольку основными кандидатами на эти посты в документе предполагались Джунковский и Янушкевич. Литвинов-Фалинский в качестве возможного кандидата на пост министра торговли и промышленности даже не упоминается (вероятно, после его удаления 16 марта с поста управляющего отделом промышленности МТП). Поэтому можно предположить, что его составление было связано с периодом, когда проблемы снабжения фронта уже были обозначены, но не осознаны в полном масштабе, то есть в первой половине – середине мая 1915 г.

премьерского поста Кривошеиным Харитонов становился министром юстиции). Сохраняли свои посты Сазонов, Барк, Григорович, Игнатъев, Самарин. Кандидатом в министры внутренних дел предполагался В.Ф. Джунковский, в военные министры – начальник штаба великого князя Николая Николаевича ген. Н.Н. Янушкевич (таким образом предполагалось упрочить связи со Ставкой⁶⁸). Раздувая премьерские амбиции Поливанова, Кривошеин тем самым стремился его скомпрометировать. По словам А.И. Спиридовича, «Кривошеин кадит Поливанову, а сам думает, как бы того обойти и прийти на финиш первым»⁶⁹.

Также предполагалось ввести в Совет министров ряд общественных деятелей: на пост министра торговли и промышленности – Н.И. Гучкова или С.И. Четверикова, на пост государственного контролера – прогрессиста В.А. Ржевского; в качестве министров без портфеля – товарища председателя Думы кн. В.М. Волконского (председателем Комитета военных заготовок), кн. Г.Е. Львова (председателем Комитета по продовольствию страны и армии), М.В. Челнокова (председателем Комитета по топливу), члена Государственного совета И.А. Шебеко (председателем Комитета по делам Польши), прогрессиста Н.Н. Львова и торгово-промышленника Н.С. Авдакова⁷⁰. Струве предлагал Кривошеину, наряду с кн. Львовым, и А.И. Гучкова: «По отношению к господствующим в русском обществе настроениям эти люди – консерваторы. До сих пор правительственная политика систематически отбрасывала их налево. Необходимо поставить их на настоящее место и использовать ту духовную силу, которая в них сконцентрирована, для государственных целей»⁷¹. Но Кривошеин не считал возможным вхождение в состав правительства Гучкова, будучи прекрасно осведомлен о личной неприязни императора к нему и сам питая не меньшую

---

⁶⁸ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 245. Л. 66–66об.

⁶⁹ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 2 т. Нью-Йорк, 1920. Т. 1. С. 186.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 245. Л. 66–66об.

⁷¹ А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы I мировой войны... С. 50–51.

неприятель. Из кадетов рассматривалась лишь кандидатура В.А. Маклакова. Это, конечно, не исключало возможности сговориться с фракцией.

Однако, неожиданно для Кривошеина, начались трения в самом Совете министров. По оценке гр. Игнатьева, после перемен в составе Совета министров в него «вошли элементы *правого крыла* [выделено мною – Ф.Г.], но общественно настроенные», и «постепенно большинство членов совета, почти единогласно, перешли на нашу сторону». Лидером группы оставался Кривошеин. Игнатьев так оценивал его настроения: «Кривошеин был бюрократ по крови, он воспринял общественность не по нутру, а по умственному убеждению. Поэтому, когда он в обстановке иной бывал, его сбивали». Однако уже сменивший Сухомлинова новый военный министр А.А. Поливанов был «более или менее верующий в это нутром». Кроме того, и Барк «присоединялся обыкновенно к нам»⁷². Однако в это время произошел быстрый разлад между Горемыкиным и Кривошеиным. Как сообщал гр. Игнатьев, он начался в июне 1915 г. Группа из 5 министров (Кривошеин, Поливанов, Харитонов, Барк, гр. Игнатьев) собралась на квартире Кривошеина. Был поставлен вопрос об отставке Горемыкина. Гр. Игнатьев отмечал, что разногласия с премьером произошли по не вполне понятным причинам. Вместе с тем, он сообщал, что Горемыкину вменялся в вину не какой-либо курс, а его отсутствие: «Пускай какая угодно будет программа, но ясная и определенная как для нас, его коллег, так и для страны и законодательных палат, пускай будет ясен путь, которым нужно идти, чтобы выбраться из этого тяжелого положения, а плыть без руля и без ветрил мы не можем». Кроме того, что премьер не имел программы, он, по мнению гр. Игнатьева, еще и не шел на тесный контакт с общественными организациями и с Думой. (Правда, сам Горемыкин, как тут же отмечается, на заседании Совета министров в Ставке в сентябре 1915 г. отсутствие этого контакта отрицал.)⁷³ Сазонов и Барк также полагали, что конфликт с премьером

---

⁷² Падение царского режима... Т. 6. С. 9, 14.

⁷³ Там же. С. 8, 10–13. Шаховской подтверждает хронологию Игнатьева (Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 57).

произошел именно из-за неумения его наладить взаимоотношения с Думой⁷⁴. Поливанов также свидетельствовал, что отношения министров с Горемыкиным начали обостряться «невидимо». Он, как сообщал министр, «легко склонился на перемену Щегловитова и Саблера» и «эволюционировал в смысле движения навстречу общественности», однако уже «в августе в нем замечалось начало реакционное»⁷⁵. Нельзя не признать, что указание на эту причину как главную после полуторагодичной совместной работы Горемыкина с рядом названных министров выглядит несколько несуразно.

Некоторые другие версии кажутся надуманными по той же причине. Например, новый министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов вспоминал, что Совет министров был завален делами, а «ничего планомерного не было». Причина же заключалась в том, что Горемыкин был уже не способен работать, и «работать с председателем совета никакие министры [были] не в состоянии, независимо даже от взглядов»⁷⁶. Коллеги Щербатова считали, что сам он «совершенно растерялся» на своем посту и «в Совете министров он представлял патетическую фигуру». Привозил на заседание депеши губернаторов и спрашивал указаний министров. «Собственно говоря, у нас не было министра внутренних дел»⁷⁷. Директор Департамента полиции МВД С.П. Белецкий, не отличавшийся особой честностью, изображает конфликт Горемыкина и Кривошеина как личный: премьер опасался «заместительства Кривошеина» и потому уже в августе 1915 г. использовал в борьбе с ним подписанное главноуправляющим обращение к императору с пожеланием «о даровании стране прочных конституционных гарантий»⁷⁸.

Иная точка зрения была выражена Шаховским. Касаясь взаимоотношений Кривошеина и Горемыкина, Шаховской писал, Кривошеин

---

⁷⁴ Сазонов С.Д. Ук. соч. С. 342; Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 173. С. 102.

⁷⁵ Падение царского режима... Т. 7. С. 68.

⁷⁶ Там же. С. 217.

⁷⁷ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 173. С. 96. По мнению последнего начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева, Щербатов в делах министерства совершенно не разбирался, кроме того, принимал лишь доклады своего товарища Р.Г. Моллова, который был «в вопросах внутренней политики настолько же малокомпетентен» (Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 95–96).

⁷⁸ Падение царского режима... Т. 4. С. 200.

«не обладал достаточной устойчивостью во взглядах». «Были случаи, когда Кривошеин в заседании Совета министров горячо и настойчиво проводил свою точку зрения, а на следующем заседании, побывав в промежутке в Морозовском особняке, от своего мнения отказывался и занимал противоположную позицию», – вспоминал князь Всеволод Николаевич⁷⁹. Сходные причины указывал А.Н. Яхонтов. Он считал, что к конфликту между Горемыкиным и Кривошеиным привели «выступление объединенной общественности» и появление в Совете министров Поливанова. «При виде столь быстрого перелома <...> невольно закрадывалось подозрение, что А.А. Поливанов сумел «окрутить» А.В. Кривошеина, глубоко потрясенного и угнетенного невыразимыми бедствиями». Отправленный в отставку в 1912 г. из-за конфликта со своим непосредственным начальником Сухомлиновым бывший помощник военного министра «Поливанов за годы своего отчуждения от власти настолько поддался чувству обиды и озлобился (если только это не было свойством его натуры), что он уже не мог примириться с тем строем, в котором ему не посчастливилось в свое время завоевать первенствующее положение». «Под его тлетворным влиянием, – писал далее Яхонтов, – стал проникать в Совет министров дух политических происков, интриг и протеста». Поливанов резко критиковал действия Ставки в период главнокомандования великого князя Николая Николаевича, но после принятия командования императором резко поменял свою точку зрения и «сосредоточил свои усилия на объединении Совета министров против царского намерения не столько с военной, сколько с политической точки зрения. Когда же на этой почве обнаружился в Совете министров разлад, Поливанов всячески способствовал его обострению и углублению, перенося вопрос на принципиальную почву и ведя ожесточенную кампанию против И.Л. Горемыкина. Игра его была настолько умело комбинирована, что одно время он находился накануне назначения на пост председателя Совета

---

⁷⁹ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 57.

министров»⁸⁰. В августе 1915 г., по ходу развития внутреннего кризиса в Совете министров, Яхонтов фиксировал свои догадки: «Не понимаю, чего добивается Поливанов. Он всех науськивает и против Великого князя [Николая Николаевича – Ф.Г.], и против принятия командования Государем, и против Ивана Логгиновича [Горемыкина – Ф.Г.]. Уж не своего ли друга любезного г. Гучкова он ладит в спасители отечества»⁸¹.

Кн. Шаховской, по собственным воспоминаниям, сперва положительно отнесся к смене Сухомлинова на «умного и образованного» Поливанова; тот имел хорошие отношения со Ставкой и потому был лучше своего предшественника информирован о состоянии фронта и мог ставить в известность остальных министров. Однако затем Шаховской заметил авантюристические наклонности Поливанова и его стремление «культивировать отношения с тою общественностью, которая не может быть иначе названа, как революционная общественность». «Казалось, что он был удовлетворен» поражениями русской армии. Изменение мнений Поливанова по различным вопросам экономической политики, по мнению Шаховского, было определено его заигрыванием с оппозицией. В октябре 1915 г. Поливанов поддержал в Совете министров, но затем провалил в Особом совещании по обороне проект Шаховского об организации черной металлургии. Кроме того, Военное министерство лоббировало интересы частной промышленности и ущемляло казенную, защитником которой выступал Шаховской. В частности, министр торговли и промышленности только при поддержке верховной власти смог провести в Совете министров решение о поддержке казенного Пермского артиллерийского завода (Поливанов добивался строительства там же параллельного частного)⁸².

---

⁸⁰ Яхонтов А.Н. Первый год войны... // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 319–320, 323–324.

⁸¹ *Его же*, Тяжелые дни... С. 69.

⁸² Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 151–157.

Вопрос о верховном командовании, который Совет министров обсуждал в начале августа 1915 г., оказался одной из причин его кризиса. Министры не чувствовали поддержки ни общества, ни верховной власти. Горемыкин, сам считавший принятие верховного командования ошибочным, но выступивший против обращения министров к императору, поскольку решение им уже было принято, заметил И.Н. Ладыженскому: «Какая в Совете министров кислятина». 12 августа Горемыкин вынужден был прервать речь недавно назначенного обер-прокурором Св. Синода московского предводителя дворянства А.Д. Самарина, затронувшего явно выходящий за рамки Совета министров вопрос о «влияниях» на императора в вопросе о верховном командовании. 16 августа Поливанов написал письмо царю о необходимости «безотлагательно приблизить генерала Алексеева к Верховному Главнокомандующему», назначить командующим Северо-Западным фронтом Н.В. Рузского, Западным – А.Э. Эверта⁸³. В этот день Яхонтов записал в своем журнале: «Опять нервничают. Поливанов во время беседы больше молчит с видом оппозиционным. У Самарина вид грустный, встревоженный. Игнатьев все время почему-то воздерживается от участия в общем обмене мнений». 18 августа Яхонтов уже фиксировал неспособность правительства к ведению собственных дел: «Нервность сильная. Перебегают от одного вопроса к другому, обрывая суждения и не сговариваясь о постановлении. <...> Если судить о положении дел по разговорам в Совете, то <...> скоро придется повисеть на фонаре»⁸⁴.

Далее события развивались стремительно. 19 августа, после постановки вопроса об эвакуации Петрограда и при обсуждении резолюции московской городской думы о «министерстве доверия» и с демонстративным приветствием великому князю, Совет министров переключился на обсуждение политической обстановки. «Прения носили исключительно горячий, даже резкий характер. <...> Не прения, а перекрестный спор», –

---

⁸³ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 9. Л. 303.

⁸⁴ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 59, 71, 77.

зафиксировал Яхонтов. Горемыкин предложил не реагировать на резолюцию. Поливанов призвал доложить о ней верховной власти с предложением от Совета министров отложить уже принятое решение о перемене верховного командования. Сазонов, Самарин, Харитонов, Кривошеин поддержали идею соглашения с городской думой путем удовлетворения ее требований в этом вопросе. Горемыкин отметил, что такой шаг мог только усугубить обстановку. Затем Кривошеин, поддержанный Шаховским, Поливановым, Сазоновым и Самариным, впервые поставил вопрос о доверии к правительству. После заседания Горемыкин заявил управляющему делами Совета министров И.Н. Ладыженскому: «Государь император остается правым, а в Совете министров происходит быстрый сдвиг влево, вниз по течению». Позиция Горемыкина в обострявшемся конфликте объяснялась именно этим фактом. Вместе с тем, в правительстве на тот момент не было противоречий в вопросе об отношении к Государственной думе: ее, по общему мнению министров, пора было распускать⁸⁵.

20 августа на заседании под председательством императора министры выразили свое мнение по поводу общей политической ситуации и просили его не принимать верховное командование и отставить Горемыкина⁸⁶. Кривошеин и Сазонов ясно намекали на конфликт министров с премьером по этому вопросу⁸⁷. На следующий день в Совете шло обсуждение проекта текста ответа императора на телеграмму московского городского головы, содержащую текст означенной резолюции. Горемыкин, поддержанный министром юстиции А.А. Хвостовым, предложил ограничиться одним выражением монаршей благодарности и не отвечать по существу, но Сазонов, Щербатов, Игнатьев, Поливанов, Григорович, Самарин, Барк считали необходимым именно последнее. Сазонов предложил обратиться к верховной власти с соображением, «что при слагающейся обстановке мы не можем управлять страной, что мы бессильны служить по совести, что мы

---

⁸⁵ Там же. С. 82–87, 89.

⁸⁶ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 173. С. 102.

⁸⁷ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 125.

вредны нашей родине». Горемыкин парировал: «Т.е., говоря просто, Вы хотите предъявить своему Царю ультиматум». Резкий обмен репликами привел к личному конфликту между Горемыкиным и Сазоновым⁸⁸. «Предвзятость и, надо сказать, заносчивость С.Д. Сазонова в спорах проявлялись особенно резко при обсуждении вопросов внутреннего порядка и в принципиальных разномыслиях», – писал Яхонтов⁸⁹. Лопухин писал, что министр был упрям, но непоследователен, без предвидения и трезвой оценки, после смерти Столыпина «Сазонов был на посту министра иностранных дел досадным недоразумением, оставленным по недосмотру». Лопухин признавал: «Поверхностность образования, прирожденная леность и легкомыслие, при отсутствии опыта ответственного управления не окупались у Сазонова его честностью и не выше среднего умом»⁹⁰. Как отмечал Барк, Сазонов, до того лично не переносивший Маклакова, после его отставки перенес это чувство на Горемыкина⁹¹.

Горемыкин считал перемену уже принятого решения о верховном командовании более опасной, чем само решение. Несмотря на оказанное давление, председатель Совета министров отверг идею коллективного обращения как превышающей правительственную компетенцию, но отметил, не может препятствовать частным обращениям министров. Кроме того, Горемыкин просил Сазонова лично доложить императору о «непригодности и о необходимости замены» председателя Совета министров. Разговор перешел на обсуждение характера обращения московской городской думы. Горемыкин полагал его следствием политической активности оппозиции. Хвостов поддержал председателя, считая уступки неразумными. Остальные министры настаивали на патриотическом характере резолюции. Сергей Дмитриевич подвел итог: «Мы радикально

---

⁸⁸ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 89–99.

⁸⁹ *Его же*, Первый год войны... // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 327.

⁹⁰ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 204.

⁹¹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 173. С. 327–328.

расходимся в оценке современного положения и средств борьбы с надвигающейся грозой». Затем Сазонов и кн. Щербатов также указали на необходимость поставить перед верховной властью вопрос об определенном внутривластном курсе – «либо диктатура, либо примирительная политика». Заключительная фаза полемики приобрела характер философский. Самарин заявил в ответ Горемыкину: «Я тоже люблю своего Царя, глубоко предан Монархии... Но если Царь идет во вред России, я не могу за ним покорно следовать». Харитонов добавил: «Мы служим не только Царю, но и России». Горемыкин произнес: «В моем представлении эти понятия неразделимы. Здесь корень нашего разномыслия». Харитонов, Сазонов и Самарин согласились с этим утверждением. В результате был составлен проект ответной телеграммы городской думе, в которой говорилось о необходимости единения верховной власти, правительства и народа перед лицом внешнего врага. Текст был ближе к предложениям председателя⁹².

На докладе Шаховского в тот же день император сказал ему, что Кривошеин предложил назначить премьером Поливанова. Министр торговли и промышленности отметил, что Поливанов очень занят на своем посту, а кроме того, является «столь неверным человеком» и дружит с Гучковым. Император согласился. Тем же вечером, накануне открытия Особых совещаний, министры написали царю коллективное письмо с повторным опасением по поводу принятия Николаем II верховного командования (за день до того оно уже было высказано ими на заседании правительства под Высочайшим председательствованием), а также сформулировали «коренное разномыслие» в вопросе внутривластного курса между ними и их председателем. Министры просили об отставке. Письмо писалось дома у Сазонова, присутствовали все министры, кроме Хвостова и Рухлова (Рухлов по болезни находился в это время на Кавказе). Поливанов и Григорович также были (не назвавший их Сазонов, по словам Шаховского, в своих

---

⁹² Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 89–99.

воспоминаниях ошибся), но по должности не подписали. Изначально было составлено два проекта – от Кривошеина и Самарина. Выбрали второй, про свой Кривошеин сказал: «мой слишком «бюрократический»». Шаховской предлагал дополнение: не удалять великого князя из Ставки, найти ему какое-нибудь место. Кривошеин сообщил о письме Горемыкину, он встретил внешне спокойно, но потом сразу выехал в Ставку⁹³. Тем самым, Николай II получил второй за три месяца ультиматум от своего правительства. Как позднее оценивал Шаховской, письмо было совершенно несвоевременным⁹⁴.

Государственный совет демонстрировал свою самостоятельность. Назначенный 15 июля его председателем А.Н. Куломзин, в отличие от Акимова, «проявлял в обращении с людьми большую сдержанность и мягкость, а в исповедывании своих монархических принципов – явную тенденцию к упрочению в стране конституционализма». Однако, как полагал Наумов, заседания Куломзин вел плохо, допуская «некоторую беспорядочность, не следя строго за сущностью происходивших прений, принимавших поэтому нередко крайне расплывчатый характер, и не умея с достаточной ясностью формулировать свои заключительные резюме и предложения»⁹⁵. Хотя заседания и проходили «вяло», вся палата демонстрировала «повышенную нервность»⁹⁶. 19 июля после правительственных выступлений речь произнес П.Н. Дурново. По его словам, «все грамотные русские» были виноваты в том, что «по прежнему порядку и по исконной привычке среди громадных ворохов бумаг все время искали и не могли отыскать Россию в войне». Дурново считал необходимым проявить подлинную волю как в отношении бюрократии, так и местного самоуправления: «Надо бросить перья и чернила, молодых чиновников полезно послать на войну, молодых начальников учить приказывать и

---

⁹³ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 125–130; Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 99.

⁹⁴ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 125–131.

⁹⁵ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 298.

⁹⁶ Там же. С. 299.

повиноваться и забыть страх перед разными фетишами, перед которыми мы так часто раскланиваемся. Когда пройдет несколько месяцев такого режима, то всякий встанет на свое место, будут забыты никому не нужные сейчас реформы, и мало по малу пойдут победы, которые приведут Россию к такому положению, когда уже будут возможны и реформы, и всякие другие изменения». В ответ Grimm говорил о торжестве свободы и права, о единении, которые приведут к победе⁹⁷. В день оставления Варшавы председатель Совета провозгласил здравицу в честь польского народа⁹⁸.

В отношении правительства Совет был настроен весьма критически. 11 августа на квартире у Дурново правые и правый центр Государственного совета, а также представители думских правых и националистов Думы выступили за создание правого правительства во главе с Щегловитовым – только оно, по их мнению, могло спасти ситуацию⁹⁹. На заседании финансовой комиссии 3 августа Коковцов имел удовольствие резко напасть на политику Барка и сказал, что страна на грани «экономического краха». На закрытом заседании Государственного совета, состоявшемся на следующий день, Поливанов раскритиковал личный состав собственного ведомства¹⁰⁰. Государственный совет принял законопроект об Особых совещаниях в редакции Думы почти без поправок¹⁰¹. 19 августа Совет избрал своих представителей в 4 совещания, 1 сентября – в ОСоБеж¹⁰². 17 августа по инициативе В.И. Гурко комиссия по выработке законопроекта предложила создать еще одно совещание из членов законодательных палат, входящих в Особые совещания, со своим председателем и делопроизводством. Гурко мотивировал это тем, что только члены палат, в отличие от чиновников и промышленников, не имели своих предварительных совещаний. Гурко отмечал: «Нам говорят: «Это Вы неспроста, у Вас какая-то другая тайная

---

⁹⁷ Государственный совет. СО. XI сессия (июль–сентябрь 1915 г.). Пг., 1915. Стб. 34–36, 49–50.

⁹⁸ Там же. Стб. 66.

⁹⁹ Бородин А.П. Ук. соч. С. 144–145.

¹⁰⁰ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 299.

¹⁰¹ Государственный совет. СО. XI сессия (июль–сентябрь 1915 г.). Пг., 1915. Стб. 121–124, 145–146.

¹⁰² Там же. Стб. 151–152, 244.

мысль»». Однако он заявил, что военные условия уже показали необходимость создания такого учреждения. Тем не менее, Поливанов выступил против, поскольку его создание могло затормозить ход дел. Представитель правого центра В.М. Андреевский отметил, что инициаторы идеи «желают создать какое-то сверхправительство, деятельность которого была бы неясна в обычное время и совершенно недопустима в тревожное, ныне переживаемое время». Центрист гр. Д.А. Олсуфьев признал, что это совещание могло бы быть создано для решения политических вопросов, но отмечал, что «всякий комплот лучше делается в частном совещании <...> где-нибудь у Контана», намекая на начавшиеся в этом ресторане переговоры с думским большинством. Поэтому деятельность этого совещания могла бы носить лишь «моральный характер» и зависела бы от доброй воли правительства. Правый А.С. Стишинский отрицал необходимость создания совещания палат, поскольку Особые совещания не должны были решать стратегических вопросов. 78 голосами против 47 предложение Гурко было провалено¹⁰³.

В августе 1915 г. думское большинство и три группы Государственного совета оказались заинтересованы в создании политического объединения. Переговоры о его целях и задачах начались 6 августа. Гурко предлагал заключить с правительством неформальную договоренность о разделе власти и совместно определить кандидатуру премьера, не создавая никакой программы по причине военных обстоятельств (такое предложение отражало интересы Кривошеина). Однако большинство (Милюков, Шингарев, а также А.С. Ермолов и гр. Д.А. Олсуфьев из группы центра Государственного совета) настаивало на создании программы, главным требованием которой стало утверждение «власти, опирающейся на народное доверие», следовательно учреждение объединенного кабинета «из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы» и

---

¹⁰³ Там же. Стб. 124–145.

«решительное изменение <...> приемов управления, основывающихся на недоверии к общественной самодеятельности». «Решительное изменение» подразумевало «проведение начал законности в управлении», устранение двоевластия военной и гражданской властей, смену состава местной администрации и «сохранение внутреннего мира между национальностями и классами».

Декларативный характер программы, написанной Милюковым, являлся очевидным, отрицательная часть была основной и имела развернутый характер. В ней выдвигались требования политической и религиозной амнистии, отмены национальных и религиозных ограничений, прекращения преследований за партийную принадлежность для рабочих, свободы профсоюзов и печати. Требования были сформулированы кратко (в частности, было исключено конкретное требование возвращения депутатов-большевиков), но являлись достаточно масштабными – особенно для умеренных либералов. Положительные предложения (проведение законодательства, имеющего «тесное отношение» к обороне, снабжению армии, обеспечению раненых и беженцев; уравнивание в правах крестьян, реформа городского самоуправления и земства, введение земства на окраинах, введение мирового суда, законы о земских и городских съездах и союзах, кооперативах и ряд других) также имели значительный характер, но их реализация растягивалась во времени, что было ясно всем участникам соглашения. Это было, по словам кн. С.П. Мансырева, «типичнейшее соглашательство с довольно прозрачными кивками то направо, то налево»¹⁰⁴. Октябрист С.Т. Варун-Секрет прямо признавался члену правой группы Государственного совета А.Н. Наумову, что не верил в программу блока ввиду ее обширности¹⁰⁵.

---

¹⁰⁴ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Историк и современник. Вып. 2–3. Берлин, 1922. С. 13. Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 120–123.

¹⁰⁵ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 346.

Как отметило «Русское слово», блок впервые за всю небольшую историю парламентаризма объединил представителей обеих палат¹⁰⁶. Основное требование блока – «министерство доверия» – позволявшее объединиться столь широкой коалиции, как уже говорилось, было ценно для кадетов тем, что позволяло при изменении обстоятельств легко вернуться к партийному лозунгу – «ответственному министерству»¹⁰⁷. Но и летом 1915 г. кадеты могли праздновать победу. Добившись опубликования программы блока и превратив ее тем самым в декларацию, они окончательно взяли инициативу в Думе в свои руки¹⁰⁸. Как утверждали «Русские ведомости», «время «благожелательных людей» и словесных заявлений о «доверии к обществу» прошло. Пора переменить самую постановку вопроса о «доверии». Речь сейчас должна идти не о «доверии к стране», а о «доверии страны»»¹⁰⁹. Этот кадетский успех отметил Д.Н. Шипов, который поддерживал лозунг «министерства доверия», но считал неправильными методы борьбы за него и писал, что и теперь разошелся бы с большинством общественности. Без желания власти, по его мнению, воплотить в жизнь этот лозунг не представлялось возможным: «Нельзя было ставить воплощение главной и всепоглощающей задачи в зависимость от удачи общественного выступления»¹¹⁰.

После оглашения декларации блока Н.И. Туган-Барановский представил Рухлову записку, в которой указывал, что требование думского блока о «министерстве доверия» есть незауалированная попытка реализации кадетской программы. Вкупе с рабочими забастовками деятельность Думы могла повредить «делу государственной обороны». В связи с этим автор записки предлагал ограничить деятельность Думы военными

---

¹⁰⁶ Парламентский блок // Русское слово, 24 августа 1915 г.

¹⁰⁷ И.П. Балашев прямо обвинял лидеров блока в стремлении заполучить «главную роль в назначении и увольнении министров» (Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915. С. 5).

¹⁰⁸ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 124–126.

¹⁰⁹ Русские ведомости, 15 августа 1915 г.

¹¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 440. Картон 8. Ед. хр. 7. Л. 23об.–26об. 5 сентября 1915 г.

законопроектами, не санкционировать общественных съездов и сосредоточиться на улучшении социального положения народа. «Улучшение экономического положения и воздействие сильной власти» мыслилось как единственный выход из ситуации¹¹¹. «Московские ведомости» говорили об этом публично: «Не пора ли кончиться правительственной Каноссе? Надо помнить аксиому, что в ответ на избыток доверия к обществу неминуемо последует избыток недоверия к правительству. <...> Правительство должно править, а не быть управляемо голосами, несущимися отовсюду с разными советами, указаниями и требованиями. Мы верим в то, что власть сама знает, до какой ступеньки может она пойти в лестнице уступок и там она остановится и скажет: далее ни шагу больше вплоть до времени мира»¹¹². По поводу лозунга «министерства доверия» газета писала: «В сущности, секрет нашего успеха, ведущего к победе, очень простой: пусть каждый на своем месте исполняет свой долг. Только и всего»¹¹³. «Московские ведомости» призывали к роспуску Думы любой ценой, несмотря на угрозу волнений: «Правительство должно было явиться перед Думой с мечом в руках и с латами на груди; поверх этого можно было накинуть власяницу покаяния, но депутаты должны были помнить каждую минуту, что под этой власяницей находится вооружение воина и вождя. <...> Этого не было сделано»¹¹⁴. Кадеты обвинялись в стремлении к власти посредством забастовок, как и в 1905 г.¹¹⁵ Противопоставлялись две России – народная и «интеллигентных верхов, вечно брюзжащая, вечно недовольная, легко впадающая в уныние, давно растерявшая свои национальные исторические идеалы, которые она пробует заменять модными политическими течениями»¹¹⁶. «Русское слово» призывало к «внутреннему миру» и отмечало, что он достижим только в случае сохранения Думы, создания кабинета из депутатов при сохранении

---

¹¹¹ Записки Н.И. Туган-Барановского... // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти: источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 162–165.

¹¹² Пресыщение доверием // Московские ведомости, 28 августа 1915 г.

¹¹³ Доверие к власти // Там же. 26 августа 1915 г.

¹¹⁴ Единственный выход // Там же. 2 сентября 1915 г.

¹¹⁵ Истинная подоплека кадекского патриотизма // Там же. 3 сентября 1915 г.

¹¹⁶ Бельский С. [Савченко С.Ф.] Под желтым флагом // Там же. 12 сентября 1915 г.

Кривошеина в качестве премьеры (Гучков отметался по причине отсутствия у него административного опыта) и реализации программы блока. Указывалось, что часть Совета министров была с этим согласна¹¹⁷.

Вопрос о роспуске Думы обсуждался в Совете министров с 24 августа. Кривошеин опять настаивал на определении дальнейшего курса: «Нельзя дольше держаться серединки. Надо действовать в ту или в другую сторону». Однако Сазонов и Григорович опасались рабочих забастовок в случае скорого прекращения сессии. Министры сразу согласились, что окончательное решение должно быть принято после переговоров с парламентским большинством по только что озвученной программе блока¹¹⁸. Как полагал Шаховской, участники блока не могли реально объединиться из-за разницы своих взглядов (например, на еврейский вопрос). Программа блока, по его мнению, была туманной¹¹⁹. Сазонов сформулировал общую правительственную позицию по программе блока: хотя практически все ее пункты выполнимы, но «о приемлемости всей программы не может быть и речи»¹²⁰. В эти дни министр иностранных дел дал поручение своему сотруднику Г.Н. Михайловскому подготовить законопроект о расширении запросного права законодательных палат (как утверждал Михайловский, Сазонов не имел в виду проведения принципа «ответственного министерства» и изменения Основных законов, но планировал поправки в положения Думы и Государственного совета)¹²¹.

Несмотря на неготовность Совета министров следовать программе блока, внутри правительства расхождений на сей счет не было. Однако выявилась разница в понимании целей блока: Сазонов и Поливанов считали его объединением патриотическим, Горемыкин – направленным на «захват власти». Вместе с тем, Сазонов, а также Шаховской, Щербатов, Харитонов,

---

¹¹⁷ Внутренний мир // Русское слово, 29 августа 1915 г.; На мертвой точке // Там же, 30 августа 1915 г.; Поиски соглашения // Там же.

¹¹⁸ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 101–116.

¹¹⁹ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 113.

¹²⁰ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 119–123.

¹²¹ Михайловский Г.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 137–140.

признавали необходимость роспуска Думы. Горемыкин, считавший программу отчасти приемлемой, полагал переговоры не с парламентом, а «со случайным объединением» членов двух законодательных палат недопустимыми. Премьер считал неприемлемым соглашаться на требования блока как таковые и тем самым «связывать себе руки в военное время». В результате была выработана консолидированная позиция, в соответствии с которой министры должны были неформально переговорить с депутатами для осведомления и успокоения страстей, а затем распустить Думу¹²².

27 августа состоялось совещание представителей блока с П.А. Харитоновым, кн. Н.Б. Щербатовым, А.А. Хвостовым и кн. В.Н. Шаховским. Кривошеин уклонился от встречи с думцами, хотя и был хорошо информирован об их действиях, «если его участие не сказалось более серьезно»¹²³. Встреча сразу заявлялась обеими сторонами как «исключительно информационная». Милюков сразу заявил, что выполнение требований блока находится в прямой зависимости от состава правительства, тем самым, отказав противоположной стороне в доверии. Далее депутаты ограничились декларациями: потребовали громких отставок, смены правительства и устранения из управления двоевластия военной и гражданской властей. Обсуждение конкретных вопросов, несмотря на желание министров, становилось невозможно: это было чревато вскрытием внутренних противоречий среди членов палат, что и проявилось по вопросам политической амнистии и автономии Царства Польского¹²⁴. На последующем заседании Совета министров министр Шаховской даже предложил внести «какой-нибудь законопроект по одному из острых вопросов», чтобы перессорить парламентариев, о чем министр открыто говорил националисту-прогрессисту Демченко. Но уже через год, по воспоминаниям Шаховского,

---

¹²² Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 119–123, 136.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Красный архив. 1932. №1–2 (50–51). С. 145–149.

делать это было поздно, потому что все думцы сильно полевели, «чрезвычайно быстро переделались в кадет, не выходя из своей фракции»¹²⁵.

На заседании блока 29 августа умеренные думцы уже занимали вполне кадетскую позицию: они считали «министерство доверия» будущим «ответственным министерством» и признавали, что переговоры с правительством зашли в тупик. Вместе с тем блок так и не смог определить общественных кандидатов на министерские посты¹²⁶. Кадетам – основной силе блока – это было не важно: вполне достаточно было желания октябристских фракций, а также Родзянко идти у них на поводу¹²⁷. Милюков добился своего: министры также поняли, что блок «не то орудие, которое они хотят создать»¹²⁸. Совет министров пришел к выводу, что палаты необходимо было распускать, но при сохранении максимальной благожелательности к их большинству. Сама Дума после оглашения декларации была бессильна что-либо предпринять, поэтому, как заключил кн. Щербатов, можно было «надеяться, что роспуск пройдет более гладко». Только накануне роспуска Думы, узнав, что он, по решению верховной власти, произойдет без каких-либо умиротворяющих правительственных деклараций, Сазонов и Поливанов выступили против роспуска. Однако Горемыкин проигнорировал их мнение. Не отозвался он и на призыв Кривошеина поставить перед монархом вопрос об общественном доверии правительству и изменении его состава¹²⁹.

Роспуск Думы 3 сентября прошел относительно спокойно. Депутаты разошлись с чувством разочарования, но к политической борьбе готовы не были. После роспуска Челноков в интервью «Русскому слову» назвал правительство безнадежным, он считал необходимым полный роспуск Думы

---

¹²⁵ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 113–115.

¹²⁶ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 126–127.

¹²⁷ Один из таких октябристов С.Т. Варун-Секрет был уверен, что вопрос об ответственном министерстве после войны встанет «во всей своей силе», и открыто поддерживал подобную политическую реформу (Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 346). Министр кн. В.Н. Шаховской в то же время спрашивал одного из виднейших кадетов, почему Дума терпит Родзянко – «столь самодовольного и бестактного человека», на что его собеседник ответил, что во главе Думы не мог встать член их фракции, а Родзянко, в свою очередь, уже был полностью ей послушен (Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 115).

¹²⁸ Падение царского режима... Т. 6. С. 316.

¹²⁹ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 105–116, 119–124, 136.

и проведение новых выборов: «А теперь дело остановилось на каком-то промежуточном шаге – они ведь все-таки с этой самой Думой столкнутся. А отношения кардинально испорчены»¹³⁰. Челноков оказался прав: в правительстве не было лиц, готовых оказывать более существенное давление на Думу. О том же говорили и «Московские ведомости», провожая в последний путь скончавшегося в те дни П.Н. Дурново: «Таких людей, как он, было немного: у нас много деятелей благожелательных, блестящих, талантливых, но характеров у нас, к сожалению, очень немного, и в этом наша главная беда. <...> Эта смерть нежданная, негаданная, пришлось удивительно кстати для его врагов. Злой рок России с большой предупредительностью сыграл им в руку»¹³¹.

Таким образом, в августе 1915 г. правительство впервые со времен Первой русской революции продемонстрировало, хоть и ненадолго, кардинальную потерю ведущей роли в развитии политических событий. Конфликт в правительстве был вызван как внешними (военные поражения, активизация общественности), так и внутренними (появление новых фигур в составе Совета министров) факторами. Все новые министры, кроме А.А. Хвостова, были представителями общественности (Самарин, Щербатов) или лицами, тесно с ней связанными (Поливанов). Именно различия в личном опыте, а также персональные амбиции и провоцировали остро политический характер конфликта. Главным его инициатором выступил Поливанов, остальные министры из среды общественности, а также связанный с дипломатическими кругами Сазонов оказались слишком падкими на политические эмоции. Прочие члены Совета министров, за исключением Горемыкина и выдвинутого им А.А. Хвостова, в той или иной степени рассчитывали на «примирение с общественностью» перед лицом кризиса. Следует отметить, что это примирение в данном случае рассматривалось как

---

¹³⁰ М.В. Челноков о моменте // Русское слово, 5 сентября 1915 г.

¹³¹ Павел Николаевич Дурново // Московские ведомости, 12 сентября 1915 г.

тактический шаг. По мере преодоления остроты общего кризиса сглаживался и кризис внутриправительственный.

Между тем кадетам, благодаря их новой тактике, удалось завоевать доверие дезориентированных еще накануне войны октябристских фракций и перехватить инициативу в создании парламентского блока у прогрессистов. В созданном в августе 1915 г. Прогрессивном блоке именно кадетам принадлежала доминирующая роль. Захватив инициативу, они получили возможность расстроить малообеспеченную парламентскую интригу Кривошеина и подчинить думское большинство своим партийным целям. Решить подобную задачу кадетам удалось еще и потому, что законодательная программа блока по большей части была фикцией, основной лозунг – «министерство доверия» – совершенно не определен и, как показали переговоры блока с министрами, в реальности не выполним. «Новый курс» остался в прошлом. Могло ли правительство сформулировать «более новый»?

6.2. Правительство и общественность в условиях «холодного мира»: борьба за политическую инициативу

На уровне Престола основным признаком кризиса считалось письмо министров с коллективной отставкой. 16 сентября 1915 г. в Ставке император сказал вызванным туда министрам: «Полезно было бы вам, господа министры, побыть некоторое время здесь на фронте и освежить ваши мозги!»¹³². «Пошли по неверной линии», – отметил он в частном разговоре с гр. С.Д. Шереметевым¹³³. Сперва было решено даже демонстративно не приглашать министров к обеду, но потом Николай II смягчился¹³⁴. Ответ царя привел министров в настроение «совершенно угнетенное»: «Это был

¹³² Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 306.

¹³³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5060. Л. 170. Дневник гр. С.Д. Шереметева, 29 декабря 1915 г.

¹³⁴ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 125–130; Яхонтов А.Н. Тяжелые дни... С. 125–131.

фатальный поворот в истории России. <...> Даже до введения в России конституционного образа правления русские монархи, хотя и были самодержцами, чрезвычайно редко проявляли самодержавную волю в важных вопросах государственного управления. Собственно говоря, Россия управлялась бюрократической машиной и монархи обычно руководились в своих решениях докладами, которые разрабатывались отдельными министрами и представлялись на утверждение верховной власти. В это же время, при существовании парламента, выбранного нацией, когда стране угрожали тысячи опасностей, решение, принимаемое лично императором, могло иметь гибельные последствия». В Ставке Николай II, как считали министры, был счастлив и совершенно отошел от дел¹³⁵.

Именно в это время молодая императрица впервые начинает играть активную самостоятельную роль в политической жизни, принимает ведомственные доклады. Министры, вопреки расхожим утверждениям, обычно достаточно высоко оценивали ее деловые качества. Наумов вспоминал: «Насколько Его Величество проявлял к своему докладчику-министру снисходительно-деликатное отношение, никогда почти не прерывая его изложения и во всем с ним обычно соглашаясь, настолько Государыня, имея перед собой листок, исписанный заранее намеченными вопросами, производила докладчику своего рода строгий экзамен. Не довольствуясь ответами, она часто переспрашивала, заставляла уточнять докладываемые данные, нередко вступала в спор, доказывая правоту высказываемых ею взглядов и намерений. В общем Ее Величество проявляла удивительную деловую заинтересованность, такую же настойчивость в достижении намеченных ею целей и несомненную властность»¹³⁶. С Шаховским Александра Федоровна подробно обсуждала продовольственный вопрос и потом писала об этом отчет императору. Она, по свидетельству Шаховского, также заявила о необходимости правительственной пропаганды,

---

¹³⁵ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 173. С. 103, 108.

¹³⁶ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 534.

высказав «смелую и чисто государственную точку зрения»¹³⁷. В.Б. Лопухин вспоминал речь императрицы на заседании Верховного совета Красного креста в присутствии тогдашнего премьера Штюрмера и Родзянко: она резюмировала прения – «и как деловито, ясно, толково. Я ушам своим не верил! Вот так душевнобольная!»¹³⁸ Влияние на Александру Федоровну со стороны Распутина министрами признавалось, но на формирование политического курса – нет¹³⁹.

Распорядительность и активность императрицы все же не были признаком государственной осмотрительности. Позднее (в конце ноября 1916 г.) по вопросу об объединении ведомства государственного призрения Александра Федоровна вызвала к себе Крыжановского. На аудиенции он отметил, что вопрос был труден и требовал обращения к палатам. В ответ императрица усомнилась в необходимости самого существования Думы. На это Крыжановский прочел Александре Федоровне целую лекцию. Он говорил, что «общественные страсти до известной степени канализированы в Думе, как в сточной трубе», но с Думой надо уметь работать, чего после Столыпина никто не делал, и она «брошена на произвол судьбы и все связи с ней утеряны». С началом войны, считал Крыжановский, ситуация усугубилась, поэтому нужно было либо, как в Австро-Венгрии, посадить всех «опаснейших главарей под замок», либо установить с Думой контакт. «Создавшееся же положение самое невыгодное, так как ведет только к

---

¹³⁷ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 84–88.

¹³⁸ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 286.

¹³⁹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 179. С. 107; Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 115–119. Судя по личной переписке императора и императрицы (Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3–5. М. – Пг. (Л.), 1923, 1926–1927) Александра Федоровна в июне 1915 – ноябре 1916 гг. в своих письмах настаивала на отставке 12 членов Совета министров (Поливанова, Щегловитова, Щербатова, Самарина, Сазонова, Кривошеина, Рухлова, Волжина, Горемыкина, Макарова как министра юстиции, А.А. Хвостова как министра внутренних дел, Штюрмера, Шуваева), однако с учетом контекста событий нет оснований считать, что когда-либо ее голос становился решающим. В то же время в августе 1915 – декабре 1916 гг. императрица выступала за назначение 17 кандидатов на различные правительственные посты, 8 из которых были назначены (А.Н. Хвостов, А.Н. Наумов, Б.В. Штюрмер, Н.П. Раев, Г.Е. Рейн, А.Д. Протопопов, Н.А. Добровольский, М.А. Беляев). Во всех случаях назначений Александра Федоровна выступала за кандидатуры, уже инициированные самим императором, премьерами или неформальными лидерами Совета министров; исключением стала лишь кандидатура Протопопова. Всего за это время состоялось 28 назначений. Переписка прерывалась в периоды пребывания Николая II вместе с семьей (июнь-август, октябрь, ноябрь-декабрь 1915, февраль 1916, декабрь 1916 – февраль 1917 гг.), однако позиция императрицы по отношению к кадровым перестановкам этого времени вполне поддается реконструкции.

усилению взаимного раздражения и ослабляет власть в общественном сознании». Крыжановскому показалось, что императрица мало что поняла в его речи. Она, по словам государственного секретаря, была «одаренной несомненно высокой душой, но такой неопытной – легкой добычей для всякого, кто сумеет завладеть Ее доверием»¹⁴⁰.

С июня в письмах мужу Александра Федоровна активно комментировала ситуацию и критиковала действия министров в том же ключе, что и Горемыкин¹⁴¹, с которым она часто встречалась. Еще 8 сентября 1915 г. императрица писала письмо Горемыкину по вопросу о необходимости отставки Самарина (она считала, что это было необходимо сделать особенно после учиненного им «допроса» епископа Варнавы), просила составить для императора список кандидатов на должность обер-прокурора и спрашивала, не подошел бы на это место А.А. Хвостов. «Я много о Вас думаю, милый Иван Логинович [так в тексте – *Ф.Г.*], знаю, как Вам тяжело из-за Вашей преданности и любви к нам. Да вознаградит Вас Господь Бог за это, и да даст Он Вам силы и здоровья все перенести», – писала императрица¹⁴². 24 сентября Самарину был оказан милостивый прием по вопросу об удалении на покой епископа Варнавы (Накропина), а вечером уже пришел пакет с отставкой. Самарин пришел к Наумову и сказал: «Поздравьте меня со свободой!»; он был уверен, что любой его преемник будет распутинцем, однако назначение получил бывший холмский губернатор А.Н. Волжин, который таковым не являлся. Однако он вынужден был признать: «Трудно быть обер-прокурором после Самарина, который действовал чересчур прямолинейно – *est modus in rebus!* [Всему есть мера (лат.)]»¹⁴³. 26 сентября получил отставку кн. Щербатов (через 4 дня после отставки был переизбран в Государственный совет от полтавского земства). А.А. Поливанов и А.А. Хвостов в сентябре, наоборот, были утверждены министрами.

---

¹⁴⁰ Крыжановский С.Е. Воспоминания... С. 164–175, 183–186, 188.

¹⁴¹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 199–248.

¹⁴² РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1900. Лл. 3–4об.

¹⁴³ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 306–307.

Остальные министры должны были остаться на своих местах. Это не вполне соответствовало их собственным желаниям. 3 сентября Игнатъев впервые докладывал императрице. Она просила его быть верным Государю и указала Игнатъеву на недопустимость спора с премьером. «Ведь Вы знаете, что делают с полком, если между командиром и офицерами происходит нечто подобное случившемуся в Совете министров – его раскассируют». Игнатъев ответил дерзко: «Мы только этого и просили»¹⁴⁴. Кривошеин в письме императору об отставке в качестве причины ссылался не только на болезнь, но и на неодобрение принципов его политики, выраженных в заседании 20 августа. Последняя фраза несколько раз переделывалась: «[вставлено: Не гневайтесь, Государь, но] служить Вашему Величеству с таким сознанием – противоречит моей совести и [вставлено: моим понятиям о] верноподданническом долге, [зачеркнуто: долгу, ни разу мною не; вставлено: никогда в течение долгой моей Вам службы мною не] нарушенному»¹⁴⁵. 26 сентября ГУЗЗ было переименовано в Министерство земледелия, Кривошеин стал министром, а ровно через месяц получил отставку при ордене Св. Александра Невского и рескрипте. 28 октября отставку с вручением императорского портрета и рескрипта получил Рухлов (он уходил по болезни).

Конфликт министров со своим председателем закончился победой последнего: министры, выдвинувшие верховной власти два ультиматума за три месяца, по словам Горемыкина, «получили нахлобучку от Государя Императора за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса»¹⁴⁶. Как отмечал гр. Игнатъев, после отклонения отставки министров они должны были вновь работать с Горемыкиным, но это, по мнению министра, была не работа, а «мука, потому что Горемыкин не подчинился и чуть не каждый вопрос приходилось брать с боя»¹⁴⁷. Никаких примеров гр.

---

¹⁴⁴ Игнатъев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 8. С. 315–317.

¹⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Переписка Николая II. Л. 4.

¹⁴⁶ Игнатъев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 8. С. 136.

¹⁴⁷ Падение царского режима... Т. 6. С. 10–11.

Игнатъев как обычно не приводил. Тем не менее, уровень напряженности после роспуска Думы и стабилизации на фронте резко спал.

В сентябре Горемыкин хотел провести на пост министра внутренних дел С.Е. Крыжановского и был совершенно уверен в успехе. Крыжановский представил свою программу первоочередных мер: создание военизированной полиции в Петрограде, возвращение в столицу гвардейской кавалерии, вывод тыловых частей, сговор с поляками и прекращение гонения на немцев. Однако кандидатура получила «неожиданный резкий отпор» со стороны императора, который намекнул на то, что Крыжановский «просто не любит народа»¹⁴⁸. Был назначен камергер А.Н. Хвостов, с 1911 г. рассматривавшийся как один из кандидатов на соответствующий пост. Хвостов сам активно добивался назначения и действовал, в частности, через М.М. Андроникова и императрицу¹⁴⁹. Министерство впервые было вручено депутату Государственной думы, хотя и не обычному: до избрания в парламент Хвостов был вологодским и нижегородским губернатором. 43-летний экс-губернатор и депутат, возглавивший МВД 26 сентября, а уже 23 ноября ставший министром, явно рассчитывал на лавры Столыпина. Хвостов был призван «переиграть» общественность, вырвать политическую инициативу из ее рук. Его вполне можно было бы назвать мастером политических манипуляций. Еще в Нижнем Новгороде он осуществлял планы по манипулированию прессой, создавал под своим контролем «красные газеты»¹⁵⁰.

Политические взгляды Хвостова, несмотря на его принадлежность к правой фракции Государственной думы, были четко подчинены складывавшейся конъюнктуре¹⁵¹. Как считал Наумов, А.Н. Хвостов был

---

¹⁴⁸ Крыжановский С.Е. Воспоминания... С. 159–163.

¹⁴⁹ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 101–103.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 135. Л. 1. А.Н. Хвостов – Б.В. Никольскому, 26 января 1911 г.

¹⁵¹ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 159–160, 172–173, 179–183; Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 39–40.

«пройдохой»: многословен, лжив, сплетничал, «говорил красно, убаюкивая своего собеседника душевной вкрадчивостью своего тона и голоса»¹⁵². Мещерский в свое время критиковал Хвостова за поверхностность¹⁵³. Новый управляющий МВД огласил свою программу в своем интервью прессе 27 сентября. Ближайшими задачами были названы борьба с «засильем синдикатов», «немецким засильем» и дороговизной, также предполагалась отмена предварительной цензуры, поощрение промышленности, профсоюзов, кооперативов. Хвостов признавал, что «работа земских и городских союзов в пределах их компетенции выше всяких похвал», однако ее расширение считалось им преждевременным. Он одобрил лозунг «министерства общественного доверия», но был против привлечения в состав Совета министров представителей самой общественности: «Я являюсь безусловным сторонником обновления кабинета, но полагаю, что так называемые общественные деятели, т.е. лица не имеющие специального служебного стажа, не подготовлены с деловой точки зрения к роли министров. <...> Быть может, общественные деятели были бы в состоянии дать общее направление деятельности какого-либо министерства, но ими будет безусловно вертеть любой директор деп[артамен]та». Хвостов, однако, допускал, что в мирное время создание общественного кабинета было бы возможно. В отношении парламентского блока новый управляющий высказывался весьма терпимо: он отмечал, что тот построен «на голых принципах и отвлеченных вопросах», но в принципе хорош, поэтому Хвостов даже присоединился бы к нему, если в его программу будут внесены вопросы борьбы с «немецким засильем» и дороговизной¹⁵⁴. «Московские ведомости» отрицали перемену курса: отмечалось, что Щербатов и Самарин тяготились своими постами, что Хвостов не был правым, что он беспартийный и надпартийный, «благожелательный, исполненный энергии, соединяющий административный опыт с широтой взглядов общественного деятеля»; его

---

¹⁵² Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 342–343.

¹⁵³ Тайновед // Гражданин. 1913. № 5. С. 3.

¹⁵⁴ Утро России, 28 сентября 1915 г.

программа, по мысли газеты, носила «строго практический характер».¹⁵⁵ Оглашая свою программу, имевшую подчеркнуто демагогический характер, Хвостов получал шанс вырвать инициативу у распущенной Думы. Как справедливо отмечали «Московские ведомости», в отличие от Хвостова, либералы вовсе не заметили вопроса дороговизны¹⁵⁶.

Расточая комплименты оппозиции, Хвостов, вместе с тем, приступил к усилению своего ведомства и позиций правых. 28 октября товарищем министра стал С.П. Белецкий. Последний начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев писал о нем: «Степан Петрович Белецкий был человек весьма умный, работоспособный и прекрасно понимал состояние тогдашней России. Если б ему суждено было занять пост министра внутренних дел, он был бы безусловно на своем месте, но вся беда была в том, что он слишком широко раскидывал сети интриг и невольно сам запутывался в них»¹⁵⁷. На следующий день в состав Государственного совета было введено 5 новых членов, вступивших в группу правых. 23 ноября было отложено возобновление парламентской сессии, и в те же дни состоялись совещания правых организаций и деятелей в Петрограде и Нижнем Новгороде, выразившие министру и его политике свою поддержку¹⁵⁸. А.Н. Хвостов был очень озабочен выборами в новую Думу и намеревался получить из секретного бюджетного фонда 5 млн. руб. на предвыборную кампанию¹⁵⁹. По поводу отсрочки Думы «Московские ведомости» вспоминали слова М.Н. Каткова: «Колеблется власть, и появляются признаки хаоса. Власть укрепляется, и признаки хаоса исчезают»¹⁶⁰. Однако резолюции правых, в которых содержалась лишь критика думского блока, газетой критиковались: «До войны мы знали только одно, что дальше жить так, как мы живем, нельзя, но мы словно зашли в тупик, из которого не видно было

---

¹⁵⁵ Перемены в Совете министров // Московские ведомости, 29 сентября 1915 г.

¹⁵⁶ Сосредоточение власти // Там же. 31 октября 1915 г.

¹⁵⁷ Глобачев К.И. Ук. соч. С. 103.

¹⁵⁸ Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 2. М., 1998. С. 484–494, 496–520.

¹⁵⁹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 440.

¹⁶⁰ Отсрочка заседаний Государственной думы // Московские ведомости, 25 ноября 1915 г.

выхода; что греха таить, тогда положение было отчаянное. Война совершила чудо. Она разрушила до основания стены этого тупика. <...> Период творческой работы, когда определится дальнейшее течение русской жизни, будет страшно краток. <...> Право, иной раз время грядущего мира кажется куда страшнее и грознее всех ужасов настоящей войны. Готовы ли мы к этому времени?»¹⁶¹.

Хвостов уделял большое внимание прессе и отражению правительственной политики на ее страницах. Начальник Главного управления по делам печати А.А. Катенин (ставленник Н.А. Маклакова) был сменен на В.Т. Судейкина, который усилил действие цензуры¹⁶². Траты ГУДП по особому кредиту, предоставленному на субсидирование правой прессы, составлявшие в 1915 г. 1 млн. 122 тыс. руб., выросли в 1916 г. до 1 млн. 764 тыс. руб.¹⁶³ Пятимиллионный кредит А.Н. Хвостов предполагал использовать в том числе и для покупки «Нового времени»¹⁶⁴. 11 октября была составлена адресованная Хвостову записка «Об организации государственной печати» неизвестного автора (в чине тайного советника, фамилия в оригинале была впоследствии выскоблена). В записке констатировалось, что после начала войны правая печать разошлась с правительством во взглядах на общество. Появилась потребность в новом официозе – «нового типа, чисто государственного масштаба, но так сказать в разобранном виде». Предполагалось создание сразу четырех газет: рабочей, обывательской, буржуазной и крестьянской. «Все эти органы в своей совокупности должны представлять спокойную, уверенную проповедь незыблемых устоев монархии, проповедь, объединяющую, а не разъединяющую общественные элементы с государственной работой правительственного кабинета. Как это ни странно, но мы должны сделать уступку времени и считаться с психологией широких масс, которые сплошь

---

¹⁶¹ Основная ошибка правых // Там же. 1 декабря 1915 г.

¹⁶² Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 107.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1067. Лл. 1–17.

¹⁶⁴ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 440.

оппозиционны, и на первый план выдвинуть оппозиционный характер, но центр тяжести отвести в иное место, вместо оппозиционности во что бы то ни стало, оппозиционности против государственного строя и Царского правительства, выдвинуть оппозицию в каждом случае отдельно в условиях конкретных, при этом необходимо использовать весьма искусно классовый антагонизм». Предлагалось три основные темы: банковские синдикаты, дороговизна и немецкое засилье. Рабочая газета, имея «физиономию общественной либеральной профессиональной газеты», должна была упрекать буржуазию в непатриотичности, защищать рабочих от частных нападков полиции и дороговизны в мелкой торговле, внушать любовь к монархии «не беспочвенным восхвалением», а «умелым подбором фактов», обещать реформы после войны. «Бульварная газета» должна была иметь «резко памфлетный стиль», выступать против городского самоуправления, полиции, крупной буржуазии. Буржуазная газета должна была укрепить союз буржуазии и власти. Крестьянская газета имела целью укрепить союз крестьян и власти на внеэтнической почве (включая инородцев); черносотенная идея отвергалась как провоцирующая рознь и революцию. Лишь редактора газет должны были знать конечные цели изданий. Финансирование новых газет можно было наладить путем закрытия правых газет, для прикрытия предлагалось оставить только 5–6 правых газет и создать лишь один официоз¹⁶⁵.

Хвостов пытался распространить свое влияние и на другие ведомства. На должность министра земледелия Кривошеин продвигал своего товарища Г.В. Глинку, однако император назначил егермейстера А.Н. Наумова (он стал управляющим Министерством земледелия 10 ноября)¹⁶⁶, представителя умеренно-консервативных общественных кругов, бывшего самарского губернского предводителя дворянства, члена Государственного совета по

---

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 33. ч. II. 1916. Д. 435. Лл. 2–8об.

¹⁶⁶ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 342–343.

выборам от саратовского земства (в августе 1915 г. перешел из правой группы в правый центр). Такое решение поддерживал и Хвостов, считая его своей инициативой (возможно, это и была его инициатива, но проведенная не от себя, а через Александру Федоровну)¹⁶⁷. «Московские ведомости» активно поддержали назначение Наумова, отметив его общественный опыт: это было «важное явление в русской жизни»¹⁶⁸. За назначение Наумова выступил и Родзянко¹⁶⁹. Как рассказывал Наумову член Государственного совета П.М. Кауфман, тот как общественный деятель был своего рода компенсацией за отставку Самарина и Щербатова, император лично выбрал его из списка кандидатов¹⁷⁰. После назначения он оставался членом Государственного совета по выборам¹⁷¹. Наумов писал о своих взглядах: «Бурное лихолетье 1905 года оказалось сильнее моих «мечтаний», из-за которых до революции 1905 года меня причисляли к лагерю «свободомыслящих». После виттевского «конституционного» акта 17 октября я превратился в убежденного консерватора. Но мой консерватизм не надо понимать в смысле реакционного восстановления самодержавно-бюрократического режима, – я считал, что ради установленного Октябрьским манифестом конституционного порядка надо действовать осторожно, без дальнейших неосмотрительных попыток его расширения. Приходилось пока довольствоваться тем, что дал нам поспешно созданный акт 17 октября». Поэтому в 1909 г., будучи избранным в Государственный совет от саратовского земства, Наумов вступил в правую группу, чем очень удивил свои старых знакомых – Столыпина и Н. Хомякова. Столыпин считал Дурново «опороченным всем его прошлым». При этом разница между правыми и нейдгартцами, по утверждению Наумова, была невелика, но последние были «опричиной» Столыпина¹⁷². Когда пошли слухи о

---

¹⁶⁷ Падение царского режима... Т. 6. С. 85–86; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 428–429.

¹⁶⁸ Новый министр земледелия // Московские ведомости, 15 ноября 1915 г.

¹⁶⁹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 344.

¹⁷⁰ Там же. С. 522–523. Щербатов и Самарин были «добрыми друзьями» Наумова (Там же. С. 296).

¹⁷¹ Там же. С. 352.

¹⁷² Там же. С. 145–147.

грядущем назначении Наумова, он в беседе с Горемыкиным отказался от предложения и просил передать свой отказ императору. Премьер отнесся к Наумову «тепло и задушевно», успокоил, напоил чаем, поведал о «женственности» характера императора и порасспросил о политических взглядах кандидата. Наумов посоветовал объединить власть в государстве, ввести строгий контроль со стороны «реформированного Сената», ввести земский принцип деятельности для Думы. Горемыкин посоветовал подать эти предложения в записке царю¹⁷³. Однако, как вспоминал сам Наумов, став министром, он быстро убедился в необходимости скорейшего созыва палат¹⁷⁴. В результате Наумов продолжил ведомственную политику Кривошеина.

Тогда же министром путей сообщения назначался егермейстер А.Ф. Трепов, член Государственного совета по назначению (правый) и ОСО. Представитель знаменитой фамилии был лично известен императору. Александр Федорович Трепов был младшим сыном прославившегося в свое время петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, на которого покушалась В. Засулич. Трое старших братьев Александра Федоровича сделали государственную карьеру. Дмитрий в январе 1905 г. был назначен петербургским генерал-губернатором и прославился фразой из своего приказа: «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Владимир стал одним из лидеров консервативной антистольпинской оппозиции в Государственном совете и в марте 1911 г. подал в отставку, потерпев поражение в борьбе с премьером. Александр окончил Пажеский корпус, служил в Государственной канцелярии и Сенате, являлся активным участником Петергофских совещаний 1905 г., в мае 1914 г. был назначен членом Государственного совета, где подобно брату вошел в правую группу. Вероятнее всего, назначение состоялось благодаря протекции начальника

---

¹⁷³ Там же. С. 339–341.

¹⁷⁴ Там же. С. 357.

канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолова, чьим другом и шурином был Трепов¹⁷⁵.

В 1915 г. Трепов стал членом Особого совещания по обороне. Он был убежденным сторонником существовавшего строя и противником политической активности общественных организаций¹⁷⁶, однако даже его недруги признавали за ним немалые способности. Политический противник Трепова депутат-кадет А.И. Шингарев, сотрудничавший с ним в ОСО, впоследствии давал ему яркую характеристику: «Человек бесцеремонный, человек данного импульса. У него есть большое самолюбие в порученном ему деле. Неискренность, неправдивость, не прямые пути. Человек злой по натуре. <...> Он всегда беспристрастен. Хорошо разбирает дела. Хороший докладчик. Иногда соглашался с левыми. Когда стал министром, проявил самовластие и самодурство». Депутат-националист А.И. Савенко подтверждал: «Самый умный из братьев, способный, чрезвычайно решительный, с большим характером. Но оппортунист, который может пойти куда угодно. Если будет затронуто самолюбие, может далеко пойти»¹⁷⁷. Преуспевший во внутриправительственной борьбе А.В. Кривошеин называл Трепова «богом интриги»¹⁷⁸. Наумов не был в числе доброжелателей Трепова, которого считал одним из основных инициаторов своей отставки, и этого не скрывал: «Трепов, несомненно, был человеком умным, но ум его зачастую принимал, если так можно выразиться, беспокойное направление, под воздействием тех или иных побуждений, как меня уверяли и как мне самому потом казалось, больше личного свойства. С самого начала моего с ним знакомства и делового сотрудничества я убедился в резком непостоянстве взглядов Трепова, свойстве совершенно недопустимом при ведении какого бы то ни было общего дела, тем более государственного».

---

¹⁷⁵ Мосолов А.А. При дворе императора. Рига, 1938. С. 233.

¹⁷⁶ Совет министров Российской империи... С. 328–330.

¹⁷⁷ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 119.

¹⁷⁸ Кривошеин К.А. Ук. соч. С. 291.

Как вспоминал министр земледелия, Трепов мог изменить свое мнение по какому-либо деловому вопросу за одну ночь¹⁷⁹.

Как утверждал знакомый с братом Трепова Федором (бывшим киевским генерал-губернатором) Савенко, назначение состоялось по совету ушедшего в отставку министра путей сообщения С.В. Рухлова¹⁸⁰. Недавно назначенный министром внутренних дел и находившийся в фаворе А.Н. Хвостов стремился провести на этот пост сенатора Д.Б. Нейдгарта¹⁸¹. Императрица Александра Федоровна также считала назначение Трепова неудачным, полагала его «несимпатичным», а как нового министра – «слабым и неэнергичным». Впрочем в январе императрица стала к Трепову более благосклонной¹⁸². Трепов умел завоевать расположение Николая II, привозя ему богатые подарки с мест, например, волжских стерлядей¹⁸³. Уже 1 января 1916 г. Трепов стал министром. Однако причины столь быстрого продвижения заключались не в личных симпатиях монарха, а в деловых качествах Трепова. Он не был специалистом в своем ведомстве, но нашел себе хороших помощников, в частности, Э.Б. Кригер-Войновского¹⁸⁴. Трепов мог изменить свое мнение по какому-либо деловому вопросу за одну ночь, поэтому Наумов предпочитал иметь дело с точным и постоянным Кригером. По воспоминаниям самого Кригера, Трепов был «человек умный, властный, искушенный в делах государственного управления и очень быстро освоившийся со своей главной задачей»¹⁸⁵. «Благодаря своему волевому характеру, способности быстро ориентироваться и удачному подбору своих ближайших помощников, он, при содействии их, вел свое нелегко дело с настойчивостью и энергией, добиваясь сравнительно благоприятных результатов», – вспоминал министр земледелия. Трепов провел свой план

---

¹⁷⁹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 368–369.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Падение царского режима... Т. 6. С. 91.

¹⁸² Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 422; Т. 4. С. 36.

¹⁸³ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 368–369.

¹⁸⁴ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 179. С. 108.

¹⁸⁵ Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции / Спроге В.Э. Записки инженера. М., 1999. С. 55.

железнодорожного строительства втайне и только потом внес в правительство и палаты¹⁸⁶. Министр путей сообщения был противником политической активности общественных организаций¹⁸⁷.

Гр. А.А. Бобринский, став в марте 1916 г. товарищем министра внутренних дел и участвуя в правительственных заседаниях, отмечал в дневнике, что на фоне остальных членов Совета министров Трепов был особенно «энергичен»¹⁸⁸. Наумов вспоминал: «Трепов был одним из наиболее темпераментных и говорливых членов Совета министров. Он всегда принимал очень горячее участие в обсуждении многочисленных дел, поступающих от различных ведомств. Александр Федорович имел обыкновение высказываться обстоятельно, в непререкаемо-авторитетном тоне»¹⁸⁹.

В ноябре-декабре Совет министров принял ряд важных мер, которые свидетельствовали об интенсификации его деятельности. Еще 12 и 30 июня Совет министров обсудил вопрос милитаризации предприятий и по предложению Поливанова отложил эту меру¹⁹⁰. Однако 10 ноября по инициативе Шаховского разработка проекта была санкционирована¹⁹¹. В тот же день Совет министров рассмотрел положение о комитетах ВЗС и ВСГ и отправил его на доработку в Министерство юстиции (мотивом для рассмотрения вопроса было происходившее расширение полномочий Земгора)¹⁹². 19 декабря Горемыкин срочно собрал у себя министров по продовольственному вопросу. Собравшиеся предполагали, что вопрос был инспирирован Хвостовым, однако на самом деле премьер получил соответствующий рескрипт от царя (на докладе Наумова Николай II по поводу продовольственного вопроса сказал: «В этом вопросе <...> всякое

---

¹⁸⁶ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 368–369.

¹⁸⁷ Совет министров Российской империи... С. 328–330.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 298. Л. 19. 15 апреля 1916 г.

¹⁸⁹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 368–369.

¹⁹⁰ Там же. С. 337–338.

¹⁹¹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1915 год. М., 2008. С. 509–510.

¹⁹² Там же. С. 609–610.

промедление смерти подобно!...»¹⁹³). В ходе обсуждения Наумов предложил создать по данному вопросу специальное совещание в составе пяти министров – председателей Особых совещаний (военного, внутренних дел, путей сообщения, земледелия, финансов). 6 января Совещание министров по обеспечению нуждающихся местностей Империи продовольствием и топливом («Совещание пяти министров») было создано, его возглавил Трепов¹⁹⁴. Он придавал вопросу огромное значение. 22 декабря при обсуждении соответствующих мер Трепов предупреждал: «Центр управления выскользает из рук м[инистра] в[нутренних] д[ел] и Совета министров. Это нетерпимо. Пожар Петр[ограда] разойдется на всю Россию»¹⁹⁵. Совещание не предполагало привлечение представителей палат. 29 декабря правительство по инициативе Барка также санкционировало создание при его ведомстве финансово-экономического совещания, также без участия парламентариев¹⁹⁶.

Наличие в правительстве целого ряда ярких фигур, не объединенных единой волей, привело к активизации внутриправительственной борьбы. Более всего этому способствовал А.Н. Хвостов. Сам он объяснял свое противостояние Кривошеину, Рухлову, Шаховскому соображениями деловыми, отсутствием у них единого плана организации тыла. Наиболее острый и не скрываемый в заседаниях Совета министров конфликт Хвостова с Барком возник по вопросам правительственной политики в отношении синдикатов, борьбы с «немецким засильем» и о пятимиллионном кредите на правые организации¹⁹⁷. Как писал Белецкий, Хвостов хотел заменить Барка на послушную ему фигуру, которая отпускала бы кредиты на полицейские мероприятия, прессу и предстоящую предвыборную кампанию¹⁹⁸. А.Н. Хвостов также расходился в политических взглядах с Игнатьевым, но считал

---

¹⁹³ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 530.

¹⁹⁴ Там же. С. 421–422; Совет министров Российской империи... С. 413–414.

¹⁹⁵ Совет министров Российской империи... С. 309.

¹⁹⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1915 год. М., 2008. С. 605–608.

¹⁹⁷ Падение царского режима... Т. 6. С. 76, 84–86, 88.

¹⁹⁸ Там же. Т. 4. С. 228. Барк пишет, что Хвостов хотел сменить его на гр. В.С. Татищева, своего родственника (Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 178. С. 95).

необходимым его сохранение в составе Совета министров ради заигрывания с Думой. Политические взгляды Игнатъева практически не влияли на общее настроение в Совете министров. Кроме того, личная позиция императора спасала Игнатъева на его посту и при Горемыкине, и при его преемнике Б.В. Штюмере¹⁹⁹.

С Треповым у Хвостова вышел конфликт из-за неожиданно возникшего у министра внутренних дел желания, заручившись Высочайшей поддержкой, организовать сенатскую ревизию в ведомстве Трепова. Никого не спросив, Хвостов добился ревизии Нейдгарта на железных дорогах, что вызвало в правительстве, как выразился Наумов, «неописуемый кавардак». Наумов так описывал картину их спора: Трепов, «видно забыв, где и среди кого находится, красный как рак, с взъерошенной шевелюрой, стал отпускать такие эпитеты и слова по адресу громко сопевшего Хвостова, что я одно время не на шутку подумал – не лучше ли мне пока что по добру, по здорову убраться из этого «высокого» учреждения. <...> Все же спокойный Горемыкин сумел скоро утишить бурю». Ревизия была единодушно отложена до доклада Трепова императору²⁰⁰. Министр путей сообщения опротестовал решение перед монархом. В возникшем споре Николай II, разумеется, выступил на стороне министра путей сообщения и предотвратил поспешную и неразумную акцию. В беседе с обоими министрами император сказал: «Господа, я вам не приказываю, а вас прошу убедительно, – для пользы России, – этого не делать, этих контров: я ошибся, поторопился...»²⁰¹. Однако и сам Трепов, когда было нужно, использовал подобные приемы: он сперва втайне провел свой план железнодорожного строительства и только потом внес его в правительство и палаты²⁰².

---

¹⁹⁹ Падение царского режима... Т. 4. С. 321–322.

²⁰⁰ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 350.

²⁰¹ Падение царского режима... Т. 1. С. 45–46.

²⁰² Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 368–369.

Осень 1915 г., период обострения социально-экономической ситуации, принесла и осложнение политической атмосферы. Современники отмечали, что все столичное простонародье говорило про измену генералов²⁰³. 10 ноября Щербатов завтракал у Наумова и рассказывал ему свежие сплетни о Распутине. В ответ на все сомнения Наумова Щербатов «горячился и на них настаивал». В конце концов, Наумов сдался и позднее отметил в дневнике: «Страшное впечатление»²⁰⁴. На этом фоне произошла политическая активизация общественных организаций. Важнейшим успехом либеральной оппозиции стало сохранение парламентского блока²⁰⁵. Пресса советовала общественности усилить самоорганизацию: «Россия <...> развалится лишь тогда, когда общественность наша будет дискредитирована. Пока же этого не случилось, вера в Россию не поколеблена. <...> Чтобы раз и навсегда положить конец легенде о российском «развале», занявшая место бюрократии наша общественность должна беречься пуще всего ошибок последней: формализма, суетни и лживых наветов. Общественность должна не замыкать сердца граждан, а раскрывать их»²⁰⁶. «Раскрывать сердца» предполагалось, видимо, не с помощью будничной рутины, а посредством громких деклараций.

Однако не менее важной ареной взаимодействия власти и общественности были Особые совещания. Как отмечали министры, августовские совещания имели характер «почти диктаторский»²⁰⁷. Несмотря на огромное количество проблем чисто делового характера оппозиция стремилась поднимать общие вопросы. Наибольшее число некомпетентных, с точки зрения чиновников, лиц собралось в Особом совещании по обороне, превращая его в политическое ристалище. Гучков, никем не остановленный,

---

²⁰³ Романов А.В. Ук. соч. С. 195. 5 октября 1915 г.

²⁰⁴ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 350–351. Кн. Е.Н. Трубецкой писал о своих петроградских впечатлениях: «Здесь настоящее ощущение ада. Тут только я как следует впервые понял, что такое Распутин, и убежден, что это настоящий, хотя и не самого крупного размера чорт и антихрист. Им все отравлено, и берет мистический ужас» (Взыскующие града... С. 657. Кн. Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой, 14 февраля 1916 г.).

²⁰⁵ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 155–179.

²⁰⁶ Баян [Кольшко И.И.]. Развал // Русское слово, 26 августа 1915 г.

²⁰⁷ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 170. С. 105.

в заседании ОСО как-то сказал: «Если бы в России управлял германский генеральный штаб, то он делал бы именно то, что делает наше Правительство»²⁰⁸. Говоря о другом совещании, Наумов со своей стороны вынужден был констатировать: «О деловой работе Особого Продовольственного Совещания была осведомлена лишь небольшая группа членов Государственного совета и Государственной думы. Пресса освещала ход продовольственной кампании недостаточно полно, временами распускала не всегда проверенные, но зато сенсационные слухи, заставляя публику все более нервно относиться к самой существенной и ответственной по тому времени области правительственной деятельности»²⁰⁹.

Организация работы во многом зависела от умения председателя сговориться с представителями общественности. В Особом совещании по топливу, председателем которого являлся кн. В.Н. Шаховской, из-за большой загруженности были созданы 3 секции под председательством товарища министра торговли и промышленности Д.А. Коновалова, члена Государственного совета А.А. Макарова и товарища председателя Думы А.Д. Протопопова, а также распорядительный комитет с участием 2 думцев – А.Г. Ратькова-Рожнова и А.Д. Протопопова, которые вскоре его покинули, поскольку в Думе создание комитета было осуждено. Назначение Макарова и Протопопова, как вспоминал Шаховской, «было чисто тактическим шагом»: министр хотел «втянуть членов законодательных палат как можно больше в реальную работу», чтобы демагогической критики с их стороны было бы как можно меньше. Главноуполномоченные подбирались министром независимо от их взглядов. По московскому региону им стал кадет П.И. Новгородцев. Шаховской предложил ему похлопотать о снятии судимости за Выборгское дело, но Новгородцев отказался, объяснив, что ему было бы неудобно перед

---

²⁰⁸ Там же. С. 153.

²⁰⁹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 357.

товарищами (хотя, как было известно Шаховскому, многие уже получили амнистию)²¹⁰.

ОСоТоп не был органом политизированным. Именно это министр Шаховской считал главной причиной того, что в России не было топливного кризиса: в 1914/1915 г. добыча увеличилась на 34 % (таким образом, компенсировалась потеря Домбровского угольного района и отсутствие привозного английского угля), в 1915/1916 г. – на 41 %. Военные заводы из-за недостатка топлива не остановились ни на 1 день, на рудниках из-за забастовок ни 1 дня не было потеряно, не было скачков цены на уголь и нефть²¹¹. Но даже в ОСоТоп, по свидетельству управляющего канцелярией министра В.В. Прилежаева, дебаты имели «не только горячий, но даже страстный характер», была «не только сильная критика» власти, но и «прямые нападения на нее», сказывалась не только «нервность военного времени», но и «наступавший кризис авторитета власти»²¹².

В октябре-ноябре произошла и реанимация бюро парламентского блока, но к началу 1916 г. его участникам стало очевидно, что без сговора с правительством само существование блока ставилось под вопрос. Особенно показательной была ситуация в Государственном совете: 31 декабря на совместном заседании правых и правого центра Нейдгарт даже обсудить вопрос принятия во состав групп членов Совета, покидающих центр²¹³. «Общая растерянность. С роспуска настроен[ие] идет вниз», – отмечала в дневнике А.В. Тыркова²¹⁴. 3 января 1916 г. на областном съезде кадетов подмосковных губерний кадетское руководство подробно и откровенно изложило свои взгляды на сложившуюся ситуацию. Ф.Ф. Кокочкин признавался: «Достигнуть обществен[ного] министр[ерства] не удалось. Парламентский путь к тому отрезан». Этим он объяснял господство в обществе «старой мысли о революционн[ом] перевороте». «Но революция

---

²¹⁰ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 136–139.

²¹¹ Там же. С. 150.

²¹² РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 32–33.

²¹³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 60. Л. 20.

²¹⁴ Дневники // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 158. 29 ноября 1912 г.

сейчас невозможна, а потому и делать сейчас нечего, отсюда и пессимизм», – так завершил он свой силлогизм. Развивая как всегда плавное течение своей мысли он продолжил: «Революционное настроение, революционное миросозерцание все расширяется. Это миросозерц[ание] связано с той мыслью, что стихийное народное движение сметет существующий строй и поставит новый лучший. <...> Это идея фронтальной атаки на правительство. Но надо считать этот путь ошибочным. Революция, конечно, может быть и должна быть. Но ей придают слишком большое значение и ей придают только отрицательную силу: она должна все снести. Но положительную сторону никто не разрабатывает. О выработке общественно согласованной идеи нового строя никто не заботится. А ведь за разрушением революционным без созидания нового строя следует военная диктатура и реакция. Революция тогда только имеет значение, когда общество внутри готово к созиданию внутреннего строя. <...> Дело ведь исключительно только в готовности об[щест]ва к принятию власти. Сейчас русс[кое] об[щест]во к власти не готово. Оно не имеет внутри полного плана к организованности. Русс[кое] об[щест]во не сможет сговориться в короткий срок о новом строе. Опять пойдут требования и республики, и социальной революции, и в результате будет военная диктатура».

Отсюда вытекала правильность кадетского курса, принятого полгода назад. Кокошкин называл союзы, военно-промышленные комитеты, Прогрессивный блок ступенями в борьбе с правительством за власть. Ради этого общественность должна была объединиться, а блок, по мнению докладчика, и был нужен как «ядро такого объединения». Предстояло также развивать кооперацию и установить тесные контакты с левыми: «левым следовало бы примкнуть к блоку, <...> думается, что в 1916 г. легче будет сговориться, чем в 1905 г.». С целью сохранения блока Дума должна была по-прежнему критиковать власть в деловой сфере. «Мы этим помогаем обороне и подготавливаем в будущем захват власти», – заключал Кокошкин. Кн. Павел Долгоруков и А.А. Корнилов также отстаивали курс на сохранение

Прогрессивного блока. По мнению первого, он должен был облегчить переход власти в руки общественности после войны, когда «вспышки общественного движения» стали бы неизбежным явлением, однако до этого времени блок должен был способствовать их «умалению». Корнилов отмечал, что лишь «небольшая группа Некрасова требует революционного выступления в Думе». Однако он поспешил успокоить аудиторию, явно приукрашая ситуацию: «Но эта группа слишком мала и слаба. <...> Дела блока стоят очень твердо, ни о каком развале речи быть не может. Даже в Гос. совете <...> вся часть блока осталась на местах»²¹⁵.

11 и 16 января 1916 г. на секретных совещаниях у Горемыкина обсуждался вопрос созыва Думы. Горемыкин, Наумов и Сазонов выступили за соглашение с думцами без каких-либо условий и созыв на неопределенный длительный срок. Наумов настаивал на «полном доверии» и «полной искренности» в отношении к Думе, что должно было обеспечить плодотворность сессии, т.е. принятие бюджета²¹⁶. Барк поддержал их, но выступил против предварительного сговора. Большинство выступило за срок в 1 месяц (начиная с 5 февраля), некоторые выступали за 10-дневный срок, а также за предписание в указе заняться бюджетом. А.Н. Хвостов, оставшись в меньшинстве, сказал, что через петроградского митрополита Питирима он добился неприязненного отношения императора и императрицы к созыву сессии. Горемыкин ответил: «Питирим Питиримом, а мы будем действовать своим чередом...»²¹⁷. После этого Хвостов поменял свою позицию.

Однако для выстраивания более гибкой политики в отношении Думы необходимо было пожертвовать слишком одиозным премьером. Хвостов не прочь был занять его место²¹⁸, но в высших сферах было принято иное

---

²¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 225. Папка 8. Ед. хр. 41. Л. 1–7об.

²¹⁶ Падение царского режима... Т. 1. С. 332.

²¹⁷ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 424–426. В действительности император также был недоволен вмешательством митрополита в политические дела и косвенно упрекал супругу в попытке спровоцировать такое вмешательство (Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 52. 12 января 1916 г.).

²¹⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 29. 7 января 1916 г.

решение. 20 января Горемыкин получил отставку с возведением в действительные тайные советники I класса. Премьером назначался Б.В. Штюрмер. По мнению Барка, эту кандидатуру порекомендовал начальник С.Е.И.В. канцелярии А.С. Танеев²¹⁹, однако и самому императору Штюрмер был давно и хорошо известен²²⁰. Хвостов считал, что Борис Владимирович был уже «слишком стар» для должности премьера «и голова его уже не так свежа как раньше», но предполагал в скорой перспективе сменить его сам. Николай II не выступал против этого, но и самому назначению Штюрмера придавал самостоятельное значение: император желал, чтобы накануне новой сессии «назначение, если оно состоится, грянуло как гром»²²¹. Сам Штюрмер в памятной записке писал: «Следить за Советом м[инист]ров; давать камертон всем м[инист]рам; бороться с интригами – этого достаточно вполне для человека 67 лет. Дай Бог справиться»²²².

Правыми назначение рассматривалось как своевременное и удачное²²³. «Он несомненно умен, изворотлив, с большим опытом, с здравым смыслом, с приемами тонкого дипломата, хорошо знающий петроградскую администрацию и придворную почву, способный лавировать между Харибдою и Сциллою <...> давно готовивший себе почву в многоразличных лагерях», – написал Варженевскому гр. Шереметев²²⁴. В свою очередь Наумов вспоминал, что отставка Горемыкина стала неожиданностью, а назначение Штюрмера вызвало шок, но несколько иного рода: «Он знал, где надо позавтракать или пообедать, а где и вечер провести, чтобы обо всем для него полезном поразузнать и о себе словечко вовремя замолвить», но в делах ничего не понимал. Волконский сравнивал его с губкой, «которую с раннего утра и до вечера намачивали, а тогда, когда приходилось ее выжимать, ни одной капли из нее было не выжать». «Большой по виду и маленький по

---

²¹⁹ Барк П.Л. Глава из воспоминаний // Возрождение. 1955. № 43. С. 14–15.

²²⁰ Куликов С.В. Ук. соч. С. 165–178.

²²¹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 24, 29, 43. 5, 7, 9 января 1916 г.

²²² РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 47. Л. 2.

²²³ Уход И.Л. Горемыкина и назначение Б.В. Штюрмера // Московские ведомости, 21 января 1916 г.

²²⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3014. Л. 137. Гр. С.Д. Шереметев – А.К. Варженевскому, 23 января 1916 г.

своей мелочной душонке, прямой по внешней выдержке и весь искривленный в тайниках своей покладистой совести, Штюмер нес свои обязанности, сообразуясь не с серьезными государственными запросами и нуждами, а считаясь, прежде всего, с настроениями и подсказками безответственных закулисных сил. <...> Помимо ранее установившейся за ним бесславной репутации, он не преминул вскоре выказывать на новом посту все убожество своих мыслительных и душевных свойств, хотя и старался внешне импонировать окружающим своей застывшей напыщенностью. В этом, надо думать, скрывался некоторый отблеск его прежней службы по придворно-церемониальному ведомству», – писал Наумов²²⁵.

Как полагал Наумов, Штюмер находился под влиянием А.Н. Хвостова, Белецкого, Гурлянда, Трепова и Распутина, однако именно «талантливый и ловкий» Гурлянд, как и при Столыпине, приобрел значение в первостепенных делах²²⁶. Гораздо более близкий к премьеру Бобринский, по должности тесно общавшийся с Гурляндом в 1916 г., отмечал в дневнике, что «Штюмер совсем под его влиянием»²²⁷. Гурлянд познакомился со Штюмером еще во время своего губернаторства в Ярославле, а затем перешел с ним в Тверь. «Значительно превосходя Штюмера образованием, способностями и сообразительностью, Гурлянд несомненно помог Штюмеру выдвинуться в председатели Совета министров и был его суфлером, когда он получил власть, но в последние недели нахождения его у власти разошелся с ним», – писал председатель Московского комитета по делам печати А.А. Сидоров, отметивший также, что Гурлянд возобновил давление на печать²²⁸. Вторым по значению стало влияние министра путей сообщения. Как отмечал Шаховской, Штюмер «определенной программы действий не имел и весьма скоро подпал под влияние решительного, упорного и резкого А.Ф. Трепова, который зачастую проводил заседания, не

---

²²⁵ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 428–429, 443.

²²⁶ Там же. С. 452, 462.

²²⁷ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 298. Л. 111об. 23 июня 1916 г.

²²⁸ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 109.

стесняясь с присутствием председателя, и старался, вопреки намерениям Совета министров, держаться слишком правой программы. Все удачное он приписывал себе, а все неудачное Штюмеру»²²⁹. Стоит также отметить, что об управляющем делами Совета министров И.Н. Лодыженском, занявшем этот пост еще в мае 1914 г. и пребывавшем на нем вплоть до революции, его помощник с 1916 г. А.С. Путилов писал, что «лучшего управляющего делами Совета министров трудно себе и представить»²³⁰.

Пределы реальных полномочий премьера сперва были ограничены. Он сразу по назначении выступил за отставку Наумова и Игнатьева, но император ответил ему: «Прошу в область моих распоряжений не вмешиваться»²³¹. Ограничение полномочий сказалось на внутреннем состоянии правительства. Сразу после назначения Штюмера Игнатьев явился к нему и заявил об отставке по причине согласия в политических взглядах. Новоназначенный премьер заверил, что не будет мешать его политике. Затем и император попросил его остаться²³². На первом же заседании под председательством Штюмера была принята та точка зрения на думскую сессию, которую излагал Наумов, и ей уже никто не возражал. Вместе с тем уже 26 января на заседании правительства новый премьер провел пятимиллионный кредит без указания цели и ссылаясь на волю императора. Наумов подписал журнал и сразу покинул заседание. Однако Хвостов по причине последовавшей ссоры со Штюмером искомой суммы на предвыборную кампанию так и не получил²³³.

Смена курса Хвостова, попытка сговора с общественностью, пришлась для участников парламентского блока более чем кстати. Сразу после назначения Штюмера Хвостов договорился с Милюковым об открытии сессии Думы. Парламентское большинство не давало никаких гарантий по

---

²²⁹ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 57–58.

²³⁰ Путилов А.С. Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Клячко Л.М. (Львов). Оп. 1. Д. 46. Лл. 17об.

²³¹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 430. Штюмер рассказал об этом флигель-адъютанту Нарышкину, который сообщил Игнатьеву, а от него эту фразу услышал Наумов.

²³² Игнатьев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 8. С. 317–318.

²³³ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 435–440.

поводу характера будущей сессии. «Великое дело государственного строительства нашим депутатам следовало бы начать с собственного внутреннего обновления и покаяния», – писали «Московские ведомости»²³⁴. По их мнению, Дума должна была заняться продовольственным вопросом или быть распущена²³⁵. Сессия началась 9 февраля, палаты впервые в их истории посетил монарх. «Могу представить себе глубину впечатления, произведенную на всех твоим присутствием в Думе и Государственном совете», – написала мужу Александра Федоровна²³⁶. Однако впечатление оказалось минутным. Рядом с императором при открытии сессии стоял Наумов и «видел, как Он еле сдерживал охватившее его волнение»²³⁷. Далее последовала правительственная декларация. Штюрмер не дал министрам подготовить свои речи при открытии Думы в феврале 1916 г., а составил общую²³⁸. Он произнес речь, которая оказалась «монотонным, невнятным бормотанием». Затем, как полагал Наумов, лишь министры своими речами поправили дело, хотя на Думу это не подействовало. Как признавал сам Наумов, Шидловский опять испортил настроение декларацией Прогрессивного блока²³⁹. Кн. В.Н. Шаховской также отмечал, Дума не пошла на примирение в феврале 1916 г. по своей инициативе²⁴⁰. На втором заседании на следующий день со своей достаточно холодной и похожей на лекцию речью выступил П.Н. Милюков. Сравнив правительство с «пятым фронтом», он оценил отношение к власти со стороны думской оппозиции: «Речь сейчас может идти не о доверии, а, в лучшем случае, разве только о некотором формальном, внешнем параллелизме действий, о сходстве шагов в одном направлении. Но, гг., насколько сходны могут быть наши шаги даже при условии некоторого параллелизма?». Милюков обвинил правительство в игнорировании требований парламента, поддержал общественные

---

²³⁴ Перед Государственной думой // Московские ведомости, 20 января 1916 г.

²³⁵ Накануне открытия занятий Государственной думы // Там же. 9 февраля 1916 г.

²³⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 91. 10 февраля 1916 г.

²³⁷ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 444–445.

²³⁸ Игнатъев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 8. С. 318.

²³⁹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 444–445.

²⁴⁰ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 134–135.

организации от правительственных нападков и, наоборот, назвал неудовлетворительной работу Особых совещаний²⁴¹.

Прогрессисты присоединились к декларации блока, тем самым опять согласившись с требованием «министерства доверия», но в своей речи И.Н. Ефремов отметил: лишь опирающееся на блок «ответственное министерство отвечало бы ближайшим чаяниям общества и могло бы пользоваться его доверием»²⁴². Н.Е. Марков на это отозвался: «Вот человек, который говорит буквально то, что думает и чувствует, человек, в котором нет лукавства, чего, к сожалению, не могу сказать о других его друзьях». Николай Евгеньевич продолжил свою заранее обреченную на неуспех риторическую борьбу. «Ведь и древние римляне, – говорил он, – были не глупее представителей шести думских фракций, но ведь и они во время войны республику свою упраздняли и назначали диктаторов. Вы хотите перевернуть историю...». Марков также напоминал думскому большинству, прежде всего, октябристам, слова А.И. Гучкова, сказанные им при открытии III Государственной думы: «мы знаем, что в тех исторических и политических условиях, в которых находится наше отечество, нам нужна сильная Царская власть». Представитель правых в ответ на критику правых обвинял общественные организации в коррупции, покрывании дезертиров и патриотизме за казенный счет. Ссылаясь на результаты ноябрьских выборов в петроградскую думу, он говорил: «Вам не верит страна, вы ошибаетесь»²⁴³. С этой последней фразой соглашался и социал-демократ А.И. Чхенкели, который, наоборот, корил Милюкова за переход на позиции правых кадетов²⁴⁴.

Несмотря на нападки Думы, премьер не был склонен на открытую конфронтацию с ней. «Я иду в ногу с Милюковым, Гучковым и Бурцевым в деле обеспечения нашей победы над Германией», – говорил Штюмер в

---

²⁴¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Пг., 1916. Стб. 1305–1321.

²⁴² Там же. Стб. 1335.

²⁴³ Там же. Стб. 1445–1457.

²⁴⁴ Там же. Стб. 1484.

личной беседе с И.И. Кольшко²⁴⁵. 31 марта Совещание пяти министров отклонило переданное ему председателем ОСоПрод ходатайство главноуполномоченного ВСГ о передаче ему копий журналов заседаний местных совещаний по продовольствию. Челноков мотивировал такое ходатайство желанием объединить усилия этих учреждений и возглавляемой им организации, но Совещание приняло решение не исполнять подобных просьб и впредь²⁴⁶. Однако 21 мая по докладу Штюрмера Совещание пяти министров было упразднено. Как вспоминал Наумов, Штюрмер «счел за благо угодить» Родзянко, протестовавшего против его создания²⁴⁷. Хотя председатель Совещания Трепов после его ликвидации отмечал, что совещание «не имело реальной власти»²⁴⁸, решение было принято без его ведома²⁴⁹.

Государственный совет также сдавал позиции²⁵⁰. Открытие сессии прошло весьма буднично. После министерских речей выступил Меллер-Закомельский, поддержавший декларацию блока и осудивший роспуск 3 сентября. Он призвал правительство к доверию общественности, назвал посещение императором законодательных палат «чрезвычайным событием» и выразил надежду на изменение новым составом Совета министров правительственной политики²⁵¹. С 12 февраля Государственный совет обратился к подоходному налогу. На заседании Совета гр. А.А. Бобринский написал записку неизвестному лицу: «Я предвижу появление в свет новой книги: И.Г.Щ[егловитов]. Руководство к закону о подоходном налоге. Для детей от 10 до 14 лет. Пг., 1916»²⁵². Однако 18 февраля после бурных дебатов первое чтение было завершено, правым не удалось отправить законопроект

---

²⁴⁵ Кольшко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 100.

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 100. Л. 2.

²⁴⁷ Наумов А.Н. Ук. Соч. Кн. 2. С. 421–422.

²⁴⁸ Совет министров Российской империи... С. 339, 421.

²⁴⁹ Куликов С.В. Ук. соч. С. 190.

²⁵⁰ Как отмечал А.Н. Наумов, правая группа значительно ослабла после смерти Дурново (Наумов А.Н. Ук. Соч. Кн. 2. С. 212).

²⁵¹ Государственный совет. СО. XII сессия (февраль–июнь 1916 г.). Пг., 1916. Стб. 40–42.

²⁵² РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 74. Л. 22.

на доработку в комиссию²⁵³. 2 апреля законопроект был принят окончательно, со всеми думскими поправками²⁵⁴. Бюджетные сметы проходили быстро, в думском варианте. 17 марта Совет отправил в комиссии законопроект о военной цензуре²⁵⁵. Реформа Сената была принята в думском варианте без существенных изменений, 26 декабря 1916 г. Дума проголосовала за закон²⁵⁶. 4 апреля ушел в комиссию законопроект о кооперативах²⁵⁷. «Московские ведомости» отмечали, что отсутствие в законопроекте положения об ответственности сделает кооперативы жертвой ростовщиков²⁵⁸.

6 июня в Государственном совете обсуждался пришедший из Думы законопроект о должностных преступлениях. Докладчиком выступал Кобылинский. Маклаков предложил вернуться к проекту 1913 г. «Нет, не в злоупотреблении властью главное российское зло, оно в том, что властью перестали пользоваться», – отмечал он²⁵⁹. «Московские ведомости» писали о речи Маклакова: «Упадок власти – это слишком резкое выражение. <...> Мы до этого еще не дошли. У нас налицо нечто другое и это излишний идеализм власти, чрезмерное рыцарство власти, гипертрофированная щепетильность власти». Власть, по мнению газеты, не думала о послевоенном времени²⁶⁰. В.Ф. Дейтрих (член Совета по назначению, правый центр) «пришел в ужас» от речи Маклакова, отверг оба проекта и призвал вводить не административную гарантию, а действенную прокуратуру. Кн. Е.Н. Трубецкой в импульсивной речи призвал уничтожить перегородку между «опричниной» и «земщиной». Щегловитов защищал проект как усиливающий власть. Кроме того, он призвал принять закон о дисциплинарных нарушениях, который позволили бы начальству принимать

---

²⁵³ Государственный совет. СО. XII сессия (февраль–июнь 1916 г.). Пг., 1916. Стб. 277–278.

²⁵⁴ Там же. Стб. 1197–1200.

²⁵⁵ Там же. Стб. 865.

²⁵⁶ Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вт. пол. XIX – октябрь 1917). СПб., 2000. С. 99–102.

²⁵⁷ Государственный совет. СО. XII сессия (февраль–июнь 1916 г.). Пг., 1916. Стб. 1210.

²⁵⁸ Кооперативный законопроект // Московские ведомости, 31 мая 1916 г.

²⁵⁹ Государственный совет. СО. XII сессия (февраль–июнь 1916 г.). Пг., 1916. Стб. 1550–1600.

²⁶⁰ Речь Н.А. Маклакова // Московские ведомости, 8 июня 1916 г.

по ним решения без помощи суда. Маклаков поддержал идею, но указал, что такая норма была внесена в проект 1913 г. Предложение Маклакова о возврате к проекту 1913 г. было отвергнуто, 6–13 июня Государственный совет принял новый проект в трех чтениях. Кроме этого, палата вынесла пожелание о скорейшем принятии последней главы Уголовного уложения (о должностных преступлениях). 17 июня была избрана согласительная комиссия для принятия законопроекта с думскими поправками²⁶¹.

Несмотря на поведение Государственного совета и изначальный настрой правительства, оппозиция не смогла добиться поставленных текущих задач. Кадетский партийный съезд в феврале 1916 г., «весеннее наступление» общественных организаций, достаточно вялая думская сессия воочию демонстрировали тот факт, что оппозиционная деятельность либералов захлебнулась. Ни с трудом осуществлявшийся законодательный процесс, продемонстрировавший бессилие блока в этой сфере, ни резолюции съездов, ни попытки «омолодить» состав кадетского ЦК не принесли политических дивидендов. Парламентский блок в мае оказался на грани распада. Общественные организации рисковали остаться без казенного финансирования (14 и 18 июня Совет министров ввел в отношении Земгора финансовый контроль и постановил освещать реальные успехи ВПК в прессе, 26 июля был инициирован разрешительный порядок съездов и собраний общественных организаций²⁶²)²⁶³. Остались без последствий ходатайства ВЗС и ВСГ о разрешении на созыв их съездов²⁶⁴. «Московские ведомости» как курьез отмечали, что на съездах политические резолюции были приняты уже в первый день, а затем началось деловое обсуждение, из которого и должны были бы делаться политические выводы. Газета отмечала

---

²⁶¹ Государственный совет. СО. XII сессия (февраль–июнь 1916 г.). Пг., 1916. Стб. 1550–1600, 1717–1718.

²⁶² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 261–265, 275–278, 397–398.

²⁶³ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 188–220. Неэффективность деятельности военно-промышленных комитетов на нужды фронта аргументированно доказывается в работе О.Р. Айрапетова (см.: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003. С. 104–111).

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 102. Л. 7–7об.

необходимость роспуска союзов после окончания войны²⁶⁵. 7 марта А.Н. Хвостов сообщил премьеру о создании при думском блоке специального бюро для связи с общественными организациями и органами местного самоуправления с целью организации совместного давления на власть²⁶⁶. С середины февраля «Московские ведомости» писали о бесполезности думской сессии. Отмечалось, что в провинции о Думе сложилось негативное мнение, поскольку она не занималась насущными вопросами²⁶⁷, а к концу марта палата вообще разъехалась²⁶⁸. После прекращения сессии «Московские ведомости» вышли с передовой «Прогрессивное банкротство желтого блока»²⁶⁹.

Если Дума была не в состоянии провести органическое законодательство, то и Совет министров пребывал в состоянии внутреннего кризиса, вызванного неумной энергией А.Н. Хвостова. Конфликт Поливанова и Хвостова возник не из-за разных политических взглядов, а по вопросу пятимиллионного кредита, который предназначался МВД, но выделялся из военного фонда. Однако это спровоцировало лишь открытый конфликт Поливанова с формальным инициатором кредита Штюмером, а между Поливановым и Хвостовым открытого конфликта не было. По мере возникновения расхождений Штюмера и Хвостова он старался усилить разнь между Поливановым и Штюмером. Например, Хвостов сообщил Поливанову о предоставлении одного из автомобилей канцелярии Совета министров в личное распоряжение Распутина, тогда как в период войны автомобили направлялись на нужды армии. Поливанов как военный министр резко запросил об этом Штюмера, а после попыток его отпираться прямо

---

²⁶⁵ Земский и городской союзы // Московские ведомости, 22 марта 1916 г.

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

²⁶⁷ Иванюшенков И. Впечатление на местах // Московские ведомости, 5 марта 1916 г.

²⁶⁸ Самоупразднение Думы // Там же. 24 марта 1916 г.

²⁶⁹ Московские ведомости, 21 июня 1916 г.

обвинил его во лжи. Сам Поливанов отдавал себе отчет в том, что это должно было привести к его отставке²⁷⁰.

Противоречие, приведшее к отставке самого Хвостова, имело характер столкновения личных амбиций и возникло между ним и Штюмером. Хвостову не удалось сделать из нового премьера целиком послушную и временную фигуру, после которой можно было бы самому занять этот пост. В подспудной борьбе за власть и влияние Штюмер, имевший более широкие и значимые связи, оказался сильнее²⁷¹. Кроме того, для улучшения отношений с Думой Хвостов якобы задумал убийство Распутина, причем даже признался другим министрам, например Наумову, в его подготовке²⁷². Получив такое известие, императрица (в отличие от императора²⁷³) была полностью готова расстаться со своим недавним любимцем. Царь, напротив, велел Штюмеру передать Хвостову, что тот не утерял его доверия даже после отставки²⁷⁴. Уход Хвостова и Поливанова в феврале–марте 1916 г., а также активность А.Ф. Трепова привели к заметному, хоть и краткосрочному установлению в Совете министров деловой обстановки.

В марте Штюмер занял пост министра внутренних дел и попытался вернуть политику ведомства в более устойчивое русло. В правых кругах считали, что, назначив товарищами А.В. Степанова и гр. А.А. Бобринского, Штюмер создал в ведомстве «приличную обстановку» и МВД «как будто избавилось от авантюристов»²⁷⁵. 8 мая он представил императору доклад о совещаниях губернаторов Центральной России о военных и послевоенных нуждах. Губернаторы отмечали единый патриотический порыв населения, но одновременно признавали: «Злоба вражеская, истощаясь на полях битвы, находит союзников в темных силах, стремящихся к сокрушению единства помыслов и трудов истинных сынов России в тылу великих российских

---

²⁷⁰ Падение царского режима... Т. 4. С. 291–294; Т. 7. С. 77–80.

²⁷¹ Там же. Т. 4. С. 387–390, 393–395.

²⁷² Там же. С. 343.

²⁷³ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 108, 121. 2, 5 марта 1916 г.

²⁷⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 105. 2 марта 1916 г.

²⁷⁵ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 60. Л. 58. Н.П. Муратов – А.Н. Нарышкиной, 16 апреля 1916 г.

войск; работа в этом направлении идет неустанно, опираясь на явно злонамеренные, а также малодушные частицы населения, не видящие гибельного значения дела своих рук для государства». Совещание похвалило усилия дворянства (отметив его убывание), покритиковало использование Земгором и кооперативами своих успехов в политических целях (как было отмечено, с ними «предстоит серьезная борьба»), отметило наличие слухов о послевоенном переделе земли в крестьянской и рабочей среде. По мнению губернаторов, печать стала говорить тоном нелегальных листовок. Было обращено внимание на серьезное ослабление полиции и земских начальников из-за воинского призыва (необходимо было повысить жалование и вернуть из армии всех земских начальников), усиление недовольства на социальной почве, распространение самогоноварения в крестьянской среде, недисциплинированность военнопленных, злоупотребления военных властей и национальных беженских организаций. Император начертал: «Искренне благодарю губернаторов. Надеюсь, что все здесь изложенное будет принято в серьезное соображение всеми ведомствами»²⁷⁶. В начале июня Штюрмер собрал секретное совещание по вопросу о послевоенной ликвидации Земгора²⁷⁷. В записке от 7 июля предлагалось введение областных наместничеств и упразднение губернского земства. Планировалось также усилить контроль за печатью путем подготовки для столичных цензоров особой инструкции и повышения их квалификации и содержания (предварительную цензуру вводить не предполагалось, поскольку она была расценена как неэффективная)²⁷⁸. Правительство не отказывалось от закулисных действий: в мае «Новому времени» была выдана секретная казенная ссуда в 880 тыс. руб.²⁷⁹

---

²⁷⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 226; РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 133. Лл. 121–122об.

²⁷⁷ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 451.

²⁷⁸ Всеподданнейшие записки Б.В. Штюрмера. 1916 г. Публ. М.В. Плаксы // Исторический архив. 1994. № 6. С. 55–57, 62–64.

²⁷⁹ Подкуп «Нового времени» царским правительством // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 223–224.

При Штюрмере министры собирались для полицейского доклада о политическом положении (настроениях, забастовках), который делал Белецкий, а затем – его преемник А.В. Степанов²⁸⁰. Совещание при МВД об объединении действий правительственных властей для предупреждения и прекращения фабричных забастовок под председательством Степанова на заседаниях 10 и 13 июня приняло решение предупреждать вмешательство посторонних лиц (членов и представителей Особых совещаний, уполномоченных Военного и Морского министерств, приемщиков) в решение этого вопроса, ограничив круг лиц губернатором (только он мог вызывать войска), полицией, жандармерией и фабричной инспекцией. Было выражено общее мнение, чтобы означенные посторонние лица во время забастовок даже не присутствовали на фабриках. Лишь военный министр придерживался иной точки зрения: он считал, что члены и представители Особых совещаний, наоборот, оказывали благоприятное влияние при прекращении забастовок²⁸¹.

Вместе с тем Штюрмер намеревался вскоре оставить хлопотный пост министра внутренних дел. Кроме того, он собирался уволить ставленника Кривошеина – товарища министра и бывшего товарища председателя Думы В.М. Волконского («переведа его в Сенат или Государственный совет»): «опасаться неудовольствия в Государственной думе – детское опасение». Его предполагалось заменить «работником и преданным человеком». Штюрмер подводил итог: «Если не принять энергичных, немедленных мер – вся лавочка рухнет»²⁸². Товарищ министра гр. Бобринский, судя по личному дневнику, предполагал свое назначение на должность министра внутренних дел, но в конечном счете был переведен министром земледелия. Главной причиной, вероятно, стало то, что этому времени он уже не разделял мнения Штюрмера и Гурлянда о необходимости проводить твердую линию в

---

²⁸⁰ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 451.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 102. Л. 2об.–6.

²⁸² Там же. Оп. 8. Д. 47. Л. 1–2.

отношении общественности и прямо высказывал им свою точку зрения²⁸³. Поэтому Штюмерера сменил продолживший его политику А.А. Хвостов. 4 августа он ходатайствовал об удалении из числа губернаторов некомпетентных лиц и о поднятии губернаторам пенсии в связи с планировавшимся ухудшением условий их службы после войны (в связи с демобилизацией, роспуском союзов и новыми выборами). Ходатайство было удовлетворено²⁸⁴. Состоявшееся 2 сентября – 3 октября 1916 г. под председательством государственного контролера Н.Н. Покровского совещание по ценам на заказы выработало меры, проведение которых резко ограничило бы инициативу общественных организаций: предполагался единый план заказов, правительственный контроль, выведение крупных заказов из-под комиссионеров, твердые тарифы, централизация заграничных заказов²⁸⁵.

Однако летом 1916 г. в Совете министров произошли новые столкновения и они были связаны с фигурой назначенного с подачи А.Н. Хвостова министра земледелия А.Н. Наумова. Осложнение продовольственного вопроса, находившегося в компетенции Министерства земледелия, вынуждал Наумова демонстрировать тесное сотрудничество с общественностью, личный опыт позволял делать это подчеркнуто громогласно. 18 февраля Наумов произнес в Думе речь с призывом к депутатам помочь «оживить <...> страшную мощь нашей страны». Речь была встречена бурными аплодисментами всей Думы, но при ее произнесении Милюков крикнул из зала: «Вы одиноки в правительстве»²⁸⁶. На следующий день Сазонов устроил парадный завтрак и при министрах поднял бокал за Наумова как будущего премьера. На закрытом заседании Государственного совета Гурко («человек, по складу своего характера вообще беспокойный, да при этом немало тосковавший об утраченной им власти и положении») резко

---

²⁸³ Там же. Д. 298. Л. 207–208, 212–212об. 4, 7 июля 1916 г.

²⁸⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 133. Лл. 162–163.

²⁸⁵ Там же. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1838.

²⁸⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. СО. Ч. I. Пг., 1916. Стб. 1832, 1856.

раскритиковал политику Наумова и громко заявил: «Все как будто работают, что-то делают!.. а воз и ныне там... Нет! Видно прогнило все в наше государство!..» Наумов вспоминал: «И подобные хлесткие фразы говорили люди, толком не интересовавшиеся всей той работой, которой были заняты не только лучшие столичные ведомственные силы, но и многочисленные, разбросанные по всей стране лучшие представители местной власти и общественности. За пять месяцев моего правления Министерством земледелия и продовольственным снабжением я никого из выступавших ораторов в будничной рабочей обстановке подведомственных мне отделов не встречал, как ни с кем из них на злободневные темы по сельскому хозяйству и продовольствию не имел случая когда-либо серьезно и обстоятельно беседовать. Видимо, в обычное время это их мало интересовало. В состав членов Особого Продовольственного Совещания эти лица также не входили». Наумов обрушился на обидчика. «Гурко, после заключительных моих слов, видимо, не на шутку взбешенный, сорвался со своего места, что-то стал по моему адресу кричать и стремительно бросился ко мне, но был тотчас же остановлен плотной стеной обступивших меня членов Государственного совета», – написал Наумов²⁸⁷.

Наумов имел хорошие отношения как с членами палат, так и с Николаем II, что являлось следствием не только характера министра, но и значения продовольственного вопроса. 20 мая Наумов жаловался императору на ведомственность. «Тогда его обычно приветливый взгляд стал строгим. Он ударил кулаком по столу и резким, повелительным тоном вдруг воскликнул:

– Да скажите всем этим министрам от моего имени, чтобы они действовали в полном согласии с вами!..

На это я не выдержал и со своей стороны заявил:

– Ваше величество! Не мне это надо говорить, а Вам Самим следует всех нас объединить!..

---

²⁸⁷ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 487, 490–492.

Государь замолк. Быстро охвативший его гнев отошел». Вскоре после этого Куломзин сказал Наумову, что царь им очень доволен и «все уши мне прожужжал про вас». Перспективы Наумова как премьера значительно увеличились. 15 июня Наумов предложил императору уволить Штюрмера, на что тот спросил, не хочет ли министр земледелия сам занять место премьера. Наумов отказался, однако и кандидата не назвал²⁸⁸.

В тот же день наштаверх М.В. Алексеев представил императору записку о необходимости объединения ведомств во главе с одним лицом, наделенным диктаторскими полномочиями. К записке прилагался проект манифеста, по которому наряду с учреждением поста «верховного министра государственной обороны», непосредственно ответственного за транспорт и снабжение военной промышленности, создавалось «министерство доверия» (Думе поручалось составить список кандидатов на министерские посты) и провозглашалась политическая амнистия²⁸⁹. Николай II сразу показал записку Наумову, рассчитывая потом собрать совещание министров по этому поводу (проект манифеста, вероятно, император министру не показал, во всяком случае Наумов ничего о нем в своих воспоминаниях не писал). Министр земледелия ответил, что диктатор неизбежно подчинит себе и главковерха, т.е. самого императора. Поэтому он предложил царю либо просто наделить особыми полномочиями премьера (причем, подобрать подходящее лицо), либо себя, но в таком случае покинуть пост главковерха. Император резко отверг второй вариант. Затем Николай II стал спрашивать Наумова о кандидатах в премьеры, назвав Родзянко и Коковцова. Министр отметил разъединяющую роль Коковцова в кабинете Столыпина, на что царь сказал словами собственной матери: «Да! Коковцов слишком уж чиновник». Наумов предложил взять премьера из великих князей. Царь упомянул кн. А.П. Ольденбургского, но отметил: «Хороший человек, но правильно его

---

²⁸⁸ Там же. С. 514–517, 530.

²⁸⁹ Г.П. (Перетц Г.Г.) В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца 27 февраля – 23 марта 1917 г. Пг., 1917 [репринт: СПб., 1997]. С. 6–7; Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде (Публ. А.Л. Сидорова) // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 104.

называют – «сумбур-пашой»!» Наумов также предложил дать новому премьеру право подбирать министров. После этого царь предложил пост самому Александру Николаевичу. Министр просил время подумать. После доклада протопресвитер армии и флота Г. Шавельский уже ожидал назначения Наумова премьером, а Фредерикс и гофмаршал П.К. Бенкендорф высказывали тождественные с Наумовым политические мнения²⁹⁰.

Однако потенциальный премьер не мог сдержаться в тесных бюрократических рамках. Как считал сам Наумов, правительство вело себя «бессистемно и беспринципно». Поэтому в июне 1916 г. он выступил в печати с интервью, в котором критиковал политику правительства Штюмера в отношении общественных организаций. Министру не нравилось недоверие правительства к ним и проводимые решения о сокращении казенных ассигнований, о чем он и поведал публично. Сам Наумов несколько наивно считал, что таким образом он не провоцировал политического конфликта внутри Совета министров, а хотел во имя сохранения деловых отношений с общественными организациями и поддержания собственной репутации объяснить, что его взгляд на сей счет отличается. Тогда же Наумов поставил вопрос о своей отставке перед Штюмером, но премьер ее отверг. Но вскоре у министра земледелия вышел конфликт со Штюмером, Треповым и кн. Шаховским по поводу запланированной речи министра земледелия в Государственном совете по продовольственному вопросу. Остальные министры хотели составить консолидированную позицию (продовольственный вопрос был тесно связан с транспортным и торговым, т.е. напрямую затрагивал интересы других ведомств) и выступить в Думе осенью, но Наумов ответил, что он «человек самолюбивый» и «общественный деятель», что его программа деятельности создана в согласии с Думой (не правительством!) и хотел выступать, хотя даже не мог

---

²⁹⁰ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 526–532.

поручиться за успех своей речи. На уговоры министров Наумов ответил, что не желает больше работать вместе с ними²⁹¹.

В своих воспоминаниях Александр Николаевич писал, что именно стремление Трепова стать премьером побуждало его отделаться от слишком популярного Наумова. Между тем, Наумов единственным в Совете министров выступал против плана Штюрмера, Трепова и Шаховского распустить палаты «тихо». Сам Наумов косвенно признавал необычность ситуации и свидетельствовал, что это было его первое столкновение с Треповым и Шаховским, которые до того сохраняли с ним тесные деловые взаимоотношения²⁹². Таким образом, главная причина конфликта и отставки все же заключалась не во властных амбициях Трепова²⁹³ и не политических взглядах Штюрмера, а в нестандартном поведении самого Наумова. Зубовский писал: «Дела у нас в министерстве идут довольно гладко, более, впрочем, по инерции, но чрезвычайно сильно хромают. Все это в последнее время выбило Ал. Н. из колеи, а когда открылась Дума и начались всякие вопросы, запросы и кулуарные разговоры, то он и совсем растерялся. Нервничает сильно даже на обычных докладах...»²⁹⁴

27 июня Штюрмер испрашивал отставки Наумова как нуждающегося в лечении нервов. 28 июня Алексеев еще уговаривал министра остаться (сам наштаверх не скрывал своей неприязни к Штюрмеру и Трепову²⁹⁵), но Наумов в тот же день подал в отставку²⁹⁶. Императору он сказал, что мог бы и далее работать, но при иной «обстановке». Царь тихо и волнуясь сказал: «Менять же эту обстановку я сейчас не могу... не имею в виду...». После отставки Наумов был переведен из выборных в назначенные члены Государственного совета²⁹⁷. Штюрмер предложил Игнатьеву заменить

---

²⁹¹ Там же. С. 337–343, 452. См. также: Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 545.

²⁹² Там же. С. 539–542.

²⁹³ Они, конечно, имели место в действительности (Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 178. С. 95; Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 191–193).

²⁹⁴ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 272. Л. 4. П.П. Зубовский – А.В. Кривошеину, 16–17 февраля 1916 г.

²⁹⁵ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 523.

²⁹⁶ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 548–549.

²⁹⁷ Там же. С. 553–554.

Наумова, но тот отказался и также собирался подать в отставку²⁹⁸. Одновременно в Ставке Штюмер договорился о передаче продовольственного дела в ведомство МВД и о назначении товарищем министра по борьбе с дороговизной харьковского губернатора кн. Н.Л. Оболенского²⁹⁹. Управляющим Министерством земледелия императором был назначен протеже Штюмера гр. А.А. Бобринский. Однако это было сделано только через месяц, а Штюмер разнес слух о том, что Наумов договорился об этом с императором, потому что просто хотел получить еще один месячный оклад³⁰⁰. Новый министр был ««обаятельный» по обращению, но в серьезных деловых кругах малоавторитетный»³⁰¹. Чувствовал он себя в правительстве, по словам Барка, «неуютно»³⁰². Разработанная ведомством программа заготовок предполагала активное привлечение к ним общественных организаций – ВЗС и кооперативов. При сохранении твердых цен и двукратном увеличении потребностей в сравнении с кампанией 1915 г. извлечение скрытых запасов расценивалось ведомством как главная задача, а решить ее предполагалось на почве соглашения с общественными силами. На этой почве были приняты постановления от 5 сентября о закупках и от 10 октября о порядке заготовок³⁰³.

28 июня в Ставке министрами обсуждалась записка Алексеева. Трепов предложил назначить диктатором Штюмера³⁰⁴. В результате в тот же день премьер был назначен председателем Особого совещания министров (при том, что сам император в письме супруге писал, что тот «никак не может решиться делать то, что необходимо»³⁰⁵). Тогда же, как вспоминал Шаховской, Трепов, метивший в преемники Штюмера, его руками добился отставки Сазонова как еще одного из кандидатов в премьеры. Князь правда

---

²⁹⁸ Там же. С. 555.

²⁹⁹ Там же. С. 556; ГА РФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 114. Лл. 1–2об.

³⁰⁰ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 557.

³⁰¹ Там же. С. 299.

³⁰² Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 178. С. 100–101.

³⁰³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 144. Л. 1–3; Д. 147. Л. 1–30.

³⁰⁴ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 551–552.

³⁰⁵ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 306. 11 июня 1916 г.

также отмечал, что Трепов был недоволен чрезмерными уступками Сазонова союзникам³⁰⁶. Своими планами убрать министра иностранных дел Трепов делился с Наумовым еще в начале января³⁰⁷. Сам Сазонов в письме Николаю II признавался, что расходится во взглядах с большинством министров, а также благодарил за отставку³⁰⁸. Отстранив Сазонова, Штюрмер 7 июля сменил пост министра внутренних дел на дипломатическое ведомство. Отставка Сазонова и особенно назначение Штюрмера произвело на чиновников МИД, послов и общественность «ошеломляющее» впечатление; кроме того, новый министр не обладал необходимой компетентностью³⁰⁹. Однако по результатам первого полугодия премьерства Штюрмера высокопоставленный чиновник МИД А.А. Радкевич писал в своем дневнике: «Нужно отдать справедливость, что Б.В. справился блестяще со своей задачей, очаровав многих и обласкав «малых мира сего». <...> Он не из тех, что будут искать опоры в «общественности», столь опошлившейся и выродившейся в наше время в «обывательщину». Он не станет ее подголоском, а, наоборот, сильно будет бороться с ней». По мнению Радкевича, Штюрмер был не правым, а ставленником двора – «небольшой клики придворных», его можно было бы определить как «оппортуниста чистейшей воды», мечтающего о роли в заключении мира и канцлерстве³¹⁰. 21 августа Штюрмер в расчете на укрепление своей репутации и рассеивание слухов о сепаратном мире предложил императору добиваться от союзников разрешения на оглашение Петроградской конвенции 1915 г. о Проливах (одновременно с этим союзникам обещалось разрешение польского вопроса)³¹¹.

Итак, новые фигуры, пришедшие в правительство в сентябре 1915 – январе 1916 гг. (Хвостов, Трепов, Штюрмер, Наумов) были призваны

---

³⁰⁶ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 167–171.

³⁰⁷ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 370–371.

³⁰⁸ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1335. Л. 3–4.

³⁰⁹ Михайловский Г.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 176, 184.

³¹⁰ Радкевич А.А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 220. Л. 62–62об. 15 июля 1916 г.

³¹¹ Дневник министерства иностранных дел за 1915–1916 гг. // Красный архив. 1929. № 1 (32). С. 70, 78–80.

поменять сам стиль правительственной деятельности, выбить политическую инициативу из рук либералов. Решить первую задачу оказалось невозможно. Второе, в целом, удалось. Однако нараставшая острота социального кризиса либо нейтрализовала их конструктивную активность, либо толкала к политическим ошибкам.

6.3. Накануне революции: между политическим сговором и политической войной

29 сентября чиновник МИД А.А. Радкевич отметил в дневнике: «В Германии дела ухудшаются; полагают, что она не будет в силах продержаться до нового года – в смысле военных операций. Это новости из Ставки – впервые выраженные в столь категорической форме; по-видимому, из английских источников»³¹². В начале 1917 г. Шаховской также был настроен весьма оптимистично: конференция союзников решила, что Германия не продержится дольше конца 1917 г.³¹³ С другой стороны, обычно столь критично настроенные «Русские ведомости», рассматривая записку министра финансов к бюджетной росписи, признавали, что финансовое положение России отнюдь не было «катастрофическим или безнадежным»³¹⁴.

Осенью (не позднее октября) 1916 г. националистом-прогрессистом В.В. Шульгиным была составлена записка о причинах затруднений в управлении в период войны. Он констатировал, что война отменила неприкосновенность частной собственности и свободу перевозок, а современный экономический строй приблизился к понятию «государственного социализма». Независимые Особые совещания, по мнению автора записки, стали «крупной ошибкой»; частичного успеха добилось только ОСО, и секрет его успеха заключался в «больших и простых

---

³¹² Там же. Л. 78.

³¹³ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 147.

³¹⁴ Соколов А. Война и наши финансовые перспективы // Русские ведомости, 1 января 1917 г.

решениях». Остальные совещания предлагалось сделать комиссиями при ОСО, ввести в него еще и министров финансов, внутренних дел, иностранных дел, государственного контролера, создать при ОСО валютную комиссию. Шульгин также предлагал отбросить «самолюбие» и сократить представительство от палат, поскольку в этой среде царил «значительный абсентеизм». Наиболее насущной задачей становилось создание единого правительства при толковом премьере, при этом признавалось, что даже при уходе Штюмерера любой его преемник будет не лучше³¹⁵. Фактически записка сводила на нет все лозунги либеральной оппозиции. Однако соратниками Шульгина по парламентскому блоку он услышан не был.

Столица жила особой жизнью. Минский губернатор кн. В.А. Друцкой-Соколинский вспоминал о своей служебной командировке в Петроград в конце 1916 г.: «К концу первого дня из всего мною виденного и слышанного вырисовывалась картина такого безысходного трагизма, от которой я буквально впал в отчаянье. Впервые я ощутил возможность катастрофы. Войной в Петрограде буквально никто не интересовался. Все были утомлены сверх меры, все обмякли, и все это на почве экономических затруднений и продовольственных лишений. Все роптали, все сетовали, все негодовали, и, главное, все сплетничали, и все злословили. Меня, как свежего человека, поразило то обстоятельство, что в петербургском обществе конца 1916 года исчезли совершенно сдерживающие начала, исчезли те верхи, которые до сего времени считались недоступными, не подлежащими критике. Мне думается, что к этому времени все нравственные пределы и границы были утрачены. Была общая разнузданность мнений, слов, выражений и, пожалуй, чувств»³¹⁶.

Политический кризис осени 1916 г. развивался на фоне продовольственного вопроса, однако его непосредственными причинами были кризис оппозиции и назначение Протопопова. Накануне думской

---

³¹⁵ ГА РФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 64. Лл. 1–10.

³¹⁶ Друцкой-Соколинский В.А., кн. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914–1918. М., 2010. С. 192.

сессии ожидалась перестановка в верхах. По слухам в думских и чиновничьих кругах, премьером должен был стать Трепов (вероятным кандидатом в премьеры также считался А.А. Хвостов³¹⁷), МИД мог возглавить М.Н. Гирс, МВД – товарищ председателя Думы земец-октябрист А.Д. Протопопов. Штюрмер мог отправиться послом в Рим, однако сомнительным представлялось удаление его сразу со всех постов и замена Протопоповым, это предположительно должно было наступить только весной 1917 г. А.А. Радкевич не верил в назначение Протопопова: по его мнению, сферы, конечно, хотели присмотреть какое-нибудь министерство для думца, но не на столь серьезный пост³¹⁸. Советник русского посольства в Лондоне К.Д. Набоков (брат члена кадетского ЦК) вспоминал, что при приеме парламентской делегации Протопопов рассказывал дипломатам «самые невероятные вещи» про придворных, Распутина, а также «раз два обмолвился такими презрительными фразами по адресу Государственной думы», что оставил слушателей «в недоумении». Набоков запомнил, что у Протопопова «сквозь маску либерального патриотизма нет-нет, да и проглядывала какая-то паясническая гримаса». Посол гр. А.К. Бенкендорф, по свидетельству Набокова, выразился по поводу товарища председателя Думы «кратко и, пожалуй, не вполне исчерпывающе: «C'est un imbecile [Это идиот (франц.)]»³¹⁹.

Назначение, а также согласие самого Протопопова на назначение были восприняты как сенсация. В этом не было ничего странного: пожалуй, это кадровое решение стало наиболее необычным за весь третьеиюньский период. А.Д. Протопопов являлся «обуржуазившимся помещиком»: имел крупное поместье в Симбирской губернии, суконную фабрику и лесопильный завод. «Бывший парижский бульвардье из гвардейских офицеров и салонный шармер», Протопопов проявлял склонность к

---

³¹⁷ Радкевич А.А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 220. Л. 75. 16 сентября 1916 г.

³¹⁸ Там же. Л. 74–74об. 14, 15 сентября 1916 г.

³¹⁹ Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 45–46.

актерству³²⁰. Протопопов вступил в партию октябристов и баллотировался на выборах в I Думу, но избран не был. Депутатом он стал лишь в 1907 году и активно работал в комиссии по рабочему вопросу³²¹. На III съезде октябристской партии (1909 год) Протопопов выступил докладчиком по рабочему вопросу и проявил себя сторонником обязательного страхования рабочих³²². Несмотря на причастность либеральному движению, Протопопов, по-видимому, из карьерных соображений, также был участником ряда консервативных салонов (гр. С.С. Игнатъевой, П.А. Бадмаева и др.)³²³.

Товарищ председателя Государственной думы, участник Прогрессивного блока А.Д. Протопопов давно был кандидатом в министры и очень желал назначения. В беседе с Наумовым при его назначении Протопопов «слащавым голосом, пересыпая речь французскими словечками» стал пенять ему за попытку отказаться от назначения: «Разве можно отказываться идти в министры?!.. Подумайте, дорогой Александр Николаевич, в министры?!»³²⁴ Протопопов сразу сблизился с Шаховским после его назначения, что было также нужно и самому Шаховскому для контактов с Думой, и стал навязываться ему в товарищи министра. Не получив искомого, он стал действовать через жену Шаховского, затем – через Кривошеина, который активно поддержал эту кандидатуру. В сентябре 1915 г. Протопопов вдруг пропал, поскольку стал обхаживать гр. В.С. Татищева, которого прочили на место Шаховского (о чем Протопопов даже успел рассказать товарищам Шаховского – В.В. Прилежаеву и В.Д. Сибилеву). Когда затея сорвалась, Протопопов приехал к Шаховскому с показным покаянием, «кинулся <...> на шею и целовал». Затем Протопопов попытался через Распутина перевести Шаховского на пост министра внутренних дел, а самому занять его пост³²⁵. Кандидатуру Протопопова на

³²⁰ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 111–113.

³²¹ Шилов Д.Н. Ук. соч. С. 550–551.

³²² Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 105–107.

³²³ Стогов Д.И. Ук. соч. С. 296–299.

³²⁴ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 344.

³²⁵ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 79–81, 88–89; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 55.

министерский пост также активно лоббировал Родзянко³²⁶, умеренные думские круги и банки³²⁷.

После заграничной поездки парламентской делегации Протопопов опять начал интриги против Шаховского. Министр, узнав об участии в интриге Штюрмера, обратился к нему и выразил желание уйти в отставку, но премьер ответил, что Протопопова плохо знает и в министры не выдвигает³²⁸. В действительности Штюрмер предлагал на этот пост кн. Н.Л. Оболенского, председателя Особого комитета по борьбе с дороговизной³²⁹. Не Штюрмер, а Родзянко, Сазонов, английский король Георг V, а ранее и Кривошеин хвалили Протопопова и прочили его на министерский пост³³⁰. Императрица заинтересовалась Протопоповым всего за 9 дней до его назначения, но быстро стала его сторонницей. По ее мнению, назначение депутата сорвало бы Думе ее политику. Кроме того, кандидат в министры поддерживался Распутиным (они были знакомы 4 года) и выражал личную лояльность. Императрица стремилась сохранить в правительстве Шаховского, удалить Хвостова (а также директора Департамента полиции Е.К. Климовича) и не допустить Оболенского – этими обстоятельствами и диктовалось желание вручить Протопопову именно пост министра внутренних дел. 7 сентября Александра Федоровна писала мужу: «Ты знаешь его и он произвел на тебя хорошее впечатление» (Протопопов представлялся императору после возвращения из-за границы парламентской делегации). Николай II отвечал: «Протопопов – хороший человек, но у него много дел с заводами и т.п. <...> Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня совершенно врасплох. Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь – поэтому надо быть осторожным, особенно при назначениях на высокие должности». Император возражал против предлагавшейся Александрой Федоровной одновременной отставки

---

³²⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 18.

³²⁷ Колышко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 106.

³²⁸ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 178.

³²⁹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 11.

³³⁰ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 83–84.

Хвостова и Климовича – министра и начальника полиции, кроме того, считал, что частные перемены лиц не способствуют улучшению администрации. Тем не менее, 16 сентября министерская мечта Протопопова сбылась. Первая личная встреча нового управляющего МВД с императрицей состоялась, очевидно, лишь 21 сентября (вторая после летней аудиенция у Николая II состоялась 28 сентября). Положительный отзыв о Протопопове сразу после его назначения дал Николаю II и Бобринский³³¹. Таким образом, Протопопову так или иначе (и любой ценой) удалось заручиться поддержкой широчайших кругов.

В июле «Московские ведомости» писали о Протопопове, что он «замечательно милый, добрый и корректный человек», не испортившийся даже в Думе, только подпавший под влияние банков и лоббирующий спекулянтов – суконщиков и металлистов³³². По воспоминаниям Барка, во время парламентского визита в Британию Протопопов сообщил ему, что банкирские дома хотели бы равноправия для русских евреев. Барк ответил, что говорил с императором на эту тему, тот не выказал никакого предубеждения, но вопрос требовал прохождения через палаты, а это вызвало бы трудности. Протопопов вынужден был молчаливо согласиться³³³. Прилежаев увидел Протопопова в ОСоТоп, где тот был очень любезен и обходителен, но уже тогда в нем, по словам Прилежаева, стала сказываться «какая-то неуравновешенность и обнаруживался карьеризм, совершенно не понятный для почтенного члена законодательного учреждения». Протопопов возглавил отдел древесного топлива и опаздывал на его заседания на 3 часа, когда все уже расходились; вел со всеми разговоры, что скоро при смене министра станет товарищем министра торговли и промышленности, потом

---

³³¹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 11–12, 16–18, 51, 58, 79. 7, 9, 10, 21, 22, 28 сентября 1916 г.

³³² Удивленный. Судьба! // Московские ведомости, 30 июля 1916 г.

³³³ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 177. С. 105–106.

стал министром внутренних дел и после этого выглядел совершенно счастливым³³⁴.

После представления Протопопова чинам МВД один из видных чинов Департамента полиции сказал: «Вот это министр! Такого эти стены никогда не видали: сейчас видно, что настоящий европеец»³³⁵. Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Н.П. Харламов не сомневался «в том, что если бы Протопопов не попал в министры в сентябре 16-го года, то он оказался бы таковым в марте 17-го года, в составе Временного правительства, в первом кабинете общественного доверия»³³⁶. Барк соглашался с этой характеристикой: «Его объяснения и суждения были необычайно поверхностны, он никаким авторитетом не пользовался и представлял собой жалкую фигуру по своей неосведомленности и некомпетентности». «В высшей степени воспитанный человек, внимательный, любезный, располагавший к себе своим мягким общением», но, по словам министра финансов, Протопопов умел лишь хорошо говорить и не был деловым человеком, совершенно не чувствуя времени и постоянно намного опаздывая. Барк приходил к тому же выводу, что и Харламов: «Он был прототипом тех своих коллег, которые после переворота образовали первое революционное Временное правительство – фантазеров, преисполненных добрых намерений, лишенных всякого государственного опыта, обладающих талантом красноречия и придававших огромное значение словам, но не умевших претворять слова в действия»³³⁷. Ходили даже слухи, что он согласился занять пост при условии вхождения в правительство кн. Львова и еще одного думца, но знающий Протопопова А.А. Радкевич в это не верил: «он до такой степени должен быть доволен выпадающей на него долей, что ни о каких условиях и не помышляет»³³⁸.

---

³³⁴ Прилежаев В.В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 33–35.

³³⁵ Харламов Н.П. Записки бюрократа. Воспоминания. Последний министр последнего самодержца (А.Д. Протопопов) // НИОР РГБ. Ф. 261. Оп. 20. Д. 5. Л. 5.

³³⁶ Там же. Л. 1.

³³⁷ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 179. С. 102.

³³⁸ Радкевич А.А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 220. Л. 75об. 17 сентября 1916 г.

Протопопов не являлся кандидатом Штюрмера, однако, как справедливо считал Барк, премьер не выступал против такого назначения, поскольку не прочь был наладить отношения с Думой³³⁹. Отмечалось, что Протопопов имеет доверие дворянства, торгово-промышленников и общественных кругов³⁴⁰. Тут же возникли слухи, что Барка могли сменить торгово-промышленники А.И. Путилов или А.И. Вышнеградский, Макарова – депутат-октябрист Н.И. Антонов³⁴¹. Как отмечал Б.А. Татищев (в 1911–1916 гг. состоял первым секретарем посольства в Париже), назначение министром внутренних дел товарища председателя законодательной палаты во всем мире было бы воспринято как выражение Высочайшего доверия к парламенту³⁴².

Но Штюрмер ошибся в расчетах. На заседании кадетского ЦК П.Н. Милюков (неформальный лидер Прогрессивного блока) указал, что на Западе назначение Протопопова воспринималось как «поворотный пункт внутренней политики России в сторону думского прогрессивного блока». Кадетский лидер сомневался в прочности позиций нового управляющего в правительстве, но, по словам полицейских агентов, не исключал возможности, что «все остальные министерские портфели должны будут распределиться среди думского большинства, и таким образом фактически организуется ответственное министерство». Милюков считал назначение первой уступкой, на которую власть пошла в результате неспособности решить продовольственный вопрос и подчинить общественные организации. «В недалеком будущем должна последовать полнейшая перетасовка лиц и положений», – заключил он. Но А.А. Кизеветтер опасался, что октябристы после вхождения в состав правительства Протопопова могли поддержать даже Штюрмера. Поэтому кн. П.Д. Долгоруков предложил сосредоточиться на борьбе за его отставку. С целью ускорить события и не допустить угрозы

---

³³⁹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 179. С. 103–104.

³⁴⁰ Назначение А.Д. Протопопова // Московские ведомости, 20 сентября 1916 г.

³⁴¹ Радкевич А.А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 220. Л. 77об. 27 сентября 1916 г.

³⁴² Татищев Б.А. Крушение, 1916–1917: Воспоминания // Возрождение. 1949. № 4. С. 119.

раскола блока Милюковым предполагалось усиление политической борьбы, в том числе и на предстоящей с 1 ноября сессии³⁴³. 3 октября собралось совещание Прогрессивного блока. Мнения, высказанные на нем, оказались предельно схожими. Милюков констатировал «ужас положения внутри и вне» думского большинства. Назначение Протопопова было изображено им как провокация и серьезный удар по престижу Думы. «Назначение Протопопова – признак разложения Думы: наш разврат, который надо заклеить», – соглашался земец-октябрист (соратник Протопопова по фракции) гр. Д.П. Капнист³⁴⁴.

Бывшие соратники Протопопова по Думе теперь считали его предателем. «Русское слово» передавало сцену, произошедшую на заседании думского комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам. Присутствовали Родзянко, Милюков, Ефремов и др. Прибыл Протопопов. Несколько депутатов поздравили его с грядущим назначением и обратились к Родзянко за подтверждением слухов о его грядущем назначении (очевидно, премьером). Родзянко в присутствии Протопопова категорически это отверг и заявил: «Неужели вы допускаете <...> что я соглашусь посвятить себя бюрократической деятельности при нынешних условиях»³⁴⁵. Сам Протопопов вовсе не собирался портить отношения с думцами. На следующий день он даже отправился к Штюмеру передать желание депутатов собраться ранее 1 ноября (хотя и получил отказ)³⁴⁶. Но через два дня «Русское слово» уже иронично сообщало, что Протопопов отказался сообщить газете о своей программе до получения указаний от премьера³⁴⁷. 20 сентября газета сообщила, что новый министр вступил в «бюрократический блок» Штюмера³⁴⁸. «Московские ведомости» отвергали мнение о грядущей политической реформе, поскольку думское большинство выразило

³⁴³ ГА РФ. Ф. 63. МОО. Оп. 47. 1916. Д. 503. Л. 2–3.

³⁴⁴ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 82–83.

³⁴⁵ А.Д. Протопопов // Русское слово, 16 сентября 1916 г.

³⁴⁶ А.Д. Протопопов у Б.В. Штюмера // Там же. 17 сентября 1916 г.

³⁴⁷ Задачи А.Д. Протопопова // Там же. 19 сентября 1916 г.

³⁴⁸ Первые заявления // Там же. 20 сентября 1916 г.

недовольство назначением³⁴⁹. В бюрократических кругах, в свою очередь, никто не понимал причин назначения Протопопова, тем более, никто не верил в долгосрочность пребывания его на министерском посту³⁵⁰. 7 октября Радкевич уже сомневался в уходе Штюрмера перед сессией и даже отмечал усиление его позиций³⁵¹. Но в вероятность отставки Протопопова Радкевичу верилось больше: «Может быть, Пуришкевич был прав, пожелав ему продержаться хотя бы месяц!»³⁵²

Сам Протопопов от назначения «пришел в раж и потерял здравый смысл»³⁵³. Вскоре он заявил об «общей» политике правительства Штюрмера, тем самым окончательно увязав себя с ним³⁵⁴. 19 октября думское руководство и актив блока встретились с новым управляющим МВД по его просьбе на квартире Родзянко. На этой встрече были окончательно расставлены все акценты. Протопопов демонстративно явился в жандармской форме (до него последним публично носившим ее был В.К. Плеве) и попытался осведомиться у думцев о причинах их неблаговоления к нему. Милюков на повышенных тонах объяснил ему, что его вхождение в правительство и первые меры на посту управляющего, компрометируют Думу. На это Протопопов заявил, что никогда не считал себя его членом и даже вышел из фракции земцев-октябристов. Попытки уговорить его покинуть занятый пост ни к чему не привели. Дальнейший разговор превратился в бессмысленную перепалку³⁵⁵.

Вступив в конфликт с оппозицией, Протопопов также проявил полную некомпетентность в делах министерства. Вся предыдущая «административная» карьера Протопопова заключалась в том, что он был уездным предводителем дворянства. Председатель московского цензурного комитета А.А. Сидоров отмечал, что Протопопов принимал подчиненных «с

---

³⁴⁹ Назначение А.Д. Протопопова // Московские ведомости, 20 сентября 1916 г.

³⁵⁰ Радкевич А.А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 220. Л. 75. 16 сентября 1916 г.

³⁵¹ Там же. Л. 79.

³⁵² Там же. Л. 81. 13 октября 1916 г.

³⁵³ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 111–113.

³⁵⁴ Утро России, 1 октября 1916 г.

³⁵⁵ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 314–320; ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–12.

салонной любезностью», в делах не разбирался и совершенно не умел распределять рабочее время³⁵⁶. Будучи в целом сторонником либеральных реформ в сфере печати и местного самоуправления, национальном вопросе³⁵⁷, Протопопов при своих деловых качествах вряд ли смог чего-либо добиться. 2 октября директор Департамента общих дел П.П. Стремоухов составил для нового министра секретный доклад о порядке дел в министерстве, о чем Протопопов, видимо, имел лишь самые приблизительные представления³⁵⁸. В результате при всей своей активности он практически ничего не делал по ведомству³⁵⁹. Губернаторов и «людей с мест» управляющий не принимал³⁶⁰. Работу за него вел С.А. Куколь-Яснопольский (начальник Управления по делам воинской повинности, в октябре назначенный товарищем министра)³⁶¹. Кроме того, влияние на нового главу МВД оказывал П.Г. Курлов. Протопопов говорил, что он чрезвычайно надежен и называл своим другом³⁶². Они были знакомы еще по кавалерийскому училищу. Курлов был хорошо известен и другому своему другу по кавалерийскому училищу Н.П. Муратову; по его словам, Павел Григорьевич был добр, честен, доступен, впоследствии – великолепный судебный оратор (Курлов занимал должность прокурора), был благороден с подчиненными, взятки не брал, но был показательно щедрым (своего имени не имел, но женился на дочери миллионера ярославского городского головы И.А. Вахромеева). Однако, как отмечал тот же Муратов, Курлов был также «большой эгоист», карьерист, «немного хлыщеватый и сноб»³⁶³. Карьеристы-кавалеристы неплохо подходили друг другу. 23 октября Курлов назначался

---

³⁵⁶ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 111–113.

³⁵⁷ Куликов С.В. Ук. соч. С. 281.

³⁵⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 119. Лл. 12–13.

³⁵⁹ Харламов Н.П. Записки бюрократа. Воспоминания. Последний министр последнего самодержца (А.Д. Протопопов) // НИОР РГБ. Ф. 261. Оп. 20. Д. 5. Лл. 14–14об.; Путилов А.С. Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 28.

³⁶⁰ Друцкой-Соколинский В.А., кн. Ук. соч. С. 192–193.

³⁶¹ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 111–113.

³⁶² Игнатъев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 9. С. 282.

³⁶³ Муратов Н.П. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 28. Л. 345–356.

товарищем министра «в виду крайнего обременения товарищей министра внутренних дел текущими делами»³⁶⁴.

Свое основное внимание Протопопов решил уделить печати и общественным организациям. Протопопов выражал уверенность, что именно печать разложила верхи и низы общества³⁶⁵. В докладе от 2 октября Стремоухов предложил составить циркуляр губернаторам о контроле над общественными организациями. 16 октября Протопопов издал секретный циркуляр губернаторам и градоначальникам, в котором отмечал нежелание «некоторых губернаторов» контролировать деятельность общественных организаций и напоминал им об их «широких полномочиях» в сфере общественной безопасности и надзора за всеми отраслями местного управления. Им был составлен и проект циркуляра председателя Совета министров с упоминанием монаршей воли с тем же смыслом, однако он, видимо, не был утвержден, после чего и появился собственно министерский циркуляр³⁶⁶. В секретном циркуляре от 9 января 1917 г. Протопопов вынужден был повторить свою мысль о «широких полномочиях» губернаторов. Также указывалось на недопустимость проникновения в печать секретных сведений из правительственных учреждений. «В той же печати помещаются статьи, направленные прямо против существующей власти. Не отрицая возможности критики тех и других мероприятий Правительства, я нахожу однако совершенно недопустимым, чтобы критика эта приобретала характер грубой брани, причем чаще всего основанной на заведомой лжи и клевете. Следует отметить также наблюдающуюся противогосударственную деятельность некоторых земских и городских общественных самоуправлений, а также и некоторых других общественных организаций, которые отклоняясь от предоставленного им законного круга дел, открыто стали на путь политических выступлений, вынося резолюции явно противогосударственного характера. <...> Нельзя не отметить при этом,

³⁶⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 133. Л. 202.

³⁶⁵ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 111–113.

³⁶⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 133. Лл. 5, 10.

что некоторые организации, как в своей деятельности, так и в сношениях с Правительством, стараются иногда вселить в широкие слои населения совершенно превратное представление о своих задачах, приписывая «общественности» те права, обязанности и функции, которые присущи только Правительству, что совершенно недопустимо по самой природе государственного строя. Этим сознанием необходимо проникнуться, а равно и разъяснять его кому следует в надлежащих случаях»³⁶⁷. По поводу оппозиционной резолюции дворянского съезда на рубеже ноября-декабря 1916 г. на полях обзора печати Протопопов написал: «Убежден, что это не так: вся эта оппозиция выросла на почве расстройства продовольственной части и тягот военных. Число ее вожаков невелико. Выразители ее – Дума, частица Государственного совета и группа дворян (далеко не все, не купечество, не капитал и не деревня). Ошибки самого правительства, возрадившие не общественность, а лже-такую в виде союзов (существующих до сих пор даже без государственного контроля), дают оппозиции видимость основания и составляют декорацию «земли Русской». Власть сильнее оппозиции и должна в это верить, тогда поверят и другие. А.П.»³⁶⁸.

Однако Протопопов быстро и на глазах у всей страны продемонстрировал слабость как в администрировании, так и в ведомственных интригах. Обострение продовольственного кризиса спровоцировало попытку передачи продовольственного дела после отставки Наумова в ведомство Министерства внутренних дел. Инициатором являлся Трепов, разочарованный в организаторских способностях выдвинутого Штюмером нового министра земледелия гр. А.А. Бобринского. Активным противником выступал только гр. Игнатьев, не пользовавшийся большим влиянием в правительстве³⁶⁹. «Московские ведомости» поддержали идею нового министра передать продовольственное дело МВД и банкам, но

³⁶⁷ Там же. Лл. 23–23об.

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 450. Л. 46–46об.

³⁶⁹ Игнатьев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 9. С. 278–279.

отметили, что в таком случае и сами банки должны быть подчинены министерству³⁷⁰. «Московские ведомости» призывали к диктатуре тыла «на военный образец». «Исчезли всякие различия между гражданами, каждый задает себе тревожный вопрос: как-то Бог даст нам пережить наступающую зиму?», – писала газета, отмечая, что власть «до сих пор еще не приспособлена для чрезвычайных условий настоящей войны». Нужен был «главнокомандующий тыла» с полнотой ответственности: «за неудачу же пусть он поплатится так же, как комендант, сдавший свою крепость врагу, или генерал, проигравший по своей вине сражение». Газета приводила слова Столыпина: «Ошибочно думают, что русский кабинет даже в его современной форме есть власть. Он – только отражение власти. Нужно знать ту совокупность давлений и влияний, под гнетом которых ему приходится работать»³⁷¹. По свидетельству Протопопова, Трепов в продовольственном вопросе сперва поддержал его, но после замены Бобринского на бюрократа-профессионала А.А. Риттиха выступил за сохранение продовольственного дела в ведомстве Министерства земледелия³⁷². Как свидетельствует дневник племянника министра внутренних дел С.Д. Протопопова, сам министр жаловался, что Штюмер, Трепов и Бобринский взвалили на него продовольственное дело и тем совсем поспорили его с Государственной думой³⁷³. Можно было также предположить, как отмечал Шаховской, что Трепов в лице Протопопова, ставшего министром из товарищей председателя Думы и изначально надеявшегося на парламентскую поддержку, стремился устранить очередного конкурента в борьбе за премьерское кресло³⁷⁴. Пресса открыто писала о конфликте³⁷⁵.

---

³⁷⁰ Реформа продовольственного дела // Московские ведомости, 9 октября 1916 г.

³⁷¹ Ответственность власти // Там же. 15 октября 1916 г.

³⁷² Падение царского режима... Т. 4. С. 71–78.

³⁷³ РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 111об. 1 ноября 1916 г.

³⁷⁴ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 89.

³⁷⁵ Напр.: Продовольственная борьба // Русское слово, 29 октября 1916 г.

В октябре 1916 г. политическая ситуация на фоне социальных трудностей обострилась настолько, что недовольство овладело даже верхушкой генералитета. В середине октября наштаверхом М.В. Алексеевым готовилась записка о неспособности правительства управлять страной. Чрезвычайно эмоциональная (особенно для штабного ума) она не была дописана, в результате Алексеев сделал устный доклад, в котором он «решительно» и откровенно высказал императору свое мнение³⁷⁶. Предстоящая сессия в либеральной прессе также подавалась, как попытка вывести страну из того «тупика, куда завели страну» бюрократы. С.Б. Веселовский предлагал провести меры по продовольственному вопросу, реформе местного самоуправления, рассмотреть внесенные правительством законопроекты о мерах по развитию сельского хозяйства в связи с войной и о введении всеобщего образования, однако отказать в кредитах на новоучрежденное Министерство народного здравоохранения³⁷⁷. Парламентский блок собирался сделать продовольственный вопрос основным средством борьбы на предстоящей сессии³⁷⁸. Единого плана решения проблемы выработано не было, поскольку у правого и левого крыла блока имелись прямо противоположные рецепты. При этом было решено не вступать в сотрудничество с правительством и разоблачать правительственный план с думской трибуны.³⁷⁹ «Это – такая подлая вещь, что мы перегрыземся и устроим кавардак, а с другой стороны, нет более сильного средства против Штюмера», – признавал В.В. Шульгин на заседаниях бюро³⁸⁰. Кадеты связывали свои политические надежды именно с продовольственным вопросом. И.И. Петрункевич писал Милюкову: «Для

---

³⁷⁶ Из истории борьбы в верхах... С. 168–169, 179.

³⁷⁷ Веселовский С. Предстоящая сессия // Русское слово, 28 октября 1916 г.

³⁷⁸ Хлебная монополия в 1915 г. была инициирована Кривошеиным с подачи общественности; тогда же продовольственный вопрос был передан из ведения МТП в сферу ГУЗЗ (Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 68–74). В.А. Маклаков впоследствии признавал, что твердые цены не могли решить продовольственный вопрос в России: они лишь вызвали перебои с хлебом, спровоцировавшие революцию (Маклаков В.А. О книге Пэрса «Падение русской монархии» // История и историки. 2001. Историографический вестник. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2001. С. 300).

³⁷⁹ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 224–225.

³⁸⁰ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 178. С. 85.

этого, временно, Дума должна превратиться в своего рода конвент. Не думайте, чтобы этот план был утопичен только потому, что он сейчас неисполним: завтра, когда стихия разразится полной анархией, он станет неизбежен. В Германии назначили диктатора продовольственной части и потерпели крушение, потому что какой же авторитет в стране может иметь назначенный чиновник. Но диктатор-Дума – это авторитет всенародного решения»³⁸¹.

В проекте декларации блока, написанном Милюковым, власть обвинялась в измене и развязывании гражданской войны, а Государственная дума призывалась к решительной борьбе за власть, обличенную народным доверием. Если блок отказался бы принять проект, кадетская фракция намеревалась выступить самостоятельно с еще более резкими призывами к свержению правительства. Прогрессисты посчитали проект Милюкова слишком вялым, правое крыло блока – слишком радикальным. После отвержения на заседании бюро умеренного проекта Шульгина Крупенский секретно передал милюковский проект правительству. В результате правое крыло настояло на переработке документа, снятии обвинений в измене и гражданской войне, замене требования «народного доверия» на лозунг «доверия думского большинства». Тем самым, декларация теряла всю новизну и ударную силу. После этого прогрессисты заявили о выходе из блока³⁸².

Штюмер планировал произнести речь при открытии Думы 1 ноября, но, узнав о настроениях депутатов, отказался³⁸³. 28 октября Штюмер прочел министрам милюковский проект декларации блока. Было предложено снести с Родзянко и вычеркнуть наиболее резкие места, но сам Штюмер отказывался от подобной миссии, поскольку за несколько дней до того поссорился с Родзянко. Отвергнуто было и предложение об отсрочке сессии.

---

³⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 699–699об. И.И. Петрункевич – П.Н. Милюкову, 5 октября 1916 г.

³⁸² Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 225–227.

³⁸³ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 135; Татищев Б.А. Крушение, 1916–1917: Воспоминания // Возрождение. 1949. № 4. С. 122–123.

После этого Штюрмер обратился к Игнатьеву: «Граф, Вы нам помогите». Игнатьев в ответ произнес страстную речь о том, что нынешний состав Совета министров «не смеет и не имеет нравственного права вступать в переговоры с Государственной Думою, со страной», и в просьбе отказал. Однако, по воспоминаниям самого Игнатьева, затем из высоких патриотических соображений он вместе с Покровским все же согласился поговорить в близких им думских кругах. Игнатьев выдвигал условие – невмешательство других министров, особенно Протопопова. Протопопов согласился, однако обер-прокурор Раев вдруг сказал: «Нам было бы все-таки интересно знать, что будут говорить членам Думы наши делегаты». Игнатьев вспоминал: «Это меня совершенно взорвало и я, сознаюсь, грубо и резко сказал: «Видимо, меня неправильно поняли, я делегатом этого Совета не могу и не желаю быть, никому здесь отчета в своих действиях давать не намерен и буду действовать, как Игнатьев, а не как член этого Совета. Если эти условия неприемлемы, я не пошевелю «пальцем»». Министры сразу согласились. После переговоров Игнатьева и Покровского с думцами текст (обвинения в измене) был смягчен³⁸⁴.

Между тем именно это соглашение правого крыла блока с министрами и спровоцировало раскол блока. Декларация вышла бледной, спасти остатки парламентского большинства пришлось Милюкову. В конце первого дня сессии 1 ноября он выступил со своей знаменитой речью, содержащей обвинения императрицы и премьера в измене. О возможных резкостях Совет министров знал заранее, и поэтому его члены предварительно ушли в Государственный совет³⁸⁵. Однако единственным ответным шагом правительства на выступление Милюкова и, впоследствии, других депутатов стало то, что речи не были опубликованы. Декларация блока также вышла в газетах с цензурными купюрами³⁸⁶. Лишь «Московскими ведомостями»

---

³⁸⁴ Игнатьев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 9. С. 281–282.

³⁸⁵ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 179. С. 104.

³⁸⁶ Напр.: Русское слово, 2 ноября 1916 г.

поведение Думы было квалифицировано как «измена»³⁸⁷. Газета сперва замалчивала, но потом призвала опубликовать речь Милюкова, а также предупреждала против отставок министров вследствие думского натиска, поскольку это стало бы шагом к парламентаризму³⁸⁸. Однако эффект уже был достигнут. Власть оказалась деморализована, страна, так или иначе узнавшая о содержании речи, была уверена в неопровержимости обвинений. На аудиенции Родзянко имел смелость заговорить с императором об измене, созревшей вокруг трона. Николай II слушал молча, а потом спросил: «А что меня, М[ихаил] В[ладимирович], Вы также считаете изменником?»³⁸⁹.

Вечером после открытия думской сессии высокопоставленные сотрудники МИД (товарищ министра А.А. Нератов, начальник канцелярии министра Б.А. Татищев, директор II департамента бар. Б.Э. Нольде и др.), чей непосредственный начальник получил обвинение в измене, обсудили создавшееся положение. Нольде имел «сияющее лицо» и утверждал: «уже все кончено», «через три месяца у нас будет республика», «республика – единственный выход»³⁹⁰. После речи Милюкова Совет министров предложил Штюмеру выступить с ответом. Когда он отказался, было решено получить стенограмму и подать в суд³⁹¹. 3 ноября правительство приняло решение о привлечении Милюкова к суду за клевету³⁹², но делать это на практике не торопилось. Протопопов также предложил распустить Думу, но не получил поддержки. Игнатъев, а потом Трепов предложили выступить военному министру Д.С. Шуваеву, Макаров по согласованию со Штюмером и Треповым составил ему речь. Однако Игнатъев, поддержанный Григоровичем, предложили выступать без заготовки и от себя лично. Так в результате и случилось³⁹³. Сам Штюмер в этот день навестил британского посла, фразу из речи которого использовал Милюков при обвинении

---

³⁸⁷ Накануне преступления // Московские ведомости, 5 ноября 1916 г.

³⁸⁸ Попытка создать прецедент // Там же. 11 ноября 1916 г.

³⁸⁹ Радкевич А.А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 220. Л. 94. 21 ноября 1916 г.

³⁹⁰ Михайловский Г.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 210, 213.

³⁹¹ Игнатъев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 9. С. 282.

³⁹² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 544–545.

³⁹³ Игнатъев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 9. С. 282–284.

премьера. Штюмер попытался спровоцировать протест со стороны Бюкенена, но не поддался³⁹⁴. Выступление в палате 4 ноября Шуваева и морского министра Григоровича, засвидетельствовавших патриотическое единство с депутатами после их резких нападок на Штюмера, как и следовало ожидать в ситуации промолчавшего Совета министров, было воспринято, как раскол правительства³⁹⁵. В прессе открыто отмечалось: «Наиболее видные чиновники и руководители отдельных ведомств почти совершенно не занимаются делами». Как утверждалось, Протопопов никого не принимал³⁹⁶. «Русское слово» прочило Григоровича в премьеры³⁹⁷.

Отношение министров к Государственной думе, кроме оказавшегося в исключительной ситуации Протопопова, было вполне единодушным: господствовало примирительное настроение. Ослабила давление и военная цензура. «Русским ведомостям» сперва не были разрешены статьи от 3 ноября с фразой о «глубоком кризисе всей нашей государственной жизни» и об уклонении Штюмера от судебного преследования Милюкова. Вычеркнут был комментарий газеты от 5 ноября о «кризисе кабинета Штюмера» при освещении появления военного и морского министров в Думе. Речь Маклакова была сперва выправлена, потом поставлена резолюция: «Набрать все без выкидок». Речь Шульгина сначала была перечеркнута, потом поставлена резолюция: «Набрать». Лишь речь трудовика А.Ф. Керенского была запрещена окончательно³⁹⁸. Шипов писал: «Отвратительное впечатление производит внешний вид газет с белыми пятнами. А между тем не понимаю, как цензура пропустила передовую во вчерашнем № «Русс. Ведомостей», кончающуюся вопросом, кого нужно спасать – Россию или Штюмера и Ко»³⁹⁹. Правый националист С.В. Левашов имел основание 1 ноября заявить в Думе: «Мы совершенно опровергаем столь

³⁹⁴ Дневники // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 172. 4 ноября 1916 г.

³⁹⁵ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 135–136.

³⁹⁶ Русское слово, 12 ноября 1915 г.

³⁹⁷ Там же. 4 ноября 1916 г.

³⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 1701. Оп. 2. Д. 107. Лл. 53, 57–58, 65, 85–94, 107–113.

³⁹⁹ НИОР РГБ. Ф. 440. Картон 8. Ед. хр. 8. Л. 53об.–54. 5 ноября 1916 г.

распространенное в некоторых кругах обвинение правительства в том, что будто бы оно препятствует общественным организациям, <...> не дает работать Государственной думе и подавляет так называемую общественность. Ошибки правительства совсем в другом – в разрозненности, непоследовательности его действий, в отсутствии единой, решительной и твердой власти и, наконец, в боязни крутых мер, которые, однако, явно необходимы при обстоятельствах военного времени. Правительство повинно скорее в желании всем угодить, а вовсе не в том, что оно кого-то может угнетать»⁴⁰⁰.

В начале ноября в консервативном салоне члена Государственного совета шталмейстера А.А. Римского-Корсакова, куда входили Н.А. Маклаков, Н.Е. Марков, Г.Г. Замысловский, С.П. Белецкий и др.⁴⁰¹, была составлена написанная ярким экспрессивным языком записка о внутреннем положении России; в ней предлагалась программа преодоления сложившегося политического кризиса. Основным автором, по всей вероятности, являлся М.Я. Говорухо-Отрок⁴⁰², однако оригинал текста записки имел личную правку Маклакова. Государственная дума обвинялась в открытых революционных поползновениях и организации «государственного, а весьма вероятно, и династического переворота». Предлагалось назначить на посты министров, начальников округов и военных генерал-губернаторов верных династии лиц, наделить представителей местной администрации полномочиями по удалению от должности всех неблагонадежных или проявивших «слабость или растерянность» чиновников; немедленно закрыть левые газеты с одновременным усилением поддержки правых, привлечь на сторону власти хотя бы одну из крупных умеренных газет; милитаризовать военные заводы, поставить под военный контроль учреждения Земгора и военно-промышленных комитетов с целью пресечения революционной пропаганды

---

⁴⁰⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. СО. Ч. I-II. Пг., 1916–1917. Стб. 101–102.

⁴⁰¹ Стогов Д.И. Ук. соч. С. 297.

⁴⁰² Падение царского режима... Т. 5. С. 289.

и финансовых злоупотреблений; ввести в столицах и крупных городах военное или осадное положение и военно-полевые суды, вооружить запасные батальоны гвардейских полков пулеметами и артиллерией на случай «подавления мятежа».

Также предлагалось распустить Думу без указания срока возобновления ее деятельности, изменить полномочия Думы и порядок ее выборов, удалить из Государственного совета всех членов Прогрессивного блока. Указывалось, что предусмотренный ст. 87, 112 и 113 ОГЗ порядок принятия законопроектов несправедлив: закон, даже проведенный в чрезвычайном-указном порядке, вносился на рассмотрение палат или терял силу, палаты имели право его не рассматривать или отклонить, любые вносимые правительством проекты палаты имели право не рассматривать, в то время как монарх обязан был рассмотреть любые принятые палатами законопроекты. Предлагалось сохранить неограниченную свободу царских решений, до установления нового порядка Государственный совет должен был представлять императору проект закона с указанием мнения большинства и меньшинства. Подводился итог: «Формула «Народу мнение, а Царю решение» является единственно приемлемой для России». Порядок выборов, предусмотренный положением 3 июня 1907 г., признавался неудачным; выдвигался проект одноступенчатых выборов кандидатов «от городских и уездных бытовых и сословных групп», незначительная часть которых «по жребию, а всего лучше, по Высочайшему соизволению» получала бы статус депутатов. Необходимо было выстроить в отношении Думы активную политику, для чего при премьерере должны были появиться «особое лицо, особая и притом серьезно поставленная организация и крупный специальный фонд для ведения внутренней политики в самой Думе с единственной целью создания и поддержания прочного и постоянного большинства, благоприятного правительству». Признавалось, что правительство, «за исключением лишь слабых попыток времен Столыпина, не вело в Думе, или, вернее сказать, с Думой никакой политики».

В записке в полном соответствии с запиской Дурново 1914 г. утверждалось, что либеральная оппозиция по своему поведению и нереалистичности программы не может представлять реальной угрозы для правительства: «сами эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно». В случае прихода к власти и объявления «действительной конституции» либералы быстро уступили бы место социалистам, которые овладели бы сознанием рабочих и крестьян. «Можно бы идти в этих предсказаниях и дальше, и после совершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти в лице нового Царя, будь то Пугачев или Стенька Разин, но, понятно, что такие перспективы уже заслоняются предвидением вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского, коему уготована судьба Галиции или Хорватской Руси». Записка была вручена Штюмеру для передачи императору, но премьер не сделал этого, поскольку придерживался более умеренных взглядов. После этого записку Николаю II передал участник кружка Римского-Корсакова председатель Комитета помощи русским пленным кн. Н.Д. Голицын⁴⁰³.

Отставка Штюмера, полностью растерявшегося в сложившейся ситуации, последовала 10 ноября. «Отставка Штюмера – несомненная уступка Думе, и если так, то это – начало постепенного и нормального перехода к парламентарной системе. Нигде эта система не основывается на законе, а везде устанавливалась практикой», – записал в дневник историк М.М. Богословский⁴⁰⁴. Только «Московские ведомости» отрицали в подобной отставке свидетельство уступки власти, поскольку Штюмер был

---

⁴⁰³ Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // АРР. Т. 5. С. 337–343.

⁴⁰⁴ Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 268.

пожалован обер-камергером и оставлен в Государственном совете. «Его благое стремление «всем уноровить» и оказалось той слабой стороной, которой воспользовались его враги», – писала газета⁴⁰⁵. Назначение Трепова на место Штюрмера было совершенно логично. Уже с лета он стал основной, наряду, с отставленным премьером, фигурой в Совете министров. После отставки А.А. Хвостова именно Трепов был назначен исполняющим обязанности председателя Совета министров в случае его болезни или отсутствия и председателем Малого Совета министров. 3 ноября за сооружение Мурманской железной дороги Александр Федорович также возводился в статс-секретари. Кроме того, сам Трепов вел интригу против премьера. В частности, министр путей сообщения сообщил Барку о планах Штюрмера по его замене и хотел добиться от Барка, чтобы он на докладе пожаловался царю на чинимые со стороны премьера препятствия. В ответ Барк согласился с характеристикой Штюрмера, прямо заявил Трепову, что хотел бы видеть премьером его, но отказал в просьбе, поскольку Штюрмер ему никак не мешал. Тем не менее, Трепов, по свидетельству Барка, остался этим разговором вполне доволен⁴⁰⁶. В октябре Трепов обещал французскому послу М. Палеологу передать Николаю II его обеспокоенность слухами о поддержке Штюрмером идеи сепаратного мира⁴⁰⁷.

Однако в Думе смена Штюрмера на Трепова практически никем, даже Шульгиным, демонстративно не была воспринята как значительное событие⁴⁰⁸. «Совершенно очевидно, что произошла просто замена Штюрмера Треповым, но режим остается прежний. Положение безнадежное и очень тревожное», – отметил Шипов⁴⁰⁹. Однако «Русское слово» отметило: «После смерти Столыпина власть еще не была в столь сильных руках»⁴¹⁰. Трепов, как считали «Московские ведомости», был «решительный, энергичный, быстро

---

⁴⁰⁵ Уступка ли? // Московские ведомости, 12 ноября 1916 г.

⁴⁰⁶ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 178. С. 95–99.

⁴⁰⁷ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 604–606.

⁴⁰⁸ Московские ведомости, 11 ноября 1916 г.

⁴⁰⁹ НИОР РГБ. Ф. 440. Картон 8. Ед. хр. 6. Л. 61. 20 ноября 1916 г.

⁴¹⁰ В Думе // Русское слово, 12 ноября 1915 г.

ориентирующийся в положении и верящий в себя и в свое дело», отмечалось, что он сможет «без особых потрясений и конфликтов ввести в надлежащее русло несколько разволновавшуюся в последнее время жизнь страны». Главной задачей был роспуск Думы и «холодный душ» для блока. Делался прогноз: «Они уже обожглись, скоро они обожгутся еще сильнее»⁴¹¹. Однако Трепов не стал оправдывать надежд «Московских ведомостей». Он сразу попытался сформулировать новую политику в отношении общественности. Как вспоминал Шаховской, Трепов сразу поменял отношение к парламенту, как только стал премьером. Он вел себя так, как будто Дума уже стала хозяином положения. Сразу по назначении премьером он поехал к Родзянко и сообщил, что ему было указано «работать в мире» с Думой. Родзянко полагал, что Трепов получил широкие полномочия, и потребовал «полного разрыва с политикой Штюрмера», в частности, удаления ряда министров и немедленного суда над бывшим военным министром В.А. Сухомлиновым. Трепов предполагал добиться отставки четырех наиболее непопулярных министров (министра внутренних дел А.Д. Протопопова, министра земледелия гр. А.А. Бобринского, кн. В.Н. Шаховского и обер-прокурора Синода Н.П. Раева). Как вспоминал Шаховской, об этом сразу узнала вся столица. Предполагалось выставить отставки как соглашение с парламентом: в те же дни Трепов просил Шаховского по своей инициативе в отставку не подавать. Особенно усиленно Трепов добивался отставки Протопопова. Фигура министра внутренних дел портила новому председателю Совета министров политику в отношении Думы, поскольку отставка министра внутренних дел была основным думским требованием. Свой Всеподданнейший доклад, состоявшийся 14 ноября, Трепов мыслил как «решающий». На аудиенции Трепов согласовал отставки трех министров, но от окончательного решения вопроса Протопопова император уклонился. Трепову даже удалось организовать аудиенцию Родзянко (она состоялась уже 16 ноября), на ней председатель Думы просил удалить Протопопова или

---

⁴¹¹ Уступка ли? // Московские ведомости, 12 ноября 1916 г.

хотя бы назначить его министром торговли и промышленности вместо Шаховского; Трепов также предполагал возможность поменять их местами, о чем якобы даже договорился с Шаховским⁴¹². Позднее Трепов утверждал Шаховскому, что на Высочайшей аудиенции он даже заявил, что в случае сохранения Протопопова на его посту новому премьеру «остается только покончить самоубийством»⁴¹³.

Уже 10 ноября Николай II был намерен отправить Протопопова в отставку: «Мне жаль *Прот.* – хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был вполне нормален после известной болезни (когда он обращался к *Бадмаеву*). Рискованно оставлять в руках такого человека мин. внутр. дел в такие времена!»⁴¹⁴. Только личное вмешательство императрицы, срочно прибывшей в Ставку 13 ноября и остававшейся там до 4 декабря, сохранило Протопопову его пост⁴¹⁵. Однако борьба не завершилась. 25 ноября был уволен Курлов. 27 ноября было утверждено ходатайство самого Протопопова о передаче временного управления МВД Куколь-Яснопольскому, якобы по причине болезни министра⁴¹⁶. Вероятно, изначально он собирался передать дела Волконскому⁴¹⁷ (давнему знакомому по Думе), но тот уже сам собирался в отставку.

14 ноября Трепов добился монаршего согласия на обязательное обсуждение всех вопросов ведомств, имеющих общее значение или касающихся иных ведомств, в Совете министров с последующим Всеподданнейшим докладом в присутствии премьера (что и было

---

⁴¹² Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 118; Глинка Я.В. Ук. соч. С. 156, 161–162, 172; Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 191–193.

⁴¹³ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 191–193.

⁴¹⁴ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 146.

⁴¹⁵ Падение царского режима... Т. 4. С. 30; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 147–153, 163–164, 171–173.

⁴¹⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 133. Л. 204.

⁴¹⁷ ГА РФ. Ф. 582. Оп. 1. Д. 33. Л. 1. Черновик письма А.Д. Протопопова Николаю II, б/д.

предусмотрено ст. 19 Учреждения Совета министров, но не исполнялось)⁴¹⁸. Новый министр иностранных дел Н.Н. Покровский и сменивший его на посту государственного контролера С.Г. Феодосьев являлись креатурами Трепова⁴¹⁹. Назначение по инициативе Трепова министром земледелия А.А. Риттиха, по мнению Барка, стало отличным выбором: он был молод, энергичен, компетентен, сразу после назначения объехал 24 губернии и договорился с местными властями о хлебных поставках⁴²⁰. Наумов вспоминал: «Примерный, аккуратный и умный работник. <...> Отличался редкой усидчивостью и необыкновенной исполнительностью. Все его труды и доклады носили печать всестороннего изучения и являлся образцом точности и ясности»⁴²¹. По мнению Путилова, «Риттих был отменным работником, разумным и трудоспособным, не лишенным и необходимой инициативы». Он первым понял вред твердых цен, в этом ему сочувствовали и Трепов, и следующий премьер кн. Н.Д. Голицын, вот только решимости поменять весь механизм хлебозаготовок у них уже не хватило⁴²². Барк полагал, что мероприятия Риттиха натолкнулись на оппозиционную пропаганду, из-за которой производители не сдавали хлеб властям⁴²³. Общая оценка деятельности Риттиха и причин ее неудач, данная Барком, подтверждается в исследовании японского историка К. Мацузато. Он также отмечает, что основной причиной продовольственного кризиса на рубеже 1916–1917 гг. стала децентрализация системы заготовок⁴²⁴.

---

⁴¹⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 1. См. также: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 553.

⁴¹⁹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 181. С. 78. Покровский в январе 1916 г. был назначен государственным контролером по рекомендации уходившего в отставку по болезни Харитонов. «Выбор этот был прекрасным. Большой знаток финансовых и экономических вопросов, он был ценным приобретением для Совета министров. Спокойный, уравновешенный, сладкий в обращении, ладивший с «общественностью», он сразу занял видное положение в Совете министров», – вспоминал Шаховской. Он же характеризовал Феодосьева как «совершенно молодого человека, способного и тактичного» (Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 169–170, 194–195).

⁴²⁰ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 181. С. 80.

⁴²¹ Наумов А.Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 348. См. также: Друцкой-Соколинский В.А., кн. Ук. соч. С. 211–213.

⁴²² Путилов А.С. Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Лл. 47–47об.

⁴²³ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 181. С. 81–82.

⁴²⁴ Земский феномен... См. также: Оськин М.В. Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 года: поиск выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 53–66.

На место Протопопова Трепов прочил государственного секретаря С.Е. Крыжановского, однако на предварительных переговорах Родзянко выступил против этой кандидатуры. На совещаниях бюро Прогрессивного блока 11–18 ноября никакого определенного решения о поведении в отношении Трепова принято не было. На заседании 18 ноября присутствовал вернувшийся из Ставки Родзянко. Он сообщил о попытках Трепова на аудиенции добиться во имя соглашения с Думой отставки Протопопова и заявил: «Тревожное положение дает право просить сократить прения и приняться за продовольственный вопрос. Мы должны спасти армию, и черт с ним, с Протопоповым. Трепов желает работать, не надо рукоплескать, но отделить его от Протопопова – надлежит». Однако думцы были непреклонны. Кадет А.И. Шингарев говорил о состоявшихся ранее беседах с Треповым: «Спрашивал меня, возможно ли проведение деловой программы. Я сказал: при данном составе никакая деловая программа невозможна»⁴²⁵. «Совет министров окончательно потерял почву. С Треповым никто не считался», – вспоминал журналист Л.М. Клячко⁴²⁶.

Думская декларация Трепова содержала обещания срочно провести реформу городского самоуправления, ввести волостное земство и снять национальные ограничения на получение образования. Премьер также сообщил о соглашении с союзниками, по которому Россия по окончании войны получала Проливы⁴²⁷. Как считал Барк, речь была составлена «очень умно»⁴²⁸. Однако ее произнесение в Думе 19 ноября оказалось практически сорвано выходкой социалистов и безучастностью либералов. Раздавались крики с требованием отставки управляющего МВД. Кадетский оратор М.С. Аджемов заявил: «Протопопов <...> раз навсегда на своем примере показал, что ни один общественный деятель при данных условиях не может войти в правительство». П.Н. Милюков подвел итог: «Увы, гг., мы перед прежними

---

⁴²⁵ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 118–131.

⁴²⁶ Клячко Л.М. (Львов). Повести прошлого. Л., 1929. С. 69.

⁴²⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. СО. Ч. I. Пг., 1916. Стб. 240–259.

⁴²⁸ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 179. С. 108.

маленькими, чужими народу людьми. В их среде по-прежнему нет никого, кого бы народ знал и кому бы он верил». Борьба блока, по его словам, должна была продолжаться до удовлетворения всех его требований⁴²⁹. После обструкции речи Трепова в Думе Протопопов порывался отвечать думцам, но вел себя «истерично и недостойно» и Совет министров ему отказал. На следующий день Протопопов в Совете министров выразил готовность разрешить инцидент, драться на дуэли с депутатами или покончить с собой. Покровский при поддержке всех министров предложил ему поехать в Ставку и вымолить там отставку. Протопопов согласился, вышел «расстроенный» и после этого не являлся на заседания вплоть до отставки Трепова⁴³⁰.

Фигура А.Д. Протопопова оказалась для оппозиции крайне важна, поскольку ее наличие в правительстве позволяло сохранить единство оппозиционных рядов. Корреспондент кадетской газеты «Русские ведомости» К.В. Аркадакский писал в частном письме: «Если А.Д. Протопопов останется <...> у Гос. думы <...> будет определенный объект для решительных нападков, так как без этого она рисковала снова затянуться в совершенно несвоевременную теперь будничную работу»⁴³¹. Дума официально потребовала устранения влияния «темных безответственных сил» и создания кабинета, готового «в своей деятельности опираться на Государственную думу и провести в жизнь программу ее большинства»⁴³². Однако и для верховной власти вопрос удаления Протопопова стал принципиальным: отставка теперь означала бы полную капитуляцию перед Думой.

22 ноября в Государственном совете были произнесены речи, в которых выражалась поддержка Думе. Самым громким оказалось выступление кн. Е.Н. Трубецкого. Вскоре палата приняла громкую резолюцию об устранении от власти «темных сил» и создании правительства,

---

⁴²⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. СО. Ч. I. Пг., 1916. Стб. 314, 347.

⁴³⁰ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 193–194.

⁴³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1047. Л. 56. К.В. Аркадакский – Н.М. Михайлову, 15 ноября 1916 г.

⁴³² Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. СО. Ч. I. Пг., 1916. Стб. 396.

опирающегося на «доверие страны»⁴³³. О настроениях парламентского большинства 7 декабря В.В. Розанов написал В.И. Герье: «Как еще темно, томительно и скучно на Руси. Не правда ли? <...> Бездарная мы нация»⁴³⁴. В свою очередь «Московские ведомости» отмечали, что никогда еще монархические принципы не были в такой опасности⁴³⁵. Однако теперь газета оценивала общее положение так, как, вероятно, в этот момент полагал и сам Трепов. «Страна находится в сильнейшем нервном напряжении, искусственно поддерживаемом агитационными речами в законодательных учреждениях», – заключала газета. Однако, как отмечалось, общественное недовольство и революционные призывы – вещи разные: общество «далеко не достигло политической зрелости» и носит «неизгладимый отпечаток глубокой обывательщины», однако с ним надо считаться, поскольку «народ несет жертвы» и «хочет знать, что эти его жертвы не напрасны». По мнению «Московских ведомостей», власть должна была сохранять доброжелательность в отношении общества, но карать революционеров, которые пользуются недовольством⁴³⁶.

26 ноября с речью в Государственном совете выступил Н.А. Маклаков. Фактически она была ответом парламентскому большинству и настоятельным советом Трепову. «С самого начала войны началась хорошо замаскированная святыми словами, тонкая, искусная работа <...> Русскому народу стали прививать и внушать, что для войны и победы нужно то, что в действительности должно было вести нас к разложению и распаду. <...> Это была ложь, для большинства бессознательная, а для меньшинства, стремившегося захватить руководство политической жизнью страны, ложь сознательная и едва ли не преступная», – говорил бывший министр. Делалось это, по мнению оратора, «для войны, но для войны с порядком, <...> для победы – но для победы над властью». Маклаков давал свой диагноз

---

⁴³³ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 245.

⁴³⁴ НИОР РГБ. Ф. 70. Картон 51. Ед. хр. 44. Л. 7–7об.

⁴³⁵ Не введи нас во искушение // Московские ведомости, 23 ноября 1916 г.

⁴³⁶ Выход из лабиринта // Там же. 25 ноября 1916 г.

сложившемуся положению: «Отечество в опасности. Это правда, но опасность испарится, как дым, исчезнет, как наваждение, если власть, законная власть, будет пользоваться своими правами убежденно и последовательно, и если мы все, каждый на своем месте, вспомним наш долг перед Царем и Родиной». По поводу речи Н.А. Маклакова «Московские ведомости» написали: «Картина, им нарисованная, верна до последних деталей»⁴³⁷.

В тот же день Макаров от имени правительства заявил в Государственном совете, что при публикации речей членов палат в печати пропусков быть не должно⁴³⁸. 29 ноября все ноябрьские думские речи были опубликованы без купюр. Однако палаты окончательно потеряли способность к деловому сотрудничеству. Либералам отступить было некуда. Сразу после ухода Штюмера Милюков был демонстративно приглашен на обед французским послом Палеологом; там также присутствовал британский посол Бьюкенен и не было ни одного представителя российской власти. Речь шла о послевоенной судьбе Германии и Австро-Венгрии. В российском Министерстве иностранных дел встречу посчитали «примериванием» Милюкова на пост главы МИД⁴³⁹. В политических и общественных кругах Британии речь Милюкова была воспринята с воодушевлением, а действия власти рисовались в мрачных красках. В феврале 1917 г. при вступлении в управление российским посольством в Лондоне после смерти посла гр. А.К. Бенкендорфа К.Д. Набоков имел долгий разговор с королем Георгом V, в котором монарх указывал на негативную роль императрицы Александры Федоровны в развитии ситуации в России⁴⁴⁰. Свое влияние на настроение Британии и Франции оказала и Парижская экономическая конференция

---

⁴³⁷ Правые и левые // Там же. 29 ноября 1916 г.

⁴³⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 5–5об.

⁴³⁹ Михайловский Г.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 217–219.

⁴⁴⁰ Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 55–56.

союзников, на которой российская сторона проявила изрядную неуступчивость по вопросу о послевоенной политике⁴⁴¹.

Сотрудничество с властью для либералов стало попросту невозможно – все мосты уже были сожжены. Резолюции Думы по продовольственному вопросу, содержавшие лишь общие принципы его решения, были совершенно беспомощны⁴⁴². Тем не менее, дворянский съезд, состоявшийся 27 ноября – 3 декабря, подавляющим большинством голосов также принял решение обсудить политические вопросы в первоочередном порядке. Гурко призвал съезд присоединиться к формуле Государственного совета⁴⁴³. После бурного трехдневного обсуждения дворяне не поддержали эту идею, но, тем не менее, 1 декабря была принята резолюция с призывом «решительно устранить влияние темных сил на дела государственные»⁴⁴⁴. В то же время усилились слухи о подготовке дворцового переворота⁴⁴⁵. Гучков, особенно подогревавший их, заявлял в прессе: «Что будет дальше – для меня ясно, но что именно – пока я не считаю возможным высказать в печати»⁴⁴⁶.

Невозможность сговора с палатами стала очевидной. К думскому заседанию 22 ноября Риттих подготовил речь, в которой собирался изложить общий план продовольственной кампании: он предполагал сочетание единой централизованной власти с «широким привлечением» земств и городских самоуправлений. Однако выступление не состоялось⁴⁴⁷. С конца ноября Трепов продолжал проявлять значительную активность, но теперь она приобрела более правый характер. Уже 26 ноября он в своем докладе императору проводил мысль о необходимости произвести чистку состава Государственного совета и усилить там численность правых⁴⁴⁸. Состав

---

⁴⁴¹ Михайловский Г.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 219–224.

⁴⁴² Продовольственный вопрос в Государственной думе // Московские ведомости, 7 декабря 1916 г. Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 246–247.

⁴⁴³ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 т. М., 2001–2002. Т. 3. С. 594–598.

⁴⁴⁴ Там же. С. 713–715.

⁴⁴⁵ Подр. см.: Гайда Ф.А. Ук. соч. С. 252–257.

⁴⁴⁶ А.И. Гучков о текущем моменте // Русское слово, 23 декабря 1916 г.

⁴⁴⁷ «Большая созидательная программа». Проект доклада А.А. Риттиха Государственной думе о положении сельского хозяйства. 22 ноября 1916 г. Публ. Б.Д. Гальпериной // ВИ. 2012. № 4. С. 3–21.

⁴⁴⁸ Падение царского режима... Т. 6. С. 363–364.

палаты был изменен, что привело к преобладанию в ней правых⁴⁴⁹; председателем на 1917 г. назначался И.Г. Щегловитов. 10 декабря премьер докладывал императору о формуле Думы об ответственном министерстве, что противоречило ст. 10, 107 и 123 ОГЗ, и испрашивал возможность правительству ответить на думскую формулу. Николай II отложил такой ответ до возобновления сессии 30 января 1917 г. Министр настаивал на запрете съезда ВСГ и продовольственного совещания, поскольку они не имели сведений для деловой работы и собирались принять политические резолюции. Также Трепов без всяких комментариев передал императору телеграмму известного астраханского монархиста Н.Н. Тихановича-Савицкого, адресованную премьеру и сообщавшую об оппозиционной деятельности, дискредитации имени императрицы и необходимости борьбы с этими явлениями.

Премьер-министр не устранился и от органических реформ. По вопросу волостного земства (в начале декабря Дума приступила к рассмотрению прогрессистского законопроекта) указывалось, что правительство согласилось с проектом, но считало необходимым увеличить ценз в районах помещичьего землевладения, сделать создание управы необязательным, не принимать женщин на административные и полицейские должности в земстве, ввести утверждение волостного старшины и управы особым присутствием уездного съезда, возложить на них (а не на суд) надзор, ввести в них непременно членами земских начальников, а также ввести волостную смету в раскладку уездного земского сбора. Для председателей волостного собрания и старшин вводился ценз владения землей в волости не менее 10 лет. Трепов отмечал опасность совмещения в лице старшины хозяйственных и административных функций и его независимости от губернаторской власти; в этом его поддержал Макаров, но Протопопов выступил за совмещение, предусмотренное в думском проекте, вследствие чего Трепов испрашивал возможности сохранить свободу правительственных

---

⁴⁴⁹ Бородин А.П. Ук. соч. С. 163–165.

суждений по этому вопросу при прохождении законопроекта через палаты. (Расчет, конечно, стоял в том, что Протопопов в палаты не явится; между тем согласие с принципами думского проекта 5 декабря высказал товарищ министра внутренних дел Куколь-Яснопольский⁴⁵⁰.) Таким образом, премьер выступал за введение волостного земства, но в консервативном варианте. Треповым также испрашивались полномочия заявить в Думе о коренном пересмотре функций земских начальников (что и так было неизбежно в связи с реформой местного суда)⁴⁵¹.

4 декабря, обедая со старинным другом кн. В.А. Друцким-Соколинским, Трепов мрачно пророчествовал: «Недовольство общее. Союзники, видя происходящее, опасаются за исход войны, и кто знает, не вмешаются ли они тем или иным путем в наши дела с целью закрепить наше обязательное участие в войне. Уставшее общество, наблюдая творящееся, утратило веру в способность Государя и правительства довести войну до победного конца и улучшить экономическое положение страны. Все кричит, волнуется... Хорошо! Вы говорите, что народ никогда не встанет на революционный путь, что на местах всегда хватит сил и возможностей удержать его в пределах порядка. Я тоже думаю, что это так, но за народ скажут и будут действовать другие. Народ и не спросят. А сможет ли власть, находящаяся уже теперь в полупараличе, сдерживать натиск и найти в себе силу сопротивляемости?»⁴⁵².

Закрытие земского и городского съездов в декабре стало свидетельством острого кризиса в отношениях премьера и парламента. Съезды были названы смотром сил будущего государственного переворота⁴⁵³. «Московские ведомости» писали: «Власть доказала всю полноту своей сдержанности и корректности. Но бывают такие случаи, что человек, напрашивающийся на пощечину, должен ее, в конце концов, и

---

⁴⁵⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. СО. Ч. I-II. Пг., 1916–1917. Стб. 809–820.

⁴⁵¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 6–6об., 12–13об., 16–16об., 49–50.

⁴⁵² Друцкой-Соколинский В.А., кн. Ук. соч. С. 194.

⁴⁵³ Среди толков и слухов // Московские ведомости, 17 декабря 1916 г.

получить»⁴⁵⁴. По поводу разгона съездов отмечалось: «Страшно совсем не революционное возбуждение в обществе, ужасна может быть только одна сдача власти». Однако, как полагала газета, левые были «напуганы», они «получили-таки вполне заслуженный ими щелчок по носу»⁴⁵⁵. 16 декабря Дума резко отозвалась на разгон съездов, что вызвало сильное раздражение Трепова. Но и позднее премьер стремился сохранить личные отношения с Родзянко, обещая решить вопрос с отставкой Протопопова. Из-за него Трепов 4 раза подавал в отставку⁴⁵⁶. Политическое самоубийство Трепова произошло, когда он решился на отчаянный шаг: премьер предложил Распутину полное содержание и 200 тыс. руб. за отставку Протопопова или перемещение его на пост министра торговли и промышленности. Разумеется, об этом стало известно императрице: она прямо обвиняла премьера в сговоре с Думой⁴⁵⁷. Лишь 9 декабря Николай II впервые проявил недовольство премьером. 13 декабря Трепов предложил императору собрать Думу вновь 19 января, но в случае ее оппозиционного поведения через 2–3 дня распустить окончательно. Николай II даже взял с него «торжественное обещание» довести этот план до конца. «Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и которому не доверяешь», – написал император Александре Федоровне о Трепове на следующий день. Однако прежде отставки необходимо было распустить Думу и найти премьеру преемника⁴⁵⁸.

Поссорившись с палатами, Трепов потерял и доверие верховной власти. Главной причиной была его борьба за удаление Протопопова. Министры единодушно выступали за то, чтобы она состоялась, но успеха не имели. Гр. Игнатьев 19 ноября на аудиенции также настаивал на отставке министра внутренних дел, а потом обошел всех известных ему в Ставке людей (генерала В.И. Гурко, А.А. Мосолова, протопресв. Г. Шавельского, В.Н. Воейкова и др.) и просил также выступить за отставку Протопопова. Все

---

⁴⁵⁴ Минусы революции // Там же. 18 декабря 1916 г.

⁴⁵⁵ Заслуженный урок // Там же. 30 декабря 1916 г.

⁴⁵⁶ Глинка Я.В. Ук. соч. С. 169–170, 172.

⁴⁵⁷ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 153, 188–191; Мосолов А.А. Ук. соч. С. 237–240.

⁴⁵⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 173, 186–187, 192.

поддержали, только Воейков сказал: «Вы хлопчите по заранее проигранному делу»⁴⁵⁹. Отставка не состоялась благодаря заступничеству императрицы, для которой тот уже стал олицетворением преданности и твердости. «Теперь, право, кажется, хуже не может быть!» – писал Игнатъев Кривошеину. Игнатъев и сам подал в отставку, за что был подвергнут критике со стороны Трепова, Барка и Покровского⁴⁶⁰. 21 декабря Игнатъев опять настаивал на отставке Протопопова, а затем узнал из газет о своей отставке. Игнатъев был произведен в шталмейстеры и тайные советники, царь хотел ввести его в Государственный совет, но этому воспротивился новый председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов⁴⁶¹. По свидетельству Барка, сохранение Протопопова в Совете министров привело Трепова в отчаяние и в декабре он уже просто ожидал собственной отставки⁴⁶². На этом основании он отказал в представлении новому министру юстиции Н.А. Добровольскому⁴⁶³. В правительстве также ожидали отставки Трепова и говорили о грядущем назначении премьером Бобринского⁴⁶⁴.

Сразу после думского провала Трепова начались поиски нового кандидата на премьерский пост. По поручению императрицы петроградский митрополит Питирим имел беседу с Крыжановским. Государственный секретарь, очень низко оценивая способности Протопопова, тем не менее, считал возможным оставить его на посту, но окружить толковыми людьми. Крыжановский предложил ввести особый порядок министерских докладов: все они, кроме докладов по военному, морскому и придворному ведомствам, а также председательского, должны были делаться на заседании Совета министров под председательством царя или, в крайнем случае, лично, но в присутствии премьера. Также Крыжановский настаивал на выведении

---

⁴⁵⁹ Игнатъев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 9. С. 284–287.

⁴⁶⁰ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 274. Лл. 30–32. Гр. П.Н. Игнатъев – А.В. Кривошеину, 23 декабря 1916 г.

⁴⁶¹ Игнатъев П.Н. Совет министров... // Новый журнал. 1944. № 9. С. 290–291.

⁴⁶² Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 180. С. 78–80.

⁴⁶³ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 195.

⁴⁶⁴ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 274. Лл. 30–32. Гр. П.Н. Игнатъев – А.В. Кривошеину, 23 декабря 1916 г.

Петрограда из ведения военной власти и наделения премьером правом голоса в вопросе расквартирования в нем войск, удалить из столицы Распутина. Как вспоминал Крыжановский, это были «меры, необходимость коих осознавалась всеми и которые как бы висели в воздухе». Через 3–4 дня митрополит сообщил Крыжановскому, что император согласился в целом, но твердо воспротивился вмешательству гражданских властей в дела петроградского гарнизона и формированию военизированной полиции. После этого Крыжановский отказался от премьерского поста, но митрополит Питирим выразил надежду на то, что вопрос все же будет улажен, а также сообщил, что взял клятву с Распутина о его удалении из столицы в обмен на гарантии личной безопасности⁴⁶⁵. После этого к Крыжановскому более не обращались. Стоит также отметить: его кандидатура категорически не устраивала и оппозицию. «Вся Дума будет против Крыжановского. Полезет на стену», – отмечал в частном письме В.А. Харламов о планировавшемся в ноябре назначении чиновника на пост министра внутренних дел⁴⁶⁶.

Убийство Распутина стало символическим завершением полуторамесячной кампании по «штурму власти». Ее результатом стала тотальная дискредитация монарха в общественной среде. Игнатъев предрекал военную революцию: «Вспомните те средства разрушения, которые есть теперь на руках у нашей молодежи, якобы офицерского звания!.. Вот чего я теперь опасюсь... и начало показано!»⁴⁶⁷ Кн. И.А. Куракин написал: «А молодого Феликса тоже послали на кислые воды? Значит все кончено?»⁴⁶⁸ 21 декабря Н. Маклаков написал царю письмо, в котором призывал, во избежание новой революции, призвать Думу к порядку. Он напоминал, что в 1905 г. внутренняя смута оказалась более грозным врагом, чем Япония⁴⁶⁹. 1 января Маклаков был удостоен ордена Владимира II степени. Вечером 8 февраля 1917 г. Протопопов передал Маклакову желание императора о

⁴⁶⁵ Крыжановский С.Е. Воспоминания... С. 164–175, 183–186, 188.

⁴⁶⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1079. В.А. Харламов – Л.В. Харламовой.

⁴⁶⁷ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 274. Лл. 33 – 34об. Гр. П.Н. Игнатъев – А.В. Кривошеину, 1 января 1917 г.

⁴⁶⁸ Там же. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 131. Л. 200об. Кн. И.А. Куракин – кн. М.А. Шаховской, 30 декабря 1916 г.

⁴⁶⁹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Лл. 10–11об.

составлении текста манифеста о роспуске Думы. Маклаков и Протопопов, за отставку которого Маклаков только что выступал, вместе составили текст. Кроме того, Маклаков считал необходимым разработку мер противодействия той части населения, которая «сбита с толку» Думой и союзами и попытается оказать сопротивление. Маклаков считал, что этот вопрос должен был быть вынесен на рассмотрение Совета министров. Маклаков писал царю: «Власть более чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее и ожесточеннее и наглее врага внешнего. «Смелым Бог владеет», Государь»⁴⁷⁰. Из текста проекта во фразе «вступила в... борьбу» были вычеркнуты слова «ожесточенную и недостойную»⁴⁷¹.

На рубеже 1916–1917 гг. ряд попыток повлиять на политику власти наряду с участником убийства Распутина великим князем Дмитрием Павловичем предприняли и другие представители царствующего дома. 4 февраля 1917 г. с письмом к императору обратился великий князь Александр Михайлович, имевший с Николаем II тесные дружеские отношения. Письмо было следствием их разговора, состоявшегося 22 декабря. Великий князь считал переживаемое время «самым опасным моментом в истории России», а попытки опоры на правых – крайне опасными и провоцирующими дальнейший рост недовольства в стране, которая сама по себе революционной не была. «Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу», – заключал автор письма. Александр Михайлович отрицал принцип ответственного министерства, но предлагал сформировать правительство из либералов, «пользующихся доверием страны» (не исключая и членов Думы), объединенное фигурой премьера и программой. Программа должна была получить одобрение монарха и представлена на рассмотрение палатам. Великий князь скептически

---

⁴⁷⁰ Там же. Лл. 19–20. 9 февраля 1917 г.

⁴⁷¹ Там же. Д. 1003. Лл. 1–2.

относился к желанию Протопопова опереться на крупный капитал, указывая, что он «находится в руках иностранцев и евреев»⁴⁷².

12 февраля великий князь Кирилл Владимирович также передал Николаю II проект тронной речи, которую планировалось произнести 19 февраля – в годовщину крестьянской реформы. Предполагалось усилить попечение о семьях погибших и раненых воинов, ввести подобно Британии, Франции и Германии всеобщую трудовую повинность, твердые цены на продовольствие, государственную монополию на основные товары широкого потребления, металлы, уголь, нефть, лес, хлопок, национализировать банки и железные дороги. Одновременно также провозглашалась политическая амнистия в отношении всех дел десятилетней давности (т.е., прежде всего, времен Первой русской революции) и отменялась уже фактически не существовавшая черта оседлости. Требование министерства доверия отвергалось в силу несоответствия Основным законам или расплывчатости и невозможности назначить лица, доверие к которым сохранялось бы неизменно и после этого назначения. Опровергались обвинения во всевластии «темных сил» и создавался Совет императорского дома, состоявший из назначенных лиц и имевший консультативные функции – с целью «посильного содействия» императору в рассмотрении «государственных вопросов»⁴⁷³.

Реализация планов Маклакова и великого князя Кирилла Владимировича не состоялась, доверять великим князьям было крайне сложно, а Николай II и в особенности императрица продолжали надеяться на Протопопова. Позднее, в эмиграции, Трепов вспоминал: «Император отдавал все свое внимание войне и считал, что Россия должна напрячь все свои силы, как моральные, так и физические. В то же время Его Величество отдавал себе полный отчет в необходимости широких внутренних реформ и несколько раз говорил мне об этом, видя во мне сотрудника, искренно разделяющего все

---

⁴⁷² Письмо вел. кн. Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 – 4 февраля 1917 гг. // АРР. Т. 5. М., 1991. Берлин, 1922. С. 333–336.

⁴⁷³ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2088. Л. 1–15.

его планы. Разногласие касалось только оценки тогдашнего внутреннего положения. Царь был больше, чем я, уверен в прочности общественного порядка. Он не считал возможным приступить к реформам до тех пор, пока война не закончится полной победой. «Не меняют лошадей, – говорил он, – во время переправы через брод; русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет до окончания войны; только отдельные группы населения обеих столиц желают волнений; интересы народа не совпадают с их вождениями, и, если эти группы будут подстрекать к беспорядкам, их заставят успокоиться, хотя бы для этого и пришлось прибегнуть к репрессиям. Но я никогда не отвергну того, что может способствовать успеху войны; внутренние же реформы будут проведены позднее и в том направлении, которое лучше удовлетворит интересы подлинного народа. Я уверен, что народ поймет, что я не преследую личных целей и что я прав, не желая поддаваться в настоящее время домогательствам нескольких лиц, которые ищут удовлетворения их личных политических интересов или интересов их партий. Это было бы проявлением крайней слабости и это повредило бы общим интересам, которые преследуются в вооруженной борьбе и для которых, я повторяю, надо без остатка напрячь все силы государства. И, наконец, до окончания войны нет никаких серьезных оснований опасаться за внутреннее положение»⁴⁷⁴.

Сам Протопопов любил говорить, что «кровью зальет Россию» в случае подавления революции. Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Н.П. Харламов вспоминал: «Как-то раз, рассказывая мне о том, что все кругом боятся революции, пугают ее призраком, он истерически закричал: нельзя всего бояться, мало ли кто чего боится, я, например, тараканов боюсь, понимаете, тараканов! Так что же из этого?! Следует ли, что тараканы нас заедят?! <...> «В России некому революцию делать, – всегда говорил он, – что же вы думаете, ее думские болтуны сделают? Вы их не знаете и потому переоцениваете. А я знаю их хорошо. Всем им – ломаный

---

⁴⁷⁴ Письмо А.Ф. Трепова // Новое время (Белград), 20 апреля 1924 г.

грош цена. И какие они революционеры?! На словах только»⁴⁷⁵. В то же время происходил развал руководящей структуры министерства. Прибывшему в начале декабря 1916 г. в столицу минскому губернатору кн. В.А. Друцкому-Соколинскому директор Департамента общих дел МВД П.П. Стремоухов сказал об императрице: «Эта дрянь нас всех губит!»⁴⁷⁶. За несколько дней до революции он ушел со своего поста. Товарищи министра Волконский и Балыц подали в отставку, не желая быть сотрудниками Протопопова, а Куколь-Яснопольский, по свидетельству его коллеги, был слишком узок и не годился управлять МВД⁴⁷⁷. Как вспоминал Прилежаев, на рубеже 1916–1917 гг. многие министры говорили о грядущей революции и считали, что «так дальше нельзя», но большинство «как будто отдавало больше свои мысли заботам о собственном благополучии, о сохранении, с помощью гласных и негласных влияний, своего собственного положения, забыв при этом даже фразу Наполеона III о том, что нужно плыть по течению, для того, чтобы не быть им унесенным»⁴⁷⁸.

22 декабря Трепов был демонстративно награжден британским Большим крестом орденов свв. Михаила и Георгия, французским орденом Почетного Легиона, итальянским орденом свв. Маврикия и Лазаря. Затем последовала отставка. «Русское слово» по поводу отставки Трепова отметило, что, несмотря на его усилия, Совет министров не был един. Указывая, что премьерство человека из семьи «защитников режима» оказалось самым скоротечным, газета заключала: «Крах кабинета А.Ф. Трепова – только новое доказательство полного разложения системы, потерявшей всякое доверие страны». Цитировалась речь Трубецкого: «Я спрашиваю: что это – министры или тени?»⁴⁷⁹. Главной переменной в составе правительства было признано удаление Игнатьева – единственного

---

⁴⁷⁵ НИОР РГБ. Ф. 261. Оп. 20. Д. 5. Л. 12об.

⁴⁷⁶ Друцкой-Соколинский В.А., кн. Ук. соч. С. 192.

⁴⁷⁷ НИОР РГБ. Ф. 261. Оп. 20. Д. 5. Лл. 14–14об.; Путилов А.С. Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Лл. 4–8.

⁴⁷⁸ Прилежаев В.В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 45–45об.

⁴⁷⁹ Министерский кризис // Русское слово, 23 декабря 1916 г.

министра, пользовавшегося доверием общества⁴⁸⁰. «Московские ведомости» сожалели об уходе Трепова, но отмечали, что он слишком увлекся идеей уступок оппозиции: «Часто бывает так, что правый деятель, увлекшись неожиданным успехом своих оппозиционных выступлений и раззадоренный лукавыми аплодисментами своих союзников слева, с размаху бьет уже не по лицам, а по принципу, становясь опаснейшим ренегатом и врагом для той идеи, которой он верно служил еще накануне»⁴⁸¹.

После отставки Трепова в бюрократических кругах говорили, что на его место могли быть назначены Рухлов или Шуваев, но они не имели популярности, а Шуваев – еще и политических способностей. Рухлов же был сильно болен⁴⁸². Протопопов, кроме Рухлова, предлагал еще кандидатуры Нейдгарта и Покровского⁴⁸³. Однако пост премьера получил лично преданный монарху кандидат – кн. Н.Д. Голицын, незадолго до этого вручивший ему записку кружка Римского-Корсакова. По словам Барка, Голицын был «очень почтенный бюрократ»⁴⁸⁴. Шаховской также вспоминал, Голицын был «весьма приличный человек». Однако при его назначении Барк, Покровский, Игнатъев и Шаховской сразу подали в отставку. После того как они ее не получили, с Барком случился нервный срыв, а Покровский заболел⁴⁸⁵. Голицын также пытался добиться отставки Протопопова для установления более гладких отношений с Думой, но столь же безуспешно⁴⁸⁶.

1 января 1917 г. председателем Государственного совета стал Щегловитов, удостоенный также ордена Св. Александра Невского. Бывший министр предварительно отказался стать премьер-министром. Протопопов с одобрения императора попытался завязать с новым председателем самые тесные отношения, ежедневно с ним советовался. В то же время контакты их обоих с Маклаковым и иными правыми членами Государственного совета

---

⁴⁸⁰ Обновление кабинета // Там же. 28 декабря 1916 г.

⁴⁸¹ К переменам в Совете министров // Московские ведомости, 29 декабря 1916 г.

⁴⁸² Путилов А.С. Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.

⁴⁸³ Падение царского режима... Т. 4. С. 25.

⁴⁸⁴ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 180. С. 79.

⁴⁸⁵ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 195–196.

⁴⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 258об. 24 февраля 1917 г.

фактически прекратились, поскольку Щегловитов не поддержал инициированного правыми более радикального изменения состава палаты⁴⁸⁷. Это вызвало сильное недовольство правых. Как передавал Кривошеину гр. Игнатъев, его брату Маклаков даже заявил по поводу невключения бывшего министра в состав Государственного совета: «Я Вашего брата недолюбливал, но скажите ему, что если это сделают, то не ему оскорбление, а нам». В Совет был введен Крыжановский, но исключен Штюрмер. После новых назначений в Государственный совет Игнатъев написал Кривошеину: «Явно идут на провокацию и разгон Думы!»⁴⁸⁸. «Крайне правое направление, приданное сейчас правительству, есть шаг смелый и возможно мудрый, если он силен, и если не закончились силы для большой игры до самого конца», – написал Штюрмеру гр. Бобринский⁴⁸⁹. Но надежды не оправдывались, скорее наоборот. На Новый год впервые за время войны в Зимнем дворце был торжественный прием. Щегловитов имел «восторженный» вид⁴⁹⁰. Перед принесением поздравлений императору между Родзянко и Протопоповым произошел инцидент. Родзянко резко воспротивился рукопожатию, после чего Протопопов вызвал его на дуэль⁴⁹¹. Как считал Шаховской, министр Двора В.Б. Фредерикс должен был бы ходатайствовать о снятии с Родзянко звания камергера за такую выходку⁴⁹². Однако ничего сделано не было.

В конце декабря министром юстиции стал сенатор егермейстер Н.А. Добровольский, в 1906–1915 гг. исполнявший обязанности обер-прокурора I департамента Сената и таким образом хорошо известный Щегловитову⁴⁹³, министром путей сообщения – товарищ министра Э.Б. Кригер-Войновский (правая рука Трепова в МПС⁴⁹⁴), министром народного просвещения –

---

⁴⁸⁷ Падение царского режима... Т. 4. С. 56–57, 458, 460.

⁴⁸⁸ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 274. Лл. 31 – 34об. Гр. П.Н. Игнатъев – А.В. Кривошеину, 1 января 1917 г.

⁴⁸⁹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 2424. Л. 6–7об. 5 февраля 1917 г. (пер. с фр.).

⁴⁹⁰ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 196.

⁴⁹¹ Новое время, 3 января 1917 г.

⁴⁹² Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 196–198.

⁴⁹³ Как отмечал гр. В.В. Мусин-Пушкин в письме гр. И.И. Воронцову-Дашкову, Добровольский был «друг Горемыкина, большой гуляка и вообще тип опереточный а la Маклаков». Добровольский рассматривался как кандидат на пост министра внутренних дел еще в декабре 1914 г. (Из переписки царских сановников накануне войны и революции // Красный архив. 1933. № 6 (61). С. 135. 29 декабря 1914 г.).

⁴⁹⁴ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 179. С. 108.

сенатор и известный ученый-биолог профессор Н.К. Кульчицкий, близкий Римскому-Корсакову и состоявший в 1914–1916 гг. попечителем Петроградского учебного округа. По свидетельству А.С. Путилова Кульчицкий намного опережал Игнатьева и по опыту, и по способностям, но сделать уже ничего не успел⁴⁹⁵. 3 января получил отставку при рескрипте военный министр Шуваев, его сменил генерал от инфантерии М.А. Беляев. В свое время по поводу назначения Беляева помощником военного министра при Поливанове «Русское слово» писало, что Дума единодушно встретила это решение приветствием, поскольку в военной комиссии Беляев «проявлял исключительные знания и осведомленность». Общая оценка была такой: «Прекрасный знаток своего дела. Лучшего выбора военный министр сделать не мог»⁴⁹⁶. Шаховской признавал: «Высоко порядочный и умный человек»⁴⁹⁷. Барк о Беляеве писал: «Отличался необычайным знанием деталей всех вопросов, которые подлежали обсуждению, никогда не был в затруднении дать ответ и объяснения по делам, которые обсуждались. Кроме того, он обладал огромной выдержкой и терпением и никогда не вносил в дебаты никакой ноты раздражения»⁴⁹⁸. Однако на общественность назначение не оказало никакого положительного влияния.

Еще 19 октября 1916 г. на заседании ОСО М.А. Стахович и П.Н. Милюков просили назначить совместное заседание ОСО и ОСоПрод по причине угрозы рабочих волнений⁴⁹⁹. 1 февраля 1917 г. произошло столкновение думцев с новым военным министром по вопросу о назначении заседания. Беляев считал, что «положение затруднительное, но не крайнее». Милюков парировал: «Когда будет положение крайнее, то обсуждать его будет уже поздно». Крупенский заявил: «Через месяц мы будем в критическом полож[ении]». Беляев считал совместное заседание

---

⁴⁹⁵ Путилов А.С. Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Лл. 16–16об.

⁴⁹⁶ Новый помощник военного министра // Русское слово, 27 июня 1915 г.

⁴⁹⁷ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 147.

⁴⁹⁸ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 177. С. 101.

⁴⁹⁹ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918 гг. М., 1975–1982. Т. 2. 1916 г. Ч. III. С. 606.

неэффективным способом решения проблемы и заявлял, что лично докладывал императору о всех проблемах⁵⁰⁰. Во время заседания 4 февраля Родзянко повернулся к ведущему стенограмму помощнику военного министра Н.П. Гарину и сказал: «Бедная Россия, так и напишите: Бедная Россия!»⁵⁰¹ 11 февраля Беляев сообщил членам ОСО, что император считает совместное заседание излишним⁵⁰². По вопросу о введении хлебных карточек в Петрограде на заседание правительства пригласили Родзянко, Шингарева, Некрасова и несколько других лиц. Шаховской вспоминал: «Родзянко вел себя возмутительно и заявлял: «Вы победить не можете»». Затем состоялось несколько совещаний правительства с участием командующего Петроградским военным округом генералом С.С. Хабалова: министры требовали от него жестких мер, но он, по свидетельству Шаховского, «проявил удивительную нерешительность и нераспорядительность»⁵⁰³.

О настроениях думцев писал 24 февраля (9 марта) 1917 г. в своем докладе о миссии в Петроград французский генерал Н. де Кастельно (он, по собственным словам, активно общался с думцами и особенно долго говорил с Родзянко): «Члены Думы легко впадают в жесткую критику Правительства Императора и вредного влияния, которое они приписывают Императрице; они страстно желают глубоких реформ конституционных законов их страны. <...> Союзники, говорят они, не должны опасаться революционных беспорядков, которые нанесли бы большой ущерб военным усилиям против внешнего врага. Все будет подчинено в России необходимости победить»⁵⁰⁴. Думская сессия, начавшись весьма вяло, с началом рабочих забастовок в Петрограде приобрела бурный характер. Чхеидзе с думской трибуны произнес революционную речь. Голицын хотел получить от Родзянко

---

⁵⁰⁰ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918 гг. М., 1975–1982. Указатели и материалы. Ч. II. С. 227–229.

⁵⁰¹ Там же. С. 232.

⁵⁰² Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918 гг. В 3 т. М., 2013. Т. 3. С. 131.

⁵⁰³ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 198.

⁵⁰⁴ Рапорт Начальника Военной миссии в России генерала де Кастельно (март 1917 г.) // Военно-исторический вестник [Париж]. 1974. № 42–43. С. 18.

стенограммы заседаний для привлечения Чхеидзе к суду, но Родзянко оригиналов не дал, а Голицын решил не обострять ситуацию⁵⁰⁵.

Во второй половине февраля (около 23–24 числа) 1917 г. В. Маклаков организовал встречу крестьянской группы Думы с Риттихом, отчего они были «в целом, очень довольны», однако Родзянко «пришел в негодование» от закулисных встреч с представителями власти. 25 февраля Риттих посетил Думу был крайне удручен характером депутатских речей, при встрече с Маклаковым в министерском павильоне он «вдруг неожиданно разрыдался как ребенок». На следующий день Маклаков, Струве и Шульгин встретились с Покровским и Риттихом. Покровский считал, что «ни Дума одна, ни правительство одно друг без друга ничего сделать не могут». Маклаков выразил личное мнение, что необходима отставка всего состава Совета министров, «чтобы было ясно, что хотят идти новым путем», роспуск Думы на 3 дня, назначение «популярного в стране» премьера (по его мнению, ни бюрократ, но общественный деятель не подходили, нужен был «умный и популярный генерал» – например, Алексеев), который сформирует новое правительство и представит его программу. В состав Совета министров Маклаков считал нужным ввести тех министров, «кого выгнали при Распутине» – Коковцова, Сазонова, Наумова, Самарина. Программа должна была опираться на принципы «все для войны, но все, что нужно» и «опора на Думу» и, таким образом, предполагала «суровую программу сокращений, лишений, жертв». Маклаков предупреждал: «Но торопитесь; это уже последняя ставка. <...> Вы должны сами это принести от себя. Если спрашивать Думу и общество, они потребую гораздо большего». Министры «с удивлением переглянулись между собой: «И только?»». Они собирались ко вторнику 28 февраля получить одобрение этого плана со стороны императора. Однако в Совете министров план был поддержан всего 4 его

---

⁵⁰⁵ Путилов А.С. Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Лл. 27об.–28.

членами⁵⁰⁶. Справедливости ради стоит отметить, что в оппозиционной среде лишь Маклаков и еще несколько человек смогли бы сказать, что у правительства еще оставалась «последняя ставка».

Поздним вечером 26 февраля, когда в Петрограде уже начался военный мятеж, Совет министров решил распустить Думу и поручил Протопопову и Хабалову обеспечить порядок. Это крайне вдохновило Протопопова. Барк напомнил, что опасения сентября 1915 г. о протестах по поводу роспуска оказались напрасными. В ходе заседания приехали члены Государственного совета Трепов, Н. Маклаков и Ширинский-Шихматов с призывом принять решительные меры против думской агитации. На следующий день, 27 февраля, Беляев прибыл в Совет министров и, извинившись перед Протопоповым, призвал снять его с поста, поскольку он, по мнению военного министра, стал главной причиной волнений. Было решено снять его без ведома царя. На его пост Голицыным предлагался начальник Главного артиллерийского управления генерал А.А. Маниковский, но министры отвергли эту кандидатуру. Затем пришли сведения о создании Временного комитета Государственной думы во главе с Родзянко. Покровский отверг сведения о революционном настрое думского председателя. Через несколько минут министры узнали об аресте Щегловитова, потом из думского павильона перестал докладывать Куманин. Подавление беспорядков поручалось Беляеву, было также решено обратиться в Ставку за войсками. Один из друзей Шаховского предложил приказать летчикам в Царском Селе бомбардировать Таврический дворец, но Беляев отверг предложение ввиду возможных больших жертв. Шаховской вспоминал: «Пожалуй, это был единственный способ эффективного подавления бунта солдатского и бунта думского». После заседания «бледный, дрожащий» Протопопов подошел к министру торговли и промышленности и «спросил, не следует ли ему застрелиться». Шаховской «сказал, что этим он никому не поможет».

---

⁵⁰⁶ Маклаков В.А. О книге Пэрса «Падение русской монархии» // История и историки. 2001. Историографический вестник. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2001. С. 300–304. См. также: Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 198–199.

Вечером Шаховской опять вернулся в Мариинский дворец, где встретил Родзянко. Речь шла о назначении регентом великого князя Михаила Александровича. Шаховской сказал Голицыну, что таким образом Родзянко хочет стать премьером. После этого дело расстроилось. Затем, опасаясь восставших, министры уже навсегда покинули дворец. 27 февраля в Мариинском дворце перед последним заседанием Совета министров Шаховской в последний раз видел Гучкова: «Вид его был торжествующий, глаза горели: революция началась!..»⁵⁰⁷

Вспоминая о министрах императорского правительства, кн. В.Н. Шаховской полагал, что «многие из них, скажу даже большинство, представляли из себя не только глубоко преданных своему делу, но и исключительно даровитых и первоклассных государственных деятелей». Все они были верны монарху, кроме одного (он давал понять, что это Поливанов). Недостатками организации Совета министров, по его мнению, были слабая власть премьера и отчуждение от внешнеполитических вопросов. Шаховской, прочитав мемуары В. Маклакова «Власть и общественность», соглашался с выводами: «Как ни странно, но общественная деятельность у нас не выработала государственных людей. Как это ни странно, но бюрократический опыт (я говорю о высшей бюрократии) давал у нас много больше умения к правлению государством, чем всякого рода общественные и земские организации»⁵⁰⁸. Итак, основная проблема функционирования Совета министров в данный период заключалась в отсутствии единой слаженной реакции правительства на поставленные самой жизнью многочисленные и часто принципиально новые по своему характеру проблемы. Без нее мелкие и крупные честолюбия, разница в опыте администрирования, эгоистические ведомственные интересы, политические игры на фоне острого кризиса выходили на первый план и затемняли министерское сознание. В феврале 1917 г. это привело к полной

---

⁵⁰⁷ Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 186–187, 199–202.

⁵⁰⁸ Там же. С. 58–59, 214.

дезориентации Совета министров перед лицом оппозиционной пропаганды и пораженческих лозунгов. Бюрократия в подавляющем большинстве очень лояльно отнеслась к революции⁵⁰⁹.

Либералы, в свою очередь, оказались во главе этой революции. Блок позволял кадетам держать инициативу в Думе в своих руках, но оказался деструктивен. Его прочность обеспечивалась кризисной ситуацией военного времени и возможностью постоянной критики правительства. Подобное политическое поведение только расшатывало политический строй, однако в целом способствовало росту авторитета кадетского руководства в стране. Благодаря подобной позиции либералы смогли принять активное участие в Февральской революции, одной из причин которой и была деятельность Прогрессивного блока⁵¹⁰, и занять важные посты в революционном правительстве. Теперь ответственность за судьбы страны возлагалась на них.

---

⁵⁰⁹ Прилежаев В.В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 46.

⁵¹⁰ Барк, например, прямо указывал, что именно противостояние бюрократии и общественности было основной причиной революции (Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 168. С. 95).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российский «обновленный строй» образца 1905–1907 гг. формально был вполне сравним с политическими системами большинства европейских стран и Японии, однако базировался он на гораздо менее прочном социально-экономическом фундаменте. Низкий уровень благосостояния и грамотности населения, слабые традиции самоуправления, ускоренная экономическая трансформация и связанный с этим рост социальных проблем, ярко выраженная полиэтничность становились основными факторами риска Российской империи в мирное время. Мировая война лишь усугубляла их. Необходимость взвешенной политической стратегии была крайне высокой, что обостряло полемику о ее содержании. Неразвитая политическая культура элиты стала причиной некоторых специфических черт этой полемики – ее безапелляционности, а зачастую и поверхностности с явными признаками демагогии. Однако основная проблема заключалась не в том, что участники полемики пребывали в несводимых политических измерениях. Как показывал повседневный политический опыт, при желании они вполне умели сговариваться. Речь скорее шла о нежелании соотносить собственные корпоративные интересы с интересами общенациональными.

Политические изменения, произошедшие вследствие Первой русской революции, неизбежно выдвигали вперед две силы – бюрократию и класс профессиональных политиков. Основными субъектами политической ситуации с 1907 г. выступали правительство Столыпина и доминировавшие в Думе октябристы. Влияние императора на развитие событий было скорее эпизодическим и в целом направленным на сохранение существовавшего положения. Обычно это выражалось в смене членов правительства. Из 37 назначений на должности в Совете министров в 1911–1917 гг. не более 10 можно рассматривать как инициативу самого императора, при этом назначения премьер-министров Коковцова и Трепова, а также некоторых

министров (Григоровича, Саблера, Шуваева, Беляева) были по своему характеру инерционными и обусловленными общим раскладом в правительстве или политическими обстоятельствами; инновационными стали лишь назначения министров внутренних дел Маклакова и А.Н. Хвостова, министра торговли и промышленности Шаховского, а также премьера Голицына. Прочие назначения были инициированы премьером или неформальными лидерами Совета министров (23), изредка назначение своего преемника (Покровского на посту государственного контролера, Трепова и Кригер-Войновского на посту министра путей сообщения) определял уходивший в отставку министр. Ярким исключением стало назначение выходца из оппозиционной среды Протопопова. Отставки происходили либо по инициативе самих министров, либо по инициативе премьеров или неформальных правительственных лидеров, либо были спровоцированы весомыми политическими обстоятельствами. Сам император инициировал лишь отставку Трепова в декабре 1916 г. Основная проблема функционирования Совета министров заключалась не в отсутствии у премьеров возможности инициировать назначения министров, а в общем инерционном характере кадровых изменений. Инновационные назначения на пост министра внутренних дел являлись по сути «тоской по Столыпину»: новый министр предназначался для занятия в будущем премьерского поста, но этого не происходило, потому что в конечном счете создавало бы угрозу Третьеиюньской системе. Маклаков и Хвостов были настроены на ее трансформацию вправо, Протопопов – влево. Ни на то, ни на другое власть не решилась. Сказались системные слабые черты бюрократического строя: стремление системы к формализации и консервации, неприятие политического лидерства, внутренние конфликты. Парламент в условиях политического кризиса лишь усиливал проблемы власти.

Столыпин – главный творец Третьеиюньской системы – рассматривал ее как инструмент политического взаимодействия власти с социальными верхами и «цензовой общественностью» с целью социально-экономического

развития и предотвращения революционной угрозы. При этом он считал необходимым постепенное расширение социальной базы политического строя. Октябристы, декларативно разделявшие взгляды Столыпина, в целом не сочувствовали тенденции расширения, поскольку в основном опирались на дворянские слои. Кроме того, октябристы рассчитывали на усиление позиций партии за счет парламентских рычагов контроля над правительством, что в свою очередь не устраивало Столыпина.

Правительство в целом не было сторонником «русских исторических традиций», оно, также как и оппозиция, держало курс на политическую европеизацию – но в ее консервативном варианте. Русская либеральная оппозиция (в первую очередь, кадеты) настаивала на создании в России европейской модели будущего, которая даже на Западе существовала пока лишь как проект. Правительство, наоборот, ориентировалось на уже существовавшие модели (преимущественно, германскую). На протяжении всего рассматриваемого периода парламентская оппозиция не могла противопоставить власти сколько-нибудь развернутую законодательную программу – как по причине малочисленности разработанных законопроектов, так и в силу непреодолимых противоречий между фракциями. По мере развития политической ситуации и расширения кризиса Третьеиюньской системы значение приобретали кадеты, а также – но лишь отчасти – правые в Государственном совете. Кадетская программа предполагала тотальный демонтаж Третьеиюньской системы, ликвидацию административного аппарата империи, введение всеобщего избирательного права и создание парламентарного строя. Отношения кадетов и бюрократического аппарата имели давнюю традицию взаимного неприятия: кадеты давали негативную этическую оценку бюрократии, чиновники считали радикальных либералов неспособными к ответственному поведению. В рамках существовавшего порядка кадеты, не склонные к политическим компромиссам, оставались политическими маргиналами. Стратегией кадетской партии была дестабилизация существовавшей

политической системы. М. Вебер оказался прав, когда утверждал, что цели русских радикальных либералов противоречили социальному прогрессу¹. Кадетские взгляды пользовались популярностью среди интеллигенции и средних городских слоев, однако их политизация падала почти на всем протяжении рассматриваемого периода. Правые критиковали столыпинскую политику, но фактически не имели сформулированной альтернативы ей. Существенной социальной поддержки такие взгляды не имели, как правило они также не находили понимания и у монарха и бюрократии. По сути, единственной альтернативой политического развития была столыпинская эволюция Третьеиюньской системы или масштабная социально-политическая дестабилизация.

Официальный национализм стал основой правительственного курса с 1909–1910 гг. Провозглашая и реализуя «националистическую» программу, Столыпин рассчитывал на расширение социальной базы своей политики. В данном вопросе Столыпин ориентировался на европейский (в основном, германский) опыт. Основными позитивными для правительства следствиями эволюции политического курса стали большая определенность и активность в аграрной и военной сфере, отчасти в области местного самоуправления. Слабой стороной этого курса, наряду с провоцированием недовольства национальных меньшинств, были столь важные, но не проясненные вопросы парламентаризма и политических свобод.

Следствием политической эволюции стало создание правительством партии русских националистов. В отличие от октябристов, бывших основной правительственной опорой прежде, но сохранявших политическую самостоятельность, националисты являлись инструментом правительства. Вместе с тем, националисты по своему социальному составу были демократичнее октябристов. Таким образом, Столыпин постепенно стал воспринимать парламент не как свою опору, а как инструмент своей политики. «Националистический» курс не мог устраивать ни правых (в силу

---

¹ Вебер М. О России: Избранное / Пер. А. Кустарева. М., 2007. С. 20–22, 103–104.

его общей – в целом либеральной, парламентаристской и антисословной – направленности), ни октябристов (уход вправо в перспективе приближавшихся думских выборов означал для партии полное политическое фиаско). Однако правые были крайне слабы, а всякая оппозиционная деятельность октябристов оборачивалась только против них самих, была чревата расколом и усиливала позиции лояльных правительству фракций. В результате к началу 1911 г. на российской политической сцене, кроме правительства, фактически не осталось сил, заинтересованных в сохранении Третьеиюньской системы в ее наличном виде.

Тем не менее, политическое положение Столыпина оставалось достаточно прочным. Происходила трансформация правительственного курса. В результате Столыпин вступил в открытый конфликт с правыми, которые впервые получили поддержку императора и попытались оказать премьеру открытое противодействие. При этом он также потерял стратегическую поддержку лидеров октябристов. Однако адекватных альтернатив столыпинскому курсу по-прежнему сформулировано не было. В результате, конституционный кризис марта 1911 г., несмотря на значительное возбуждение его участников, завершился фактическим восстановлением предкризисного политического положения.

Основные сюжеты текущей политической полемики этого времени были связаны с вопросами взаимодействия правительства и парламента (механизма взаимодействия правительства и парламентского большинства: октябристской и националистической моделей), а также перспективами развития местного самоуправления (земства). Судьба земства определялась расширением земского электората вглубь (сословно) и вширь (территориально) и источниками финансирования земства. Октябристы, нередко господствовавшие в земстве, на практике не могли стать инициаторами его широкой реформы, хотя обычно были лояльны правительству в этом вопросе – это же являлось главной причиной их неспособности создать прочное соглашение с радикальными либералами.

Вопрос о западном земстве, ставший поводом для конституционного кризиса в марте 1911 г., был прежде всего вопросом о сословном, а не национальном характере земского электората. Кадеты имели лозунг демократизации земства, но считали ее невозможной в рамках существующего порядка. Основным гарантом развития земства оставалось правительство. Кардинальное решение вопроса финансирования также находилось в руках власти, что и было подтверждено законом 1912 г. (правительство частично принимало на себя расходы местного самоуправления). Тогда же началось осуществление крайне важной реформы – введения местного суда, первой попытки устранить административный и общинный произвол в сфере крестьянской жизни. Думский центр также поддержал правительственный законопроект о должностных преступлениях.

Назначенный после смерти Столыпина Коковцов, в отличие от прежнего премьера, ни в силу личных качеств, ни в силу сохраняемого им поста министра финансов не имел возможности сплотить вокруг себя весь состав правительства. Совет министров был обречен на внутренний конфликт (начиная с этого времени и вплоть до 1917 г. правительство так и не восстановило того должного и прочного единства, которое было ему свойственно в столыпинский период). Назначение Коковцова означало фактическую ревизию «националистического» курса Столыпина, однако без необходимых для этого политических средств. «Примирение» Коковцова стало попыткой перейти от «контрреволюции» к «спокойному развитию». Коковцов по сути предлагал вернуться к реформаторскому курсу 1907 г. со всей его первоначальной неопределенностью его основных приоритетов. Однако воли и возможностей для резкого поворота у премьера не оказалось и на практике в первые месяцы своего премьерства ему пришлось осуществлять – хотя бы внешне – прежнюю столыпинскую политику. В результате и октябристы, и националисты пытались заручиться поддержкой нового премьера, но не получили ее. Если при активной роли Столыпина центральным звеном парламента были правые октябристы, то при отсутствии

таковой основная инициатива постепенно переходила к левому центру (прогрессистам, кадетам). Эта тенденция стала фатальной для всей политической системы. Если земский вопрос октябристы воспринимали через призму своего достаточно устойчивого социального положения, то в достаточно новых вопросах, в частности, связанных с правами парламента, могли выступить в коалиции с более радикальными силами. В рамках Третьеиюньской системы это блокировало законодательный процесс, а сам парламент превращался в деструктивную силу.

В условиях отсутствия четкой правительственной стратегии все либеральные партии на думских выборах 1912 г. использовали в своей риторике оппозиционные лозунги. Новая либеральная партия – прогрессисты – сосредоточили критику на неспособности как октябристов, так и кадетов добиться от власти необходимых преобразований. Националисты полностью потеряли политическую инициативу. Неудачные ответные действия МВД по проведению в Думу якобы лояльных власти правых только усиливали политическую нестабильность. Политическое поражение потерпели все участники выборов, за исключением связанной с московскими торгово-промышленниками популистской партии прогрессистов. Появление и парламентский успех прогрессистов стали свидетельством неспособности правительства оседлать новые общественные настроения, связанные с экономическим подъемом. В то же время это явление было следствием разочарования общества в традиционных либеральных партиях – октябристах и кадетов.

Внутриполитическое положение в России с 1912 г. оказалось достаточно напряженным. Однако серьезно говорить о «революционной ситуации» накануне Первой мировой войны могли лишь наиболее радикально мыслящие политики (левые и правые). «Общественный подъем» не был связан с политизацией общества. Быстрое развитие земства вело к усилению его амбиций и конфликту с властью на хозяйственной почве. Политический кризис имел верхушечный характер и был, прежде всего,

связан с отсутствием внятной правительственной политики. К марту 1913 г. послевыборная политическая ситуация окончательно прояснилась: разрозненное правительство и раздробленная Дума были готовы в отношении друг друга лишь к деструктивному поведению на принципиальной почве. В правительстве в это время оформились различные точки зрения о направлении дальнейшего развития. Если Кривошеин предлагал широкое соглашение с думским большинством на платформе последнего, то Маклаков настаивал на фактическом сворачивании всей Третьеиюньской системы. Планировать возврат к политическому строю, существовавшему до 1905 г., было невозможно, Маклаков выступал за развитие политической системы по прусскому варианту. В то же время инициативы Маклакова не получили поддержки в самом правительстве, рассчитывавшем на примирение в ожидании международной катастрофы.

Политически близкие Маклакову правые в Государственном совете также потеряли поддержку власти, а думские правые по мере развития ситуации приобрели явные черты правой парламентской оппозиции. В конфликтах правительства и советских правых верховная власть в конечном счете занимала правительственную позицию. Именно поэтому правому крылу Государственного совета удавалось отстаивать свою позицию в вопросах местного самоуправления или образования лишь тогда, когда оно пользовалось полной или частичной поддержкой правительства. Советские правые неизменно находились в стратегической обороне, не выступая с законодательной инициативой, отклоняя правительственные или думские законопроекты только в тех обстоятельствах, когда для этого создавались благоприятные возможности (как это случилось весной-летом 1912 г. и весной 1914 г.). Кроме того, основным мотивом поведения правых была защита позиций дворянства и крупного землевладения. Для Маклакова, наоборот, на первом месте стояли интересы самодержавно-бюрократического порядка. Консервативная альтернатива, таким образом, имела перспективы, но они постепенно сужались. В любом случае,

реализация какой бы то ни было стратегии становилась возможна только после отставки Коковцова.

После скандальных выборов 1912 г. кризисное развитие ситуации вело к радикализации фракций. Центральными стали новые вопросы – о бюджетных правах Думы и депутатской неприкосновенности. Вопросы имели острый политический подтекст и потому были трудноразрешимыми. Кроме этого, актуальным оставался вопрос о реформе избирательной системы и законодательного процесса. Если правые разрабатывали конкретные проекты реформы с целью ограничения прав парламента, то радикальные либералы (прогрессисты и кадеты) ограничивались узкословными проектами или лозунгом о введении всеобщего избирательного права (при этом, мировая практика его применения оставалась тогда еще крайне ограниченной). По вопросам полицейской и сенатской реформ, законодательства о собраниях и союзах правительство и Дума не нашли компромисса, что означало затягивание их решения. Важным оказался и вопрос о свободе слова (в связи с инициативой Маклакова частично восстановить предварительную цензуру). Правительство в целом выступило против введения цензуры, хотя и имело такие возможности (введенная с началом войны военная цензура как таковая оказалась весьма эффективным политическим инструментом – разумеется, лишь тогда, когда правительство имело желание и волю его использовать).

Подобные новые вопросы позволяли Думе объединиться на деструктивной почве, даже на короткое время завоевать политическую инициативу (как это случилось в период «министерской забастовки» 1913 г.), но не приносили успеха. В отсутствие масштабного общенационального кризиса Дума окончательно раздробилась (в иной – военной – ситуации, как это случилось в 1915 г., должно было произойти объединение в широкую оппозицию). Потерявшие поддержку националисты и октябристы оказались в стагнации и в результате раскололись. Дополнительной причиной раскола октябристов стало стремление их лидера А.И. Гучкова обновить

октябристскую повестку в ожидании грядущего союза с А.В. Кривошеиным, которого прочили в премьер-министры. Гучков был готов сделать это даже ценой роспуска IV Думы и новых выборов, но большинство фракции выступило против, отстояв свою позицию ценой фракционного раскола. Думские октябристы ждали инициатив не от Гучкова, а от самого Кривошеина. Кадетская фракция в обстановке думского кризиса вновь получила влияние, а с началом войны – шанс стать центром парламентского объединения.

«Новый курс» Кривошеина, одержавшего принципиальную (хотя и не окончательную) победу во внутриправительственной борьбе к началу 1914 г., стал попыткой перехода от администрирования к лавированию в качестве стержневого элемента политического курса. Великая война не изменила общего направления политического процесса, лишь придав ему дополнительную остроту. Начало войны дало новый импульс Кривошеину. Война была политически выгодна всем, кроме правых: все их планы оказались свернуты. «Священное единение» стало попыткой сплотить общество вокруг власти под национальными, а не социальными лозунгами. Будучи тактическим приемом как правительства, так и, в еще большей степени, оппозиции, «священное единение» не было рассчитано на срок более нескольких месяцев. Разница заключалась в том, что у Кривошеина, в отличие от оппозиции, не было иных тактических возможностей.

Кривошеин поощрял общественную инициативу: созданные в начале войны на базе местного самоуправления общественные организации получили доступ к обеспечению тыла и щедрое государственное финансирование. Кривошеин рассчитывал купить лояльность оппозиции, однако общественные организации почти сразу включились в политическую борьбу. Переход правительства к новым политическим методам спровоцировал смещение центра тяжести в Думе от правых октябристов к кадетам, что, в свою очередь, блокировало любой последовательный законодательный процесс и создавало непреодолимый кризис

Третьеиюньской системы. Парламентская оппозиция во главе с кадетскими лидерами ответила на лавирование Кривошеина «патриотической тревогой» и созданием Прогрессивного блока. В требования блока входило создание «министерства доверия», что на практике означало бы ликвидацию Третьеиюньской системы и создавало революционную ситуацию. В результате начавшаяся еще в 1912 г. борьба в правительстве завершилась не победой одной из альтернатив, а поражением обеих: правая альтернатива оказалась слишком слабой, левая – слишком противоречивой.

Итак, если до 1912 г. правительство контролировало политическую ситуацию и могло успешно инициировать реформы (в первую очередь, в сфере местного самоуправления), то позднее это было делать все труднее, а с весны 1913 г. борьба различных сил в самом правительстве и противостояние с парламентом сводило все усилия на нет. Именно весной 1913 г. была окончательно исчерпана созданная Столыпиным возможность проведения реформ с опорой на парламентское большинство – далее можно было лишь бороться за ее воссоздание. Решающую роль в этом кризисном процессе сыграло само правительство, выпустившее из рук рычаги политического управления. Летом 1915 г. власть уже сама оказалась под давлением оппозиции и вплоть до революции так не нашла сил для того, чтобы полностью вернуть себе стратегическую инициативу.

Порожденные войной социальные условия вели к тому, что прежние политические программы оказались неактуальными, а бюрократическая система управления требовала значительного совершенствования и прилива людей «извне». Прагматизм и вытекающее из него всемогущество государственного аппарата в острой кризисной ситуации оборачивались своими изнаночными сторонами. Сказывались врожденные пороки бюрократического управления – инерционность и недостаток политического лидерства. Власть запаздывала с принятием политических решений, что наиболее четко проявлялось в характере назначений министров, их разнохарактерности и отсутствии правительственного единства. В результате

с осени 1915 г. в правящей среде произошло изменение политического поведения: вместо «левых» и «правых» на сцену вышли прагматики-технократы и политиканы. Первые стремились к политическому соглашению правительства и общества на «деловой» (не-политической или над-политической) платформе. Вторые пытались заключить с оппозицией тактический сговор на конъюнктурной почве. Одним из следствий и признаков кризиса управления стало вмешательство в большую политику императрицы Александры Федоровны (хотя его не следует преувеличивать: оно никогда не было решающим). Примирительная политика верховной власти вела к феномену «министерской чехарды»: ее следует признать неудачной попыткой перехода к политическому кабинету. По мере нарастания кризиса усиливалось и внутреннее противостояние в правительственном аппарате, росла неспособность справиться с все более сложными задачами управления и развития. После отставки Трепова в декабре 1916 г. в правительстве был утерян реальный центр принятия решений, что сыграло решающую роль в февральских событиях 1917 г.

Оппозиция осенью 1915 г. оказалась перед дилеммой дальнейшей радикализации или политической гибели. Перманентный кризис Прогрессивного блока был его естественным состоянием. Таким образом, «штурм власти» стал свидетельством общего коллапса правительства и оппозиции. Вместе с тем, в развитии революционных тенденций роль «штурма власти» оказалась крайне важной. Именно с этого времени революция стала вполне возможной и близкой перспективой. Успех ее зависел от ответного поведения правительства. В конечном счете, оппозиция еще больше, чем правительство проявила неспособность к прагматическому курсу, к соглашению – даже в условиях военного времени. В то же время непримиримая оппозиция была активна практически только на базе государственных или активно финансируемых государством учреждений. Выбором оппозиции стала политическая революция под радикально-демократическими лозунгами. В результате Российская империя оказалась

единственной из четырех классических империй Европы, погибших в огне Великой войны, которая рухнула не вследствие военного поражения, а в силу острого и затяжного конфликта внутри ее элиты.

В марте 1914 г., в разгар слухов о скорой европейской войне, кадет Ф.И. Родичев отмечал в «Русских ведомостях», что уже с 1866 г. европейские государства вели войны не между правительствами, а между народами, а потому лозунг «хочешь мира, готовься к войне» сменился на «хочешь мира, готовь свободу»². Родичев не ошибся: всего через четыре года «свобода» в российском исполнении действительно дала России мир – Брестский мир. В те же самые дни 1914 г. и по тому же самому поводу член Государственного совета П.Н. Дурново написал свою знаменитую записку, в которой прогнозировал последствия возможной войны и уступок оппозиции со стороны правительства. Он указывал: «Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. <...> Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»³. Для подобного прогноза не нужно было обладать никакими пророческими способностями. Как верно отметил С.Е. Крыжановский, в 1917 г. Временное правительство лишь реализовало либеральную программу 1906 г.: если бы Дума в 1906 г. довела бы дело до конца, Первая революция приобрела бы характер событий 1917 г.⁴ Альтернативой подобному развитию событий на исходе Первой революции стала Третьеиюньская система, хотя,

---

² Родичев Ф. Условия победы // Русские ведомости, 14 марта 1914 г.

³ [Дурново П.Н.] Записка Дурново. Вступ. статья М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6. С. 195–197.

⁴ Крыжановский С.Е. Воспоминания... С. 124.

как показали события, она, как и все подобные режимы с только зарождавшейся парламентской традицией, нуждалась в постоянной ручной настройке со стороны правительственной власти. Динамичное социальное развитие, масштабность решаемых задач, неизбежность общественно-политических конфликтов требовали сильной политической воли и – одновременно – скрупулезности при налаживании диалога власти и общественности. Между тем, гибель монархии действительно, в конечном счете, влекла и гибель всех составных частей элиты, в том числе наиболее мощных – бюрократии и либеральной интеллигенции. Широкая социальная революция стала непосредственным следствием не наличия тяжелых социальных проблем, а в первую очередь ликвидации государственного механизма их решения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные материалы

Архив Российской Академии наук (Архив РАН).

Ф. 208. Ольденбург С.Ф.

Ф. 518. Вернадский В.И.

Ф. 624. Бахрушин С.В.

Ф. 646. Редакция журнала «Голос минувшего».

Ф. 647. Мельгунов С.П.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Ф. 63. Московское охранное отделение.

Ф. 102. Департамент полиции.

Ф. 111. Петроградское охранное отделение.

Ф. 434. Постоянный совет объединенных дворянских обществ.

Ф. 523. Фонд Партии Народной Свободы.

Ф. 543. Коллекция рукописей Царскосельского дворца.

Ф. 553. Бенкендорф П.К.

Ф. 555. Гучков А.И.

Ф. 563. Колюбакин А.М.

Ф. 573. Мейендорфы.

Ф. 579. Милюков П.Н.

Ф. 582. Протопопов А.Д.

Ф. 585. Протопопов Д.Д.

Ф. 588. Никольский Б.В.
Ф. 601. Николай II.
Ф. 605. Родзянко.
Ф. 612. Распутин Г.Е.
Ф. 627. Штюрман Б.В.
Ф. 629. Тыркова А.В.
Ф. 634. Тихомиров Л.А.
Ф. 635. Шаховские.
Ф. 670. Великий князь Николай Михайлович.
Ф. 690. Дымша Л.К.
Ф. 713. Бадмаев П.А.
Ф. 724. Маклаков Н.А.
Ф. 810. Челноков М.В.
Ф. 826. Джунковский В.Ф.
Ф. 892. Гирс А.А.
Ф. 932. Звегинцев А.И.
Ф. 1001. Мосолов А.А.
Ф. 1126. Бенкендорфы. Алопеусы. Шуваловы.
Ф. 1137. Вернадский Г.В.
Ф. 1145. Варнава (Накропин).
Ф. 1463. Коллекция отдельных документов личного происхождения.
Ф. 1467. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц.
Ф. 1779. Канцелярия Временного правительства.
Ф. 1807. Керенский А.Ф.
Ф. 4047. Рябушинский П.П.
Ф. 5102. Корнилов А.А.
Ф. Р-5818. Винавер М.М.
Ф. Р-5839. Петрункевич И.И.

Ф. Р-5856. Милюков П.Н.
Ф. Р-5865. Прокопович-Кускова Е.Д.
Ф. Р-5868. Гучков А.И.
Ф. Р-5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов.
Ф. Р-5913. Астров Н.И.
Ф. Р-5972. Брусиловы.
Ф. Р-6632. Демьянов А.А.
Ф. Р-9026. Ростовцев Н.А.
Ф. 9458. Бомаш М.Х.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ).

Ф. 12. Араповы.
Ф. 70. Герье В.И.
Ф. 171. Морозова М.К.
Ф. 218. Собрание единичных поступлений.
Ф. 225. Пешехонов А.В.
Ф. 260. Рябушинский П.П.
Ф. 261. Издательство Сабашниковых.
Ф. 436. Корженевский П.И.
Ф. 440. Шипов Д.Н.
Ф. 454. Мельгунов С.П.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ).

Ф. 10. Бурьшкин П.А.
Ф. 31. Маклаков В.А.

Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ).

Ф. 482. Милюков П.Н.

- Ф. 650. Романовы.
- Ф. 742. Столыпин П.А.
- Ф. 753. Струве П.Б.
- Ф. 760. Таганцев Н.С.
- Ф. 814. Философов Д.В.
- Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений.
- Ф. 1052. Энгельгардт Б.А.

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА).

- Ф. 1287. Шереметевы.
- Ф. 1412. Бобринские.

Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

- Ф. 40. Арсеньевы.
- Ф. 389. Протопопов С.Д.
- Ф. 419. Розанов В.В.
- Ф. 1208. Клячко Л.М. (Львов).
- Ф. 1337. Коллекция мемуаров и дневников.
- Ф. 1701. Редакция газеты «Русские ведомости».

Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА).

- Ф. 89. Поливанов А.А.
- Ф. 276. Орлов В.Н.

Российский Государственный исторический архив (РГИА).

- Ф. 40. Всеподданнейшие доклады по части торговли и промышленности (коллекция).
- Ф. 150. Петроградское общество заводчиков и фабрикантов.
- Ф. 229. Канцелярия министра путей сообщения.
- Ф. 472. Канцелярия Министерства императорского двора и уделов.

- Ф. 560. Общая канцелярия министра финансов.
- Ф. 565. Департамент государственного казначейства Министерства финансов.
- Ф. 651. Васильчиковы.
- Ф. 669. Ключев А.С.
- Ф. 691. Семенников В.П.
- Ф. 740. Департамент общих дел Министерства народного просвещения.
- Ф. 776. Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел.
- Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Св. Синода.
- Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.
- Ф. 892. Балашевы.
- Ф. 899. Бобринские.
- Ф. 966. Коковцов В.Н.
- Ф. 1004. Оболенские.
- Ф. 1006. Никольский Б.В.
- Ф. 1062. Таубе М.А.
- Ф. 1090. Шингарев А.И.
- Ф. 1093. Щеголев П.Е.
- Ф. 1101. Документы личного происхождения, не составляющие личных фондов (коллекция).
- Ф. 1217. Комиссия по преобразованию полиции в империи (междуведомственная).
- Ф. 1276. Совет министров.
- Ф. 1278. Государственная дума.
- Ф. 1282. Канцелярия министра внутренних дел.
- Ф. 1284. Департамент общих дел Министерства внутренних дел.
- Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел.
- Ф. 1405. Министерство юстиции.
- Ф. 1470. Обзоры печати, выписки и вырезки из печати (коллекция).

- Ф. 1571. Кривошеин А.В.
Ф. 1576. Рухлов С.В.
Ф. 1615. Акимовы.
Ф. 1617. Андроников М.М.
Ф. 1620. Богданович Е.В.
Ф. 1621. Булацель П.Ф.
Ф. 1626. Горемыкин И.Л.
Ф. 1629. Гурлянд И.Я.
Ф. 1642. Куломзин А.Н.
Ф. 1650. Оболенские.
Ф. 1652. Панчулидзе С.А.
Ф. 1662. Столыпин П.А.
Ф. 1669. Фредерикс В.Б.

Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ).

- Ф. 1082. Московский объединенный военно-промышленный комитет.
Ф. 2263. Бахрушин С.В.

2. Документальные материалы

Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Сост. Е.И. Щербакова. СПб., 2006.

«Большая созидательная программа». Проект доклада А.А. Риттиха Государственной думе о положении сельского хозяйства. 22 ноября 1916 г. Публ. Б.Д. Гальпериной // Вопросы истории. 2012. № 4. С. 3–21.

Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. и мат. под ред. Б.Б. Граве. М.–Л., 1927.

Верховное командование в первые дни революции // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 3–78; № 3 (22). С. 3–70.

Война и ведомство земледелия. Краткий обзор деятельности за 1914–1916 гг. Б.м., б.г.

Всеподданнейшие записки Б.В. Штюмерера. 1916 г. Публ. М.В. Плаксы // Исторический архив. 1994. № 6. С. 52–66.

Всероссийский союз городов: Состав Главного и местного комитетов Всероссийского союза городов. М., 1916.

Государственная дума. Доклады бюджетной комиссии. IV созыв. Сессия IV. 1915–1916 гг. Вып. 1. Пг., 1916.

Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III Государственная дума. IV сессия. СПб., 1911.

Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. IV созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. СПб., 1913.

Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. IV созыв. Сессия II. 1913–1914 гг. СПб., 1914.

Государственная дума. Обзор V сессии III Государственной думы. СПб., 1912.

Государственная дума. Обзор I сессии IV Государственной думы. СПб., 1913.

Государственная дума. Обзор II сессии IV Государственной думы. СПб., 1914.

Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности Государственной думы 3-го созыва. 1907–1912. СПб., 1912.

Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1908.

Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. I–III. СПб., 1910–1911.

Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I–IV. СПб., 1911–1912.

Государственная дума. Созыв IV. Комиссии и отделы Государственной думы: личный состав их к 25 мая 1916 г. Пг., 1916.

Государственная дума. Созыв IV. Конституционно-демократическая партия. Фракция в Государственной думе 4-го созыва. Отчет о деятельности фракции. Пг., 1916. Т. 3.

Государственная дума. Созыв IV. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия IV. Пг., 1916.

Государственная дума. Созыв IV. Проекты законов, одобренных Государственной думой. Сессия IV. Пг., 1915. Т. 1–3.

Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Журналы совещания Государственной думы. СПб., 1913.

Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Журналы совещания Государственной думы. СПб., 1914.

Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. Ч. I–III. СПб., 1913.

Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1913.

Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. I–V. СПб., 1913–1914.

Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стенографические отчеты. Пг., 1915.

Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. I–IV. Пг., 1915–1916.

Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I–II. Пг., 1916–1917.

Государственная дума. Созыв IV. Стенографический отчет заседания 19 июля 1914 г. Пг., 1914.

Государственная дума. Созыв IV. Справочные листки. Сессии III–V. № № 1–46. Пг., 1915–1917.

Государственная дума. Созыв IV. Фракция прогрессистов. Материалы. Вып. 2–4. СПб., 1912–1914.

Государственный совет. Стенографические отчеты. VI сессия (1910–1911). СПб., 1910–1911.

Государственный совет. Стенографические отчеты. VII сессия (1911–1912). СПб., 1911–1912.

Государственный совет. Стенографические отчеты. VIII сессия (1912–1913). СПб., 1912–1913.

Государственный совет. Стенографические отчеты. IX сессия (1913–1914). СПб., 1913–1914.

Государственный совет. Стенографические отчеты. X сессия (1915 г., январь). Пг., 1915.

Государственный совет. Стенографические отчеты. XI сессия (июль–сентябрь 1915 г.). Пг., 1915.

Государственный совет. Стенографические отчеты. XII сессия (февраль–июнь 1916 г.). Пг., 1916.

Государственный совет. Стенографические отчеты. XIII сессия (ноябрь 1916 – февраль 1917 г.). Пг., 1916–1917.

Г.Е. Распутин глазами официальных властей. Вводная статья, подготовка текста и комментарии С.Л. Фирсова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 131–147.

Дневник министерства иностранных дел за 1915–1916 гг. // Красный архив. 1928. № 4 (29). С. 3–50; 1929. № 1 (32). С. 3–87.

Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003.

Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1 – 2000. № 6.

[Дурново П.Н.] Записка Дурново. Вступ. статья М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6. С. 178–199.

Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918 гг. В 3 т. М., 2013.

Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). Указатели и материалы. 1915–1918 гг. В 2 т. М., 1982.

Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006.

Законы военного времени. [2-е изд.] Пг., 1916.

Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 5. Берлин, 1922 [репринт: М., 1991]. С. 337–343.

Записки Н.И. Туган-Барановского по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики (1914–1915). Подготовка текста, вступительная статья и примечания С.В. Куликова // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти: источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 141–174.

Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы. Вводная статья, подготовка текста и комментарии С.В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 148–180.

Из кулуаров Государственной думы: информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 год. Подготовка текста, вступительная статья и примечания И.В. Лукоянова // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти: источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 69–140.

Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Вступ. ст. В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 10–48.

Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. М., 1916.

Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996.

Монархия перед крушением. Под ред. В.И. Семенникова. М.–Л., 1927.

О преобразовании полиции в Империи. СПб., 1913.

Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 т. М., 2001–2002.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1910 год. М., 2001.

- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1911 год. М., 2002.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1912 год. М., 2004.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1915 год. М., 2008.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1917 год. М., 2009.
- Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Ред. П.Е. Щеголев. М., 1990.
- Отчет Центрального комитета Союза 17 октября и его деятельности с 1 сентября 1912 по сентябрь 1913 г. М., 1913.
- Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П.Е. Щеголева. М.–Л., 1925–1927.
- Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002.
- Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. М., 1996–2000.
- П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006.
- П.А. Столыпин и французская пресса в 1911 г. // Красный архив. 1929. № 1 (32). С. 209–211.
- П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. В 2 т. М., 2002.
- Подкуп «Нового времени» царским правительством // КА. 1927. № 2 (21). С. 223–226.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. В 33 т. СПб., 1885–1916. Т. 30–33.

Последний Всеподданнейший доклад М.В. Родзянко (10 февраля 1917 г.) // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 6. Берлин, 1922 [репринт: М., 1991]. С. 335–338.

Последний год жизни Сергея Юльевича Витте. По дневникам наружного наблюдения. 1914–1915 гг. (Публ. З.И. Перегудовой) // Исторический архив. 2004. № 3–5.

Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998.

Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. / Отв. ред., автор предисловия В.В. Шелохаев. М., 2014.

Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде (Публ. А.Л. Сидорова) // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 101–109.

Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. № 1–2 (50–51). С. 117–160; № 3 (52). С. 143–196; 1933. № 1 (56). С. 80–135.

Проект учреждения полиции. С постатейными объяснениями. СПб., 1912.

Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1–3. М., 1994–1998.

Рапорт Начальника Военной миссии в России генерала де Кастельно (март 1917 г.) // Военно-исторический вестник [Париж]. 1974. № 42–43. С. 17–22, 35–40.

Российское законодательство X–XX веков. Под ред. О.И. Чистякова. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994.

Русская «парламентская» делегация за границей в 1916 г. // Красный архив. 1933. № 3 (58). С. 3–23.

Самодержавие и избирательные права в национальных областях царской России // Красный архив. 1936. № 6 (79). С. 19–25.

Свод законов Российской империи. Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. В 5 кн. СПб., 1912.

Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.

Союз 17 октября. Фракция в Государственной думе IV созыва. Обзор деятельности. СПб., 1914.

Союз 17 октября. Центральный комитет. Обзор деятельности Центрального комитета Союза 17 октября в 1910–1911 гг. М., 1911.

Союз 17 октября. Центральный комитет. Отчет Центрального комитета Союза 17 октября о его деятельности. Т. 1–3. М., 1912–1914.

Справка Департамента полиции о масонах в России // Российский архив. История Отечества в документах и свидетельствах XVIII–XX вв. Вып. VI. М., 2005. С. 446–448.

Справка по законопроектам о реформе полиции. СПб., 1913.

Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К.Ф. Шацилло, сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. М., 1997, 2000.

III Государственная дума. Фракция Народной Свободы в период 15 октября 1911 года – 9 июня 1912 года. Ч. I. Отчет фракции. СПб., 1912.

Фракция Союза 17 октября в Государственной думе (обзор деятельности). Сессия I. 15 октября 1912 – 25 июня 1913 г. СПб., 1914.

IV Государственная дума. Фракция Народной Свободы. «Военные» сессии. 26 июля 1914 г. – 3 сентября 1915 г. Пг., 1916.

Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 18. Берлин, 1926 [репринт: М., 1993]. С. 5–136.

3. Периодика

Биржевые ведомости. 1914 – 1917, февраль.
Вестник Европы. 1910 – 1917, февраль.
Голос Москвы. 1910 – 1915, июнь.
Гражданин. 1910 – 1914, июль.
День. 1910 – 1917, февраль.
Земщина. 1910 – 1917, февраль.
Московские ведомости. 1910 – 1917, февраль.
Новое время. 1910 – 1917, февраль.
Правительственный вестник. 1910 – 1917, февраль.
Прямой путь. 1910 – 1917, февраль.
Речь. 1910 – 1917, февраль.
Россия. 1910 – 1914, май.
Русская молва. 1912, декабрь – 1913, август.
Русская мысль. 1910 – 1917, февраль.
Русские ведомости. 1910 – 1917, февраль.
Русское слово. 1910 – 1917, февраль.
Свет. 1912 – 1914.
Утро России. 1912 – 1917, февраль.

4. Научные работы

Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917.
Гессен В.М. Русское государственное право. СПб., 1909.
Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912.
Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. М., 2007.
Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912.
Лазаревский Н.И. Русское государственное право. СПб., 1913.
Магазинер Я.М. Чрезвычайно-указное законодательство в России. СПб., 1911.
Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911.

5. Публицистика

Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915.

Балашев И.П. Важнейшие очередные задачи нашей внешней и внутренней политики. Пг., 1916.

Баян-Рославлев [Кольшко И.И.] Пыль. Сборник политических статей 1907–1912. М., 1913.

Булгаков С.Н. На пиру богов (Pro и contra): Современные диалоги // *его же*, Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 234–295.

Вебер М. О России: Избранное / Пер. А. Кустарева. М., 2007.

Веселовский Б.Б. Земство и его новое устройство. Пг., 1917.

Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей. 1909–1910. М., 1991.

Витте С.Ю., гр. По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914.

Вопросы мировой войны Пг., 1915.

Дашкевич Л. Реформа волости. М., 1912.

Ежегодники газеты «Речь» на 1914–1916 гг. Пг., 1914–1916.

Ельчанинов А.Г. Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб. – М., 1913.

Катков М.А. Роль уездных предводителей дворянства в государственном управлении России (к вопросу о реформе местного управления). М., 1914.

Кизеветтер А.А. Партия Народной Свободы и ее идеология. М., 1917.

Клопов А.А. Самодеятельность и земство в народной жизни России. СПб., 1913.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 19–30. М., 1968–1973.

Меньшиков М.О. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998.

Меньшиков М.О. Национальная империя. М., 2004.

Меньшиков М.О. Письма к русской нации. / Сост., вступ. статья и прим. М.Б. Смолина. М., 2002.

- Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907.
- Милюков П.Н. Тактика фракции Народной свободы во время войны. Пг., 1916.
- Михайловский А. Реформа городского самоуправления в России. М., 1908.
- Национализм. Полемика 1909–1917. Сост. М.А. Колеров. М., 2000.
- Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004.
- [Обнинский В.П.] Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II-го. Берлин, [1912].
- Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. СПб., [1912].
- Пасхалов К. Земский вопрос. СПб., 1911.
- Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1911.
- Розанов В.В. Собрание сочинений. В чадю войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2008.
- Розанов В.В. Собрание сочинений. Загадки русской провокации (Статьи и очерки 1910 г.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2005.
- Розанов В.В. Собрание сочинений. На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2007.
- Розанов В.В. Собрание сочинений. Последние листья / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2000.
- Розанов В.В. Собрание сочинений. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2006.
- Розанов В.В. Собрание сочинений. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2005.
- [Саблер В.К.] О мирной борьбе с социализмом. Путевые воспоминания Владимира Саблера. СПб., 1907.
- Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999.
- Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. М., 1997.

Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России (статьи 1909, 10, 11 гг.). М., 1912.

Тихомиров Л.А. Христианство и политика. Калуга, 2002.

Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003.

Трубецкой Е.Н., кн. Революция и национальный подъем. Съезд Партии Народной Свободы. 25–28 марта 1917 г. М., 1917.

Утугаев И. [Иванов И.Д.] Между 3-ей и 4-й Г. Думой. СПб., 1912.

Чего ждет Россия от войны? Пг., 1915.

Щечков Г. Государственная дума и несостоятельность начала большинства как принципа государственно-общественного строительства. Харьков, 1912.

Щечков Г. Очевидные недостатки Государственной думы третьего созыва и неотложность их устранения. Харьков, 1912.

Шубинский Н.П. Памяти П.А. Столыпина (+ 5 сентября 1911 г.). Речь, произнесенная 5 сентября 1913 г. в Центральном комитете Союза 17 октября в Москве. М., 1913.

6. Дневники, письма, воспоминания

А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы I мировой войны. Письма А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, П.Б. Струве. Под ред. С.В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 40–61.

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

Александр Михайлович, вел. кн. Воспоминания. Обе книги в одном томе. М., 2001.

Астров Н.И. Воспоминания. М., 2000.

Б. Пэрс «Падение русской монархии»: pro et contra (П.Н. Милюков и В.А. Маклаков о книге Б. Пэрса). Подг. М.Г. Вандалковская, О.В. Будницкий //

- История и историки. 2001. Историографический вестник. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2001. С. 261–316.
- Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1955. № 43, 48; 1959. № 91; 1965. № 157–161, 165–168; 1966. № 169–184.
- Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009.
- Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Париж, 1949 [2-е изд.: М., 1990].
- Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996.
- Блок А.А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 4. Берлин, 1921 [репринт: М., 1991]. С. 5–54.
- Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011.
- Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. Нью-Йорк, 1953 [репринт: М., 1992].
- Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964.
- Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1946.
- Бубликов А.А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918.
- Булгаков С.Н. Агония // *его же*, Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 295–313.
- Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1990.
- Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006.
- В.К. Воспоминания о Щегловитове // Сегодня, 25 июля 1925 г.
- Васильчикова Л.Л., кн. Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой. 1868–1919. СПб., 1995.
- Вернадский В.И. Пережитое и передуманное. М., 2007.
- Винавер М.М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926.
- Винавер Р.Г. Вожди кадетской партии // Новый журнал. 1945. № 10. С. 250–262.

- Вишняк М.В. Дань прошлому. Воспоминания. Нью-Йорк, 1954.
- Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. / Вступ. статья Л. Алена. СПб. – Дюссельдорф, 1993.
- Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М., 1997.
- Воейков В.И. С Царем и без Царя. Хельсинки, 1936 [репринт: М., 1994].
- Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. Т. 1–2. Мюнхен, 1923; Новый Сад, 1926 [репринт: М., 1993].
- Встреча в Ставке. Николай II и А.Д. Самарин. Июнь 1915 г. (публ. М.И. Чернова) // Исторический архив. 1996. № 2. С. 176–186.
- Г.П. (Перетц Г.Г.) В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца 27 февраля – 23 марта 1917 г. Пг., 1917 [репринт: СПб., 1997].
- Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 22. Берлин, 1937 [репринт: М., 1993].
- Гиппиус З.Н. Синяя книга. Белград, 1929.
- Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б.М. Виттенберга. М., 2001.
- Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.
- Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008.
- Гредескул Н.А. Россия прежде и теперь. М., 1926.
- Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. Кронштадт – М., 2005.
- Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.
- Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Берлин, 1928 [2-е изд.: М., 2000].

- Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997.
- Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 127–150.
- Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008.
- Дневник П.Н. Милюкова о заграничной поездке // Красный архив. 1932. № 5–6 (54–55). С. 3–48.
- Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013.
- Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005.
- Долгоруков П.Д., кн. Великая разруха. Мадрид, 1964.
- Друцкой-Соколинский В.А., кн. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914–1918. М., 2010.
- Друцкой-Соколинский В.А. Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880–1914 гг.). Орел, 1996.
- За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева // Под ред. В.П. Семённикова. Л., 1925 [2-е изд.: Бадмаев П.А. За кулисами царизма: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2001].
- Записки Н.М. Романова / Публ. А.А. Сергеева // Красный архив. 1931. № 4–6 (47–49).
- Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956 [2-е изд.: М., 2002].
- Игнатъев П.Н. Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // Новый журнал. 1944. № 8. С. 300–320; № 9. С. 276–292.
- Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. В 2 т. СПб., 2003.
- Из архива Щегловитова / Публ. И.И. Тоболина // Красный архив. 1926. Т. 4 (15). С. 104–117.
- Из воспоминаний Родзянко // Былое. 1923. № 21. С. 218–249.
- Из дневника А.Д. Протопопова // Красный архив. 1925. № 3 (10). С. 175–183.
- Из переписки царских сановников накануне войны и революции // Красный архив. 1933. № 6 (61). С. 129–135.
- Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917–1932). Париж, 1933.
- Ильин И.С. Революция // Новый журнал. 1959. № 56. С. 207–221.

Кантакузина Ю. Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876–1918. М., 2007.

Капнист И.И. Перед крушением империи // Возрождение, 30 марта 1933 г.

Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 2, 3, 5–7.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993.

Кизеветтер А.А. Из размышлений о революции // Современные записки. 1930. № 42. С. 344–373.

Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997.

Клячко Л.М. (Львов). Повести прошлого. Л., 1929.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903–1919 гг.). В 2 кн. Париж, 1933 [репринт: М., 1992].

Колышко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009.

Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 2–5, 7–10.

Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород – Самара – Пенза. Пг., 1916.

Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции / Спроге В.Э. Записки инженера. М., 1999.

Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б/г.

Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2–4.

Крыжановский С.Е. О перлюстрации до революции // Новый журнал. 1975. № 121. С. 122–126.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923 [репринт: М., 1992].

Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920 [2-е изд.: Минск, 2003].

Локкарт Р.Г.Б. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008.

- Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922 [репринт: М., 1991]. С. 81–160.
- Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936 [2-е изд.: Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006].
- Маклаков В.А. Вторая Государственная дума: воспоминания современника. Париж, 1939.
- Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
- Маклаков В.А. Из прошлого // Современные записки. Т. 38. Париж, 1929. С. 276–316.
- Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Историк и современник. Вып. 2–3. Берлин, 1922.
- Мартов Ю.О., Потресов А.Н. Письма 1898–1913. М., 2007.
- Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Вып. 1. Ч. 1–2. Париж, 1964.
- Милюков П.Н. Большой человек: А.И. Гучков // Последние новости, 15 февраля 1936 г.
- Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.
- Милюков П.Н. Кн. Г.Е. Львов (некролог) // Последние новости, 6 марта 1926 г.
- Милюков П.Н. М.В. Родзянко (некролог) // Последние новости, 27 января 1924 г.
- Милюков П.Н. Ответ Шульгину // Последние новости, 10 апреля 1921 г.
- Милюков П.Н. Старый подлог // Последние новости, 8 октября 1921 г.
- Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Т. 1.
- Мосолов А.А. При дворе императора. Рига, 1938 [репринт: Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. М., 1993].
- Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 1. Берлин, 1921 [репринт: М., 1991]. С. 9–96.

- Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921.
- Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012.
- Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1954–1955.
- «Не понимают величия русской государственной идеи»: Переписка К.Н. Пасхалова 1914–1917 гг. / Публ. Ю.И. Кирьянова // Источник. 1995. № 6. С. 4–40.
- «Необходимо перестраивать организацию страны без резкой борьбы с правительственной машиной». Из переписки В.И. Вернадского. 1915–1917 гг. (Публ. В.П. Волкова) // Исторический архив. 2004. № 3. С. 207–212.
- Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). Предисл. В.И. Невского. Ред. и вступ. ст. В.П. Семенникова. Л.-М., 1925.
- Николай Романов об убийстве П.А. Столыпина // Красный архив. 1929. № 4 (35). С. 209–211.
- Новиков М.М. Моя жизнь от Москвы до Нью-Йорка. Нью-Йорк, 1952.
- Нольде Б.Э. Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930.
- Нольде Б.Э. Набоков в 1917 году // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 7. Берлин, 1922 [репринт: М., 1991]. С. 5–13.
- О характере государственного строя России (из записок С.Е. Крыжановского 1926 г.) // Вопросы истории. 2008. № 3–6.
- Оболенский А.В., кн. Мои воспоминания // Возрождение. 1955. № 48. С. 97–108.
- Оболенский В.А., кн. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.
- Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV Государственной думы. Берлин, 1927.
- «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. Т. 1–2. М., 2002.
- Палеолог М. Дневник посла. М., 2003.
- Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004.

- Пасхалов К.Н. Русский вопрос. / Сост., предисл. и комент. Д. Стогова. М., 2009.
- Переписка Д.Н. Шипова с М.В. и Е.К. Челноковыми (1897–1914) // Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010. С. 176–391.
- Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. 1924. № 5. С. 102–128.
- Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3–5. М. – Пг. (Л.), 1923, 1926–1927.
- Переписка Сухомлинова и Янушкевича // Красный архив. 1923. № 3. С. 29–74.
- П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004.
- П.А. Столыпин глазами современников. / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2008.
- Письма П.Б. Струве С.Д. Сазонову в 1915 г. Под ред. Д.О. Заславского // Красный архив. 1933. № 4 (59). С. 146–148.
- Письма чиновника А.А. Клопова царской семье. Под ред. В.И. Старцева, Б.Д. Гальпериной // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 204–222.
- Письмо вел. кн. Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 – 4 февраля 1917 гг. // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 5. Берлин, 1922 [репринт: М., 1991]. С. 333–336.
- Письмо П. Балашева к Столыпину // Красный архив. 1925. № 2 (9). С. 291–294.
- Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний военного министра и его помощника. М., 1924.
- Предсмертная записка А.Д. Протопопова // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 2. С. 167–193.
- Пурталес [Ф.], гр. Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 г. Пг., 1923.

- Редигер А.Ф. История моей жизни: Воспоминания военного министра. В 2 т. М., 1999.
- Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907–1918. В 2 т. Берлин, б/г.
- Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983.
- Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 6. Берлин, 1922 [репринт: М., 1991]. С. 5–80.
- Родзянко М.В. За кулисами царской власти. М., 1926 [репринт: М., 1991].
- Родзянко М.В. Крушение империи (записки председателя Русской Государственной думы) // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 17. Берлин, 1923 [репринт: М., 1991]. С. 5–169.
- Романов А.В. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). / Сост., предисл., коммент. В.М. Осин, В.М. Хрусталева. М., 2008.
- Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993.
- Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927 [репринт: М., 1991].
- Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 93–114.
- Распутин и евреи / Север А. Распутин и заговор против России; Симанович А. Распутин и евреи; Криворотов В. Придворный ювелир. М., 2005.
- Смирнов С. К истории одного заговора // Последние новости, 22 апреля 1928 г.
- «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 1–3. М. – Стэнфорд, 2001–2002.
- Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 2 т. Нью-Йорк, 1920 [2-е изд.: Минск, 2004].
- Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994.
- Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергея. СПб., 2000.

Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. Под ред. С.М. Исхакова. М., 1991.

Студенский-Бурдуков Н.Ф. Отклики пережитого // Иллюстрированная Россия. 1939. № 21–27.

Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3 т. Пг., 1919–1923 [2-е изд.: М., 1991].

Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924 [3-е изд.: Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005. Минск, 2005].

Татищев Б.А. Крушение, 1916–1917: Воспоминания // Возрождение. 1949. № 4. С. 116–138.

Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007.

Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 95–130.

Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.

Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.-Л., 1924 [2-е изд.: М., 1990].

Трубецкой С.Е., кн. Минувшее. Париж, 1989 [2-е изд.: М., 1991].

Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999.

Тыркова А.В. Петроградский дневник. Публ. М.Ю. Сорокиной // Звенья: исторический альманах. Вып. 2. М.-СПб., 1992. С. 319–339.

Тыркова А.В. То, чего больше не будет. Париж, 1954 [2-е изд.: М., 1998].

«У нас беда – страшная привычка к словам...» Письма депутата Государственной думы М.В. Челнокова к графине Е.А. Уваровой. 1903–1912 гг. (Публ. Ф.А. Селезнева) // Исторический архив. 2004. № 1, 2, 4.

Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1954.

Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. Рига, 1928 [репринт: М., 1991].

- Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденной жизненном пути. СПб., 2009.
- Хатисов А.И. У поколебленного трона // Иллюстрированная Россия. 1931. № 50. С. 1–4.
- Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. В 2 т. Париж, 1963.
- Цесаревич Алексей в воспоминаниях его учителей. М., 2006.
- Чебышев Н.Н. Близкая даль: Воспоминания. Париж, 1933.
- Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1934 [2-е изд.: Минск, 2004].
- Чернов В.М. Рождение революционной России. Февральская революция. Париж – Прага – Нью-Йорк, 1934.
- Чернышева-Самарина Е.А. Александр Дмитриевич Самарин // Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 121–203.
- Шавельский Г., протопресв. Русская Церковь перед революцией. Нью-Йорк, 1954 [2-е изд.: М., 2005].
- Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952.
- Шварц А.Н. Моя переписка с Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994.
- Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923.
- Шингарев А.И. Как это было? Дневник А.И. Шингарева. М., 1918.
- Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918 [2-е изд.: М., 2007].
- Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.
- Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н.Н. Лисового. М., 2002.
- Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров. Под ред. Р.Ш. Ганелина и М.Ф. Флоринского //

Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 245–348.

7. Монографии, статьи, рецензии

Аврех А.Я. Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы I мировой войны // История СССР. 1987. № 6. С. 32–49.

Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968.

Аврех А.Я. Царизм и Третьеиюньская система. М., 1966.

Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981.

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Административные реформы в России: история и современность. Под ред. Р.Н. Байгузина. М., 2006.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.

Айрапетов О.Р. Либералы и генералы перед Февралем: штрихи к портретам и процессам // Україна і Росія в панорамі століть. Збірник наукових праць на пошану проф. К.М. Ячменіхіна. Чернігів, 1998. С. 261–268.

Айрапетов О.Р. Нарочская операция и отставка А.А. Поливанова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2001. № 6. С. 80–98.

Айрапетов О.Р. Поездка Николая II в Галицию весной 1915 г. и политическая борьба в русских военных кругах // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2000. № 1. С. 103–120.

Айрапетов О.Р. Рец. на кн.: Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IX. М., 2010. С. 292–335.

- Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1–4. М., 2014–2015.
- Алексеева И.В. Агония Сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917 гг. Л., 1990.
- Алексеева И.В. Оппозиция Его Величества. Дума, царизм и союзники России по Антанте в эпоху П.А. Столыпина. 1907–1911 гг. СПб., 2004.
- Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи. Дума, царизм, союзники по Антанте (1907–1917 гг.). СПб., 2009.
- Алексеева И.В. Царизм, буржуазная оппозиция и союзники России по Антанте в годы I мировой войны, 1914 – февраль 1917 г. Дис. ... д.и.н. СПб., 1991.
- Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 58–76.
- Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994.
- Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Под ред. В.Ю. Черняева. СПб., 1994.
- Андреев Д.А. Борьба группировок в кадетском руководстве по вопросу о надпартийном сотрудничестве в IV Государственной думе. Дис. ... к.и.н. М., 1995.
- Андреев Д.А., Гайда Ф.А. В.И. Гурко и его воспоминания // Отечественная история. 2002. № 6. С. 141–148.
- Аронсон Г. Русский либерализм и революция // Свободная мысль. 1992. № 7. С. 72–80.
- Арутюнов Г.А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910–1914 гг. М., 1975.
- Архипов И.Л. Российская политическая элита в Феврале 1917 г. Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000.
- Асташов А.Б. Всероссийский союз городов. 1914–1917 гг. Дис. ... к.и.н. М., 1994.

- Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996.
- Бахтурина А.Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 132–136.
- Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи. Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.
- Белов Ю.С. В.К. Саблер. Личность и эпоха // Исторические личности России. Материалы IX Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1998. С. 129–131.
- Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб., 2002.
- Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков-М., 1997.
- Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы I мировой войны. Л., 1975.
- Большакова О.В. Российская империя: система управления (современная зарубежная историография): Аналитический обзор. М., 2003.
- Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999.
- Бородин А.П. П.Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 48–69.
- Бородин А.П. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013.
- Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.
- Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984.
- Будницкий О.В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–81.
- Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992.
- Варламов А. Григорий Распутин-Новый. Изд. 2-е. М., 2008.

- Варнакова Г.С. Состав Совета министров Российской империи 1905 – 1914 гг. (опыт индивидуальной и коллективной характеристики на основе документов личного происхождения). Дис. ... к.и.н. М., 2004.
- Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989.
- Векшина Ю.А. Граф В.Н. Коковцов. Государственный деятель Российской империи. СПб., 2008.
- Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994.
- Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 2003.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Под. ред. Б.В. Ананьича. СПб., 1996.
- Гайда Ф.А. Бюрократ глазами либерала: российское правительство в восприятии парламентской оппозиции (1911–1917 гг.) // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / [сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс]; МГУ им. М.В. Ломоносова, Ист. фак-т. – М., 2008. С. 647–656.
- Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910-1917). М., 2016.
- Гайда Ф.А. Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьеиюньской системы (1911–1917) // Российская история. 2009. № 4. С. 77–90.
- Гайда Ф.А. Кадеты и власть: горе от ума? // Отечественная история. 2005. №4. С. 89–93.
- Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.
- Гайда Ф.А. О «дневнике Распутина» // Российская история. 2012. № 5. С. 203–205.

Гайда Ф.А. П.Н. Милюков: историк в политике // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943). Материалы Международного научного colloquium (Москва, 23–25 сентября 2009 г.). М., 2010. С. 37–44.

Гайда Ф.А. Политическая обстановка в России накануне Первой мировой войны в оценке государственных деятелей и лидеров партий // Российская история. 2011. № 6. С. 123–135.

Гайда Ф.А. Правительственные назначения и отставки в третьеиюньский период: традиция и инновации // Ключевские чтения – 2011. Т. 2. Модернизационные процессы в России: XIX – XXI вв. К 150-летию отмены крепостного права. Материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2011. С. 269–277.

Гайда Ф.А. Правящая бюрократия в восприятии российских консерваторов в период кризиса третьеиюньской системы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2009. № 2. С. 3–13.

Гайда Ф.А. Русские либералы в восприятии правящей бюрократии в период кризиса Третьеиюньской системы (1911 – 1917) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 42–56.

Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 3–13.

Гальперина Б.Д. Взаимоотношения IV Государственной думы и Совета министров Российской империи по продовольственному вопросу в канун Февральской революции // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в истории России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей. Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. С. 174–216.

Ганелин Р.Ш. 26 февраля 1917 г. в Петербурге // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Год второй выпуска. Памяти В.И. Старцева. СПб., 2002. С. 196–234.

Ганелин Р.Ш. В России двадцатого века. Статьи разных лет. М., 2014.

- Ганелин Р.Ш. Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 г. // Отечественная история. 1997. № 1. С. 150–158.
- Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // Отечественная история. 1992. № 5. С. 156–166.
- Ганелин Р.Ш. После Распутина // Историк и революция. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Олега Николаевича Знаменского. СПб., 1999. С. 117–135.
- Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 474–496.
- Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма. СПб., 1996.
- Гоголевский А.В. Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории 1906–1912 гг. СПб., 2002.
- Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.
- Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.-Л., 1926.
- Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. редакторы Б. Пиетроф-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007.
- Грунт А. Прогрессивный блок // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 108–117.
- Дедков Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова М., 2005.
- Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006.
- Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.
- Дневник Распутина. М., 2008.

- Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 63–86.
- Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.
- Думова Н.Г. Либерал в России. Трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993. Т. 1.
- Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
- Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? Сборник статей. СПб., 2002.
- Дякин В.С. Земство в третьеиюньской монархии (структура избирателей и гласных) // Исторические записки. Т. 115. М., 1987.
- Дякин В.С. Земство и самодержавие в третьеиюньской монархии // ВИ России XIX – начала XX века. Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 127–141.
- Дякин В.С. Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917» // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 3. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2000. С. 299–335.
- Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.
- Дякин В.С. Николай, Александра, Распутин и Камарилья // Новый часовой. 1995. № 3. С. 148–164.
- Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 227–238.
- Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967.

- Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.
- Евдокимова Н.П. Между Западом и Востоком: Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985.
- Егоров А.Н. Архив Конституционно-демократической партии (опыт реконструкции по материалам кадетских организаций Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Новгородской губерний). Дис. ... к.и.н. М., 1995.
- Егоров А.Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX века. Дис. ... д.и.н. М., 2010.
- Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- Западные окраины Российской империи. М., 2006.
- Заславский Д.О. А.Д. Протопопов // Былое. 1924. № 23. С. 208–245.
- Земский феномен. Политологический подход. Под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2001.
- Земское самоуправление в России, 1864–1918. В 2 кн. М., 2005. Кн. 2.
- Зырянов П.Н. Крах внутренней политики третьейюньской монархии в области местного управления (1907–1914 гг.). Дис. ... к.и.н. М., 1972.
- Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.-СПб., 2011.
- Иванов А.А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). СПб., 2006.
- Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.
- Из истории русской журналистики начала XX века. Под ред. Б.И. Есина. М., 1984.
- Измозик В.С., Павлов Б.В. Великий князь Николай Михайлович // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 123–131.
- Иоффе Г.З. «Распутиниада»: большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 3. С. 103–118.

- Карпович М. Два типа русского либерализма. Маклаков и Милюков. // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997.
- Карякин В.Н. Московская охранка о А.И. Шингареве // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 309–313.
- Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997.
- Кириянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.
- Кириянов Ю.И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137–150.
- Кириянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
- Кириянов Ю.И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003.
- Китанина Т.М. Война, хлеб, революция: Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л., 1985.
- Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 1998.
- Колеров М.А. Не мир, но меч. СПб., 1996.
- Колоницкий Б.И. «Дело Мясоедова» в общественном сознании (1915–1917) // Старцевские чтения – 2006. К 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сборник воспоминаний и научных статей. СПб., 2007. С. 129–143.
- Колоницкий Б.И. К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Олега Николаевича Знаменского. СПб., 1999. С. 72–86.
- Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
- Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007.
- Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный. СПб. – М., 2003.

Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского Национального союза. М., 2001.

Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 15–334.

Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.

Крупина Т.Д. Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 58–75.

Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской: путь русского либерала. М., 2008.

Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и императорский двор накануне падения монархии // Из глубины времен. Вып. 11. СПб., 1999. С. 21–109.

Куликов С.В. Дело Б.М. Ржевского // Из глубины времен. 2012. Вып. 14. С. 4–40.

Куликов С.В. Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная` 4: Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. 2000 г. СПб., 2000. С. 269–318.

Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917) // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 42–57.

Куликов С.В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX века: сравнительный анализ // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в истории России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей. Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. С. 11–109.

Куликов С.В. Николай II и его министры в годы Первой мировой войны: механизмы назначения и увольнения // Личность и власть в истории России

XIX–XX вв. Материалы научной конференции. Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 1997. С. 149–155.

Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917) // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997. С. 3–22.

Куликов С.В. Правительственный либерализм начала XX века как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы. (Материалы международной конференции.) Сборник эссе. СПб., 2001. С. 75–111.

Куликов С.В. Практика пополнения назначенной части Государственного совета (1906–1917) // 1917 год и российский парламентаризм (сборник материалов научной конференции). СПб., 1998. С. 15–19.

Куликов С.В. Совет министров и Прогрессивный блок во время падения монархии // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти: источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 280–299.

Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. Вып. 5. СПб., 1995. С. 3–46.

Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 г. // Российская история. 2012. № 1. С. 69–90.

Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Россия в XIX–XX веках. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. Под ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 257–263.

Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012.

Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.

- Лаверычев В.Я. Из истории государственного регулирования военной экономики России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 211–226.
- Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917). М., 1972.
- Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.). Могилев, 2006.
- Лейберов И.П. На штурм самодержавия: петроградский пролетариат в годы I мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М., 1979.
- Леднева И.В. Либеральная оппозиция в III Государственной думе: 1907–1912 гг. Дис. ... к.и.н. СПб., 2002.
- Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 29–48.
- Леонова Л.С. «Я не могу уйти в одну науку...» (Общественно-политические взгляды В.И. Вернадского). СПб., 2000.
- Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.
- Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма: историко-документальное издание. СПб., 2003.
- Лукиянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001.
- Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 2010.
- Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях I мировой войны. М., 1957.
- Макаров С.В. Совет министров Российской империи. 1857–1917. Государственно-правовые проблемы. СПб., 2000.
- Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Миллюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001.
- Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в 1914–1917 гг. В 3 ч. М., 1920–1923.

- Мейси Д. Земельная политика и политические перемены: феномен Столыпина // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 3–18.
- Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006.
- Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961.
- Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 г.). М., 2003.
- Меницкий И.В. Революционное движение военных годов (1914–1917). Очерки и материалы. М., 1925. Т. 1.
- Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.
- Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927.
- Минц И.И. Россия в первой мировой войне. Вторая буржуазно-демократическая революция. М., 1946.
- Мичурин А.Н. Деятельность «прогрессивных» групп в Государственном совете в 1915–1917 гг. Дис. ... к.и.н. СПб., 1997.
- Мичурин А.Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.
- Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914). М., 1997.
- На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. СПб. – Кишинев, 2001.
- Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. I. СПб., 1992.
- Николаев А.Б., Поливанов О.А. Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 57–66.
- Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. Б.м., 1990.
- Никонов В.А. Крушение России. М., 2011.
- Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.
- Оськин М.В. Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 года: поиск выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 53–66.

- Очерки по истории Октябрьской революции. Под ред. М.Н. Покровского М.-Л., 1927.
- П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция. М., 2012.
- П.Н. Милюков: Историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции, Москва, 26–27 мая 1999 г. М., 2000.
- Пайпс Р. Русская революция. В 2 т. М., 1994. Т. 1.
- Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2. М., 2001.
- Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. Сб. ст. и мат. Под ред. Ю.А. Писарева и В.Л. Малькова. М., 1994.
- Первая мировая война. Пролог XX века. Сб. ст. М., 1998.
- Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000.
- Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002.
- Петрова Д.В. IV Государственная дума. Историко-правовое исследование // Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 1969.
- Поликарпов В.В. Антимонопольная политика самодержавия в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 20–32.
- Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008.
- Поликарпов В.В. Русская военно-промышленная политика. 1914-1917. М., 2015.
- Политическая история России первой четверти XX века. Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006.
- Политические партии России: 1907–1917 гг. (количественный анализ). Сост. Н.Д. Постников. М., 2001.
- Полнер Т.И. Жизненный путь кн. Г.Е. Львова. Париж, 1932.
- Попов А.В. Русские архивы и музеи в США // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 118–124.

- Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вт. пол. XIX – октябрь 1917). СПб., 2000.
- Пыжиков А.В. Питер – Москва. Схватка за Россию. М., 2014.
- Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014.
- Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006.
- Реформы или революция? Россия. 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. Под ред. Д. Гайера и др. СПб., 1992.
- Рогов В.А. Налоговое законодательство российского абсолютизма (1914–1917 гг.) // Проблемы истории абсолютизма. Сб. науч. трудов. М., 1983. С. 63–74.
- Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004.
- Розенберг В. Из истории русской печати. Прага, 1924.
- Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. ... к.и.н. М., 2003.
- Российские либералы: Сб. статей. Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001.
- Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999.
- Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999.
- Рыбка О.Ю. Государственная дума в системе власти России в начале XX века. Дис. ... д.и.н. М., 2001.
- Рысс П. Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921.
- Рябухин И.В. Запросная деятельность в Государственной думе Российской империи (1906–1917 гг.). Дисс. ... к.и.н. Барнаул, 2013.
- Сагинадзе Э.О. Образы отставного сановника: С.Ю. Витте и общественное мнение (1906–1915 гг.). Дисс. ... к.и.н. СПб., 2013.

- Санькова С.М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006.
- Сафонов М.М. Ложь и правда об отречении Николая II // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 3. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2000. С. 215–272.
- Седугин В.И. Социал-демократы и кадеты Поволжья в начале XX века, 1905 – март 1917 г. Дис. ... д.и.н. М., 1994.
- Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.
- Селезнев Ф.А. Нижегородские кадеты: региональный опыт политической партии (1905–1917). Дис. ... к.и.н. Н.-Н., 1997.
- Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996.
- Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005.
- Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.
- Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996.
- Серков А.И. История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1997.
- Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960.
- Сидоров А.Л. Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. ст., посв. 75-летию проф. С.Н. Валка. М., 1964. С. 139–149.
- Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975.
- Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998.

Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. М., 1979.

Соколов А.В. Русское политическое масонство в России в 1910–1918 гг. Персональный состав // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Год второй выпуска. Памяти В.И. Старцева. СПб., 2002. С. 251–281.

Соловьев К.А. Бюджетное право в период думской монархии // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 27–38.

Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.

Соловьев К.А. Политическая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. II. Власть. Общество. Культура. М., 2011. С. 74–160.

Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. Заговор империалистов против народов России. 1914–1917 гг. М., 1986.

Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990.

Сомов С.А. О «майском» Особом совещании // История СССР. 1973. № 3. С. 112–123.

Сомов С.А. Создание Особых совещаний и «Прогрессивный блок» (август 1915 г.) // Проблемы отечественной истории. Сборник статей аспирантов и соискателей института истории СССР. В 2 ч. М., 1973. Ч. 1. С. 283–304.

Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977.

Старцев В.И. Русские масоны XX в. // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 33–50.

Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004.

Старцев В.И. Тщетные усилия Родзянко // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 3. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2000. С. 193–201.

Степанов С.А. Черная сотня. М., 2005 [2-е изд.].

Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007.

Тимошенко А.И. Изменения в государственном механизме Российской империи в период I мировой войны. Л., 1968.

Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008.

Туманова А.С. Деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по осуществлению свободы союзов. Тамбов, 2003.

Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.

Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002.

1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция. Под ред. В.А. Корнилова. М., 1992.

1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. Под ред. П.В. Волобуева. М., 1997.

1917 год и российский парламентаризм (Сб. мат. науч. конф.). СПб., 1998.

Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012.

[Круглый стол:] Февральская революция 1917 года в российской истории // Отечественная история. 2007. № 5. С. 3–30.

Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.

Флоринский М.Ф. Верховная власть и правительство России (1907–1914) // Старцевские чтения – 2006. К 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сборник воспоминаний и научных статей. СПб., 2007. С. 95–107.

Флоринский М.Ф. Институт всеподданнейших докладов членов Российского правительства (1905–1914 гг.) // Политическая история России начала XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов / Ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. СПб., 2011. С. 80–92.

Флоринский М.Ф. К истории Совета министров России в годы первой мировой войны // ВИ России XIX – начала XX века. Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 141–152.

Флоринский М.Ф. Кабинет П.А. Столыпина и проблема единства государственного управления в 1906–1911 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1993. Серия 2. Выпуск 2. С. 29–40.

Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны. Л., 1988.

Хасс Л. Еще раз о масонстве в России в начале XX в. // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 24–35.

Хеймсон Л. Проблема политической и социальной стабильности в городской России накануне Войны и Революции: современный взгляд // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 3. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2000. С. 162–192.

Хеймсон Л. Проблема социальной стабильности в городской России. 1905–1917 гг. // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 3. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2000. С. 125–161.

Хрущов А.Г. Андрей Иванович Шингарев. Его жизнь и деятельность. М., 1918.

Цявловский М.А. Охранка в 1915 г. // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 251–287.

Черменский Е.Д. Вторая российская революция. Февраль 1917 года. М., 1986.

Черменский Е.Д. Кадеты накануне Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 35–45.

Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

- Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.
- Шевцов А.В. Издательская деятельность кадетской партии (1905 – середина 1918 г.). Дис. ... канд. филологич. наук. СПб., 1992.
- Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). Аналитический обзор. М., 2005.
- Шелохаев В.В. А.В. Тыркова // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 66–81.
- Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
- Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 130–137.
- Шелохаев В.В. Н.В. Некрасов // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 80–95.
- Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–42.
- Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1907–1914 гг. М., 1991.
- Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010.
- Шепелев Л.Е. В.В. Жуковский и С.И. Тимашев о законодательных учреждениях России (1907–1914 гг.) // Россия в XIX–XX веках. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. Под ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 232–244.
- Шепелев Л.Е. Министр торговли и промышленности С.И. Тимашев и его «Записки» // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 131–152.
- Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.
- Юрий М.Ф. Буржуазные общественные организации в период I мировой войны 1914–1918 гг. (ВЗС, ВСГ, ЦВПК). Дис. ... д.и.н. Черновцы, 1990.
- Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1993.
- Armstrong J.A. Old-Regime Administrative Elites: Prelude of Modernization in France, Prussia and Russia // International Review of Administrative Sciences. 1972. V. 38. № 1. P. 21–40.

Ascher A. P.A. Stolypin. The Search of Stability in the Late Imperial Russia. Stanford, 2001.

Birth E. Die Oktobristen (1905–1913). Zielvorstellungen und Struktur. Stuttgart, 1974.

Burbank J. Russian Peasants go to court: Legal culture in the countryside, 1905–1917. Bloomington, 2004.

Christian D. Imperial and Soviet Russia: Power, privilege and challenge of modernity. N.Y., 1997.

Conroy M.S. Peter Arkad`evich Stolypin. Practical Politics in the Late Tsarist Russia. Colorado, 1976.

Dahlmann D. Die Provinz wahl: Russlands Konstitutionell-demokratische Partei und die Dumawahlen, 1906–1912. Koln, 1996.

Daly J.W. The Watchful State. Security Police and Opposition in Russia. 1906–1917. DeKalb, 2004.

Dunn W. Public Policy Analysis: An Introduction. Englewood Cliffs, 1994.

Edelman R. Gentry Politics at the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party. 1907–1917. New Brunswick, 1980.

Emerging Democracy in the Late Imperial Russia. Case studies of local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the tsarist government, and the State Council before and during World War I. Niwot, 1998.

Emmons T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge, 1983.

Essays on Russian Liberalism. Ed. by Ch. Timberlike. N.Y., 1972.

Fainsod M. Bureaucracy and Modernization: The Russian and Soviet Case // Bureaucracy and political development / Ed. by J. LaPalombara. Princeton, 1963. Pp. 233–267.

Fallows T. Politics and the War Effort in Russia: The Union of Zemstvos and the Organization of the Food Supply, 1914–1916 // Slav. Rev. 1978. V. 37. № 1.

Freeman H. Evaluation: A Systematic Approach. Newbury Park; L.; N. Dehli, 1993.

Froehlich K. The Emergence of Russian constitutionalism, 1900–1904. The Relationship Between Social Mobilization and Political Group Formation in Pre-Revolutionary Russia. The Hague; Boston; London, 1981.

Gatrell P. Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914. The last argument of tsarism. Cambridge, 1994.

Gatrell P. Russia's First World War. A Social and Economic History. Harlow, Pearson, 2005.

Geyer D. Russian Imperialism. The Interaction of domestic and foreign policy. 1860–1914. L., 1987.

Gleason W.E. The All-Russian Union of Towns and the Politics of Urban Reform in Tsarist Russia // *Rus. Rev.* 1976. V. 35. # 3.

Gleason W.E. The All-Russian Union of Zemstvos and World War I // *The Zemstvo in Russia.* Cambridge, 1982.

Greicus E. Efforts of the Progressive bloc to influence the conduct of the War in Russia, 1915–1917. Tulane University, PhD, 1969.

Imperial Russia. 1700–1917. State – Society – Opposition. Essays in honor of Marc Raeff. Ed. by E. Mendelsohn and M.S. Shatz. DeKalb, 1988.

Ingold F.P. Der grosse Bruch Russland in Epochenjahr 1913. Kultur. Gesellschaft. Politik. Muenchen, 2000.

Hagen M. Die Entraltung Politischer Oeffentlichkeit in Russland, 1906–1914. Wiesbaden, 1982.

Haimson L.H. Russia's Revolution Experience, 1905–1917. Two essays. N.Y., 2005.

Hamm M.F. Liberal Politics in Wartime Russia: An Analysis of Progressive Bloc // *Slav. Rev.* 1974. V. 33. № 3.

Hamm M. The Progressive bloc or Russia's Fourth State Duma. Indiana University, PhD, 1971.

Harcave S. Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia. A Biography. N.Y.; L., 2004.

Hosking G.A. *The Russian constitutional experiment. Government and Duma, 1907–1914.* Cambridge, 1973.

Howlett M., Ramesh M. *Studing Public Policy, Policy Cycles und Subsystems.* Toronto; N. Y.; Oxford, 1995.

Kassow S.D. *Students, Professors and the State in Tsarist Russia.* Berceley; L.A.; L., 1989.

Kochan L. *Russia in Revolution. 1890–1918.* L., 1966.

Korros A.S. *A Reluctant parliament. Stolypin, nationalism and the politics of the Russian imperial State Council, 1906–1911.* N.Y.; Oxford, 2003.

Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in honor of R.B. McKean. N.Y., 2005.

Lieven D. *Russia`s Rulers under the Old Regime.* N. Haven & London, 1989.

Lohr E. *Nationalization the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during First World War.* Cambridge; London, 2003.

Manning R.T. *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government.* Princeton, 1982.

Marchand R. *Les grand problemes de la politique intérieure russe.* London, 1912.

McCaffray. *The Politics of Industrialization in tsarist Russia. The Association of Southern Coal and Steel Producers, 1874–1914.* DeKalb, 1996.

McDaniel T. *Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia.* Berceley; L.A.; L., 1988.

McDonald D. *Autocracy, bureaucracy and change in the formation of Russia`s foreign policy, 1895–1914.* Ann Arbor, 1988.

McKean R.B. *Between the revolutions: Russia 1905 to 1917.* L., 1990.

McKean R. *St.Petersburg Between the Revolutions. Workers and Revolutionaries, June 1907 – February 1917.* New Haven and London, 1990.

McReynolds L. *The news under Russia`s Old Regime. The Development of a Mass-circulation press.* Princeton, 1991.

Modernization and Revolution. Dilemma of Progress in late imperial Russia. N.Y., 1992.

Mosse W.E. Russian Bureaucracy at the End of the Ancient Regime: The Imperial State Council, 1897–1915 // *Slavic Review*. Vol. 39, # 4 (December 1980). Pp. 616–632.

Owen T.C. *The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A study in Tsarist economic polity*. Cambridge, 2002.

Patton C., Sawicki D. *Basic Methods of Policy Analysis and Planning*. Englewood Cliffs, 1986.

Pearson R. *The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism. 1914–1917*. L., 1977.

Pinchuk B. *The Oktobrists in the Third Duma, 1907–1912*. Seattle; L., 1974.

Reform in modern Russian history: Progress or cycle? Ed. by Th. Taranovsky. Cambridge, 1995.

Regime and Society in Twentieth-Century Russia. L., 1999.

Reinterpreting Revolutionary Russia. Ed. by I.D. Thatcher. Basingstoke, 2006.

Rieber A. *Bureaucratic politics in Imperial Russia // Social science history*. – Pittsburgh, 1978. Vol. 2, № 4.

Riha T. *Russian European: Paul Miliukov and the Russian Politics*. N.Y., 1969.

Rogger H. *Russia in the Age of modernization and revolution, 1881–1917*. L., 1995.

Rosenberg W.G. *Liberals in the Russian Revolution*. Princeton, 1974.

Rossi P., Freeman H. *Evaluation: A Systematic Approach*. Newbury Park; L.; N. Dehli, 1993.

Rowney D.K. *Transition to technocracy: The structural origins of the Soviet administrative state*. Ithaca, 1989.

Russia in the European context 1789–1914: A member of the family. N.Y., 2005.

Russian Modernity. Politics, Knowledge, Practices. Ed. by D.L. Hoffmann and Y. Kotsonis. N.Y., 2000.

Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Ed. by W.M. Rintner and D.K. Rowney. Chapell Hill, 1980.

Ryavec K.W. Russian bureaucracy: power and pathology. Boulder, 2003.

Sanborn J.A. Drafting the Russian Nation. Military conscription, Total War and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, 2003.

Siegelbaum L. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: The Study of War-Industries Committees. N.Y., 1983.

Stockdale M.K. Paul Miliukov and the quest for liberal Russia, 1880–1918. Ithaca; L., 1996.

Taylor B.D. Politics and the Russian Army. Civil-military relations, 1689–2000. Cambridge, 2003.

The politics of rural Russia, 1905–1914. Bloomington; L., 1979.

The Russian Revolution: The Essential readings. L.; Toronto, 2001.

The Zemstvo in Russia: an Experiment in Local Self-Government. Cambridge, 1982.

Waldron P. Between two Revolutions: Stolypin and the politics of renewal in Russia. DeKalb, 1998.

Waldron P. The End of Imperial Russia. 1855–1917. Basingstock; N.Y., 1997.

War, Revolution and the peace in Russia: The passages of Frank Golder, 1914–1927. Stanford, 1992.

Wcislo F.W. Reforming Rural Russia: State, local society and national politics, 1855–1914. New Jersey, 1990.

Weeks T.R. Nation and the State in late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, 1996.

Weimer D., Vining A. Policy Analysis: Concepts and Practice. Englewood Cliffs, 1992.

Yaney G. Bureaucracy as culture // Slavic rev. 1982. Vol. 41. N 1.

Yaney G. The urge to mobilize. Agrarian reform in Russia, 1861–1930. DeKalb, 1982.

Zimmerman J.E. The Russian Liberal Thought, 1900–1917 // Canad.-Amer. Slav. Stud. 1980. V. 14. № 1.

8. Справочные издания

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 1–4. СПб., 1998–2004.

Газеты дореволюционной России 1703–1917. Каталог. СПб., 2007.

Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.

Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.

Кондакова И.А. Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной журнальной периодике и альманахам. 1985–1996 гг.). М., 1999.

Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия. 1797–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2005.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960.

Открытый архив – 2. Справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных изданиях в 1917–2000 гг. / Автор-составитель И.А. Кондакова. М., 2005.

П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006.

Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011.

Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.

Российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. Т. 1–4. М., 2003–2006.

Русская периодическая печать (1895–1917). Справочник. М., 1957.

Шевцов А.В. Непериодические издания русских либеральных и консервативных партий начала XX века. Библиографический указатель. СПб., 2002.

Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРР	-	Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. В 22 т. Берлин, 1922–1937 [репринт: М., 1991–1993].
Архив РАН	-	Архив Российской академии наук (г. Москва)
бар.	-	барон, баронесса
вел. кн.	-	великий князь
ВЗС	-	Всероссийский земский союз (Земсоюз)
ВИ		Вопросы истории (журнал)
ВПК	-	военно-промышленные комитеты
ВСГ	-	Всероссийский союз городов (Согор)
ГА РФ	-	Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)
ГК	-	Государственный контроль
гр.	-	граф, графиня
ГУЗЗ	-	Главное управление земледелия и землеустройства
кн.	-	князь, княгиня
МВД	-	Министерство внутренних дел
МЗ	-	Министерство земледелия
МИД	-	Министерство иностранных дел
МНП	-	Министерство народного просвещения
МПС	-	Министерство путей сообщения
МТП	-	Министерство торговли и промышленности
МФ	-	Министерство финансов
НИОР РГБ	-	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва)

ОР РНБ	- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. С.-Петербург)
ОСО	- Особое совещание по обороне
паг.	- пагинация
протопресв.	- протопресвитер
РГАДА	- Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГАЛИ	- Российский государственный архив литературы и искусства (г. Москва)
РГВИА	- Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)
РГИА	- Российский государственный исторический архив (г. С.-Петербург)
СРН	- Союз русского народа
СО	- Стенографические отчеты
свящ.	- священник
ЦВПК	- Центральный военно-промышленный комитет
ЦК	- Центральный комитет